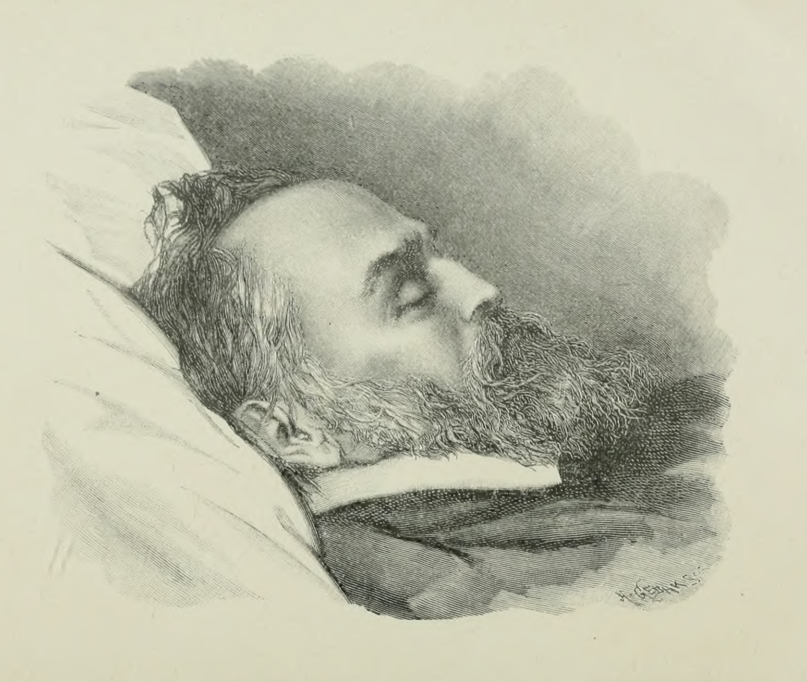

3 1761 07747570 5

А. И. Герценъ на смертномъ одрѣ.

(1870 г.).

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА.

Томъ V.

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

и

Переписка съ Н. А. Захарьиной.

ВЪ СЕМИ ТОМАХЪ.

Съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя).

Томъ V.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1905.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

Оглавленіе V-го тома.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ И КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ и КРИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Письма изъ Франціи и Италіи.

Можетъ, я не во время издаю мои старыя письма объ Италіи и Франціи.

Я издаю ихъ потому, что у меня много досугу. Русскому нечего теперь здѣсь говорить и нельзя. Война пьянитъ, кровь невинныхъ подымается багровымъ туманомъ и не позволяетъ просто смотрѣть. Скрѣпя сердце, приношу я на жертву войнѣ свободную рѣчь, которою купилъ дорогой цѣной изгнанія и потерь.

Мои брошюры, статьи въ журналѣ Прудона, мои письма къ Маццини и къ Мишле были приняты съ живымъ участіемъ радикальною прессой въ Европѣ и въ Сѣверной Америкѣ. Я сдѣлалъ опытъ продолжать ту же рѣчь въ началѣ нынѣшняго года [1]) и заслужилъ вопль негодованія, грязь неблагородныхъ обвиненій и подлыхъ намековъ. Имъ теперь не до правды; до поры, до времени надобно молчать или говорить о другомъ.

Письма эти не имѣютъ прямого отношенія къ настоящимъ событіямъ. Они остались какъ были писаны (1847—1852), я только выбросилъ нѣкоторыя подробности, скучныя теперь, но не коснулся ни до тона, ни до сущности.

Писавши эти письма подъ шумъ и громъ событій, я часто увлекался, но былъ откровененъ,—за это я ручаюсь, и потому думаю, что они не будутъ лишены для русскихъ читателей той занимательности, которую имѣли въ Германіи [2]).

Твикнемъ, 9 ноября 1854 г.

[1]) Letters to W. Linton Esq. Въ его журналѣ *the English Republic* — въ первыхъ книжкахъ 1854.

[2]) Четыре первыхъ письма были напечатаны въ „Современникѣ“ за 1847 г. подъ заглавіемъ: „Письма изъ *Avenue Marigny*“; разумѣется, что *красный призракъ* цензурныхъ чернилъ постоянно былъ у меня передъ глазами, когда я ихъ писалъ. Слѣдующія *семь* были изданы въ началѣ 1850 г. въ Гамбургѣ Гофманомъ и Кампе (*Briefe aus Italien und Frankreich v. einem Russen*). Остальныя письма не были въ печати. Мнѣ предлагали ихъ помѣстить въ журналѣ французскихъ изгнанниковъ въ Англіи, я писалъ даже объ этомъ письмо къ редактору (см. *L'Homme*, 22 февраля 1854),—но отложилъ, не желая ничѣмъ вызывать на новую полемику.

Письма эти въ расплохъ остановленныя и на скоро закрѣпленныя впечатлѣнія времени, не Богъ знаетъ какъ давно прошедшаго, но преданію о которомъ уже «вѣрится съ трудомъ». Может, поэтому они и имѣютъ для меня особую цѣну.

Въ нихъ первая встрѣча съ Европой, веселая сначала,—да и какъ же было не веселиться, вырвавшись изъ Россіи, послѣ двухъ ссылокъ и *одного* полицейскаго надзора. Веселый тонъ писемъ скоро тускнетъ, начинается зловѣщее раздумье и патологическій разборъ. Пестрыя декораціи конституціонной Франціи не на долго могли скрыть внутреннюю болѣзнь, глубоко разъѣдавшую ее. Чѣмъ пристальнѣе я всматривался, тѣмъ яснѣе видѣлъ, что Францію можетъ воскресить только коренной экономическій переворотъ—93 годъ соціализма. Но гдѣ силы на него?...... гдѣ люди?...... а пуще всего гдѣ мозгъ? Съ горькимъ сомнѣніемъ и нерѣшенными вопросами покинулъ я Францію, и сразу наткнулся въ Италіи на первые, свѣтлые дни ея пробужденія... Я шелъ отъ одной народной побѣды къ другой, я видѣлъ только восторженныя лица, ликующіе взоры,—вдругъ громовой ударъ 24 февраля. Ироническій духъ революціи снова привелъ западнаго человѣка на гору, показалъ ему республику во Франціи, баррикады въ Вѣнѣ, Италію въ Ломбардіи—и снова столкнулъ его въ тюрьму, гдѣ ему за дерзкій сонъ прибавили новый обручъ. Я слышалъ, какъ его заклепывали,—и опять письма мои, отразившія увлеченіе 1848, становятся мрачны, и этотъ мракъ растетъ и растетъ до тѣхъ поръ, пока 2 декабря 1851 года вырываетъ крикъ: Vive la mort! Когда послѣдняя надежда исчезла, когда оставалось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающіе удары, какъ послѣдствія страшныхъ событій,—вмѣсто отчаянія въ груди моей возвратилась юная вѣра тридцатыхъ годовъ, и я съ упованіемъ и любовью обернулся назадъ.

Такимъ образомъ эти письма вмѣстѣ съ книжкой, изданной мною въ Швейцаріи (Vom andern Ufern), составляютъ цѣлый циклъ моего путешествія, мою страничеcкую Одиссею. Начавши съ крика радости при переѣздѣ черезъ границу, я окончилъ моимъ духовнымъ возвращеніемъ на родину.

Вѣра въ Россію спасла меня на краю нравственной гибели.

Вѣровать теперь въ развитіе Россіи неудивительно, когда преемникъ [1]) *освобождаетъ крестьянъ.* Тогда было не такъ. Но въ самый темный часъ холодной и непривѣтной ночи, стоя середь падшаго и разваливающагося міра и вслушиваясь въ ужасы, которые дѣлались у насъ, внутренній голосъ говорилъ все громче и громче, что не все еще для насъ погибло; и я снова повторялъ

[1]) Императора Николая I. Прим. издат.

Гётевскій стихъ, который мы такъ часто повторяли юношами: «Nein es sind keine leere Traeume!

За эту вѣру въ нее, за это исцѣленіе ею, благодарю я мою родину. Увидимся ли, нѣтъ ли, но чувство любви къ ней проводитъ меня до могилы.

Пріемъ этихъ писемъ, напечатанныхъ долею въ «Современникѣ» (Письма изъ Avenue Marigny), долею въ нѣмецкомъ изданіи (Briefe aus Frankreich und Italien. Hoffmann & Campe) и потомъ по-русски въ нашей типографіи, былъ розенъ: рядомъ съ горячимъ сочувствіемъ они встрѣтили сильныхъ порицателей. Русскія возраженія и упреки сводятся на три главные пункта: зачѣмъ я, смѣясь, говорю объ Европѣ; зачѣмъ я разрушаю вѣру въ нее, зачѣмъ проповѣдую соціализмъ, который пугаетъ и до котораго *теперь* въ Россіи дѣла нѣтъ.

На два первыя замѣчанія я уже отвѣчалъ и не одинъ разъ [1], на третье скажу нѣсколько словъ.

Оно меня всего больше поражаетъ своимъ не русскимъ характеромъ; у насъ прежде не было этой хозяйственной расчетливости, этой нравственной гигіены, которая бы боялась истины, потому что до нея не дошелъ чередъ, потому что ее не выгодно говорить. Если у насъ молчали о многомъ, то это просто отъ того, что запрещали говорить. Намъ не къ лицу эта старческая воздержность, ни эта хитрая дипломатія. Мы проще, мы здоровѣе, больничная разборчивость пищи намъ нейдетъ, мы не адвокаты, не мѣщане,—зачѣмъ же намъ, какъ только опустили немного поводья, самимъ накупаться на мартингалъ и обрекать себя на діэту, предписанную худосочнымъ старикамъ?

У насъ, можетъ быть, и образуется теперь слегка либеральная, парная опозиція, она даже будетъ не безъ пользы для нравовъ, чтобъ обчистить помѣщичью грязь и кавалерійскую солому, занесенную изъ конюшенъ во всѣ жизненныя отношенія. Мы должны пройти въ нашей *школѣ исторіи* и черезъ этотъ *классъ*,— но рядомъ съ другими. Многосторонность наша великое дѣло, замѣна, выкупъ горькаго, бѣднаго пропедшаго: не будемъ же по Оригену сами себя уродовать, чтобъ не согрѣшить.

Къ тому же вопросъ соціальный совсѣмъ не такъ далекъ отъ насъ, какъ думаютъ, мы середь него. Освобожденіе крестьянъ съ землею — начало великаго экономическаго переворота, въ который Россія вступаетъ.

Экономическаго или соціальнаго? Это уже рѣшайте сами.

А я пока вамъ разскажу анекдотъ, слышанный мною отъ Н. А.

[1] Въ концѣ V письма, въ письмѣ къ Риберолю, въ «Западныхъ Арабескахъ», въ «Новыхъ варіаціяхъ на старую тему».

Полевого въ тѣ времена, когда онъ смѣялся въ «Телеграфѣ» и вовсе не плакалъ съ Парашей Сибирячкой. Какой то сидѣлецъ, начетчикъ газетъ и патріотъ, будто бы спросилъ разъ его: «Позвольте освѣдомиться, храбрый генералъ-маіоръ Кульневъ палъ на полѣ брани или на полѣ чести?»—Я не помню, что отвѣчалъ Полевой, но я бы ему очень учтиво сказалъ: «А вамъ что пріятнѣе?»—и утѣшилъ бы его, подтвердивъ его мнѣніе.

Западъ находится совсѣмъ въ другомъ положеніи относительно коренного, *экономическаго* переворота, чѣмъ мы. Наша боязнь—подражаніе, чувство заимствованное, лунное и потому неоправданное, не истинное.

Современное государственное состояніе Европы—гавань, до которой она достигла труднымъ плаваніемъ, путемъ сложнымъ, à fur et à mesure, забѣгая и отставая. Оно не представляетъ стройно выработанный бытъ, а бытъ туго сложившійся по возможностямъ; осѣдая, онъ захватилъ въ себя величайшія противурѣчія, историческія привычки и теоретическіе идеалы, обломки античныхъ капитолей, церковныхъ утварей, топоры ликторовъ, рыцарскія копья, доски временныхъ балагановъ, клочья царскихъ одеждъ и скрижали законовъ во имя свободы, равенства и братства.

Внизу *средніе вѣка* народныхъ массъ, надъ ними—вольноотпущенные горожане, еще выше—кондотьеры и философы, попы безумія и попы разума, живые представители всѣхъ варварствъ отъ герцога Альбы до Кавеньяка, и всѣхъ цивилизацій отъ Гуго Гроція до Прудона, отъ Лойолы до Бланки.

«Святый отецъ прислалъ по *электрическому телеграфу* свое благословеніе новорожденному императорскому принцу, черезъ два часа послѣ разрѣшенія императрицы французовъ».

Въ этой фразѣ изъ газетъ есть что то безумное. Подумайте объ ней, она объяснитъ лучше всякихъ коментарій то, что я хочу сказать о Западѣ.

Можетъ, въ будущемъ и наше развитіе спутается, но въ отношеніи къ *идеѣ ближняго будущаго* мы поставлены свободнѣе Запада,—воспользуемтесь этимъ. Долгія битвы и трудно доставшіяся побѣды связываютъ его, ограничиваютъ его завоеваннымъ; многое ему дорого, не смотря на то, что оно уже не въ пору. Мы ничего не побѣдили, намъ нечего отстаивать и нечего держать пограничныя крѣпости на военную ногу. У насъ все еще такъ шатко, неопредѣленно, насильственно, безъ нашего спроса, не по нашей мѣркѣ... что мы должны радоваться, если чужая одежда рвется, и свободно искать болѣе удобную, гдѣ бы она ни нашлась и въ чемъ бы она ни нашлась. Мы въ нѣкоторыхъ вопросахъ потому дальше Европы и свободнѣе ея, что такъ отстали отъ нея: чтобъ объяснить это, вотъ вамъ примѣръ. Кто не знаетъ, какой огром-

ный шагъ сдѣлали народы, перейдя въ протестантизмъ: но въ наше время нѣтъ странъ, въ которыхъ бы религіозная нетерпимость больше вошла въ нравы, была бы притѣснительнѣе и неизлечимѣе, какъ въ земляхъ протестантскихъ. Было время, когда ихъ теперешняя нравственная неволя была для нихъ освобожденіемъ, когда они за свое право скучать по воскресеньямъ и пѣть псалмы платили головой. Оттого то религія вкоренена гораздо прочнѣе и глубже въ Англіи, нежели въ Италіи.

Въ Италіи послѣ революціи 1848 дѣлали опыты противудѣйствовать папѣ какимъ то протестантизмомъ: но Саванаролы XIX столѣтія проповѣдывали въ пустынѣ. Нѣту настолько вѣры въ папу, чтобъ невѣріе въ него могло двинуть умы, нѣту настолько интереса религіознаго, чтобъ нападеніе на религію обратило вниманіе массъ. Католицизмъ вымретъ въ Романьѣ [1]) вмѣстѣ съ христіанствомъ, безъ всякого протестантизма.

Либералы — эти протестанты въ политикѣ — въ свою очередь страшнѣйшіе консерваторы, они за перемѣной хартій и конституцій, блѣднѣя, разглядѣли призракъ соціализма и перепугались: удивляться нечему, имъ тоже есть что терять, есть чего бояться. Но мы то совсѣмъ не въ этомъ положеніи, мы относимся ко всѣмъ общественнымъ вопросамъ гораздо проще и наивнѣе.

Либералы боятся потерять свободу, у насъ нѣтъ свободы; они боятся правительственнаго вмѣшательства въ дѣла промышленности,—правительство у насъ и такъ мѣшается во все; они боятся утраты личныхъ правъ, -намъ ихъ еще надобно пріобрѣтать.

Чрезвычайныя противурѣчія нашей несложившейся жизни, шаткость всѣхъ юридическихъ и государственныхъ понятій дѣлаетъ, съ одной стороны, возможнымъ крѣпостное состояніе, военныя поселенія, съ другой, обусловливаетъ легкость переворотовъ Петра I, Александра II. Человѣкъ, живущій en garni, гораздо легче переѣзжаетъ, нежели тотъ, кто обзавелся домомъ.

Европа идетъ ко дну отъ того, что не можетъ отдѣлаться отъ своего груза, въ немъ бездна драгоцѣнностей, набранныхъ въ дальнемъ опасномъ плаваніи. У насъ это—искуственный баластъ: за бортъ его,—и на всѣхъ парусахъ въ широкое море!

Мы входимъ въ исторію дѣятельно и полные силъ именно

[1]) И не въ одной Романьѣ. Я жилъ въ Піемонтѣ, въ то время какъ попы крамольничали противъ Сиккарди. Король рѣшился, наконецъ, арестовать архіерея въ Кальяри и выслать его за границу. Народонаселеніе на островѣ отсталое, боялись, что оно вступится за своего пастыря; вслѣдствіе чего министръ и послалъ двѣ, три роты берсальеровъ съ чиновникомъ, которому поручено арестовать архіерея. Но берсальерамъ пришлось всю дорогу защищать бѣднаго архипастыря отъ народнаго негодованья, отъ его насмѣшекъ, сопровождаемыхъ иной разъ каменьями.

въ то время, когда всѣ политическія партіи поблекли, стали анахронизмомъ, и всѣ указываютъ—съ упованіемъ одни, съ отчаяніемъ другіе—на приближающуюся тучу экономическаго переворота. Вотъ и мы, глядя на сосѣдей, перепугались грозы и, какъ они, не находимъ лучше средства, какъ молчать объ опасности.

Я видалъ дѣйствительно барынь, которыя во время грозы закрывали ставни, чтобъ не видѣть молніи; но не знаю, насколько это отвращаетъ удары.

Полноте бояться, успокойтесь, на нашемъ полѣ есть громотводъ—*общинное владѣніе землею.*

Путней, 1 февраля 1858.

Письмо первое.

Парижъ, 12 мая 1847 г.

Кажется, четыре мѣсяца не Богъ знаетъ что, а сколько верстъ, миль и льё проѣхалъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ вами на бѣломъ снѣгу въ Черной Грязи... да что версты! Сколько впечатлѣній, станцій, готическихъ соборовъ, новыхъ мыслей, старыхъ картинъ, дебаркадеровъ,—просто удивляешься, какъ это все можетъ помѣститься въ душѣ. Надобно признаться, для празднаго человѣка нѣтъ лучше жизни, какъ жизнь туриста: занятій тьма, все надобно видѣть, всюду успѣть,—подумаешь, что дѣло дѣлаешь: бездна заботъ, бездна хлопотъ... За то ничего не можетъ быть печальнѣе для путника, вошедшаго во вкусъ, какъ пріѣздъ въ Парижъ: ему становится неловко и страшно, онъ чувствуетъ, что пріѣхалъ, что ѣхать далѣе нѐкуда, и не бѣжитъ онъ на другой день съ коммиссіонеромъ изъ галлереи въ галлерею, усталый и озабоченный, и не осматриваетъ рѣдкостей, и не лазитъ на колонны, а скромно идетъ къ Юману заказывать платье... «dans une semaine, Monsieur, dans une semaine...» И онъ не удивляется этому отвѣту, пройдутъ не одна и не двѣ недѣли... Очень грустно!

Парижъ столичный городъ Франціи на Сенѣ.... мнѣ хотѣлось только испугать васъ: не стану описывать видѣннаго мною, я слишкомъ порядочный человѣкъ, слишкомъ учтивый человѣкъ, чтобы не знать, что Европу всѣ знаютъ, что всякій образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ, состоитъ въ подозрѣніи знанія Европы, а если ее не знаетъ, то невѣжливо ему напоминать это. Да и что сказать о предметѣ битомъ и перебитомъ,—о Европѣ?

Съ легкой руки Фонъ-Визина и особенно съ карамзинскихъ писемъ русскаго путешественника у насъ все разсказали о Европѣ въ замѣчательныхъ письмахъ русскаго офицера, сухопутнаго офицера, морского офицера, оберъ-офицера и унтеръ-офицера; нако-

нецъ, гражданскія *дѣловыя* письма его превосходительства Н. И. Греча и приходо-расходный дневникъ М. П. Погодина договорили послѣднее слово. Для того, чтобы описывать путешествія, надобно, по крайней мѣрѣ, съѣздить въ пампы Южной Америки, какъ Гумбольдтъ, или въ Вологодскую губернію, какъ Блазіусъ, спуститься осенью по Ніагарскому водопаду или весною проѣхать по костромской дорогѣ. Впрочемъ судьба путешественниковъ по Европѣ, имѣющихъ слабость писать, скоро улучшится. Теперь уже трудно и почти невозможно видѣть Европу, но черезъ нѣсколько лѣтъ она совсѣмъ изгладится изъ памяти людской, для этого собственно и учреждаются желѣзныя дороги. Европа для путешественника превратится въ нѣсколько точекъ, освѣщенныхъ фонарями, въ нѣсколько буфетовъ, украшенныхъ рюмками. Тогда новые Куки и Дюмонъ-Дюрвили выйдутъ изъ вагоновъ (еслибъ и прежній Дюмонъ-Дюрвиль вышелъ изъ вагона, не сгорѣлъ бы онъ на версальской дорогѣ) и пойдутъ во внутренность Европы и разскажутъ намъ о нравахъ и жизни людей, не на желѣзной дорогѣ живущихъ. Сколько разъ я мечталъ о томъ, когда окончатъ кёнигсбергскую дорогу,—какъ славно и полезно будетъ путешествовать! Доплелся до Кёнигсберга, сѣлъ въ вагонъ,—и не выходи пожалуй; машина свистнула и пошла постукивать: Берлинъ—4 минуты для наливки воды; Кёльнъ—3 минуты для смазки колесъ; Брюссель—5 минутъ для завоеванія буттерброда съ ветчиной; Валансьенъ—4 минуты, для того, чтобы доказать французскому правительству, что оно не умѣетъ отыскивать спрятанныхъ сигаръ; Парижъ—15 минутъ для переѣзда въ омнибусѣ изъ одного дебаркадера въ другой; Гавръ—3 минуты для перегрузки на пароходъ;... а тамъ Нью-Іоркъ и, словомъ, не успѣешь опомниться и опять въ Ситхы, въ Сибири, т. е. опять дома.

А впрочемъ бѣды большой нѣтъ, если до Рейна ничего не увидишь. Комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна,—это знали давно: двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ римляне поживали себѣ въ Майнцѣ да Кёльнѣ, а въ Гановеръ и Берлинъ не ѣздили. Въ Германіи нечего смотрѣть. Германію надобно читать, обдумывать, играть на фортепіанахъ,—и проѣзжать въ вагонахъ однимъ днемъ съ конца на конецъ. Вы помните, какъ Василій Ивановичъ съ негодованіемъ возражалъ Ивану Васильичу, что онъ не путешествуетъ, а просто ѣдетъ къ себѣ въ село Мордасы. Василій Ивановичъ тутъ, какъ вездѣ, побѣдилъ близорукаго Ивана Васильича: кто же поѣдетъ для путешествія въ село Мордасы? Германія также не годится au jour d'aujourd'hui (будущее завѣсою покрыто!) для путешествія: туристу жить въ Германіи значитъ отклонять ее отъ естественнаго назначенія, такъ какъ— ну я не знаю—такъ какъ ѣсть, напримѣръ, картину; можетъ, по-

падается и вкусная, въ которой масло еще свѣжо, все же это натяжка, и кто не предпочтетъ всякій салатъ лучшей картинѣ дюссельдорфской школы, разумѣется, если этотъ салатъ приготовляла не нѣмка.

Не могу не пріостановиться здѣсь и не вступить по поводу салата въ нѣкоторыя подробности. Лейбницъ и Гейне, Погодинъ и Шевыревъ, Гёте и Гегель и другіе великіе люди попарно и въ разбивку согласны, что германскій умъ при всей теоретической силѣ имѣетъ какую то практическую несостоятельность; что нѣмцы велики въ наукѣ и являются самыми тяжелыми и, что еще хуже, самыми тупыми, и, что всего хуже, самыми смѣшными филистерами. Должна же быть на это какая нибудь общая причина. Отчего нѣмецъ всегда наклоненъ къ золотухѣ, слезамъ и романтизму, къ платонической любви и мѣщанскому довольству? Отчего нѣмки не умѣютъ одѣваться и могутъ только жить въ двухъ средахъ,—въ надзвѣздномъ эѳирѣ или въ кухонномъ чаду? Отчего нѣмцы умѣютъ слушать Генгстенберга, Гёреса?... Оттого, и тысячу разъ оттого, что у нихъ фибринъ плохъ, рыхлъ, дряблъ... Томы писали объ этомъ, но истинная причина ускользнула отъ вниманія; она такъ близка, такъ подъ носомъ, что ее и не разглядѣли: толковали о реформаціи, о тридцатилѣтней войнѣ, о бефреюнгскригѣ, въ которомъ мы ихъ освободили отъ французовъ; все это причины второстепенныя,—общая главная причина одна: нѣмецкая кухня.

Вамъ смѣшно, вы еще настолько идеалисты, что вамъ все нужны причины безтѣлесныя, невещественныя,—а не то, что вареныя и жареныя. Полноте презирать тѣло, полноте шутить съ нимъ! оно мозолью придавитъ весь вашъ бодрый умъ и на смѣхъ гордому вашему духу докажетъ его зависимость отъ узкаго сапога.

Знаете ли вы, что такое питаніе? какъ оно важно? Грантъ въ началѣ своей сравнительной анатоміи опредѣляетъ животное удобопереносимымъ мѣшкомъ, назначеннымъ для претворенія пищи. Изъ этого вы видите (а еще болѣе изъ того, что человѣкъ безъ ума все человѣкъ, а безъ желудка не переживетъ двухъ дней), что всѣ органы—роскошь желудка, внѣшнія украшенія его, его орудія. Пора возстать противъ аристократическихъ частей тѣла, питающихся на счетъ желудка и кичащихся на его счетъ. Есть они—хорошо, нѣтъ—недурно; устрица живетъ себѣ безъ головы и безъ ногъ, а вкусна; безъ желудка же никто не живетъ, даже у растеній есть желудокъ, не совсѣмъ на мѣстѣ, но есть же. Вѣрный своему антиромантическому призванію, желудокъ у растеній углубился за землю, чтобъ растеніе не ушло къ солнцу.

Теперь позвольте васъ спросить, при всемъ германскомъ усердіи и преданности, что можетъ выработать желудокъ нѣмца

изъ прѣсно-пряно-мучнисто-сладко-травяной массы съ корицей, гвоздикой и шафраномъ, которую ѣстъ нѣмецъ? Еслибъ вы знали весь трудъ пищеваренія, вы увидѣли бы, что за отчаянную борьбу съ мукой и картофелемъ, что за мужественное противодѣйствіе душамъ изъ баварскаго пива каждый нѣмецкій желудокъ давно заслужилъ медаль для ношенія на дуоденумѣ съ надписью: pour la digestion. Гдѣ тутъ выработывать какой нибудь упругій, самобытный англійскій, или дѣятельный, безпокойный французскій фибринъ! Тутъ не до силы воли, не до расторопности, а чтобъ человѣкъ на ногахъ держался, да не совсѣмъ бы отсырѣлъ. Перемѣните нѣмецкую кухню, и вы увидите, что Арминій не даромъ спасъ въ «тейтобургской грязи» германскую народность. Такіе перевороты, разумѣется, не дѣлаются разомъ, но я вѣрю въ прогрессъ, вѣрю въ Германію..... Трудно будетъ—это правда. Когда Гегель жилъ въ Парижѣ у Кузена, то писалъ къ Гегельшѣ: здѣсь обѣдаютъ въ 6 часовъ (это его такъ поразило, какъ если бы французы ушами читали); я не могъ къ этому привыкнуть и и мнѣ готовятъ обѣдъ особо въ два часа,—что прикажете дѣлать противъ такой упорной натуры? Но—tempora mutantur: Гегель, Гёте—все это послѣдніе могикане. А когда совсѣмъ вымретъ старая «юная Германія», вы увидите, кухня не устоитъ.

Разумѣется, еслибъ германская діэта занялась діэтой Германіи и приказала бы, пока можно, отвести, ну, хоть въ Техасъ, благо онъ еще въ модѣ, всѣхъ нѣмецкихъ кухарокъ и замѣнить ихъ парижскими cordon bleu, успѣхъ былъ бы невѣроятный.

Шутить нечего этимъ: органическая химія гораздо важнѣе въ политическомъ отношеніи, нежели думаютъ. Собственно вопросъ о пролетаріатѣ—вопросъ кухонный, вопросъ соціализма—вопросъ пищеваренія.

Понимая такимъ образомъ важность питанія, скажемъ смѣло, скажемъ со всей высоты сильнаго убѣжденія: проклятіе вамъ густые супы, какъ наша весенняя грязь; прѣсные соусы, какъ драмы Бирхъ-Пфейферъ; проклятіе пяти тарелочкамъ, на которыхъ подаютъ (между вторымъ и третьимъ блюдомъ!) селедку съ вареніемъ, ветчину съ черносливомъ, колбасы съ апельсинами! проклятіе курамъ, вареннымъ съ шафраномъ, дамфнуделямъ, шарлотамъ, пудингамъ, переложеннымъ на нѣмецкіе нравы, картофелю, являющемуся во всѣхъ видахъ! проклятіе, наконецъ, корицѣ, гвоздикѣ и лавровому листу, который такъ не присталъ къ челу этихъ москательныхъ кушаній!.. Вы, Мартинъ Лютеръ и филологія, сдѣлали много вреда Германіи.

Не даромъ я сказалъ, что комфортабельная обитаемость Европы начинается съ Рейна: именно тамъ нѣмецкая кухня приближается къ *единой и нераздѣльной* кухнѣ. Нѣтъ худа безъ добра: въ не-

чальное время отъ 1793 до 1814 рейнская кухня подвергалась сильному вліянію французскихъ поваровъ, ниспровергнувшихъ во многомъ нравственно-безвкусный и семейно-прѣсный характеръ германскихъ яствъ. Двадцать одинъ годъ не шутка, много французскихъ блюдъ приняла нѣмецкая кухня на свои рейнскіе очаги и плиты, и они остались на нихъ вмѣстѣ съ наполеоновскимъ кодексомъ. Я въ Кёльнѣ пообѣдалъ первый разъ послѣ Москвы и за это его полюбилъ,—вотъ какъ потребность любви развивается, когда человѣкъ сытъ... И Рейнъ славная рѣка! глядя на нее, забываешь, что она была несчастнымъ поводомъ, конечно, прекрасной по чувствамъ и трогательной по патріотизму, но скучной и нѣсколько насмѣшливой пѣсни:

Sie sollen ihn nicht haben...

Оно, конечно, Рейнъ жаль отдать хоть кому, — посторонніе люди не умѣли никогда пройти, не остановившись передъ нимъ; представители всѣхъ эпохъ европейской жизни приходили на рейнскіе берега и осѣдали на нихъ: слѣды этихъ людей, этихъ эпохъ такъ и накопились по теченію рѣки. Пройдитесь по одному Кёльну, чего тутъ нѣтъ: несокрушимыя стѣны, тяжелыя романскія церкви, колоссальный образчикъ готическаго собора, домъ тампліеровъ, мрачныхъ воиновъ-монаховъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ феодализма и централизаціи; коллегіумъ іезуитовъ, мрачныхъ монаховъ-воиновъ, угрюмо стоящихъ на предѣлахъ папизма и реформаціи; церкви временъ возрожденія; присутственныя мѣста, устроенныя во время владычества единой и нераздѣльной республики; новыя фортификаціи, напоминающія наполеоновскую эру, и, наконецъ, лѣса около собора, свидѣтельствующія о теперешней Германіи медленнымъ производствомъ средневѣковой работы современными руками. Вездѣ воспоминанія, вездѣ легенды: взгляните на верхъ: изъ четвертаго этажа выглядываютъ двѣ лошадиныя головы изъ бѣлаго мрамора—тутъ было чудо; взгляните внизъ: вотъ мѣсто, гдѣ Христосъ явился нѣсколько столѣтій тому назадъ молившемуся отроку и взялъ у него яблоко.

Много жилъ этотъ край! много жила вообще Европа. Десятки столѣтій выглядываютъ изъ-за каждаго обтесаннаго камня, изъ-за каждаго ограниченнаго сужденія; за плечами европейца виденъ длинный преемственный рядъ величавыхъ лицъ, въ родѣ процессіи царственныхъ тѣней въ Макбетѣ.

Чего и чего не было на Рейнѣ между тѣмъ временемъ, когда Карлъ Великій на закатѣ своихъ дней сиживалъ на извѣстномъ ахенскомъ стулѣ, и тѣмъ, когда на томъ же стулѣ отдыхала послѣ прогулки женщина съ огненными глазами, смуглая креолка-императрица французовъ? А прежде? А съ тѣхъ поръ? Сѣдые, по-

чернѣлые памятники даютъ Европѣ слишкомъ аристократическую физіономію, оскорбительную для того, кто не имѣетъ столько блестящихъ предковъ и столько великихъ преданій. Иногда какъ-то не по себѣ нашему брату, скиѳу, среди этихъ наслѣдственныхъ богатствъ и завѣщанныхъ развалинъ: странно положеніе чужого въ семейной залѣ, гдѣ каждый портретъ, каждая вещь дороги потомкамъ, но чужды ему; онъ смотритъ съ любопытствомъ тамъ, гдѣ свои вспоминаютъ съ любовью: ему надобно разсказать то, что тѣ знаютъ съ колыбели.

А съ другой стороны, развѣ родина нашей мысли, нашего образованія не здѣсь? развѣ пріучивая насъ къ Европѣ, Петръ I не упрочилъ намъ права наслѣдія? развѣ мы не взяли ихъ сами, усвоивая ея вопросы, ея скорби, ея страданія вмѣстѣ съ ея нажитымъ опытомъ и съ ея нажитой мудростью? Мы не съ пергаментомъ въ рукѣ являемся доказывать наши права;... да мы ихъ и не доказываемъ, потому что они неотъемлемы: завоеванное сознаніемъ законно завоевано, его не исторгнешь никакимъ безуміемъ. Былое наше бѣдно: мы не хотимъ выдумывать геральдическихъ сказокъ, у насъ мало своихъ воспоминаній, — что за бѣда, когда воспоминанія Европы, ея былое, сдѣлались нашимъ былымъ и нашимъ прошедшимъ. Да, сверхъ того, европеецъ подъ вліяніемъ своего прошедшаго не можетъ отъ него отдѣлаться. Для него современность — крыша много-этажнаго дома, для насъ да для Сѣверной Америки — высокая терраса, фундаментъ; его чердакъ нашъ rez de chaussée. Мы съ этого конца начинаемъ. Какъ не вспомнить опять:

Dich stört nicht im Innern
Zu lebendiger Zeit
Unnützes Erinnern
Und vergeblicher Streit!

...И вотъ у меня въ головѣ не Кёльнъ, не его соборъ, а длинный рядъ избъ да хрустящій снѣгъ... Мы выѣзжали изъ Россіи зимою снѣжной, холодной, съ коротенькими днями и со всѣми неудобствами зимняго ухабистаго пути, который выдаютъ за дарованную намъ природой желѣзную дорогу; небольшой почтовый трактъ, по которому мы ѣхали, соединяетъ два шоссе и идетъ частію по Псковской губерніи, частію по Лифляндской: этотъ путь сообщенія бѣденъ; двѣ сосѣдственныя полосы не пришли черезъ него къ одному уровню и каждая осталась при всѣхъ особенностяхъ, какъ будто между ними тысячи верстъ. Ни по одной дорогѣ нельзя встрѣтить такую рѣзкую перемѣну, какъ переѣзжая отъ псковитянъ къ остзейцамъ. Псковской крестьянинъ дичѣе подмосковныхъ: онъ кажется не попалъ ни правой, ни лѣвой ногой на тотъ путь, который ведетъ отъ патріархальности къ гражданскому развитію, путь, который называютъ прогрессомъ, вос-

питаніемъ, разсказъ о которомъ называютъ исторіей. Онъ живетъ возлѣ полуразвалившихся бойницъ и ничего не знаетъ о нихъ: сомнѣваюсь, слыхалъ ли онъ объ осадѣ Пскова... Событія послѣднихъ полутора вѣковъ прошли надъ его головою, не возбудивши даже любопытства. Поколѣнія черезъ два-три мужичекъ перестроиваетъ свои бревенчатыя избы, безслѣдно гніющія, старѣетъ въ нихъ, передаетъ свой лугъ въ руки сына, внука, полежитъ годъ, два, три на теплой печи, потомъ незамѣтно переходитъ въ мерзлую землю: иногда вспомянутъ его дѣти или внучата гречневыми блинами въ родительскую субботу; при новой ревизіи его имя исключатъ изъ числа живыхъ, потомъ и внуки посѣдѣютъ, и, не будь рекрутской повинности, они бы такъ же, какъ предки ихъ, ничего не знали о томъ, что дѣлается въ Питерѣ, въ Россіи.

А развѣ жизнь *привязанныхъ* къ землѣ крестьянъ во всей Европѣ не такъ же проходила и исчезала, изнуренная работой, безслѣдно и невесело? развѣ они не выработывали матеріальныхъ условій для исторической жизни другихъ сословій? Оно не совсѣмъ такъ, но если и такъ, то не забудемъ, что другія-то сословія жили. Когда вы въ Гентѣ останавливаетесь передъ ратушей, когда смотрите на этотъ *бефруа*, сзывавшій такъ часто своими колоколами гражданъ, вы понимаете, вы чувствуете, что̀ за муниципальная жизнь кипѣла тутъ, и понимаете, что ей были необходимы и этотъ домъ, поражающій величіемъ и поэзіей постройки, и эта башня, и эти соборы, и эти рынки съ фронтонами, и что даже амбаръ, гдѣ приставали рыбаки, по праву украсился барельефами: такія декораціи шли къ внутреннему содержанію. Таковы рыцарскіе замки, эти соколиныя гнѣзда на скалахъ и горахъ. Рыцарская жизнь — жизнь вампира внизъ, была пышна, страстна, благородна вверхъ. Но кому выработывалъ жизнь нашъ мужичекъ? гдѣ у насъ память другой жизни? Какъ жили помѣщики до-петровскаго времени—кто ихъ знаетъ? для этого надобно рыться въ архивахъ, это вопросъ антикварской. Господскіе домы сгнили, какъ избы, и исчезли вмѣстѣ съ памятью строителей; имѣнья переходили изъ рукъ въ руки, дробились, составлялись случайно, ненужно; помѣщики пили, ѣли, спали послѣ обѣда, парились, держали дворню и псарню...

Городская жизнь не восходитъ далѣе Петра, она вовсе не продолженіе прежней: отъ былого остались только имена. Жизнь современнаго Новгорода, Владиміра, Твери началась съ утвержденія провинцій, съ введенія коллегіальнаго порядка и опредѣленія штата чиновниковъ. Если что-нибудь осталось прежняго, такъ это у купцовъ: они по праву могутъ назваться представителями городской жизни до-петровскихъ временъ и, пока они сохранятъ хоть блѣдную тѣнь прежнихъ нравовъ, реформа Петра будетъ опра-

вдана; лучшаго обвинителя старому быту не нужно. Воспоминанія помѣщиковъ, ихъ легенды примыкаютъ къ царствованію Екатерины II, къ великимъ событіямъ 1812 года; о прежней жизни они ничего не знаютъ: ихъ настоящая жизнь однообразна, скучна, они какъ будто краснѣютъ отъ нея и хранятъ въ памяти и любятъ разсказывать свои поѣздки въ Москву и Петербургъ и военную службу въ молодыхъ лѣтахъ.

Жизнь, которая не оставляетъ прочныхъ слѣдовъ, стирается при всякомъ шагѣ впередъ и упорно пребываетъ въ одномъ и томъ же положеніи.

На Востокѣ, напримѣръ, мѣняются только лица, поколѣнія: настоящій бытъ — сотое повтореніе одной и той же темы съ маленькими варіаціями, приносимыми случайностью: урожаемъ, голодомъ, моромъ, падежомъ, характеромъ шаха и его сатраповъ. У такой жизни нѣтъ выжитаго, keine Erlebnisse; бытъ азіатскихъ народовъ можетъ быть очень занимателенъ, но исторія — скучна. Мы имѣли противъ Азіи великій шагъ впередъ: возможность, понявши свое положеніе, отречься отъ него; невозможность влачить скучную жизнь кошихинскихъ временъ, — и кто, гдѣ такъ отрекался, какъ мы? Въ неполнотѣ, въ бѣдности, въ неудовлетворительности прошедшаго и въ темномъ сознаніи силъ, которыхъ некуда было дѣвать,—вотъ гдѣ надобно искать легкость, съ которой по великой командѣ Петра I: «На европейскую дорогу, маршъ!»— Русь пошла своими подвижными частями и такъ рѣзко отдѣлилась въ пятьдесятъ лѣтъ отъ прежняго быта, что ей несравненно было бы труднѣе при Екатеринѣ II возвращаться къ оставленнымъ нравамъ, нежели догонять европейскіе. Сколько ни декламировали о нашей подражательности, она вся сводится на готовность принять и усвоить формы, вовсе не теряя своего характера, усвоить ихъ потому, что въ нихъ шире, лучше, удобнѣе можетъ развиваться все то, что бродитъ въ умѣ и въ душѣ, что толчется тамъ и требуетъ выхода, обнаруженія.

Еслибъ хотѣли хорошенько всматриваться въ событія, скорѣе могли бы обвинить Русь петровскую въ нашемъ себѣ на умѣ, которое готово обриться, переодѣться, но выдержать себя и въ этой перемѣнѣ. Развѣ вельможи Екатерины оттого, что они пріобрѣли все изящество, всю утонченность версальскихъ формъ (до чего никогда не могли дойти нѣмецкіе *гранды*), не остались по всему русскими барами, со всею удалью національнаго характера, съ его недостатками и съ его разметистостью? Въ нихъ иностраннаго ничего не было, кромѣ выработанной формы, и они овладѣли этой формой en maître. Развѣ дѣти ихъ, герои 1812, не были русскіе, вполнѣ русскіе? Кто будетъ возражать,—тому я пальцемъ покажу черезъ улицу Elysée Bourbon, гдѣ жилъ императоръ Александръ.

А вѣдь вся эта екатерининская эпоха, о которой вспоминали, покачивая головой, дѣды наши, и все время Александра, о которомъ вспоминали, покачивая головой, наши отцы, принадлежатъ «къ иностранному періоду», какъ говорятъ славянофилы, считающіе все общечеловѣческое иностраннымъ, все образованное чужеземнымъ. Они не понимаютъ, что новая Русь—была Русь же, они не понимаютъ, что съ петровскаго разрыва на двѣ Руси начинается наша настоящая исторія: при многомъ скорбномъ этого разъединенія, отсюда—все, что у насъ есть: смѣлое государственное развитіе, выступленіе на сцену Руси, какъ политической личности, и выступленіе русскихъ личностей въ народѣ; русская мысль пріучается высказываться, является литература, является разномысліе, тревожатъ вопросы, народная поэзія выростаетъ изъ пѣсней Кирши Данилова въ Пушкина... Наконецъ, самое сознаніе разрыва идетъ изъ той же возбужденности мысли; близость съ Европой ободряетъ, развиваетъ вѣру въ нашу національность, вѣру въ то, что народъ отставшій, за котораго мы отбываемъ теперь историческую тягу и котораго миновали и наша скорбь и наше благо, что онъ не только выступитъ изъ своего древняго быта, но встрѣтится съ нами, перешагнувши петровскій періодъ. Исторія этого народа въ будущемъ; онъ доказалъ свою способность тѣмъ меньшинствомъ, которое истинно пошло по указаніямъ Петра,—онъ нами это доказалъ!..

И одного часа ѣзды достаточно, чтобъ очутиться совсѣмъ въ другомъ мірѣ, въ мірѣ прошедшаго, въ мірѣ утратъ, воспоминаній, вдовства. Все перемѣняется, какъ декорація въ театрѣ. Мѣста становятся гористы, дорога извилиста, не тѣ виды, не тѣ ландшафты, къ которымъ мы привыкли, съ ихъ луговою далью, съ стелющимися полями, съ синей полосой у небосклона, которая провожаетъ васъ десять верстъ, пока все небо почернѣетъ... Къ станціонному дому трудно подъѣхать отъ крутизны, на которой онъ стоитъ. Passagierstube вымыта, вычищена, столъ покрытъ толстой, но чрезвычайно бѣлой скатертью; въ яркомъ, какъ солдатская пуговица, мѣдномъ шандалѣ стоитъ бѣлая свѣча, на окнахъ тощіе цвѣты, полъ посыпанъ пескомъ. Чистота и опрятность свидѣтельствуютъ о длинной цивилизаціи: человѣку надобно долго и много жить, чтобъ любить чистое бѣлье и свѣтлую комнату. Черезъ минуту вошелъ старичекъ съ добродушнымъ видомъ, исключительно свойственнымъ нѣмцамъ, въ сѣромъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами; называя меня при каждомъ словѣ то Herr Baron, то Herr Freiherr, то Hochwohlgeboren, онъ очень учтиво совѣтовалъ подождать разсвѣта, основываясь на начинающейся мятели и на опасныхъ обвалахъ, возлѣ которыхъ надобно было ѣхать.

Я вышелъ въ сѣни, страшный вѣтеръ свистѣлъ между голыми

сучьями деревьевъ, изрѣдка немного и на минуту выглядывалъ мѣсяцъ и освѣщалъ полуразвалившуюся башню совсѣмъ развалившагося замка; на крошечныхъ санкахъ бѣлокурый нѣмецъ съ длинными усами и бичемъ въ рукѣ, въ венгеркѣ, опушенной мѣхомъ, съ ружьемъ за плечами, промелькнулъ и исчезъ на узенькой дорогѣ; лошадь его была безъ дуги и звенѣла десяткомъ маленькихъ колокольчиковъ; лягавая собака бѣжала за нимъ, обнюхивая мерзлыя кочки. На воротахъ сарая былъ прибитъ орелъ съ развернутыми крыльями. Все это дышало чѣмъ-то средневѣковымъ. Въ Лифляндіи нѣтъ нашихъ деревень, а есть хутора у подножія замковъ; въ хуторахъ этихъ живетъ племя жалкое, забитое, бѣдное средствами, бѣдное способностями и чуждое ритерамъ, разбросавшимъ нѣкогда ихъ лачуги и не позволявшимъ имъ селиться деревнями.

Остзейцы сложились, замкнулись, остались при выработанномъ и впередъ не идутъ. У насъ во всемъ — неопредѣленность, у нихъ — мѣра: мы не установились, мы ищемъ, они остановились, они утратили. Мы внутри смѣемся надъ внѣшними формами и безъ угрызенія совѣсти переступаемъ ихъ, у нихъ форма прежде всего, выше всего: мы грудью рвемся къ новому, они грудью стоятъ за старое. Мы имѣемъ передъ ними преимущество свѣжихъ силъ и упованій, они имѣютъ преимущество выработанныхъ и прочныхъ правилъ: мы способны, они воспитаны; первоначальный гражданскій катехизисъ знакомъ имъ, какъ всякому европейцу, у насъ tabula rasa въ этомъ отношеніи. Намъ съ ними скука смертная, потому что мы не можемъ войти въ ихъ мѣстные интересы. У нихъ человѣкъ, проживающій двѣ трети дохода, — мотъ, мы называемъ скупымъ того, который не проживаетъ вдвое болѣе своего дохода [1]). Но вспомнимъ, однако, что какъ псковскіе мужики неполные представители Руси, такъ и Лифляндія неполная представительница Европы. Лифляндія представляетъ одинъ элементъ европейской жизни и только одинъ. Европу въ первый разъ встрѣчаетъ русскій путникъ въ Кёнигсбергѣ: это не только памятникъ прошлой жизни, но жилой домъ для современности, здѣсь памятники и воспоминанія идутъ, обнявшись съ юной жизнію. Славный городокъ, онъ оставилъ въ моей памяти самое милое, свѣтлое впечатлѣніе.

Я пріѣхалъ въ Кёнигсбергъ усталый отъ дороги, отъ заботъ, отъ многаго: выспавшись въ пуховой пропасти, я на другой день пошелъ посмотрѣть городъ; на дворѣ былъ теплый зимній день, солнце свѣтило, съ крышъ капалъ талый снѣгъ, и я вдругъ по-

[1]) Я изъ этого мѣста сдѣлалъ въ 1853 г. предисловіе къ новому изданію: Du développement des idées révolutionnaires en Russie.

молодѣлъ, точно нѣсколько лѣтъ съ костей долой; мнѣ показалось, что всѣ встрѣчные смотрятъ весело и прямо въ глаза, и я сталъ смотрѣть весело и прямо въ глаза, потомъ отправился за table d'hôte и за бутылкой разсказывалъ, какъ изъ Тильзита скверно везли и какая дорога гадкая. И кельнеръ тутъ, и нѣмцы слушаютъ... Пускай себѣ, мнѣ что за дѣло! зачѣмъ дурно возять!.. Развѣ я не могу имѣть своего мнѣнія? Noch eine Flasche, Kellner!..

...До того заболтался, что не помню, на чемъ мы остановились и къ чему слѣдуетъ теперь возвратиться... Да, къ другому берегу Рейна. Ну, по ту сторону Рейна какъ-то привольнѣе, красивѣе; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ тамъ было хорошо Вездѣ скучно, будьте увѣрены. А если вамъ будетъ нескучно гдѣнибудь, такъ я васъ поздравляю отъ души, вы полны мудрости, которой не достаетъ во мнѣ и во многихъ другихъ. Странное дѣло, отъ испареній подземныхъ что ли, или отъ вліянія планетъ, но какая-то давящая тоска провожаетъ современнаго человѣка отъ Чукотскаго Носа до Финистерре, даже такого человѣка, который всегда смѣется. Эта болѣзнь особенно развилась во время трехъ іюньскихъ дней и трехъ-мѣсячной холеры. Разумѣется, разныя скуки вь разныхъ мѣстахъ; но основа, по которой снуетъ челнокъ нашей жизни (это выраженіе я счелъ бы самъ натянутымъ, еслибъ не зналъ, навѣрное, что оно краденное, именно у Гёте), скучна, тягостна на разные лады. Въ Парижѣ—весело-скучно, въ Лондонѣ—безопасно-скучно, въ Римѣ—величаво-скучно, въ Мадридѣ—душная скука, въ Вѣнѣ—скука душная. Что тутъ прикажете дѣлать! Видно, образованный человѣкъ можетъ только не скучать между дикими людьми и ручными звѣрями въ Африкѣ и въ Jardin des Plantes: тамъ люди похожи на обезьянъ, здѣсь обезьяны похожи на людей. Вотъ время какое пришло!

Письмо второе.

Парижъ, 3 іюня 1847 г.

Въ прошломъ письмѣ мы говорили о томъ, что въ нашемъ вѣкѣ скука страшная; нынче я прибавлю къ обвиненію нашего вѣка, что не только въ немъ скучно, но что ни о чемъ, ни о скучномъ, ни о веселомъ, говорить нельзя, — Богъ знаетъ куда утянетъ. Всѣ понятія перепутались, сплелись, зацѣпили другъ друга, связались круговой порукой безъ всякаго уваженія къ полицейскимъ и схоластическимъ раздѣленіямъ, къ пограничнымъ правиламъ школьно-таможеннаго благоустройства.

Слѣдствія этой запутанности самыя плачевныя: все что прежде знали хорошо и ясно, знаютъ скверно и смутно, людскія званія

и сословія, звѣриные признаки и отличія царствъ природы — все перемѣшали, вездѣ потеряны предѣлы.

Прежде могло ли это быть? Все было легко. «Есть междучелюстная кость?» — Есть — «скотъ»; нѣтъ — «человѣкъ». «Есть душа»? — Есть — «человѣкъ»; нѣтъ — «скотъ». Были признаки нѣсколько щекотливые, но вѣрные въ отношеніи къ прекрасному полу животныхъ и людей. Все ниспровергнули вмѣстѣ съ незыблемыми авторитетами, благочестивымъ послушаніемъ и послушнымъ благочестіемъ! Какое, кажется, дѣло было Гёте, поэту и консерватору, найти междучелюстную кость у человѣка, а нашелъ. Другіе ученые, жившіе въ большой близости съ орангъ-утангами и жоко, нашли у нихъ признаки, отрицаемые прежней наукой, — и разболтали... Весь этотъ безпорядокъ произошелъ отъ нѣмецкихъ теорій и французскихъ практикъ: онѣ подняли всѣ дрожжи со дна общественнаго быта и со дна сознанія человѣческаго: все и пошло бродить, міръ очутился hors des gonds. Возьмешь предметъ и не знаешь потомъ, откуда и какъ начать.

Мнѣ захотѣлось, напримѣръ, сказать нѣсколько словъ о здѣшнихъ театрахъ. Кажется, дѣло простое. Въ прежнее время, не говоря худаго слова, я началъ бы съ того, что въ Парижѣ театровъ двадцать три, что Терпсихора цвѣтетъ тамъ-то, но что истинные поклонники Таліи тамъ-то, хотя великая жрица Мельпомены увлекаетъ туда-то, — и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. А теперь, чтобъ сказать со смысломъ пять словъ о Фредерикѣ Леметрѣ и Левассерѣ, мнѣ нужно начать чуть не съ Фредерика Барбароссы, и по-крайней-мѣрѣ съ того Левассера, который сидѣлъ въ конвентѣ.

Нельзя понять парижскихъ театровъ, не пустившись въ глубокомысленныя разсужденія à la Сіесъ о томъ, ce que c'est que le tiers-état? Вы идете сегодня въ одинъ театръ, — спектакль неудачный (то есть неудачный выборъ пьесъ, играютъ здѣсь вездѣ хорошо): вы идете на другой день въ другой театръ, — та-же бѣда; тоже въ десятый день, въ двадцатый. Только изрѣдка мелькнетъ изящный водевиль, милая шутка или старикъ Корнель со старикомъ Расиномъ величаво пройдутъ, опираясь на молодую Рашель и свидѣтельствуя въ пользу своего времени. Между тѣмъ театры полны, длинные «хвосты» тянутся съ пяти часовъ у входа. Стало, парижане поглупѣли, потеряли вкусъ и образованіе: заключеніе основательное, пріятное и которое, я увѣренъ, многимъ очень понравится: остается узнать, такъ-ли на самомъ дѣлѣ, остается узнать, весь-ли Парижъ выражаютъ театры, и какой Парижъ. — Парижъ, стоящій за *цензъ*, или Парижъ, стоящій за *цензомъ*: это различіе первой важности.

— Знаете-ли, что всего болѣе меня удивило въ Парижѣ? — «Иподромъ? Гизо?» — Нѣтъ! — «Елисейскія поля? депутаты?» — Нѣтъ! — Работники, швеи, даже слуги, — всѣ эти люди толпы до такой

степени въ Парижѣ избаловались, что не были бы ни-на-что похожи, еслибъ дѣйствительно не походили на порядочныхъ людей. Здѣсь трудно найти слугу, который бы вѣровалъ въ свое призваніе, слугу безотвѣтнаго и безвыходнаго, для котораго высшая роскошь сонъ и высшая нравственность ваши капризы, слугу, который бы «не разсуждалъ.» Если вы желаете имѣть слугу иностранца, берите нѣмца: нѣмцы охотники служить; берите, пожалуй, англичанина: англичане привыкли къ службѣ, давайте имъ денегъ и будете довольны: но француза не совѣтую брать. Французъ тоже любитъ деньги до лихорадочнаго, судорожнаго стремленія ихъ пріобрѣсти, и онъ совершенно правъ: безъ денегъ въ Парижѣ можно меньше жить, нежели гдѣ нибудь, безъ денегъ вообще нѣтъ свободнаго человѣка, развѣ въ Австраліи. Пора бы перестать разглагольствовать о корыстолюбіи бѣдныхъ, пора простить, что голоднымъ хочется ѣсть, что бѣднякъ работаетъ изъ-за денегъ, изъ-за «презрѣннаго металла.» Вы не любите денегъ? Однакожъ—сознайтесь немножко—деньги хорошая вещь; я ихъ очень люблю. Дѣло совсѣмъ не въ ненависти къ деньгамъ, а въ томъ, что порядочный человѣкъ не подчиняетъ всего имъ, что у него въ груди не все продажное. Французъ-слуга будетъ неутомимъ, станетъ работать за троихъ, но не продастъ ни всѣхъ удовольствій своихъ, ни нѣкотораго комфорта въ жизни, ни права разсуждать, ни своего point d'honneur; дѣлайте требованія, онъ будетъ исполнять, но не дѣлайте грубости: впрочемъ здѣсь никто не грубитъ съ прислугой. Портье не потянетъ шнура по грубому крику: cordon! ему непремѣнно надобно: s'il vous plait; до полиціи доходили подобныя дѣла, и полиція, вмѣнивъ въ обязанность дворникамъ отпирать цѣлую ночь дверь, присовокупила совѣтъ: шнурокъ требовать учтиво. О суетные галлы!

Французъ-слуга, милый въ своемъ отсутствіи логики, хочетъ служить какъ человѣкъ (т. е. въ прямомъ значеніи, у насъ въ словѣ человѣкъ заключается каламбуръ, но я говорю серьезно). Онъ не обманываетъ васъ своею привязанностію, а съ беззаботной откровенностью говоритъ, что онъ служитъ изъ денегъ и что, будь у него другія средства, онъ бы васъ покинулъ завтра; у него до того душа суха и полна эгоизма, что онъ не можетъ продаться съ любовью незнакомому человѣку франковъ за пятьдесятъ въ мѣсяцъ. Здѣшніе слуги расторопны до невѣроятности и учтивы какъ маркизы; эта самая учтивость можетъ показаться оскорбительною, ея тонъ ставитъ васъ на одну доску съ ними; они вѣжливы, но не любятъ ни стоять на вытяжкѣ, ни вскочить съ испугомъ, когда вы идете мимо, а вѣдь это своего рода грубость. Иногда они бываютъ очень забавны: поваръ, занимающійся у меня, смотритъ за буфетомъ, подаетъ кушанье, убираетъ комнаты, чиститъ платье, —

стало не лѣнивъ, какъ видите: но по вечерамъ отъ 8 часовъ и до 10 читаетъ журналы въ ближнемъ café, и это conditio sine qua non.

Журналы составляютъ необходимость парижанина. Сколько разъ я съ улыбкой смотрѣлъ на оторопѣлый взглядъ ново-пріѣзжаго помѣщика, когда garçon, подавши ему блюдо, торопливо хваталъ листъ журнала и садился читать въ той-же залѣ.

Слуги впрочемъ еще не составляютъ типа парижскаго пролетарія: ихъ типъ это ouvrier, работникъ: въ слуги идетъ бездарнѣйшая, худшая часть населенія. Порядочный работникъ, если не имѣетъ внѣшнихъ формъ слуги, то по развитію и выше, и нравственнѣе.

«Избалованность», о которой мы говорили, одно изъ послѣдствій прошлаго переворота: на него мало обращали вниманія, потому что оно вертится около кухни и передней, а оно не лишено важности. Большая часть парижскихъ слугъ и работниковъ—дѣти и внучата солдатъ «великой арміи», дѣти и внучата угомонившихся крикуновъ предмѣстій св. Антонія и Марсо, состарившихся трибуновъ des sections. Не смотря на отеческія старанія іезуитовъ и вообще духовныхъ во время реставраціи воспитать юное поколѣніе въ духѣ смиренія и глубокаго невѣдѣнія своего прошедшаго, это было невозможно. Напрасно издавали они для школъ книжки, въ которыхъ говорили о фельдмаршалѣ войскъ Людовика XVIII Буонопарте и кроткомъ царствованіи Людовика XVII, перенесшаго столицу и дворъ въ Кобленцъ по случаю чуть-ли не передѣлки половъ въ Тюльери. Дѣды, отцы и матери—матери, всемогущія въ дѣлѣ воспитанія во Франціи, — совращали постоянно юное поколѣніе съ скромной тропинки, по которой вели его признанные учители, т. е. les frères ignorantins, своими *умѣренными* правилами, почерпнутыми изъ скромнаго «Друга народа,» почтеннаго «отца Дюшена» и смиреннаго «стараго Кордельe»: вмѣсто доказательствъ присовокуплялись разсказы. Такое воспитаніе должно было сдѣлать новое поколѣніе состарившихся gamins de Paris грубыми, дерзкими, наглыми, неправда-ли? А вышло совсѣмъ на оборотъ: молодое поколѣніе гуманно, вѣжливо, даже нѣжно, вообще мягко до тѣхъ поръ, пока не затронуто. Что за уваженіе къ женщинѣ, что за трогательное вниманіе къ дѣтямъ!

Есть бѣдные, маленькіе балы, куда по воскресеньямъ ходятъ за десять су работники, ихъ жены, прачки, служанки: нѣсколько фонарей освѣщають небольшую залу и садикъ: тамъ танцуютъ подъ звуки двухъ-трехъ скрипокъ. Это не знаменитый Mabile и не Ranelagh, не канканной памяти «хижина», гдѣ освѣщенье, деревья, трава все пропитано сладострастіемъ, гдѣ пульсъ бьется какъ-то не по-людски, и гдѣ шалость иногда бы зашла далеко, еслибъ.. не угрызенія совѣсти, думаете вы?... нѣтъ, еслибъ не

рука муниципала, готовая ежеминутно схватить за воротъ.. На этихъ бѣдныхъ балахъ все идетъ благопристойно; поношенныя блузы, полинялыя платья изъ холстинки почувствовали, что тутъ канканъ не на мѣстѣ, что онъ оскорбитъ бѣдность, отдастъ ее на позоръ, отниметъ послѣднее уваженіе, и они танцуютъ весело, но скромно, и правительство не поставило муниципала, въ надеждѣ на деликатность учениковъ слесарей и сапожниковъ.

Въ праздникъ на Елисейскихъ поляхъ ребенокъ тянется увидѣть комедію на открытомъ воздухѣ, но какъ-же ему видѣть изъ-за толпы?... Не безпокойтесь, какой-нибудь блузникъ посадитъ его себѣ на плечо; устанетъ—передастъ другому, тотъ третьему, и малютка, переходя съ рукъ на руки, преспокойно досмотритъ удивительное представленіе взятія Константины съ пальбой и пожаромъ, съ какимъ-то алжирскимъ деемъ, котораго тамбуръ-мажоръ водитъ на веревкѣ.—Дѣти играютъ на тротуарѣ, и сотни прохожихъ обойдутъ ихъ, чтобъ имъ не помѣшать. На дняхъ мальчикъ лѣтъ девяти несъ по улицѣ Helder мѣшокъ размѣнянной серебряной монеты: мѣшокъ прорвался и деньги разсыпались; мальчикъ разревѣлся, но въ одну минуту блузники составили около денегъ кругъ, другіе бросились подбирать, подобрали, сосчитали (деньги были всѣ на лицо), завернули и отдали мальчику.

Это все Парижъ, за цензомъ стоящій.

Но не таковъ *буржуа*, *пропріетеръ*, *лавочникъ*, *рантье* и весь Парижъ, за цензъ стоящій. А этотъ-то Парижъ и выражается театромъ и въ этомъ онъ дѣлитъ судьбу своего товарища du Palais Bourbon—Камеры. Театры держатся тѣми, кто платитъ наибольше; расходы на двадцать три театра страшные; кто-же покрываетъ ихъ, да еще съ избыткомъ (министръ внутреннихъ дѣлъ въ прошедшемъ году продалъ въ пользу «Эпохи» привиллегію на театръ за 100,000 франковъ)? Конечно все это выкупается, не дюжиною иностранцевъ: богатая буржуазія платитъ за все, и театръ всего болѣе выражаетъ потребности, интересы мѣщанства. А развѣ прежде это было не такъ, т. е. когда прежде? Нѣкогда театръ былъ аристократиченъ, потомъ безцвѣтенъ и оффиціаленъ, какъ все литературное, во время Наполеона. Во время реставраціи онъ сталъ склоняться къ буржуазіи, но буржуазія была тогда національнѣе, она была зла, остра, умна, считала себя обиженною и не выступала такъ толсто и тупо-рельефно на первый планъ, какъ теперь.

Буржуазія явилась на сценѣ самымъ блестящимъ образомъ въ лицѣ хитраго, увертливаго шипучаго какъ шампанское, цирюльника и дворецкаго, словомъ въ лицѣ Фигаро; а теперь она на сценѣ въ видѣ чувствительнаго фабриканта, покровителя бѣдныхъ и защитника притѣсненныхъ. Во время Бомарше, Фигаро былъ *внѣ закона*, въ наше время Фигаро *законодатель*: тогда онъ былъ

бѣденъ, униженъ, стягивалъ по немногу съ барскаго стола и оттого сочувствовалъ голоду и въ смѣхѣ его скрывалось много злобы: теперь его Богъ благословилъ всѣми дарами земными, онъ обрюзгъ, отяжелѣлъ, ненавидитъ голодныхъ и не вѣритъ въ бѣдность, называя ее лѣнью и бродяжничествомъ. У обоихъ Фигаро общее собственно одно лакейство, но изъ-подъ ливреи Фигаро-стараго видѣнъ человѣкъ, а изъ-подъ чернаго фрака Фигаро-новаго проглядываетъ ливрея, и, что хуже всего, онъ не можетъ сбросить ее, какъ его предшественникъ, она приросла къ нему такъ, что ее нельзя снять безъ его кожи. У насъ это сословіе не такъ на виду; въ Германіи оно одно и есть съ прибавкою теологовъ и ученыхъ, но какъ-то смиренно, мелко и изъ рукъ вонъ смѣшно; здѣсь оно дерзко и высокомѣрно, корчитъ аристократовъ, филантроповъ и людей правительственныхъ.

Вспомните всѣхъ Бриколеней, Галюше и др. въ романахъ Ж. Санда вотъ буржуа. Впрочемъ, позвольте, справедливость прежде всего: Ж. Сандъ выставляетъ дурную сторону буржуазіи: добрые буржуа читаютъ ея романы со скрежетомъ зубовъ и запрещаютъ ихъ брать въ руки своимъ мѣщаночкамъ... въ сторону ее! Я рекомендую лучшій источникъ, патентованный, breveté de par la bourgeoise Скриба. Скрибъ—геній, писатель буржуазіи, онъ ее любитъ, онъ любимъ ею, онъ подладился къ ея понятіямъ и ея вкусамъ такъ, что самъ потерялъ всѣ другіе; Скрибъ царедворецъ, ласкатель, проповѣдникъ, гаеръ, учитель, шутъ и поэтъ буржуазіи. Буржуа плачутъ въ театрѣ, тронутые собственной добродѣтелью, живописанной Скрибомъ, тронутые конторскимъ героизмомъ и поэзіей прилавка. Они узнаютъ себя и свои идеалы въ скрибовскихъ герояхъ, они улыбаются себѣ въ нихъ, перемигиваются съ ними,—словомъ, признаютъ ихъ столько, сколько отвергаютъ портреты Ж. Сандъ. Ну, если послѣ этого скрибовскіе герои отвратительнѣе, тупѣе, мелче всѣхъ Бриколеней и Галюше вмѣстѣ, то нельзя не сознаться, что для буржуазіи *не на мѣстѣ* быть *казовымъ* концомъ Франціи.

Буржуазія не имѣетъ великаго прошедшаго и никакой будущности. Она была минутно хороша, какъ отрицаніе, какъ переходъ, какъ противуположность, какъ отстаиваніе себя. Ея силъ стало на борьбу и на побѣду; но сладить съ побѣдою она не могла: не такъ воспитана. Дворянство имѣло свою общественную религію: правилами политической экономіи нельзя замѣнить догматы патріотизма, преданія мужества, святыню чести: есть, правда, религія, противоположная феодализму, но буржуа поставленъ между этими двумя религіями.

Наслѣдникъ блестящаго дворянства и грубаго плебеизма, буржуа соединилъ въ себѣ самые рѣзкіе недостатки обоихъ, утра-

тивъ достоинства ихъ. Онъ богатъ какъ вельможа, но скупъ какъ лавочникъ. Онъ вольноотпущенный. Французское дворянство погибло величественно и прекрасно: оно какъ могучій гладіаторъ, видя неминуемую смерть, хотѣло пасть со славою; памятникъ этого героизма—4 августа 1789 г.: что ни толкуй, а въ добровольномъ отреченіи отъ феодальныхъ правъ есть много величественнаго.

Въ то время вы уже встрѣчаете во Франціи классъ людей, который при общей потерѣ пріобрѣтаетъ: дворянство лишается правъ,—они усугубляютъ свои; народъ умираетъ съ голоду,—они сыты; народъ вооружается и идетъ громить враговъ,—они выгодно поставляютъ сукна, провіантъ. Народъ завоевываетъ всю Европу, по всей Европѣ течетъ рѣками его кровь,—они пользуются континентальной системой. Во время ужасовъ второго террора, terreur blanche, какъ говорятъ французы, буржуа дѣлается избирателемъ и депутатомъ, и тутъ, какъ мы сказали, начинается его вторая lune de miel, лучшее время его жизни послѣ Jeu de pommes. Но осторожныхъ правилъ своихъ Фигаро не оставилъ: его начали обижать,—онъ подбилъ чернь вступиться за себя и ждалъ за угломъ, чѣмъ все это кончится; чернь побѣдила,—и Фигаро выгналъ ее въ три шеи съ площади и поставилъ національную гвардію съ полиціей у всѣхъ дверей, чтобъ не впускать сволочь. Добыча досталась ему, и Фигаро сталъ аристократомъ—графъ Фигаро-Альмавива, канцлеръ Фигаро, герцогъ Фигаро, перъ Фигаро. А религіи общественной все нѣтъ; она была, если хотите, у ихъ прадѣдовъ, у непреклонныхъ и настойчивыхъ горожанъ и легистовъ, но она потухла, когда миновала въ ней историческая необходимость. Буржуа это знаютъ очень хорошо; чтобъ помочь горю, они выдумали себѣ нравственность, основанную на арифметикѣ, на силѣ денегъ, на любви къ порядку. Одинъ лавочникъ разсказывалъ, что онъ во время Барбесовскаго дѣла лишь только услышалъ, что что-то есть, взялъ свое ружье и цѣлый день ходилъ возлѣ дома. «Да съ которой же стороны вы были?» спросилъ его одинъ молодой человѣкъ. О, я не мѣшаюсь въ политику, отвѣчалъ онъ: мнѣ все равно, лишь бы общественный порядокъ былъ сохраненъ; я защищалъ порядокъ.

Недаромъ Ж. П. Рихтеръ смѣется надъ тѣми людьми, которые изъ любви къ порядку десять разъ кладутъ вещь на одно и то же мѣсто, ни разу не давши себѣ отчета, почему эта вещь должна лежать именно на томъ мѣстѣ. Любовь къ порядку и самосохраненіе много способствовали къ тому, чтобъ буржуазія изъ класса неопредѣленнаго перешла въ замкнутое сословіе, которому границы—электоральный цензъ внизъ и баронъ Ротшильдъ вверхъ. Малѣйшіе изгибы этого сословія изучилъ Скрибъ и на все далъ отвѣтъ.

Онъ наругался надъ мечтами юноши, чувствующаго художественное призваніе, и окружилъ его уваженіемъ и счастіемъ, когда онъ сдѣлался честнымъ конторщикомъ: онъ къ землѣ преклонилъ голову бѣднаго и отдалъ его во власть хозяина, котораго воспѣлъ за то, что онъ любилъ, чтобъ работникъ повеселился въ воскресный день. Онъ даже вора умѣлъ поднять за то, что онъ, разбогатѣвши, даетъ кусокъ хлѣба сыну того, котораго ограбилъ,—и такъ это ловко представилъ, что хочется пожурить сына за то, что его отецъ былъ неостороженъ и плохо деньги берегъ. Казалось бы, воровство—страшнѣйшее изъ всѣхъ преступленій въ глазахъ буржуазіи;... но Скрибъ и тутъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло: воръ уже негоціантъ, умѣнье нажиться и хорошо вести свой домъ смываетъ всѣ пятна. А какъ позорно всякой разъ наказывается у Скриба женщина за капризъ, за минуту увлеченія, даже за шалость! Какъ она всякой разъ одурачена, осмѣяна, и какъ мужъ торжествуетъ, исправляетъ, прощаетъ! Буржуа—деспотъ въ семьѣ, тиранъ дѣтей, тиранъ жены. Не судите о положеніи француженки по bal de l'Opéra, по амазонкамъ булонскаго лѣса, по гризеткамъ, играющимъ на бильярдѣ въ Люксенбургскомъ саду, по жительницамъ квартала Notre-Dame de Lorette;... или лучше судите по этимъ живымъ, беззаботнымъ, веселымъ, полькирующимъ, смѣющимся образцамъ,—какая потребность веселья, игры, шутки, блеска, наслажденій въ француженкѣ! Ей надобно проститься со всѣмъ этимъ, идучи къ меру съ своимъ женихомъ. Для того, чтобъ принимать участіе въ веселостяхъ, ей надобно отказаться быть женой.

Въ Парижѣ, какъ нѣкогда въ Аѳинахъ, а потомъ въ Италіи, почти нѣтъ выбора между двумя крайностями—или быть куртизанкой, или скучать и гибнуть въ пошлости и безвыходныхъ хлопотахъ. Вы помните, что рѣчь идетъ о буржуазіи; сказанное мною не будетъ вѣрно относительно аристократіи, но вѣдь ея почти нѣтъ.

Кто наряжается, веселится, танцуетъ?—La femme entretenue, двусмысленная репутація, актриса, любовница студента.... Я не говорю о несчастныхъ жертвахъ «общественнаго темперамента,» какъ ихъ назвалъ Прудонъ: тѣ мало наслаждаются, имъ недосугъ. Вмѣстѣ съ бракомъ француженка средняго состоянія лишается всей атмосферы, окружающей женщину любовью, улыбкой, вниманіемъ. Мужъ возитъ ее въ дребезжащей *ситадинѣ* на тощей клячѣ въ Pére Lachaise, или, пользуясь дешевизной, отъѣдетъ по желѣзной дорогѣ станцію, свозитъ въ Версаль, когда «бьютъ фонтаны,» да раза два-три въ театръ,—вотъ ей на годъ и довольно. За эту жизнь современную буржуазію прославили семейно-счастливой, нравственной. Но такой почетной репутаціи мало для буржуазіи, она имѣетъ сильное поползновеніе аристократничать, хотя

терпѣть не можетъ аристократовъ, потому что боится ихъ превосходства въ формахъ: слону смерть хочется иной разъ пробѣжать газелью,—да гдѣ же научиться? — А Скрибъ на что? Скрибъ надѣваетъ на себя ливрею швейцара и отворяетъ двери въ аристократическія залы временъ регенства и Людовика XV: но хитрый царедворецъ умѣлъ вездѣ выказать суетность обитателей этихъ залъ рококо, передъ *вальяжностью* зрителей: вы лучше, говоритъ онъ имъ, этихъ пустыхъ людей, у нихъ была только манера, ce quelque chose.—«Отчего-же и намъ не имѣть ce quelque chose?» думаетъ слонъ-газель и весело тащитъ изъ ложи свой животъ и, улыбаясь, ложится спать. Онъ же вѣдь лучше!

Страсть къ шуткѣ, къ веселости, къ каламбуру составляетъ одинъ изъ существенныхъ и прекрасныхъ элементовъ французскаго характера: ей отвѣчаетъ на сценѣ водевиль. Водевиль такое-же народное произведеніе французовъ, какъ трансцендентальный идеализмъ нѣмцевъ.

Но вы знаете пристрастіе людей не совсѣмъ воспитанныхъ ко всему неприличному: для нихъ только сальное остро, только циническое смѣшно. Буржуа, строгій блюститель нравовъ у себя въ домѣ, любитъ отпустить полновѣсную шутку, заставить покраснѣть двусмысленнымъ намекомъ дѣвушку; онъ и дальше идетъ—онъ любитъ и поволочиться, вообще любитъ развратикъ втихомолку, такой развратикъ, который не можетъ никогда его поставить лицомъ къ лицу съ его обличенной совѣстью въ треугольной шляпѣ, называемой полицейскимъ служителемъ: онъ развратенъ включительно до статей кодекса о дурномъ поведеніи гражданъ. На сценѣ все это отразилось, какъ слѣдовало ожидать: водевиль (изъ десяти девять) принялъ въ основу не легкую веселость, не искрящуюся остротами шутку, а сальные намеки. Такъ, какъ въ классическихъ трагедіяхъ, боясь потрясти нервы, убивали за сценой, такъ во многихъ пьесахъ новой школы, васъ заставляютъ предполагать за кулисами...... не убійство, нѣтъ,— совсѣмъ противоположное. Терпѣть не могу пуританской строгости, люблю смотрѣть и на свирѣпый канканъ, и на отчаянную польку; но, воля ваша, есть нѣчто грустное и оскорбительное въ зрѣлищѣ двадцати залъ, въ которыхъ набились биткомъ люди съ шести часовъ вечера для того, чтобъ до двѣнадцати восхищаться глупыми пьесами, сальными фарсами, и это всякій вечеръ. Пристрастіе къ двусмысленностямъ и непристойностямъ испортило великія сценическія дарованія: художники, увлекаемые громомъ рукоплесканій (на которыя здѣсь очень скупы), такъ избаловались, что они каждому слову, каждому движенію умѣютъ придать нѣчто..... нѣчто кантаридное. Ни Дежазе, ни Левассёръ не изъяты этого недостатка.

Было время, когда острая и сметливая публика умѣла ловко поднять всякой политическій намекъ, всякую смѣлую мысль; это было во время беранжеровскихъ пѣсенъ и памфлетовъ Курье: нынче она охладѣла къ идеямъ, къ «словамъ;» да и къ тому-же хорошо было фрондерствовать во время реставраціи, а теперь мы сами стали консерваторами и боимся слишкомъ задѣвать политику.

За то, что касается героизма, до высокой отваги,—буржуа безпримѣренъ: не даромъ онъ съ себя снялъ историческій мундиръ *той* національной гвардіи—*первой*. Людовику Филиппу стало жаль мундиръ, который онъ нашивалъ въ грозную годину: онъ разрѣшилъ другимъ носить тунику и кепи, а самъ остался по прежнему въ старомъ мундирѣ Надобно видѣть, что дѣлается, когда въ оперѣ поютъ «L'Anglais ne régnera»: вопль, шумъ, трескъ: буржуа, внѣ себя отъ патріотизма, кричитъ: «ne régnera! ne régnera!» и смотритъ съ гордымъ видомъ на какого-нибудь секретаря лорда Норменби, который, не двигаясь ни однимъ мускуломъ, какъ гибралтарская скала, сидитъ въ ложѣ, въ бѣломъ галстухѣ изъ крашеной стали и съ одной венозной кровью въ лицѣ. Пріѣзжій изъ-далека могъ бы подумать, что война между Англіей и Франціей во всемъ разгарѣ, что англійскій флотъ сталъ на якорѣ въ Булонскомъ лѣсу, и что Маѳусаилъ-Велингтонъ дерется съ Маѳусаиломъ-Сультомъ въ Батиньоляхъ, – а это еще, entente cordiale!

Послѣ этого введенія можно бы поговорить о театрѣ, но отчего-же не поговорить о немъ въ слѣдующемъ письмѣ?...

P. S. Перечитывая письмо, мнѣ захотѣлось прибавить еще нѣсколько словъ о прислугѣ. О тягости, несправедливости, взаимномъ стѣсненіи и взаимномъ развратѣ, происходящемъ отъ лакейства, говорятъ давно; но, не будучи дикимъ или Жанъ Жакомъ, какъ-же обойтись безъ частной прислуги? Въ Парижѣ частная прислуга со всякимъ днемъ становится менѣе нужною. Люди ограниченнаго состоянія не имѣютъ своихъ слугъ—и живутъ очень удобно. Необходимость дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ, то, о чемъ убѣжденіе краснорѣчиво разглагольствуетъ. Всѣ мы—страшные теоретики, а на приложенія смотримъ свысока, мы носимся на воздушномъ шарѣ по воскресеньямъ, а въ будни наша жизнь течетъ себѣ и утекаетъ по грязной и глинистой почвѣ.

Приложеніе вовсе нелегко, оно-то и трудно. Въ теоріи можно понять всякую истину, всякую мысль, а на практикѣ не устроишь свой домашній бытъ. Нравственные перевороты тогда совершаются дѣйствительно, когда они дѣлаются истиной около очага, когда они становятся поведеніемъ, образомъ дѣйствія, привычкой, если

хотите. Вотъ почему я придаю чрезвычайную важность тому, что здѣсь устроилась, осуществилась возможность до нѣкоторой степени обходиться безъ частной прислуги... Но какъ же и чѣмъ замѣняется эта третья рука, этотъ соподчиненный членъ, дѣлающій для васъ все, что вамъ не хочется для себя дѣлать? Я вамъ сейчасъ разскажу.

Парижскія квартиры чрезвычайно удобны, въ какую цѣну ни возьмите отъ 1,000 фр. въ мѣсяцъ до 500 въ годъ. Вездѣ зеркала, занавѣски, мебель, посуда, мраморный каминъ, столовые часы, кровати съ пологомъ, ковры, туалеты,—вездѣ завоеваны у самаго небольшаго пространства всѣ его возможности и на все наброшено это нѣчто, ce fion, придающее маленькимъ комнатамъ свѣтлый, веселый видъ: въ каждой комнатѣ виситъ непремѣнно шнурокъ. До него-то я и добираюсь. Шнурокъ идетъ въ ложу консьержа или портье. Портье и вся семья его вѣчно готовы къ услугамъ постояльцевъ: въ большихъ домахъ у нихъ есть помощники. Портье чиститъ вамъ платье и сапоги, портье натираетъ парке, обтираетъ пыль, моетъ окна, портье ходитъ за табакомъ, за виномъ, за бифстекомъ и котлетами; портье получаетъ ваши письма, въ его ложу бросаютъ ваши журналы, ему отдаютъ визитныя карточки; портье освѣщаетъ лѣстницу въ началѣ вечера и запираетъ наружную дверь, портье отпираетъ ее, въ какое бы время вы ни пришли, у него горитъ свѣча, вы берете свой ключъ, зажигаете ночникъ и идете спокойно, зная, что васъ не ждутъ. Какъ портье успѣваетъ? Это труднѣе сказать, нежели—какъ Пинети дѣлалъ изъ мыши пятакъ и изъ пятака птицу: я не знаю, какъ, гдѣ онъ спитъ, когда отдыхаетъ—это тайна; дѣло въ томъ, что онъ съ своей семьей или съ помощникомъ такъ ловко улаживаетъ свою службу, что онъ вездѣ, и притомъ ложа никогда пуста не бываетъ. Но не опасно-ли ему отдать ключъ, можно-ли положиться на него?—Какъ на каменную стѣну! Да отчего-же это? Причины есть. Во-первыхъ, пропріетеръ или общій наемщикъ съ большой осторожностью нанимаетъ портье, а во-вторыхъ, онъ въ большомъ домѣ, въ центрѣ Парижа получитъ въ годъ отъ двухъ до двухъ съ половиною тысячъ франковъ [1]). На него можно положиться, потому что онъ не нищій; само собою разумѣется, онъ имѣетъ свои счеты и съ винопродавцемъ и съ мелочнымъ торговцемъ, имѣетъ свой revenent bon, какъ мистры имѣютъ свой.

Утромъ, прежде нежели вы проснулись (я предполагаю, что вы нормальный человѣкъ и слѣдственно просыпаетесь во-время, т. е.

[1] Полагая въ домѣ 25 наемщиковъ, мы можемъ считать 5, которые ему платятъ по 10 фр. въ мѣсяцъ, 15 по 5, 5 по 2 ф. 50 с.; сверхъ того, онъ получаетъ что-нибудь отъ пропріетера.

никакъ не ранѣе 8 часовъ), платье ваше готово, вода принесена (особымъ водоносомъ): стоитъ одѣться и итти въ café, который въ двухъ шагахъ, читать журналы. Но вы не любите, можетъ быть, (такъ, какъ я) рано выходить изъ дому: это отъ васъ зависитъ, только за лѣнь съ васъ надобно взять 20 фр. въ мѣсяцъ лишняго, и въ назначенный часъ garçon de café принесетъ вамъ кофейникъ и дѣвочка изъ ближняго литературнаго бюро десятокъ журналовъ. Теперь къ обѣду. Дома готовить кушанье дорого, гораздо дороже, нежели ходить въ лучшій ресторанъ; за два франка вы будете сыты вездѣ, прибавьте франкъ,—и васъ жажда томить не будетъ, вамъ дадутъ поль-бутылки медока (возможнаго). Прибавьте еще франкъ, все это принесутъ на домъ. Шутка, 5 франковъ! Ну, а денегъ нѣтъ, такъ ходите за общій столъ и обѣдайте за 2 фр. и даже за 1 фр. 50 сан. съ виномъ. Держать своихъ лошадей нелѣпо: превосходные voitur de remise и прескромные *ситадины* и кабріолеты къ вашимъ услугамъ; цѣна назначена. Пріѣхали на балъ, въ театръ, мальчикъ отворяетъ карету и кладетъ подъ ноги доску, если грязно, за одинъ су. Шинель ваша или пальто отдается при входѣ за пять су: на что-же вамъ лакей? А кто же приведетъ карету? Здѣсь нѣтъ жандармовъ, громко взывающихъ и повторяющихъ вашу фамилію: такой-же мальчикъ въ блузѣ за су отыщетъ карету. Когда-же крайность въ частной прислугѣ? Вы всегда можете за дѣломъ позвать портье, затопить-ли каминъ, бросить-ли письмо въ ящикъ: но разумѣется, онъ померъ бы со смѣху или разразился бы ругательствами, еслибъ вы его позвали на пятой этажъ за тѣмъ, чтобъ онъ набилъ вамъ трубку или подалъ платокъ изъ другой комнаты: да въ этомъ-то и состоитъ нравственная выгода образованной жизни, что она отучаетъ отъ дикихъ привычекъ. Женатому горничная также не нужна: жена портье, его дочь, сестра будетъ и одѣвать, и раздѣвать, и шнуровать, и сплетничать, словомъ, дѣлать все необходимое. Дѣти требуютъ кухарку или повара, за ними нужна нянька: но нѣтъ необходимости ихъ не отдавать въ пансіонъ: для большинства дѣтей, разумѣется, лучше, чтобъ они были въ пансіонахъ, нежели свидѣтелями всего, что дѣлается подъ родительскимъ кровомъ.

Изъ этого вы видите, что безъ частной прислуги обойтись можно... Вообразите теперь спокойствіе такой жизни; она становится мужественнѣе, чище: вообразите удовольствіе, приносимое отсутствіемъ лишняго человѣка, чуждаго, посторонняго, безстрастнаго свидѣтеля всѣхъ вашихъ дѣлъ.

Постскриптумъ мой я бы посвятилъ М. П. Погодину, такъ много въ немъ франковъ и сантимовъ: но вѣдь я со стороны дороговизны, я радъ ей, я со стороны: payez, Messieurs, si vous êtes assez riches, а утопія М. П. жизнь безсеребренная, т. е. не тратя-

щая серебра; онъ не навидитъ алчность *ближняго* къ деньгамъ, онъ и дальнему Лондону загнулъ: «Мароа, Мароа, печешеся о мнозе!»

Письмо третье.

Парижъ, іюня 20, 1847 г.

Если я васъ огорчилъ въ прошломъ письмѣ моими замѣчаніями о парижскихъ театрахъ, то постараюсь нѣсколько утѣшить теперь. На дворѣ идетъ мелкій дождь, мокрый солдатъ въ красныхъ панталонахъ, съ прекислой рожей, прижался къ будочкѣ у стѣны Elysée Bourbon, и на сердцѣ что-то тяжело,—самыя счастливыя условія для критики доброй, все видящей въ розовомъ свѣтѣ.

Само собою разумѣется, что не все же пошло на парижскихъ сценахъ, какъ васъ увѣряетъ второе письмо; я рѣшительно не согласенъ со вторымъ письмомъ. Въ семьѣ не безъ урода, говаривалъ часто одинъ добрый чиновникъ, разсказывая, что его племянникъ до того пристрастился къ наукамъ, что вышелъ въ отставку. Вотъ для примѣра хоть бы и «Парижскій Вѣтошникъ» Ф. Піа, котораго даютъ безпрестанно и все-таки желающихъ больше, нежели мѣстъ въ театрѣ Porte-St.-Martin. Конечно, многіе ходятъ для Фредерика Леметра, но въ пошлой пьесѣ Фредерикъ не могъ бы такъ играть. Онъ безпощаденъ въ роли «вѣтошника», иначе я не умѣю выразить его игры: онъ вырываетъ изъ груди какой-то стонъ, какой-то упрекъ, похожій на угрызеніе совѣсти.—Королева Викторія спросила Леметра, послѣ нѣсколькихъ сценъ, съигранныхъ имъ изъ драмы Піа на Виндзорскомъ театрѣ, глубоко тронутая и со слезами на глазахъ: «Неужели въ Парижѣ много такихъ бѣдняковъ?»— Много, в. в., отвѣчалъ Леметръ со вздохомъ: это парижскіе ирландцы!

Съ перваго явленія пьеса настроиваетъ васъ особенно пріятно. Зимняя ночь, съ боку Аустерлицкій мостъ, каменная набережная Сены тянется передъ глазами, два фонаря слабо освѣщаютъ берегъ, за рѣкой видны домы, лѣсъ трубъ, которыя придаютъ Парижу его оригинальный видъ, кое-гдѣ мелькаютъ огоньки. На скамьѣ сидитъ оборванный человѣкъ; изъ его словъ видно, что онъ совершенно раззорился, принялся было за промыселъ вѣтошника, но и это не идетъ. Непривычный къ нищетѣ, онъ рѣшается броситься въ Сену. Но является другой вѣтошникъ съ своимъ фонаремъ и сильно выпивши (Леметръ); онъ въ нищетѣ, какъ рыба въ водѣ, поетъ пѣсни, покачивается и уговариваетъ своего товарища не бросаться въ воду. «Въ газетахъ будутъ говорить и имя напечатаютъ, съ разными непріятными разсужденіями»; то ли дѣло съ горя придерживаться синяго и горькаго, trois-six, fil-en-quatre и

ходитъ къ Paul Niquet. Но несчастію тотъ не восхищается заведеніемъ Paul Niquet и предпочитаетъ смерть водою смерти спиртомъ. Пьяница сердится и уходитъ, говоря ему, что если ему очень хочется, пусть себѣ топится. Тотъ бы и утопился безъ этой встрѣчи, но развлеченный ею, онъ подумалъ, подумалъ—да и остался. Но что же онъ будетъ дѣлать, съ мрачной злобой, съ отчаяніемъ, съ недостаткомъ мужества? Онъ самъ не знаетъ. Но вотъ идетъ commis de bureau, съ портфелемъ: чего тутъ думать, хвать его дубиной по головѣ: тотъ растянулся, бѣднякъ его докончилъ, взялъ деньги и давай Богъ ноги. Тишина. Фонари также горятъ, трупъ валяется на тротуарѣ, черезъ минуту идетъ, молча, мѣрными шагами рундъ, видитъ мертвое тѣло и останавливается.

Вотъ каннибальскій прологъ, которымъ авторъ вводитъ васъ въ міръ голода и нищеты, роющійся подъ ногами, копающійся надъ головой, міръ подваловъ и чердаковъ, міръ грустнаго самоотверженія и свирѣпыхъ преступленій.

Проходитъ нѣсколько лѣтъ. Сцена представляетъ верхній этажъ, нѣчто въ родѣ чердака: съ одной стороны каморка, въ которой при тоненькой свѣчѣ шьетъ бѣдно одѣтая дѣвушка платье; съ другой, надъ лѣстницей догадливый пропріетеръ выгадалъ нѣчто въ родѣ палатей, въ родѣ балкона, клѣтки, большого короба,—старикъ вѣтошникъ спитъ совсѣмъ одѣтый на койкѣ; это его комната. Дѣвушкѣ грустно и тяжело, бѣдность ее гнететъ, она сирота... Работа, работа и вѣчная работа изъ-за куска хлѣба, никакой радости, никакого утѣшенія! Она кончила платье, платье пышное, богатое; счастливица какая-то будетъ его носить, поѣдетъ въ немъ въ театръ, въ оперу, а она будетъ шить что-нибудь другое въ той же каморкѣ, въ печальномъ уголку своемъ,—и будто можно такъ жить въ 18 лѣтъ и съ французской кровью въ жилахъ! Марія примѣриваетъ платье, чтобъ узнать, нѣтъ ли складокъ... Дитя, она хитритъ съ собою: ей просто хочется увидѣть на себѣ такой нарядъ: одѣлась,—къ лицу ей платье, и она чуть не плачетъ; вдругъ раздается карнавальная музыка, шумъ, хохотъ, маски идутъ мимо, потомъ шумъ на лѣстницѣ и нѣсколько швей, одѣтыхъ дебардерами и гусарами, врываются въ ея комнату. Марія въ прекрасномъ платьѣ... Вотъ чудо, вотъ прелесть, въ оперу въ оперу!.. Она не хочетъ, то есть, она хочетъ, но что-то страшно, она никогда не бывала... «Онѣ будутъ потомъ ужинать, ихъ звали, будутъ ѣсть омара и мороженое», —она ѣдетъ. А вѣтошникъ въ это время встаетъ, зажигаетъ свой фонарь и идетъ кряхтя на работу—подбирать остатки, обглодки жизни, пронесшейся наканунѣ: ночь—его юбилейный день.

Сцена мѣняется, одинъ изъ кабинетовъ Maison d'or: каминъ горитъ, лампы, свѣчи, зеркала блескъ такой, посѣтителей много:

кто воротился изъ оперы еще въ маскарадномъ платьѣ безъ маски, кто сидѣлъ тутъ цѣлый вечеръ; одни заказываютъ ужинъ, спорятъ о блюдахъ, другіе требуютъ вина; какой-то молодой человѣкъ, развалясь съ сигарой на креслѣ, философствуетъ, всѣ ждутъ дебардеровъ: вотъ и онѣ—веселыя, живыя, кто садится на столъ, кто полькируетъ, кто пьетъ. Ихъ обнимаютъ, ихъ угощаютъ, съ ними любезничаютъ . такъ, какъ вы, mio caro, знаете очень хорошо и такъ, какъ вы, cara mia, никогда не узнаете. Но наша бѣдная дѣвушка, въ первый разъ попавшаяся въ такую компанію, перепуганная, не знаетъ, что дѣлать; она инстинктомъ поняла оскорбленіе, поняла что-то неловкое, дурное во всемъ этомъ, она взволнована. Сначала ее не замѣчаютъ, потомъ добрались и до нея, начинаютъ преслѣдовать, интриговать, требуютъ, чтобъ она сняла маску; она не снимаетъ; маску срываютъ; робкая и пугливая, она не знаетъ, что дѣлать. По счастію философъ съ сигарой защитилъ ее отъ дикихъ выходокъ своихъ товарищей; его поразилъ невинный и страждущій видъ дѣвушки, онъ даже взялся проводить ее до дому. И вотъ опять ея комната на сценѣ; она еще не возвращалась, какая то женщина въ салопѣ приходила тайкомъ, пошныряла въ комнатѣ, потомъ ушла. Является и Марія, расплаканная и огорченная; сверхъ всего остальнаго, платье залито, изодрано. Ну, вотъ ей и опера и этотъ шумъ свѣта, о которомъ она мечтала; раскаяніе, стыдъ и горе,—вотъ что осталось отъ всего. Въ порывахъ негодованья и досады она рѣшается лишить себя жизни, у ней никого нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ, кромѣ стараго вѣтошника, друга-сосѣда, сосѣда-отца. Она пишетъ къ нему записку, кладетъ ее ему на столъ и приготовляетъ все нужное для угара. Но вдругъ раздается крикъ новорожденнаго... Она смотритъ, на ея кровати подброшенное дитя. Вы знаете великую физіологическую связь между женщиной и ребенкомъ. Марія рѣшается жить, потому что ей некуда дѣть ребенка... не покинуть же его безпомощнаго, слабаго такъ. Между тѣмъ и старикъ вскарабкался въ свою клѣтку, съ корзинкой всякой дряни, съ костями, которыя перешли отъ барина къ слугѣ, отъ слуги къ собакѣ, отъ собаки достались вѣтошнику; но на этотъ разъ находка была получше. Père Jean нашелъ десять тысячъ банковыми ассигнаціями; старикъ мечтаетъ о наградѣ, которую дадутъ ему, когда онъ возвратитъ деньги, вдругъ ему попадается записка Маріи, онъ бѣжитъ къ ней, и что же?—находитъ ее съ новорожденнымъ. «Такъ вотъ оно что?» и онъ, какъ громомъ пораженный, падаетъ на стулъ.

Да что у него за отношенія къ Маріи, что онъ на старости лѣтъ влюбленъ въ нее, или что за странная дружба сѣдого старика съ восемнадцатилѣтней дѣвушкой? Онъ влюбленъ въ нее, онъ любитъ ее, какъ отецъ, онъ любитъ ее, какъ другъ; безпре-

дѣльно-нѣжное чувство его къ Маріи совершенно понятно, особенно понятно во Франціи, всего понятнѣе въ Парижѣ. Бѣдные люди въ Парижѣ иногда впадаютъ въ какую-то одичалость, въ кретинизмъ даже, особенно приходящіе въ Парижъ искать работы,— всѣ эти савояры, оверньяты; но это исключеніе, исключеніе, къ которому принадлежатъ уличные нищіе. Собственно парижскіе бѣдняки имѣютъ сверхъ затаеннаго негодованія, голову, поднятую вверхъ, они психически развиты гораздо болѣе, нежели вы предполагаете въ этихъ организаціяхъ, блѣдныхъ отъ дурнаго воздуха, отъ гнетущей нужды, отъ безпрерывныхъ лишеній, отъ зависти... да отъ зависти!.. («Ну, ужъ это скверно!» Разумѣется, любезный моралистъ; что же вы покраснѣли? надобно умѣть довольствоваться голодомъ, ходя мимо Шеве)... Въ душѣ ихъ есть что-то вѣрно чувствующее, мѣтко понимающее и притомъ безпредѣльно грустное и нѣжное; чистота и нравственность далеко не чужды имъ. Развратъ имѣетъ свои предѣлы; опускайтесь по лѣстницѣ общественныхъ положеній, вы будете съ каждымъ шагомъ находить болѣе и болѣе пороковъ и гадостей; но опуститесь на самое дно, вы найдете столько же добра и нравственности, сколько паденія и преступнаго; развратъ самый гнусный —принадлежность низшаго слоя буржуазіи, а не народа, не работника. Знаете ли, что народъ, что бѣдняки берегутъ свою репутацію, что они рѣдко протянутъ руку прохожему, а если и протянутъ, то не унижаясь, что они не всегда возьмутъ на водку, и почти никогда не просятъ. Это не англичане, не нѣмцы,—это парижане.

Парижскій воздухъ великое дѣло; онъ во всѣ шесть или семь этажей, въ чердаки и подвалы, въ антресоли и первые этажи, въ въ трубы и щели дуетъ однимъ и тѣмъ же; буржуазія закрываетъ ставни, конопатитъ дыры отъ него; но бѣднякъ не прячется, и онъ ему навѣваетъ разныя мысли; вѣтошникъ, найдя минуту покоя, вытаскиваетъ вчерашнюю газету и читаетъ, закусывая черствымъ хлѣбомъ. Масса стремленій, понятій и мыслей, проникнувшая въ низшіе классы и поддерживающая лихорадочное и болѣзненное расположеніе духа, чрезвычайно велика; она-то и есть главная хранительница ихъ нравственности; теряя ее, бѣдняки впадаютъ въ страшную жизнь «парижскихъ тайнъ», съ нею они типы героевъ Ж. Сандъ. Такова Марія, но вѣдь и père Jean таковъ, вѣдь и это чисто парижскій продуктъ, «грибъ, выросшій на парижскомъ навозѣ»; его колыбель, родина, училище—улица, на которую его выбросили тотчасъ послѣ рожденія; добрые люди не дали умереть съ голоду, и онъ остался въ живыхъ, по насмѣшливой прочности и упорности жизни тамъ, гдѣ жить невозможно. Онъ и росъ кой-какъ на улицѣ, разумѣется, ремеслу никакому не научили, кому до него дѣло... Выросъ, наконецъ, сдѣлался вѣтош-

никомъ, пропивалъ все вырученное, потомъ бросилъ trois-six и такъ вжился въ свою долю, что и не ропщетъ, ему кажется совершенно въ порядкѣ зажечь ночью фонарь и идти подбирать тряпки и лоскутья. Онъ отроду не видалъ поля, зелени, онъ жилъ какъ мокрица на сырыхъ каменныхъ стѣнахъ и ползалъ по ночамъ по узкимъ, темнымъ переулкамъ. Семьи у него не было, онъ слишкомъ бѣденъ, чтобъ имѣть семью; любить ему состояніе не позволяло. Недаромъ однако же père Jean лѣтъ шестьдесятъ таскался по улицамъ и смотрѣлъ на это многоразличіе движущейся жизни; онъ философъ, онъ мудрецъ, а главное онъ характеръ. Встрѣтившись на этомъ же краю бѣдности, на которомъ самъ стоялъ, съ Маріей, онъ тотчасъ понялъ, какого закалу эта дѣвушка, и онъ полюбилъ ее всею той любовью и всѣми тѣми любвями, которыхъ не было у него въ жизни: у него явилась дочь, другъ. Марія его семья, его отдыхъ, единственное человѣческое утѣшеніе, она его поэзія: его trois-six, его примиреніе съ жизнью,— отвѣтъ на все то, на что обстоятельства не дали отвѣта, а парижскій воздухъ далъ вопросъ. Онъ сталъ ея сторожемъ, ея хранителемъ. Разумѣется, новорожденный поразилъ старика, такъ вполнѣ вѣровавшаго въ ея чистоту, въ ея откровенность. Дѣло объяснилось; но ребенокъ вовлекаетъ опять въ траты, ему надобно молоко, средствъ нѣтъ, десять тысячъ лежатъ неприкосновенными, о нихъ и думать не смѣютъ. Марія рѣшается просить дочь барона, на которую она работаетъ, чтобы она простила ей и не заставляла бы заработывать испорченнаго платья.

Въ пышной гостинной сидитъ баронъ съ дочерью; онъ что-то не въ мѣру безпокоенъ, она не въ мѣру грустна, а тутъ эта дѣвчонка съ вздорными требованіями, да еще сама говоритъ, что ей деньги нужны для ребенка. «Какого ребенка?»—Мнѣ подкинули.— «Когда?»—12 февраля. Баронъ, знающій жизнь, начинаетъ журить дѣвушку, безъ обиняковъ говоритъ, что это ея ребенокъ, что онъ ей ничего не дастъ, что онъ не поощряетъ безпорядковъ и распутства, наконецъ, бранитъ ее, что она смѣла его дочери говорить о такихъ непристойностяхъ. Марія уходитъ, взволнованная и удивленная. Отецъ въ бѣшенствѣ, дочь смущена: дѣло становится ясно: 12 февраля родила она; отецъ, чтобъ спрятать концы въ воду, далъ десять тысячъ франковъ доброй и услужливой повивальной бабкѣ, г-жѣ Потаръ, чтобы она уничтожила, *сюпримировала* ребенка: у г-жи Потаръ сердце нѣжное, нервы слабы до того, что она не могла подняться до высоты задачи, которою ее почтило довѣріе барона, она не убила ребенка, а подбросила его бѣдной дѣвушкѣ. Въ торопяхъ деньги были потеряны (и père Jean ихъ нашелъ). Баронъ дѣлаетъ строжайшій выговоръ г-жѣ Потаръ и даетъ еще 10 тысячъ франковъ, чтобъ радикальнѣе сбыть съ рукъ

ребенка... Ребенокъ пропалъ, и пока Марія въ отчаяніи не можетъ понять, что съ нимъ сдѣлалось, является полиція. «Марія Дидье, васъ обвиняютъ въ дѣтоубійствѣ». - «Меня?» спрашиваетъ испуганная дѣвушка.—«Вашего ребенка нашли утопленнымъ въ канавѣ». Дикій крикъ вырывается изъ устъ Маріи въ отвѣтъ на страшную вѣсть и на гнусное обвиненіе. — Нервы г-жи Потаръ оказались на этотъ разъ исправнѣе.

Марія любима, любима нѣжно, страстно молодымъ человѣкомъ, который проводилъ ее съ бала: онъ (какъ непремѣнно воображаютъ нужнымъ писатели французскихъ пьесъ) женихъ бароновой дочери. Онъ хочетъ жениться на ней.—Погодите, молодой человѣкъ, ваша невѣста, ваша неземная дѣва въ толпѣ колодниковъ, развратницъ, въ тюрьмѣ; ее судятъ за дѣтоубійство, ея имя попало уже въ Gazette des Tribunaux и разнеслось отъ кафе до дворцовъ, и послужило темой моральныхъ разсужденій для толстыхъ мѣщанъ и жирныхъ мѣщанокъ.

Вѣтошникъ не спитъ. Объявлено въ афишахъ, что 12 февраля потеряны 10 т. фр. билетами, ночью, въ кварталѣ Saint-Lazare, и что нашедшій можетъ явиться къ г-жѣ Потаръ, повивальной бабкѣ, за приличнымъ награжденіемъ. Это не-спроста, подумалъ père Jean; надѣлъ на себя лучшее платье, старый фракъ, который ему невпору, купленный гдѣ-нибудь на толкунѣ, панталоны съ заплатами и отправился къ г-жѣ Потаръ. Тутъ вы видите другую сторону бѣдняка хитрость, умѣнье владѣть собою, неприклонную, неуступчивую волю, свойства столько-же необходимыя бѣдняку, какъ казаку на кавказской границѣ; тотъ и другой безпрерывно лицомъ къ лицу съ хитрымъ и злымъ врагомъ. Леметръ въ этой сценѣ удивителенъ. Père Jean успѣлъ выманить у Потаръ доказательство, что ребенокъ родился отъ бароновой дочери. Теперь онъ явится во весь ростъ обвинителемъ. Но знаете-ли, кто баронъ? Баронъ— человѣкъ, совершившій убійство на Аустерлицкой набережной. Онъ богатый и сильный, не соперникъ вѣтошнику; вѣтошникъ обманутъ (сцена неловкая, трудная для актера и скучная для зрителя), мало того отданъ подъ судъ, какъ находящійся въ сильномъ подозрѣніи убійства: у него нашли портфель съ именемъ убитаго. Все въ порядкѣ, какъ надобно было ожидать; но тутъ нелѣпая сцена въ тюрьмѣ, украденная изъ Шиллеровой пьесы «Коварство и Любовь», гдѣ Вурмъ заставляетъ писать Луизу; баронъ уговариваетъ Марію для спасенія молодого человѣка, за котораго онъ хотѣлъ выдать свою дочь, принять на себя преступленіе, обѣщаясь спасти ее послѣ сентенціи: молодой человѣкъ остался вѣренъ, остался убѣжденъ въ ея невинности, непоколебимъ въ своей любви... Вдругъ сознаніе! Марія присуждена къ ссылкѣ. На сценѣ судебное мѣсто: у дверей сидитъ между двумя солдатами

вѣтошникъ, онъ успѣлъ одичать, что-то похожъ на звѣря. На улицѣ разнощикъ кричитъ: «Marie Didier, infanticide, avec des détails intéressants... cinq centimes! Un sou»! Старика начинаютъ допрашивать, но онъ о себѣ и говорить не хочетъ: онъ умоляетъ разобрать дѣло Маріи: его не слушаютъ, ему велятъ молчать, онъ плачетъ, онъ рветъ свои волосы; онъ, никогда не становившійся на колѣни, является передъ судьями. судья приказываетъ муниципалу выбросить его за дверь—la toile, la toile!.. Чего еще?.. Но Піа прибавилъ мелодраматическую развязку. Пьесу онъ этимъ сгубилъ и растянулъ, Леметру доставилъ еще удивительную сцену съ г-жей Потаръ, а публикѣ примиряющій, услаждающій финалъ въ буржуазномъ духѣ [1]).

Если вамъ однакожъ столько же надоѣло слушать о вѣтошникѣ, сколько мнѣ говорить, то я не вижу причины, отчего не кончить, т. е. не начать чего-нибудь другого. Да и что такое Porte-St-Martin, пойдемте въ Palais-Royal; но... увы! Palais-Royal пересталъ быть сердцемъ Парижа съ тѣхъ поръ, какъ изъ него извели (какъ изъ Берлина впослѣдствіи) лучшее населеніе его. Онъ сталъ слишкомъ нравственнъ, слишкомъ добродѣтеленъ. Парижъ переѣхалъ изъ него; Парижъ начинается, по словамъ Шаривари, съ бульвара des Capucines и оканчивается Maison d'or-омъ, т. е. Парижъ итальянскій бульваръ. «Есть, прибавляетъ ученый издатель, баснословные слухи о какомъ-то бульварѣ Пуасоньеръ; но кто же знаетъ о его существованіи? Что же касается до бульвара Бомарше, это просто полицейская выдумка, нарочно распущенный слухъ». Но дѣлать нечего, пойдемте въ Palais Royal и именно въ Théâtre Français.

Сей кубокъ мы минувшимъ днямъ!..

Théâtre Français познакомилъ меня съ однимъ драматическимъ авторомъ, котораго я не зналъ..... съ Расиномъ. «Неужели вы его прежде не читали?»—спрашиваете вы, краснѣя за меня.—За кого же вы меня принимаете—

A peine nous sortions des portes de Trézene
Il était sur son char...

Я его твердилъ на память лѣтъ десяти, а потомъ читалъ лѣтъ пятнадцати; но это уже было поздно. Имѣвъ счастіе завершить начальное образованіе подъ маханье московскаго «Телеграфа» и подъ теорію россійскаго романтизма, я посматривалъ свысока на человѣка трехъ аристотелевскихъ единствъ, человѣка, говорящаго Vous и Madame устами гомеровскихъ богатырей. Нѣмецкая эсте-

[1]) Я говорилъ объ этомъ Ф. Піа. онъ совершенно со мной согласенъ, но замѣтилъ, что я не знаю французской публики,—что пьеса пала бы безъ утѣшительнаго окончанія, что французы не любятъ выходить изъ театра avec un sentiment pénible. Я думаю, что Ф. Піа правъ (1852)!

тика убѣдила меня, что во Франціи искусства никогда не было, что собственно искусство можетъ цвѣсти въ Баваріи, въ Веймарѣ, —словомъ отъ Франкфурта на Одерѣ до Франкфурта на Майнѣ. А потому и Расина читалъ я больше для того, чтобъ вполнѣ понять красоту трегедіи Гувальда и Мюльнера. Наконецъ, я увидѣлъ Расина дома, увидѣлъ Расина съ Рашелью—и научился понимать его. Это очень важно, болѣе важно, нежели кажется съ перваго взгляда,—это оправданіе двухъ вѣковъ, т. е. уразумѣніе ихъ вкуса. Расинъ встрѣчается на каждомъ шагу съ 1665 года и до реставраціи: на немъ были воспитаны всѣ эти сильные люди XVIII вѣка. Неужели всѣ они ошибались, Франція ошибалась, міръ ошибался? Робеспьеръ возилъ свою Елеонору въ Théâtre Français и дома читалъ ей Британика, наскоро подписавши дюжины три приговоровъ. Людовикъ XVI въ томномъ и мрачномъ заточеніи читалъ ежедневно Расина съ своимъ сыномъ и заставлялъ его твердить на память.... И, дѣйствительно, есть нѣчто поразительно-величавое въ стройной, спокойно развивающейся рѣчи Расиновскихъ героевъ: діалогъ часто убиваетъ дѣйствіе, но онъ изященъ, но онъ самъ дѣйствіе: чтобъ это понять, надобно видѣть Расина на сценѣ французскаго театра: тамъ сохранились преданія стараго времени, преданія о томъ, какъ созданы такія-то роли Тальмой, другія Офреномъ, Жоржъ...

Актеры съ нѣкоторой робостью выступаютъ въ Расиновскихъ трагедіяхъ, это ихъ пробный камень: тутъ невозможно ни одно нехудожественное движеніе, ни одинъ мелодраматическій эфектъ. тутъ нѣтъ надежды ни на группу, ни на декораціи, тутъ два-три актера, какъ статуи на пьедесталѣ: все устремлено на нихъ. Сначала дикція ихъ, чрезвычайно благородная и выработанная, можетъ показаться изысканной, но это не совсѣмъ такъ: торжественность эта, величавость, рельефность каждаго стиха идетъ духу Расиновскихъ трагедій. Пожалуй, нѣкоторыя позы на пареенонскихъ барельефахъ можно тоже назвать изысканными, именно потому, что ваятели исключили все случайное и оставили вѣчныя спокойныя формы: жизнь, поднимаясь въ эту сферу, отрѣшается отъ всего возмущающаго красоту ея проявленія, принимаетъ пластическій и музыкальный строй: тутъ движеніе должно быть граціей, слово—стихомъ, чувство—пѣснью.

Вы болѣе любите иной міръ, міръ, воспроизводящій жизнь во всей ея истинѣ, въ ея глубинѣ, во всѣхъ изгибахъ свѣта и тьмы, словомъ міръ Шекспира, Рембрандта, —любите его, но развѣ это мѣшаетъ вамъ остановиться передъ Аполономъ, передъ Венерой? Что за католическая исключительность! Пониманье Бетховена развѣ отняло у васъ возможность увлекаться Севильскимъ цирюльникомъ?

Входя въ театръ смотрѣть Расина, вы должны знать, что съ тѣмъ вмѣстѣ вы входите въ *иной* міръ, имѣющій свои предѣлы, свою ограниченность, но имѣющій и свою силу, свою энергію и высокое изящество въ своихъ предѣлахъ. Какое право имѣете вы судить художественное произведеніе внѣ его собственной почвы, даже внѣ исторической, національной почвы? Вы пришли смотрѣть Расина,—отрѣшитесь же отъ фламанскаго элемента: это отрасль итальянской школы; берите его такимъ, чтобъ онъ далъ то, что онъ хочетъ дать, и онъ даетъ много прекраснаго. Конечно, онъ не удовлетворитъ всему, чего жаждетъ ваша душа, но позвольте же еще разъ спросить: а весь греческій Олимпъ, а всѣ греческіе типы, статуи, герои трагедій удовлетворяютъ васъ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Я это испыталъ на себѣ. Въ греческихъ статуяхъ вездѣ выражается спокойное наслажденіе, торжество мѣры, торжество равновѣсія, торжество красоты, но съ тѣмъ вмѣстѣ вы видите, что покой достигнутъ, потому что требованіе было не полно, потому что олимпійцы удовлетворялись немногимъ. Одно изъ величайшихъ достоинствъ греческаго ваянія—полнѣйшее отрѣшеніе чувственной формы отъ всего чувственнаго; Венера медицейская также мало говоритъ чувственности, какъ Мадоны Рафаэля; но за то въ греческомъ искусствѣ нѣтъ того знойнаго сладострастія, которое мы находимъ, напримѣръ, въ страстныхъ глазахъ особо разсѣченныхъ и съуженныхъ къ вискамъ египетскихъ изваяній. Съ другой стороны, въ греческомъ искусствѣ нѣтъ и не могло быть элемента, развитаго міромъ христіанскимъ, элемента романтическаго, того сосредоточеннаго въ духѣ, того глубоко-страдальческаго, неудовлетвореннаго, жаждущаго, стремящагося, который вы можете вполнѣ изучить въ комнатахъ Катерины Медичи, гдѣ разставлены испанскія картины. Для грековъ мы дѣлаемъ почетное исключеніе: мы ихъ судимъ, какъ грековъ въ ихъ сферѣ; будемте также судить Расина, Корнеля,—обогатимте себя и ими.

Что же вамъ сказать о самой Рашели? Фельетоны всѣхъ газетъ давно все разсказали. Она нехороша собой, невысока ростомъ, худа, истомлена; но куда ей ростъ, на что ей красота, съ этими чертами рѣзкими, выразительными, проникнутыми страстью? Игра ея удивительна: пока она на сценѣ, чтобы ни дѣлалось, вы не можете оторваться отъ нея; это слабое, хрупкое существо подавляетъ васъ: я не могъ бы уважать человѣка, который не находился бы подъ ея вліяніемъ во время представленія. Какъ теперь вижу эти гордо надутыя губы, этотъ сжигающій, быстрый взглядъ, этотъ трепетъ страсти и негодованья, который пробѣгаетъ по ея тѣлу! А голосъ, — удивительный голосъ! — онъ умѣетъ приголубить ребенка, шептать слова любви и душить врага; голосъ, который походитъ на воркованье горлицы и на крикъ уязвленной львицы.

Она можетъ сдѣлаться страшна, свирѣпа... до «ехиднаго выраженія.» [1] Рашель составляетъ средоточіе трагической труппы, она идеалъ, которому подражаетъ старый и малый, мужчины и женщины..... до смѣшного; вся труппа французскаго театра оттопыриваетъ губы, какъ она, всѣ басы и дишканты стараются говорить ея голосомъ.

Сестра ея Judith очень мила. Она не красавица: во Франціи вообще нѣтъ красавицъ, но ея gentillesse совершенно французская, не смотря на то, что имя напоминаетъ «почтеннаго фельдмаршала Олоферна» и невѣжливый поступокъ съ нимъ одной дамы.

Да какая же это исключительно французская красота? Она чрезвычайно легко уловима: она состоитъ въ необыкновенно граціозномъ сочетаніи выразительности, легкости, ума, чувства, жизни, раскрытости, которое для меня увлекательнѣе одной пластической красоты, всепоглощающаго изящества породы, античныхъ формъ итальянокъ и вообще красавицъ.

Быть красавицей несчастіе, красавица — жертва своей наружности, на нее смотрятъ, какъ на художественное произведеніе, въ ней ничего не ищутъ далѣе наружности. Французская красота чрезвычайно человѣчественна, соціальна; она далека отъ германо-англійской надтѣльности, заставляющей проливать слезы о грѣхахъ міра сего, о слабостяхъ его, толико сладкихъ; она также далека и отъ андалузской чувственности, отъ которой сердце замираетъ и захватываетъ духъ. Она не въ одной наружности, не въ одной внутренней жизни, а въ ихъ созвучномъ примиреніи. Такая красота — результатъ жизни, жизни цѣлыхъ поколѣній, длиннаго ряда вліяній органическихъ, психическихъ и соціальныхъ; такая красота воспитывается вѣками, выработывается преемственнымъ устройствомъ быта, нравовъ, достается въ наслѣдіе, развивается средою, внутренней работой, дѣятельностью мозга, — такая красота фактъ цивилизаціи и народнаго характера.

Изрѣдка встрѣчаешь подобную красоту между польскими и русскими аристократическими дамами, и это, по моему, высокое свидѣтельство въ пользу славянской крови. Вы не обижайтесь, мы потому *изрѣдка* находимъ такую красоту у насъ, что число женщинъ, призванныхъ къ развитію, гораздо ограниченнѣе. Кто не замѣчалъ, насколько женщины въ нашемъ народѣ хуже мужчинъ? Женщина въ крестьянствѣ слишкомъ задавлена, слишкомъ работница, слишкомъ *безлична*, слишкомъ «баба», чтобъ быть

[1]) Какъ бы я желалъ ее видѣть, когда она, разъярившись на Верона, сказала ему, что онъ плутъ. — «Сударыня,» отвѣчалъ онъ, какъ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, «я еще ни разу не слыхалъ, чтобы кто нибудь меня такъ назвалъ.» — Ну вотъ вамъ и случай услышать въ первый разъ! возразила Рашель (1852).

красивой. Какъ только переѣдешь границу, бросается въ глаза некрасивость нѣмецкихъ крестьянъ и улучшеніе женщинъ особенно по городамъ: этому много способствуетъ, между прочимъ, умѣнье держаться: самая бѣднѣйшая горничная не выйдетъ на улицу, не пригладивши волосъ и не оправившись: я не видалъ растрепанныхъ головъ, растегнутыхъ платьевъ, цинизма женской нечистоплотности съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ псковской гостинницей и съ жидовскими станціями въ Ковенской губерніи. [1]) Любовь къ опрятности показываетъ, какъ ужъ намъ случалось замѣтить, старую цивилизацію и уваженіе къ себѣ, чувство собственнаго достоинства и, слѣдственно, понятіе о личности: я, разумѣется, говорю не объ отвлеченномъ понятіи личности и ея гражданскихъ правахъ, а о томъ инстинктуальномъ понятіи, которое такъ очевидно въ самыхъ низшихъ классахъ европейскихъ государствъ, совершенно независимо отъ ихъ политическаго устройства, въ Испаніи, въ Англіи, въ Италіи и во Франціи.

Но воротимся къ *театрамъ*: въ томъ же Palais-Royal, гдѣ во французскомъ *театрѣ* Рашель потрясаетъ сердце, Левассеръ потрясаетъ въ *театрѣ* Пале-Рояля всю грудь хохотомъ безъ конца, хохотомъ до слезъ, до истерики. Левассеръ -полнѣйшее выраженіе французской веселости, беззаботности, простодушной дерзости, остраго ума, шалости, gaminerie. Что за быстрота, что за неуловимость, что за богатство средствъ! Левассеръ такъ же принадлежитъ, такъ же необходимъ Парижу, какъ Шеллингъ или Гегель Берлину. Все, что вы видѣли съ неудержимымъ смѣхомъ въ картинахъ Гаварни, все, что заставляетъ хохотать въ «Шаривари», все это перенесено въ дѣйствіе, оживлено Левассеромъ. И въ этомъ отношеніи онъ мнѣ нравится гораздо больше Буффе, больше старика Верне, больше талантливаго Арналя; тѣ превосходные актеры всякой сцены, и этимъ, можетъ быть, выше Левассера, но тѣмъ Левассеръ и лучше ихъ, что онъ актеръ французскій-да нѣтъ и то нѣтъ, а парижскій, актеръ Пале-Рояля: дерзость, наивность, непристойность, грація, канканъ, фейерверкъ! И какимъ лицомъ судьба наградила этого человѣка: худой съ острыми маленькими чертами, за которыми спрятано втрое больше мускуловъ, нежели извѣстно въ анатоміи Бона, и всѣ они двигаются во всѣ четыре стороны: отъ этого онъ дѣлаетъ изъ лица все, что хочетъ, такъ, какъ фокусникъ изъ складной бумаги,—то сдѣлаетъ сапогъ, то паромъ, то жабо. Разсказывать его игру невозможно, ее надобно видѣть, и мало того, надобно войти во вкусъ, т. е. привыкнуть, чтобъ ловить несущійся на всѣхъ парахъ train de plaisir остротъ, шалости, языка, глазъ, голоса, ногъ.

[1]) Тогда я еще не былъ въ Англіи (1858).

Отъ Рашели мы перешагнули къ Левассеру, отъ слезъ участія къ смѣху до слезъ; теперь перейдемъ отъ этого веселаго смѣха къ смѣху презрѣнія и негодованія, отъ милыхъ шутокъ и потока каламбуровъ Левассера къ пошлымъ и тяжелымъ фарсамъ, въ которыхъ актеры старой школы другъ друга ругаютъ, другъ друга надуваютъ—для общественнаго удовольствія. Тутъ на первомъ планѣ модная комедія «Эмиль Жирарденъ и Продажное перство.»

Какъ вспомню, какъ я на бенефисѣ Жирардена сидѣлъ въ трибунѣ съ 10 часовъ до половины седьмаго, поддерживая двухъ французовъ, одного англичанина, свою собственную шляпу и бороду сосѣда съ правой стороны, опираясь притомъ на почтеннаго посѣтителя, сидѣвшаго передо мною, и все это въ половинѣ іюня, градусовъ въ пятьдесятъ жары, такъ и захочется опять выйти на чистый воздухъ...—Ну и выйдемте!

Письмо четвертое.

Парижъ, 15 сентября 1847 г.

Пока я собирался со славянской медленностью разсказать вамъ о парламентскомъ турнирѣ, на которомъ рыцарь *прессы* такъ отважно напалъ на Кастора и Полукса министерскихъ лавокъ и тѣмъ доставилъ небольшое разсѣяніе добрымъ мѣщанамъ, скучающимъ въ пользу отечества въ Palais Bourbon,—произошло столько турнировъ, кулачныхъ боевъ, взаимныхъ обвиненій, травль и судебныхъ разспросовъ, чрезвычайныхъ случаевъ и случайныхъ чрезвычайностей, что стыдно поминать мелкія обвиненія въ «злоупотребленіи вліянія въ комерціи перствомъ.» Новые герои съ неустрашимой послѣдовательностью нѣмецкихъ философовъ и италіанскихъ бандитовъ дошли до конца того поприща, которое начинается маленькой торговлей проектами крошечныхъ законовъ, привиллегіями на театры и рудокопни, а оканчивается самими рудокопнями, морскими прогулками на галерехъ, трудолюбивымъ вколачиваніемъ свай въ портовыхъ городахъ, а иногда воздушнымъ salto mortale всѣмъ тѣломъ или отчасти, смотря потому, по которую сторону Па-де-Кале случится.

И такъ оставимте дѣло Жирардена! Оно-же окончилось очень хорошо и къ общему удовольствію: камера депутатовъ—оправдала министровъ, камера перовъ—оправдала Жирардена. Ясное дѣло, обѣ стороны были правы...

... Какъ спокойно и весело жить гдѣ-нибудь, въ Неаполѣ напримѣръ, куда не проникаетъ всякое утро сѣрая стая журналовъ всѣхъ величинъ, всѣхъ цвѣтовъ, съ отравляющимъ запахомъ голландской сажи и гнилой бумаги, съ грознымъ premier-Paris въ

началѣ и съ крупными объявленіями въ концѣ; стая влажная, мокрая, какъ будто кровь событій не обсохла еще на ея губахъ, саранча, поѣдающая происшествія прежде, нежели они успѣютъ созрѣть,— вѣтошники и мародеры, идущіе шагъ за шагомъ по слѣдамъ большой арміи историческаго движенія.

Въ Неаполѣ журналы ясны какъ вѣчноголубое небо Италіи, они на своихъ чуть не розовыхъ листикахъ приносятъ повѣсти успокоительныя, улыбающіяся,—вѣсть о прекрасномъ урожаѣ, объ удивительномъ праздникѣ на такой то виллѣ, у такой то дукецци, на которой мѣсяцъ свѣтилъ сверху, а волны Средиземнаго моря плескали съ боку... Не лучше-ли въ миломъ невѣдѣніи сердца вѣрить въ аркадскія нравы на землѣ, въ кроткое счастіе лаццарона, въ оффиціальную нравственность и людское безкорыстіе! Зачѣмъ, когда такъ много прекраснаго въ Божіемъ мірѣ, зачѣмъ знать, что въ немъ есть бѣшенныя собаки, злые люди, тифоидныя горячки, горькое масло и поддѣльное шампанское?

Все журналы виноваты! Зачѣмъ всякой вздоръ доводить до общаго свѣдѣнія.

Я вамъ разсказывалъ, какъ одинъ поврежденный докторъ принималъ журналы за бюллетени сумашедшихъ домовъ; это былъ человѣкъ отсталой: теперь журналы—бюллетени смирительныхъ домовъ и галеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, Франція ни въ какое время не падала такъ глубоко въ нравственномъ отношеніи, какъ теперь. Она больна. Это чувствуютъ всѣ, Гизо и Прудонъ, префектъ полиціи и Викторъ Консидеранъ.

Настоящимъ положеніемъ Франціи всѣ недовольны, кромѣ записной буржуазіи, да и та боится впередъ заглядывать. Чѣмъ недовольны, знаютъ многіе; чѣмъ поправить и какъ, — почти никто, ни даже соціалисты, люди дальняго идеала, едва виднѣющагося въ будущемъ.

Ни журнальная, ни парламентская оппозиція не знаютъ ни истиннаго смысла недуга, ни дѣйствительныхъ лекарствъ; оттого-то она и остается въ постоянномъ меньшинствѣ; у нея истинно только живое чувство негодованія, и въ этомъ она права: сознаніе зла необходимо для того, чтобъ рано или поздно отдѣлаться отъ него.

Обвиненіе, всего чаще повторяемое и совершенно вѣрное, состоитъ въ томъ, что съ нѣкотораго времени матеріальные интересы подавили собой всѣ другіе; что идеи, слова, потрясавшія такъ недавно людей и массы, заставлявшія ихъ покидать домъ, семью для того, чтобъ взять оружіе и идти на защиту своей святыни и на низверженіе враждебныхъ кумировъ, потеряли свою магнитическую силу и повторяются теперь по привычкѣ, изъ

учтивости, какъ призваніе Олимпа и Музъ у поэтовъ, или какъ слово Богъ у деистовъ.

Вмѣсто «благородныхъ» идей и «возвышенныхъ» цѣлей рычагъ, приводящій все въ движеніе — деньги. Тамъ, гдѣ были пренія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о государственной политикѣ, о патріотизмѣ, занимаются теперь одной политической экономіей.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ о матеріальномъ благосостояніи на первомъ планѣ. Удивительнаго тутъ нѣтъ ничего. Какъ-же, наконецъ, не признать важность вопроса, отъ разрѣшенія котораго зависитъ не только насущный хлѣбъ большинства, но и его цивилизація. Нѣтъ образованія при голодѣ: чернь будетъ чернью до тѣхъ поръ, пока не выработаетъ себѣ пищу и досугъ.

Страны, которыя уже перешли миѳическіе, патріархальные и героическіе возрасты, которыя довольно сложились, довольно пріобрѣли, которыя пережили юношескій періодъ отвлеченныхъ увлеченій, прошли азбуку гражданственности, естественно должны были обратиться къ тому существенному вопросу, отъ котораго зависитъ вся будущность народовъ. Но вопросъ этотъ страшно труденъ, его не рѣшишь громкимъ словомъ, пестрымъ знаменемъ, энергическимъ кликомъ. Это самый внутренній, самый глубокій, самый жизненный, существенный и по преимуществу практическій вопросъ общественнаго устройства.

Вы его встрѣчаете не въ одной Франціи: въ Сѣверной Америкѣ и въ Англіи онъ, можетъ, сдѣлалъ больше практическихъ шаговъ, во Франціи, онъ, какъ и все другое получилъ всемірную гласность. Жизнь Франціи шумнѣе, сообщительнѣе англійской, въ ней все дѣлается громко, все для всѣхъ. Подъ часъ кажется, что именно все, происходящее здѣсь, дѣлается, какъ въ театрѣ — для публики, ей удовольствіе, ей поученіе: актеры играютъ не для себя и возвращаются со сцены къ домашнимъ непріятностямъ и мелочамъ. Въ этомъ одна изъ лучшихъ національныхъ сторонъ французовъ, но они остаются за это съ пустыми руками.

Гегель сравниваетъ Индію съ родильницей, которая, произведя на свѣтъ прекраснаго ребенка, ничего больше для себя не хочетъ. Франція, напротивъ, всего хочетъ, но ея силы истощились отъ тяжкихъ и частыхъ родовъ, она не въ силахъ носить своихъ дѣтей.

Но воротимся къ экономическому вопросу. Считать чѣмъ-то подчиненнымъ и грубымъ стремленіе къ развитію повсюднаго довольства, стремленіе вырвать у слѣпой случайности и у наслѣдниковъ насилія — орудія труда и скопившіяся силы, привесть цѣнность труда, обладаніе и обращеніе богатствъ къ разумнымъ началамъ, къ общимъ и современнымъ правиламъ, снять всѣ плотины, мѣшающія обмѣну и движенію,—считать все это матеріализмомъ, эгоизмомъ могутъ одни закоснѣлые романтики и

идеалисты. По счастію въ наше время выводятся эти высшія натуры, боявшіяся замараться о практическіе вопросы, бѣгавшія въ міръ мечтаній отъ дѣйствительнаго міра,... хотя я еще своими ушами слышалъ отъ одного изъ лучшихъ представителей романтизма: «вы полагаете, что съ развитіемъ довольства народъ будетъ лучше,—это ошибка, онъ забудетъ религію и отдастся грубымъ желаніямъ. Что можетъ быть чище и независимѣе отъ земныхъ благъ, какъ жизнь поселянина, который, кротко ввѣряясь провидѣнію, бросаетъ все свое достояніе въ землю, смиренно ожидая, чѣмъ его благословитъ судьба? Бѣдность —великая школа для души, она хранитъ ее.»

— И образуетъ воровъ—добавилъ я.

Эту идиллію говорила не пятнадцатилѣтняя дѣвочка, а человѣкъ лѣтъ подъ пятьдесятъ.

Все несчастіе прошлыхъ переворотовъ состояло именно въ опущеніи экономической стороны, которая тогда еще не была настолько зрѣла, чтобъ занять свое мѣсто. Тутъ одна изъ причинъ, почему великія слова и идеи остались словами и идеями и—что хуже того—надоѣли. Романтики, гордо улыбаясь, возражаютъ, что величайшія историческія событія нисколько не зависѣли отъ большей или меньшей степени сытости и матеріальнаго благосостоянія, что крестоносцы не думали о пріобрѣтеніяхъ, что голодная и босая армія побѣдила Италію. Да, оттого-то, между прочимъ, и не много вышло изъ всѣхъ этихъ войнъ и передрягъ. Европа, послѣ трехъ столѣтій гражданскаго и всяческаго развитія, дошла только до того, что въ ней *лучше*, нежели тамъ, гдѣ этого развитія не было; она послѣ столькихъ переворотовъ и опустошеній стоитъ еще теперь при началѣ своего дѣла.

Поэтическими интересами, увлеченіями врядъ поднимите-ли теперь взрослые народы—Англію или Сѣверную Америку. Это слѣдствіе лѣтъ; нельзя-же всю жизнь быть юношей, бретеромъ, горячей головой. Революція—я говорю о настоящей, а не о послѣдней (1830)— со всею своей обстановкой отъ величественной introduzione до героической симфоніи, оканчивающейся стономъ подъ Ватерло, заключаетъ собою романтическую часть исторіи гражданскихъ обществъ въ Европѣ. Сколько событій, крови, великаго было въ этомъ финалѣ, какой разгромъ, какая перемѣна предѣловъ, условій жизни, обычаевъ, вѣрованій,—и что-же вышло, выстроилось, осталось, кромѣ легенды и пѣсней. Сама буржуазія на дняхъ произнесла въ своемъ дворцѣ страшныя Даниловскія словы: Rien, Rien, Rien!

Франція, замѣтивъ эту пустоту, ринулась въ другую сторону, ударилась въ противуположную крайность, экономическіе вопросы убили всѣ остальные.

Люди мыслящіе первые отдались имъ, и, какъ всегда бываетъ, увлекли съ собой людей ограниченныхъ, которые всякую истину доводятъ до нелѣпости, до цинизма, особенно такое близкое душѣ и соизмѣримое ученіе, какъ ученіе о развитіи матеріальнаго благосостоянія. Медаль перевернулась. Прежде слова безъ яснаго пониманія, безъ опредѣленнаго содержанія, полныя фанатизма, увлеченія, вели людей, основываясь на высокомъ предчувствіи, на глубоко-человѣческой симпатіи ко всему великому, и люди охотно жертвовали идеямъ и общимъ принципамъ матеріальными дѣлами, жизнію. Теперь, послѣ безплодныхъ жертвъ, послѣ долгихъ несчастій, люди увидѣли важность этихъ благъ и предались одному экономическому вопросу. Разумѣется, не многіе умѣли поднять его въ ту высокую и общую сферу, на которую онъ имѣетъ право и внѣ которой его значеніе одностороннe и бѣдно. Печальное недоразумѣніе состояло въ томъ, что не поняли круговой поруки, взаимной необходимости обѣихъ сторонъ жизни. Политическая экономія, именно вслѣдствіе своей исключительности, при всей видимой практичности, явилась отвлеченной наукой богатства и развитія средствъ; она разсматривала людей, какъ производительную живую силу, какъ органическую машину; для нея общество—фабрика, государство—рынокъ, мѣсто сбыта; она въ качествѣ механика старалась объ употребленіи наименьшей силы для полученія наибольшаго результата, о раскрытіи законовъ увеличенія богатствъ. Она шла отъ принятыхъ данныхъ, она брала *политическій* фактъ (*эмбріогеническій*, если хотите) современнаго общественнаго устройства—за нормальный; отправлялась отъ *того* распредѣленія богатства и орудій, на которомъ захватила государства. До человѣка собственно ей не было и дѣла, она занималась имъ по мѣрѣ его производительности, равно оставляя безъ вниманія того, который не производитъ за недостаткомъ орудій, и того, который лѣниво тратитъ капиталъ. Въ такой формѣ наука о богатствѣ, основанная на правилѣ—имущему дастся, могла имѣть успѣхъ въ мірѣ торговли и купечества; но для неимущихъ такая наука не представляла большихъ прелестей. Для нихъ, напротивъ, вопросъ о матеріальномъ благосостояніи былъ неразрывенъ съ критикой тѣхъ данныхъ, на которыхъ основывалась политическая экономія и которыя явнымъ образомъ были причиною ихъ бѣдности.

Нѣсколько энергическихъ, сильныхъ, юныхъ умовъ, глубоко сочувствуя съ несчастнымъ положеніемъ пролетаріевъ, поняли невозможность исторгнуть ихъ изъ жалкаго и грубаго состоянія, не обезпечивъ имъ насущнаго хлѣба.

Они обратились тоже къ политической экономіи.

Но какой отвѣтъ, какое наставленіе могли они найти въ наукѣ

послѣдовательно говорившей неимущему: «не женись, не имѣй дѣтей, поѣзжай въ Америку, работай 12, 14 часовъ въ сутки, или ты умрешь съ голоду!» Къ этимъ совѣтамъ человѣколюбивая наука прибавляла поэтическую сентенцію, что не всѣ приглашены природой на пиръ жизни, и злую иронію, что вольному воля, что нищій пользуется *тѣми-же* гражданскими правами, какъ Ротшильдъ.

Онп увидѣли, что сытый голодному не товарищъ, и бросили старую, безжалостную науку.

Критика—сила нашаго вѣка, наше торжество и нашъ предѣлъ. Политическая экономія, въ ея ограниченно-доктринерской и мѣщанской формѣ, была разбита, мѣсто расчищено, но что-же было поставить вмѣсто ея? Все то, что ставила она, казалось, было неуклюже. Видя это, критика свирѣпѣла еще больше.

Но критика и сомнѣніе—не народны. Народъ требуетъ готоваго ученія, вѣрованія, ему нужна догматика, опредѣленная межа [1]). Люди, сильные на критику, были слабые на созданіе; народъ слушалъ ихъ, но качалъ головой и чего-то все доискивался.

Во всѣхъ новыхъ утопіяхъ было много разъѣдающаго ума и мало творческой фантазіи.

Народы слишкомъ поэты и дѣти, чтобъ увлекаться отвлеченными мыслями и чисто экономическими теоріями. Они живутъ несравненно больше сердцемъ и привычкой, нежели умомъ; сверхъ того, изъ-за нищеты и тяжкой работы также трудно ясно видѣть вещи, какъ изъ-за богатства и лѣниваго пресыщенія.

Попытки новаго хозяйственнаго устройства, одна за другой, выходили на свѣтъ и разбивались объ чугунную крѣпость привычекъ, предразсудковъ, фактическихъ стародавностей, фантастическихъ преданій. Онѣ были сами по себѣ полны желаніемъ общаго блага, полны любви и вѣры, полны нравственности и преданности, но не знали, какъ навести мосты изъ всеобщности въ дѣйствительную жизнь, изъ стремленія въ приложеніе.

И не странно ли, что человѣкъ, освобожденный новой наукой отъ нищеты и отъ несправедливаго стяжанія, все же не дѣлался свободнымъ человѣкомъ, а какъ-то затерялся въ общинѣ? Хоть это лучше, нежели человѣкъ-машина, человѣкъ-снарядъ, но все же оно тѣсно, неудовлетворительно. Понять всю ширину и дѣйствительность, понять всю святость правъ личности, и не разрушить, не раздробить на атомы общество—самая трудная соціальная задача. Ее разрѣшитъ, вѣроятно, сама исторія для будущаго, въ прошедшемъ она никогда не была разрѣшена.

[1]) Въ отдѣльномъ изданіи «Писемъ изъ Франціи и Италіи» стоитъ «мѣта». Примѣч. издат.

Новое ученіе продолжало борьбу со старымъ не въ народныхъ движеніяхъ, не переворотами, но въ мірѣ литературно-образованномъ. Старая наука, вовлеченная въ злую полемику, не была въ авантажѣ. Умы свѣжіе, дѣятельные, сочувствующіе съ вѣкомъ, оставляли ее, одни по убѣжденію въ истинѣ новыхъ ученій, другіе видя недостаточность прежнихъ.

Старая наука вскорѣ увидѣла опасность.

У нея было много поклонниковъ, она была государственная, оффиціальная, мѣщанская наука. Жадная и скупая посредственность ухватилась за прежнюю политическую экономію. Не глубокая сама по себѣ, наука Мальтуса и Сея измельчала, выродилась въ торговую смышленность, въ искусство съ наименьшей тратой капитала производить наибольшее число произведеній и обезпечивать имъ наивыгоднѣйшій сбытъ. Наука дала имъ въ руки кистень, который бьетъ обоими концами бѣднаго потребителя: въ одну сторону уменьшеніемъ платы, въ другую поднятіемъ цѣнъ на произведенія.

Во время реставраціи, когда соціальныя идеи были чистой мечтой, далекой какъ Атлантида Моруса, буржуазія либеральничала съ своей политической экономіей, да и какъ ей было не либеральничать? Всѣ перевороты, всѣ несчастія Франціи принесли плоды только среднему состоянію.

Іюльская революція испугала ее республикой. Она тотчасъ нашла своего мѣщанина-короля. Но когда проповѣди улицы Менильмонтанъ стали коментироваться ліонскими и парижскими работниками, когда страшная хоругвь съ надписью: Vivre en travaillant ou mourir en combattant!—мрачно прогулялась по площади, когда все это вмѣстѣ грозило испортить хозяйство и спутать приходо-расходныя книги, буржуазія разомъ отреклась отъ всего либеральнаго, кромѣ кукольной комедіи представительной камеры, представлявшей опять ее же самое. Перемѣну эту въ поведеніи буржуазія сдѣлала съ наглостью, она прямо и открыто стала за монополь, за премію, которую она вырываетъ изъ рукъ работника капиталомъ.

Эксплоатація пролетарія была приведена въ систему, окружена всею правительственной силой: нажива дѣлалась страстью, религіей; жизнь сведена на средство чеканить монету: государство, судъ, войско—на средство беречь собственность.

За римскимъ распутствомъ шло монашеское христіанство, за мистицизмомъ и изувѣрствомъ—кощунство и скептицизмъ, за идеализмомъ—матеріализмъ, за терроромъ—Наполеонъ, за *безсребренной* Горой, за мечтательной Жирондой—алчная, стяжающая буржуазія: это lex talionis исторіи, наказаніе за прошлую односторонность. Пренебреженіе къ экономическимъ вопросамъ въ про-

шлую эпоху и исключительное занятіе политическими вызвало пренебреженіе къ политикѣ и поглотило государственной экономіею всѣ остальные интересы.

Революціонеры первой революціи—идеалисты художники. Мѣщане съ самаго появленія представляютъ прозу жизни, домохозяина больше, нежели гражданина, домохозяина, занимающагося частными дѣлами, строящаго фабрики, а не церкви. Либералы-идеалисты толковали о самоотверженіи и презирали на словахъ, а иногда и на самомъ дѣлѣ — пользу; они любили «славу» и не занимались рентой. Буржуазія исключительно занимается рентой, смѣется надъ самоотверженіемъ и хлопочетъ только о пользѣ. Тѣ приносили выгоду на жертву идеямъ, буржуазія принесла идеи на жертву выгодамъ. Тѣ лили кровь за права, буржуазія теряетъ права, но бережетъ кровь. Она эгоистически труслива, и можетъ подняться до геройства, только защищая собственность, ростъ, барышъ.

Между тѣмъ со дна океана народной жизни поднимался тихо, но мощно, тотъ же экономическій вопросъ, но *обратно* поставленный, та же замѣна революціоннаго идеализма вопросомъ о хлѣбѣ, но со стороны неимущаго.

Борьба была очевидна, неминуема; характеръ ея можно предсказать. Голодный человѣкъ свирѣпъ, но и мѣщанинъ, защищающій собственность, свирѣпъ. Надежда у буржуазіи одна — невѣжество массъ. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страданіе образуютъ быстрѣе, нежели думаютъ. Можетъ, массы долго не поймутъ, чѣмъ помочь своей бѣдѣ, но онѣ поймутъ, чѣмъ вырвать изъ рукъ несправедливыя права, не для того, чтобъ воспользоваться, а чтобъ разбить ихъ, не для того, чтобъ обогатиться, а чтобъ пустить другихъ по міру.

Знало ли дворянство близость своихъ судебъ, когда Сіесъ спрашивалъ: «Что такое среднее состояніе?» А развѣ мы не слышимъ со всѣхъ сторонъ вопросъ: «что такое работникъ?»... и угрюмый отвѣтъ: «ничего?»

Вѣдь и онъ можетъ повѣрить, какъ нѣкогда повѣрила буржуазія, что она *«все»*.

Дворянство имѣло по крайней мѣрѣ 4 августа, буржуазія не будетъ его имѣть, и это очень жаль. Пока какой-нибудь элементъ общественный еще живъ, какъ бы онъ ни былъ близокъ къ смерти, и какъ бы смерть его ни была неотвратима, онъ многое можетъ сдѣлать для того, чтобъ кончина его была честна, менѣе насильственна, и наоборотъ.

Буржуазія не поступится ни однимъ изъ своихъ монополей и привилегій. У нея одна религія — собственность со всѣми ея римско-феодальными послѣдствіями. Тутъ фанатизмъ и корысть

вмѣстѣ, тутъ ограниченность и эгоизмъ, тутъ алчность и семейная любовь вмѣстѣ.

Улыбка пренебреженія — не новость въ исторіи: за нею скрываются не только глупая самонадѣянность и ограниченность, но и страхъ, нечистая совѣсть, недостатокъ разумныхъ доводовъ, собственная несостоятельность и даже признаніе силы въ томъ, надъ чѣмъ смѣемся. Это улыбка римскихъ патриціевъ надъ назареями, римскихъ кардиналовъ надъ протестантами, Наполеона надъ идеологами, это улыбка дворянъ, когда буржуазія требовала себѣ тѣхъ правъ, которыя отказываетъ теперь народу.

Грубый смѣхъ высокомѣрной посредственности принадлежитъ, наконецъ, всѣмъ мелкорабочимъ рода человѣческаго. Уткнувши носъ въ счетную книгу, прозябаютъ тысячи людей, не зная, что дѣлается внѣ ихъ дома, ни съ чѣмъ не сочувствуя и машинально продолжая ежедневныя занятія. Разумѣется, они превосходно знаютъ все входящее въ тѣсной кругъ ихъ, и знаніе свое выдаютъ за великую практическую мудрость и житейскую науку, передъ которой всѣ другія науки и мудрости — мыльные пузыри. Имъ часто удается своими рутинными замѣтками подавлять на время неопытныхъ юношей, которые, краснѣя, удивляются ихъ основательной положительности и натоpѣлому бездушью.

Роль этихъ roués, улыбающихся при словѣ общихъ интересовъ, религіозныхъ вопросовъ, пренебрегающихъ мыслями и страстями, чрезвычайно любитъ буржуазія. Это ея поэзія, ея ненужность, а съ тѣмъ вмѣстѣ ея близость къ паденію.

Тяжелый и доктринерскій характеръ, который буржуазія вноситъ въ свою практическую rouerie, всего яснѣе показываетъ различіе ея съ roués временъ регентства и Людовика XV. Тѣ были легкомысленные развратники, блудныя дѣти отжившей аристократіи, распутная, избалованная дворня большого барина; у нихъ страсть къ деньгамъ и философское равнодушіе къ средствамъ ихъ пріобрѣтать сопровождалась страстью ихъ бросать; они были виверы, беззаботные gamins въ шестьдесятъ лѣтъ, у нихъ не было никакихъ теорій, они ни объ чемъ не думали всю жизнь, но за малѣйшую обиду дрались. Тяжелые roués XIX вѣка пресерьезные: говорятъ такъ основательно, слушали Росси, читали Мальтуса, дѣльцы, депутаты, министры, журналисты, у нихъ свои теоріи и ученія, у нихъ продѣлки приведены въ систему, они денегъ не бросаютъ и не дерутся за всякую обиду, они либералы и ссылаются часто на glorieuse révolution du 30 Juillet, они даже филантропы, хотя не до того, чтобъ вотировать хлѣбъ вмѣсто экзекуціи, когда люди впадаютъ въ ярость отъ голода [1]. Они,

[1] Въ самое то время казнили четырехъ работниковъ въ Бюзенсѣ.

сверхъ того, строгихъ нравовъ, толкуютъ о семейныхъ добродѣтеляхъ и объ обязанностяхъ честнаго человѣка, у нихъ есть цѣлая воскресная, театральная мораль, въ родѣ той, которую риторически проповѣдуютъ предсѣдатели коррекціонельной полиціи и многоглаголивые королевскіе прокуроры.

Оппозиція Людовику XVIII и Карлу X спасала буржуазію отъ того односторонне-ограниченнаго pli, которое она приняла теперь. Она покрывала неправое стяжаніе борьбой за права.

Народъ сначала не замѣчалъ какой монополь въ рукахъ буржуазіи, видя въ ней защитника этихъ мнимыхъ, а въ сущности безполезныхъ для него правъ; но страсть, съ которой буржуазія предавалась стяжанію и ажіотажу, пренебреженіе ко всѣмъ другимъ вопросамъ, ожесточеніе ея противъ неимущихъ,—не могли не раскрыть глаза народу, особенно когда за него принялись такіе офталмисты, какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ и пр.

Борьба началась: кто побѣдитъ, не трудно предсказать: рано или поздно per fas et nefas *побъдитъ* новое начало. Таковъ путь исторіи. Вопросъ тутъ не въ правѣ, не въ справедливости,—а въ силѣ и въ современности.

Дворянство имѣло не меньше правъ на свое исключительное положеніе въ государствѣ, нежели буржуазія, но оно не удержалось ни мечемъ, ни родословіемъ, ни королевской опорой; королевство стащило его съ собой на Place de la Révolution, и оно принуждено было спасаться бѣгствомъ.

Гдѣ же буржуазія найдетъ силу, съ своимъ crédit et débit, съ своей биржей и банкомъ, съ своимъ политическимъ атеизмомъ въ одну сторону, и религіей монополя въ другую сторону? Короли царствовали во имя Божье, дворяне защищали государство во имя короля. Мѣщане обогащаются въ *свое* имя, берутъ себѣ барыши, заставляя короля защищать свои капиталы — дѣтьми стариковъ, которыхъ ограбили и раззорили.

Письмо мое становится чудовищно. Прощайте, иду смотрѣть окончаніе процесса, за которымъ я слѣдилъ съ самаго начала.

Входя въ французскій судъ, вы отступаете вѣка на два, на три. Судьи, адвокаты, прокуроръ въ маскарадныхъ платьяхъ напоминаютъ средніе вѣка, другіе нравы, чуждые намъ такъ, какъ условно-тяжелый языкъ ихъ протоколовъ и напыщенное, холодно-взбитое краснорѣчіе.

Прокуроръ витійствуетъ противъ обвиненныхъ съ яростнымъ, суровымъ ожесточеніемъ. Правъ ли, виноватъ ли подсудимый, онъ считаетъ личной обидой, несчастіемъ, безчестіемъ, если его не приговорятъ къ чему-нибудь. Онъ тронутъ, онъ плачетъ, если успѣетъ вымолить наибольшее наказаніе. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на эту злобу, съ которой прокуроръ преслѣдуетъ свою

жертву и толкаетъ ее подъ ножъ гильотины; точно будто ихъ особо воспитываютъ какъ бульдоговъ или отдаютъ какъ Ромула и Рема en nourrice въ Jardin des Plantes волчихамъ.

И все-то это—притворство и промыселъ!

Письмо пятое.

Римъ, декабрь 1847 г.

Къ осени сдѣлалось невыносимо тяжело въ Парижѣ; я не могъ сладить съ безобразнымъ нравственнымъ паденіемъ, которое меня окружало: я чувствовалъ, что въ мою душу забирается то самоотверженіе, тотъ холодъ и то «все равно», которое вносится утраченными надеждами, разрывомъ съ дѣйствительностью, презрѣніемъ къ настоящему; я черствѣлъ и только иногда по негодованію чувствовалъ молодость силъ и прежнее одушевленіе.

Смерть въ литературѣ, смерть въ театрѣ, смерть въ политикѣ, смерть на трибунѣ, ходячій мертвецъ Гизо, съ одной стороны, и дѣтскій лепетъ сѣдой оппозиціи, съ другой, это ужасно! Тамъ, гдѣ то внизу, вдали раздавались иногда сильныя стенанія: казалось, они выходили изъ могучей и здоровой груди, но снаружи Парижъ представлялъ остынувшій кратеръ, превратившійся въ грязь и слякоть. Франція выздоровѣетъ, какъ я сказалъ въ прошломъ письмѣ, безъ радикальныхъ средствъ, небеснаго огня и морской воды; но мнѣ вовсе не хотѣлось быть сидѣлкой у ея изголовья, пока она ломается въ припадкѣ безумія, сдерживаемая грязными и циническими руками цирюльниковъ и больничныхъ сидѣлокъ. «Въ Италію, въ Италію!» Мнѣ хотѣлось отдохнуть, хотѣлось моря, теплаго воздуха, пышной зелени и людей,—не такъ истасканныхъ, не такъ выжившихъ изъ сердца. Я рѣшился ѣхать въ половинѣ октября. А признаюсь, когда пришлось разставаться съ Парижемъ, мнѣ сдѣлалось страшно: вся моя задорная храбрость покинуть Парижъ исчезла. Парижъ—центръ, выѣзжая изъ него, выѣзжаешь изъ современности. Я былъ бы радъ, если-бъ какой нибудь непредвидѣнный случай меня остановилъ; но ось не сломилась, колесо не разсыпалось, и мы покатились. «Ну, а какъ въ Италіи будетъ еще хуже? померанцевыхъ деревьевъ и синяго неба все таки мало для жизни»,—думалъ я, переѣзжая мостъ, построенный изъ камней, наломанныхъ при разрушеніи Бастиліи, и прощаясь съ удивительной панорамой обоихъ береговъ Сены. Огромные, почернѣлые домы и новые дворцы по Quai d'Orsay, капризная, разнообразная архитектура парижскихъ построекъ, исполненная жизни и движенія, мрачныя стѣны Консьержри и величавая масса Собора, Тюльери, Лувръ, Cité, врѣзы-

вающееся баркой въ Сену,—все это еще разъ проходило передъ моими глазами, двигалось, мѣнялось, уходило за домы, становилось смутнѣе, совсѣмъ исчезло...

На станціи я высунулъ голову. Дождь лился ливнемъ. «Какъ называется эта станція?»—«Шарантонъ!» отвѣчалъ почтальонъ, стоя въ лужѣ и съ досадой откладывая мокрыхъ лошадей. Я вспомнилъ мою свѣтлую квартиру въ Avenue Marigny, вспомнилъ друзей, приходившихъ по вечерамъ вмѣстѣ сердиться, и мнѣ показалось естественнымъ и справедливымъ, что меня привезли въ Шарантонъ за то, что я выѣхалъ изъ Парижа. Парижъ, что тамъ ни толкуй, единственное мѣсто въ гибнущемъ Западѣ, гдѣ широко и удобно гибнуть.

О дорогѣ разсказывать нечего. Ѣздить во Франціи на почтовыхъ лошадяхъ скучно, точно машина: ни разговоровъ, ни спора, ни станціонныхъ смотрителей, ни книгъ, ни подорожныхъ. Закладываютъ въ одинъ мигъ, лошади вездѣ есть, шоссе какъ скатерть, почталіонъ скачетъ отъ станціи до станціи,—вся поэзія нашихъ дорогъ не существуетъ. Даже сложная исторія и вѣчные споры о «водкѣ» опрощены до удивительной степени. На первой станціи почтальонъ, касаясь рукой до шляпы, васъ спрашиваетъ, сколько вы платите на водку, присовокупляя, что по закону ему слѣдуетъ получать полтора франка съ миріаметра, но что обыкновенно порядочные люди прибавляютъ десять су. Вы, разумѣется, хотите быть порядочнымъ человѣкомъ и соглашаетесь на прибавку тринадцати копеекъ серебромъ на десять верстъ, тѣмъ дѣло и оканчивается на всю дорогу. Никто нигдѣ не проситъ ничего больше, никакой «прибавочки».

До Ліона мы доѣхали, не замѣтивъ пути. Ліонъ сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе: я не могъ довольно нарадоваться въ немъ успѣхамъ инженернаго и фортификаціоннаго искусства во Франціи. Представьте себѣ, этотъ огромный, сжатый, биткомъ набитый городъ, въ которомъ постоянно болѣе двухсотъ тысячъ жителей, можно уничтожить въ полчаса, благодаря укрѣпленіямъ, поставленнымъ послѣ 1832 года. Ліонъ прислоненъ къ двумъ горамъ и разрѣзанъ двумя рѣками: на всѣхъ высотахъ, скромно и не очень выставляясь, притаились небольшія укрѣпленія: тамъ пушекъ пять-шесть, тутъ три-четыре: эти фортификаціонные образчики растутъ, умножаются и тянутся къ огромной крѣпости по другую сторону Соны въ старомъ римскомъ городѣ, которая вѣнкомъ своихъ фортовъ окружаетъ гору и кладбище, мертвые сберегутся, т. е. тѣ, которые успѣютъ переѣхать до перваго «пли?» Между отдѣльными крѣпостцами есть художественный ensemble, такъ что въ случаѣ перестрѣлки весь городъ покроется ядрами и картечью: нѣтъ точки, на которую не могло бы упасть ядро,

остальное додѣлають бомбы. Середь города тоже разбросаны пушки; вовсе неожиданно идешь какимъ нибудь переулкомъ и вдругъ натолкнешься на два, на три жерла, обращенныя на два, на три переулка и осѣненныя трехцвѣтнымъ знаменемъ съ иронической надписью «Liberté et ordre public!» Главная часть укрѣпленій обращена противъ фабричной части города, расположенной по горѣ съ другой стороны Соны. У меня закружилось въ головѣ, когда я съ крѣпостной стѣны посмотрѣлъ въ трубочку на шести-семи-этажные домы въ Croix Rousse, прислоненные къ утесамъ, на улицы, кипящія отъ многолюдія, и вообразилъ себѣ два-три залпа, одинъ сверху утесовъ, другой изъ крѣпости, — мнѣ представилась груда каменьевъ, теплыхъ отъ человѣческой крови и переложенныхъ трупами дѣтей, женщинъ, стариковъ. Со мною былъ valet de place. «Пятнадцать лѣтъ прошло послѣ 32 года, сказалъ онъ мнѣ, а теперь вспомню, что тогда было,—такъ становится страшно. Видите эту террасу, сюда загнали солдаты и національная гвардія работниковъ: какъ они столпились тамъ, вдругъ открылся пушечный огонь изъ-за Соны: сойти имъ было нѣкуда, назадъ двинуться невозможно, дороги узкія и вездѣ штыки: ну, тутъ ихъ и покончили картечью».

Я взглянулъ на древнюю стѣну, построенную еще во время римскаго владычества: она была вся рябая отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Страшное событіе, великая жертва въ нашъ *образованный* вѣкъ, принесенная министерствомъ, составленнымъ изъ газетчиковъ и филантроповъ, изъ историковъ и либераловъ! Чего, я чай, стоило ихъ нѣжному сердцу дать такіе приказы? А дѣлать было нечего, надобно было успокоить буржуазію, надобно было дать залогъ, снять всякое сомнѣніе, скрѣпить связь между новымъ порядкомъ и ею. Ліонское усмиреніе и бойня въ Cloître St.-Mèry громко высказывали, какъ разрѣшается министерствомъ вопросъ о платѣ за работу, о голодѣ и о прочихъ безпорядкахъ: словомъ это были сентябрскіе дни du juste milieu, которые отрѣзывали, съ одной стороны, всѣ надежды и сжигали, съ другой стороны, всѣ корабли. «Послѣ двухдневной стрѣльбы, продолжалъ мой разсказчикъ, стало потише; тутъ взошла армія торжественнымъ маршемъ, съ барабаннымъ боемъ, съ зажженными фитилями: герцогъ Орлеанскій и маршалъ Сультъ ѣхали впереди».—«Ну, что же, они дали праздникъ?» спросилъ я.—«Нѣтъ, что-то не помню», добродушно отвѣчалъ онъ.

У городовъ, какъ у людей, бываетъ иногда трагическая судьба. Ліонъ, который теперь живетъ подъ Дамокловымъ мечемъ укрѣпленій, усѣянный тысячами труповъ въ 32 году, былъ театромъ страшнаго наказанія въ 93 г. Ліонъ никогда не блисталъ своей аристократіей, но съ давнихъ лѣтъ въ немъ было богатое купе-

чество и сильное духовенство. Это придало жителямъ, съ одной стороны, характеръ жесткій, корыстный, завистливый, съ другой— угрюмый, нетерпящій, сосредоточенный, скрыто страстный, террористическій, іезуитскій. Купцы въ Ліонѣ, какъ вездѣ, были рады перемѣнамъ 89 года; всякое пріобрѣтеніе правъ средняго состоянія было дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ ліонскихъ фабрикантовъ и торговцевъ; но прежде, нежели гдѣ нибудь, обличилась въ Ліонѣ иная борьба, борьба работниковъ съ хозяевами, съ фабрикантами. Пріобрѣтая новыя права себѣ, буржуазія хотѣла оставить работниковъ въ состояніи прежняго илотства. А потому ліонскіе мѣщане, рукоплескавшіе первымъ мѣрамъ народнаго собранія, подняли знамя междуусобной войны противъ конвента. Они это сдѣлали въ самую критическую минуту для Франціи. Непріятель былъ въ двухъ шагахъ, съ трехъ сторонъ; Ліонъ, близкій къ Эльзасу, къ Швейцаріи, къ Піемонту, въ надеждѣ на непріятельскую помощь, защищался храбро противъ республиканскихъ полчищъ; но и тѣ, какъ извѣстно, были не трусы; городъ былъ взятъ. Месть конвента объяснялась степенью опасности, въ которой была Франція. Онъ произнесъ громовый приговоръ: «Срыть съ лица земли крамольный городъ, упразднить его». Комитетъ общественнаго спасенія послалъ одного изъ членовъ своихъ, Кутона, исполнить страшную казнь. Хромой, нервный Кутонъ,—одно изъ чистѣйшихъ лицъ великой драмы,—не былъ ни тѣмъ германскимъ императоромъ, который срылъ до основанія Миланъ и посыпалъ землю солью, ни инженеромъ доктринерскихъ временъ; онъ не хотѣлъ выполнять буквально свирѣпый приговоръ, а придумалъ средство, совершенно обратное доктринерскимъ обычаямъ; вмѣсто того, чтобы скрыть половину грозныхъ мѣръ и втихомолку замучить и передушить враговъ, онъ ихъ удвоилъ на словахъ; чтобъ поразить умы, онъ самъ съ молоткомъ въ рукѣ во главѣ всей черни отправился разрушать богатѣйшія зданія; онъ самъ давалъ первый ударъ домамъ, назначеннымъ на сломку, по большей части этотъ первый ударъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и послѣднимъ. Захвативши главныхъ зачинщиковъ, остававшихся въ городѣ, Кутонъ далъ знать подъ рукою второстепеннымъ участникамъ, чтобы они удалились; нѣсколько тысячъ человѣкъ были спасены такимъ образомъ; казалось, что дѣло окончится нѣсколькими казнями, но Кутонъ ошибся въ разсчетѣ. Главный врагъ возставшихъ ліонцевъ не былъ ни конвентъ, ни якобинцы, а ліонская чернь, которую они морили съ голоду, унижали, тѣснили въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній, которой фанатическаго представителя они казнили самымъ страшнымъ образомъ. Работники имѣли, сверхъ выстраданной ненависти и злобы, ту неумолимую свирѣпость, которую развиваетъ нужда,

невѣжество; у нихъ были свои частные счеты, имъ хотѣлось мести личной, кровавой: они вѣрили въ нее, ждали ея, наслаждались ею впередъ; надѣясь на нее, служили вѣрой и правдой конвенту, и обманулись; съ бѣшеной злобой и съ упреками обратились клубисты къ Кутону, требуя крови; трагическая обстановка не скрыла въ ихъ глазахъ мысль конвентскаго посланника. Дѣлать было нечего, надобно было усугубить казни. Кутонъ не могъ вынести и просилъ комитетъ общественнаго спасенія отозвать его; чернь, съ своей стороны, требовала болѣе энергическихъ исполнителей, то есть болѣе свирѣпыхъ. На этотъ разъ конвентъ угодилъ имъ, онъ послалъ Карье и Фуше; Карье, которымъ гнушался комитетъ общественнаго спасенія, и Фуше, которымъ не гнушались ни Наполеонъ, ни реставрація. Все, что не успѣло спастись при Кутонѣ, пало подъ ударами гильотины, кровь струилась по площади передъ Hôtel de-Ville, гильотину перенесли на мостъ и Рона уносила обезглавленные трупы; толпа осужденныхъ была разстрѣляна en masse. Карье и Фуше смотрѣли изъ окна на эту казнь, — что они думали? Кто ихъ знаетъ! Чернь была удовлетворена, месть ея удалась, но она не предвидѣла, что кровь даромъ не проходитъ, что и на улицѣ буржуазіи будетъ праздникъ, что черезъ сорокъ лѣтъ она отомститъ черни, — и какъ!

Съ Авиньона начиная, чувствуется, видится югъ. Для человѣка, вѣчно живщаго на сѣверѣ, первая встрѣча съ южной природой исполнена торжественной радости: юнѣешь, хочется пѣть, плясать, плакать,—все такъ ярко, свѣтло, весело, роскошно. Провансъ - начало благодатной полосы въ Европѣ, отсюда начинаются лѣса маслинъ, небо синѣетъ, въ теплые дни чувствуется сирокко. Недалеко отъ Авиньона надобно было переѣзжать приморскіе Альпы. Въ лунную ночь взобрались мы на Эстрель; когда мы начали спускаться, солнце всходило, цѣпи горъ вырѣзывались изъ за утренняго тумана, лучъ солнца освѣтилъ вдали ослѣпительныя снѣжныя вершины; кругомъ яркая зелень, цвѣты, рѣзкія тѣни, огромныя деревья и мрачныя скалы, едва покрытыя бѣдной и жесткой растительностью. Воздухъ былъ упоителенъ, необычайно прозраченъ, освѣжающъ и звонокъ; наши слова, пѣніе птичекъ раздавались громче обыкновеннаго. Съ каждымъ шагомъ внизъ виды мѣнялись — то новая цѣпь горъ откроется, то небольшое озеро внизу, то ѣдешь берегомъ пропасти, то роскошной лужайкой, то у подошвы огромныхъ, скалистыхъ пластовъ, точно накладенныхъ какими нибудь титанами, вмѣсто которыхъ теперь прыгаютъ козы. И вдругъ на небольшомъ изгибѣ дороги, какъ кайма около горъ, блеснуло и зажглось Средиземное море. Сколько пустоты, скуки, скорби и, главное, пошлости выкупаетъ такое

утро! Въѣздъ въ Италію дѣлается для человѣка какимъ то благодатнымъ событіемъ, свѣтлой чертой въ воспоминаніи.

Отъ Эстреля до Ниццы не дорога, а аллея въ роскошномъ паркѣ: прелестные загородные домы, плетни, украшенные плющемъ, миртами, цѣлые заборы, обсѣянные розовыми кустами,—наши оранжерейные цвѣты на воздухѣ, померанцевыя и лимонныя деревья, тяжелыя отъ плодовъ съ своимъ густымъ благоуханіемъ, а вдали, съ одной стороны, Альпы, съ другой, море—

Ein sanfter Wind vom blauen Himmel weht...

Одно оскорбляетъ глазъ и щемитъ славянскую душу: высокія каменныя ограды, посыпанныя битымъ стекломъ, отдѣляютъ сады, огороды, иногда даже поля; онѣ представляютъ какое-то увѣковѣчиваніе исключительнаго владѣнія, какую-то нахальную дерзость права собственности: для бѣдняка дорога пыльная, жесткая, и оскорбительная стѣна, напоминающая ему безпрерывно, что онъ нищій, что для него нѣтъ даже вида вдаль. Нельзя себѣ представить какой угрюмый характеръ придаютъ полямъ и землѣ эти стѣны; деревья, какъ узники, посматриваютъ черезъ нихъ, прелестнѣйшіе ландшафты испорчены. Русскаго села въ Европѣ нѣтъ. Смыслъ деревенской комуны въ Европѣ только полицейскій. Что общаго между этими разбросанными домами, огораживающимися другъ отъ друга? У нихъ все особое, они связаны только общей межой. Что можетъ быть общаго между голодными работниками, которымъ комуна предоставляетъ le droit de glaner и богатыми домохозяевами? Да здравствуетъ, господа, русское село—будущность его велика.

Объ Ниццѣ говорить нечего,—все хорошо внѣ ея, то есть въ ея окрестностяхъ. Ницца даже вовсе не итальянскій городъ, а скорѣе провинціальный французскій. Ницца живетъ и процвѣтаетъ больными, туристами. Сначала, когда мы пріѣхали, я не могъ найти въ Ниццѣ Journal des Débats, запрещенный іезуитами, ни одной тосканской газеты, запрещенной королемъ. Это меня послѣ Парижа столько-же удивило въ Ниццѣ, какъ рѣка безъ воды (единственная достопримѣчательность сего города). Словомъ, для того чтобъ жить въ Ниццѣ, надобно изсушить свое тѣло излишнимъ воздержаніемъ или излишней невоздержностью, какъ всѣ англичане, павшіе на ноги, и всѣ англичанки съ попорченнымъ спиннымъ мозгомъ, которые составляютъ главное населеніе Ниццы. Или, наконецъ, можно въ ней жить par dépit, на смѣхъ всей Европѣ, какъ девяностолѣтній Сержанъ, умершій здѣсь мѣсяца три тому назадъ. Сержанъ будировалъ Францію, недовольный *умѣренностью* конвента. Закоснѣлый террористъ умеръ, сильно опечаливши іезуитовъ. Они хотѣли воспользоваться апоплексіей и предсмертной

слабостью, чтобъ обратить его и заставить отречься отъ прежней жизни своей. Такое обращеніе на путь истины было бы очень казисто. Но Сержанъ также мало испугался паралича и іезуитовъ, какъ нѣкогда гильотины и палачей; онъ приподнялся и, собравши послѣднія силы, сказалъ стоявшимъ возлѣ его постели, что если-бъ ему пришлось снова повторить свою жизнь, то онъ снова игралъ бы ту-же роль въ событіяхъ, что совѣсть его покойна,—а Сержанъ участвовалъ въ Сентябрскихъ дняхъ!

Въ Ниццѣ я встрѣтился только съ югомъ, съ Италіей встрѣтились мы въ Генуѣ. Мы приплыли въ Генуя прелестнѣйшимъ ноябрскимъ днемъ, на разсвѣтѣ. Что это за удивительная красота! Гора покрытая мраморными дворцами, которые глядятся въ море и надъ которыми зеленѣются сады! Съ какой охотой я бы вамъ разсказалъ что-нибудь объ этихъ домахъ вышиною съ наши колокольни, объ этихъ узкихъ переулкахъ, покрытыхъ народомъ, который тутъ работаетъ, шумитъ, ѣстъ, поетъ, безпрестанно кричитъ и размахиваетъ руками; да все это столько разъ сказано, что стыдно повторять.

Лигуры мнѣ очень понравились, въ нихъ есть что-то свободное, республиканское, и я вообще думаю, что характеристика генуэзцевъ, сдѣланная правовѣрнымъ нѣмцемъ Лео, въ его итальянской исторіи, ошибочна; а впрочемъ съ точки зрѣнія католицизма и самодержавія Генуя можетъ и не понравиться; Маццини — генуэзецъ.

Мнѣ кажется, что вообще итальянцы сильно оклеветаны; люди, принадлежащіе къ *общей европейской* цивилизаціи, т. е. принявшіе ея понятія, формы, мѣры, вѣсы, безъ всякаго разбора прикидываютъ все на французскій и англійскій аршинъ или на абсолютный вершокъ нѣмецкой философіи. Эта односторонность выказывается иногда въ смѣшномъ удивленіи *образованныхъ* людей при видѣ фактовъ, которые стояли споконъ-вѣка передъ ними, но которыхъ понять они не могли именно отъ образованія. Говорятъ, что итальянцы лѣнивы, обманываютъ, что они рабы, политическіе невѣжды, и пр. Эти качества принадлежатъ всѣмъ народамъ въ разныхъ степеняхъ; сверхъ того, говоря о лѣни, нельзя не замѣтить, что работа вообще не есть наслажденіе, особенно въ жаркихъ странахъ; но этого мало, англичане въ Манчестерѣ, французы въ Ліонѣ, кажется, не лѣнивы, а хлѣба насущнаго еще не заработали. Какая-же польза быть очень ретивымъ? Работа въ Италіи такъ дорога, что хозяева дорожатъ работниками.

Кто не забылъ исторію послѣднихъ трехъ вѣковъ, тотъ знаетъ, какъ долго Франція, Австрія и Папство работали, чтобъ убить политическую жизнь Италіи. Наконецъ, утомленный неровнымъ боемъ, итальянецъ сдѣлался равнодушенъ къ политикѣ, теперь онъ во-

скресаетъ. Сверхъ того, и тутъ нельзя сказать, чтобъ народъ въ Италіи въ самомъ дѣлѣ такъ далеко отсталъ отъ другихъ. Франція была очень неравнодушна къ политикѣ, что-же—она свободна? Или вы, можетъ, вѣрите, что Англія свободна?—Ну, такъ и здѣсь всѣ Corsini, Colona, Torlonia и др. по своему свободны. Въ итальянцахъ особенно развито уваженіе къ себѣ, къ личности: они не *представляютъ* какъ французы демократію, она у нихъ въ нравахъ: и подъ равенствомъ они не разумѣютъ равномѣрное рабство. Мелкія плутни итальянцевъ, о которыхъ столько накричали туристы, бросающіе горстями золото и усчитывающіе баіокъ, когда дѣло идетъ о buona mano,—скорѣе смѣшны, нежели отвратительны и вертятся всегда около гривенника.

Мы застали Геную торжествующею, нарядною. Карлъ Альбертъ былъ тутъ, городъ пировалъ реформу и примиреніе. Генуя, съ самаго присоединенія къ Сардиніи, жила въ мрачномъ отчужденіи отъ Піемонта, она смирялась, но съ нахлобученнымъ челомъ; ея аристократы держали себя вдали отъ Турина, піемонтскіе чиновники были иностранцы для лигуровъ. Реформа нѣсколько примирила двухъ сосѣдей, которыхъ сочеталъ бракомъ вѣнскій конгрессъ. Перемѣны и права, данныя Карломъ Альбертомъ, чрезвычайно скромны; они стараются исправить вещи, вопіющая несправедливость которыхъ бросалась въ глаза, мѣняютъ устарѣвшія учрежденія, обезсиленныя самимъ временемъ; они были неминуемы, неотлагаемы послѣ реформы Пія IX и тосканскаго герцога; Карлъ Альбертъ съ ловкостью исполнилъ то, чего отложить не могъ. Увлекающійся характеръ итальянцевъ не зналъ предѣла радости: въ самомъ дѣлѣ, какъ реформа ни была бѣдна, она свидѣтельствовала о сильномъ толчкѣ, о томъ, что государство двинулось, сошло съ мели, это было официальное сознаніе пробужденія, del risorgimento!

Я бѣжалъ изъ Франціи, отыскивая покоя, солнца, изящныхъ произведеній и сколько-нибудь человѣческой обстановки, да и всего этого я ждалъ не подъ отеческимъ скипетромъ экс-карбонаро Карла Альберта. И только что я поставилъ ногу на итальянскую землю, меня обняла другая среда, живая, энергическая, вливающая силу и здоровье. Я нравственно выздоровѣлъ, переступивъ границу Франціи: я обязанъ Италіи обновленіемъ вѣры въ свои силы и въ силы другихъ; многія упованія снова воскресли въ душѣ: я увидѣлъ одушевленныя лица, слезы, я услышалъ горячія слова. Безконечная благодарность судьбѣ за то, что я попалъ въ Италію въ такую торжественную минуту ея жизни, исполненную тѣмъ изящнымъ величіемъ, которое присуще всему итальянскому— дворцу и хижинѣ, нарядной женщинѣ и нищему въ лохмотьяхъ.

Кому изъ васъ не случалось проѣзжать по селу въ свѣтлый

праздникъ,—все нарядно, радостно: мужичекъ выпилъ стаканчикъ и разсѣялъ думу объ оброкѣ, баба надѣла новый сарафанъ и забыла о барщинѣ, парни гуляютъ, какъ будто нѣтъ рекрутства, дѣвки не думаютъ о насильственномъ бракѣ, дѣти играютъ въ чистыхъ рубашенкахъ, — «они воскресли тоже», какъ говоритъ Фаустъ, «изъ душныхъ мастерскихъ, изъ низенькихъ домовъ». Представьте-же себѣ не село, а цѣлую страну въ торжественномъ нарядѣ, страну, празднующую свѣтлое воскресеніе свое, и представьте себѣ, что эту страну называютъ Италіей!

А давно-ли было то время, въ которое Гейне говорилъ, что въ письмахъ изъ Италіи можно говорить обо всемъ, кромѣ Италіи? И всѣ находили, что онъ правъ, и весь талантъ Диккенса не спасъ его пустого разсказа. Въ Италіи вновь ничего не происходило, а что было прежде, то было все высказано, съ геніемъ Гёте, и съ негодованіемъ леди Морганъ, съ огненнымъ словомъ Байрона и съ плоскостью Фулширона. Казалось, что нѣтъ предмета болѣе исчерпаннаго, какъ Италія: она лѣтъ двѣсти, даже больше, ничего не дѣлала, какъ будто нарочно для того, чтобъ дать полное время описать себя со всѣхъ сторонъ: она позировала—великая красавица, великая куртизана между народами:

o tu cui feoza sorte
Dono infelice di bellezza!..

Но, tempora mutantur, время тяжелаго сна для Италіи прошло: она, уставшая отъ двухъ великихъ прошедшихъ, захваченная во внутреннемъ раздорѣ внѣшними врагами, покорилась имъ, у ней не было больше силъ противустоять: можетъ, она и нашла бы еще въ своей груди отвагу и мощь, но эту грудь разъѣдалъ извнутри ядовитый ракъ папства. Теперь Италія забыла старыя притязанія и семейныя ссоры, теперь она плохо вѣритъ въ папство, она спаялась горемъ и слезами и требуетъ государственнаго единства и гражданской свободы.

Въ Ливорнѣ я увидѣлъ первую «чивику», il popolo armato. Я вообще не люблю ни орудій, ни солдатъ, но если ужъ есть необходимость въ вооруженной силѣ, то внутренняя стража, составленная изъ гражданъ и не одѣтая въ мундиръ, всего менѣе оскорбляетъ. По счастію, тосканская чивика еще не успѣла нашить себѣ мундиры; люди, одѣтые кто во что попало, въ бархатныхъ и суконныхъ курткахъ, въ блузахъ всѣхъ цвѣтовъ, въ пальто всѣхъ покроевъ, съ круглыми шляпами и въ фуражкахъ, съ перевязью черезъ плечо и съ ружьемъ, занимали всѣ караулы. Вы не можете представить себѣ, до какой степени это отсутствіе мундира облагороживаетъ часового. Надѣвать мундиръ на національную гвардію—нелѣпость или желаніе изъ нея сдѣлать такое-же

покорное орудіе въ рукахъ власти, какъ арміи. Цѣль эта во Франціи достигнута. Глядя на чивику въ Ливорнѣ, признаюсь, я не могъ удержаться, чтобъ не подумать, что было бы съ нашимъ другомъ Сергѣй Сергѣевичъ Скалозубомъ, если-бъ онъ вдругъ — не въ Ливорнѣ, а на Литейной или на Морской—увидѣлъ такихъ часовыхъ.

Изъ Ливорны мы съѣздили на нѣсколько часовъ въ Пизу. Всѣ эти мѣста остались въ моей памяти свѣтлыми точками, воспоминанія объ нихъ всякой разъ отрадны для меня. И, не странное-ли дѣло, при словѣ отрадныхъ воспоминаній моего путешествія мнѣ представился — что вы думаете —Кёнигсбергъ? Есть города. съ которыми встрѣчаешься особенно тепло, подъ особенно счастливымъ созвѣздіемъ. Кёнигсбергъ былъ первый городъ. въ которомъ я отдохнулъ отъ двѣнадцатилѣтнихъ преслѣдованій. тамъ я почувствовалъ, наконецъ, что я на волѣ, что меня не отошлютъ въ Вятку. если я скажу, что полицейскіе чиновники имѣютъ также слабости, какъ и всѣ смертные. и не отдадутъ въ солдаты за то, что я не считаю главной обязанностью всякаго честнаго человѣка дѣлать доносы на друзей.

Въ Тосканѣ политическое движеніе мнѣ показалось еще сильнѣе, нежели въ Піемонтѣ. Въ Ливорнѣ на улицахъ стояли группы людей, съ жаромъ толковавшихъ о политикѣ, всѣ принимали участіе въ разговорахъ и спорахъ. таможенные смотрители, факины и лодочники. Во всѣхъ лавкахъ были вывѣшаны трехцвѣтные фуляры съ *зажигательными* надписями. съ воззваніями. съ портретомъ Пія IX; на шляпахъ были огромныя кокарды, женщины носили трехцвѣтные банты, дѣти распѣвали гимнъ Пію IX.

Кстати. разскажу вамъ, какъ я *не слыхалъ* въ первый разъ этотъ гимнъ. Однимъ добрымъ утромъ читаю я въ Парижѣ, —читаю тамъ. гдѣ обыкновенно приклеиваютъ афиши, на тѣхъ выдолбленныхъ каменныхъ памятникахъ, назначенныхъ, съ одной стороны, для величайшей гласности, а съ другой, для глубочайшаго aparte,- что въ Château des Fleurs будутъ пѣть гимнъ Pio nono. Château des Fleurs,—садъ, отдѣланный въ ультра-мѣщанскомъ вкусѣ. возлѣ Arc de Triomphe, съ декораціями на холстинѣ, съ искусственными развалинами, съ маленькими фонтанчиками и разноцвѣтными шкаликами. Бѣгу туда. беру билетъ и приготовляюсь слушать: играютъ кадрили, играютъ Штраусовы вальсы. поютъ «чувствительную Перету», играютъ отрывокъ изъ «сорокиворовки». гимна все нѣтъ: наконецъ. затрещалъ жалкій фейерверкъ. мѣщанки испугались. ихъ мужья показали храбрость Нея и Мюрата и съ твердостью духа смотрѣли на полетъ ракетъ. Фейерверкъ учтивое и огненное напоминовеніе. что пора идти вонъ: я въ отчаяніи отправляюсь къ капельмейстеру съ афишей въ рукѣ и требую Pie Neuf. «Это не наша вина, отвѣчаетъ ка-

пельмейстеръ: префектъ запретилъ: мы, съ своей стороны, сдѣлали все, что могли, nous vous avons donné pour le Pie Neuf un morceau de la Pie voleuse!» И это запрещеніе никого не поразило, никого не удивило, кромѣ меня. Глубоко оскорбленный, шелъ я домой по Елисейскимъ полямъ и грустно посматривалъ на Place de la Révolution, съ которой грозился черный и печальный обелискъ, поставленный на мѣстѣ страшной гильотины 21 января: я обернулся,—добродѣтельные мѣщане шли такъ мирно, такъ покойно домой, хохотали, курили, а вдали исчезалъ Arc de Triomphe, на которомъ мастерской рѣзецъ такъ славно вырѣзалъ громовую Марсельезу. Журналы едва помянули объ этомъ. Вотъ вамъ Франція въ 1847 году. Мишле, начиная курсъ второго семестра, сказалъ: «Господа, прошедшій годъ для насъ нравственное Ватерлоо, глубже упасть нельзя, мы дотронулись до дна срама и позора». Мишле забылъ, что есть у фокусниковъ ящики съ двумя, съ нѣсколькими днами.

Не могу сказать, чтобъ Римъ съ перваго раза сдѣлалъ на меня особенно пріятное впечатлѣніе. Въ Римъ надобно вжиться, его надобно изучить: хорошія стороны его не бросаются въ глаза, въ наружности города есть что-то старческое, отжившее, пустынное и дряхлое: его мрачныя улицы, его угрюмые дворцы и некрасивые домы печальны; въ немъ все почернѣло, все будто послѣ покойника, все пахнетъ затхлымъ, такъ, какъ въ Петербургѣ все лоснится, все пахнетъ известью, сырымъ, необжитымъ. Всего болѣе поражаетъ въ новомъ Римѣ отсутствіе величія, т. е. именно ширины, того, что мы привыкли сопрягать со словомъ Римъ. Не возмущайтесь тѣмъ, что я говорю, а дайте объясниться: дѣло идетъ теперь объ общемъ впечатлѣніи новаго Рима, а не о двухъ прошедшихъ, которые оставили свои великіе памятники середь него.

«Вѣчный» городъ нѣсколько разъ мѣнялъ свою броню, слѣды разныхъ одеждъ его остались, по нимъ можно судить, какова была его жизнь. Римъ величайшее кладбище въ мірѣ, величайшій анатомическій театръ: здѣсь можно изучать былое существованіе и смерть во всѣхъ ея фазахъ. Прошедшее здѣсь легко возстановляется, по одной колоннѣ по нѣсколькимъ камнямъ.

Первое, что поражаетъ человѣка, не свихнувшаго свой умъ мистическими бреднями, это слѣды жизни смутной, дикой, отталкивающей, исключительной, которою смѣняется широкая, могучая, раскрытая жизнь древняго Рима. Въ древне-христіанскомъ Римѣ не видать ни малѣйшаго понятія объ искусствѣ, никакого чувства изящнаго: застроенныя въ стѣны колонны, порталы стоятъ вѣчными свидѣтелями благочестиваго безвкусія того печальнаго міра, который замѣнилъ міръ Пантеона и Колизея. Древній Римъ палъ, какъ могучій гладіаторъ, его колоссальный остовъ внушаетъ

благоговѣніе и страхъ: онъ и теперь гордо и торжественно борется противъ разрушенія, время не могло сокрушить его костей: его остатки, ушедшіе въ землю, разваливающіеся, покрытые плющемъ и мохомъ, величественнѣе и благороднѣе всѣхъ храмовъ Браманте и Бернини. Каковъ былъ мощный духъ, умѣвшій такъ отпечатлѣть себя на этихъ каменныхъ ребрахъ, что полустертый слѣдъ его подавляетъ собою два, три Рима, выстроенные возлѣ и строившіеся вѣка! Когда я первый разъ вышелъ за Капитолійскую гору и вдругъ очутился надъ Форумомъ и Колизеемъ, я остановился, смущенный и взволнованный. Вотъ онъ остовъ великаго дѣятеля. Въ гигантскомъ скелетѣ сохранилось царственное выраженіе; Forum Romanum — великія свѣтскія мощи міра чисто свѣтскаго: вѣчный Римъ тутъ, по этимъ развалинамъ легко понять, кто были римляне.

Рядомъ съ костями полубога, героя, возлѣ нихъ, около нихъ, а частію на нихъ замерла другая жизнь, жизнь средневѣковая: печальная, суровая мумія его наводитъ уныніе, смерть сохранила изнуренныя постомъ и молитвой формы, образъ монашескій и болѣзненный. Въ Римѣ нѣтъ ни одного замѣчательнаго памятника среднихъ вѣковъ: весь этотъ византизмъ и готизмъ былъ не по натурѣ итальянцамъ, всего менѣе римлянамъ. Они не настолько южны, чтобъ предаваться сладострастію аскетизма, и не настолько сѣверны, чтобъ млѣть въ мечтательномъ мистицизмѣ. Климатъ Италіи слишкомъ свѣтелъ для истомы плотоумерщвленія. Итальянца тянетъ изъ подъ готической стрѣлки къ спокойному куполу, онъ не стремится вмѣстѣ съ теряющимися колокольнями... туда, туда, — ему и здѣсь хорошо. Онъ какъ Миньона: dahin, dahin, у него значитъ въ Италію. Жизнь средневѣковая для Рима была не цвѣтеніе, какъ для Бельгіи, напримѣръ, а болѣзнь, искупленіе старыхъ грѣховъ, изнеможеніе отъ избытка жизни и страстей. Какъ только онъ собрался съ силами, онъ снова ринулся къ свѣтской жизни при цезарѣ Львѣ X, Юліи II. Языческая закваска никогда не проходила въ Италіи, ей равно не прививались ни учрежденія благоустройства и тишины, о которыхъ такъ старались Гибелины, ни нравственная неволя, которую папы налагали на весь міръ за исключеніемъ Италіи.

Возстановленный Римъ дебютировалъ громадно, закладкой Св. Петра, но прежде нежели папа Павелъ V и Карлъ Мадерни достроили и испортили храмъ, заложенный Брамантомъ, по Италіи прошло дыханіе смерти и оцѣпенѣнія. Карлу V, положительно, и Мартину Лютеру, отрицательно, принадежитъ эта печальная слава.

Реформація нанесла Риму страшный ударъ—финансовый, политическій, религіозный, нравственный; она, освободившая долею мысль въ Германіи, остановила ея развитіе въ Италіи: она испугала совѣсть ересью, она поразила умы возможностью паденія ка-

толицизма, она ожесточила духовенство, построила его въ боевой порядокъ, раздула инквизицію и вызвала іезуитизмъ. Александръ Боржіа, этотъ Тиверій въ тіарѣ, *борется* съ Саванаролой: послѣ Лютера борьба невозможна: пытка, вѣчное заточеніе, казнь — отвѣтъ на всякое разномысліе, на всякое высказанное сомнѣніе. Доминиканцы трепещутъ за существованіе церкви и іерархіи, папы отращиваютъ бороду и не снимаютъ монашеской рясы. Испуганные міряне начинаютъ снова поститься, исполнять внѣшніе обряды; католицизмъ упроченъ на вѣка.

Между тѣмъ борьба Франціи и Испаніи на итальянской землѣ добила Италію. Она мученически вынесла свои тысячелѣтнія междоусобія, — но дикія орды разбойниковъ и вольнонаемныхъ убійцъ она вынести не могла. Города были лишены укрѣплений, ограблены, стада угнаны, поля потоптаны, никакого обезпеченія не существовало.

Римъ еще нѣсколько щадили изъ уваженія, изъ благочестія, изъ необходимости имѣть Римъ, но онъ оцѣпенѣлъ въ своемъ одиночествѣ и отсюда начинается для него новая эра. Мы ее можемъ считать съ Карла V, онъ убилъ прошлую жизнь Италіи, такъ, какъ убилъ ее въ Испаніи мертвящимъ, бездушнымъ сосредоточеніемъ всѣхъ властей. Съ него началось нѣмое управленіе, угнетеніе всего самобытнаго, мѣстнаго, индивидуальнаго; пошлость и повиновеніе замѣнили средневѣковую вѣрность и честь. Въ эту эпоху, сѣрую и глухую, сложился тотъ Римъ, который стоитъ теперь. Онъ въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ лѣпилъ домъ къ дому, церковь къ дому, портилъ площади, все предоставлялъ случайности и строилъ въ самомъ дурномъ стилѣ de la renaissance. Широкая жизнь тѣхъ вѣковъ текла не въ Римѣ. Она шла тамъ, гдѣ строились Версали да Лувры. Римъ вовсе не зналъ изящества новыхъ городовъ съ ихъ удобнымъ щегольствомъ, съ ихъ широкими улицами, съ ихъ большими площадями. Новые города, полные силъ и свѣжести, безпрерывно *строятся*, дѣятельный духъ, жувущій въ нихъ, требуетъ перемѣны, расширенія, роскошной обстановки; на слабомъ и оставленномъ Римѣ лежалъ вампиръ, который высасывалъ всю кровь его. Гдѣ ему было перестроиваться? его дворцы чернѣли, его виллы заростали, его граждане пріучались къ лишеніямъ, онъ остался Римомъ XVII вѣка, ожидая новой жизни, и дождался ея.

Римъ бѣденъ. Его доходы были искусственны, реформація отрѣзала ему Англію и большую часть Германіи, просвѣщеніе почти все остальное: у него все уменьшалось, кромѣ расходовъ: нищенствующая братія все также жила подаяніемъ: огромныя достоянія монастырей и духовныхъ корпорацій все также служили для поддержки скудельнаго тѣла отказавшихся отъ міра сего. Римъ

обнищалъ, и настоящій итальянецъ сидитъ въ лохмотьяхъ, а похожъ на царя и не думаетъ о томъ, какъ горю помочь. Римъ, какъ всѣ вѣнчанныя главы, не привыкъ заботиться о матеріальныхъ нуждахъ. Онъ увѣренъ, что онъ попрежнему первый городъ во вселенной, что торговля всего міра стремится на его рынки, что онъ нравственный центръ христіанства, и что Европа лучше ничего не проситъ, какъ прислать ему все, что нужно, отъ восковыхъ свѣчей и ладону до драгоцѣнныхъ каменьевъ и слитковъ золота.

Чѣмъ долѣе живешь въ Римѣ, тѣмъ больше исчезаетъ его мелкая сторона, и тѣмъ больше вниманіе сосредоточивается на предметахъ безконечнаго изящества: грязныя сѣни, отсутствіе удобствъ, узкія улицы, нелѣпыя квартиры, пустыя лавки становятся все меньше и меньше замѣтны, и другія стороны римской жизни вырѣзываются, какъ пирамиды или горы изъ-за тумана, яснѣе и яснѣе. Такова самая Campagna di Roma. Сначала она поражаетъ пустыннымъ видомъ, отсутствіемъ обдѣланныхъ полей, отсутствіемъ лѣсовъ; все бѣдно, угрюмо, будто вовсе не въ средоточіи Италіи; такіе пустыри найдутся, кажется, и на берегахъ Истры; но мало-по-малу человѣкъ знакомится съ этой вѣчной пустыней, съ этой дикой рамой Рима. Ея безмолвіе, ея опаловая даль, синія горы на горизонтѣ становится все роднѣе: тамъ медленно двигается оселъ, постукивая бубенчиками, черноволосый пастухъ съ фартукомъ изъ бараньей кожи сидитъ пригорюнившись и смотритъ, женщина несетъ какой-нибудь овощь, въ яркомъ нарядѣ и съ бѣлымъ сложенымъ платкомъ на головѣ, она останавливается отдохнуть, граціозно поддерживая рукой свою ношу на головѣ, и смотритъ вдаль, и черные глаза ея выражаютъ такую тоску, такую задумчивость, о которой она и не подозрѣваетъ, и будто одна и та же дума налегла, тяжелая и широкая, на безконечное поле и горы, на пропадающую въ неопредѣленной дали зубчатую линію акведуковъ, идущую цѣлыя мили, на пастуха и на крестьянку. Всегда печальная, всегда угрюмая, Campagna имѣетъ одну веселую минуту— это захожденіе солнца: тутъ она облита яркимъ свѣтомъ, который мѣняется каждыя двѣ-три минуты: и вдругъ поднимается роса, пурпуръ смѣненъ ночью и даль исчезла,—ничего не видать, кромѣ теперь только замѣтнаго огонька пастуховъ и двухъ-трехъ ближнихъ развалинъ.

Разъ ночью сидѣлъ я съ однимъ молодымъ итальянцемъ на полуобрушившемся сводѣ Термъ Каракалы — точно на высокой горѣ. Что за размахъ, что за своды, что за необычайные размѣры, какая могучая фантазія, дерзость замысловъ, упорность въ исполненіи. Совы и летучія мыши шныряли на мѣсячномъ свѣтѣ, вдали былъ слышенъ одинокій протяжный лай собаки на Тибрѣ,—Байронъ слышалъ подобный лай изъ Колизея.

— «Безъ рабовъ римлянамъ было бы невозможно строить такія колоссальныя зданія,—они равно свидѣтели ихъ силы и ихъ тиранства», сказалъ мой товарищъ.

Я не вытерпѣлъ и отвѣчалъ ему:

— Да въ томъ-то и величіе ихъ, что руками невольниковъ они умѣли воздвигать великое, что, грабя міръ, они кладъ не зарывали въ землю, а расчищали достойную арену для своего царскаго разгула. Рабы были не у однихъ римлянъ: есть страны, имѣющія рабовъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, да что-то объ ихъ постройкахъ мало слышно. Признаюсь, что касается до меня, я склоняюсь передъ остовомъ этого колосса, каждая арка, каждая колонна говорятъ о силѣ, о шири, объ этомъ стремленіи къ раздолью, которое свидѣтельствуетъ, что римляне дѣйствительно пожили, въ полномъ значеніи слова.

— «А какая въ нихъ польза?»

— Вамъ ли итальянцу это говорить? Вся поэзія жизни состоитъ изъ ненужностей. Рафаэль рисовалъ ненужныя картинки, Микель Анджело дѣлалъ каменныя куклы, а Данте писалъ вирши, вмѣсто того, чтобъ дѣлать дѣло.

«Вы правы», сказалъ, расхохотавшись нео-либералъ, увлеченный анти-итальянскими теоріями тщедушнаго утилитаризма.

...Вторая великая сторона Рима—это обиліе изящныхъ произведеній, той геніальной оконченности, той вѣчной красоты, передъ которой человѣкъ останавливается съ благоговѣніемъ, со слезою, тронутый, потрясенный до глубины души, очищенный тѣмъ, что видѣлъ, и примиренный со многимъ: такъ, какъ это было со всѣми *людьми въ самомъ дѣлѣ*, приходившими со всѣхъ концовъ міра на поклоненіе изящному въ Ватиканѣ, въ Капитоліи... и такъ, какъ это будетъ со всѣми людьми грядущихъ вѣковъ, до тѣхъ поръ, пока время пощадитъ эти великіе залоги человѣческой мощи. Когда мучительное сомнѣніе въ жизни точитъ сердце, когда перестаешь вѣрить, чтобъ люди могли быть годны на что-нибудь путное, когда самому становиться противно и совѣстно жить,—я совѣтую идти въ Ватиканъ. Тамъ человѣкъ успокоится и снова что-нибудь благословитъ въ жизни. Ватиканъ не похожъ на всѣ прочія галлереи, это—пышныя палаты, украшенныя изящными произведеніями, а не выставка картинъ и статуй.

Галлереи вообще очень утомительны и больше полезны, нежели изящны: каждая статуя имѣетъ свое назначеніе, требуетъ свою обстановку и вовсе не нуждается въ цѣломъ батальонѣ другихъ статуй; всякая картина дѣйствуетъ сильнѣе, когда она на своемъ мѣстѣ, когда она одна. Посмотрите, какъ фрески Микель-Анджело хороши въ своемъ одиночествѣ на одной изъ стѣнъ Сикстинской капеллы; его Моисей въ церкви—просто дома; пусть

будутъ картины на каждой стѣнѣ, но лишь бы эти стѣны не были для картинъ. Въ галлереѣ человѣкъ черезъ часъ чувствуетъ, что онъ не въ состояніи понимать, и всетаки смотритъ по обжорливости своей натуры. Я увѣренъ, что много превосходныхъ произведеній утоплены, затеряны въ большихъ галлереяхъ, во многомъ множествѣ другихъ картинъ, гдѣ еще къ тому они задавлены двумя-тремя chefs d'oeuvre'ами. Добро бы еще картины располагались въ строгомъ историческомъ порядкѣ,—такого размѣщенія я нигдѣ не знаю, кромѣ въ берлинскомъ музеѣ; за то тамъ, кромѣ историческаго порядка, ничего нѣтъ. Я обыкновенно ходилъ къ двумъ-тремъ картинамъ, къ двумъ-тремъ статуямъ, а съ прочими встрѣчался какъ съ незнакомыми на улицѣ,—можетъ, они и хорошіе люди, можетъ, дойдетъ чередъ и до знакомства съ ними, ну, а пока, пусть себѣ идутъ мимо.

Чѣмъ больше приглядываешься къ великому произведенію, тѣмъ меньше удивляешься ему; это-то и необходимо, удивленіе мѣшаетъ наслаждаться. Пока картина или статуя поражаетъ, вы не свободны, ваше чувство не легко, вы не нашлись, не возвысились до нея, не сладили съ нею, она васъ подавляетъ, а быть подавленному произведенія величіемъ—не высокое эстетическое чувство. Пока человѣкъ еще порабощенъ великимъ произведеніемъ, произведенія болѣе легкія доставляютъ болѣе наслажденія, потому что они соизмѣримѣе, даются безъ труда, въ какомъ бы расположеніи человѣкъ не былъ. Что труднаго понять, оцѣнить головки Карла Долчи, Марата? Онѣ такъ милы, такъ изящны, что нѣтъ возможности ихъ не понять. Великія картины, напротивъ, часто сначала притѣсняютъ, иногда являются порывы взбунтоваться противъ нихъ; но когда вы однажды ознакомились съ такимъ произведеніемъ, тогда только вы оцѣните разницу того наслажденія, которое вы пріобрѣли отъ Карла Долчи или Греза, и, съ другой стороны, отъ Буонаротти, Лаокоона, Аполлона Бельведерскаго... Я очень долго не могъ сколько-нибудь отчетливо сладить съ «Страшнымъ судомъ,» меня ужасно разсѣевали частныя группы; къ тому-же картина довольно почернѣла и я все попадалъ въ капелу въ туманные дни. Какъ-то на дняхъ, выходя вонъ изъ капелы, я остановился въ дверяхъ, чтобъ посмотрѣть еще разъ на картину; первое, что меня остановило на этотъ разъ, было лицо и положеніе Богородицы. Христосъ является торжествующимъ, мощнымъ, непреклоннымъ, синій свѣтъ остановившейся молніи освѣщаетъ его; давно умершіе поднялись, все ожило,—начинается судъ, кара, и въ это время существо кроткое, испуганное окружающимъ, робко прижимается къ нему, глядитъ на него, и въ ея глазахъ видна мольба, не желаніе справедливости, а желаніе милосердія.

Какъ глубоко понялъ Буонаротти христіанскій смыслъ Дѣвы.

Вотъ она всѣхъ скорбящихъ заступница готовая своей робкой рукой остановить поднятую руку сына, и когда отъ этой группы я сталъ переходить къ окружающему, огромная картина сплавилась въ нѣчто единое, безконечное множество фигуръ со стороны, по бокамъ получили смыслъ, котораго я прежде не могъ понять, который теперь начинаю подозрѣвать, и съ этого дня я перестал анализировать каждую фигуру, перестал удивляться знанію остеологіи и міологіи Микель-Анджело.

Но я себѣ далъ слово не утомлять васъ описаніемъ изящныхъ произведеній; кого интересуетъ *читать* картины, тотъ найдетъ источники.

Въ слѣдующемъ письмѣ мы поговоримъ о современномъ состояніи Рима, о его risorgimento.

Теперь въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ моихъ прежнихъ письмахъ. До меня дошли слухи, что ихъ дурно приняли въ печати. Одни вступились за французскую буржуазію, за нѣмецкую кухню, всѣ за неуважительный тонъ, за легкость и поверхностность, за фамильярность съ предметами почтенными и уважаемыми, за недостатокъ достодолжной скромности въ обращеніи съ старшими братьями, за недомолвки, наконецъ, которыя тоже поставили на мой счетъ. Мнѣ кажется, что письмамъ изъ Avenue Marigny придали больше значенія, нежели они въ самомъ дѣлѣ имѣли, и разсердились на нихъ за то, что они не оправдали ожиданія. Письма эти нѣсколько помѣченныхъ впечатлѣній, нѣсколько набросанныхъ замѣтокъ на скорую руку, середь иныхъ занятій, при недосугѣ, при новости явленій, при оглушительномъ громѣ событій, подъ вліяніемъ досады, которую назвать и опредѣлить было гораздо труднѣе, нежели кажется. Письма эти вовсе не отчетъ о путешествіи, не результатъ, выведенный изъ посильнаго изученія Европы, не послѣднее слово, не весь собранный плодъ,—ничего подобнаго у меня не было въ помышленіи: мнѣ просто хотѣлось передать первое столкновеніе съ Европой; въ нихъ вылилось мѣстами рядомъ съ шуткой и вздоромъ, негодованіе, горечь, которая поневолѣ переполняла душу, иронія, къ которой мы столько же привыкли, какъ Эзопъ, рабъ Ксанфа, къ аллегоріи. У меня не было задней мысли, не было заготовленной теоріи ничему не удивляться или всему удивляться, а было желаніе уловить мелькающія, летучія впечатлѣнія откровенно, добросовѣстно,— вотъ и все. Что касается до уважительнаго тона [1], то я

[1] Дѣйствительно, смѣхъ имѣетъ въ себѣ нѣчто революціонное. Пока люди вѣрили въ христіанство не было смѣха. Въ церкви и во дворцѣ никогда не смѣются, по крайней мѣрѣ, открыто. Крѣпостные люди лишены права улыбки въ присутствіи помѣщиковъ. Одни равные смѣются между собой. Смѣхъ Вольтера разрушилъ больше плача Руссо.

не вижу никакой необходимости говорить съ почтеніемъ о вещахъ, которыя мнѣ кажутся презрительными, хотя бы мы ихъ и привыкли уважать издали, по старымъ воспитаніямъ. Недостаточно найти страну, въ которой все еще хуже, чтобъ находить хорошимъ то, что дѣлается здѣсь. Всѣ кумиры долой,—голая, обнаженная истина лучше приведетъ къ дѣлу, нежели лганье съ доброй цѣлью. Наконецъ, я долженъ признаться, что не только въ моихъ письмахъ, но и въ сердцѣ недостаетъ этой смиренной, почтительной струны, готовой умильно склоняться, «принижаться», какъ говорятъ славянофилы; для которой поклоненіе необходимо, чему бы то ни было, золотому теленку или серебряному барану, русскимъ древностямъ или парижскимъ новостямъ. Изъ всѣхъ преступленій я всего дальше отъ идолопоклонства и противъ второй заповѣди никогда не согрѣшу. Человѣкъ тогда только свободно смотритъ на предметъ, когда онъ не гнетъ его въ силу своей теоріи и самъ не гнется передъ нимъ. Уваженіе къ предмету, не произвольное, а обязательное, ограничиваетъ человѣка, лишаетъ его свободнаго размаха. Предметъ, говоря о которомъ человѣкъ не можетъ улыбнуться, не впадая въ кощунство, не боясь угрызеній совѣсти,—фетишъ и человѣкъ подавленъ имъ, онъ боится его смѣшать съ *простою* жизнію. Такъ египетское ваяніе и наша дикая иконопись давали неестественныя позы и неестественный колоритъ, чтобъ отдѣлиться отъ презрѣннаго міра земной красоты и теплой живой карнаціи.

Мнѣ въ Италіи ни надъ чѣмъ не хочется смѣяться; помнится я въ Парижѣ тоже не смѣялся надъ «*Франціей, за цензомъ стоящей*»; въ плѣсни, покрывающей общество въ Парижѣ, въ притязаніи мѣщанъ на образованность, на либерализмъ, все вызывало презрительный смѣхъ, все дразнило меня. Я былъ откровененъ въ обоихъ случаяхъ.

Письмо шестое.

Римъ, 4 февраля, 1848 г.

Я видѣлъ нѣсколько разъ Пія IX; мнѣ очень хотѣлось прочесть на лицѣ этого человѣка, поставленнаго во главу не только итальянскаго движенія, но европейскаго, какую нибудь мысль, словомъ что нибудь, и я ничего не прочелъ, кромѣ добродушной вялости и безстрастнаго спокойствія. Всѣ портреты его, всѣ бюсты похожи; къ нимъ надобно добавить бѣлый, нѣжный цвѣтъ лица, католическую, клерикальную полноту, прозрачную мясистость, и небольшіе глаза, выражающіе... что выражающіе?—какую-то безпечную сытость. Я увѣренъ, что Пій IX не способенъ ни къ же-

стокости, ни къ преслѣдованіямъ [1]), но онъ можетъ допустить и то и другое. И я еще болѣе увѣренъ въ томъ, что какія бы обстоятельства ни пришли, его пищевареніе не разстроится, онъ тихо погрустить и успокоится.

Первый разъ я видѣлъ его въ квиринальской капеллѣ, гдѣ онъ служилъ. Его окружали всѣ кардиналы, находившіеся на-лицо въ Римѣ, — что это за вѣющія несчастіемъ лица, напоминающія инквизицію и аутодафе. Какъ ясно выражалась въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи этихъ безсемейныхъ стариковъ жизнь, проведенная въ двоедушіи и домогательствахъ, ненависть ко всему свободному, властолюбіе, зависть, готовность мести, отсутствіе всего человѣческаго, теплаго. Каждый въ свою очередь подходилъ къ папѣ, кланялся ему съ колѣнопреклоненіемъ, онъ каждаго накрывалъ руками: и въ томъ числѣ былъ Ламбрускини, съ видомъ стараго шакала: я ждалъ, что онъ укуситъ св. отца, но они разцѣловались преспокойно.

Во второй разъ я видѣлъ св. отца во всемъ блескѣ понтификата въ церкви Santa Maria Maggiore, гдѣ онъ прогуливался nella sedia gestatoria. Это было гораздо смѣшнѣе Квиринала; Пія IX носили по церкви въ креслахъ, подъ разноцвѣтными опахалами. Этотъ индѣйской видъ совсѣмъ не шелъ къ нему. Въ церкви была жара страшная, папу закачало какъ на лодкѣ, и онъ блѣдный отъ приближавшейся морской болѣзни, съ закрытыми глазами благословлялъ на право и на лѣво. По дорогѣ стояли съ обѣихъ сторонъ солдаты, красная guardia nobile и пестрые Svizzeri, въ средневѣковой одеждѣ. Офицеры командовали при приближеніи кортежа Ar-mi! и ружья брякали на караулъ середь церкви: офицеры командовали Ginocchio! и солдаты становились по темпамъ на колѣни. Я не могу привыкнуть къ военной обстановкѣ предметовъ по преимуществу мирныхъ, — ружья, мечи, штыки, сабли, кивера, пики и шлемы оскорбляютъ въ церкви: прибавьте къ этому непріятное кастратское пѣніе, толпу откормленныхъ монсиньоровъ, сытыхъ каноникивъ, переваливающихся съ какою-то отвратительной фамильярностью съ ноги на ногу, рядомъ съ сухими и желтыми іезуитами и полудикими монахами изъ дальнихъ монастырей, и вы поймете, каково должно быть впечатлѣніе.

Странная вещь! Католицизмъ, умѣвшій создать такіе храмы, умѣвшій украсить ихъ такими фресками, такими картинами и статуями, не умѣлъ уладить торжественнѣе, поэтичнѣе свой ритуалъ въ самомъ Римѣ. Разумѣется время всѣхъ ритуаловъ прошло, но тѣмъ не менѣе постановка могла быть художественнѣе и ближе

[1] Это писано въ началѣ 1848 года. Да проститъ мнѣ св. Петръ, что я такъ дурно понялъ его представителя; онъ очень способенъ!

къ духу религіи. Ритуалъ восточной церкви несравненно изящнѣе и величественнѣе.

Наконецъ, третій разъ я видѣлъ папу болѣе въ трагической роли, нежели въ комической, какъ прежде. Для того, чтобъ вамъ было понятно, надобно разсказать, что было наканунѣ новаго года. Вечеромъ 31 декабря дождь лилъ проливной, сильные удары грома и безпрерывныя молніи, кромѣ всего остальнаго, напоминали, что это не русскій новый годъ; между тѣмъ Piazza del Popolo покрылась народомъ и зажженные torci, невесело потрескивая и дымясь, зажигались тамъ и сямъ. Я смотрѣлъ въ окно на это приготовленіе. Толпа построилась правильной колонной и, грянувъ scuoti il polvere, пошла по Корсо къ Квириналу. Анжелло Брунетти, т. е. Чичероваккіо, велъ римскій народъ поздравить св. отца съ новымъ годомъ, прокричать ему evviva, такъ, какъ ему одному кричать, и напомнить, что римляне ожидаютъ въ этомъ году исполненіе тѣхъ упованій, на которыя онъ дозволилъ надѣяться, но которыя еще не удовлетворены консультой. Савелли, римскій губернаторъ, открытый врагъ движенія, отправился къ Пію и увѣрилъ его, что мятежная толпа народа собирается посѣтить его на monte Cavallo. Папа, который лично зналъ Чичероваккіо, котораго Чочероваккіо спасъ отъ Ламбрускиніевскаго заговора, повѣрилъ и перепугался. Онъ велѣлъ созвать чивику и не вдалекѣ отъ Квиринала приготовить полкъ берсальеровъ. Между тѣмъ въ двѣнадцатомъ часу ночи, по дождю и грязи, спокойно и стройно пришла колонна съ факелами къ monte Cavallo, съ крикомъ viva Pio nono, e viva sempre! Народъ звалъ папу на балконъ, папа не вышелъ, а выслалъ сказать, чтобъ народъ расходился. Отношенія, образовавшіяся между народомъ и папой, избаловали римлянъ; они нѣсколько разъ вмѣстѣ плакали и клялись въ взаимной любви. Отказъ папы удивилъ всѣхъ. Люди, промокнувшіе до костей, не ждали такого пріема, они стали еще громче и настоятельнѣе требовать появленія папы; тогда губернаторъ объявилъ имъ, что если они не пойдутъ сейчасъ же по домамъ, то онъ, по приказанію св. отца, ихъ разгонитъ солдатами и чивикой. Народъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что въ самомъ дѣлѣ солдаты подъ ружьемъ. Еслибъ Григорій XVI пустилъ ядро вдоль по Корсо во время moccoletti, это не удивило бы, не оскорбило бы такъ глубоко рымлянъ, какъ грубый отвѣтъ Пія IX.

Тактъ римлянъ въ этихъ случаяхъ удивителенъ. Вдругъ все перемѣнилось; факелы погасли; ни одного крика; мрачно, безмолвно, свернувши свое знамя, народъ пошелъ домой. На другой день нигдѣ ни толпы, ни веселья; праздника нѣтъ, городъ оскорбленъ, чивика громко ропщетъ, двое сенаторовъ приняли сторону народа и отправились къ Пію IX. Пій IX расплакался, сказалъ

князю Корсини, что его ввели въ заблужденіе, и объявилъ, что для вознагражденія римлянъ онъ самъ поѣдетъ ихъ благословлять на новый годъ и для этого подъѣдетъ ко всѣмъ главнымъ кордегардіямъ чивики.

Часовъ въ двѣнадцать 2 января Корсо покрылся людьми. Правильная масса народа двигалась съ Piazza Colona, Чичероваккіо шелъ впереди съ знаменемъ, на которомъ былъ написанъ слѣдующій упрекъ, кроткій, простой и полный смысла: S. P. Giustizia al popolo chi è con voi! Процессія остановилась на перекресткѣ Corso и via Condotti. Папѣ нельзя было миновать которой нибудь изъ улицъ: народа было, по крайней мѣрѣ, тысячъ двадцать, ни хохоту, ни крику, никто не толпился, не давилъ, ни одного карабинера, ни одного полицейскаго не было видно (они вообще здѣсь гдѣ-то прячутся, особенно когда есть демонстрація). Явилась чивика безъ ружей и стала въ ряды народа. Порядокъ былъ удивителенъ, только по временамъ подымался крикъ, который распространялся далѣе и далѣе, разростаясь какъ кругъ въ водѣ отъ брошеннаго камня. Крики были выразительнѣе, нежели прежде: Abasso i gesuiti, abasso il palazzo madama (тутъ живетъ Савелли), Viva la stampa libera, i fratelli Bandiera,— abasso i oscurantisti и потомъ viva Pio nono, ma solo, solissimo. Кто то прокричалъ viva i Piemontesi, — народъ подхватилъ; при этомъ вдругъ продирается сквозь густую толпу сѣдой, но здоровый старикъ и начинаетъ благодарить римлянъ отъ имени Генуи; словъ его я не разслышалъ, но по мимикѣ можно было догадаться: лицо у него разгорѣлось, онъ плакалъ, въ концѣ рѣчи онъ закричалъ: viva la liberta! бросилъ свою шапку вверхъ и самъ бросился обнимать солдата національной гвардіи, потомъ другого, третьяго. Это была сцена изъ первыхъ дней французской революціи. Народъ бѣшено рукоплескалъ генуэзцу... Часа въ два раздалось: «Ѣдетъ, ѣдетъ». Папа ѣхалъ шагомъ, сопровождаемый четырьмя драгунами и каретой, въ которой сидѣлъ кто-то изъ министровъ. Онъ былъ взволнованъ и очень блѣденъ. Народъ его встрѣтилъ громкимъ, безконечнымъ привѣтствіемъ. Чичероваккіо поднялъ знамя къ его окошку и двадцать тысячъ человѣкъ пошли провожать Пія IX. На первую минуту миръ былъ заключенъ. Конечно, не вина народа, если съ тѣхъ поръ онъ еще дальше сталъ съ папой, нежели былъ въ новый годъ.

Пій IX, какъ всѣ слабые люди, упрямъ; онъ сдѣлаетъ, что требуютъ, да послѣ, раздразнивши прежде отказомъ, и тогда, когда уже хотятъ чего нибудь другого. Такъ онъ испортилъ дѣйствіе 2 января, но день этотъ для него былъ торжественъ, грозно торжественъ... По морю весело прокатиться, а чувствуешь, что утонуть можно. Балконы были усыпаны дамами, всѣ окна раскрыты.

отовсюду махали платками, карета папы двигалась шагъ за шагомъ, всадники были смяты, народъ держался за постромки, за лошадей, за колеса, кучера и лакеи не препятствовали, потому что невозможно было ничего сдѣлать. Чичероваккіо влѣзъ на вторую карету и сѣлъ съ знаменемъ на имперіалѣ, жалкая фигура какого-то кардинала выглядывала, испуганная изъ подъ его ногъ, покрытыхъ пылью. Часовъ до семи продолжалось это шествіе, текла эта живая рѣка отъ via Condotti до monte Cavallo; съ переулковъ и площадей раздавались привѣтствія и крики, повторяемые всякой разъ нѣсколькими тысячами человѣкъ возлѣ ушей папы: Abasso i maschеri, Viva Ganganelli (Климентъ XVI, изгнавшій іезуитовъ изъ Рима), Viva l'independenza, abasso i gesuiti. Когда процессія пришла къ Квириналу, смерклось: обширная площадь, на которой стоятъ знаменитые Фидіасовы лошади, была полна народомъ, ожидавшимъ возвращенія св. отца и его благословенія. Но онъ изнемогъ: блѣдный, онъ опустилъ благословляющую руку и голова его склонилась на подушку, онъ лишился чувствъ. Драгунъ, ѣхавшій возлѣ кареты, сказалъ что-то Чичероваккіо: Чичероваккіо далъ знакъ рукой и мало-по-малу водворилась тишина, прерываемая время отъ времени крикомъ встрѣчавшихся, которымъ тотчасъ показывали, чтобъ они молчали. Тишина придала еще больше торжественности зрѣлищу. Молча проводилъ народъ папу до воротъ, никто не требовалъ, чтобъ онъ вышелъ на балконъ, его повели подъ руки на лѣстницу. A casa, a casa! закричали передніе ряды и толпы народа молча и съ поднятыми знаменами пошли,—а полицейскихъ все не было.

Еще разъ, народныя движенія въ Римѣ носятъ на себѣ особый характеръ величаваго порядка, мрачной поэзіи, какъ ихъ развалины, какъ ихъ Campagna. Лица, фигуры этихъ людей сохранили античныя черты, черты доблести и благородства; католицизмъ имъ придалъ, вмѣстѣ съ бѣдствіемъ, съ неволей, видъ угрюмый, печальный, который еще болѣе поражаетъ въ соединеніи съ страстнымъ выраженіемъ и съ племянною красотой. Эти люди, которые смѣются разъ въ годъ, на карнавалѣ, терпѣли вѣка и, наконецъ, спокойно сказали: «Довольно!»

Папа былъ потрясенъ, плакалъ, занемогъ, и — ничего не сдѣлалъ. Онъ не умѣлъ воспользоваться этимъ днемъ и совершенно лишился народной любви. Всѣ ждали новое министерство, увольненіе Савелли. Савелли остался, и ни одной льготы: народъ обидѣлся второй разъ и врядъ помирится-ли. Пустыя и безполезныя полицейскія мѣры внесли больше горечи въ эту размолвку, нежели бы могли сдѣлать дѣйствительныя притѣсненія. Римляне привыкли всякое утро читать маленькой листокъ Pallade, приклеенный по стѣнамъ на улицахъ. Можете себѣ представить, какъ

должна быть дорога нѣкоторая свобода книгопечатанія для народа, жившаго вѣка подъ гнетомъ самой варварской цензуры. Папа запретилъ приклеивать «Палладу» по стѣнамъ, запретилъ даже продавать на улицахъ. Редакція объявила афишами на всѣхъ углахъ объ этомъ запрещеніи и увѣдомляла читателей, что она перенесла сбытъ своего журнала во всѣ табачныя лавки, во всѣ кофейныя: и что, не имѣя права носить «Палладу» по улицамъ, ни приклеивать къ стѣнамъ, они поставятъ столы и положатъ на нихъ свой журналъ для чтенія. Савелли побоялся запретить, — и римской «Шаривари» надъ ними-же нахохотался до сыта.

Въ концѣ декабря дѣлали демонстрацію швейцарскому послу, поздравляя его съ разбитіемъ Зондербунда. Вдругъ черезъ двѣ недѣли св. отецъ надумался и повелѣлъ всѣмъ участникамъ антикатолической демонстраціи три дня поститься, предоставляя исполненіе этой полезной мѣры на собственную совѣсть тѣхъ, которые были на демонстраціи. Римъ расхохотался отъ одного конца до другого, прочитавъ въ офиціальной газетѣ эту шалость будирующаго намѣстника св. Петра.

Но въ сущности Римъ былъ далекъ отъ смѣха. Мрачная тишина и тяжелое расположеніе духа становились очевидны съ половины января. Сомнѣніе въ св. отцѣ, недовѣріе къ нему работало во всѣхъ умахъ, въ аристократическомъ Circolo Romano и въ народномъ Circolo Popolare, основанномъ на дняхъ Чичероваккіемъ. Пій IX хмурился и давалъ созрѣть этимъ мыслямъ. Его поведеніе дѣйствительно было не понятно. Всякій день приносилъ какую-нибудь потрясающую вѣсть — то изъ Милана, то изъ Павіи, Неаполя, Сициліи. На Монте-Кавалло, въ Квириналѣ царила тишина недоумѣнія: ни слова успокоенія, ни слова утѣшенія. Римляне боятся Людовика Филиппа, боятся короля Альберта, ненавидятъ Австрію и спрашиваютъ, съ кѣмъ св. отецъ, противъ кого?.. Глаза всѣхъ обращаются на Пія IX, на человѣка эпохи,—а Пій IX притихъ, какъ будто его нѣтъ: хотя, впрочемъ, и разрѣшилъ торжественную панихиду по убіеннымъ ломбардцамъ, не смотря на протестъ австрійскаго посланника.

Такъ проходилъ январь, тревожно внутри и тихо снаружи, при отвратительной мокрой погодѣ, что уже само по себѣ въ Италіи составляетъ общественное несчастіе: какъ вдругъ, вслѣдъ за сбивчивыми слухами, пришли достовѣрныя вѣсти не токмо о возстаніи Палермы, но и о геройской защитѣ города. Съ этого дня Римъ вступилъ въ новую фазу пробужденія, онъ еще *больше* проснулся. Уступки неаполитанскаго короля, которыя за мѣсяцъ были бы приняты рукоплесканіемъ всей Италіи, были приняты презрѣніемъ: онѣ выражали страхъ и безсиліе. Неаполь молчалъ, осыпаемый сарказмами римскихъ и флорентинскихъ журналовъ. Наконецъ,

28 января двинулся и онъ: король попробовалъ усмирить народъ, не сладилъ и, скрѣпя сердце, обѣщалъ конституцію и амнистію. Вѣсть эта дошла до Рима на другой день. Толпы народа бѣгали по главнымъ улицамъ съ крикомъ: Lumi! Lumi!—и всѣ окна освѣтились. Сенатъ и шатающееся министерство поняли, что тутъ распасться съ народомъ —значило погубить себя, а потому подъ завѣтными буквами S. P. Q. R. они объявили al popolo romano, что 3 февраля назначается молебствіе и торжествованіе «возстановленія *мира* въ королевствѣ обѣихъ Сицилій». Снова ошибка, снова слабость въ обѣ стороны и, слѣдственно, неудача въ обѣ стороны. Корсо горѣло огнями, демонстрація была величественна и колоссальна: вся чивика, все народонаселеніе Рима принимало участіе, но для Пія IX горекъ былъ этотъ день: національная гвардія сняла его кокарду (желтую съ бѣлымъ) и надѣла трехцвѣтную. Ликующій народъ прошелъ по всему Риму, посѣтилъ Форумъ и Капитолій, но миновалъ Monte Cavallo: Пій IX былъ исключенъ изъ торжества. Правительство лишилось всякой моральной силы. Папа снова готовится къ уступкамъ и снова дразнитъ народъ. Начальникъ національной гвардіи велѣлъ снять трехцвѣтную кокарду, его не послушались: на другой день вышелъ приказъ, разрѣшавшій трехцвѣтныя кокарды! 3 февраля къ крику Viva Pio nono прибавляли всякой разъ: e la constituzione, e la libertà Замѣчательно, что во все время ликованій ни одному человѣку не пришло въ голову, или никто не осмѣлился, по крайней мѣрѣ, прокричать какое нибудь привѣтствіе неаполитанскому королю.

Завтра отправляюсь посмотрѣть своими глазами на Неаполь въ революціи, на Неаполь не только изящный, но и свободный. Пока, пользуясь дождемъ, я намѣренъ сказать еще нѣсколько словъ объ итальянскихъ дѣлахъ.

Какъ это случилось, что страна, потерявшая три вѣка тому назадъ свое политическое существованіе, униженная всевозможными униженіями, завоеванная, раздѣленная иноплеменниками, полтора вѣка раззоряемая, и, наконецъ, совсѣмъ сошедшая съ арены народовъ, какъ дѣятельная мощь, вліяющая сила, страна воспитанная іезуитами, отставшая, обойденная, облѣнившаяся, вдругъ является съ энергіей и силой, съ притязаніемъ на политическую независимость и гражданскія права, съ притязаніемъ на новое участіе въ европейской жизни?

Судьба полуострова шла въ послѣдніе три вѣка не торной дорогой исторіи, и оттого его современное состояніе на первой взглядъ не совсѣмъ понятно: можетъ, одинъ западный народъ и есть, котораго бытъ народный еще непонятнѣе, это—испанцы.

Мы легко привыкаемъ по умственной лѣни къ шаблонамъ и нормамъ, къ исторической алгебрѣ: алгебра эта составлена по тремъ

типамъ: по англійскому, французскому и нѣмецкому. Италія шла инымъ путемъ. Когда весь міръ забылъ древній Римъ, память о немъ хранилась въ Италіи. Когда-же, напротивъ, вся сѣверо-западная Европа стремилась къ государственной централизаціи, къ римской монархіи, — Италія продолжала быть феодальной, была побѣждаема, притѣсняема, но не дѣлалась монархическою, кромѣ Піемонта и Неаполя. Въ Италіи не было періода индустріи, не было революціи въ пользу средняго сословія: ея горожане не освобожденные рабы, не буржуазія, а вольные люди, утратившіе всѣ права, кромѣ муниципальныхъ.

Въ XVI вѣкѣ Италія накрыта внѣшнимъ гнетомъ, захвачена иноплеменными войсками и оставлена при своемъ мѣстномъ, муниципальномъ правѣ. Мертвая какъ государство, она жила въ городскихъ коммунахъ, вся жизнь ея притекла къ этимъ сердцамъ народнаго существованія. Гнетъ, тяготѣвшій надъ Италіей до ломбардо-венеціанскаго королевства, не былъ ни равномѣренъ и ни всеобщъ, онъ не имѣлъ принятой, проведенной во всѣ стороны системы. Есть части Италіи, которыя со временъ греческихъ императоровъ и до нынѣшняго дня едва по наслышкѣ знали о правительствѣ, платили подать, давали солдатъ, и внутри управлялись своими обычаями и законами, такова Калабрія, Базиликатъ, Абруццы, цѣлыя части Сициліи. Съ другой стороны, напримѣръ, Тоскана никогда не выносила того лишенія всѣхъ человѣческихъ правъ, какъ ея сосѣди.

Территоріальныя раздѣленія Италіи мѣнялись на тысячу ладовъ, народъ ихъ переносилъ, рѣдко былъ доволенъ и никогда не переносилъ ихъ за нѣчто истинное, прочное, а за грубый фактъ насилія. Всѣ усилія Гогенштауфеновъ и ихъ наслѣдниковъ развить въ Италіи монархическое начало остались тщетными и собственно теорія Гибелиновъ, о которой писали тяжелые трактаты ученые легисты и которую они старались представить послѣднимъ словомъ и органическимъ развитіемъ римскаго права, никогда не прививались итальянскому народу; философію права и государственныя понятія итальянцевъ надобно искать въ сочиненіяхъ Макіавелли и въ ихъ историкахъ. Народъ былъ всегда Гвельфомъ и только по ссорѣ съ папой или съ сосѣдними городами бросался къ стопамъ императоровъ, предоставляя себѣ право при первой возможности возстать и отдѣлиться. Методическое, холодное, безнадежное управленіе, вводимое нѣмцами, было невыносимо для итальянцевъ. Древній Римъ могъ переносить Цезарей со всѣмъ ихъ тиранствомъ, потому что ихъ управленіе болѣе походило на беззаконную диктатуру, на какое-то личное, случайное исключеніе, ихъ владычество было сочетаніемъ деспотизма съ анархіей: однообразный, систематическій гнетъ германизма совер-

шенно противуположенъ итальянцу, и онъ больше ненавидитъ Барбаросу, нежели своего Еццелино.

Совсѣмъ напротивъ, власть папская была совершенно національна, потому что она была неопредѣленна. Римъ, Романья едва слушались папъ, они дома были цари тайкомъ: чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ власть папская становилась сильнѣе и, наконецъ, достигала страшной мощи уже внѣ Италіи. Папы дѣйствовали совсѣмъ обратно императорамъ, они опирались на мѣстныя различія и поддерживали муниципальную жизнь. Григорій VII, съ своей геніальной проницательностью, понялъ элементъ, который спасетъ Италію отъ императоровъ, и городская жизнь, ободренная и двинутая имъ, переросла германизмъ, плохо дающій корни въ почвѣ, въ которой былъ сохраненъ языческій Римъ. Италія жила и развивалась всѣми точками: города ея цвѣли, она была самое образованное и самое торговое государство въ XIV столѣтіи и, между тѣмъ, десяти лѣтъ не проходило безъ того, чтобъ она не покрывалась кровью и пепломъ. Города становились роскошнѣе послѣ пожара, сильнѣе послѣ раззоренія. Шутка одного стариннаго историка «война — миръ для Генуи», можетъ относиться ко всему полуострову. Необыкновенно живучая страна! Жизнь, развитіе, подавленныя въ одномъ мѣстѣ, ускользали какъ ящерица въ травѣ и являлись во всемъ блескѣ на другомъ мѣстѣ. Въ сѣверной Европѣ давнымъ-давно централизація задавила средневѣковую жизнь и сильныя государства образовались, опираясь на постоянныя арміи и служебное дворянство: въ Италіи продолжалась прежняя жизнь нѣсколькихъ городовъ на первомъ планѣ, и множества другихъ не столько важныхъ въ политическомъ отношеніи, но свободныхъ, независимыхъ и образованныхъ на второмъ и третьемъ. Такъ она дожила до страшной годины, когда Карлъ V и Францискъ II выбрали прекрасныя поля ея для кровавой войны, для войны, продолжавшейся болѣе столѣтія. Эта война сокрушила страну. Италія крѣпилась, крѣпилась, наконецъ, силъ ея не стало противустоять войскамъ, безпрерывно усиливавшимся свѣжими толпами изъ Франціи, Германіи, Испаніи и вольнонаемными шайками изъ Швейцаріи. Можетъ быть, если-бъ идея народнаго единства, идея государства была развита въ Италіи, она отстояла бы себя,—но этой идеи не было.

Врагъ имѣлъ всегда дѣло съ частью. Города сражались какъ львы, крестьяне составляли вооруженныя толпы, нападавшія на непріятеля нежданно, между горъ, въ тѣснинахъ, въ домахъ, но вся отвага ихъ погибла по пустому, ихъ подавили числомъ. Типъ итальянской войны, такъ же, какъ и гражданскаго устройства, отдѣльность, дробность, городское возстаніе, партизанская война, война отдѣльными вооруженными дружинами. Государство, тре-

бующее поглощенія городовъ, армія, требующая поглощенія личностей, для итальянцевъ противны: нѣтъ народа менѣе способнаго къ дисциплинѣ, къ полицейскому устройству, къ монархическому порядку. Съ другой стороны, отсутствіе единства столько-же спасло Италію, сколько погубило ее на время. Жизнь Италіи не была связана ни съ Римомъ, ни съ Венеціей, ни съ Флоренціей. Задавленная въ большихъ городахъ, она вдругъ являлась въ Феррарѣ, въ Болоньи; вытѣсняемая въ Неаполѣ, она переплывала въ Палерму, Мессину; въ Генуѣ она сохранилась до революціи. Италія гидра лернская: задушить такую многоголовую жизнь — невозможно.

Побѣжденная Италія, уступая мало-по-малу политическую жизнь, является во главѣ художественнаго и умственнаго развитія; она воскрешаетъ греческую философію, она создаетъ живопись и, вѣрная своей федеральной натурѣ даже въ искуствѣ, рисуетъ на три типа, рисуетъ такъ, что вы узнаете города по школамъ; художественный періодъ итальянской жизни совпалъ съ дѣйствительнымъ возрожденіемъ мысли, послѣ скучнаго теологическаго схоластицизма. Итальянскіе представители новаго движенія вышли съ отроческимъ увлеченіемъ и съ необыкновенной отвагой на арену, на которой ихъ ужъ ждали не апотеоза, какъ Петрарку, а плаха и костеръ. Преслѣдованіе мысли во имя религіи нанесло новый ударъ Италіи, убило послѣднюю сферу, въ которой она могла развивать избытокъ своихъ силъ. Ей позволяли рисовать, ваять и строить, но запретили думать, но Галилея свели въ тюрьму за астрономію, Ванини и Бруно казнили за метафизику. Время доблестныхъ, гуманныхъ папъ прошло, реформація внесла ужасъ въ Ватиканъ, начальники инквизиціи надѣвали тіару; вопреки вѣку, нравамъ, странѣ, эти люди снова возвращались къ суровому и дикому монашеству. Лукавый и злой характеръ католицизма развернулся до конца реформаціей; доминиканцы подняли знамя крестоваго похода противъ мысли, іезуиты, янычары церкви, были недовольны кротостью инквизиціи и папъ, — папъ, которые въ Ватиканѣ, въ сѣняхъ Сикстинской капеллы велѣли на стѣнахъ нарисовать фрески, представляющія сцены изъ Варѳоломеевской ночи, и которыя я видѣлъ.

Силы страны, наконецъ, также сочтены, какъ силы лица. Италія, обиженная во всемъ человѣческомъ, занятая чужими солдатами, связанная по рукамъ и ногамъ, казнимая за мысль, отдалась своей судьбѣ, такъ, какъ преслѣдуемая, несчастная женщина отдается старческимъ объятіямъ, — не изъ любви, а отъ устали, отъ отчаянія, и однажды отдавшись падаетъ глубже и глубже.

Прошли двѣсти томныхъ лѣтъ; и въ двѣсти лѣтъ всѣ эти вампиры въ коронѣ и въ тіарѣ не могли высосать ея крови. — удивительный народъ!

Люди не даютъ себѣ труда оцѣнивать несчастія. Гёте, который такъ глубоко понималъ природу Италіи и ея искусство, бросилъ ея народу нѣсколько стиховъ злого укора, въ которомъ нигдѣ нѣтъ ни упованія, ни утѣшенія. Тяжелый сонъ Италіи, ея паденіе, ея слабую сторону онъ схватилъ мѣтко, но пробужденія не предвидѣлъ. «Такъ это-то Италія?» говоритъ онъ и отвѣчаетъ: «Нѣтъ; это ужъ не Италія».

Pilgrime sind wir Alle, die wir Italien suchen,
Nur ein zerstreutes Gebein ehren wir glæubig und froh.

Гёте, который, по превосходному выраженію Баратынскаго, умѣлъ слушать, какъ трава растетъ, и понимать шумъ волнъ, былъ тугъ на ухо, когда дѣло шло о подслушиваніи народной жизни, скрытной, неясной самому народу, не облачившейся офиціальнымъ языкомъ. Онъ не могъ совсѣмъ не видать жизни, прорывавшейся странными и неустроенными проявленіями: для этого достаточно было посмотрѣть на народныя игры, на лица и глаза, послушать пѣсни... Онъ видѣлъ и слушалъ, но знаете-ли, какъ оцѣнилъ?..

Leben und *Weben* ist hier, aber nicht *Ordnung* und *Zucht!*

Если-бъ въ половинѣ XVIII столѣтія въ Италіи были Ordnung и Zucht, какъ въ Веймарѣ, то навѣрное не было бы risorgimento въ половинѣ XIX столѣтія. Если-бъ можно было привести итальянцевъ въ *порядокъ* и покорить ихъ нѣмецкой дисциплинѣ, то они превратились бы въ лаццароновъ, въ монаховъ, т. е. въ лакеевъ, въ воровъ и тунеядцевъ, а при помощи іезуитовъ, тедесковъ и дипломатическихъ вліяній впали бы въ варварство, уничтожились бы какъ народъ. Неуловимая безпорядочность спасла итальянцевъ.

Не смотря на всѣ дѣйствія, на чужеземный гнетъ, на нравственную неволю, итальянецъ никогда не былъ до того задавленъ, какъ французы и нѣмцы. Не надобно забывать, что правительства итальянскія прескверно организованы, что ихъ государственные люди такъ же безпечны, какъ земледѣльцы. Но главная причина въ томъ, что итальянецъ не всю свою жизнь связывалъ съ государствомъ: для него государство всегда было формой, условіемъ, а не цѣлью, какъ для француза: оттого паденіе государства не могло совсѣмъ раздавить человѣка. Крестьянинъ средней Италіи также мало похожъ на задавленную чернь, какъ русскій мужикъ — на собственность. Нигдѣ не видалъ я, кромѣ Италіи и Россіи, чтобъ бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль, или, лучше сказать, не мысль, а *непочатая сила*, непонятная имъ самимъ до поры, до времени, которая дастъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, даже крѣпостное состояніе.

Послѣ Гёте, французы попробровали завести *свои порядки* въ Италіи. Французы поступали такъ, какъ они всегда поступаютъ, — насильственно освобождая. Они выдумали нѣсколько республикъ въ Италіи и устроили ихъ по образу и подобію своего директоріальнаго правленія. Не принимая въ разсчетъ ничего индивидуальнаго, они гнули итальянцевъ въ формы, выдуманныя въ Парижѣ и которыя французы добросовѣстно считали равно годными для Отаити и для Исландіи. При всѣхъ недостаткахъ новыхъ республикъ, онѣ были лучше смѣненныхъ правительствъ, онѣ покончили нелѣпыя, феодальныя права, секуляризовали бездну имѣній, дали нѣкоторую свободу мысли и слова. Не смотря на это, народъ смотрѣлъ враждебно и недовѣрчиво на новыя правительства, онъ не вѣрилъ въ республики, заводимыя такими республиканцами, какъ Бонапартъ и Массена. Время доказало, кто былъ правъ: народъ-ли, принявшій освобожденіе за новую фазу рабства, или среднее состояніе, бросившееся въ объятія Наполеону для того, чтобъ тотъ могъ ихъ дарить брату Іосифу, зятю Іоахиму, пасынку Евгенію, сестрѣ Полинѣ, собственному сыну и прочимъ сродникамъ изъ Аячіо. Состояніе Италіи послѣ наполеоновскаго періода ухудшилось. Реакція во всей Европѣ была чудовищна: удушливое время отъ 1815 года до 1830 не вполнѣ оцѣнено, я совѣтую почитать, напримѣръ, исторію Волабеля, чтобъ узнать, что такое было terreur blanche во Франціи.

Замѣчательно, что въ Италіи реакція дѣйствовала такъ же не національно, какъ революція. Піемонтъ и Неаполь вздумали пробовать въ двадцатыхъ годахъ у себя заальпійскую монархію съ притѣснительной бюрократіей и съ готовностью войсками подавлять всякой ропотъ. Австрія учреждала Ломбардію на австрійскій манеръ. Противъ реакціи возстала оппозиція въ духѣ Лафайета и Бенжамена Констанъ. Оппозиція была побѣждена. Италія стояла одной ногой въ гробѣ. Метернихъ съ улыбкой повторялъ, что «Италія — географическій терминъ»: все энергическое, благородное, не попавшее въ Шпильбергъ, С. Эльмъ или С. Анджело, бѣжало, экспатріировалось. Въ задавленной литературѣ если что-нибудь прорывалось, то это былъ вопль и стонъ безнадежнаго отчаянія Леопарди, доходящій до люциферскаго, мрачнаго смѣха. Но были люди, вѣровавшіе въ будущее Италіи, и Маццини, начавшій работать темной ночью для разсвѣта, вполнѣ оправданъ теперь. Вы помните благородныя попытки, безумныя до величія, самоотверженныя до безумія, кончавшіяся страшными казнями, новыми залогами: онѣ свидѣтельствовали, что народъ этотъ «не умеръ, а спитъ».

Мрачная эпоха преслѣдованій и казней достигла полной высоты своей избраніемъ Григорія XVI. Людвигъ Филиппъ и Ме-

терних съ любовью подали ему руку и его министру Ламбрускини. Король французовъ посылалъ доносы папѣ римскому, папа римскій посылалъ доносы Метерниху, кардиналъ Ламбрускини помогалъ русской дипломатіи. Тюрьмы въ папскихъ владѣніяхъ къ концу *святительства* Григорія XVI были до того полны, что во всѣхъ публичныхъ зданіяхъ начали помѣщать—i politici. Наконецъ, Романья подала голосъ, наконецъ, стонъ Балоньи былъ услышанъ: этотъ стонъ, этотъ голосъ шли изъ другого начала, нежели голосъ оппозиціи, о которой мы говорили; это не былъ отголосокъ французскаго либерализма, а негодованіе народа, которому, наконецъ, нельзя дышать. Григорій XVI понялъ опасность и рѣшился, во чтобъ то ни стало, задушить народъ. Чтобы не распространяться объ этомъ тупомъ и пьяномъ злодѣѣ и объ его мѣрахъ, я скажу одно, но это одно важнѣе цѣлаго тома in folio: Австрійскій кабинетъ, долго, съ умиленіемъ смотрѣвшій на дѣла св. отца, не могъ, наконецъ, вынести и закричалъ: «basta Santo Padre!» Метернихъ послалъ ноту въ защиту романьоловъ, въ которой напоминалъ представителю Христа, что есть-же, наконецъ, мѣра притѣсненіямъ. Объ этомъ папѣ во французской камерѣ перовъ С. Олеръ сказалъ на дняхъ: «Григорій XVI былъ святой человѣкъ!»

Наконецъ, «святой человѣкъ» умеръ отъ старости и отъ марсалы. Конклавъ избралъ кардинала Мастая Ферретти. Въ избраніи Ферретти, кроткаго, благороднаго римлянина, участвовало, съ одной стороны, желаніе дать вздохнуть странѣ, опустить натянутыя поводья, съ другой стороны, въ его избраніи было славянское желаніе выдвинуть личность, ничѣмъ не выдающуюся, «не выскочку, не указчика міру». Конклавъ считалъ на слабость Пія IX и ошибся, именно потому что былъ правъ. Кардиналы, какъ и слѣдуетъ имъ, не взяли въ разсчетъ духа времени, эпохи: зная мягкій и слабый характеръ Пія, они не подумали, что положеніе народа и всей Италіи вообще будетъ на него дѣйствовать, что найдутся люди, которые молчали при Григоріи XVI, потому что знали его неблагородную и ограниченную душу, и которые будутъ искать вліянія на Пія, душа котораго была раскрыта любви народной и патріотизму. Пій IX въ самомъ дѣлѣ былъ одушевленъ желаніемъ добра, когда сѣлъ на престолъ; первое время его понтификата было истинно поэтической эпохой.

Удивленный народъ не зналъ, вѣрить или не вѣрить такому странному явленію. народныя рукоплесканія и восторженные крики привѣтствія понравились папѣ. Онъ предложилъ святой коллегіи объявить всепрощеніе политическихъ преступниковъ, кардиналы съ негодованіемъ подали голоса противъ. «Coraggio Santo Padre!» кричалъ ему народъ на улицахъ, и Пій IX объявилъ, что по власти, данной ему свыше, «вязать и разрѣшать» онъ объявляетъ амнистію.

Крикъ искренняго восторга раздался не только въ церковной области, но во всей Италіи: все уповавшее лучшей будущности окружило Пія IX: они сдѣлали изъ добраго, благонамѣреннаго человѣка—великаго понтифа, освободителя Италіи, величайшаго вѣнценосца въ Европѣ.

Кардиналы содрогнулись отъ досады и сдѣлали вторую ошибку. Вмѣсто того, чтобъ нѣсколько обождать, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать на религіозность Пія и испугать его, они выдумали заговоръ подъ начальствомъ Ламбрускини; въ немъ участвовалъ австрійскій посланникъ, неаполитанскій король, начальникъ шпіоновъ Григорія XVI и, разумѣется, іезуиты. Они хотѣли силою заставить папу отречься отъ всего имъ сдѣланнаго и были готовы не только свергнуть его съ престола, если онъ не согласится, но даже убить его, предоставляя себѣ удовольствіе свалить потомъ злодѣйство на либеральную партію. Для этого имъ нужно было народное волненіе, уличный шумъ. Приготовленія къ этому движенію узналъ Чичероваккіо и съ хитростью итальянца добрался до главныхъ заговорщиковъ. Мысль объ опасности, которой подвергался Пій IX, наполнила ужасомъ римлянъ, они всѣми мѣрами старались ему показать свою любовь и готовность защищать его своею кровью: Пій еще болѣе сблизился съ своимъ народомъ и разрѣшилъ составленіе народной внутренней стражи—чивики. Имена заговорщиковъ явились публикованными на улицахъ, часть ихъ бѣжала, часть ихъ переловилъ Чичероваккіо, и они до сихъ поръ сидятъ въ крѣпости Сентъ-Анджело и ихъ не судятъ, потому что папа не можетъ рѣшиться посадить съ ними кардинала Ламбрускини.

Съ этого заговора начинается важная роль Чичероваккія во всѣхъ римскихъ движеніяхъ. Il gran popolano простой, честный римскій плебей, знаемый всѣми въ Римѣ и знающій всѣхъ, идолъ черни, трибунъ питейныхъ домовъ и народныхъ сходокъ; онъ давно пріобрѣлъ вліяніе въ Римѣ, къ нему ходили совѣтоваться объ семейныхъ и торговыхъ дѣлахъ, онъ судилъ и разбиралъ ссоры, отдавалъ послѣднія деньги товарищамъ и былъ въ странномъ почетѣ между ними. Съ избраніемъ папы, Чичероваккіо бросился на политическую арену; онъ принесъ свое вліяніе въ опору меньшинству, работавшему съ Піемъ IX въ пользу Рима. Значеніе его съ тѣхъ поръ возросло; упорный защитникъ народныхъ требованій, неутомимый представитель народныхъ нуждъ, онъ тѣмъ больше пріобрѣталъ авторитетъ, что былъ совершенно чистъ характеромъ, не хотѣлъ никакой общественной перемѣны своего положенія и оставался тѣмъ-же плебеемъ, какъ былъ, по платью, по нравамъ, по языку. Отправляясь къ лорду Минто, онъ по дорогѣ игралъ съ его кучеромъ въ *мору* и, выходя отъ папы, шелъ въ кабакъ съ какимъ-нибудь солдатомъ. Съ дня открытія заговора, полиція, за-

мѣшанная въ немъ, исчезаетъ, порядокъ въ городѣ увеличивается. Чичероваккіо исправляетъ, такъ сказать, должность полицмейстера, ему помогаютъ факины, дровосѣки, и весь народъ. Губернаторъ приказываетъ выслать изъ Рима неаполитанскаго изгнанника: Чичероваккіо отправляется къ губернатору и говоритъ, что онъ ѣдетъ его провожать, сыскать ему мѣсто и что онъ не отвѣчаетъ за то, что народъ, оскорбленный этимъ грубымъ поступкомъ, сдѣлаетъ безъ него въ Римѣ; губернаторъ беретъ назадъ приказъ. Порядокъ и тишина въ Римѣ во все послѣднее время—блестящій результатъ муниципальной жизни, это self governement своего рода. Пію IX сначала понравилось такое легкое управленіе. Теперь онъ спохватился, захотѣлъ нѣсколько притянуть вожжи Troppo tardi!

На сей разъ довольно.

Письмо седьмое.

Неаполь, 25 февраля, 1848 г.

Я думаю, если-бъ вездѣ былъ такой воздухъ, такой климатъ и такая природа, то было бы гораздо меньше святыхъ и мудрецовъ и гораздо больше счастливыхъ и беззаботныхъ грѣшниковъ. Съ религіозной точки зрѣнія нельзя допустить, чтобъ люди жили на этомъ сладострастномъ берегу и, почемъ знать, можетъ усердныя молитвы первыхъ христіанъ много способствовали къ изверженію Везувія, погубившему Помпею и Геркуланумъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ тепломъ, влажномъ, волканическомъ воздухѣ, дыханіе, жизнь—нѣга, наслажденіе, что-то ослабляющее, страстное. Самый сильный человѣкъ дѣлается здѣсь Сампсономъ, остриженнымъ подъ гребенку, готовымъ на всякое увлеченіе и неспособнымъ ни на какое дѣло. Бѣда, если къ тому-же кто-нибудь докажетъ, что именно увлеченье-то и есть жизнь, а дѣла — вздоръ, что ихъ совсѣмъ и *дѣлать* не нужно...

Переходъ отъ римской природы къ неаполитанской до того поразителенъ, до того рѣзокъ, что я хочу сказать нѣсколько словъ о маленькомъ переѣздѣ нашемъ. Печальная Кампанья съ своими водопроводами и голубыми горами, пропадающими на горизонтѣ, смѣняется еще болѣе печальными Понтинскими болотами: ихъ все торопится миновать, боясь маларіи: сырая почва этихъ потныхъ полей испаряетъ изнурительныя и трудно излѣчимыя лихорадки: даже стада становятся рѣдки. И въ то же время возлѣ нихъ степенные на видъ и заброшенные города Велетри, Албано удивляютъ своимъ населеніемъ: это цвѣтъ романскаго племени, каждая женщина— типъ правильной, классической красоты, каждый мужчина можетъ служить моделью для художника, и что за грація въ дви-

женіяхъ, въ позахъ, что за стройность! Вы этихъ людей знаете, напримѣръ, по гравюрамъ съ Робертовыхъ картинъ. Вы, можетъ, даже согрѣшили передъ живописцемъ, находя нѣкоторую театральность въ положеніи лицъ: намъ это кажется оттого театральностью, что мы въ вседневной жизни не привыкли видѣть такія изящныя формы, такую аристократическую породу людей, которымъ ловкость и грація врождена, такъ, какъ русскому парню врождена удаль, такъ, какъ нашему ямщику страсть скакать. Робертъ, совсѣмъ напротивъ, удивительно вѣрно поймалъ въ своихъ «жнецахъ» характеръ романскихъ крестьянъ: онъ не забылъ подернуть легкой дымкой задумчивости и печали всѣ лица, даже тѣхъ, которыя пляшутъ.

Дикая полоса продолжается до Террачины. Небольшой городъ угрюмъ; Средиземное море безпокойно бьется за старинными воротами его; огромная и совершенно одинокая скала стоитъ у выѣзда. На скалѣ этой жилъ нѣкогда грозный кондотьеръ, о которомъ народъ теперь еще разсказываетъ легенды; около нея жили очень недавно толпы разбойниковъ, уничтоженныя при Львѣ XII. Скала эта превосходно заключаетъ папскія владѣнія, это точка, поставленная послѣ римскихъ развалинъ, Кампаньи и болотъ.

За скалой начинается природа веселая, смѣющаяся, совсѣмъ иная: населеніе гораздо менѣе красивое, но больше движущееся, шумливое; одичалыя черты лаццарони и подобострастныя манеры неаполитанской черни начинаютъ показываться; серьезный и гордый видъ крестьянина, нищаго, пастуха Кампаньи замѣняется насмѣшливымъ выраженіемъ и движеніями пулчинеллы; на мѣсто величавой, правильной красоты романьольской женщины, внушающей уваженіе, встрѣчаются дерзкіе зовущіе взгляды, милая вертлявость, неправильныя черты, внушающія чувства, вовсе не похожія на уваженіе. Въ неаполитанскомъ населеніи есть что то фавновское и пріапическое, здѣсь никто и не подозрѣваетъ нѣмецкаго изобрѣтенія платонической любви.

Всю эту разницу двухъ странъ, двухъ природъ, двухъ населеній, вы видите на самомъ рубежѣ ихъ, переѣзжая отъ Террачины до Гаеты. Эта рѣзкость предѣловъ, опредѣленность характеровъ, самобытная личность всего, горъ, долинъ, травы, города, растительности, населенія каждаго мѣстечка, —одна изъ главныхъ чертъ и особенностей Италіи. Неопредѣленные цвѣта, неопредѣленные характеры, туманныя мечты, сливающіеся предѣлы, пропадающіе очерки, смутныя желанія, —это все принадлежность сѣвера. Въ Италіи все опредѣленно, ярко, каждой клочекъ земли, каждой городокъ имѣетъ свою физіономію, каждая страсть свою цѣль, каждой часъ свое освѣщеніе, тѣнь какъ ножемъ отрѣзана отъ свѣта: нашла туча—темно до того, что становится тоскливо; свѣ-

тить солнце—такъ обливаетъ золотомъ всѣ предметы и на душѣ становится радостно. Федеральность въ самой землѣ, въ самой природѣ итальянской. Какая огромная разница въ характерѣ Піемонта и Генуи. Піемонта и Ломбардіи: Тоскана нисколько не похожа ни на сѣверную Италію, ни на южную: переѣздъ изъ Ливорны въ Чивита-Веккію не меньше рѣзокъ, какъ переѣздъ изъ Террачины въ Фонди. Ливорно кипитъ народомъ, городъ шумный, оппозиціонный, дѣятельный и торговый, - столько-же выражаетъ цвѣтущую и нѣсколько распущенную Тоскану, какъ пустая и безлюдная крѣпость съ высокими, старинными стѣнами, которыя нехотя полощетъ море, выражаетъ не торговый, мрачный, монашескій Римъ.

Но самая рѣзкая противуположность, самый крутой антитезисъ составляетъ Римъ и Неаполь: они столько же похожи другъ на друга, какъ строгая и величавая матрона на рѣзвую, легкомысленную гетеру, какъ Римъ временъ пуническихъ войнъ на Римъ временъ Тиверія и Нерона, искавшій по сочувствію неаполитанскаго неба. Римъ напоминаетъ о бренности вещей, о минувшемъ, о смерти, это вѣчное memento mori; Неаполь - объ упоительной прелести настоящаго, о жизни, о carpe diem. Римъ какъ вдова, вѣрная прошедшему, не отрывается отъ кладбища, не забываетъ утраченнаго: его развалины ему больше необходимы, нежели Квириналъ. Неаполь вѣренъ наслажденію, вѣренъ настоящему, онъ бѣснуется и пляшетъ на Геркуланумѣ, т. е. на гробовой доскѣ: дымящій Везувій напоминаетъ ему, что надобно пользоваться жизнью, пока до лавы. Философія Анакреона и Горація сдѣлалась его кодексомъ, перешла въ нравы.

Поживши въ Римѣ, невозможно его не уважать, но отъ Рима устаешь, устаешь такъ, какъ отъ людей, съ которыми безпрерывно надобно говорить о важныхъ предметахъ. Римъ дѣйствуетъ на нервы, поддерживаетъ натянутое состояніе восторженности,—можетъ, оттого-то у него и было столько героевъ и столько фанатиковъ. Неаполь нельзя не любить и, если-бъ вы только пробыли въ немъ одинъ день, всю жизнь стали бы вспоминать со вздохомъ объ этомъ днѣ.

Мы пріѣхали вечеромъ. Солнце садилось, пурпуровымъ свѣтомъ освѣщая море, синее, темно-синее, и гору, застроенную домами, на которой стоитъ камалдулинскій монастырь и крѣпость С. Эльмъ. По мѣрѣ того какъ садилось солнце, дымъ надъ жерломъ Везувія краснѣлъ и струйка каленой и растопленной лавы медленно стекала по горѣ. Улицы кипѣли народомъ, пѣсни, органы, разные инструменты раздавались со всѣхъ сторонъ, маріонетки и пулчинелли плясали, сыпали скороговорками: на балконахъ стояли дамы между цвѣтовъ, въ окнахъ начали показываться

огоньки... Я ничего подобнаго и не подозрѣвалъ, просто упиваешься, забываешь все на свѣтѣ, тѣлесно наслаждаешься собой и природой. Sta viator! лучшаго ты не увидишь. «Посмотри на Неаполь и потомъ умри»—какъ это глупо!—«Посмотри на Неаполь—и возненавидь смерть!»

Тутъ-то бы, кажется, и развиться человѣчеству; такъ нѣтъ, судьба этого удивительнаго края самая жалкая. Неаполь лишенъ даже тѣхъ блестящихъ и яркихъ воспоминаній, которыми себя утѣшали другіе города Италіи во время невзгоды. Онъ имѣлъ эпохи роскоши, богатства, но эпохи славы не имѣлъ. Старый Римъ бѣжалъ умирать въ его объятія и, разлагаясь въ его упоительномъ воздухѣ, онъ заразилъ, онъ развратилъ весь этотъ берегъ. А потомъ одинъ врагъ за другимъ являлись его тормошить и мучить: Неаполь служилъ приманкой всѣмъ дикимъ завоевателямъ: сарацынамъ и Гогенштауфенамъ, норманамъ и испанцамъ, Анжуйцамъ и Бурбонамъ. Ограбивши его, не оставляли его въ покоѣ, какъ другіе города, въ немъ жили, потому что въ немъ хорошо жилось. Какъ же было не образоваться такой черни, какъ лаццарони,—помѣсь всѣхъ рабствъ, низшій слой всего побитаго, осадокъ десяти народностей, перепутавшихся, выродившихся.

Соперница Неаполя—Палермо, и вся Сицилія перенесла многое, но иначе: замкнутый характеръ островитянъ, другой закалъ и менѣе чужого постоя позволили Сициліи хоть сколько нибудь дышать: Сицилія «отечество», Палермо ея столица. Неаполь, если хотите, не принадлежитъ ни къ чему, это городъ и больше ничего, развѣ прибавимъ къ нему его окрестности, да небольшую морскую полоску: онъ ничего не имѣетъ общаго съ другими частями, никто не любитъ его, кромѣ тѣхъ, которые въ немъ. Что за дѣло Абруццамъ и Калабріи до Неаполя; до Палермо дѣло всей Сициліи: оттого Палермо подставила въ январѣ свою грудь ядрамъ и пріобрѣла Неаполю представительное правительство.

Въ первые дни, послѣ моего пріѣзда, я увидѣлъ, что неаполитанцы не довѣряютъ обѣщанію Фердинанда II и ждутъ съ трепетомъ 9 февраля, въ которое назначено было объявить новое уложеніе. Король сидѣлъ на заперти въ своемъ дворцѣ, окруженномъ солдатами и пушками. Министры, чтобъ дать залогъ народу, велѣли въ силу амнистіи освободить политическихъ арестантовъ изъ С. Эльма, кастель dell'Ovo и другихъ мѣстъ заключенія. Народъ толпился у тюремъ въ день ихъ освобожденія. Выходя изъ воротъ, они встрѣтили своихъ друзей и либеральную часть населенія: ихъ окружили и повели торжественнымъ шествіемъ по улицѣ Толедѣ; въ café dell'Europa былъ приготовленъ для нихъ пышный обѣдъ. Народъ толпился у оконъ кафе. Бывало la roture ходила смотрѣть въ щелочку, какъ пируютъ ея господа: теперь

граждане тѣснились, чтобъ увидѣть блѣдныя, истомленныя лица колодниковъ, давно отвыкнувшихъ отъ надеждъ, давно сдружившихся съ мыслью о палачѣ, о галерахъ. Для нихъ, вѣроятно, все казалось сномъ: улица Толедо, богатый кафе, пышный столъ, цвѣты, бокалы, яркое освѣщеніе, — и это черезъ часъ послѣ темныхъ казематъ. Ромео, котораго голова была оцѣнена, спокойно пьетъ за независимость Италіи въ café del Europa! Имъ жмутъ руки, привѣтствуютъ, а вчера боялись произнести ихъ имена, какъ будто въ самомъ звукѣ уже слышалась бѣда, соприкосновенность къ дѣлу, пытка...

Послѣ обѣда ихъ повели въ S. Carlo, окруженныхъ цѣлымъ легіономъ людей, которые несли факелы: дирекція вышла навстрѣчу и просила экс-каторжныхъ занять безденежно первыя мѣста въ сталяхъ оркестра.

Одиннадцатаго февраля, часа въ три передъ обѣдомъ, Санта Лучія покрылась народомъ, который бѣжалъ на дворцовую площадь съ крикомъ: Ha firmato! Пошелъ и я. Si, si, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ, пожилой человѣкъ, ha firmato stamatina.—Eccolo, прибавилъ онъ и снялъ свою шляпу, santo nome di Dio —é per la prima volta, per la prima volta, добавилъ онъ, извиняясь. Eviva il re constituzionale—раздалось и не умолкало минутъ десять, шляпы летѣли на воздухъ, народъ сошелъ съ ума отъ радости. Король съ открытой головой въ длинно-поломъ зеленомъ пальто кланялся на балконѣ народу, низко, очень низко. Толпа хлынула отъ дворца на Толеду. Что тутъ было въ этотъ вечеръ, невозможно описать: представьте себѣ оргію, въ которой участвуетъ цѣлый городъ: это была политическая Walpurgisnacht, безумная сатурналія, имѣвшая совершенно другой характеръ, нежели римскія демонстраціи. На этотъ разъ не кучка героическихъ арестантовъ праздновала свое освобожденіе, а цѣлое народонаселеніе. Люди съ восторгомъ въ глазахъ, съ разгорѣвшимся лицомъ, со слезами бросались другъ другу въ объятія, незнакомые останавливали незнакомыхъ и поздравляли: домы освѣтились на Толедѣ, Kiaiѣ и Санта Лучіи: нарядныя дамы ѣхали, стоя въ коляскахъ съ факеломъ въ рукахъ и съ крикомъ: viva la liberta! Полуголые мальчишки прыгали середь улицы и распѣвали во всю глотку гимнъ въ честь Maseniello на голосъ извѣстной народной пѣсни Perche t'ingriffi com'un gatto, которую пальясы поютъ по улицамъ съ самой уморительной декламаціей. Живость и комизмъ неаполитанцевъ не могъ не отразиться на такомъ праздникѣ: они съ хохотомъ и кривляніемъ, бросая башмакъ на воздухъ и ловя его ногой, кричали viva la constituzione e i maccaroni.

Toledo съ утра кипитъ народомъ, мальчишки пристаютъ съ политическими памфлетами и каррикатурами, такъ, какъ прежде

приставали съ предложеніемъ *цвѣтовъ* (обоихъ царствъ растительнаго и *животнаго*)... Какое-же тутъ писанье.

Прибавлю только, что я видѣлъ, какъ король присягалъ новому уложенію въ соборѣ S. Francesco di Paolo. Онъ формулу присяги прочелъ громко, но лицо его имѣло скверное выраженіе. Въ чертахъ его есть дальнее сходство съ Людовикомъ Филиппомъ, со всѣми Бурбонами и еще больше съ римскими бюстами императорскихъ временъ, съ бюстами Гальбы, Вителія. Лицо его толсто, выражаетъ животную чувственность и лукавую жестокость: нижняя часть особенно развита, взглядъ лишенъ всякой привѣтливости, бакенбарды en collier придаютъ всѣмъ чертамъ что то неблагородное.

Когда онъ вышелъ изъ собора и сталъ садиться на лошадь, онъ потихоньку перекрестился: трусъ и ханжа,— какъ же ему не быть тираномъ.— Прощайте.

Черезъ недѣлю.

Завтра мы ѣдемъ опять въ Римъ. Разскажу вамъ теперь, что за происшествіе случилось здѣсь со мной.

Разъ возвращаясь домой, я не нашелъ портфель: въ немъ были ломбардные билеты, векселя, кредитивное письмо, и къ тому же мой пассъ, словомъ, все мое состояніе. Что было дѣлать! Я бросился къ Ротшильду, къ графу Феррети, двоюродному брату Пія IX, къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Феррети ничего не сдѣлалъ, только нюхалъ какъ то не по людски и очень противно табакъ. Ротшильдъ велѣлъ написать рекомендательное письмо къ префекту, графу Тофано.

Отправляясь къ нему, я встрѣтилъ Спини, редактора *Эпохи*.

Спини предложилъ прежде префекта идти къ Микеле Вальпузо: это былъ революціонный начальникъ неаполитанской черни, въ родѣ Чичероваккія. 15 мая 1848 г. онъ палъ мертвый на улицѣ Толедѣ, геройски защищая баррикаду. Вальпузо сказалъ, что если портфель цѣлъ и въ Неаполѣ, то его доставитъ, и совѣтовалъ, между прочимъ, объявить афишами, что я даю сто скудовъ тому, кто найдетъ *потерянный* портфель. На слово «потерянный» онъ особенно налегалъ, говоря, что если будетъ сказано: украденный, то никто не принесетъ.

Префектъ принялъ меня очень внимательно, обѣщалъ всевозможную помощь со стороны полиціи, хотѣлъ мнѣ дать агента, двухъ даже, знающихъ городъ какъ свои карманы, и совершенно одобрилъ предложеніе Микеля-Вальпузо.

Измученные возвращались мы съ Т. мимо огромнаго S. Carlo, возлѣ котораго стоятъ лошади съ Аничкина моста, подаренные королю.

— «Неужели, сказалъ я Т., оттого и въ театръ не ѣхать, что меня обокрали?»

Въ этотъ день король являлся въ театръ мириться съ публикой: аристократическій Неаполь собирался сдѣлать ему въ С. Карло овацію за подпись уложенія.

Т., какъ настоящій русскій, нашелъ, что дѣйствительно нѣтъ достаточной причины, чтобъ не ѣхать въ театръ. У меня въ кошелькѣ были четыре золотыхъ, на ту минуту это составляло все мое достояніе, два съ половиной я отдалъ за полъ ложи.

Между тѣмъ прошли дня три, о портфелѣ не было ни слуху, ни духу, я сообщилъ всѣмъ главнымъ банкирамъ въ Европѣ, сообщилъ въ московскій опекунскій совѣтъ. Всякой день таскался я отъ префекта въ остерію, гдѣ Вальпузо, завтракая, давалъ аудіенціи, отъ Вальпузо къ Феррети, который все также гадко нюхалъ табакъ и утѣшалъ меня тѣмъ, что теперь все управленіе новое, честное, но непривычное и, стало, для него открыть трудно. Вальпузо повторялъ свое: «портфель принесутъ, *если* онъ въ Неаполѣ».

Наконецъ, рѣшился я ѣхать въ русское посольство: тогда еще мнѣ не была заперта дверь нашихъ миссій, но я никогда не пробовалъ ее отворять.

Я безъ отвращенія не могу входить вообще ни въ какое присутственное мѣсто, ни въ какую канцелярію, —но въ особенности въ русскую. Тутъ нѣтъ ничего личнаго, я не могу пожаловаться ни на одного посольскаго чиновника: но мысль, что тамъ русскіе дипломаты, чиновники, дѣлаетъ на меня нервное вліяніе, которое на многихъ производятъ тараканы и мыши. Нѣтъ человѣка, который бы боялся таракана изъ-за вреда, который онъ можетъ причинить:... это чувство невольное и трудно побѣждаемое. Я изъ Россіи выѣхалъ затѣмъ, чтобъ не видать офицерства и чиновничества, чтобы не видать всѣхъ этихъ Ноздревыхъ и Хлестаковыхъ: что же за радость видѣть ихъ на Кіаіѣ, на Санта Лучіи въ виду Везувія и Кастелла-Маре...

Нужда солому ломитъ... Отправился я въ посольство. Сначала кучеръ меня завезъ въ австрійское,—такъ въ понятіяхъ неаполитанцевъ нераздѣльны двѣ имперіи съ своими пернатыми Рита-Христинами на флагѣ.

Когда я сказалъ швейцару мою фамилію, онъ вдругъ такъ мнѣ обрадовался, какъ будто я былъ его родной дядя, возвратившійся съ кулями золота изъ Батавіи; онъ засуетился, подалъ мнѣ стулъ, кажется два и послѣ какихъ-то несвязныхъ учтивостей спросилъ меня:

«Такъ это вы, графъ, потеряли портфель?» Ну, хотя я и не графъ, а портфель дѣйствительно потерялъ. «Очень радъ, очень радъ, oh que je suis content!» —Я думалъ, что это изъ особой тон-

кой политики министерія для русскихъ посольствъ беретъ швейцаровъ изъ сумасшедшаго дома.

— «Видите, сказалъ онъ, этого человѣка.»

Я оглянулся и увидѣлъ больше, нежели нужно, потому что человѣкъ, на котораго онъ указывалъ, былъ совершенно нагой и только на плечѣ въ должности алмавивы болтался клокъ паруса. Это былъ худой, оливковаго цвѣта, породистый лаццарони, лѣтъ 17, съ плоскимъ лбомъ, съ хищными зубами, весь изъ мускуловъ, весь обоженный солнцемъ. Онъ лежалъ у посольскихъ воротъ и, казалось, нисколько не заботился о томъ, что дождь накрапывалъ.

— Вижу.

— «Ну онъ то и нашелъ вашъ портфель».

— Какъ нашелъ?

— «Онъ тутъ уже часа три лежитъ, ждетъ, чтобъ за вами послали».

— Гдѣ-же портфель?

— «У посланника».

— Доложите ему, что я здѣсь...

«Его дома нѣтъ. Совѣтникъ посольства тутъ, пожалуйте къ нему, но, — сказалъ швейцаръ тихо и выразительно, отворяя дверь и поглядывая на меня страстнымъ и нѣжнымъ взглядомъ, — но графъ не забудетъ, что первую вѣсть о портфелѣ онъ получилъ отъ меня».

— Не забудетъ, отвѣчалъ я и взошелъ въ канцелярію. Вскорѣ явился человѣкъ въ шитомъ мундирѣ; зачѣмъ онъ былъ въ шитомъ мундирѣ, я не знаю.

Ни швейцаръ, ни Вальпузо, ни Тофано не сомнѣвались, что я—я. Шитый мундиръ сомнѣвался, я началъ съ нимъ говорить по русски, далъ ему записку всего находящагося въ портфелѣ и разсказалъ ему содержаніе писемъ.

Онъ держалъ портфель въ рукахъ и разсматривалъ бумаги.

— Я не думаю сомнѣваться, но всѣ эти дѣла должны быть подвергнуты нѣкоторымъ формамъ, сказалъ онъ. Не угодно ли вамъ написать въ посольство письмо о потерѣ вашего портфеля и просить содѣйствія императорской миссіи объ отысканіи его. Мы вамъ тогда вашъ портфель и выдадимъ съ свидѣтельствомъ и возьмемъ съ васъ росписку.

— Я полагаю, что съ этого бы можно начать.

— Невозможно, у насъ свой заведенный порядокъ, отъ котораго не отступаемъ безъ крайности, дѣла должны быть подвергнуты нѣкоторымъ формамъ. Вамъ все равно.

— Позвольте листъ бумаги, я здѣсь напишу.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.

И такъ въ виду портфеля я попросилъ посольство сыскать его. А чиновникъ велѣлъ другому чиновнику написать мнѣ отвѣтъ.

«что-де миссія съ удовольствіемъ извѣщаетъ, что вслѣдствіе ея сношеній съ полиціей портфель отысканъ!!»

Я далъ росписку и портфель взялъ. Раскрывая его, я увидѣлъ, что русскіе билеты и пассъ были на лицо, но что не доставало двухъ векселей тысячъ на тридцать и кредитнаго письма.

Я позвалъ лаццарони и просилъ швейцара растолковать ему, что я не дамъ ста скуди, пока онъ не принесетъ всего. Онъ бормоталъ свое.

— Я такъ нашелъ, я вечеромъ нашелъ, я что нашелъ, то и принесъ.

— Да гдѣ-же портфель былъ четыре дня?

— Тутъ у старичка, гдѣ мы живемъ, тутъ и былъ.

— Да гдѣ-же этотъ старичекъ?

— За Dogana di sale.

— Поѣдемъ къ нему.

Смертельно не хотѣлось мальчику ѣхать, однако онъ помѣстился на козлы съ кучеромъ. Сцена эта была неподражаема: онъ свой парусъ надѣлъ, какъ русскіе попы носятъ ризу, что его очень мало покрывало, между тѣмъ дождь ливмя лилъ; онъ раза два хотѣлъ сойти, но кучеръ изъ нашего отеля, зная въ чемъ дѣло, не пускалъ его.

Лаццарони думалъ, что я его отдамъ въ полицію и совершенно какъ звѣрь косился и посматривалъ на меня. Дома я засталъ Спини и, поручивъ ему моего однопаруснаго пріятеля, котораго убѣдилъ, что въ полицію не отдамъ, поѣхалъ къ Тофано.

Тофано былъ очень радъ, что портфель нашелся и тотчасъ предложилъ схватить лаццарони.

Я отказался.

— Мы ему ничего не сдѣлаемъ, а только пугнемъ тюрьмой, онъ завтра все разскажетъ. Полиція теперь не такъ страшна, какъ вы думаете: мы начинаемъ бояться народа, а не народъ насъ,.. прибавилъ префектъ смѣясь.

— Я ему обѣщалъ, графъ, что не отдамъ его.

Тофано не настаивалъ, но сказалъ, что, если мнѣ покажется что нибудь подозрительнымъ въ домѣ старика или онъ откажется отдать, то что онъ тотчасъ распорядится, а пока лаццарони оставить въ покоѣ.

Спини, я и молодой человѣкъ отправились къ старичку за Dogana di sale: онъ указалъ въ вороты большого полуразваливщагося дома, мы въѣхали на вонючій и нечистый дворъ. Въ окнахъ болтались грязныя рубашки, тряпье: домъ былъ похожъ на запущенныя казармы, на оставленную фабрику.

Мы взошли въ довольно темныя сѣни; на площадкѣ и въ коридорѣ лежали на камняхъ, по которымъ текла какая-то темная,

непрозрачная и подозрительнаго свойства жидкость, нѣсколько лаццарони: все лежало на голыхъ камняхъ, и все было одѣто въ родѣ моего юноши, который отправился за старикомъ, сказавъ намъ, чтобъ дожидаться его тутъ.

Хилой мальчишка лѣниво всталъ съ полу и, почесывая голову, подошелъ ко мнѣ, растопырилъ ноги и сталъ разсматривать меня съ величайшей подробностью.

Старикъ, лежавшій неподалеку, толкнулъ мальчишку ногой, такъ что тотъ отскочилъ шага на три; старикъ грубо прикрикнулъ:

«Пошелъ къ черту, ну, что лѣзишь, è un padrone!» Но изъ угла послышался сиплой голосъ другого старика: «Siam anche noi padroni—viva l'uguaglianza!»

— Viva! отвѣчалъ я демократу.

— «А что, нѣтъ ли съ вами сигаръ?»

— Есть,—и пять-шесть человѣкъ бросилось на меня. Сигары было три.

Явился старикъ. Его физіономія, его рѣчь, его движенія я никогда не забуду. Это типическое лицо. Во-первыхъ, онъ былъ довольно чисто одѣтъ, въ родѣ итальянскаго моряка, низенькой, плечистый, съ небольшими, сверкавшими волчьими глазами, онъ какъ-то смотрѣлъ и не смотрѣлъ, мало говорилъ и все наблюдалъ, что дѣлается. По его недовѣрчивому, пытливому взгляду, по безднѣ морщинъ на лбу и щекахъ, по обдуманности, съ которой онъ говорилъ, по огню, который иногда прорывался изъ глазъ, можно было догадаться, сколько страстей кипѣло тутъ и сколько борьбы, постоянной борьбы съ обществомъ, онъ вынесъ, борьбы отчаянной изъ-за куска хлѣба, изъ-за крова.

Старикъ началъ говорить на неаполитанскомъ нарѣчіи, который и итальянцамъ трудно понимать; говорилъ, что молодой человѣкъ вечеромъ на улицѣ въ углѣ нашелъ портфель, что они было такъ его оставили, но увидѣли объявленіе и послали его въ посольство. Можетъ, говорилъ онъ, и были другія бумаги, кто ихъ знаетъ.

Лица наши ободрили его. Онъ сталъ говорить на чистомъ итальянскомъ нарѣчіи.

— Двадцать пять скудовъ я прибавлю, сказалъ я; къ тому-же по векселямъ денегъ получить невозможно, я уже писалъ, и кто явится съ ними, будетъ непремѣнно арестованъ.

— «Разумѣется, съ такими векселями арестуютъ и подѣломъ, какъ же можно, грѣхъ какой... Мнѣ не нужно вашихъ 25 скудовъ, за рюмку хорошаго коньяку я отдалъ бы вамъ. Да гдѣ-же взять бумаги, знаете какое дѣло, тутъ ребятишки... Братцы, продолжалъ онъ, обращаясь къ своимъ товарищамъ, посланнымъ на грязномъ

полу, а слышите, 25 скудовъ прибавки, что не поискать-ли гдѣ,— видите какой добрый баринъ».

— Гдѣ искать черезъ пять дней, отвѣчалъ подземный хоръ, какъ въ Робертѣ.

— «Негдѣ искать», сказалъ старикъ.

Спини разсердился и замѣтилъ:

— Мой другъ съ вами церемонится, вотъ я сейчасъ отправлюсь къ префекту, я знаю теперь вашъ вертепъ, непремѣнно надобно повальный обыскъ сдѣлать, тогда и не то отыщется.

Старикъ отвѣчалъ ему смиренно:

— «Что-же, мудрено-ли обидѣть бѣдныхъ людей, siamo miserabile gente, беззащитные. Воля начальства, и повальный обыскъ можно сдѣлать,—мы люди маленькіе».

Это была самая торжественная минута старика: говоря смиренно эти слова, у него было въ лицѣ больше, нежели иронія, презрѣніе къ намъ. Въ переводѣ его слова значили—сунься, сунься съ полиціей, много найдешь.

Товарищи его начали что-то поговаривать межъ собой. Спини попробовалъ, съ нимъ-ли пистолетъ, пистолета не было; мы были довольно далеки отъ двери, и между нами и дверями было еще человѣкъ пять, вновь взошедшихъ лаццарони. Спини посмотрѣлъ на меня, я ему отвѣтилъ сквозь зубы: «у меня ничего нѣтъ».

Легкая улыбка пробѣжала по лицу старика и волчьи глаза сверкнули.

— «Что вы это въ самомъ дѣлѣ толпитесь, сказалъ онъ, люди пришли толковать о дѣлѣ, всякому своего жаль. Видите, какая бѣда, векселя пропали... Что тутъ лѣзть, искали бы лучше вмѣсто того, чтобъ болтаться. Ce son de braves gens, замѣтилъ онъ мнѣ по *французски*—mais des paresseux».

Старикъ торжествовалъ, онъ видѣлъ минуту нашей робости послѣ угрозы. Ахъ, эти волчьи глаза!

— Ну, окончимте, сказалъ я ему; вы можете быть увѣрены, что денегъ по векселямъ не получите, это одно упорство, что вы не отдаете. Я даю сто скуди молодому человѣку и 25 вамъ, если принесете. Если нѣтъ, вы не пеняйте на меня, дѣло это извѣстно полиціи. Я даю вамъ срокъ подумать до завтрашняго дня.

Старикъ кланялся, увѣрялъ, что не знаетъ, что и дѣлать, проводилъ насъ до коляски, жалѣлъ и ничего не обѣщалъ.

Путь до Санта Лучіи былъ довольно далекъ, домъ префекта на дорогѣ, я вышелъ на одну минуту изъ коляски, чтобъ разсказать, что было, секретарю префекта, и прямо поѣхалъ домой.

Представьте себѣ мое удивленіе, когда первое лицо, встрѣтившее меня у отеля, былъ мой старикъ; на тротуарѣ и на мраморныхъ ступеняхъ лежало человѣка четыре, сильно плечистыхъ

лацциарони. На сей разъ къ костюму старика прибавились большія серебряные очки. Онъ подошелъ ко мнѣ и съ видомъ шестилѣтняго ребенка сказалъ:

— «А я вотъ пришелъ къ вамъ, послѣ васъ мы всѣ углы перешарили, нашли еще какія-то бумаженки, уже не эти-ли? я хотѣлъ было прочитать, да глаза слабы».

Эти бумаженки были два векселя, каждый въ 15.000 франковъ.

— Вотъ давно бы такъ, старикъ. Ну зачѣмъ тратили слова?

— «А вы все не вѣрите: вотъ въ углу лежали, за кроватью.— ты вѣдь за кроватью нашелъ, Бепо?»

— За кроватью, отвѣчалъ Бепо, лежа на брюхѣ и отогрѣвая спину каленымъ солнцемъ.

— Хорошо, хорошо, вамъ двадцать пять и ему сто: да я было забылъ, вы хотѣли рюмку хорошаго коньяку, пойдемте, я вамъ отдамъ деньги и выпьемъ вмѣстѣ отличнаго коньяку.

— «Ну, коли вамъ все равно, отвѣчалъ старикъ, такъ ужъ прикажите слугѣ сюда вынести рюмку,—я старъ, поясница болитъ по лѣстницамъ ходить».

Я расхохотался. Онъ намъ платилъ той же монетой и не очень довѣрялся.

Этимъ дѣло и кончилось. Но для полноты картины надобно себѣ представить семнадцатилѣтняго дикаго мальчика, одѣтаго въ парусъ, когда я ему далъ сто скуди серебромъ. Онъ не зналъ, куда ихъ дѣть, у него не было ни кармана, ни тряпки. Старикъ, отечески улыбаясь, сказалъ ему: «ты все растеряешь, дай-ка я тебѣ донесу до дому».

Я увѣренъ, что мальчику больше десяти скудовъ не досталось.

Письмо восьмое.

Римъ, 3 марта, 1848.

Мы поспѣли и здѣсь къ концу карнавала. Онъ шелъ вяло, плохо, всѣ заняты другимъ, вниманіе всѣхъ обращено на иное, печальныя вѣсти изъ Ломбардіи мѣшаютъ маскамъ, maccoletti совсѣмъ не были. Сегодня заходилъ ко мнѣ редакторъ «Эпохи» съ вѣстью, что Парижъ вспомнилъ, что онъ Парижъ, что строятъ барикады и дерутся.

4 марта, утромъ.

Ночью я былъ на маскарадѣ въ Торъ-ди-Ноне. Часу во второмъ въ одной ложѣ какой-то человѣкъ махалъ платкомъ и подавалъ знакъ, что онъ хочетъ говорить, всѣ обратились къ нему. «Romani! закричалъ онъ, сейчасъ получена вѣсть изъ Чи-

виты, что парижане выгнали Людовика Филиппа, республика провозглашена!»

— Viva la republica Francese! Viva la Francia libera! закричали въ залѣ, morte al caduto malgoverno, viva, viva sempre la republica!

Во снѣ это, или на яву? Событія съ каждымъ днемъ густѣють, становятся энергичнѣе и важнѣе, усиленный пульсъ исторіи постукиваетъ лихорадочно, личные взгляды и ощущенія теряются въ величинѣ совершающагося. Писать нѣтъ ни малѣйшей охоты. А потому прощайте.

20 апрѣля.

Удивительное время. У меня дрожитъ рука, когда я принимаюсь за газеты: всякой день какая-нибудь неожиданность, какой нибудь громовый раскатъ: или свѣтлое воскресенье или страшный судъ возлѣ. Новыя силы пробудились въ душѣ, старыя надежды воскресли и какая-то мужественная готовность на все снова взяла верхъ.

На-дняхъ я оставляю Римъ. Разскажу наскоро, что здѣсь было въ продолженіе послѣдняго мѣсяца. Вѣсть о провозглашеніи французской республики сильно потрясла всю Италію, Римъ явнымъ образомъ становился республиканскимъ городомъ. А Пій IX въ это время издавалъ тощую и уродливую конституцію — troppo tardi, St. Padre, troppo tardi! Она была принята холодно, она не удовлетворяла ни прогрессистовъ, ни іезуитовъ. Григоріанцы кричали противъ нея такъ же громко, какъ друзья Маццини. Одна золотая посредственность была довольна, я говорю о либералахъ, о тѣхъ либералахъ, которые, какъ выразился одинъ берлинскій депутатъ, любятъ одинъ *умѣренный* прогрессъ, и въ немъ больше умѣренность, нежели прогрессъ.

Конституція Пія хуже неаполитанской, уродливая смѣсь католической теократіи съ англійскимъ представительствомъ. Папа и святой коллегіумъ могутъ отвергать всякое предложеніе двухъ камеръ, инквизиція и доминикальные суды остались; дозволялось печатать *все свѣтское* безъ цензуры, но рѣшеніе вопроса, что свѣтское, что духовное, предоставлялось цензурѣ; раздѣленіе очень трудное тамъ, гдѣ министры—кардиналы, гдѣ папа—царь, гдѣ финансовыя мѣры —чуть не догматы и полицейскія распоряженія оканчиваются эпитиміею. Самое лучшее въ конституціи было то, что она доказала міру *возможность* конституціоннаго папы; впрочемъ, она доказала это въ то время, какъ міръ, съ своей стороны, сталъ догадываться, что *никакого* папы не нужно.

Пій IX былъ очень недоволенъ пріемомъ уложенія: онъ видѣлъ, что теряетъ послѣднюю популярность, а для человѣка, испытавшаго любовь народную, не легко ее потерять. Одно могло примирить папу съ народомъ и загладить все сдѣланное, — ему

слѣдовало объявить войну за Ломбардію и послать папскаго гонфалоньера во главѣ новаго крестоваго похода. Но поступить смѣло, сказать рѣзкое слово войны,—это было несовмѣстно съ женскимъ характеромъ Пія. Все, что Пій IX дѣлалъ послѣ амнистіи и закона о чивикѣ, было дѣлано днемъ позже, нежели надобно, и поэтому не имѣло никакой цѣли. Далъ бы онъ конституцію тотчасъ послѣ неаполитанскаго возстанія, она была бы принята съ восторгомъ; Пій IX медлилъ, ждалъ и дождался 24 февраля,—всѣ конституціи въ мірѣ поблѣднѣли передъ республикой во Франціи. Въ самую яркую минуту политическаго увлеченія въ Римѣ, онъ обнародовалъ свою дрянную конституцію, да еще прибавилъ въ манифестѣ, что онъ ее издалъ «побуждаемый быстротою несущихся событій».

Точно тоже сдѣлалъ онъ въ отношеніи къ войнѣ. Новости изъ Ломбардіи были мрачны, австрійцы, видя неминуемое возстаніе Милана, душили его, во всей Италіи былъ одинъ крикъ—идти на помощь Милану; всякой разъ, когда на римскихъ торжествахъ являлось знамя Ломбардіи, покрытое чернымъ крепомъ, его привѣтствовали съ изступленіемъ. Всѣ люди послѣдовательные, люди, не шутя хотѣвшіе независимости Италіи и неудовлетворявшіеся кокардами и демонстраціями, требовали войны, ожидали ея. Слухи о томъ, что въ Миланѣ все готово къ возстанію, о новыхъ мѣрахъ австрійцевъ ясно доказывали, что часъ войны пробилъ. Пій IX молчалъ.

Размолвка съ папой была внутри душъ, его щадили, его выносили на своихъ плечахъ; теперь радикальная партія поняла, что съ нимъ не сладишь и что легче дѣлать безъ него, чѣмъ съ нимъ; теперь она отняла свою руку и предоставила его судьбѣ. Когда папа замѣтилъ, что волна, его подхватившая, не покоряется ему, когда онъ увидѣлъ, что языкъ, которымъ съ нимъ говорили римляне, измѣнился, онъ растерялся, у него закружилось въ головѣ, онъ хотѣлъ остановиться и не дѣлать шагу впередъ. Политическому дѣятелю остановиться и съ тѣмъ вмѣстѣ остаться на своемъ мѣстѣ — невозможно, тутъ выбора нѣтъ: или надобно совсѣмъ отойти отъ несущихся событій, или безславно удариться о земь и быть раздавленнымъ или увлекаемымъ противъ воли.

Послѣднее случилось съ Піемъ. Сначала попробовали іезуиты и кардиналы увлечь его въ полную реакцію; они его увѣрили, что Римъ наканунѣ возстанія; бѣдный папа издалъ приказъ чивикѣ, которой поручалъ жизнь и собственность своихъ римлянъ, въ то время какъ въ городѣ все было такъ же покойно, какъ теперь. Одно, и это одно я ставлю въ великое достоинство Пію: сколько ни старались іезуиты, папа не хотѣлъ прибѣгнуть къ дикимъ средствамъ насилія, тюремныхъ заключеній, преслѣдованій силою. Папа хотѣлъ все уладить дипломатически и увѣщаніями;

но есть событія, есть эпохи, въ которыя всякая хитрость, всякая дипломатія ломается силою стремящагося потока. Пока іезуиты приготовляли толпу къ тому, чтобъ вырѣзать особенно вліятельныхъ людей радикальной партіи, пока они наушничали папѣ и стращали его, совершилось событіе, котораго никто не ждалъ — вѣнская революція.

Вѣсть эта, пришедшая въ Римъ почти вмѣстѣ съ вѣстью о возстаніи въ Миланѣ, произвела больше волненія, нежели самая вѣсть о 24 февралѣ. Народъ требовалъ, чтобъ ударили въ колокола, и праздничный звонъ раздался въ Римѣ; онъ требовалъ, чтобъ крѣпость S. Angelo привѣтствовала пушечной пальбой паденіе австрійскаго правительства и возстаніе Ломбардіи, и пушечный громъ раздался. Кажется, всѣ власти въ Римѣ въ этотъ день забыли, что есть другой господинъ, кромѣ народа; объ другомъ господинѣ никто не думалъ, а волю того, который приказывалъ пятидесятью тысячами голосовъ, исполняли безпрекословно.

Корсо, всѣ большія улицы и площади были покрыты народомъ. Кто-то предложилъ идти къ Palazzo Venezia и снять австрійскій гербъ, уничтожить эту ненавистную двуглавую птицу на домѣ посла questo ucello grifagno; всѣ ринулись туда. Достали лѣстницы, влѣзли и пошла работа; снять тяжелые гербы, прибитые очень высоко, было не легко. Плечистый работникъ съ длинной бородой залѣзъ на гербъ и исчезъ, по временамъ раздавались удары топора, трое молодыхъ людей помогали ему; наконецъ, огромный щитъ, гремя цѣпями, которыми былъ прикрѣпленъ, рухнулся на землю, работникъ привязалъ на его мѣсто ломбардское знамя. Народъ бросился съ остервѣненіемъ на гербъ, все наболѣвшее на душѣ, все накопившееся противъ Австріи выразилось въ злобѣ, съ которой топтали, ломали ненавистный гербъ притѣсненія, деспотизма и мертвящаго statu quo.

Но этимъ еще не кончилась казнь in effigie. Гербъ привязали къ хвосту осла и отправились торжественнымъ шествіемъ по Корсо; свистъ и крикъ встрѣчалъ и провожалъ бѣдную двуглавую птицу; мальчишки бѣжали за ней, подстегивая и бросая грязью; на Piazza del popolo щитъ сожгли на огромномъ кострѣ и музыка чивики протрубила ему вѣчную память.

Папа медлилъ и тутъ. Допустивши колокольный звонъ и пушечную пальбу, не сдѣлавъ даже виду противудѣйствія оскорбленію австрійскаго герба, онъ обсылался теперь съ посломъ; въ то время, какъ «Эпоха» вечеромъ печатала: la guerra è dichiarata all'Austria, non dal governo, ma dal popolo Romano. На другое утро почта изъ Милана не пришла, волненіе усилилось. На третій день разнесся слухъ, что австрійцы одолѣваютъ... Тогда раздался новый крикъ all'armi, all'armi!

Народъ хотѣлъ начать свои военные подвиги съ римскаго арсенала; тутъ въ первый разъ сталъ онъ обвинять папу въ томъ, что онъ дѣйствуетъ за одно съ Австріей. Министры, особенно Галетти, убѣдили Пія IX уступить народному желанію и дать ему оружія: они ему доказали, что правительство рѣшительно не имѣетъ средствъ противудѣйствовать. Папа все сдѣлалъ не хотя, безъ теплаго слова, уклончиво.

Галетти прискакалъ на первомъ извозчикѣ, который ему попался на Piazza del popolo съ вѣстью и объявилъ, что распоряженіе сдѣлано на счетъ раздачи оружія. Вѣсть эта, разумѣется, была принята съ восторженными криками. Вслѣдъ за Галетти показалась у фонтана возлѣ обелиска толстая, но довольно красивая фигура священника, онъ требовалъ рѣчи. «Римляне, сказалъ онъ, въ Колизей! Въ Колизеѣ васъ ждутъ ломбарды: тамъ приготовлена книга, въ которую желающіе идти на войну могутъ записываться, времени терять нечего. За мной, въ Колизей!». Народъ разступился, чтобъ дать пройти отцу Гавацци и пошелъ за нимъ въ Колизей мѣрнымъ и важнымъ шагомъ, гордо забрасывая край грязной шинели на плечо.

Зрѣлище въ Колизеѣ было поразительное. Дѣло шло къ вечеру, заходящее солнце яркими полосами входило въ арки: несмѣтная толпа народа покрывала середину; на аркахъ, на стѣнахъ, въ полуобвалившихся ложахъ, вездѣ сидѣли, стояли, лежали люди. Въ одной изъ выдающихся ложъ былъ Pater Gavazzi, усталый, обтирая потъ,—но готовый снова говорить. Тутъ я слышалъ его рѣчь слово отъ слова, это настоящій народный ораторъ: простота, энергія, сильный голосъ, рѣзкіе жесты и притомъ добродушный видъ.

«Есть время, говорилъ онъ, когда Богъ мира становится Богомъ войны: на груди моей возлѣ распятія трехцвѣтная кокарда освобожденія. Клянусь передъ этимъ распятіемъ идти впередъ, дѣлить всѣ ваши труды, всѣ опасности,—раненый найдетъ меня для помощи, умирающій для послѣдняго утѣшенія, для молитвы объ немъ; даже тотъ, кто оробѣетъ, найдетъ мой ободряющій взглядъ, мой примѣръ.» Въ этомъ родѣ онъ говорилъ больше часу, его рѣчь электризовала массы, онъ зналъ свою аудиторію, иныя фразы его покрывались криками восторга. «Юноши Рима, вамъ я чуть было не забылъ сообщить радостную вѣсть: мы предложили начальникамъ вольныхъ отрядовъ васъ поставить въ первые ряды. Вы первые сразитесь за свободу Италіи и, падая, будете думать о томъ, что защищаете собою отцовъ семейства; но падутъ нѣсколько чистыхъ и великихъ жертвъ, остальные изъ васъ первые взойдутъ на непріятельскія стѣны съ хоругвію освобожденія,—мы тамъ увидимся, до свиданія!»

Вслѣдъ за Гавацци явился Чичероваккіо, онъ держалъ за руку прелестнаго отрока, лѣтъ пятнадцати, снялъ свою шляпу, поклонился народу съ своей простонародной граціей, велѣлъ мальчику снять шляпу и сказалъ:

— «Мнѣ очень хотѣлось идти въ Ломбардію»... Гавацци и другіе, стоявшіе на трибунѣ, перебили его словами:

— Анжело Брунетти долженъ остаться здѣсь, намъ легче будетъ *тамъ*, когда онъ будетъ *здѣсь*.

— «Да, продолжалъ il popolano, я не могу идти... Ну, что же я сдѣлаю для войны, Romani? У меня есть сынъ, è mio sangue, я его отдаю отечеству, пусть онъ идетъ въ первыхъ рядахъ.» Онъ обнялъ юношу. Гавацци пожалъ руку Чичероваккіо—и утеръ слезу. Народъ грянулъ Viva Cicerovacchio! Раздраженный и взволнованный съ утра, я не вытерпѣлъ, слезы катились у меня градомъ—и вѣрите-ли?—теперь, вспоминая, я плачу. Это одна изъ лучшихъ минутъ того времени [1]).

Подъ одной изъ арокъ сидѣли нѣсколько человѣкъ за столомъ, покрытымъ сукномъ и осѣненнымъ знаменами Ломбардіи и Италіи: тутъ толпилась молодежь записываться, каждому давали для отмѣтки кокарду; на дворѣ смерклось, зажгли факелы около этого страннаго *рекрутскаго набора;* народъ остался въ полутемнотѣ, вѣтеръ качалъ знамена, испуганныя птицы, не привычныя къ такимъ посѣщеніямъ, кружились надъ головой,—и все это обнятое исполинской рамой Колизея...

Многія матери не дождались въ этотъ день своихъ сыновей. Одинъ изъ редакторовъ «Эпохи» разсказывалъ мнѣ, что когда онъ воротился въ редакцію, онъ нашелъ на столѣ письмо къ одному изъ собственниковъ журнала; нисколько не подозрѣвая содержанія, редакторъ занесъ ему его: письмо было отъ семнадцатилѣтняго молодого человѣка къ своему отцу, онъ писалъ: «Любезные родители, вашъ Титъ записался въ ополченіе; простите меня, я чувствовалъ, что не нашелъ бы силы разстаться съ вами, если-бъ я пришелъ проститься и увидѣлъ ваши слезы,—я поступилъ въ ломбардскій отрядъ, который нынче отправляется на почтовыхъ.»

На третій день, часу въ четвертомъ утра меня разбудилъ барабанный бой; я открылъ окно, первые вольные отряды выступали; разумѣется, объ мундирахъ никто и не думалъ: ранецъ, ружье, тесакъ, патронташъ и большая кокарда на шляпѣ соста-

---

[1]) Послѣ взятія Рима, Чичероваккіо и его сынъ отправились въ Ломбардію; Гарибальди дѣлалъ тамъ послѣднія усилія съ своими легіонерами противустоять лавинѣ бѣлыхъ мундировъ, отступая какъ раненый левъ. Середь этихъ битвъ безслѣдно исчезаетъ Чичероваккіо и его юноша; въ 1856 открылось только, что герой Popolano и мученикъ сынъ были разстрѣляны безъ всякаго суда австрійскими офицерами! (1858).

вляли всю форму. Народъ провожалъ ихъ, ополченцы, вѣроятно, гуляли всю ночь, у нѣкоторыхъ были еще зажженные факелы, патеръ Гавацци шелъ впередъ. На Piazza del popolo ударили сборъ, построили ратниковъ въ колонну, полковникъ объѣхалъ верхомъ ряды: все вмѣстѣ было что-то не весело и сумрачно, небо было покрыто тучами, рѣзкій холодный утренній вѣтеръ дулъ передъ восхожденіемъ солнца, женщины плакали, мужчины жали руки, цѣловались.

Трррр - рамъ - тамъ, тамъ, трррр - рамъ, колонна двинулась, а жители стали расходиться, у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣ пріуныли, всѣ думали, сколько то воротится изъ этихъ свѣжихъ, молодыхъ людей, и кто именно воротится. Война свирѣпое, отвратительное доказательство безумія людского, а человѣчеству еще придется подраться, прежде возможности мира!

На всѣхъ площадяхъ выставлены большіе столы для приношенія вещей и денегъ: приносятъ бездну, я видѣлъ золотыя и серебряныя вещи, мѣдные баіокки, и груду скудовъ на Piazza Colona.

Пій IX *дозволялъ* отправиться волонтерамъ, но не *приказывалъ* (какъ объясняла офиціальная газета), ибо святой отецъ не считаетъ *совмѣстнымъ со своимъ званіемъ объявить войну*. Странное явленіе въ исторіи этотъ Пій IX: два-три благородныхъ порыва, два-три человѣческія дѣйствія поставили его во главу итальянскаго движенія, окружили его любовью, ему стоило только продолжать, по крайней мѣрѣ, не мѣшать; нѣтъ, слабыя плечи его ломятся подъ тяжестью великаго призванія. Онъ стоитъ на рубежѣ двухъ сильныхъ потоковъ, и то одинъ уноситъ его съ собою, то другой. Великая судьба его его преслѣдуетъ, навязываетъ ему свои дары, а онъ упорно отказывается, вредитъ дѣлу и себѣ. Пусть бы онъ удалился куда-нибудь! Изъ благодарности за свѣтлыя минуты начальнаго risorgimento, память его осталась бы не запятнанною, не осмѣянною. Пора, наконецъ, понять, что невозможно быть папой и человѣкомъ, что тутъ есть неразрѣшимый антагонизмъ.

Я былъ на площади св. Петра, когда папа глубочайшимъ образомъ оскорбилъ ополченье, отказываясь благословить знамя ихъ. Есть въ жизни торжественныя минуты, требующія такой полноты и такого сочетанія всѣхъ элементовъ, минуты, въ которыя такъ натянуты всѣ нервы, всѣ чувства, что малѣйшая неудача, малѣйшій несозвучный тонъ, который въ обыкновенное время прошелъ бы едва замѣченнымъ, страшно дѣйствуетъ, огорчаетъ, сердитъ. Именно въ такую-то минуту св. отецъ и оскорбилъ римлянъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что благословеніе украли: начальники колонны подошли подъ благословеніе Пія, когда онъ выхо-

дилъ изъ кареты, у нихъ въ рукахъ были знамена; Пій благословилъ *ихъ*, а не знамена!

Я смотрѣлъ на всю эту комедію и отъ души желалъ этому благонамѣренному старику или этой старой бабѣ, называемой Pio nono, не только честной, но и скорой кончины, для того, чтобъ онъ могъ дать добрый отвѣтъ на страшномъ судилищѣ исторіи.

Послѣ выхода волонтеровъ, въ числѣ которыхъ ушла доля чивики, Римъ опустѣлъ, сдѣлался еще угрюмѣе; весна поддерживала нервное раздраженіе столько-же, сколько ломбардскія новости. Сообщенія были отрѣзаны войною; ожиданіе, страхъ волновали всѣхъ: на улицахъ вслухъ читались журналы, мальчики бѣгали съ новостями и кричали: la disfatta di Radetzky—un baiocco—un baiocco per la diftatta degli Austriachi—la fugitta del arciduca Raniero—un baiocco e mezzo! la republica proclamata in Venezia, e viva il leono di S. Marco! due, due baiocchi!—Съ утра бѣжишь на Корсо слушать выдуманныя и невыдуманныя новости, и вѣришь и не вѣришь: а тутъ каждая иностранная газета приноситъ одну вѣсть мудренѣе другой. Такимъ взволнованнымъ, оживленнымъ и ждущимъ обыкновеннаго, ѣду изъ Рима.

Что то будетъ изъ всего? Прочно-ли все это? Небо не безъ тучъ, временами вѣетъ холодный вѣтеръ изъ могильныхъ склеповъ, нанося запахъ трупа, запахъ прошедшаго; историческая Tramontana сильна, но чтобъ ни было,- благодарность Риму за пять мѣсяцевъ, которые я въ немъ провелъ. Что прочувствовано, то останется въ душѣ и всего совершеннаго не сдуетъ-же реакція!

Письмо девятое.

Парижъ, 10 іюня, 1848 г.

Снова, любезные друзья, настаетъ время воспоминаній о быломъ, гаданій о будущемъ,—небо опять покрыто тучами, въ душѣ злоба и негодованіе.. Мы обманулись, мы обмануты. Трудно признаваться въ этомъ, будучи тридцати пяти лѣтъ.

Пятнадцатаго мая сняло съ моихъ глазъ повязку, даже мѣста сомнѣнію не осталось, - революція побѣждена, вслѣдъ за нею будетъ побѣждена и республика. Трехъ полныхъ мѣсяцевъ не прошло послѣ 24 февраля, «башмаковъ еще не успѣли износить» [1]), въ которыхъ строили баррикады, а ужъ Франція напрашивается на рабство, свобода ей тягостна. Она опять совершила шагъ для себя, для Европы и опять испугалась, увидѣвши на дѣлѣ то, что звала на словахъ, за что готова была проливать кровь.

[1]) Гамлетъ объ своей матери.

Я былъ пятнадцатаго мая съ утра до ночи на улицѣ, я видѣлъ первую колонну народа, пришедшую къ камерѣ, я видѣлъ, какъ ликующая толпа отправилась изъ собора къ ратушѣ, я видѣлъ Барбеса въ окно Hôtel de Ville, я видѣлъ кровожадную готовность національной гвардіи начать рѣзню и торжественное шествіе побѣдоноснаго Ламартина и побѣдоноснаго Ледрю-Роллена изъ ратуши въ собраніе. Спасители отечества, изъ которыхъ одинъ подъ рукой помогалъ движенію, а другой кокетничалъ съ монархистами, ѣхали верхами безъ шляпъ, провожаемые благословеніями буржуазіи. Барбесъ и его товарищи отправились въ то же время, осыпаемые проклятіями, въ тюрьму. Собраніе побѣдило, монархической принципъ побѣдилъ. Часовъ въ девять вечера я пришелъ домой. Горько мнѣ было. Дома я засталъ одного горячаго республиканца, онъ тогда завѣдывалъ меріей XII округа.

— «Республика ранена на смерть, ей остается теперь умереть», сказалъ я ему.

— Allons donc! замѣтилъ мой демократъ, съ тѣмъ французскимъ легкомысліемъ, которое въ иныя минуты бываетъ возмутительно.

— «Ну, такъ ступайте за вашимъ ружьемъ и стройте баррикады».

— Nous n'en sommes pas encore là, придетъ время, построимъ и баррикады. Собраніе ничего не осмѣлится сдѣлать.

Мой пріятель могъ на досугѣ взвѣсить истину своихъ словъ: его схватили, когда онъ шелъ домой и отправили въ Консьержри [1]).

Когда я въ Римѣ читалъ списокъ членовъ временнаго правленія, меня разбиралъ страхъ: имя Ламартина не предвѣщало ничего добраго; Марастъ былъ прежде извѣстенъ за большаго интригана; потомъ эти адвокаты, эти неизвѣстности; одинъ Ледрю-Ролленъ будто что-то представлялъ; Луи Бланъ и Альберъ стояли особо, —что было общаго между этими людьми? Потомъ огромность событій заслонила лица. Вдругъ они напомнили о себѣ, одни тайной измѣной, другіе явной слабостью. Отдавая обстоятельствамъ то, что имъ принадлежитъ, мы не покроемъ однако ими людей, люди тоже факты и пусть несутъ отвѣтственность за свои дѣла. Кто ихъ заставлялъ выйти на сцену, взяться своими слабыми руками за судьбы міра; гдѣ ихъ призваніе, гдѣ помазаніе? Если они и уйдутъ отъ желѣзнаго топора, то не уйти имъ отъ топора исторіи.

Съ какимъ восторгомъ летѣлъ я снова въ Парижъ! Какъ было не вѣрить въ событіе, отъ котораго потряслась вся Европа, въ событія, на которыя отвѣчала Вѣна, Берлинъ, Миланъ. Но Франція назначена всякой разъ излечивать меня отъ надеждъ и заблужденій.

[1]) Гдѣ я его видѣлъ въ 1851 году.

Въ Марселѣ я прочелъ о страшномъ усмиреніи руанскаго возстанія: это была первая кровь послѣ 24 февраля, она пророчила дурное...

Пятаго мая мы пріѣхали въ Парижъ.

Онъ много измѣнился съ октября мѣсяца. Меньше пышности, меньше щегольской чистоты, богатыхъ экипажей,—больше народнаго движенія на улицахъ: въ воздухѣ носилось что-то рѣзкое и возбужденное, со всѣхъ сторонъ вѣяло девяностыми годами, чувствовалось, что революція вчера пронеслась по этимъ улицамъ. Толпы работниковъ окружали своихъ ораторовъ подъ тѣнью каштановъ въ Тюльерійскомъ саду; деревья свободы на всѣхъ перекресткахъ: часовые въ блузахъ и пальто; косидьеровскіе монтаньяры съ большими красными отворотами и съ сильно республиканскими, театрально воинственными лицами [1]), расхаживали по улицамъ; стѣны были облѣплены политическими афишами: изъ оконъ Тюльери выглядывали раненые герои баррикадъ въ больничныхъ шинеляхъ и съ трубкой въ зубахъ; на бульварахъ и большихъ улицахъ толпы мальчиковъ и дѣвочекъ продавали съ крикомъ и съ разными шалостями журналы, прокламаціи. Знаменитый крикъ: Demandez la grrr-ande colère du Père Duchêne,—un sou—il est bigrrr-ement en colère le père Duchêne, un sou—cinq centimes! раздавался между сотнею новыхъ. Мелкая торговля, отталкиваемая въ дальніе кварталы и переулки чопорной полиціей Дюшателя, разсыпалась по бульварамъ и Елисейскимъ полямъ, придавая имъ цыганскую пестроту и удвоенную жизнь. При всемъ этомъ не было слышно ни о какихъ безпорядкахъ и середь ночи можно было ходить по всему Парижу съ величайшей безопасностью.

Собраніе открылось наканунѣ моего пріѣзда, это не было торжественное, полное надеждъ открытіе 89 года. Народъ парижскій и клубы встрѣтили его съ недовѣріемъ, правительство презирало его въ душѣ; всѣ оттѣнки политическихъ партій, не соглашаясь ни въ чемъ, были согласны, что это собраніе ниже обстоятельствъ; нравственное 15 мая было совершено въ совѣсти у всѣхъ за десять дней. Горестна судьба собранія, которое было ненавидимо прежде, нежели успѣло сказать слово; для того, чтобъ ком-

[1]) Игра въ солдаты и страсть рядиться въ мундиръ и придавать себѣ видъ свирѣпыхъ труписе обща всѣмъ французамъ. Ледрю-Ролленъ, отдавая разъ приказаніе генералу Курте о сборѣ національной гвардіи на смотръ, прибавлялъ: «Употребите ваше содѣйствіе, чтобъ офицеры штаба не скакали безпрерывно во весь опоръ, взадъ и впередъ, по улицамъ, придавая Парижу видъ города, осаждаемаго непріятельскимъ войскомъ.» Отчасти все это остатки уродливой имперіи, сильно исказившей старую Францію революціонную, но отчасти эти наклонности принадлежатъ самому народу.

прометировать представителей, генералъ Курте, кажется, или Косидьеръ заставилъ ихъ выйти на перистиль и передъ народомъ провозгласить республику.

Начальныя засѣданія, ожидаемыя съ страшнымъ нетерпѣніемъ, поразили всѣхъ своей необычайной безцвѣтностью; характеръ собранія ярко обозначался при этомъ первомъ пріемѣ за дѣло: оно бросилось въ подробности, занялось вопросами второстепенными, адвокатскій, прокурорскій и доктринерскій тонъ прежнихъ камеръ остался въ національномъ собраніи. Положимъ, что вопросы, которыми собраніе занималось, были дѣльны, но мало-ли на свѣтѣ дѣльнаго: попавши на эту дорогу, можно работать года два-три, до поту лица и не разрѣшить ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые даютъ рѣзкой тонъ, дѣлаютъ переворотъ и впередъ рѣшаютъ тысячу второстепенныхъ вопросовъ.

Національное собраніе, слѣдуя благородной поговоркѣ charité bien ordonnée, тотчасъ вотировало своему президенту право призывать національную гвардію не только парижскую, но и изъ департаментовъ на защиту собранія. Оно боялось. Трусость—одна изъ самыхъ выдающихся сторонъ его; собраніе чувствовало ложность своего положенія, оно видѣло, что не представляетъ ни народъ, ни революцію, ни даже реакцію, что дѣйствительной почвы у него нѣтъ; что Парижъ, народъ и роялисты не за него; что за него часть мѣщанъ, прѣсные реакціонеры, помѣшанные на идеѣ внѣшняго порядка,—и больше никого; что въ немъ уважаютъ не его, а первый результатъ всеобщей подачи голосовъ...

Ламартинъ явился передъ собраніемъ временнаго правительства съ отчетомъ; онъ велъ подъ руку честнаго, но выжившаго изъ ума Дюпонъ де Лёра, показывая, что онъ только подставъ преклоннаго и уважаемаго старца. Ламартинъ говорилъ своимъ извѣстнымъ напыщеннымъ слогомъ; его рѣчи похожи на взбитыя сливки, кажется, берешь полную ложку въ ротъ, а выйдетъ нѣсколько капель молока съ сахаромъ; для меня онъ несносенъ на трибунѣ, французы удивляются ему, — стало, онъ оправданъ вполнѣ. Ламартинъ смирялся передъ собраніемъ, льстилъ ему, называлъ его владыкой и самодержцемъ. Собраніе было довольно и предложило вотировать, что временное правительство заслуживаетъ благодарность отечества; оно терпѣть не могло временнаго правительства, особенно трехъ членовъ его: Ледрю-Роллена, Луи-Блана и Альбера, но хотѣло заплатить за учтивость учтивостью и на почннѣ сказать спасибо правительству за его смиренный видъ. Казалось, это пройдетъ безъ спора, — вышло не такъ.

Барбесъ потребовалъ рѣчи. Его появленіе на трибунѣ сдѣлало сильное впечатлѣніе: всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, что онъ скажетъ: такіе люди даромъ не говорятъ. Барбесъ, котораго остро-

умная «Сѣверная Пчела» не иначе называетъ, какъ «каторжникъ и убійца», пользуется огромнымъ преимуществомъ людей, которыхъ твердость и чистота выше всякаго подозрѣнія; его убѣжденія были ненавистны собранію, его личность, его прошедшее, его извѣстность, его долгія страданія, такъ героически вынесенныя, внушали неловкое, досадное, но непреодолимое уваженіе. Барбесъ считалъ нужнымъ, прежде нежели собраніе покроетъ своей благодарностью всѣ дѣйствія правительства, потребовать у него отчета во многомъ. «Я протестую, говорилъ онъ, противъ ряда дѣйствій, вслѣдствіе которыхъ оно лишилось народности. Вы помните руанскія... *убійства?..*» При словѣ *убійства* неистовый крикъ à l'ordre! перебилъ оратора. Дальше мѣщане не могли слушать: кровь убитыхъ ими или ихъ товарищами подымалась имъ въ голову, не какъ угрызеніе совѣсти, а какъ ободреніе продолжать, если не дѣломъ, то симпатіей, то оправданіемъ. Ораторъ выждалъ окончаніе бури и продолжалъ, спокойно и гордо глядя на парламентскую чернь: «я говорю объ *убійствахъ*, сдѣланныхъ національной гвардіей въ Руанѣ». Снова шумъ... «Я напомню вамъ колонны поляковъ, бельговъ, нѣмцевъ, преданныхъ на истребленіе. Когда эти вопросы уяснятся, будемъ благодарить правительство, но не прежде: до тѣхъ поръ, я протестую противъ этой благодарности *во имя народа*».

Въ послѣднихъ словахъ лежало много смыслу для тѣхъ, кто знали авторитетъ Барбеса на клубы и на весь революціонный Парижъ: но увлеченное собраніе хотѣло, однако, наказать смѣлаго республиканца, оно вотировало тотчасъ и почти единогласно благодарность децемвирамъ.

Барбесъ остался съ десяткомъ своихъ друзей противъ всего собранія: грустно и задумчиво качая головой, сѣлъ онъ на свое мѣсто и замолчалъ до 15 мая [1]). Отблагодаривши временное правительство, собраніе назначило исполнительную комиссію изъ пяти человѣкъ; комиссія составила министерство изъ журнальныхъ поденщиковъ National'я, прибавивъ къ нимъ знаменитаго стенографа Флокона, какъ образчикъ Reforme. Луи Бланъ и Альберъ были отстранены отъ правительства: слово соціализмъ дѣлалось уже клеймомъ, которымъ обозначали людей, отверженныхъ мѣщанскимъ обществомъ и преданныхъ на всѣ полицейскія преслѣдованія. Собраніе не хотѣло слышать о министерствѣ работъ. Члены исполнительной комиссіи потеряли всякое довѣріе искреннихъ республиканцевъ выборомъ министровъ, на нихъ смотрѣли какъ на ренегатовъ или какъ на орудіе интригъ Мараста,

[1] Барбесу отвѣчалъ Сенаръ, защищая руанскую бойню; онъ этой рѣчью рекомендовался Парижу и остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ.

который, сидя у себя въ меріи, передергивалъ людей и подсовывалъ своихъ корректоровъ и батырщиковъ.

Четвертаго мая открылось собраніе, десятаго оно было ненавидимо всѣмъ Парижемъ, исключая партіи National'я и тупорожденныхъ либераловъ. Демократическіе клубы вотировали поздравленія Луи Блану и Альберу. Самыя случайности дѣлали несчастное собраніе еще болѣе нелюбимымъ и смѣшнымъ; такъ напр., упорное отвращеніе Беранже отъ званія представителя, его вольтеровскія письма объ этомъ, его мольбы пощадить его сѣдины, унизили собраніе всею славою любимаго народнаго поэта. Послѣ десятаго мая всѣ ожидали чего-то, всѣмъ казалось невозможнымъ, чтобъ эта торговая баня, чтобъ этотъ толкучій рынокъ могъ стоять во главѣ Франціи и Парижа. Журналы были полны укора, въ кафе, на улицахъ всѣ говорили съ жаромъ противъ собранія, на площадяхъ и углахъ улицъ собирались всякой день группы, въ клубахъ дѣлались (какъ говорятъ роялисты) *зажигательныя* предложенія, произносились судорожныя рѣчи. Такъ подошло *пятнадцатое мая*.

Пятнадцатое мая было великимъ протестомъ Парижа противъ устарѣлаго притязанія законодательныхъ собраній на самодержавіе, за которымъ пряталась реакція и весь дряхлый общественный порядокъ. Чего не осмѣлился сдѣлать Робеспьеръ 8 термидора, передъ чѣмъ онъ, передовой человѣкъ революціи 93 года, остановился и лучше хотѣлъ снести голову на плаху, и снесъ ее, нежели рѣшился спастись противно своимъ началамъ, въ силу которыхъ самодержавіе принадлежало одному конвенту, —то сдѣлалъ парижскій народъ 15 мая.

Вотъ отчего консерваторы и либералы на старой ладъ опрокинулись съ такой яростью на Барбеса, Бланки, Собріе, Распайля; вотъ отчего въ этотъ день собраніе и исполнительная коммиссія, ненавидѣвшія другъ друга, бросились другъ другу въ объятія. *Роялисты* схватились за оружіе для того, чтобъ спасти республику и національное собраніе. Спасая собраніе, они спасали монархическое начало, спасали безотвѣтную власть, спасали конституціонный порядокъ дѣлъ, злоупотребленіе капитала, а, наконецъ, и претендентовъ. По ту сторону виднѣлась не Ламартиновская республика, а республика Бланки, т. е. республика не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ; по ту сторону представлялась революціонная диктатура, какъ переходное состояніе отъ монархіи къ республикѣ; suffrage universel, не нелѣпо и бѣдно приложенный къ одному избранію деспотическаго собранія, а ко всей администраціи, освобожденіе человѣка, коммуны, департамента отъ подчиненія *сильному* правительству, убѣждающему пулями и цѣпями. Собраніе, опертое на національную гвардію, побѣдило, но нравственно оно

было побѣждено 15 мая: оно держится, какъ всѣ отжившія учрежденія, единственно силою штыковъ, и не дошло даже до того, чтобъ журналисты говорили объ немъ безъ явнаго презрѣнія.

Для того чтобъ сдѣлать понятнымъ пятнадцатое мая и странное положеніе республики, которая пятится назадъ съ половины апрѣля, т. е. черезъ семь недѣль послѣ революціи, необходимо бросить взглядъ на предшествовавшія обстоятельства, которыя потрясли всю Европу. Революція 24 февраля вовсе не была исполненіемъ приготовленнаго плана; она была геніальнымъ вдохновеніемъ парижскаго народа. она. какъ Паллада, вышла разомъ вооруженная и грозная изъ народнаго негодованія; это ударъ грома, внезапно осуществившій давно скопившіяся, но далеко незрѣлыя стремленія. Февраля двадцать третьяго ни Людвигъ Филиппъ, ни Гизо, ни министры, ни Réforme, ни National. ни оппозиція, ни даже люди, построившіе первыя баррикады, не предвидѣли, чѣмъ окончится 24 февраля. Хотѣли реформы- -сдѣлали революцію, хотѣли прогнать Гизо прогнали Людовика Филиппа, хотѣли провозгласить право банкетовъ—провозгласили республику: утромъ мечтали о министерствѣ Тьера или Одилонъ-Барро. вечеромъ Одилонъ-Барро больше отсталъ, нежели Гизо. Какъ-же это случилось? De l'audace, говорилъ С. Жюстъ, да, дерзкая смѣлость, отвага—тайна переворотовъ, особенно парижскихъ. Горсть людей, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ, мужественно дравшаяся на баррикадахъ, опираясь на благородные инстинкты парижскихъ работниковъ, провозгласила республику и дала такой толчекъ всей Европѣ, что теперь еще нельзя предвидѣть, чѣмъ кончится это повсюдное броженіе. Разумѣется, республиканская партія существовала; она, обманутая 30 іюля, пережила бойню въ Cloître St. Méry, рѣзню въ улицѣ Трасноненъ, потерю всѣхъ своихъ корифеевъ, отъ Барбеса и Бланки до Алибо, записывая въ свою печальную хронику одни удары, несчастія, открытыя гоненія и судебные приговоры. Она имѣла мало надеждъ. Арманъ Каррель качалъ головой во время битвы, Годфруа Кавеньякъ говорилъ передъ смертью, съ мрачнымъ отчаяніемъ: «это правительство *износитъ* насъ всѣхъ, мы состаримся въ безплодной и неровной борьбѣ!»

Съ 1840 года дѣйствительно прекращается открытая борьба. До 1840 года у правительства былъ еще стыдъ, или если не стыдъ. то осторожность: оно боялось прибѣгать ко всѣмъ средствамъ. оно не было совершенно увѣрено въ полномъ, безграничномъ сочувствіи буржуазіи. Оно убѣдилось, наконецъ, что маска не нужна: дѣйствующая часть народа, т. е. та часть, которая имѣла гражданскія права, была достаточно развращена, чтобъ дѣйствовать за-одно съ правительствомъ. Выборы, съ малыми

изъятіями, были въ рукахъ министровъ, подкупы дѣлались открыто, половина камеры состояла изъ чиновниковъ, остальная часть была втянута въ разныя финансовыя операціи, для успѣха которыхъ надобно было не распадаться съ правительствомъ. Достаточная буржуазія давала свои голоса правительству, правительство давало ей свои штыки на защиту всѣхъ злоупотребленій капитала. У нихъ былъ одинъ общій врагъ—пролетарій, работникъ: они соединились противъ него; при этомъ союзѣ были пожертвованы республиканцы и національная гордость. Пониженіе электоральнаго ценза послѣ 1830 года заставило всплыть страшную дрянь въ камеру. Пониженіе ценза остановилось на границѣ народа и буржуазіи, оно не ввело въ камеру элемента чисто народнаго, а подняло въ нее всю чернь средняго сословія. Гизо понялъ круговую поруку буржуазіи съ правительствомъ, онъ понялъ, что она гораздо больше боится народа, нежели власти: вооруженный Тьеровыми сентябрскими законами, онъ пошелъ прямѣе къ цѣли. Методическій, холодный, притѣснительный по характеру и властолюбивый до нельзя, Гизо посвятилъ себя на уничтоженіе доли пріобрѣтеннаго Франціей съ 89 года: Гизо, кальвинистской попъ, трезвый, желчевой, безчувственный фанатикъ, сказалъ съ высоты трибуны задавленному трудомъ и нуждой работнику: «работа вамъ необходима, это единственная узда, на которой васъ можно держать.»

Семь лѣтъ постоянныхъ удачъ развили болѣе увѣренности въ Гизо, нежели въ самомъ королѣ, они забылись. Умѣй Гизо остановиться во время, онъ сдѣлалъ бы гораздо больше вреда, онъ отдалилъ бы 24 февраля, онъ успѣлъ бы еще больше пріучить къ подкупамъ, къ симоніи всѣхъ родовъ, еще глубже растлить все нравственное въ общественномъ мнѣніи, но онъ слишкомъ рано принялъ тонъ побѣдителя, онъ не хотѣлъ даже хранить благопристойнаго вида, увлекаясь желчевымъ характеромъ и мелкими личностями. Часть буржуазіи испугалась, видя замашки министровъ. Министерство не боялось партіи умѣреннаго прогресса: надобно было видѣть своими глазами презрительный тонъ Гизо, его видъ, его отрывистую рѣчь, когда, вынужденный реформистами взойти на трибуну, онъ противопоставлялъ свою талантливую дерзость—бездарной горячности Одилонъ Барро.

Другого рода протестація порядку вещей слышалась иногда какъ будто изъ-подъ земли... Какой-то тяжелый стонъ раздавался по временамъ, не въ камерѣ, не въ National, не въ Reforme, а въ мастерской, у изголовья умирающихъ отъ нужды, а иногда въ ассизахъ; Gazette des Tribunaux записывала его, не понимая, что дѣлаетъ. На лавкѣ подсудимыхъ часто слышались страшныя признанія и страшныя обвиненія безобразному общественному устрой-

ству отъ людей, которые, отправляясь на галеры, въ тюрьмы, бросали мрачныя слова на прощанье; но кто-же ихъ слушалъ?...

Таково шли дѣла передъ революціей: такъ засталъ я ихъ, пріѣхавши въ Парижъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1847 г.

Не могу вамъ выразить тяжелаго, болѣзненнаго чувства, которое овладѣло мною, когда я нѣсколько присмотрѣлся къ міру, окружавшему меня. Мы привыкли съ словомъ Парижъ сопрягать воспоминанія великихъ событій, великихъ массъ, великихъ людей, 1789 и 1793 года; воспоминанія колоссальной борьбы за мысль, за права, за человѣческое достоинство, борьбы, продолжавшейся послѣ площади то на полѣ битвы, то въ парламентскомъ преніи. Имя Парижа тѣсно соединено со всѣми лучшими упованіями современнаго человѣка; я въ него въѣхалъ съ трепетомъ сердца, съ робостью, какъ нѣкогда въѣзжали въ Римъ. И что же я нашелъ,—Парижъ, описанный въ ямбахъ Барбье, въ романѣ Сю, и только. Я былъ удивленъ, огорченъ: я былъ испуганъ, потому что затѣмъ ничего не оставалось, какъ сѣсть въ Гаврѣ на корабль и плыть въ Нью-Іоркъ, въ Техасъ. Невидимый Парижъ тайныхъ обществъ, работниковъ, мучениковъ идеи и мучениковъ жизни, задвинутый пышными декораціями искусственнаго покоя и богатства, не существовалъ для иностранца. Видимый Парижъ представлялъ край нравственнаго растлѣнія, душевной устали, пустоты, мелкости; въ обществѣ царило совершенное безучастіе ко всему выходящему изъ маленькаго круга пошлыхъ ежедневныхъ вопросовъ.

У французовъ средняго состоянія мы встрѣчаемъ, кромѣ исключеній, какое то образованное невѣжество, видъ образованія при совершенномъ отсутствіи его; этотъ видъ обманываетъ сначала, но вскорѣ начинаешь разглядывать невѣроятную узкость понятій; ихъ умъ такъ неприхотливъ и такъ скоро удовлетворяемъ, что французу достаточно десятка два мыслей, сентенціи Вольтера или Шатобріана, Ламартина или Тьера, или того и другого вмѣстѣ, чтобъ довольствоваться ими и покойно учредить нравственный бытъ свой лѣтъ на сорокъ; къ этому у него прибавляются практическія правоученія, взятыя изъ подслащенной морали à la Жанлисъ, кой-какія преданія, которыя онъ уважаетъ, не разсуждая, и кодексъ, котораго онъ боится.

У французовъ нѣтъ потребности идти далѣе, идти въ глубь, никакой смѣлости мысли, никакой истинной инипіативы; они достигаютъ большой ловкости навыкомъ, они рутинисты по преимуществу, всѣ эти roués изъ roués, Тьеры, Марасты ничего *не понимаютъ* въ соціальномъ вопросѣ. Они умны и ловки въ своемъ извѣстномъ кругѣ, за предѣлами его они пошлы и глупы. Посмотрите ихъ возраженія, смѣшно читать: они знаютъ, что со-

ціализмъ—враждебная имъ партія, что ее надобно уничтожить; мастерски подведутъ guet-à-pens, но не поймутъ, въ чемъ дѣло. Одна господствующая страсть поглощала всѣ мысли и досуги средняго состоянія стяжаніе, нажива, ажіотажъ; эта страсть вмѣстѣ съ національной скупостью французовъ вытравливаетъ въ ихъ сердцѣ не только любовь къ ближнему, къ истинѣ, но уваженіе къ себѣ. Изданіе журнала, выборъ депутата, голосъ въ камерѣ, все это было торговымъ оборотомъ, едва прикрытымъ условными фразами. Сила банкировъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ была чрезвычайная; министерство боялось, больше всѣхъ золъ, распаденія съ капиталистами.

Англичанинъ тоже расчетливъ, онъ купецъ, для него пріобрѣтеніе выгоды составляетъ цѣль оборота, онъ въ него вноситъ всю свѣтлость своего практическаго ума, это его дѣло, его занятіе; но закрывая бухгалтерскую книгу, онъ дѣлается въ свою очередь потребителемъ, охотно бросаетъ свои гинеи, хочетъ пожить на свой ладъ, онъ имѣетъ свои капризы, которые не подчиняетъ деньгамъ. Французъ, увлеченный въ денежныя дѣла, дѣлается лишеннымъ всѣхъ страстей и желаній, онъ ни въ какомъ случаѣ не забудетъ финансовой стороны вопроса, онъ впередъ подкупленъ опасеніемъ денежной утраты. Можетъ быть, это свидѣтельствуетъ, что французамъ не свойственна исключительно коммерческая дѣятельность, они въ ней словно теряютъ тактъ и мѣру, потому что это не ихъ дѣло; можетъ, оно и пройдетъ какъ временное зло, какъ уродливое и послѣднее проявленіе буржуазіи, можетъ,... но такимъ я засталъ среднее состояніе въ Парижѣ.

Прибавьте къ страсти стяжанія страсть власти, жажду мѣстъ, которою заражены всѣ политическіе люди, къ какой бы партіи они бы ни принадлежали.. Мы видѣли въ послѣднее время, съ какою яростью редакторы National и Reforme бросились на мѣста и какъ важно подняли они потомъ свой демократической носъ, замаранный голландской сажей. При такомъ нравственномъ паденіи буржуазіи, при невѣжествѣ крестьянъ, при подозрительной чистотѣ оппозиціи и либеральной партіи, при страшныхъ средствахъ административной централизаціи, министры Людовика Филиппа могли смѣло поступать, какъ хотѣли, храня наружный видъ законности. Но послѣднее опять не въ духѣ французовъ, я это вмѣняю имъ въ достоинство. Французъ не можетъ остановиться на фарисейскомъ толкованіи буквы, какъ англичанинъ, не можетъ довольствоваться существенной выгодой побѣды, онъ хочетъ еще внѣшняго торжества, униженія противника.

Противникъ, съ своей стороны, точно также перенесъ бы пораженіе, но возстаетъ противъ оскорбленія. Сверхъ дерзкаго тона, министры впали въ вѣчную ошибку всѣхъ консерваторовъ,—они

не умѣли оцѣнить своего врага, они не знали этой несокрушимой упорности небольшой кучки республиканцевъ, готовыхъ, выходя изъ тюрьмы, въ тотъ-же день продолжать заговоръ и начинать новую попытку: эти исключительныя явленія во французской жизни приводятъ въ удивленіе своей твердостью, своимъ героическимъ постоянствомъ. Къ тому же люди правительства слишкомъ презирали работниковъ послѣ Ліона, Cloître St. Méry и Транснонěнской улицы, они были увѣрены, что армія и національная гвардія задавятъ ихъ,—и ошиблись. Людовикъ Филиппъ не даромъ толковалъ, качая головой, о Парижѣ, et ses aimables faubourgs. Старый король видѣлъ les sections первой революціи, онъ самъ стоялъ дежурнымъ при входѣ въ якобинское собраніе; а Гизо началъ собственно знать французовъ послѣ взятія Парижа союзными войсками. Сверхъ всего, не надобно забывать, что семнадцатилѣтняя проповѣдь самаго грубаго эгоизма и самаго нечистаго поклоненія матеріальнымъ выгодамъ и спокойствію не могла образовать особенно преданныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ іюльскому трону...

Въ октябрѣ 1847 г. я уѣхалъ въ Италію, оставивъ Парижъ въ самомъ мрачномъ состояніи, надежды на 24 февраля никакой не было. Воровство, продажа перства и крестовъ, подкупы министровъ, убійства въ герцогскихъ комнатахъ, крапленныя карты въ Тюльери, кража лѣсовъ королемъ, министръ юстиціи, пойманный въ публичномъ домѣ, сынъ короля (Монпасье), выброшенный изъ дому почтеннымъ генераломъ за неприличное поведеніе,— вотъ чѣмъ были полны журналы и разговоры. Депутаты отвѣчали на обвинительные документы, вотируя спасибо министрамъ, уличеннымъ въ плутняхъ.

Вы помните рядъ событій, который привелъ къ 23 и 24 февраля: я намѣренъ только слегка ихъ коснуться, время исторіи этого переворота еще не настало, мы еще мало знаемъ его закулисную сторону, а его офиціальную сторону мы еще помнимъ изъ газетъ и брошюръ.

Вы знаете, въ какое положеніе Гизо поставилъ Францію къ концу 1847 года. Все вліяніе на Европу было утрачено изъ-за мелкихъ династическихъ интересовъ; всѣ симпатіи народа были пожертвованы для того, чтобъ простили испанскіе браки и революціонное начало іюльскаго трона. Франція не могла держаться даже на той высотѣ, на которой была за десять лѣтъ, она дѣлалась второстепеннымъ государствомъ. Правительства перестали ея бояться, народы начинали ненавидѣть. Узкая, эгоистическая, мѣщанская политика, ставившая миръ выше всего и невозможную теорію de la non intervention ключемъ свода, не мѣшали Гизо запятнать Францію явнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла Португаліи

и тайнымъ въ дѣла Швейцаріи. Въ обоихъ случаяхъ Франція играла ту самую роль, которую реставрація, столько проклинаемая, принимала на себя въ 1822 относительно Испаніи, — роль военной экзекуціи, полицейскаго усмиренія. Португалія была задавлена изъ учтивости къ королевѣ Викторіи Пальмерстономъ, и изъ учтивости къ Пальмерстону Франціей. Въ Люцернѣ выставили на площади пушки французской артиллеріи, потихоньку присланныя Зондербунду.

Для довершенія благородной политики не доставало одного, — союза съ Австріей противъ Италіи. Дѣйствительно, всѣ симпатіи кабинета были въ пользу statu quo. Гизо безпрерывно унималъ Пія IX, даже Карла Альберта, мѣры котораго онъ находилъ слишкомъ либеральными. Французской посланникъ въ Туринѣ протестовалъ противъ дозволенія *печатать* въ Генуѣ пѣсни, въ которыхъ говорятъ оскорбительно объ австрійцахъ. Союзъ съ Россіей было одно изъ пламенныхъ желаній Гизо: Бакунина выслали изъ Парижа по требованію русскаго посланника; князю Чарторижскому не позволили праздновать своихъ имянинъ.

При всемъ этомъ нельзя было не замѣтить характеръ мѣщанина въ дворянствѣ, который принимало правительство, вышедшее изъ баррикадъ, и министры изъ профессоровъ. Аристократическія симпатіи англійскаго министерства-тори естественны и потому просты. Поспѣшность, съ которой Гизо протягивалъ руку всему аристократическому, стараніе прикрыть революціонное происхожденіе трона 1830, отрѣчься даже отъ 1789 года и выдать себя за страшнаго тори, за страстнаго консерватора—было очень смѣшно. Французскому министерству, какъ всѣмъ parvenus, при всѣхъ стараніяхъ не удавалось стать на одну ногу съ аристократически-монархическою Европой. Россія имѣла повѣреннаго въ дѣлахъ, которому въ концѣ 1847 дала названіе посланника... За то съ какой радостью, съ какой благодарностью Гизо протянулъ руку Меттерниху,—когда тотъ ему дозволилъ это. Мишле былъ правъ, говоря, что глубже пасть невозможно.

Камера 1847—1848 собралась. Большинство оказалось еще плотнѣе за министерство, нежели въ прежней. Гизо вмѣсто отвѣта указывалъ оппозиціи рукою на свою когорту. Парламентскими путями трудно было сломить министерство. Появленіе Ламартина на трибунѣ было событіемъ: долгое время онъ держалъ себя въ сторонѣ, его «Жирондисты» были новымъ знакомъ жизни, вслѣдъ за тѣмъ рѣчь въ Маконѣ,—глаза многихъ обратились на него, его считали чистымъ человѣкомъ, потому что онъ ничего не дѣлалъ. Рѣчь его потрясла министерство, наравнѣ съ другою рѣчью, хотя второго оратора, совсѣмъ на оборотъ, никто не уважалъ. Тьеръ произнесъ нѣчто въ родѣ смертнаго приговора политикѣ Гизо.

Дерзкій Гизо сломился подъ тяжестью этихъ рѣчей. Забывая свою матеріальную силу большинства, лично уязвленный, онъ сдѣлалъ опытъ побѣдить своимъ талантомъ—ему это удавалось,—но отвѣтъ его былъ неловокъ, блѣденъ. Униженный какъ дипломатъ и политикъ, оскорбленный какъ ораторъ, гибнущій отъ ударовъ сладкоглаголиваго стихотворца и политическаго афериста, онъ спасся бы еще какой-нибудь парламентской штукой, но ему пришлось выпить до конца униженіе и горечь, онъ долженъ былъ еще потерять въ это засѣданіе послѣдній вѣнокъ, который такъ шелъ къ его квакерскому челу—вѣнокъ безкорыстія. Многіе, не любя Гизо, считали его человѣкомъ правдивымъ, но увлекшимся доктринаризмомъ, системой,—маленькимъ Стафордомъ, и не смѣшивали его съ людьми въ родѣ Дюшателя и Эбера. И что-же? Ограниченнѣйшій изъ смертныхъ, Одилонъ Барро, сорвалъ съ него этотъ вѣнокъ, доказавши, что Гизо семь лѣтъ не только терпѣлъ продажу мѣстъ, но бралъ отеческое участіе въ распоряженіяхъ, условіяхъ...

Законъ, уничтожающій право собираться на общественные банкеты, былъ вотированъ. Торжество большинства, впрочемъ, было не весело; трусливое и купленное стадо депутатовъ начинало подозрѣвать, что это даромъ не пройдетъ; оно готово было оставить министерство на томъ условіи, чтобъ оппозиція оставила банкетъ. Такое примиреніе было невозможно, скорѣе coup d'état. «Если-бъ и у насъ, сказалъ—и кто-же— Кобденъ послѣ 24 февраля въ парламентѣ, нашлось министерство настолько глупое или преступное, чтобъ осмѣлилось предложить законъ противъ мирнаго собранія гражданъ, и мы бы взялись за оружіе.»

Ропотъ сдѣлался всеобщъ. Министерство соглашалось было дозволить банкетъ; но уже Одилонъ Барро думалъ объ отступленіи. Тьеръ рѣшался не идти на него... Видя эту слабость, полиція заперла залу, въ которой приготовлялся банкетъ; Делессеръ объявлялъ городу нелѣпымъ циркуляромъ о причинахъ; министерство сзывало войска и готовилось. Мѣра эта дѣйствительно возмутила Парижъ, волненіе распространилось по всему городу. Правительство, не совсѣмъ увѣренное въ національной гвардіи, не било сбора; одни муниципалы свирѣпствовали какъ всегда на улицахъ; войска собиравшіяся были печальны.

Національная гвардія, созванная, наконецъ, собиралась съ крикомъ «да здравствуетъ реформа, долой министерство!» Король рѣшился уступить. Перемѣна министровъ успокоила было народъ; но люди, видѣвшіе далѣе, не хотѣли потерять такой случай, они поняли, что не скоро опять взволнуешь весь Парижъ и что не скоро найдешь такой поводъ къ возстанію, въ которомъ національная гвардія стояла бы за одно съ народомъ. Они устроили зна-

менитую прогулку по бульварамъ, которая кончилась залпомъ у Hôtel des Capucines и баррикадами во всемъ Парижѣ 24 февраля.

Утромъ 24 февраля немудрено было понять, что правительство не устоитъ: напрасно Тьеръ уступилъ мѣсто Одилонъ Барро, напрасно Одилонъ Барро въ синихъ очкахъ верхомъ ѣздилъ на баррикады и самъ поздравлялъ народъ съ назначеніемъ такого славнаго министерства. Реформы было недостаточно и на баррикадахъ тамъ-сямъ поговаривали о республикѣ.

Король отказывался отъ престола въ пользу внука. Бюжо просилъ дозволенія бомбардировать Парижъ, и, не получивъ его, выругался и вышелъ вонъ отъ короля, надѣвъ въ дверяхъ шляпу. Эмиль Жирарденъ шумѣлъ въ кабинетѣ Людовика Филиппа, народъ приближался къ Тюльери, событія неслись съ страшной быстротою.

Бюро Reforme и National кипѣли охотниками царствовать. По мѣрѣ того какъ народъ побѣждалъ, они росли въ предпріимчивости. У нихъ тѣмъ больше было досуга обдумать и приготовить планъ, какъ завладѣть движеніемъ, чѣмъ меньше они участвовали въ томъ, что происходило на площади. Они, отойдя въ сторону, предложили себѣ вопросъ, на который не только никто не отвѣчалъ, но который еще не былъ поставленъ: «Что-же теперь?» «Реформа» хотѣла провозгласить республику, National довольствовался регентствомъ, онъ во имя регенства отправилъ уже Гарнье Пажеса въ ратушу, но обойденный обстоятельствами Марастъ тотчасъ согласился на республику и составилъ свой листъ временнаго правительства. Листъ этотъ онъ отправилъ въ Reforme для взаимнаго соглашенія: Reforme возстала противъ имени Одилонъ Барро, который не отличился храбростью въ дѣлѣ банкета XII округа, его вычеркнули и потомъ согласились въ главныхъ лицахъ. Reforme ввела трехъ своихъ: Ледрю Роллена, Флокона и Луи Блана.

Король, которому отказалъ отъ мѣста Эмиль Жирарденъ, какъ будто бы онъ былъ фельетонистомъ въ «Прессѣ,» уже садился въ карету и первыя колонны народа подступали къ Карусельской рѣшеткѣ: а двѣ спасающія отечество редакціи продолжали еще толковать *объ именахъ*. не согласившись рѣшительно ни въ чемъ, кромѣ въ объявленіи республики. Онѣ были такъ заняты лицами, что даже не подумали объ афишахъ; работниковъ не было: Прудонъ, не принадлежавшій ни къ какому приходу и пришедшій узнать, что дѣлается въ Reforme, набралъ афишку, отпечаталъ ее и отдалъ Торэ, который бросился на баррикады отыскивать Альбера, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ раздавать афиши.

Между тѣмъ побѣда народа становилась полною. Вслѣдъ за королемъ исчезло все правительство. Людовикъ Филиппъ такъ

мало понялъ, такъ плохо зналъ народъ, которымъ правилъ 17 лѣтъ, что счелъ нужнымъ обрить свои сѣдые бакенбарды и надѣть пальто англійскаго шкипера, чтобъ скрыться отъ погони, которой за нимъ не было! Онъ удалился одинокой, безъ преданныхъ людей. Правда, и министры бѣжали, но не для того, чтобъ раздѣлить судьбу короля,—а боясь галеръ.

Камера сидѣла, повѣся носъ; она боялась очень справедливо народной мести. Но народъ, побѣдившій почти безъ боя, не успѣлъ разсердиться и, покричавши немного à la mort Guizot, вовсе забылъ о мелкихъ плутахъ, помогавшихъ ему. Столько-ли это было благоразумно, какъ великодушно,—не знаю, но скорѣе думаю противное. Прибѣжалъ Тьеръ, растерянный, безъ шляпы, сказалъ: «la marée monte—monte—monte», и замолчалъ. «Вы министръ?» спросили его. Онъ покачалъ головою и ушелъ. Министерскія лавки были пусты, предсѣдатель совѣта, Одилонъ Барро, забавлялся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, самъ извѣщая Францію телеграфомъ о своемъ назначеніи.

Послѣ отъѣзда короля явилась герцогиня Орлеанская съ Немурскимъ и съ графомъ парижскимъ; на дворѣ камеры была припрятана маленькая лошадка разукрашенная, на ней долженъ былъ маленькій король проѣхаться по большому городу. Камера готова была провозгласить регентство; Дюпенъ уже со слезами на глазахъ просилъ записать въ журналъ, что герцогиню встрѣтилъ народъ на мосту съ восторгомъ; какъ, по несчастію, онъ самъ, т. е. народъ, ворвался при этихъ словахъ въ камеру и далъ ему полнѣйшее démenti.

Мари предложилъ учредить временное правленіе, основываясь на *необходимости взять сильныя мѣры для того, чтобъ остановить растущее зло и обуздать безначаліе.* Эту рѣчь, диктованную страхомъ и желаніемъ занять мѣсто въ правительствѣ, вмѣнили Мари въ достоинство: кровь еще текла по улицамъ, а благоразумные люди принимали ужъ мѣры противъ побѣдителей и составляли правительство. Одилонъ Барро отстаивалъ регентство. Ларошъ Жакленъ иронически замѣтилъ, что разсуждать о регентствѣ вовсе не дѣло камеры, что вообще депутаты «теперь ничего не значатъ, совершенно ничего». Эта выходка взбѣсила центры, они думали, что тронъ можетъ упасть, а они таки останутся на своихъ мѣстахъ. Созэ сдѣлалъ замѣчаніе оратору,—это былъ его послѣдній rappel à l'ordre! Онъ вскорѣ вовсе пропалъ, прочитавши, впрочемъ, народу параграфъ устава, которымъ запрещается говорить посторошшимъ въ камерѣ. Новыя толпы взошли середь елейной рѣчи Ламартина; онѣ были съ баррикадъ, вооруженныя и готовыя на все. Кто-то прицѣлился изъ ружья въ Созэ; Созэ спрятался за трибуну и съ тѣхъ поръ исчезъ изъ парламентской исторіи.

Послѣ энергической рѣчи Ледрю-Роллена, при шумѣ и крикѣ прибывающей толпы, привели старика Дюпонъ де-Лёра и заставили его провозглашать имена временнаго правительства. Народъ подтверждалъ крикомъ, par acclamation.

Почему именно этимъ людямъ въ руки попалась судьба народа, освободившагося за минуту до того? Знали-ли они что-нибудь о желаніяхъ, о нуждахъ этого народа, подвергались ли они за него смерти, они ли побѣдили? или, можетъ, у нихъ была мысль новая, плодовитая? поняли-ли они лучше другихъ современное зло, придумали-ли они средства ему помочь?..

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Они заняли мѣсто потому, что нашлись люди довольно смѣлые, чтобъ выбирать не на баррикадахъ, а въ бюро журнала, чтобъ провозглашать ихъ имена не на мѣстѣ битвы, а въ побитой камерѣ. Народу не дали опомниться, временное правительство явилось передъ нимъ совсѣмъ не кандидатами, а готовымъ правительствомъ. Ламартинъ и люди National'я во главѣ движенія были великимъ несчастіемъ для Франціи. И что могло выйти изъ двуглаваго правительства, руководимаго Ламартиномъ и Ледрю-Ролленомъ? Ледрю-Ролленъ хотѣлъ во чтобъ ни стало утвердить республику, Ламартинъ обуздать революцію. Ледрю-Ролленъ шелъ въ правительство для того, чтобъ двигать впередъ, Ламартинъ для того, чтобъ подставлять ногу, чтобъ тормозить движеніе; Ледрю-Ролленъ хотѣлъ нести революцію въ Бельгію и Германію, Ламартинъ въ мартѣ мѣсяцѣ писалъ въ Швейцарію, чтобъ не очень настаивать на признаніи республики: «мы де не знаемъ, прочна-ли она?»

Ламартинъ и люди National'я были испуганы успѣхомъ. Они привыкли къ мелкой парламентской оппозиціи, къ безопасно-революціоннымъ тостамъ на банкетахъ, къ удали журнальныхъ статеекъ и къ безкровному задору краснорѣчивыхъ отвѣтовъ съ бокаломъ въ рукѣ,- а вдругъ побѣдили королевство, сѣли на тронъ. Они никогда не уважали себя настолько, чтобъ считать себя достойными побѣды. Первая мысль, пришедшая имъ въ голову, была противъ революціи. Они хотѣли *обуздать* народъ, они хотѣли скорѣе порядка, скорѣе выйти изъ революціоннаго состоянія, зачѣмъ они торопились? Затѣмъ, что чувствовали слабость своихъ плечъ, затѣмъ, что въ нихъ было чисто буржуазное, оскорбительное недовѣріе къ народу. А между тѣмъ народъ велъ себя эти дни удивительно. Я не стану повторять пошлыя похвалы за то, что не крали въ Тюльери, ни хвалить глупцовъ, которые разстрѣляли какихъ-то бѣдняковъ за то, что они взяли что-то изъ королевскихъ вещей,—реguловскія черты буржуазной добродѣтели меня не трогаютъ: но нельзя не упомянуть о порядкѣ во всемъ городѣ, о безопасности для людей, извѣстныхъ народу банкировъ,

судей, полицейскихъ... Вмѣсто спасиба этому народу, люди, втѣснившіе себя въ правительство, расточая ему лесть, убаюкивая его какъ льва, втайнѣ ковали ему оковы, замѣняя на нихъ королевскій штемпель словомъ республика съ ея громовымъ девизомъ.

Дѣйствительные участники движенія были въ ратушѣ. Они, не успѣвъ перевести духа послѣ битвы, собирались въ этомъ Эскуріалѣ революцій съ той же цѣлью — избрать правительство: какъ вдругъ разнесся слухъ, что правительство выбрано въ камерѣ и идетъ къ нимъ, сопровождаемое толпами народа. Никто не спросилъ,- кѣмъ выбрано, когда, по какому праву?.. Всѣ торопились узнать имена новыхъ господъ. Изъ этого ясно, что демократическая партія была незрѣла, что у ней не было ничего готоваго, что народъ вообще до такой степени привыкъ быть управляемъ другими, что сейчасъ удовольствовался правителями, взятыми въ рядахъ парламентской и журнальной оппозиціи, не сообразивъ, что край буржуазнаго радикализма противъ Гизо становился ретроградным въ отношеніи къ соціализму и пролетаріату.

Когда новое правительство явилось въ hôtel de Ville, оно догадалось пустить Ледрю-Роллена впередъ. Ему кричали со всѣхъ сторонъ: «хочетъ-ли онъ провозгласить республику?» Ледрю-Ролленъ отвѣчалъ, что онъ не признаетъ никакого избранія, кромѣ избранія народомъ, что вся цѣль его желаній провозглашеніе республики. Народъ тотчасъ призналъ его за члена временнаго правительства. Ламартину предложили тѣ же вопросы: онъ смѣшался, отвѣчалъ, что вся нація должна рѣшить, какую форму правительства она принимаетъ. Ему кричали изъ толпы: «Какое воззваніе къ народу? развѣ мы для того подвергали грудь нашу пулямъ? Если возвратится король, мы воротимся на баррикады». Эти отвѣты удвоили крики негодованія, многіе кричали «долой его!» Ламартинъ нехотя провозгласилъ республику, и народъ, точно пораженный слѣпотой, призналъ его членомъ. Многіе роптали; чтобъ ихъ успокоить, представили имъ Луи Блана, котораго работники уважали и любили. Другіе члены правительства проскользнули какъ-то незамѣтно. И вотъ какъ совершился великой актъ водворенія новаго правительства!

Давно было замѣчено, что люди чрезвычайно обстоятельны, благоразумны во всѣхъ мелкихъ дѣлахъ, но какъ только дойдетъ до чего нибудь важнаго, рѣшительнаго, они поступаютъ, очертя голову. Тоже можно сказать о цѣлыхъ народахъ.

Прежде появленія временнаго правительства въ ратушу, мѣсто мера занялъ Гарнье Пажесъ. Онъ, не зная еще, будетъ-ли регентство или республика, раздавалъ мѣста по назначенію Мараста. Разсчетъ былъ вѣренъ: не дать мѣсто тому или другому не тру-

дно, но взять назадъ однажды данное вовсе не легко. Reforme, чтобъ не отставать отъ National'я, отправила Этьена Араго завоевать почту, а Коссидьера префектуру полиціи, они оба дрались на баррикадахъ. Коссидьеръ пришелъ пѣшкомъ съ своимъ ружьемъ на плечѣ въ префектуру, взошелъ въ кабинетъ, изъ котораго только что вышелъ Делессеръ, поставилъ ружье въ уголъ и объявилъ, что онъ назначается именемъ французскаго народа префектомъ полиціи. Секретарь ему поклонился, - и дѣла пошли своимъ чередомъ.

Передовые люди баррикадъ, члены общества des droits de l'homme были недовольны; баррикады еще стояли 25 февраля и къ нимъ подвезли пушки; на баррикадахъ, на общественныхъ зданіяхъ развѣвалось красное знамя. Мрачныя толпы народа были съ ранняго утра на площади hôtel de Ville, онѣ какъ будто спохватились, что вчера упустили изъ рукъ побѣду. Но за ночь временное правительство окрѣпло и Ламартинъ, какъ вы знаете, подвергая свою жизнь опасности, отстоялъ трехцвѣтное знамя. Знамя народа, знамя, водруженное подъ пулями, знамя демократіи, республики грядущей, было отринуто; знамя прошедшей республики, перешедшей въ имперію, знамя Наполеона, обидное для всей Европы, обагренное кровью всѣхъ народовъ, знамя, семнадцать лѣтъ осѣнявшее Людовика Филиппа, знамя, изъ-подъ котораго стрѣляли муниципалы въ народъ, знамя буржуазіи—было принято хоругвіей новой республики. Новая республика объявляла себя *мѣщанскою*, она не разрывалась съ прошедшимъ и, слѣдственно, необходимо должна была встрѣтиться съ республикой ожидаемой, и встрѣтиться злѣе, нежели монархія. Какъ только буржуазія узнала о трехцвѣтномъ знамени, лавки открылись, у нея отлегло на сердцѣ. За эту уступку и она, съ своей стороны, дѣлала не меньшую,—она соглашалась признать республику!

Письмо десятое.

Парижъ, 1 сентября, 1848 г.

Больше двухъ мѣсяцевъ прошло послѣ моего послѣдняго письма. Трудно продолжать начатое, рѣки крови протекли между тѣмъ письмомъ и этимъ. Вещи, которыя я никогда не считалъ возможными въ Европѣ, даже въ минуты ожесточенной досады и самаго чернаго пессимизма, сдѣлались обыкновенны, ежедневны, неудивительны Глубоко огорченный, я остался досматривать преступленіе *осаднаго положенія*, ссылокъ безъ суда, тюремныхъ заключеній внѣ всякихъ правъ, военно-судныхъ комиссій... Вѣроятно, чѣмъ-нибудь да кончится это тяжелое состояніе, кто-нибудь явится

воспользоваться учрежденнымъ порядкомъ: Генрихъ V, Людовикъ Наполеонъ, или этотъ несчастный солдатъ, который добродушно пошелъ изъ воиновъ въ палачи и добросовѣстно казнитъ улицы, жителей, мысли, слова.

Усталый народъ приметъ всякаго съ рукоплесканіемъ, ему хочется сколько-нибудь покоя, онъ все на жертву принесъ въ іюньскіе дни и все утратилъ, онъ хочетъ залечить раны, оплакать жертвы и заработать кусокъ хлѣба. Бѣдный героическій народъ, въ какія предательскія руки ни попались бы судьбы его, — изъ моей груди онъ не услышитъ упрека.

Если-бъ вы видѣли, какой онъ сталъ грустный, печальный, послѣ іюньскихъ дней. По улицамъ ходить страшно: тамъ, гдѣ кипѣла жизнь, гдѣ громкая марсельеза раздавалась середи другихъ пѣсенъ съ утра до ночи, тамъ теперь тишина,—разносчикъ газетъ не смѣетъ кричать, блѣдный блузникъ сидитъ передъ дверью пригорюнившись, женщина въ слезахъ возлѣ него, они разговариваютъ въ полслуха, осматриваясь. Къ ночи все исчезаетъ, улица пуста и мрачный патруль подозрительно обходитъ свой кварталъ съ заряженными ружьями; блуза почти исчезла на бульварахъ, національная гвардія пыталась ее не пускать въ Тюльерійскій садъ, такъ, какъ это было при Людовикѣ Филиппѣ. Народъ терпитъ,— онъ побѣжденъ и знаетъ своего побѣдителя; онъ знаетъ, что мѣщанинъ ни передъ чѣмъ не остановится, что казаки и кроаты въ сравненіи съ буржуазіей агнцы кротости, когда она побѣдоносна, когда она защищаетъ права капитала, неприкосновенность собственности. Народъ терпитъ, но въ душѣ его собирается мрачная злоба, тоска: невыносимость положенія до того велика, что толпы работниковъ просятся въ Алжиръ; а вы знаете, что нѣтъ народа, который бы имѣлъ больше нелюбви къ переселенію, какъ французы.

Никогда терроръ 93 года не доходилъ до того, до чего дошелъ терроръ теперь. Не говоря уже о томъ, что характеръ, обстановка, причины, все разно, я держусь за матеріальный фактъ насилія и мѣру его. Много головъ пало на гильотинѣ, много невинныхъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, мы знаемъ ихъ поименно. А кого разстрѣливали у фортовъ, на Карусельской площади, на Марсовскомъ полѣ, въ подвалахъ Тюльерійскаго дворца? — Мы знаемъ Фукье-Тенвиля, Германа и другихъ членовъ революціоннаго суда. А этихъ кто судилъ, кто призналъ виноватыми и въ чемъ состояла необходимость этихъ кровавыхъ злодѣйствъ? Зачѣмъ эта тайна? Развѣ комитетъ общественнаго спасенія скрывалъ свои мѣры? Самая рѣзня въ сентябрскіе дни дѣлалась бѣлымъ днемъ и списки разсматривались довольно внимательно, какъ свидѣтельствуетъ оставшійся въ живыхъ писарь Бисетрской тюрьмы. Ну, а въ этихъ ночныхъ и глухихъ казняхъ, кто разсматривалъ списки, да и кто

составлялъ ихъ? Кто осмѣлился взять на себя такую кровавую отвѣтственность? Алжирскіе генералы были палачами, исполнителями собранія, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ Сенара и Мараста, а Сенаръ и Марастъ выражали волю буржуазіи,—вотъ виноватый. Нѣтъ, почтенные мѣщане, полно говорить о *красной* республикѣ и о кровожадности: когда она лила кровь, она вѣрила въ невозможность иначе поступать, она обрекала себя на эту трагическую долю, а вы только мстили, мстили подло, безопасно, втихомолку! Шесть тысячъ семействъ должны ждать депортаціи и окончанія военныхъ судовъ, чтобъ узнать, разстрѣлянъ или нѣтъ ихъ братъ, сынъ, отецъ...

Терроръ 93 года былъ величественен въ своей мрачной безпощадности, вся Европа ломилась во Францію наказать революцію, отечество дѣйствительно было въ опасности. Конвентъ завѣсилъ на время статую свободы и поставилъ гильотину стражей «правъ человѣческихъ». Европа съ ужасомъ смотрѣла на этотъ вулканъ и отступала передъ его дикой, всемогущей энергіей: терроръ хотѣлъ спасти Францію,—и вмѣсто этого побѣдилъ Европу. Когда миновало его время, тѣ, которые обрекли себя на страшную долю судей, положили въ свою очередь голову на плаху; ихъ надобно было казнить, это своего рода lex talionis, головы ихъ пали и остановленный топоръ заржавѣлъ.

Теперь всякую недѣлю префектъ полиціи объявляетъ, что Франція цвѣтетъ, что торговля снова идетъ впередъ, что довѣренность возвратилась... Кого-же спасаютъ эти лавочники съ этими алжирцами? Со стороны Европы бояться нечего: послѣ іюньскихъ дней цари наперерывъ торопятся признать новое правительство: они спасаютъ порядокъ вещей, потрясенный, но далеко не разрушенный 24 февраля.

Какой страшный урокъ, это трехмѣсячное осадное положеніе! Вотъ вамъ Франція, такъ любящая свободу, страна пропаганды, революціи:... она всего лишена, жизнь остановлена въ самомъ сердцѣ: у Парижа завязанъ ротъ, связаны руки, онъ лишенъ права собираться въ клубахъ, коварный законъ, позволяя, убилъ его, онъ лишенъ свободы книгопечатанія, его дѣти отправляются сотнями на понтоны,—и все это для спасенія общества, pour le salut public... Если-бъ это было такъ, то пропадай государство, которое надобно спасать такими средствами, пусть оно гибнетъ, туда ему и дорога. Народъ не погибнетъ съ государствомъ, хуже ему не можетъ сдѣлаться: погибнутъ нелѣпыя учрежденія, погибнутъ тѣ, которые изъ республиканскихъ формъ умѣли сдѣлать казарменный деспотизмъ и покорились ему, лишь бы погубить работника, чего-же ихъ жалѣть!

Чѣмъ и какъ разрѣшится все это, мудрено предвидѣть: насп-

ліе. самоуправство приходитъ мало-по-малу въ порядокъ, къ нимъ привыкаютъ: кто можетъ отвѣчать за то, что Франція не двинется не только за 1830, но и за 1789 годъ?

Народъ долго не поднимется послѣ такого возстанія и такого пораженія, ему надобенъ отдыхъ, онъ лишился всѣхъ друзей своихъ, всѣхъ вожатыхъ; при малѣйшемъ движеніи, возобновятся ужасы іюньскихъ дней удесятеренные, кто знаетъ предѣлъ злодѣйства, до котораго могутъ дойти защитники порядка? До сихъ поръ они ни передъ чѣмъ не останавливались. Лишь бы достало терпѣнія великому парижскому народу, пусть онъ сойдетъ теперь со сцены, облитой его кровью, пусть не смотритъ на событія, не слушаетъ оскорбленій и въ тиши собираетъ свои силы. Не знаю, придется ли ему водрузить хоругвь соціализма на парижской биржѣ, но знаю, что онъ отомститъ за іюньскіе дни, за апрѣльскую измѣну, за обманъ въ ратушѣ, за ложное возваніе Кавеньяка. Войну, начатую іюньскими днями, остановить невозможно. Вся Европа вовлечена въ нее. Трудно переродиться старому Адаму, соціализмъ слишкомъ широкъ для изношенныхъ людей и слишкомъ несовмѣстенъ съ обветшалыми формами, въ которыхъ держится старая жизнь западной Европы.

Жалкіе, дрянные люди! Передо мною теперь лежитъ страшная книга, «донесеніе» слѣдственной комисіи о 15 маѣ и объ іюньскихъ дняхъ. Въ этомъ болотѣ грязи, ябеды и доносовъ потонули децемвиры республики 48 года. Посмотрите на этихъ гордыхъ республиканцевъ, такъ смѣло вышедшихъ изъ рядовъ гражданъ, чтобъ сдѣлаться правителями, посмотрите, какъ они теперь жалко торопятся дѣлать доносы, въ свою очистку, какъ они боятся того, чѣмъ хвастались нѣсколько мѣсяцевъ. Частные разговоры, дружескія изліянія, все предано, даже *жесты* не забыты. Иронія, иронія! Ретроградное собраніе хотѣло отомстить республиканцамъ и съ злою насмѣшкой назначило предсѣдателемъ слѣдственной комисіи Одилонъ Барро, и этотъ тупорожденный либералъ времени реставраціи, обойденный, выброшенный революціей 24 февраля, важно развалясь на президентскихъ креслахъ, позвалъ къ отвѣту Ламартина и его товарищей. И Ламартинъ, какъ ученикъ, пойманный гувернеромъ и желающій оправдаться, боясь, что поставятъ на горохъ, началъ битой фразой изъ хрестоматіи и кончилъ доносомъ, что у нихъ во временномъ правительствѣ не было ладу... И никто изъ этихъ господъ не смѣлъ сказать, что они отводятъ такого слѣдователя, открытаго врага республики, министра Людовика Филиппа, и никто не пожалѣлъ революціи 24 февраля. Вмѣсто того чтобъ ужаснуться посягательству судить ее, они ее притащили передъ инквизиціей Одилонъ Барро, они позволили рту Бошара прочесть ей обвинительный вердиктъ, — это ужасно!

И такіе люди стояли во главѣ республики и, если въ числѣ ихъ нашлись *два* человѣка, которые не хотѣли наушничать, губить доносами обвиняемыхъ, за то ни *одинъ* не нашелъ твердости сказать *всю истину*, ни въ комъ не нашлось настолько мужественнаго сострадания, чтобъ сказать слово въ пользу восьми тысячъ жертвъ и половину ихъ вины отбросить на собраніе и на самихъ себя. Куда! точно въ дѣлѣ Роганова ожерелья, всѣ знали, кто обвиняемая, но никто не смѣлъ ее назвать, такъ и тутъ, никто не смѣлъ заикнуться о причинахъ 15 мая и 23 іюня, даже тѣ, которые желали разогнать собраніе, желали побѣды возстанію, не удержались, чтобъ не бросить жесткаго слова въ казематы этимъ несчастнымъ жертвамъ вѣры во Францію. Чувства собственнаго достоинства, уваженія къ себѣ настолько, чтобъ не отвѣчать на дерзкіе вопросы, не нашлось у этихъ людей. Они оправдываются повиновеніемъ закону. Кто-же облекъ собраніе такимъ самодержавіемъ, кто далъ ему право безъ суда осуждать, назначать инквизиціи и дѣлать слѣдствіе надъ цѣлыми переворотами, надъ исторіей? Какое тутъ повиновеніе закону? Это рабство, это малодушіе,—испуганные своими связями съ побѣжденными, *горцы*, допустили роялистовъ взять страшныя мѣры, молчали, не протестовали. Пусть идутъ теперь оправдываться передъ Одилонъ Барро, кланяться ему, предавать своихъ друзей... Можетъ, онъ и собраніе помилуютъ ихъ...

...Республика была провозглашена робко, нехотя, со стороны временнаго правительства, оно уступило народу вооруженному и готовому на бой. Самый актъ провозглашенія былъ страненъ и носилъ въ себѣ что-то напоминающее ту дипломатію, которая должна была исчезнуть въ республикѣ и которая, напротивъ, развилась въ ней. «Временное правительство, сказано въ первой прокламаціи, *желаетъ* республику, если народъ французскій ее утвердитъ». Какая осторожность и неувѣренность! Говоритъ-ли кто-нибудь этимъ языкомъ черезъ часъ послѣ битвы, послѣ побѣды? На другой день временное правительство объявило, что оно «республиканское»: вслѣдъ затѣмъ явилась третья прокламація, въ которой сказано: «Королевская власть уничтожена, республика провозглашена!» О народномъ согласіи на этотъ разъ ни слова.

Революція 24 февраля сдѣлалась слишкомъ нечаянно, это былъ coup d'état, 18 брюмеръ со стороны республиканцевъ. Во Франціи такія перемѣны бывали часто и удавались, но не надобно забывать, что 18 брюмеры гораздо легче дѣлать въ пользу власти, нежели въ пользу свободы. Власти надобно только признаніе, формы, орудія, а свобода ничего не значитъ, пока не проникла въ убѣжденіе, пока не сдѣлалась вѣрой, мыслію, мнѣніемъ. Республика была сюрпризомъ для всѣхъ, для тѣхъ, которые пламенно

желали ея, для тѣхъ, которые еще пламеннѣе ее отталкивали. «N'est-ce pas un rêve?» спросилъ тронутый Кремьё, послѣ рѣчи, сказанной имъ адвокатамъ въ первые дни республики. Да, гражданинъ министръ, это былъ сонъ, въ томъ-то вся и бѣда: теперь мы не спимъ, и уже вы не спросите, сонъ-ли это или нѣтъ,—мы сладко спали, но проснулись какъ послѣ опіума, грудь разбита, голова болитъ, глубокое отвращеніе къ жизни и къ людямъ наполняетъ душу. Мнѣ все кажется, что король уѣхалъ на время, правленіе безъ него ослабилось; но вотъ передъ его возвращеніемъ, слуги говорятъ громче и начинаютъ процессъ февральскому возмущенію, точно такъ, какъ начинали всѣ остальные политическіе процессы въ камерѣ перовъ. Загулявшая дворня перепугалась, она защищается тѣмъ, что она все ждала его, и въ самомъ дѣлѣ она благоговѣйно оставила запертыми его дворцы, его сады, его отдѣльные парки—для кого?—Такъ! по тому чувству, по которому слуга, отпущенный на волю, все-таки считаетъ бывшаго барина своимъ господиномъ.

Всѣ люди, всплывшіе послѣ 24 февраля, были попорчены египетскимъ плѣненіемъ Орлеанскаго, они образовались въ политику оппозиціи, въ парламентскія козни, expédients, и не могли быть ни просты, ни откровенны. Отчасти лица не виноваты, они родились подъ тяжкимъ фатумомъ, они образовались изъ негодной среды, они воспитались на гнилой почвѣ. Люди, кромѣ исключительныхъ явленій, служатъ невольными и по большей части искаженными проводниками тѣхъ началъ, которыя уже даны; тѣмъ не менѣе мнѣ бы не хотѣлось ихъ освободить отъ всякой отвѣтственности. Освобождать людей отъ отвѣтственности — значитъ ихъ не уважать, не принимать ихъ за серьезное. Покрыть всѣ дѣйствія человѣческія широкой амнистіей исторической необходимости—очень легко, но съ тѣмъ вмѣстѣ это значитъ утратить достоинство личности и лишить исторію всего драматическаго интереса.

Мнѣ жаль людей временнаго правленія, я такъ привыкъ слышать ихъ имена въ свѣтлое время, которое теперь кажется мечтой, невозможностью по сравненію съ безобразнымъ настоящимъ, съ этой беззаконной диктатурой, начавшейся по горло въ крови и продолжающейся по горло въ позорѣ. Но именно эта кровь, этотъ позоръ и вызываютъ безпощадное осужденіе; мы не можемъ отказаться отъ обнаружившихся послѣдствій. намъ нельзя отрѣчься отъ настоящаго, сквозь которое это недавно прошедшее представляется инымъ. Временное правительство, разсматриваемое сквозь штыки осаднаго положенія, не находитъ отпущенія въ душѣ нашей.

Франція не была готова для республики... Но временное правительство, облеченное страшной диктатурой, опираясь на Парижъ,

могло дѣйствительно стать во главу движенія и вести народъ, воспитывая его учрежденіями, а не подвергая кровавымъ потрясеніямъ, которыми онъ вырабатывается теперь. Для этого надобно было имѣть вѣру и энергію комитета общественнаго спасенія, и замѣтьте, только вѣру его и его преданность; обстоятельства были таковы, что временному правительству вовсе не нужно было обрекать себя на строгую карающую роль, которая окружила кровавымъ облакомъ диктатуру 93 года. Я увѣренъ въ нѣкоторомъ желаніи добра почти всѣхъ членовъ, особенно въ первые дни, въ которые надобно было быть уродомъ или извергомъ, чтобъ не раздѣлить общаго увлеченія; кромѣ Ледрю-Роллена, Луи Бланъ и Альберъ были не только республиканцы, но и соціалисты. Да и у нихъ недоставало нерва революціоннаго, который былъ у рояліста Мирабо и у монтаньяра Дантона; въ нихъ не было того безпокойнаго духа, подрывающаго старое, ломающаго безъ оглядки, дерзкаго въ отношеніи къ прошедшему, сердящагося и находящаго удовольствіе въ разрушеніи. Луи Бланъ радикальнѣе Ледрю-Роллена, но онъ, удалившись въ Люксенбургъ, сдѣлался проповѣдникомъ соціализма и утратилъ вліяніе на правительство.

Ледрю-Ролленъ встрѣтилъ противудѣйствіе въ товарищахъ, можетъ, онъ и сладилъ бы съ ними, но въ ихъ главѣ стоялъ авторитетъ—Ламартинъ. Характеръ Ламартина по преимуществу женскій, примиряющій, бѣгущій крайностей: онъ стремился примирить, соединить противуположныя направленія, потому что ни съ чѣмъ не справился внутри себя; въ его умѣ, въ его рѣчахъ отсутствіе всего рѣзкаго, опредѣленнаго; онъ былъ рефлектёръ въ поэзіи и сдѣлался рефлектёромъ въ политикѣ. Ламартинъ развился подъ странными вліяніями и остался вѣренъ эпохѣ своего цвѣтенія, тому времени, когда отсталая Франція измѣнила собственному генію своему, ясному въ отвлеченіяхъ, опредѣленному во всемъ: французская мысль и французская фраза приняли что-то туманное, не вполнѣ высказываемое, стремящееся «все обнять, ничего не отвергая», — таинственная пустота Шатобріана и спутанный эклектизмъ Кузена могутъ служить представителями этой эпохи.

Въ Ламартинѣ есть именно нѣчто шатобріановское и нѣчто эклектическое. Онъ не догадывался, что это колебаніе между крайностями, эта высшая, обнимающая справедливость безъ внутренняго начала, безъ установившейся мысли, представляетъ или высшее бездушіе (какъ вся философія Кузена) или эгоистическій эпикуреизмъ, распущенность. Ламартинъ находилъ въ сердцѣ своемъ звуки и бѣлымъ лиліямъ, и служителямъ алтаря, и Наполеону, и... и ничему не предавался въ самомъ дѣлѣ: Ламартинъ-диктаторъ полюбилъ республику, народъ, онъ на этой высотѣ хотѣлъ наслаждаться общимъ миромъ, сочувствовалъ голодному работнику,

любилъ роскошь богатаго, имѣлъ слезу для герцогини Орлеанской, рыцарское великодушіе къ политическимъ врагамъ: онъ съ однимъ не могъ сочувствовать — съ революціей, онъ думалъ, что ея не нужно послѣ провозглашенія республики! И такой-то человѣкъ стоялъ во главѣ возникающей демократіи, осредотворяя мягкостью своей души два бурные потока, уступая обоимъ и обезсиливая тотъ и другой.

Временное правительство приняло за главный вопросъ успокоить среднее состояніе во Франціи и встревоженныя правительства въ Европѣ. Оно не вѣрило въ свое собственное дѣло и оттого погубило его. Оно хотѣло *какъ-нибудь* уладить республику, *какъ-нибудь* удержать миръ—и достигло цѣли. Оно боялось разорваться съ прежнимъ порядкомъ; новой, государственной, построяющей мысли у него не было: отсюда это непріятное, нестройное колебаніе между разными направленіями: то является законъ, основанный на соціализмѣ, то чисто монархическое распоряженіе, въ однѣхъ мѣрахъ видно блѣдное подражаніе комитету общественнаго спасенія, въ другихъ остался весь характеръ конституціоннаго королевства. Люди, судившіе и рядившіе Францію, а съ ней вмѣстѣ и всю Европу, ни разу не подумали, чѣмъ собственно должна отличаться новая республика отъ старой монархіи.

Они себя принимали за такую случайность, за такое проходящее, что они ни въ чемъ не шли дальше формы и поверхности; они обходили всѣ важныя задачи; имъ предстояло бросить первые основы демократическаго и соціальнаго пересозданія; вмѣсто того они смиренно указывали республиканцамъ на будущее собраніе; соціалистамъ — на Люксенбурскую комиссію; они боялись взять революцію на свою отвѣтственность, они одного хотѣли: уличной тишины и полицейскаго порядка: ихъ слабые нервы не могли выносить республиканскаго шума.

«Всеобщая подача голосовъ, организація работы» — вотъ чего хотѣла февральская революція и чего не осмѣливалось оспаривать у народа временное правительство. Но грубое непониманіе вопроса и механическое, холодное разрѣшеніе его, привели къ тому, что всеобщая подача голосовъ убила организацію работъ.

Всеобщая подача голосовъ, при монархическомъ устройствѣ государства, при нелѣпомъ раздѣленіи властей, которыми такъ хвастались приверженцы конституціонныхъ формъ, при религіозномъ понятіи о представительствѣ, при полицейской централизаціи всего государства въ рукахъ министерства, — такой же оптическій обманъ, какъ равенство, которое проповѣдывало христіанство. Тупость консерваторовъ, ихъ привычки къ цензу заставляли ихъ трепетать передъ всеобщей подачей голосовъ, въ то время какъ оно не опаснѣе всякаго другого избранія представителей. Дѣло во-

все не въ томъ, чтобъ разъ въ году собраться, выбрать депутата и снова воротиться къ страдательной роли управляемаго: надобно было основать всю общественную іерархію на выборахъ, надобно было предоставить общинѣ избрать свое правительство, департаменту свое: надобно было уничтожить всѣхъ проконсуловъ, получающихъ священный санъ отъ министерскаго помазанія; тогда только народъ могъ бы дѣйствительно воспользоваться правами и, сверхъ того, дѣльно избрать своихъ центральныхъ депутатовъ. Объ этомъ и не думали наши децемвиры, они хотѣли оставить города и общины въ ихъ полнѣйшей зависимости отъ исполнительной власти и демократическую мысль всеобщей подачи голосовъ приложили къ одному гражданскому акту.

Ледрю-Ролленъ понялъ опасность и нелѣпость предстоявшихъ выборовъ. Что за результатъ могли дать голоса нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ, первый разъ избирающихъ безъ приготовленія, безъ образованія, подъ вліяніемъ духовенства, богатыхъ собственниковъ, нотаріусовъ, чиновниковъ, — людей враждебныхъ республикѣ по общественному положенію? Ничего не могло быть естественнѣе, какъ мысль послать объясниться съ народомъ посредниковъ между имъ и революціоннымъ правительствомъ; еще естественнѣе было напутствовать циркулярами комиссаровъ. Чему удивились консервативные журналы, члены правительства, откуда этотъ вопль буржуазіи, эти проклятія Ледрю-Роллену, когда онъ послалъ комиссаровъ и обнародывалъ свои циркуляры? Буржуазія покорилась горькой необходимости и признала республику на условіи, что республика будетъ шутка: она надѣялась на неустроенную всеобщую подачу голосовъ, какъ на каменную гору: а тутъ является человѣкъ, у котораго въ рукахъ была страшная власть министра внутреннихъ дѣлъ и который вздумалъ призрачные выборы сдѣлать дѣйствительными. Прочтите эти знаменитые циркуляры: вы увидите, что вся его цѣль состояла въ томъ, чтобъ преимущественно выбирали республиканцевъ, а не роялистовъ, для того, чтобъ представлять и устроить *республику*. «Да Франція вовсе не хочетъ республики!» Это другой вопросъ: тогда надобно было обратиться не къ Ледрю-Роллену, а ко всему правительству, ко всему парижскому народу и спросить у нихъ отчета, почему послѣ Людовика Филиппа они не провозгласили Генриха V? Республика была фактъ, она была провозглашена, ея министры должны были дѣйствовать въ духѣ республиканскомъ. Если-бъ всѣ шли дружно и по одной дорогѣ съ Ледрю-Ролленомъ, если-бъ, сверхъ того, и самъ Ледрю-Ролленъ не сбился съ нея, мы не сидѣли бы третій мѣсяцъ въ осадномъ положеніи и не видѣли бы улицы Парижа, устланныя трупами.

Роковая неловкость временнаго правленія вела его отъ ошибки

къ ошибкѣ, чтобъ не сказать отъ измѣны къ измѣнѣ. Если-бъ выборы назначены были немедленно, можно было бы ожидать, что подъ вліяніемъ недавней революціи изберутъ республиканцевъ: если-бъ выборы были отложены на долгій срокъ, можно было бы нѣсколько приготовить народъ, особенно крестьянъ. Правительство не сдѣлало ни того, ни другого, оно дало ровно столько времени, сколько было нужно, чтобъ одушевленіе простыло и чтобъ реакція ободрилась. Оно употребило одну réclame électorale, это —надбавочный налогъ сорока пяти сантимовъ. Нелѣпость этой мѣры превышаетъ всякое человѣческое пониманіе: она оскорбила земледѣльцевъ, она ихъ возстановила противъ республики, сорокъ пять сантимовъ сдѣлались знаменемъ реакціи. Крестьяне собственно черезъ налогъ узнали о республикѣ, она имъ рекомендовалась прибавкой тяжести. Да откуда было взять деньги? Откуда угодно, только не съ бѣдныхъ людей, задавленныхъ и безъ того общественной несправедливостью. Откуда бралъ деньги Камбонъ? Тогда былъ терроръ.—Хорошо, откуда въ концѣ 1795 года достала директорія 600 милліоновъ? Наконецъ, сиръ Робертъ Пиль, конечно, не революціонеръ, прибѣгнулъ-же къ income tax?

Клубъ Бланки понялъ гибельное дѣйствіе, которое произведетъ надбавочный налогъ, онъ послалъ депутацію къ правительству. Гарнье Пажесъ отвѣчалъ делегатамъ клуба, что само правительство видитъ неловкость этой мѣры и постарается поправить ее. Какъ же оно поправило? Оно велѣло не взыскивать 45 сант. съ людей, которымъ меры выдадутъ свидѣтельство, что имъ нечѣмъ заплатить. Если это была увертка, то Гарнье Пажесъ дурной шутникъ; если же онъ это сдѣлалъ по убѣжденію, то мы имѣемъ право усомниться, не поврежденный ли онъ? Не только во Франціи, гдѣ по чрезвычайно развитому чувству гордости, никто не признается въ бѣдности: но гдѣ угодно, объявите налогъ съ такимъ оскорбительнымъ изъятіемъ для неимущихъ, его или всѣ заплатятъ или никто. Такъ и случилось: тамъ гдѣ не заплатили, правительство приняло военныя мѣры!..

Парижскій народъ и клубы съ ужасомъ видѣли, что правительство сбилось съ дороги, они подозрительно смотрѣли на всѣхъ членовъ, исключая Ледрю-Роллена, Луи Блана и Альбера. Клубы давали совѣты, указывали зло, ошибки черезъ журналы, черезъ делегатовъ: правительство и не думало перемѣнить линіи поведенія. Они говорили, напримѣръ, что невозможно оставить судьями людей, занимавшихся лѣтъ двадцать пять преслѣдованіемъ республиканцевъ,—правительство ихъ оставило.

Вмѣстѣ съ паденіемъ электоральнаго ценза пало исключительно буржуазное устройство національной гвардіи: каждый гражданинъ, получая голосъ, получалъ ружье. Вооруженный Парижъ предста-

вялъ огромную силу, онъ дѣлался не только столицей демократіи, но ея великой дружиной; войскъ въ Парижѣ тогда не было и не могло быть, пока народъ имѣлъ голосъ и волю. Вооруживши весь Парижъ, временное правительство ввело новую массу въ старые кадры легіоновъ національной гвардіи; вновь взошедшіе въ легіоны естественно подчинились прежнимъ членамъ, приняли большей частію ихъ направленіе и духъ. Кабэ десять разъ въ своемъ клубѣ говорилъ о необходимости распустить національную гвардію и потомъ вновь ее составить, онъ сильно возставалъ противъ мундира — и былъ правъ. Мундиръ вообще вещь превредная, — онъ отдѣляетъ человѣка отъ другихъ; но онъ ни гдѣ не вреденъ до такой степени, какъ во Франціи; Франція со временъ Наполеона заражена солдатизмомъ. Правительство дальше уничтоженія мѣховыхъ шапокъ не пошло, оно оставило прежніе мундиры и дозволило вновь поступившимъ остаться въ обыкновенномъ платьѣ; люди въ мундирахъ, само собою разумѣется, тотчасъ составили аристократію въ легіонахъ.

Что касается до устройства работъ, правительство и не думало серьезно заняться этимъ вопросомъ, оно не имѣло никакого плана, никакого мнѣнія объ этой важнѣйшей задачѣ современности. Чтобъ отдѣлаться отъ нея, оно назначило Луи Блана и Альбера предсѣдателями комиссіи о работникахъ и отослало ихъ на другой край Парижа въ Люксенбургскій дворецъ. Сверхъ того, оно, не ожидая ея рѣшенія, основало національныя мастерскія, въ родѣ убѣжища для работниковъ, лишенныхъ работы вслѣдствіе революціи. Эти знаменитыя ateliers nationaux, поставленныя на счетъ соціалистамъ, были изобрѣтены консерваторами временнаго правительства, не изъ желанія добра, а изъ страха передъ двумя стами тысячами человѣкъ, не имѣвшихъ ни насущнаго хлѣба, ни занятія. Много ли, мало ли сдѣлала Люксенбурская комиссія, — важность ея не подлежитъ сомнѣнію: соціальный вопросъ сдѣлался государственнымъ. Рѣчи Луи Блана раздавались глубоко въ сердцахъ, настрадавшихся не только отъ нужды, но отъ оскорбленій. Слова симпатіи и братства слышались имъ съ высоты той самой трибуны, на которой за нѣсколько дней тому назадъ кашлялъ сгорбившійся старикъ Пакье, бездушный и лукавый представитель отходящаго и дряхлаго міра. Въ засѣданіяхъ комиссіи мало дѣлали дѣла, но они иногда оканчивались слезами; это были дружескія бесѣды, значительно дѣйствовавшія на развитіе работниковъ. Однажды передъ окончаніемъ засѣданія пришелъ Ламартинъ. Луи Бланъ закрылъ уже бесѣду, народъ сталъ расходиться: вдругъ крошечный Луи Бланъ бѣжитъ снова на трибуну, шумитъ, звонитъ, проситъ пріостановиться: работники останавливаются: Луи Бланъ говоритъ имъ: «Друзья мои, сейчасъ товарищъ мой,

гражданинъ Ламартинъ, получилъ вѣсть, что вѣнскій народъ одержалъ побѣду, Меттернихъ бѣжалъ, революція торжествуетъ; я васъ остановилъ, чтобъ подѣлиться съ вами хорошей новостью. Да здравствуетъ всеобщая республика!»

Между тѣмъ реакція торжествовала: она до того была увѣрена въ побѣдѣ, что маршалъ Бюжо предлагалъ правительству свою трансноненскую шпагу, а Тьеръ ожидалъ выборовъ. Гордясь смѣшнымъ великодушіемъ, правительство не брало никакихъ мѣръ противъ закаленыхъ интригановъ и давало имъ полную волю сбивать съ толку избирателей. Я въ глубинѣ сердца ненавижу всѣ свирѣпыя мѣры, тѣмъ больше ненавижу, что считаю ихъ за роскошь, за месть. Но въ чемъ же состояла бы свирѣпость отстранить нѣсколько сотъ человѣкъ, богатыхъ по большей части, отъ участія въ дѣлахъ: заставить ихъ удалиться изъ Франціи до тѣхъ поръ, пока новое правительство окрѣпло бы, пока республика учредилась бы. Люди эти были извѣстны, они извѣстны теперь, это знаменитые satisfaits камеры депутатовъ, это бывшіе министры, публичные защитники іезуитизма. Я думаю, что эта мѣра была бы гораздо кротче и гораздо полезнѣе, нежели каннибальскія депортаціи, продолжающіяся третій мѣсяцъ. Ледрю-Ролленъ, который думалъ, что надобно было оставить всѣхъ префектовъ, оставилъ въ то же время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Карлье. Шпіоны, которыхъ число было весьма значительно при Людовикѣ Филиппѣ, имѣли дерзость предложить свои услуги временному правительству, ссылаясь между прочимъ на то, что они лишились всѣхъ средствъ существованія съ 24 февраля, и правительство, вмѣсто того, чтобъ депортировать это гнѣздо разврата, приняло ихъ услуги. Изъ нихъ и изъ всякихъ плутовъ разныхъ партій составились *три тайныхъ полиціи*. Одна была при префектурѣ, другая при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, третья при Марастѣ! Суммы потрачены на содержаніе этихъ доносчиковъ, которые были совершенно не нужны,—все дѣлалось открыто, на улицѣ. Шпіоны Мараста окружали Косидьера, Ледрю-Роллена и Луи Блана, въ то время какъ Косидьеръ зналъ каждое слово Мараста. Вотъ чѣмъ забавлялись децемвиры. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ то же самое: Ламартинъ употреблялъ секретарей Гизо и ввѣрялъ людямъ самой подозрительной репутаціи важныя дипломатическія порученія.

Вы помните, какъ вѣсть о провозглашеніи республики потрясла всю Европу: даже Англія покачнулась на своихъ средневѣковыхъ основаніяхъ; народы подняли голову и протягивали руку симпатіи республикѣ. Франція естественно становилась главою всемірнаго движенія. Какая разница съ республикой, провозглашенной 22 сентября 1792 года! Тогда въ Европѣ едва нашлась небольшая горсть

людей, какъ Кантъ, Фихте, Форстеръ, Фоксъ, симпатизировавшихъ съ движеніемъ: теперь депутація за депутаціей являлась къ временному правительству съ рѣчами симпатіи и братства. Поляки, итальянцы, нѣмцы, сѣверо-американцы, ирландцы, англійскіе демократы и чартисты наперерывъ заявляли свою дружбу и удивленіе. Это не были праздныя рѣчи и пустыя слова,—вспомните, что происходило тогда въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Миланѣ, Римѣ, въ южной Германіи, въ Позпани и въ самой Бельгіи. Ни въ какую эпоху имперіи, Франція не имѣла такого вліянія на всю Европу, какъ въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцѣ; правительства были деморализованы, сбиты съ толку, народы за Францію, испугъ былъ такъ великъ, что прусскій король и австрійскій императоръ соглашались на демократическія уложенія и обѣщали возстановить Польшу. Чтобъ разомъ выразить слабость старой политики 1815 года, стоитъ вспомнить, что маленькій уголокъ Монако и Невшательскій кантонъ сдѣлали свои революціи, и никто не думалъ имъ мѣшать!

Какъ воспользовалась французская республика этимъ удивительнымъ стеченіемъ обстоятельствъ? Она дала время пройти страху, ободрила всѣ правительства и убила все европейское движеніе. Манифестъ Ламартина былъ уже довольно слабъ и водянъ: но дѣйствія его дипломатіи были гораздо слабѣе. Онъ говоритъ въ манифестѣ, что Франціи нечего искать прощенія за революцію, ни упрашивать о признаніи республики: на дѣлѣ онъ именно искалъ, чтобъ европейскія государства отпустили Франціи грѣхъ освобожденія. Ламартинъ столько же боялся коалиціи монарховъ, сколько монархи боялись союза народовъ. Можно безъ смѣха себѣ представить человѣка, который боится другого: но представьте, что они оба другъ друга боятся, и вы непремѣнно расхохочетесь.

Старая дипломатія европейскихъ дворовъ была догадливѣе и хитрѣе Ламартина, она поняла, съ какимъ республиканскимъ правленіемъ имѣетъ дѣло. Ей было досадно, что она поддалась мнимому страху; она отомстила народамъ за свою слабость. Реакція, открытая и дерзкая, началась вездѣ и продолжается во всей красѣ: чудовищное изобрѣтеніе осаднаго положенія на цѣлые мѣсяцы нашло подражателей.

Но что же дѣлала демократическая партія, что дѣлали соціалисты, какія мѣры были взяты ими, когда они увидѣли, въ какихъ искусныхъ рукахъ правительство и на какой гибельной дорогѣ? Нельзя сказать, чтобъ демократія показала себя ловкой или искусной: она умѣетъ только мужественно драться, геройски умирать и гордо выносить тюрьму и галеры. Три раза могла демократія побѣдить монархическую республику и три раза упустила изъ рукъ побѣду.

Мученики временъ Людовика Филиппа, Барбесъ и Бланки,

были главами двухъ мощныхъ клубовъ; Собріе, Распайль, Кабэ имѣли свои клубы, цѣль у нихъ была общая, но единства, но плана не было. Барбесъ и Бланки были во враждѣ: вражда эта, основанная на совершеннѣйшей противуположности характеровъ, была раздуваема людьми, находившими выгоды въ взаимномъ отдаленіи двухъ корифеевъ демократіи. Барбесъ и Бланки, возвратившись изъ Mont S. Michel, протянули руку Ламартину, тѣмъ болѣе, что Барбесъ считалъ себя обязаннымъ благодарностью: Ламартинъ упросилъ Людовика Филиппа не исполнять смертнаго приговора, къ которому Барбесъ былъ осужденъ въ 1840 году [1]). Помощь такихъ людей была неоцѣненна для правительства, они приносили совѣтъ закаленыхъ демократовъ, авторитетъ, основанный на большихъ заслугахъ, на героическомъ мужествѣ одного, и на глубокомысленномъ и много-объемлющемъ взглядѣ другого. Недѣли черезъ двѣ оба отошли, качая головой; они увидѣли, что съ этими людьми ничего не сдѣлаешь, что они погубятъ революцію. Барбесъ, полковникъ XII легіона, представитель, отходя отъ правительства, по своему положенію оставался съ нимъ въ сношеніяхъ. Къ тому же присовокуплялись у него дружескія воспоминанія, въ правительствѣ были его прежніе товарищи по заговорамъ. Довѣрчивый, всегда готовый отдать за республику последнюю каплю крови, онъ многаго не видалъ; чистый душою, онъ вѣрилъ въ чистоту другихъ, онъ надѣялся на людей тамъ, гдѣ ихъ надобно было презирать.

Не таковъ былъ Бланки. Разрывая связи съ правительствомъ, онъ разрывалъ ихъ окончательно, онъ никого и прежде не любилъ изъ этихъ слабыхъ людей; теперь онъ ихъ ненавидѣлъ и подозрѣвалъ. Бланки, человѣкъ сосредоточенный, нервный, угрюмый, изнуренный и больной отъ страшнаго тюремнаго заключенія, сохранилъ невѣроятную энергію духа; Бланки, революціонеръ нашего вѣка, онъ понялъ, что поправлять нечего, онъ понялъ, что первая задача теперь разрушать существующее. Одаренный совершенно оригинальнымъ краснорѣчіемъ, онъ потрясалъ массы, каждое слово его было обвиненіе стараго міра. Его меньше любили, нежели Барбеса, но слушались больше. Правительство было испугано этимъ безпощаднымъ человѣкомъ: чтобъ оно ни дѣлало, злой и ироническій взглядъ Бланки былъ у нихъ передъ глазами, и они блѣднѣли. Извести его старались всѣ, Ледрю-Ролленъ и Косидьеръ такъ же, какъ другіе; съ Барбесомъ они надѣялись поладить.

[1] Таковъ былъ общій слухъ тогда; впослѣдствіи я самъ спрашивалъ у Барбеса, какъ это было, и узналъ, что участіе Ламартина вовсе не было такъ важно. Его спасла родная сестра его, писавшая къ Людовику Филиппу (1858).

Въ мартѣ мѣсяцѣ правительство еще не смѣло и думать объ арестаціяхъ, оно ограничивалось клеветою. Бланки и клубы напомнили ему 17 марта свою силу, по поводу глупой демонстраціи мѣховыхъ шапокъ. Они прошлись торжественной прогулкой по главнымъ улицамъ Парижа въ числѣ ста тысячъ человѣкъ. Не смотря на величайшій порядокъ и тишину, буржуазія до того была испугана прогулкой и выраженіемъ лицъ, что опять присмирѣла на цѣлый мѣсяцъ и продолжала свою мелкую работу за стѣной.

Въ этотъ день, въ этотъ мѣсяцъ можно было надѣлать чудеса, демократія не умѣла имъ воспользоваться. Люди, имѣющіе возможность прогуливаться колоннами, которыя наполняютъ бульвары, не могли, не должны были допустить той реакціи, которая, наконецъ, собрала свои силы и побѣдила вполнѣ въ іюньскіе дни. Демократія 17 марта ограничилась ободреніемъ правительства: народъ обѣщалъ поддержать его противъ козней реакціи; но кто же сказалъ, что правительство боялось реакціи, оно именно боялось народа. Ламартинъ за день передъ тѣмъ выдалъ Ледрю-Роллена и косвенно снялъ съ части правительства отвѣтственность за его циркуляры; народъ принималъ теперь эту солидарность и кричалъ: vive Ledru-Rollin! и Ледрю-Ролленъ не догадался, что ему слѣдовало захватить диктатуру и спасти революцію. Народъ пошелъ по домамъ, ничего не сдѣлавши, онъ усилилъ только временное правительство и оно отвѣчало народу на другой день въ «Монитерѣ»: «Правительство, провозглашенное на мѣстѣ битвы, получило новое утвержденіе своей власти двумя стами тысячами гражданъ, которые принесли намъ своими рукоплесканіями нравственную силу и царственную санкцію». Поблагодаривъ такимъ образомъ народъ, правительство стало приготовляться къ новому пріему царственнаго гостя, на этотъ разъ съ военной почестью.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 16 апрѣля, клубы и работники, убѣжденные теперь, что правительство ничего не хочетъ дѣлать для народа, что выборы идутъ скверно, собрались безъ оружія на Champ de Mars. Вдругъ раздался сборъ національной гвардіи по всему Парижу, — вооруженные мѣщане бѣжали отовсюду, банльё входила во всѣ заставы, въ меріяхъ раздавали боевые патроны, около ста тысячъ штыковъ тѣснились у Hôtel de Ville и у Люксенбургскаго дворца. Люди, не знавшіе ничего прежде, съ безпокойствіемъ спрашивали, гдѣ возстаніе, гдѣ врагъ? Собріе схватилъ свое ружье и выбѣжалъ на улицу, увѣренный, что роялисты сдѣлали какое-нибудь возстаніе. Эти штыки, эти пули были приготовлены тому самому народу, передъ которымъ преклонялось мѣсяцъ тому назадъ временное правительство. Въ этотъ день неосторожный Ледрю-Ролленъ принялъ на себя большую отвѣтствен-

ность,—онъ приказалъ бить сборъ; Марастъ предложилъ мерамъ парижскихъ округовъ крикъ à bas les communistes,—отъ того было недалеко до mort aux communistes, которое повторялось въ рядахъ хранителей порядка. Подъ словомъ коммунистовъ разумѣли теперь всѣхъ республиканцевъ, не вѣрющихъ, что республика значитъ отсутствіе Людовика Филиппа и больше ничего. Если-бъ не добрый и благородный старикъ Курте, который начальствовалъ національной гвардіей, дѣло не обошлось бы безъ кровопролитія. Хорошо-ли это? Трудно сказать. Побѣда была возможна для народа, войскъ не было, не было бы и столько жертвъ, какъ въ іюнѣ, а іюньскія жертвы все же не послѣднія.

Оскорбленные работники требовали у правительства объясненія, правительство путалось, благодарило національную гвардію за ея готовность, благодарило работниковъ за то зло, которое они не сдѣлали и котораго никто не хотѣлъ. Марастъ увѣрялъ, что вся цѣль правительства «окончить эксплуатацію человѣка человѣкомъ». Народъ расходился мрачно, недовѣріе и злоба распространялись, двѣ республики помирились: «oh que l'avenir est menaçant, писалъ Пьеръ Леру къ Кабэ, puisqu'il y a dès aujourd'hui deux Républiques en presence!»

Черезъ два дня или три, послѣ 17 апрѣля, на какомъ-то смотру національной гвардіи, генералъ Шангарнье, открытый роялистъ, извѣстный интриганъ, человѣкъ предпріимчивый, бездушный, честолюбивый и чрезвычайно завистливый, объявилъ, что нѣсколько линейныхъ полковъ готовы вступить въ Парижъ, для облегченія національной гвардіи: это былъ, такъ сказать, запросъ мѣщанамъ, хотятъ-ли они, чтобъ войско взошло въ Парижъ. «Vive la ligne!» прокричали первые легіоны (т. е. изъ богатыхъ и аристократическихъ частей города),—и черезъ нѣсколько часовъ солдаты взошли съ барабаннымъ боемъ въ Парижъ, первые солдаты послѣ 24 февраля. Съ ихъ вступленіемъ республика находилась подъ дамокловымъ мечемъ, Кавеньякъ отрѣзалъ шнурокъ, и мечъ, занесенный временнымъ правительствомъ, сдѣлалъ свое дѣло. Эмиль Жирарденъ очень справедливо повторялъ въ «Прессѣ», что 24 февраля армія побѣждена не какъ армія, а отвергнута какъ институтъ (elle a été condamné comme institution), и тупая Reforme возставала противъ него. Однако вводъ войскъ сильно взволновалъ гражданъ: клубъ Бланки явился требовать у правительства отчета: Ламартинъ съ своимъ краснорѣчивымъ лукавствомъ отвѣчалъ, что войска взошло четыре тысячи, для того чтобъ примирить гражданъ-солдатъ съ ихъ братьями, «мы не думаемъ, говорилъ онъ, не думали и никогда не будемъ думать о томъ, чтобъ противудѣйствовать войсками народу, республика внутри не требуетъ другихъ защитниковъ, кромѣ вооруженнаго народа. И что

можетъ сдѣлать эта горсть воиновъ, когда 80.000 человѣкъ подъ начальствомъ Бюжо ничего не сдѣлали». Это было великое преступленіе временнаго правительства, и Ледрю-Ролленъ согласился на эту мѣру и той же рукой, которой подписывалъ свои бюллетени и циркуляры, подписалъ смерть революціи. Власть развращаетъ или пьянитъ.

Послѣ этихъ событій, правительство удалялось далѣе и далѣе отъ народа, народъ чувствовалъ, что онъ обмануть и жался около клубовъ, въ клубахъ было бездна рѣчей, шумныхъ засѣданій, предложеній, — и никакого плана, какъ остановить реакцію: все предоставлялось случаю, народъ былъ готовъ. Французамъ удавались много разъ такія неожиданныя вспышки, они думали, что и теперь удастся. А между тѣмъ выборы гнулись явно на сторону реакціи и монархіи, комиссаровъ временнаго правительства выгоняли, сажали въ тюрьму, лишали возможности дѣйствовать, духовенство помогало буржуазіи и легитимистамъ. Работники, потерявъ всякую надежду видѣть свои интересы представленными, взбунтовались въ Лиможѣ, Руанѣ и Эльбефѣ. Въ Лиможѣ народъ одержалъ верхъ,—и дѣло обошлось безъ убійствъ; въ Руанѣ побѣдила буржуазія,—и кровь обагрила улицы древняго города. Теперь черезъ четыре мѣсяца реакція приготовляется судить возмутителей общественной тишины. Положимъ, что съ полицейски-юридической точки зрѣнія народъ былъ неправъ, возражая насиліемъ противъ выборовъ, но есть другая высшая справедливость, и она за него; народъ чувствовалъ, что онъ обманутъ; не находя другого средства, запутанный формализмомъ, онъ возставалъ, врывался въ собранія, бросалъ въ огонь урны. Народъ не судебное мѣсто, не частное лицо, онъ не можетъ, кромѣ Англіи, идти легальными путями. Въ Англіи законность равно куетъ въ цѣпи народъ и правительство; правительство въ Англіи никогда не выступитъ изъ закономъ опредѣленныхъ формъ. А былъ-ли примѣръ, чтобъ во Франціи какое-нибудь правительство остановилось на легальности въ политическомъ вопросѣ? Всѣ правительства имѣли здѣсь свои сентябрьскія дни, свои lettres de cachet, свои фруктидоризаціи, и разстрѣлянный герцогъ Энгіенскій стоитъ Эбертовой complicité morale и нынѣшнихъ депортацій. Французскія правительства съ 9 термидора 1794 г. не вѣрятъ ни въ свою законность, ни въ свою прочность, имъ все мерещится гильотина, и они защищаются, чѣмъ попало. Что касается до хваленой судебной власти во Франціи, до ея независимости, это одинъ изъ самыхъ вопіющихъ предразсудковъ. Судебная власть во Франціи служитъ каждому правительству поочередно для отсылки его враговъ въ каторжную работу или на плаху.

Нелѣпыя преслѣдованія за политическія движенія, особенно

во время выборовъ, послѣ революціи, доказываютъ одно,—что республика ложь, пустое слово. Къ *безпорядкамъ и нарушеніямъ тишины* надобно въ республикахъ привыкать, дѣлать нечего: оно же въ сущности и небезпорядокъ и не такъ страшно, какъ кажется. Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ выборы почти никогда не обходятся безъ шума: правительство обыкновенно исчезаетъ въ это время, и въ этомъ его высокая честность; здѣсь нѣту ни столько такта, ни столько пониманія. Монархическое устройство у французовъ не выбьешь изъ головы: у нихъ страсть къ полиціи и къ власти: каждый французъ въ душѣ полицейскій коммисаръ, онъ любитъ фронтъ и дисциплину: все независимое, индивидуальное его бѣситъ, онъ равенство понимаетъ только нивилировкой и покоряется произволу полиціи, лишь бы только и другіе покорялись. Дайте французу галунъ на шляпу, и онъ сдѣлается притѣснитель, и онъ начинаетъ тѣснить простого человѣка, т. е. человѣка безъ галуна: онъ потребуетъ *уваженія* передъ властію. Французы любятъ терроръ, оттого они такъ легко переносятъ осадное положеніе. Все это не мѣшаетъ вспомнить, говоря объ ужасахъ 93 года, для того чтобъ національную вину не ставить на счетъ лицъ.

«Монитеръ» толковалъ черезъ два мѣсяца послѣ 24 февраля объ cris séditieux, объ сборищахъ *безоружныхъ* людей; правительство никогда и не подумало, отчего-же и не кричать человѣку, что хочется, и что какъ-же можетъ народъ принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, если онъ не будетъ собираться; клубы, общественныя залы, площади — все это кабинеты народа. Да хоть бы они протвердили краткую аѳинскую и римскую исторію.

Между тѣмъ въ Парижъ наѣзжали со всѣхъ сторонъ представители. Народъ и республиканцы, съ негодованіемъ и краснѣя до ушей, смотрѣли на эти ограниченныя лица, на эти скупые глаза проприетеровъ, на эти черты, искаженныя любовью къ барышу и къ порядку, на жирные носы и узкіе лбы провинціаловъ-стяжателей, шедшихъ теперь передъ лицомъ міра устроивать судьбы Франціи, создавать республику, имѣя критеріумомъ аршинъ лавочника и разновѣсъ эписье. И вы отдали будущность вашей прекрасной Франціи имъ, вы ихъ допустили, вы позволили имъ, несите-же горькій плодъ!

Странная судьба Франціи быть великой въ болѣзни и пошлой въ здоровьи, быть великой одинъ день и ничтожной на другой день. Конечно, важно и то, что она обладаетъ этой силой стряхивать время отъ времени съ себя грязь, что она не можетъ долго оставаться въ покоѣ, что ей необходимо новое, перемѣна, движеніе; но тѣмъ не меньше ея невыдержка поразительна. Францу-

скій народъ внезапно возстаетъ: неотразимый и грозный, вступаетъ въ отчаянный бой съ общественнымъ зломъ: противостоять ему въ эти минуты невозможно: онъ беретъ Бастилью, онъ беретъ Тюльери, онъ отражаетъ цѣлую армію,—ихъ надобно пережидать. По мѣрѣ того, какъ онъ одолѣваетъ врага, силы его слабѣютъ, умъ тускнѣетъ, энергія исчезаетъ, онъ дѣлается равнодушнымъ къ тому, за что проливалъ кровь. Пока республика и Франція въ девяностыхъ годахъ висѣла на волоскѣ, пока Европа, Вандея, духовенство, дворянство, федералисты, претенденты, эмигранты, англійскія гинеи шли войной со всѣхъ сторонъ, снизу, сверху, извнѣ, изнутри,—Парижъ и конвентъ отстояли Францію и республику. Побитый непріятель не успѣлъ добѣжать до своихъ домовъ, а уже республика слабѣла не по днямъ, а по часамъ. Десять лѣтъ дравшись за свободу, Франція обидѣлась, что у нея нѣтъ сильнаго правительства, что ея никто не тѣснитъ. Уродливая бездушная конституція сухого Сіэса съ казарменными варіаціями генерала Бонапарта была принята съ восторгомъ; никто не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, что конституція VIII года организованный деспотизмъ, что правительственная гласность въ ней убита, что избирательная система превращена въ шалость, что о свободѣ книгопечатанія въ ней даже не упомянуто. Нѣтъ въ мірѣ народа, который сдѣлалъ бы столько подвиговъ, который бы пролилъ столько крови за свободу, какъ французы, и нѣтъ народа, который бы менѣе понималъ ее, менѣе искалъ бы осуществить ее на самомъ дѣлѣ, на площади, въ судѣ, въ своемъ домѣ: они довольствуются словами, они издаютъ прокламаціи тамъ, гдѣ надобно измѣнять бытъ. Французы самый абстрактнѣйшій и самый религіозный народъ въ мірѣ: фанатизмъ къ идеѣ идетъ у нихъ объ руку съ неуваженіемъ къ лицу, съ пренебреженіемъ ближняго: у французовъ все превращается въ идолъ,—и горе той личности, которая не поклонится сегодняшнему кумиру. Французъ дерется геройски за свободу и, не задумываясь, тащитъ васъ въ тюрьму, если вы не согласны съ нимъ въ мнѣніи. Людовикъ XIV говорилъ «l'état c'est moi»: республика на дѣлѣ показала, что она правительство считаетъ за государство и тираническое salus populi и инквизиторское, кровавое pereat mundus et fiat justitia равно написано въ сознаніи роялистовъ и демократовъ. Это происходитъ, между прочимъ, оттого, что французы всякую истину возводятъ въ догматъ: ихъ считали нерелигіозными, нехристіанами, оттого что они вѣтрены и привыкли къ вольтеровскому кощунству: но развѣ рядомъ съ Вольтеромъ не стоитъ Руссо, котораго каждое слово религіозно, который перевелъ Евангеліе съ церковно-латинскаго языка на ново-французскій. Французы нисколько не освободились отъ религіи, читайте Ж. Зандъ и Пьера Леру, Луи

Блана и Мишле, вы вездѣ встрѣтите христіанство и романтизмъ, переложенные на наши нравы: вездѣ дуализмъ, абстракція, отвлеченный долгъ, обязательныя добродѣтели, офиціальная, риторическая нравственность безъ соотношенія къ практической жизни. Посмотрите, съ какимъ ужасомъ слушаютъ здѣсь Прудона, оттого что онъ смѣло и открыто говоритъ вещи, сказанныя за нѣсколько лѣтъ тому назадъ Фейербахомъ.

Свобода мысли, слова у французовъ скорѣе благородный капризъ, а не истинная потребность, и я также мало отвѣчаю за свободу книгопечатанія, если овладѣютъ властью демократы, какъ теперь. Ихъ спасаетъ отъ продолжительнаго рабства ихъ подвижная натура. Утративъ девять десятыхъ пріобрѣтеннаго кровью, они лѣтъ черезъ пятнадцать снова строятъ баррикады, усѣиваютъ трупами улицы, удивляютъ міръ геройствомъ для того, чтобъ опять потерять завоеванное. Этотъ отроческій, легкомысленный характеръ, эта политическая gaminerie французовъ, полная отваги и благородства долго нравилась Европѣ и увлекала ее, нравилась особенно, пока она сама не смѣла открыть рта, а изъ-подъ тишка перемигивалась съ Парижемъ. Теперь народы повыросли, въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ были баррикады; народы, поднявшіе голову послѣ революціи 1830 года, уже громко негодовали на французскую реакцію; они отпрянули съ досадой отъ Франціи послѣ 24 февраля, которое такъ много обѣщало и такъ ничего не сдѣлало. Еще подобный взрывъ и такое паденіе, и вы увидите, европейскіе народы отвернутся отъ Франціи и позволятъ ей безплодно рѣзаться сколько угодно, не удостоивая ее ни симпатіей, ни участіемъ. Это старая басня волка и мальчика, дѣлавшаго напрасную тревогу; возмужалое человѣчество не позволитъ себя безпрерывно надувать и станетъ равнодушно смотрѣть на страну, которая, какъ русскіе крестьяне до Годунова, имѣетъ одинъ день свободы въ году и триста шестдесятъ четыре дня рабства!

Письмо одиннадцатое.

Парижъ, 1 іюня, 1849 г.

Наше время, мои друзья, при всей своей тягости, полно глубокаго поученія. Послѣдній годъ довоспиталъ насъ. Мы лучше знаемъ нашъ станъ, наши силы, мы стали гораздо бѣднѣе, но зато ближе къ пониманію. Оставаться съ нами становится труднѣе, - все слабое, неопредѣленное, хрупкое торопится отстать. Даже многіе изъ откровенныхъ и преданныхъ людей, людей, которые всю жизнь работали для революціи, жаждали ея, разглядѣвши теперь, куда она идетъ, пріостановились; иные не поки-

даютъ насъ только отъ стыда, отъ привычки; другіе составляютъ особые легіоны — въ ожиданіи, пока какой нибудь Кавеньякъ ихъ поведетъ по своему...

Года за два было дешево либеральничать, стоило толковать о прогрессѣ, о самодержавіи народа, о демократическихъ симпатіяхъ, сидѣть въ лѣвомъ центрѣ, пугнуть иногда мѣщанъ воспоминаніемъ о конвентѣ, травить министровъ par force невозможными вопросами, — и все это оставаясь не только защитникомъ правъ, но и порядка, т. е. существующаго.

Все перемѣнилось, и серьезно теперь нельзя быть революціонеромъ не только по двумъ-тремъ фразамъ, рѣчамъ, но и по благороднымъ воспоминаніямъ о прошлыхъ бояхъ, строивши и защищая баррикады. Ни личная храбрость, ни доблестный нравъ не могутъ сдѣлать человѣка революціонеромъ, если онъ не революціонеръ *въ смыслѣ современной эпохи.*

Революціонеры XVIII вѣка были велики и сильны именно потому, что они такъ хорошо поняли, въ чемъ имъ слѣдовало быть революціонерами, и, однажды понявши, безбоязненно и безпощадно шли своей дорогой. Быть теперь революціонерами, въ смыслѣ конвента, было бы почти то-же, что явиться въ конвентъ гугенотомъ. Въ XVIII столѣтіи достаточно было быть республиканцемъ, чтобъ быть революціонеромъ; теперь можно очень легко быть республиканцемъ и отчаяннымъ консерваторомъ. Соціалисту въ наше время нельзя не быть революціонеромъ.

По счастью, въ послѣднее время революція и консерватизмъ такъ раздвинулись, что какимъ колоссомъ Родоскимъ ни будь, но все невозможно стоять разомъ на обоихъ берегахъ, — въ этомъ любимомъ положеніи людей *сильныхъ*, какъ Ламартинъ. Время политическаго эклектизма прошло, надобно стоять на томъ берегу или на этомъ.

Кто желаетъ сохранить что бы то ни было изъ основаній христіанскихъ, феодальныхъ, римскихъ, у того въ душѣ дремлетъ консерватизмъ и реакція: обстоятельства непремѣнно его обойдутъ. Дѣло очень просто: революціонная идея нашего времени *несовмѣстна* съ европейскимъ государственнымъ устройствомъ: они другъ къ другу идутъ такъ, какъ англійскіе законы къ Японіи или брандебургское право къ древней Греціи. Чисто политическіе агитаторы въ сущности все-таки ближе къ Гизо, нежели къ намъ.

Все въ Европѣ стремится съ необычайной быстротой къ коренному перевороту или къ коренной гибели: нѣтъ точки, на которую бы можно опереться: все горитъ какъ на огнѣ — преданія и теоріи, религія и наука, новое и старое. Въ одинъ годъ Франція износила блестящую мечту политической республики, а Германія всѣ остальныя мечтанія.

Но гдѣ предѣлы? Кто ихъ провелъ, начертилъ? Гдѣ оканчивается политическая республика, гдѣ начинается соціальная?

Политическая республика не оканчивается въ соціальной, а переходитъ въ нее; соціальная республика есть исполненіе, осуществленіе политической: онѣ противуположны только въ антитетическомъ смыслѣ, и это не значитъ смутность понятій,—таково все движущееся, живое, развивающееся. Гдѣ предѣлы между растеніями и животными, между химизмомъ и организмомъ? Разница между розой и медвѣдемъ страшная, бросается въ глаза, а углубитесь въ міръ зоофитовъ и криптогаміи, и вы увидите, что животное царство смѣшивается съ растительнымъ, что одно переходитъ въ другое едва замѣтными тропинками... Соціализмъ предполагаетъ республику, какъ необходимо уже пройденной путь. Республика имѣетъ идеалъ, стремленіе; она не есть дѣйствительность, пока она ограничивается *представительствомъ* народнаго самодержавія. Она можетъ при хорошихъ условіяхъ быть свободнѣе конституціонной монархіи, но она не можетъ быть совершенно свободна до тѣхъ поръ, пока она принимаетъ неизмѣнными основы существующаго историческаго, общественнаго устройства. А въ ту минуту, въ которую она ихъ переступитъ, она становится соціальной,—названіе условное и присвоенное именно для означенія этого перехода.

Обыкновенно думаютъ, что соціализмъ имѣетъ исключительною цѣлью разрѣшеніе вопроса о капиталѣ, рентѣ и заработной платѣ. Это не совсѣмъ такъ. Экономическіе вопросы чрезвычайно важны, но они составляютъ одну сторону цѣлаго воззрѣнія, стремящагося, наравнѣ съ уничтоженіемъ злоупотребленій собственности, уничтожить на тѣхъ-же основаніяхъ и все монархическое, религіозное—въ судѣ, въ правительствѣ, во всемъ общественномъ устройствѣ, и всего болѣе, въ семьѣ, въ частной жизни, около очага, въ поведеніи, въ нравственности.

Республика, остающаяся при монархическомъ устройствѣ и съ монархическими нравами, всегда можетъ сдѣлаться монархіей или, еще хуже, попасть подъ деспотическую власть плута или солдата, подъ самовластіе предательскаго, но самодержавнаго собранія, подъ гнетъ проданнаго министерства и его агентовъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ въ засѣданіи Прудоновскаго банка были произнесены замѣчательныя слова, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что ихъ произнесъ не негодующій юноша, не оскорбленный реакціей французъ, а спокойный гражданинъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ. «Я гражданинъ республики, сказалъ Брейсбенъ, существующей болѣе семидесяти лѣтъ при самыхъ блестящихъ условіяхъ; но я скажу вамъ откровенно, потому что вамъ это нужно знать, республика вамъ не поможетъ (онъ говорилъ работникамъ). Все

что политическая республика можетъ дать, она дала въ Америкѣ, но она безсильна осуществить то общественное состоянiе, къ которому стремится современный человѣкъ».

Само-по-себѣ слово «республика» чрезвычайно неопредѣленно и тягуче; говоря «республика», мы еще ничего не сказали, кромѣ отрицанiя наслѣдственной власти и признанiя *какого-нибудь* участiя народа въ общественныхъ дѣлахъ.

Именно такая республика теперь во Францiи, она освободила государство отъ орлеанской династiи; но не освободила лицо отъ государства, она, напротивъ, оставила лицо слабымъ и безпомощнымъ передъ призракомъ репрезентацiи, облеченной въ царскую порфиру. Она можетъ сдѣлаться сноснѣе, оставаясь при томъ же монархическомъ принципѣ; но дойти до «истиннаго равенства, до свободы», какъ говоритъ Брейсбенъ, не можетъ. Все, что могла дать конституцiонная республика въ разумнѣйшемъ развитiи своемъ, все осуществилось по ту сторону океана. Сѣверо-Американскiе штаты, что ни толкуютъ болѣзненно романтическiя души, которымъ все простое и здоровое противно, государство возмужалое, трезвое, умное. Политическая республика, къ которой стремился либерализмъ XVIII столѣтiя, тамъ водворена, права, о которыхъ столько говорили французы, тамъ прiобрѣтены. Вы можете быть оскорблены въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ общественнымъ мнѣнiемъ, ихъ образомъ жизни, но не властью; тамъ никогда не считали правительственное святымъ; тамъ почти нѣтъ бюрократiи этого бича, обмокнутаго въ чернила, которымъ на дняхъ хвастался король прусскiй; тамъ нѣтъ шпiонства, нѣтъ марсоманiи и бѣшенства къ мундирамъ; тамъ не понимаютъ, что такое стѣсненiя книгопечатанiя, —и при всемъ томъ гражданинъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ говоритъ работникамъ: «Республика, существующая на тѣхъ основанiяхъ, на которыхъ она существуетъ, не имѣетъ средствъ помочь вамъ; тутъ предѣлъ, далѣе котораго она не идетъ».

Въ XVIII столѣтiи республика была пламеннымъ вѣрованiемъ, религiей, ея имя тогда была цѣлая революцiя. Въ 92 году республика являлась на горизонтѣ свѣтлою и торжественной вѣстью освобожденiя, какъ нѣкогда царство небесное.

Бабёфъ, прежде нежели сложилъ голову на плаху, сказалъ Францiи, что ея революцiя только начало, l'avant-courreur, другого переворота и что этотъ грядущiй переворотъ дотронется не до формъ, а до сущности, до нервной пульпы гражданскихъ обществъ. Его не поняли, да и тогда не время было понимать его; развитыя силы первымъ освобожденiемъ были еще такъ велики, что разгулъ ихъ чуть не разбилъ всю старую Европу и что двадцать лѣтъ безпрерывныхъ войнъ едва могли привести Францiю въ русло. Съ Напо-

леоновской эпохи прошли вѣка,—безуміе Бабёфа, безуміе Сен-Симона и Фурье выросли, съ своей стороны, въ религію.

Революція двадцать четвертаго февраля была дѣйствительно соціальная: отсталые люди, люди тупые и злонамѣренные свели ее на политическую: она вышла блѣдною, потому что была ниже обстоятельствъ, потому что была копіей, а не оригиналомъ. Вотъ отчего сказанія о времени первой революціи при двадцатомъ повтореніи все также захватываютъ душу, отчего въ понятіи каждаго изъ насъ на вѣки врѣзались пластическія лица, событія, слова, взятіе Бастиліи, отвѣтъ Мирабо, 10 августа, Дантонъ, Робеспьеръ и всѣ эти гиганты войны и гиганты цивизма. Вспомните рядомъ съ ними эти стертыя, блѣдныя половинчатыя, осторожныя личности Ламартина и К°.—вамъ сдѣлается смѣшно. Не думайте, чтобъ одно отдаленіе придало тѣмъ ихъ величіе; черезъ сто лѣтъ члены временнаго правительства будутъ болѣе забыты, нежели второстепенные дѣятели девяностыхъ годовъ: въ то время какъ личность Сантера, Эксельмана будетъ жива для дальнѣйшаго потомства, имена прошлогоднихъ львовъ революціи едва останутся въ памяти какого-нибудь компилятора. Событія бываютъ велики, когда они совпадаютъ съ высшей потребностью своего вѣка: тогда люди приносятъ на совершеніе всю силу свою, ихъ дѣяніе до того исчерпываетъ на ту минуту всю сознанную возможность дѣйствованія, что за предѣлами его ничего не видать, что душа удовлетворена. Якобинцы вѣровали, что они спасаютъ міръ, что ихъ спасеніе есть единое возможное. Разумѣется, съ абсолютной точки зрѣнія они не были правы, они увлекались, ошибались въ размѣрѣ дѣлаемаго, но это увлеченіе и эти ошибки находятся во всемъ геніальномъ и великомъ. Для того, чтобъ быть дѣятелемъ въ исторіи скорѣе надобно нѣсколько мономаніи, сумасшествія, нежели холоднаго безпристрастія; люди, захватившіе власть послѣ 24 февраля, конечно, не были сумасшедшіе: они заслуживаютъ премію за умѣренность и благоразуміе, но за это не дается лавровыхъ вѣнковъ.

Провозглашеніе республики было необходимо. Соціализмъ предполагалъ, ставилъ, требовалъ республику, какъ необходимую гражданскую ступень и шелъ далѣе въ критикѣ, въ отрицаніи существующаго и въ довѣріи къ будущему, къ человѣку, къ жизни: его протестъ было пророчество.

Зачѣмъ, говорятъ люди очень добросовѣстные, зачѣмъ соціализмъ усложнилъ вопросъ? Надобно было дать время упрочиться республикѣ, а потомъ начать пропаганду соціализма. Онъ многихъ испугалъ, отстращалъ отъ республики. Съ другой стороны, работники не хотятъ драться просто за республику. Можно быть очень добросовѣстнымъ человѣкомъ и плохимъ историкомъ, еще худшимъ

психологомъ. У человѣчества другая экономія, нежели у кухарокъ: оно почннаетъ всѣ круги сыра разомъ, а не ждетъ, чтобъ первый былъ съѣденъ, оно поритъ со всѣхъ концовъ. Когда является въ сознаніи новая, великая мысль и поражаетъ сильнѣйшія разумѣнія своего времени, ее остановить или задержать невозможно: массы какъ будто предчувствуютъ ее: каждое слово, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, безпокоитъ, волнуетъ. И кто же въ самомъ дѣлѣ можетъ сказать людямъ, какъ Гамлетъ говорилъ себѣ: «Сердце, погоди, не бейся, я выжду, что скажетъ Гораціо». Развѣ мысль не такой же фактъ, какъ всѣ другіе факты? Развѣ она не имѣетъ своего необходимаго рожденія и развитія, непреложнаго, неотвратимаго? Соціализмъ долженъ былъ поднять свое знамя при первомъ кликѣ республики и заявить свое существованіе: обманутый два раза временнымъ правительствомъ, обманутый собраніемъ, онъ потребовалъ сначала словомъ, потомъ баррикадами исполненіе обѣщаннаго. Ему отвѣчали четырехдневной канонадой: онъ былъ побѣжденъ, и посмотрите, республика не можетъ держаться, сохраненіе *такой* республики не имѣетъ больше интереса для народа. Да и республика эта сама-по-себѣ не имѣетъ мысли, или укажите ее въ конституціи 48 г., въ засѣданіяхъ собранія, въ журналахъ несоціальныхъ?... Я ничего въ мірѣ не знаю жалче положенія Reforme

И сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности ея.....

и ей нечего сказать..... Тамъ, гдѣ-то борьба, великія сомнѣнія, работа будущаго, а тутъ въ камерѣ, правительствѣ, въ журналахъ жуютъ себѣ жвачку, пережевывая ее въ сотый разъ. Прудонъ, Пьеръ Леру, Консидеранъ не идутъ въ примѣръ, потому что ихъ не слушаютъ, они иностранцы въ собраніи, ихъ слова вызываютъ только вопль негодованія.

«Да республика организовала бы свободу».... Что такое свобода, господа Горы?—Не та ли эта свобода, которая, по предложенію Паскаля Дюпра, отдала Парижъ въ осадное положеніе? Нѣтъ, время либеральной партіи и политическихъ республиканцевъ прошло, имъ нечего сказать, имъ нечего дѣлать, ихъ республика оттого и не стоитъ, что не можетъ стоять, она обойдена, народу до нея нѣтъ дѣла.

Работникъ, отчаянно дравшійся 24 февраля, ждалъ не того. Это было своего рода journée des dupes. Какъ только хмель торжества прошелъ, всѣ проснулись удивленные, испуганные: люди, не хотѣвшіе ронять тронъ, вспомнили, что они его уронили; люди, хотѣвшіе политической республики, вспомнили, что они лепетали всенародно о соціализмѣ: красные республиканцы бѣсились, что выпустили изъ рукъ власть, что допустили правительство слабое

и ретроградное; работники оплакивали свое знамя, оскорбленное Ламартиномъ для удовольствія мѣщанъ. Словомъ, никто не видалъ исполненія своей мысли, никто не былъ доволенъ; одни съ досадой вспоминали, что надѣлали, другіе съ ужасомъ, на чемъ остановились. Смѣшеніе понятій росло и дошло, наконецъ, до того, что въ іюньскіе дни враги нападали другъ на друга съ ожесточенной злобой и при крикѣ Vive la République! съ обѣихъ сторонъ, это было страшнымъ доказательствомъ, что слово республика не могло удовлетворять новой борьбѣ, что борьба и вопросъ перешли за предѣлы этого слова.

Это слѣдовало понять прежде кровавыхъ событій временному правительству, но, лишенное инициативы и энергіи, оно было похоже не на диктатора, а на цѣломудреннаго человѣка, который нашелъ корону и держитъ ее въ рукахъ, спрашивая каждаго встрѣчнаго, не онъ ли обронилъ ее и не имѣетъ ли онъ надлежащіе документы, чтобъ взять ее назадъ. Это было честно, но очень глупо. Два мѣсяца реакція не вѣрила своимъ глазамъ, люди биржи и интригъ были побѣждены наивностью Ламартина, они не могли понять, какъ можно, имѣя такую власть, никуда не употребить ее. Когда же они убѣдились, что власть эта только и употребляется на удержаніе источника, который ее питалъ, тогда, заглушая внутренній хохотъ, они прокричали 4 марта свое Vive la République! Люди положительные, они поняли, что съ такой республикой первенство буржуазіи не погибло.

Письмо двѣнадцатое.

Sei Repplublica tu, Gallica greggia?...
Alfieri. (Misogallo).

Ницца, 10 іюля, 1850 г.

Наконецъ, я опять въ Ниццѣ,—въ Ниццѣ теплой, благоуханной, тихой и теперь совершенно пустой. Два года съ половиной тому назадъ я едва обратилъ вниманіе на нее. Тогда я еще искалъ людей, большіе центры движенія, дѣятельности, многое было мнѣ ново, многое занимало. Полный негодованія, я еще примирялся; полный сомнѣній, я находилъ еще надежды въ моей груди и торопился оставить маленькой городокъ, едва бросивъ разсѣянный взглядъ на его красивыя окрестности. Торжественный гулъ итальянскаго *пробужденія* пробѣгалъ тогда по всему полуострову,—я рвался въ Римъ.

Это было въ концѣ 1847 г... А теперь я прихожу въ Ниццу съ потупленной головой «голубя-путешественника», прося одного покоя въ ея безмятежной пустотѣ, удаляясь отъ трескучей дѣятель-

ности большихъ городовъ, также ни къ чему не ведущей на Западѣ, какъ безпечная праздность на Востокѣ.

Долго думая, куда укрыться, гдѣ найти отдыхъ, я избралъ Ниццу не только за ея кроткій воздухъ, за ея море, а за то, что она не имѣетъ никакого значенія, ни политическаго, ни ученаго, ни даже художественнаго. Мнѣ менѣе не хотѣлось ѣхать въ Ниццу, нежели всюду, и я доволенъ ею. Это — мирная обитель, въ которую я отхожу отъ міра сего, пока мы не нужны другъ другу. Счастливый ему путь. Онъ довольно меня мучилъ, я не сержусь на него, онъ не виноватъ, но не имѣю больше ни силъ, ни охоты дѣлить его свирѣпыя игры, его пошлый отдыхъ.

Это вовсе не значитъ, что я совсѣмъ посхимился, далъ обѣтъ, заклятіе,—я вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, я не считаю себя въ правѣ кабалить мое будущее... Нѣтъ, я поступилъ гораздо проще, я отошелъ въ сторону отъ непогоды и долгаго ненастья, не видя средствъ остановить его.

И было отъ чего уйти въ лѣсъ, безъ распоряженій Бароша и Карлье. Когда я подумаю, что́ за жизнь влачилъ я въ Парижѣ въ послѣднее время, мной овладѣваетъ тоскливое безпокойство и страхъ. Я вспоминаю объ ней, какъ объ недавней хирургической операціи, и мнѣ кажется, что снова чувствую приближеніе кривыхъ ножницъ и зонда къ наболѣвшему мѣсту. Съ утра до ночи всѣ стороны души были оскорбляемы, грубо, нагло, дерзко. Одинъ взглядъ на журналы и пренія въ собраніи отравляли цѣлый день.

Нѣтъ, это не роялизмъ и не консерватизмъ довелъ этихъ людей до такого растлѣнія всякаго нравственнаго чувства, всякаго человѣческаго достоинства. Совсѣмъ напротивъ, эти люди довели роялизмъ и консерватизмъ до такого безстыднаго цинизма. Роялизмъ своего рода общественная религія, онъ не исключаетъ ни доблести, ни благородства: консерватизмъ — политическая теорія, старческій образъ мыслей, но далеко не лишенный чувства стыда, чести. Ни Стафордъ, ни Малербъ, ни англійскіе тори нисколько не были похожи на нынѣшнихъ орлеанистовъ и елисейцевъ. Депутаты, литераторы, журналисты «великой партіи порядка» такъ перемѣшались съ грязными орудіями власти, которыхъ нельзя уже оскорбить не только словомъ, но и рукой, что не знаешь ни разу, имѣешь-ли дѣло съ человѣкомъ или съ шпіономъ.

Большинство камеры и консервативные журналы—вѣрные органы не роялизма, а того поколѣнія французовъ, которое, родившись подъ казарменнымъ гнетомъ имперіи, вполнѣ расцвѣло подъ зонтикомъ короля-гражданина. Оно не вѣритъ въ христіанство, оно не вѣритъ въ королевскую власть: но оно знаетъ опасность свободы, но оно хочетъ наслаждаться хоть одно десятилѣтіе еще. И вотъ отчего журналисты порядка представляютъ доносчиковъ

ангелами, хранящими порядокъ и спасающими общество. И вотъ отчего одинъ изъ опричниковъ порядка наивно защищался въ своей брошюрѣ тѣмъ, что онъ ходилъ на революціонеровъ, какъ на охоту, и бралъ хитростью, гдѣ нельзя было взять силой; а рецензентъ, воспѣвшій его, уговариваетъ схватить вилы и серпы и избивать соціалистовъ по домамъ и полямъ.

Защитники порядка съ какой-то болѣзненной горячностью напрашиваются на самый грубый деспотизмъ, лишь бы власть обезпечила неприкосновенность стяжанія. Они изъ-за этого протянули руку всѣмъ правительствамъ, ненавидящимъ Францію, они изъ-за этого отдали дѣтей своихъ на воспитаніе іезуитамъ, которыхъ сами терпѣть не могутъ, они изъ-за этого дошли до того героизма подлости, что хвастаются публично доносами, такъ, какъ ихъ публичныя сестры хвастаются своимъ развратомъ.

Образованность не обязываетъ французскихъ консерваторовъ ни къ чему; съ этой стороны они совершенно свободны; при своихъ риторическихъ, учтиво стереотипныхъ и чувствительно моральныхъ фразахъ они свирѣпы, бозжалостны и безраскаянны. Французы вообще любятъ тѣснить. Вы знаете, какъ они въ прошломъ вѣкѣ «освобождали» Италію и какую ненависть возбудили въ Испаніи. Но это ничего передъ тѣмъ, каковы они дома въ междоусобіи; тутъ они дѣлаются кровожадными звѣрями, мясниками варѳоломеевской ночи, сентябрьскихъ дней, іюньскими застрѣльщиками.

Я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ любопытствомъ, съ тѣмъ любопытствомъ, съ которымъ мы смотримъ, какъ кормятъ гіену или какъ boa constrictor глотаетъ живыхъ кроликовъ, слѣдилъ за преніями о депортаціи.

Не думайте, что я хочу говорить о нелѣпости осуждать людей на вѣчную тюрьму за поступки, сдѣланные черезъ нѣсколько дней послѣ переворота, когда умы еще волнуются, а учрежденія не установились, — нѣтъ. Я знаю, какъ враги судятъ и осуждаютъ своихъ враговъ, чего тутъ ожидать лучшаго? Но колоссально то, что собраніе, состоящее изъ семи сотъ человѣкъ, возращается черезъ два года въ казематы, въ которыхъ гибнутъ ихъ противники, для того, чтобъ удесятерить наказаніе.

Прежде всего надобно знать, что такое французкія тюрьмы. Одно позволеніе видаться съ другими арестантами и вмѣстѣ гулять дѣлаетъ ихъ сноснѣе Шпильберга, Шпандау или Бобруйска. Въ центральной тюрьмѣ Клерво люди мерли съ голоду, въ Мон-Сенъ-Мишелѣ, въ Дулансѣ, въ Бель-Илѣ бросаютъ за вздорныя провинности заключенныхъ съ связанными руками въ конуру безъ оконъ: знаменитый Бланки былъ однажды *избитъ* въ тюрьмѣ. Шильонская темница, построенная савойскими герцогами въ среднихъ

вѣкахъ, покажется танцовальной залой передъ château d'If возлѣ Марселя, гдѣ содержались іюньскіе инсургенты. Но если французскія тюрьмы стоятъ Шпильберга, то Нука-Ива далеко превосходитъ Сибирь. Въ Сибири климатъ свирѣпый, но не убійственный: ссылаемые на поселеніе (на депортацію), а не на каторжную работу, не принуждены къ поурочному труду, какъ въ французскихъ пенитенціарныхъ колоніяхъ въ Алжирѣ.

Но министрамъ и представителямъ было мало Нука-Ивы, они выдумали на этомъ болотистомъ островѣ, обожженномъ тропическимъ солнцемъ, покрытомъ тучами москитовъ, построить экваторіальную Бастилію. И это не все, они хотѣли подвести всѣхъ прежде осужденныхъ подъ этотъ законъ, вопреки здравому смыслу и начальнымъ понятіямъ уголовнаго права.

Когда остатокъ совѣсти Одилона Барро возсталъ противъ этой неслыханной нелѣпости, когда раскаяніе за іюньскую кровь вызвало Ламорисьера на трибуну, чтобъ предложить укрѣпленное мѣсто вмѣсто тюрьмы, тогда надобно было видѣть этихъ прокезовъ порядка, этихъ канибаловъ религіи, этихъ шакаловъ добродѣтели и семейной жизни! Звѣрные звуки злобы вырывались изъ груди этихъ безчувственныхъ стариковъ, этихъ бездушныхъ адвокатовъ— во время собиранія голосовъ. Потерявши два пункта, они съ бѣшенствомъ схватились за третій и отстояли его. Семьи не имѣютъ права идти въ депортацію: осужденный долженъ просить *какъ милости* объ этомъ: министръ имѣетъ право отказать. «У политическихъ преступниковъ, у враговъ общества—нѣтъ семьи,» сказалъ одинъ изъ ораторовъ.

Какъ языкъ человѣческій нашелъ столько силы, чтобъ всенародно сказать это, какъ безстыдство могло воспитаться до этой поэзіи бездушія въ странѣ, гдѣ послѣдовательно въ полстолѣтіе всѣ партіи перебывали въ тюрьмѣ, это тайна французскаго воспитанія...

И все это дѣлается для защиты общества, религіи, семьи.

Хорошо должно быть общество, защищаемое такими средствами. Общество, защищаемое Тьеромъ; религія, защищаемая Тьеромъ; семейство, защищаемое Тьеромъ!

Thierus salvator mundi, rademptor usuriae et defensor proprietatis, ora pro nobis.

А впрочемъ, Тьеръ—полнѣйшій представитель современнаго большинства, дерзкаго на видъ и смиреннаго на дѣлѣ, которое, остря и помирая со смѣху, ссылаетъ на поселеніе, сажаетъ на цѣпь, которое имѣетъ одного Бога—капиталъ, и не имѣетъ боговъ развѣ его. Кто лучше можетъ представлять французскую партію порядка, какъ не Тьеръ—острякъ, сѣдой gamain, шалунъ, болтунъ, либералъ, облитый ліонской кровью, вольнодумъ, продиктовавшій сен-

тябрьскіе законы? Самая наружность Тьера, малорослаго старичишки, съ кругленькимъ брюшкомъ, на тоненькихъ ножкахъ, съ видомъ плута дворецкаго, Фигаро, типически выражаетъ буржуазную Францію.

Скорѣе отлейте его статую, статую въ очкахъ и въ полуфракѣ и поставьте ее на іюньскую колонну, пусть она переглядывается съ своимъ императоромъ на вандомской колоннѣ. Наполеонъ и Тьеръ- героическая эпоха восходящаго мѣщанства и эпоха ея тучнаго преуспѣянія!

....«Все это печально, дурно», говорили мнѣ демократы, страдающіе хронической надеждой и застарѣлымъ оптимизмомъ, «но не надобно временную остановку принимать за болѣе важное, нежели она есть. Наша побѣда близка, безумцы хотятъ коснуться до всеобщей подачи голосовъ.... За свой голосъ народъ встанетъ какъ одинъ человѣкъ.»

Отняли всеобщую подачу голосовъ, ни одинъ человѣкъ не двинулся, народъ остался въ томъ «торжественномъ и величавомъ покоѣ,» о которомъ ему такъ натолковали и въ которомъ остается человѣкъ, когда его ограбятъ, довольный, что не изуродовали. Странная борьба: всякій разъ одинъ и тотъ-же побитъ, и мы знаемъ о его существованіи только потому, что онъ кричитъ отъ боли;—это не борьба, а побѣда. Но чающіе воскресенія мертвыхъ демократы не унываютъ. «Это-то и прекрасно, говорятъ они, теперь-то правительство и сломитъ себѣ шею.» Разумѣется, правительство когда нибудь упадетъ, все имѣетъ конецъ, особенно во Франціи... Да вы то во всемъ этомъ что? Народъ не за правительство, зачѣмъ клепать на него,—да и не за васъ.

Народъ не съ вами, потому что въ вашей свободѣ онъ не находитъ своей, потому что ваша борьба—борьба двухъ правительственныхъ формъ—не его борьба... Вы воображаете, что пріобрѣли дѣло, когда произнесли слово, а народу дѣла нѣтъ до словъ. Народъ не съ вами, наконецъ, потому что вы должны быть съ нимъ. Вы должны изучить его стремленія, его желанія, а не онъ давать свою кровь на ваши теоретическія попытки, на вашъ курсъ экспериментальной революціи. Вы видите, что прежней дорогой идти нельзя... Если же вы не хотите новыхъ путей, если же не можете переродиться, то сознайтесь откровенно, что вы—прошедшее, и доживайте спокойно вашъ вѣкъ, какъ историческая рѣдкость, какъ образчикъ иного времени, не усиливаясь ходить и мутить міръ послѣ смерти, какъ легитимисты, іезуиты, піетисты.

Они называли это озлобленіемъ, отчаяніемъ, они находили доблестнымъ выдерживать свою роль и пытаться ставить на своемъ, хотя явнымъ образомъ не было мѣста, гдѣ ставить...

...Трудно издали вообразить себѣ, что дѣлается въ Парижѣ. Никакихъ гарантій, этихъ бѣдныхъ, небольшихъ гарантій, дан-

ныхъ притѣснительнымъ code civile, не существуетъ болѣе. Терроръ сальный, скрывающійся за угломъ, подслушивающій за дверью, тяготитъ какимъ то чаднымъ туманомъ надо всѣмъ. Всякій мерзавецъ, который донесетъ на васъ какую нибудь политическую небылицу, можетъ быть увѣренъ, что на другой день полицейскій комисаръ съ двумя шпіонами явится къ вамъ осматривать бумаги. Семейныя тайны, дружескія сообщенія, все перерыто рукою лакеевъ свѣтской инквизиціи, половина унесена и никогда не возвратится къ вамъ. Люди, имѣющіе или имѣвшіе политическое значеніе, не спятъ дома, прячутъ бумаги, запасаются визированными пасами. Всѣ боятся дворниковъ, комиссіонеровъ, трехъ-четвертей знакомыхъ: письма приходятъ подпечатанныя, на углахъ улицъ постоянно бродятъ подозрительныя фигуры въ сюртукахъ не по мѣркѣ, въ потертыхъ шляпахъ, съ подло военнымъ видомъ и съ палкой въ рукѣ. Они провожаютъ глазами прохожихъ и передаютъ ихъ своимъ партнерамъ.

Вечеромъ шайки шпіоновъ отправляются на ловлю запрещенныхъ для продажи журналовъ: они всякими обманами выманиваютъ какой нибудь нумеръ Evènement: городовые сержанты, спрятанные въ засадѣ, бросаются тогда на бѣдную лавченку или столъ, единственное достояніе какой-нибудь старухи, прокармливающей семью. Сержанты хватаютъ старуху, старуха плачетъ, ее толкаютъ, ругаютъ и ведутъ къ префекту вмѣстѣ съ какимъ-нибудь обтерханнымъ мальчикомъ 8 лѣтъ, который до вечера не ѣлъ и продалъ тайкомъ «Эстафету». Прохожіе видятъ и идутъ своей дорогой, не смѣя поднять голоса.

Въ тиранствѣ безъ тирана есть что-то отвратительнѣйшее. Тамъ знаешь, кого ненавидѣть, а тутъ анонимное общество политическихъ шулеровъ и биржевыхъ торгашей, опертое на общественный развратъ, на сочувствіе мѣщанъ, опертое на полицейскихъ пиратовъ и на армейскихъ кондотьеровъ, душитъ безъ увлеченья, гнететъ безъ вѣры, изъ-за денегъ, изъ страха, и остается не уловимымъ, анонимнымъ. У этой Вестъ-Гальской компаніи есть комиссаръ центральной полиціи, получившій шесть милліоновъ голосовъ въ память того, что его дядя тѣснилъ лѣтъ шестнадцать тотъ же народъ и усѣялъ поля всей Европы французскими трупами, для того чтобъ сдѣлать возможнымъ возвращеніе Бурбоновъ!

Кто онъ такое самъ? Сколько я ни смотрѣлъ на его заспанное лицо, на его колоссальный носъ, на его мутные, пухлые глазки, на опустившіяся черты.... я только могъ высмотрѣть отрицательныя качества, но поэтому-то онъ и будетъ великъ, по этому-то онъ и современенъ.

Дѣйствительно, нашему вѣку принадлежитъ честь производить такихъ прѣсныхъ, безхарактерныхъ, безплодныхъ, стертыхъ людей.

какъ Пій IX, король прусскій, Людовикъ Наполеонъ и ихъ doyen d'âge, отставной австрійскій императоръ.

...На самой границѣ Франціи еще разъ мнѣ припомнились всѣ черныя стороны ея.

Случайно взялъ я на желѣзной дорогѣ изъ Авиньона въ Марсель книгу одного изъ сопутниковъ и, прочитавши страницъ двадцать, остановился. Я не нервная женщина, вообще довольно читалъ и видѣлъ, чтобъ впередъ знать, что нѣтъ звѣрства, что нѣтъ злодѣйства, на которое люди не были бы способны. Но безъ преувеличенія, безъ фразъ, я положилъ книгу отъ внутренняго волненія. Это была какая-то новая исторія о «бѣломъ ужасѣ» (terreur blanche) въ 1815.

Въ Марселѣ роялисты вырѣзали, избили всѣхъ мамелюковъ съ ихъ женами и дѣтьми. Въ другомъ мѣстѣ католики напали на протестантовъ, выходящихъ изъ церквей, часть ихъ перебили и, раздѣвши до нага, таскали ихъ дочерей голыхъ по улицамъ... И все это дѣлалось подъ покровительствомъ центральныхъ комитетовъ, имѣвшихъ сношенія съ графомъ Артуа и получавшихъ свои приказанія изъ марсанскаго павильона.

— «Но развѣ якобинцы лучше поступали въ департаментахъ?» Нѣтъ, не лучше. Но это не только не утѣшительно, а напротивъ, это-то и приводитъ въ отчаяніе, тутъ-то и лежитъ неотразимое доказательство кровожадности французовъ. Съ которой бы стороны побѣда ни была,—«оставьте всякую надежду»: они безжалостны и не великодушны, они рукоплещутъ каждому успѣху, каждой кровавой мѣрѣ, они всякій разъ идутъ далѣе самаго правительства.

Schiavi or siam, si; ma schiavi almen frementi.
Non quali, o Galli, e il fosti et il siete vui.
Schiavi, al poter qual ch'ei pour sia, plaudenti. *Alfieri.*

Марсель одинъ изъ самыхъ противныхъ, прозаическихъ городовъ на югѣ. Лѣтомъ, если мистраль не сшибаетъ съ ногъ и не душитъ пылью, жаръ нестерпимый, гнилое испареніе поднимается отъ стоячей воды канала. Мнѣ хотѣлось, какъ можно скорѣе уѣхать особенно послѣ прочтенной главы... Мнѣ все казалось, что я встрѣчаю на улицахъ актеровъ гнусныхъ сценъ: вотъ этотъ нищій, старикъ съ дикимъ лицомъ, непримѣтно ходилъ изъ дома въ домъ убивать бонапартистовъ; вотъ этотъ портной, кривой, нечистый и съ узкимъ лбомъ, вѣрно рѣзалъ мамелюковъ или, можетъ, примется, во имя порядка, семьи и религіи, рѣзать con amore соціалистовъ.

Когда я переѣхалъ Варскій мостъ и піемонтскій карабинеръ принялся записывать мой пассъ, мнѣ стало легче на душѣ. Я стыжусь, краснѣю за Францію и за себя, но признаюсь: я свободнѣе вздохнулъ, такъ, какъ во время оно вздохнулъ, переѣзжая русскую границу. Наконецъ, я вышелъ изъ этой среды нравственной пытки, постояннаго раздраженія, бѣшенства, негодованія. Но

эту сторону я буду чужой всѣмъ, я не знаю и не дѣлю ихъ интересовъ, мнѣ дѣла до нихъ нѣтъ и имъ до меня. Здѣсь я могу быть отрицательно независимымъ, здѣсь я могу отдохнуть... до тѣхъ поръ, пока святая Германдада всемірной полиціи не начнетъ и въ Піемонтѣ свой крестовый походъ.

Карабинеръ отдалъ мнѣ пассъ, я взглянулъ на визу—«visto da R. carab. al Ponte Varole il 23 Giunio». Итакъ, я оставилъ Францію въ страшную годовщину 23 іюня. Я посмотрѣлъ на часы—три-четверти пятаго. Два года тому назадъ въ этотъ часъ приготовлялась великая, роковая борьба. Я стоялъ подъ дождемъ, прислонясь къ дому и смотрѣлъ на оканчивавшуюся огромную барикаду на place Maubert,—сердце билось страшно и я думалъ—to be, or not to be...

Not to be—рѣшала судьба. Революція была побѣждена. Авторитетъ восторжествовалъ надъ свободой: вопросъ, потрясавшій Европу съ 1789 года, разрѣшился отрицательно. Стыдъ взятія Бастиліи смытъ канонадой на ея мѣстѣ, и на этотъ разъ взято предмѣстье св. Антонія. Послѣ іюньскихъ дней оставалось дѣлать частныя усмиренія, воспользоваться побѣдой, смѣло проложить ея послѣдствія. Главное было сдѣлано,—монархическая республика защитила монархическій принципъ и смѣшала всѣ понятія.

Революція была побѣждена не въ Вѣнѣ, не въ Берлинѣ, а въ Парижѣ: не Англіей и Россіей, не эмигрантами и Бурбонами, а республиканцами во *имя порядка*—какого порядка? Того «варшавскаго порядка», который стремилась завести правительственная редакція National'я, того, который окончился избраніемъ Людовика Наполеона, взятіемъ Рима, осаднымъ положеніемъ, уничтоженіемъ всѣхъ свободъ и всѣхъ правъ.—Итакъ, да здравствуетъ порядокъ!

Съ бомбардированія парижскихъ улицъ, съ обмана инсургентовъ предмѣстья св. Антонія, съ разстрѣливанія гуртомъ, съ депортацій безъ суда, не только начинается побѣдоносная эра порядка, но и опредѣляется весь характеръ предсмертной болѣзни дряхлой Европы. Она умретъ рабствомъ, застоемъ, византійской болѣзнью:... она умерла бы и свободой, но оказалась недостойной этого. Донской казакъ въ свое время придетъ разбудить этихъ Палеологовъ и Порфирогенетовъ, если ихъ не разбудитъ трубный гласъ послѣдняго суда, суда народной Немизиды, который будетъ надъ нимъ держать соціализмъ мести—коммунизмъ—и на который апелляцію не найдешь ни у Тьера, ни у Мараста,—да врядъ тогда найдешь ли самихъ Мараста и Тьера. Коммунизмъ близокъ душѣ французскаго народа, такъ глубоко чувствующаго великую неправду общественнаго быта и такъ мало уважающаго личность человѣка.

Послѣ іюньскихъ дней ни разу лучъ близкой надежды не проникалъ въ мою грудь. Сколько мнѣ приходилось спорить съ друзьями! Они не хотѣли видѣть, что̀ произошло, они требовали, чтобъ

я дѣлилъ ихъ упованія. Я готовъ былъ дѣлить съ ними опасности, гоненія, готовъ былъ даже погибнуть, не столько изъ мужества и самоотверженія, сколько отъ скуки и по пословицѣ: «на людяхъ и смерть красна»: но добровольно заблуждаться, но остановиться передъ истиной и отвернуться отъ нея, потому что она безобразна,—я не могъ.

И гдѣ тѣ, съ которыми я спорилъ?—Всѣ разсѣяны, всѣ гонимы; кто не въ тюрьмѣ, тотъ давно переплылъ океанъ, другой удалися въ Каиръ, третій спрятался въ Швейцаріи, четвертый скитается въ Лондонѣ... Кто же былъ правъ?

...Но довольно! Передъ моимъ окномъ стелется Средиземное море, я стою на святомъ итальянскомъ берегу. Мирно вхожу я въ эту гавань и начерчу на порогѣ своего дома древній пентаграмъ въ отжененіе всякаго духа тревоги и людского безумія...

Письмо тринадцатое.

Ницца, 1 іюня, 1851 г.

Я исполнилъ свое намѣреніе и прожилъ въ моей пустынѣ годъ цѣлый, не только не писавши длинныхъ посланій, но и не читая писанныхъ другими. Смиренно сидѣлъ я у Средиземнаго моря и ждалъ погоды, но не дождался ничего хорошаго,—все стало еще хуже, суровый мистраль дуетъ и сильнѣе, и холоднѣе. Напрасно радовался я моему тихому удаленію, напрасно чертилъ я пентаграмъ, я не нашелъ желаннаго мира, ни покойной гавани. Пентаграмы защищаютъ отъ нечистыхъ духовъ; отъ нечистыхъ людей не спасетъ никакой многоугольникъ,—развѣ только квадратъ селюлярной тюрьмы.

Скучное, тяжелое время и чрезвычайно пустое, утомительная дорога между станціей 1848 года и станціей 1852; новаго ничего, развѣ какое личное несчастіе доломаетъ грудь, какое-нибудь колесо жизни разсыпется, шина лопнетъ...

Впрочемъ до іюня мѣсяца 1851 года дотащились,—и то хорошо. Ну, друзья, ну! шагъ за шагомъ, дорога больно глиниста, несчана,—да вѣдь дѣлать нечего, не остаться же ночевать, чтобъ сократить ее, давайте снова перебирать старое.

Хотя перебирать его не легко.

Трудно говорить откровенно въ наше время и это вовсе независимо отъ полицейскихъ преслѣдованій, а оттого, что большинство людей, стоявшихъ съ нами на одномъ берегу, расходится болѣе и болѣе: мы идемъ, они не двигаются и становятся все раздражительнѣе отъ лѣтъ, отъ несчастія и составляютъ *демократическое православіе*.

У нихъ учреждена своя радикальная инквизиція, свой цензъ для идей: идеи и мысли, удовлетворяющія ихъ требованіямъ, имѣютъ права гражданства и гласности, другія объявляются еретическими и лишены голоса; это—пролетаріи нравственнаго міра, они должны молчать или брать свое мѣсто грудью, возстаніемъ. Противъ бунтующихъ идей является демократическая цензура, несравненно болѣе опасная, чѣмъ всякая другая, потому что не имѣетъ ни полиціи, ни подтасованныхъ присяжныхъ, ни судей въ маскарадныхъ беретахъ, ни тюремъ, ни штрафовъ. Цензура реакціи насильственно вырываетъ книгу изъ рукъ и книгу всѣ уважаютъ: она преслѣдуетъ автора, запираетъ типографію, ломаетъ станки и гонимое слово переходитъ въ вѣрованіе.

Цензура демократическая губитъ нравственно, обвиненія ея раздаются не изъ съѣзжей, не изъ прокурорскаго рта, а изъ дали ссылки, изгнанія, изъ мрака заточенія: приговоръ, писанный рукой, на которой видѣнъ слѣдъ цѣпи, отзывается глубоко въ сердцахъ, что вовсе не мѣшаетъ ему быть несправедливымъ.

У нашихъ старовѣровъ образовалось свое обязывающее преданіе, идущее съ 1789 г., своя связующая религія, религія исключительная, притѣснительная. Они хранятъ ее въ изгнаніи, не смотря на преслѣдованія и гоненія,—это прекрасно, но мало способствуетъ къ развитію. Несчастіе останавливаетъ, вѣрность былому мѣшаетъ настоящему; гонимое преданіе, съ своимъ терновымъ вѣнкомъ на головѣ, ограничиваетъ сердце, мысль, волю.

Демократы-формалисты, точно Бурбоны, ничему не научились въ бѣдственную годину, начавшуюся на другой день послѣ февральской революціи. Оттого они такъ упорны въ своихъ мнѣніяхъ, не могутъ надивиться, откуда произошли всѣ ихъ неудачи, и добродушно объясняютъ ихъ частными ошибками, измѣнами. Воротись они завтра изъ тюремъ и ссылокъ въ правительство, они будутъ продолжать свою невозможную, *несоціальную* республику, такъ, какъ эмигранты послѣ 1815 года продолжали свою невозможную монархію-рококо.

Все то, что останавливается и оборачивается назадъ, каменѣетъ какъ жена Лота и покидается на дорогѣ. Исторія принадлежитъ постоянно одной партіи—партіи движенія.

Революціонный консерватизмъ дошелъ въ послѣднее время до того, что хранительное начало въ немъ перевѣшиваетъ революціонное, и какъ ни парадоксально это покажется, а разрушеніе старыхъ общественныхъ формъ идетъ впередъ, благодаря реакціонерамъ и дѣйствительнымъ консерваторамъ.

Видя грозящую опасность, реакціонеры вышли за предѣлы, поставленные законами, и укрѣпились внѣ падающихъ стѣнъ собственной крѣпости, подтверждая тѣмъ самымъ и ускоряя близость

ихъ паденія: а наши старовѣры изъ этихъ-то стѣнъ, готовыхъ рухнуться, и собираются построить свою республику.

Вотъ почему брошюра Ромье гораздо революціоннѣе прокламацій центральнаго комитета.

Брошюра Ромье—крикъ ужаса, раздавшійся у гуляки, невзначай увидавшаго въ окно столовой, гдѣ онъ такъ привольно пировалъ съ Верономъ, *красный призракъ*; увидавъ Медузу въ фригійской шапкѣ, ему показалось, что своды треснули, что столбы закачались, изъ-за трещинъ ему мерещился огонь отъ поджога, головы на пикахъ, люди съ топорами, съ заскорузлыми руками, и онъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, сталъ звать на помощь.

«Забудьте, кричалъ онъ, ломая руки, забудьте формальности легистовъ, *право ваше* всегда было пустое слово, а особенно теперь, когда надобно спасаться и спасать свое послѣднее достояніе. Бейте на улицахъ, рѣжьте по домамъ, зовите на помощь пушки, вѣнчайте цезаремъ того сержанта, который своимъ тесакомъ убьетъ послѣдняго соціалиста»; «ваши теперешнія средства остановить катаклизмъ смѣшны (депортація, разстрѣливаніе, тюрьма, гильотина!...), онѣ напоминаютъ тѣхъ двухъ жандармовъ, поставленныхъ начальствомъ во время разлива Луары, съ приказомъ ѣздить шагомъ взадъ и впередъ по берегу и подаваться назадъ по мѣрѣ того, какъ вода будетъ понимать луга. То ли надобно теперь... Давайте боевые патроны и грудью впередъ, у побѣдителя не спросятъ о правахъ!»

Народныя массы вѣчно реальныя по инстинкту, а, можетъ, и потому, что онѣ-то и составляютъ реальность, не слушаютъ старовѣровъ. Онѣ смотрятъ имъ черезъ голову. Какъ, гдѣ научился народъ, трудно сказать, — только не изъ книгъ, народъ мало читаетъ. Онъ не прочь иной разъ послушать демократическія рѣчи на банкетѣ, такъ, какъ прежде любилъ слушать проповѣдниковъ: онъ даже соглашается съ тѣми и съ другими отъ непривычки къ слову и увлекаясь фразой, но на его жизнь, на поведеніе, это не имѣетъ никакого вліянія.

Народъ, какъ женщины, понимаетъ вещи особымъ процессомъ и особенно развитымъ тактомъ; до чего мы дорабатываемся длиннымъ теоретическимъ трудомъ, то онъ схватываетъ вдругъ цѣликомъ и, по-видимому, даромъ. Новая истина, поражающая его, если онъ ее пойметъ, переходитъ не въ разсужденіе, а въ непосредственное дѣйствіе: его пониманіе больше страстное и художественное, нежели логическое. Долго дремлетъ народъ, тупо слѣдуя обычаю отцевъ, привычкѣ, повторяя принятое предшествовавшими поколѣніями, — онъ склоняется передъ духовной и свѣтской властью, не разбирая ее: онъ ее принимаетъ за роковой фактъ, за неотвратимую и неподвластную ему силу, такъ, какъ принимаетъ природу и ея явленія. У него мало досуга на отвлеченную работу, онъ

работаетъ безпрерывно руками для завоеванія матеріальныхъ условій жизни. Иногда душу его волнуютъ темныя стремленія и неопредѣленная тоска, онъ чуетъ возможность лучшей жизни и гнетущую несправедливость; но поколѣнія идутъ за поколѣніями, и онъ все остается при неясной тоскѣ, при одномъ стремленіи; онъ ничего не дѣлаетъ *повидимому*, но грудь его разъѣдена и готова. Одно слово, одно событіе, и онъ рветъ какъ Самсонъ свои путы; ринувшись впередъ, онъ становится въ уровень революціонному вопросу своего времени.

Массы французскаго народа ничего не знали о политикѣ передъ 1789 г., но онѣ давно были недовольны; пробужденныя парижскимъ набатомъ, онѣ стали революціонными, особенно въ городахъ; онѣ взяли Бастилію, а потомъ Тьюлери, а потомъ Ліонъ, а потомъ всю Европу, и, побѣжденныя въ свою очередь, вовсе не усмирились. Каждое поколѣніе имѣло свой юбилейный день революціи: 30 іюля 1830, 24 февраля 1848 года.

Но съ іюньскихъ дней народъ разстается съ революціонерами, именно потому, что остается вѣренъ революціи. Призрачный міръ политики и внѣшнихъ перестроекъ тюрьмы вдругъ исчезъ для него и утратилъ весь интересъ свой. Людовикъ Наполеонъ могъ десять разъ провозгласить себя императоромъ, легитимисты могли выписать своего Шамбора, орлеанисты короновать графа парижскаго, народъ не сказалъ бы ни слова. Трусость династовъ помѣшала имъ успѣть. А давно ли этотъ самый парижскій народъ бѣжалъ за ружьемъ, оскорбленный приказами Полиньяка, запрещавшими печатать книги, которыхъ онъ никогда бы не прочелъ, приказами Дюшателя, запрещавшими банкетъ, на который его никто не звалъ, — и арміи блѣднѣли передъ нимъ и короли бѣжали. А теперь онъ сидитъ и, не двигаясь, смотритъ на гнусности, которыми явно подкапываютъ всѣ пріобрѣтенныя имъ права. Онъ далъ свои *три мѣсяца* голода, его обманули, онъ не вѣритъ больше въ тѣхъ, которые оставили его въ день его возстанія.

Но революція не остановилась. Вмѣсто неосторожныхъ попытокъ и заговоровъ, работникъ думаетъ крѣпкую думу. Съ тѣхъ поръ, какъ грубая рука полиціи заперла клубы и электоральныя собранія, трибуна работниковъ перенеслась въ деревни. Эта пропаганда неуловима и глубже захватываетъ, нежели клубная болтовня.

Въ груди крестьянина собирается тяжелая буря. Онъ ничего не знаетъ ни о текстѣ конституціи, ни о раздѣленіи властей, но онъ мрачно посматриваетъ на богатаго собственника, на нотаріуса, на ростовщика; но онъ видитъ, что сколько ни работай, барышъ идетъ въ другія руки,—и слушаетъ работника. Когда онъ его дослушаетъ и хорошенько пойметъ, съ своей упорной твердостью хлѣбопашца, съ своей основательной прочностью во всякомъ дѣлѣ,

тогда онъ сочтетъ свои силы, а потомъ смететъ съ лица земли старое общественное устройство. И это будетъ настоящая революція народныхъ массъ.

Всего вѣроятнѣе, что дѣйствительная борьба богатаго меньшинства и бѣднаго большинства будетъ имѣть характеръ рѣзко коммунистическій.

Слово это пугаетъ старыхъ революціонеровъ, такъ, какъ слово якобинецъ пугало вольнодумовъ - дворянъ и слово іезуитъ полукатоликовъ. Они проповѣдывали всю жизнь равенство и братство, теперь они хотятъ отпрянуть, когда народъ беретъ ихъ за слово, и все еще воображаютъ, что они идутъ съ нимъ за-одно и представляютъ во всей чистотѣ его стремленія.

Въ сущности они и не съ народомъ, и не изъ него, они изъ книгъ, изъ школъ, изъ римскихъ преданій, изъ образованнаго меньшинства, изъ того общественнаго устройства, которое развилось противъ народа и которое должно погибнуть для того, чтобъ народъ былъ свободенъ.

Какой практически смѣшной и щемящій сердце образъ складывается для будущаго поэта, образъ Донъ-Кихота революціи. Наши рыцари временъ конвента и старой *горы*, вскормленные исторіей девяностыхъ годовъ и тогдашнимъ «Монитеромъ», видятъ въ настоящемъ одно временное отклоненіе отъ истинныхъ началъ; они стараются возвратить человѣчество къ 9 термидору и къ конституціи Сенъ-Жюста... Они повторяютъ слова, потрясавшія нѣкогда сердца, не замѣчая, что онѣ уже давно задвинуты другими словами, они все еще толкуютъ о цивизмѣ и тираніи, о коалиціи и англійскомъ вліяніи, о протестаціяхъ и петиціяхъ, о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, о нарушеніи конституціи и, наконецъ, о святомъ *правѣ возстанія!*

Какъ работнику не улыбаться и не качать головой, когда ему въ осадномъ положеніи, возлѣ военныхъ судовъ и партій ссылаемыхъ безъ суда, толкуютъ о правѣ возстанія, прибавляя къ нему вновь изобрѣтенную нелѣпость—«права работы». Кому онъ предъявитъ эти права, кто обязанъ ихъ признать и на что они ему, когда сила не съ его стороны? И на что они ему, когда сила съ его стороны? По крайней мѣрѣ, Людовикъ XVII былъ признанъ десятью нѣмецкими календарями и однимъ русскимъ...

Наши Донъ-Кихоты вышли на поле, ничего не приготовивъ ни въ себѣ, ни внѣ себя; они вышли съ ненавистью къ царямъ и внѣшнимъ формамъ самодержавія, но съ уваженіемъ къ власти: они не хотѣли поповъ, но алтарь хотѣли, они назвали монархію республикой и перевели на римскую номенклатуру феодальныя постановленія, въ сущности не коснувшись до нихъ. Цѣль ихъ прекрасна—уничтоженіе тиранства, водвореніе всеобщаго братства,

всемірной свободы, но такъ какъ эти общія мѣста безъ ряда объясненій и развитій расплываются въ какомъ то пріятно-окрашенномъ туманѣ, то и неудивительно, что практической прилагаемости имъ не нашлось.

Они дерутся ржавыми оружіями своихъ враговъ на изнуренной почвѣ; ихъ бьютъ, разумѣется, оттого, что противники лучше владѣютъ *своимъ* оружіемъ и что они дома. И въ то же время въ довершеніе бѣдствій они столько же теряютъ и на своемъ полѣ. Ихъ средства устарѣли, ихъ знамена истаскались, и не всегда въ бояхъ, а больше на банкетахъ и демонстраціяхъ.

Пора бы кажется остановиться и призадуматься, а пуще всего изучить поглубже современность и перестать съ легкомысленной суетностью увѣрять себя и другихъ въ фактахъ, которыхъ нѣтъ, и отворачиваться отъ тѣхъ, которые есть, да намъ не нравятся; пора не принимать больше толпы на демонстраціяхъ за готовое войско, искать гласъ народный въ газетныхъ статьяхъ, писанныхъ самими нами или нашими друзьями, и общественное мнѣніе въ тѣсномъ кружкѣ пріятелей, собирающихся ежедневно для того, чтобъ повторять одно и тоже.

Какъ это ни ясно, но горе тому, кто въ печальномъ стану побѣжденныхъ поднимаетъ такую рѣчь. Маститые революціонеры и ихъ ставленики увидятъ обиду, личность, измѣну въ ней и проглядятъ трагическій характеръ скорбныхъ признаній, которыми человѣкъ отдираетъ свое сердце отъ среды, въ которой жилъ, которую любилъ, но въ несвоевременности которой убѣжденъ. Они не оцѣнятъ лиризмъ ироніи и злобы, вырывающійся изъ груди человѣка, увидѣвшаго, что онъ часть жизни шелъ по ложной дорогѣ и не знаетъ, успѣетъ ли еще своротить на ту, которая его приведетъ къ цѣли. Они называютъ «дилетантами» мятежныя личности, не дѣлящія ихъ воззрѣнія, неучтивыми гостями, которые не хотятъ дѣлить тяжелой пріуготовительной работы, а спокойно пересуживаютъ сдѣланное.

Донъ-Кихотъ тоже трудился очень много и совершенно безкорыстно. Пріуготовительные труды всѣхъ эмиграцій состояли въ ссорахъ между собой, въ составленіи комитетовъ, въ которыхъ повторяли, что побѣда близка наканунѣ всякаго пораженія и на другой день послѣ всякаго пораженія...

Многимъ кажется, что *они*, напротивъ, живутъ въ совершенной праздности, даже въ праздности мысли, они не хотятъ подумать о томъ, что объ нихъ говорятъ ихъ друзья и что объ нихъ говорятъ ихъ враги. Они довольны собой. Что это за умственная лѣнь, за Vornehmthuerei, за morgue aristocratique, что за сознаніе своей папской непогрѣшительности?

Но какая же необходимость говорить именно съ этими зако-

сн́елыми старов́ерами, тугими на ухо, приросшими какъ полипы къ скал́е? Они сд́елали свое, они люди почтенные, у нихъ м́есто въ исторіи, но не сд́елаться же намъ столпниками изъ учтивости къ нимъ.

Какъ ни возставай, какъ ни досадуй, но мы сами принадлежимъ по жизни, по привычкамъ, по языку къ той же литературно-ученой и политической сред́е, отъ которой мы отрекаемся. Теоретическій разрывъ нашъ съ нею сд́елать практическимъ не въ нашей вол́е, мы слишкомъ далеко зашли въ этой жизни, чтобъ остановить ее. Мы сняли нашу рясу, какъ Гафисъ, пос́ед́евши въ ней, и оттого намъ, какъ Гафису, безпрерывно хочется говорить объ этомъ. Оно и не удивительно. Наше д́еяніе, это именно этотъ разрывъ и мы остановились на немъ, онъ намъ стоилъ много труда и усилій.

Разум́еется, намъ казалось, что это освобожденіе себя—первый шагъ, что за нимъ то и начнется наша полная, свободная д́еятельность: безъ этого мы бы его не сд́елали. Но въ сущности актъ нашего возмущенія и есть наше д́еяніе, на него мы потратили лучшія силы, о немъ раздалось наше лучшее слово, мы и теперь можемъ быть сильны только въ борьб́е съ книжниками и фарисеями консервативнаго и революціоннаго міра [1]).

Оставить р́ечь съ ними и обратиться къ народу—великое д́ело, но мы не съум́еемъ.

Народу не то надобно, что мы можемъ сказать, что намъ хочется сказать: наши слова — отв́еты, подмостки, разработываніе понятій, оскорбленіе, испов́едь, критика, сомн́еніе. Народъ едва знаетъ привид́енія, противъ которыхъ мы боремся, его не занимаетъ нашъ бой, у него не та злоба. Народъ много страдаетъ, ему тяжела жизнь, онъ многое ненавидитъ и страстно догадывается, что скоро будетъ перем́ена, но онъ ждетъ не пріуготовленныхъ трудовъ, а *откровенія* того, что закрыто бродитъ въ его душ́е, онъ ждетъ не книгъ, а людей, у которыхъ в́ера, воля, уб́ежденіе и сила совпадаютъ воедино, людей, никогда не разрывавшихся съ нимъ, людей, не выходящихъ изъ него, но д́ействующихъ въ немъ и съ нимъ, съ откровенной, непотрясаемой в́ерой и съ нич́емъ неразвлекаемой преданностью.

Кто чувствуетъ, что онъ такъ близокъ съ народомъ, такъ освободился отъ среды искусственной цивилизаціи и такъ переработалъ и поб́едилъ ее, кто до того окончилъ съ собою, что ему остается одно д́ействіе, и кто достигъ ц́елости и единства, о ко-

[1]) Письмо это долею было вызвано н́есколькими статьями, пом́ещенными въ одномъ н́емецкомъ журнал́е подъ заглавіемъ «Литературы паденія», Untergangs-literatur, въ которыхъ сильно нападали на Vom Andern Ufer и на статью Omnia mea mecum porto, пом́ещенную въ томъ же журнал́е. Н́есколько намековъ на эти статьи кстати тогда, не годились теперь, я ихъ выпустилъ.

торой мы говоримъ, — тому принадлежитъ рѣчь, тотъ пусть говорить народу, да онъ и будетъ непремѣнно говорить: мы склонимся передъ нимъ.

Ощущаете ли вы что-нибудь подобное въ груди? Сомнѣваюсь. Мы вмѣстѣ трупъ и убійцы, болѣзнь и прозекторы стараго міра,— вотъ наше призваніе.

Я долго думалъ, что можно, по крайней мѣрѣ, лично начать новую жизнь, отступить въ себя, удалиться отъ толкучаго рынка. Невозможно,—будь хоть одинъ человѣкъ возлѣ васъ, съ которымъ вы не порвали всѣ отношенія, черезъ него воротится старый міръ, порочный и распутный, лукавый и предательскій. Мы похожи на того раба въ французскихъ колоніяхъ, котораго, разсказываетъ Шельшеръ, господинъ за наказаніе связалъ на-глухо съ трупомъ имъ убитаго вола и такъ оставилъ умирать.

Смерть отжившаго міра захватитъ и насъ, спастись нельзя. наши испорченныя легкія не могутъ дышать другимъ воздухомъ, кромѣ зараженнаго. Мы влечемся съ нимъ въ неминуемую гибель: она законна, необходима: мы чувствуемъ, что насъ скоро будетъ не нужно; но исчезая съ нимъ, но чувствуя роковую необходимость. связавшую насъ, мы нанесемъ ему еще самые злые удары и, погибая въ разгромѣ и хаосѣ, радостно будемъ привѣтствовать новый міръ—міръ не нашъ—нашимъ «Умирающіе привѣтствуютъ тебя, Кесарь!».

Письмо четырнадцатое.

Ницца, 31 декабря, 1851 г.

Vive la mort, друзья! И съ новымъ годомъ! теперь будемъ послѣдовательны, не измѣнимъ собственной мысли, не испугаемся осуществленія того, что мы предвидѣли, не отречемся отъ знанія, до котораго дошли скорбнымъ путемъ. Теперь будемъ сильны и постоимъ за наши убѣжденія.

Мы давно видѣли приближающуюся смерть: мы можемъ печалиться. принимать участіе, но не можемъ ни удивляться, ни отчаяваться, ни понурить голову. Совсѣмъ напротивъ, намъ надобно ее поднять,—мы оправданы. Насъ называли зловѣщими воронами, накликающими бѣды, насъ упрекали въ расколѣ, въ незнаніи народа, въ гордомъ удаленіи. въ дѣтскомъ негодованіи. а мы были только виноваты въ истинѣ и въ откровенномъ высказываніи ея. Рѣчь наша, оставаясь та же, становится утѣшеніемъ, ободреніемъ устрашенныхъ событіями въ Парижѣ.

Когда люди, стоявшіе во главѣ движенія. шутили надъ своей слабостью, когда они принимали предсмертную болѣзнь за минутный сонъ, за мимолетную усталь, когда эмпирики и шарлатаны

увѣряли, что болѣзнь пройдетъ, и тратили лучшія силы на врачеваніе трупа, когда они ждали, что больной возьметъ одръ и пойдетъ по ихъ приказанію, тогда было необходимо проповѣдывать. «что у воротъ ихъ стоитъ не Катилина, а смерть», какъ это и дѣлалъ Прудонъ изъ своего заточенія. Теперь она ихъ растворила, взошла, теперь ошибиться трудно... Вотъ она, между нами коситъ на право, коситъ на лѣво... Подрѣзанная трава такъ и валится.

Рухнулся, наконецъ, этотъ міръ призрачный, дряхлый, пережившій самого себя, міръ распадающійся, двуначальный, неоткровенный, дошедшій до лжи и смѣшенія всѣхъ понятій, какъ все выживающее изъ ума, остановившійся на невозможныхъ сочетаніяхъ, на несовмѣстныхъ перемиріяхъ, на слабодушныхъ уступкахъ. Все, что онъ лѣпилъ, придумывалъ, выстроилъ изъ прошедшаго и выбѣлилъ новой краской, всѣ произведенія его старческаго ребячества,—все разсыпалось, какъ карточный домъ. Противные сумерки пропали. Нѣтъ больше двусмысленныхъ недоговорокъ, поддерживавшихъ пустыя надежды съ обѣихъ сторонъ. Темная ночь, которую ждали, настала,—мы шагомъ ближе къ утру.

Все кончено: представительная республика и конституціонная монархія, свобода книгопечатанія и неотъемлемыя права человѣка, публичный судъ и избранный парламентъ. Дыханіе становится легче, воздухъ чище; все стало страшно просто, рѣзко... Куда ни посмотришь, отовсюду вѣетъ варварствомъ, снизу и сверху, изъ дворцовъ и мастерскихъ. Кто покончитъ, довершитъ? Дряхлое ли варварство скипетра, или буйное варварство коммунизма? кровавая сабля, или красное знамя?...

Варварствомъ новая цивилизація насильственно вводится во владѣніе старой почвой, или отрывается отъ нея, если она неспособна и истощена. Это безпорядокъ похоронъ, грубая опека надъ малолѣтними.

Намъ жаль теперешнее паденіе народа, который такъ славно жилъ, который мы такъ любили, можетъ больше, нежели сознаемъ. Мы чувствуемъ, по выраженію Мишле, что съ паденіемъ Франціи температура земного шара понизилась.

Трудно было свыкаться съ мыслію, что Франція разошлась съ революціей. Второе декабря, не смотря на то, что всѣ его ждали, поразило всѣхъ. Предвидитъ ли человѣкъ несчастіе, или нѣтъ,—оно все приходитъ въ расплохъ. Горесть наша искренняя, она наше право, наше личное участіе въ современномъ дѣлѣ. Но, сверхъ связи съ настоящимъ, мы имѣемъ связь и съ будущимъ.

Теперь, когда мы пережили первыя минуты безсильной злобы, стыда, тревожной неизвѣстности,—пора изъ-за развалинъ и труповъ взглянуть вдаль. Если сердцу мало одного пониманья, то и пониманью мало одной грусти. Мысль всходитъ, какъ луна на

кладбищѣ, и ищетъ своимъ свѣтомъ привесть въ ясность совершившееся, связываетъ порванные концы и указываетъ красную нитку революціи, идущую черезъ императорскій скипетръ, черезъ весь шаръ земной—вмѣстѣ съ телеграфической проволокой.

Мы не бѣжали ни отъ опасности, ни отъ печали, случайно остались мы цѣлы; но теперь нечего больше дѣлать, сраженіе кончено, падшіе зарыты,—не жить же намъ у ихъ кургана, не довольствоваться же одной скорбью объ утраченномъ. *Жизнь обязываетъ!*

Въ груди нашей, еще здоровой послѣ всѣхъ ударовъ, есть титаническій голосъ непокорности, даже ироніи надъ побѣдителемъ. Они побѣдили насъ,—покажемъ, что они намъ побѣдили. У насъ отняли настоящее,—отнимемъ у нихъ будущее, отравимъ нашимъ пророчествомъ ихъ ликующую радость.

Конечно, потери станутъ яснѣе отъ разбора, несомнѣннѣе,—кто боится знанія, тотъ пропалъ, тотъ консерваторъ.

«Оставьте мертвымъ погребать мертвыхъ», говорилъ Христосъ. Дѣйствительно, весь вопросъ при такихъ переворотахъ въ томъ только и состоитъ, мертвецы ли мы, принадлежащіе прошедшему и повторяющіе съ воплемъ «совершилось», или люди будущаго, которые, съ умиленіемъ задергивая царскій покровъ, говорятъ le roi est mort—vive le roi!

Горе тому, кто теперь съ насмѣшливой улыбкой броситъ холодное слово Франціи,—пора укора и упрековъ прошла, для нея настаетъ прошедшее. Религія будущаго родилась середь потоковъ французской крови, въ груди французскихъ мыслителей, среди страданія французскаго пролетаріата.

Да не посмѣетъ ни одинъ народъ радоваться ея паденію. Съ опущеннымъ взоромъ пусть они преклонятся передъ ея несчастіемъ. Они такъ не падутъ; пусть будутъ довольны этимъ. Посредственность имѣетъ великія льготы, но она обязываетъ къ скромности. Если Франція во многомъ виновата,—она много наказана. .

...То, что не удалось революціонерамъ 15 мая, бѣлымъ днемъ, во имя свободы, то удалось Людовику Наполеону и полицейскимъ сыщикамъ темной ночью, во имя насилія. Республика пала, зарѣзанная по корсикански, по разбойничьи, обманомъ изъ-за угла.

Бланки оправданъ Бонапартомъ.

Собраніе разогнали,—какъ хотѣлъ его разогнать Гюберъ.

Вмѣсто диктатуры революціонной водворилась диктатура управы благочинія,—и все пало передъ ней: потому что все было шатко, неглубоко, неистинно, потому что въ каждомъ новомъ учрежденіи былъ оставленъ старый, отравлявшій его элементъ.

Чего же намъ-то удивляться, что нашлись добровольные палачи для того, чтобъ казнить осужденное нами. Второе декабря, лишенное всякой творческой силы, всякаго живого начала, подъ пред-

логомъ спасенія, разрушаетъ государство, противъ котораго борется соціализмъ.

Франція традиціонная, историческая, монархическая, была казнена во время террора. Съ тѣхъ поръ является рядъ неустоявшихся формъ правленія, рядъ переложеній и сочетаній незрѣлыхъ мыслей съ отжившими формами. Дикой деспотизмъ Наполеона такъ же мало могъ удержаться, какъ царства двухъ хартій. Представительная система была цѣла во Франціи, пока исполнительная власть и революціонеры ее терпѣли. Не только Людовикъ Филиппъ, но и Людовикъ XVIII и Карлъ X были настолько люди прошлаго вѣка, что боялись открыто изорвать хартію, они вѣрили въ нее.

Республиканское изданіе хартіи, сдѣланное въ 1848 году, отличалось отъ прежнихъ тѣмъ, что въ него никто не вѣрилъ, а всѣ употребляли какъ маску или какъ щитъ. Прудонъ не хотѣлъ его вотировать, соціалисты презирали его, роялисты ненавидѣли, республиканцы находили недостаточнымъ и нелѣпымъ. Одинъ Людовикъ Наполеонъ присягалъ ему и былъ обязанъ вѣрностью; онъ то ему и измѣнилъ, но онъ не измѣнилъ своему избранію.

Его избраніе *совершенно свободное* въ 1848 г. было плебисцитомъ, которымъ Франція отрекалась отъ свободы.

Онъ исполнилъ волю народную. Интриганъ по семейному преданію, онъ исполнилъ ее изъ-подтишка, въ то время какъ могъ то же сдѣлать открыто. Человѣка этого ничего не связывало. Иностранецъ, выросшій внѣ Франціи, онъ не дѣлилъ ни хорошихъ, ни дурныхъ качествъ французовъ, онъ ихъ подсматривалъ и хладнокровно помѣчалъ. Постоянно изучая жизнь своего дяди, онъ въ ней не могъ найти ничего, кромѣ безпредѣльнаго презрѣнія къ французамъ и къ людямъ вообще. Терять этому человѣку было нечего, ожидать всего. Три года присматривался онъ и рискнулъ на-вѣрное.

Ему удалось, потому что его coup d'état отвѣчалъ необходимой потребности выйти куда бы то ни было, хоть въ полную гибель, но не оставаться въ ложномъ положеніи. Второе декабря лишено всякаго другого нравственнаго смысла. Это былъ выходъ. Парижскій народъ, хорошо понимая это, не защищалъ баррикадъ, потому что онъ былъ радъ перемѣнѣ; но скоро увидѣлъ, что онъ ничего не выигралъ. Умные консерваторы, съ своей стороны, поняли также, что побѣда не ихъ.

Но кто же побѣдилъ?

Переворотъ второго декабря, какъ іюньскіе дни, не имѣетъ знамени: онъ имѣетъ только собственное имя, бунтующую полицію, пьяныхъ солдатъ, подкупленныхъ генераловъ. Смерть явилась, какъ всегда въ острыхъ болѣзняхъ, безсмысленно, съ видомъ случайности, безъ разумнаго слова.

Говорятъ, что побѣдилъ *порядокъ*. Нѣтъ идеи бѣднѣе, жальче,

слабѣе, какъ идея порядка quand même, порядка въ смыслѣ полицейской тишины.

И, дѣйствительно, Людовикъ Наполеонъ долженъ все переказнить для того, чтобъ остаться на мѣстѣ; онъ не можетъ иначе удержаться. Что вы думаете, онъ оставитъ въ покоѣ орлеанистовъ, синихъ и красныхъ республиканцевъ?... Литература, поэзія, журналистика—все будетъ убито, словоохотливая Франція замолчитъ... Далѣе ему необходима война. На войну надобно много денегъ,— гдѣ ихъ взять, пока контрибуціи не раззорили цѣлыхъ племенъ?... Гдѣ? У капиталистовъ! И тутъ начнется цезарской коммунизмъ!

А! господа, вы продали ваши человѣческія права за блюдо чечевицы,- и воображаете, что вамъ его оставятъ. Нѣтъ! Куда вы пойдете жаловаться? Развѣ есть гласность, судъ, защита?—Нѣтъ! *Порядокъ* слишкомъ хорошо торжествуетъ: за крамолу въ тюрьму, за возраженіе въ Нука-Иву, въ Каену.

На этой стремнинѣ, при войнѣ, будетъ труднѣе удержать Францію, нежели взять корону изъ рукъ префекта полиціи. Но какое дѣло, спасается она или нѣтъ—побѣдитъ она или нѣтъ. Кто бы ни побѣдилъ, отъ монархическо-христіанской Европы, отъ старыхъ формъ не уцѣлѣетъ и половины.

Вся Европа выйдетъ изъ фугъ своихъ, будетъ втянута въ общій разгромъ: предѣлы странъ измѣнятся, народы соединятся другими группами, національности будутъ сломлены и оскорблены. Города, взятые приступомъ, ограбленные, обѣднѣютъ, образованіе падетъ, фабрики остановятся, въ деревняхъ будетъ пусто, земля останется безъ рукъ, какъ послѣ Тридцатилѣтней войны; усталые, заморенные народы покорятся всему, военный деспотизмъ замѣнитъ всякую законность и всякое управленіе. Тогда побѣдители начнутъ драку за добычу. Испуганная цивилизація, индустрія побѣгутъ въ Англію, въ Америку, унося съ собой отъ гибели кто деньги, кто науку, кто начатой трудъ. Изъ Европы сдѣлается нѣчто въ родѣ Богеміи послѣ гусситовъ.

И тутъ, на краю гибели и бѣдствій, начнется другая война— домашняя.

Напрасно жать плечами, негодовать и клясть. Развѣ вамъ этого не предсказалъ Ромье? «Или безвыходный цезаризмъ, или красный призракъ». Онъ только не договорилъ одного, что цезаризмъ приведетъ къ коммунизму; если же нѣтъ, то въ самомъ дѣлѣ въ Европѣ не только правительства и общественныя формы умерли, но и народы.

И чѣмъ эта война несправедливѣе войны мѣщанъ противъ дворянъ, либерализма противъ феодальной и монастырской собственности?

Мѣщане заработали свое достояніе трудомъ, дворяне кровью.

оба насиліемъ, потому что тѣмъ и другимъ помогало правительство. Революціонное правительство поможетъ третьимъ.

Да и какая тутъ справедливость! Мы видимъ, куда несется потокъ; доказывать юридически водопаду, чтобъ онъ не разливался, не топилъ бы чужихъ береговъ, ни къ чему не ведетъ.

Современный государственный бытъ съ своей *цивилизаціей* погибнутъ, будутъ, какъ учтиво выражается Прудонъ, *ликвидированы*.

Вамъ жаль цивилизаціи?

Жаль ея и мнѣ.

Но ея не жаль массамъ.

Смиреніе передъ неотвратимыми судьбами! И твердымъ шагомъ взойдемъ въ новый годъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо къ Ш. Риберолю, издателю журнала «L'Homme».

Гражданинъ издатель!

Три года тому назадъ вышли въ Германіи мои «Письма изъ Италіи и Франціи». Книга шла успѣшно; событія 1848 г., обсуживаемыя русскимъ, имѣли особенный интересъ.

Впослѣдствіи я написалъ еще нѣсколько писемъ, которыя не были напечатаны. Хотите ихъ для вашего журнала?

Мысль предложить ихъ вамъ пришла мнѣ въ голову, когда я увидѣлъ, какъ широко вы растворяете двери всѣмъ *революціоннымъ* мнѣніямъ, стало, и нашему.

...Будто есть *русское революціонное* мнѣніе? Чѣмъ оно можетъ отличаться отъ французскаго, нѣмецкаго? Родина русскаго образованія не въ Россіи, а въ Европѣ. Дѣйствительно, революціонная идея одна и та же; но положенія наши розны.

Никто еще не думалъ о странномъ, эксцентрическомъ положеніи русскаго на Западѣ, особенно когда онъ перестаетъ быть праздношатающимся.

Намъ дома скверно. Глаза постоянно обращены на дверь, которая открывается понемногу и изрѣдка. Ѣхать за-границу мечта каждаго порядочнаго человѣка. Мы стремимся видѣть, осязать міръ, знакомый намъ изученіемъ, котораго великолѣпный и величавый фасадъ, сложившійся вѣками, съ малолѣтства поражалъ насъ.

Русской вырывается за-границу въ какомъ-то опьяненіи, — сердце настежь, языкъ развязанъ; прусскій жандармъ въ Лауцагенѣ намъ кажется человѣкомъ, Кёнигсбергъ свободнымъ городомъ. Мы любили и уважали этотъ міръ заочно, мы входимъ въ него съ нѣкоторымъ смущеніемъ, мы съ уваженіемъ попираемъ почву, на ко-

торой совершалась великая борьба независимости и человѣческихъ правъ.

Сначала все кажется хорошо и притомъ, какъ мы ожидали, потомъ мало-по-малу мы начинаемъ что-то не узнавать, на что-то сердиться,— намъ не достаетъ пространства, шири воздуха, намъ просто неловко; со стыдомъ прячемъ мы это открытіе, ломаемъ прямое и откровенное чувство и прикидываемся закоснѣлыми европейцами,—это не удается.

Напрасно стараемся мы придать старческія черты молодому лицу, напрасно надѣваемъ выношенный узкой кафтанъ, кафтанъ рано или поздно порется и *варваръ* является съ обнаженной грудью, краснѣя своего неумѣнія носить чужое платье.

Знаменитое: grattez un Russe et vous trouverez un barbare—совершенно справедливо. Кто въ выигрышѣ, я не знаю. Но знаю то, что варваръ *этотъ* самый непріятный свидѣтель для Европы. Въ глазахъ русскаго она читаетъ горькій упрекъ; обидное удивленіе, которымъ смѣняется у него удивленіе совсѣмъ иное,—дѣйствуетъ непріятно, будитъ совѣсть...

Дѣло въ томъ, что мы являемся въ Европу съ ея собственнымъ идеаломъ и съ вѣрой въ него. Мы знаемъ Европу книжно, литературно, по ея праздничной одеждѣ, по очищеннымъ, перегнаннымъ отвлеченностямъ, по всплывшимъ и отстоявшимся мыслямъ, по вопросамъ, занимающимъ верхній слой жизни, по исключительнымъ событіямъ, въ которыхъ она не похожа на себя.

Все это вмѣстѣ составляетъ свѣтлую четверть европейской жизни. Жизнь темныхъ трехъ-четвертей не видна издали, вблизи—она постоянно передъ глазами.

Между дѣйствительностью, которая возносится къ идеалу, и той, которая теряется въ грязи улицъ, между цѣлью политическихъ и литературныхъ стремленій и цѣлью рыночной и домашней дѣятельности столько же различія, сколько вообще между жизнію христіанскихъ народовъ и евангельскимъ ученіемъ. Одно слово—другое дѣло; одно стремленіе—другое бытъ: одно безпрестанно говоритъ о себѣ—другое рѣдко оглашается и остается въ тѣни; у одной на умѣ созерцаніе—у другой нажива.

Разумѣется, бытъ этотъ непроизволенъ. Онъ сложился насильно, какъ могъ, изъ историческихъ данныхъ, накипѣлъ вѣками, захватилъ въ себя всякую грязь, всякія наслѣдственныя болѣзни, въ немъ остались наносы всѣхъ націй. Ряды народовъ жили, истощились и погибли въ этомъ потокѣ западной исторіи, который влечетъ съ собою ихъ кости и трупы, ихъ мысли и мечтанія. Онѣ носятся надъ этимъ глубокимъ моремъ, освѣщая его поверхность,—какъ нѣкогда носился духъ Божій надъ водами.

Но воды не раздѣляются.

Новый міръ можно только творить изъ хаоса. А старый міръ еще крѣпокъ, инымъ нравится, другіе привыкли къ нему.

Тягость этого состоянія западный человѣкъ, привыкнувшій къ противорѣчіямъ своей жизни, не такъ сильно чувствуетъ, какъ русскій.

И это не только потому, что русскій посторонній, но именно потому, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и *свой*. Посторонній смотритъ на особенности страны съ любопытствомъ, отмѣчаетъ ихъ съ равнодушіемъ чужаго; такъ смотрѣлъ Бу-Маза на Парижъ изъ своего дома на Елисейскихъ поляхъ; такъ смотритъ европеецъ на Китай.

Русскій, напротивъ, страстный зритель. онъ оскорбленъ въ своей любви. въ своемъ уповании, онъ чувствуетъ, что обманулся, онъ ненавидитъ такъ, какъ ненавидятъ ревнивые отъ избытка любви и довѣрія.

У бедуина есть своя почва, своя палатка, у него есть свой бытъ, онъ воротится къ нему, онъ отдохнетъ въ немъ. У еврея—у этого первозданнаго изгнанника, у этого допотопнаго эмигранта—есть кивотъ, на которомъ почіетъ его вѣра, во имя котораго онъ примиряется съ своимъ бытомъ.

Русской бѣднѣе бедуина, бѣднѣе еврея,—у него ничего нѣтъ, на чемъ бы онъ могъ примириться, что бы его утѣшило.

Ему остается удаленіе.

Но куда удалиться? Не всѣ способны день и ночь играть въ карты, пить мертвую чашу, отдаваться всевозможнымъ страстямъ, чтобъ заглушить тоску и умертвить душу. Есть люди, которые удаляются въ книгу, въ изученіе западной исторіи, науки. Они вживаются въ великія преданія XVIII вѣка: поклоненіе французской революціи—ихъ первая религія; свободное германское мышленіе—ихъ катехизисъ, и для нихъ не нужно было, чтобъ Фейербахъ разболталъ тайну Гегелева ученія, чтобъ понять ее.

Изъ этого міра исторіи, міра чистаго разума, онъ идетъ въ Европу, т. е. идетъ домой, возвращается... И находитъ то, что нашелъ бы въ IV, V столѣтіи какой-нибудь Остроготъ, начитавшійся св. Августина и пришедшій въ Римъ искать весь Господню.

Средневѣковые пилигримы находили, по крайней мѣрѣ, въ Іерусалимѣ пустой гробъ,—Воскресеніе Господне было снова подтверждено: русскій въ Европѣ находитъ *пустую* колыбель и женщину, истощенную мучительными родами.

Будетъ ли она жива?

Будетъ ли живъ ребенокъ?

Да? Нѣтъ?... Спросить не у кого, философы—суевѣрны, революціонеры—консервативны, они ничего не могутъ сказать. Наивный дикарь всю декораціонную часть, всю mise en scène, всю часть гиперболическую бралъ за чистыя деньги. Теперь разглядѣвши,

онъ знать ничего не хочетъ, онъ представляетъ къ учету какъ вексель писанныя теоріи, которымъ онъ вѣрилъ на слово,—надъ нимъ смѣются, и онъ съ ужасомъ догадывается о несостоятельности должниковъ «Гдѣ же, наконецъ, тѣ сильные, тѣ пророки, которые насъ вели, манили?»—Они то первые и обанкрутились. Ихъ мнимыя богатства были просто акціи на будущій капиталъ, это было приложеніе системы Ло къ нравственному міру.

Непослѣдовательность революціонныхъ людей, ихъ двойство глубоко оскорбляетъ насъ. Они поддерживаютъ одной рукой то, что ломаютъ другой; имъ жаль дряхлаго міра, и пока они мирволятъ ему, плачутъ объ немъ, міръ будущаго проходитъ у нихъ сквозь пальцы. Одни боятся логическаго вывода, другіе не могутъ его понять и почти всѣ стоятъ еще на томъ берегу, гдѣ дворцы, церкви, суды.

Печальное знаменіе остановки, предѣла, смерти бросается въ глаза и мы его равно читаемъ на челѣ мучениковъ, гибнущихъ на галерахъ. и на челѣ каторжниковъ, пирующихъ въ Тюльери.

— «И это рабы, Богъ вѣсть, зачѣмъ являющіеся изъ подъ своего снѣга, осмѣливаются видѣть?»

Не ихъ вина, если они видятъ. Варвары спокон вѣка отличались тонкимъ зрѣніемъ; намъ Геродотъ дѣлаетъ особую честь, говоря, что у насъ глаза ящерицы...

...«Русской, *снимая съ себя цѣпи*, становится самымъ свободнымъ человѣкомъ въ Европѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ его прошедшему? - Новая исторія Россіи начинается съ полнѣйшаго отреченія преданій.

«Съ другой стороны, ваше прошедшее служитъ намъ поученіемъ, но не больше, мы нисколько не считаемъ себя душеприказчиками вашей исторіи. Ваши сомнѣнія мы принимаемъ, но ваша вѣра насъ не трогаетъ, вы слишкомъ религіозны для насъ. Мы готовы дѣлить ваши ненависти, но не понимаемъ вашей привязанности къ наслѣдію вашихъ предковъ. Мы слишкомъ задавлены, слишкомъ несчастны. чтобъ удовлетвориться половинчатыми рѣшеніями. Вы многое щадите, васъ останавливаетъ раздумье совѣсти, благочестіе къ былому; насъ ничего не останавливаетъ, но мы безсильны, связаны по рукамъ и ногамъ. Отсюда наша вѣчная иронія, злоба, разъѣдающая насъ и ведущая насъ къ преждевременной смерти. Люди жертвуютъ собой безъ всякой надежды — отъ скуки, отъ тоски... Въ нашей жизни есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего неподвижнаго, ничего мѣщанскаго.

«Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ то, что вы уважаете,—съ какихъ поръ дѣтямъ въ воспитательныхъ домахъ ставятъ въ упрекъ, что они не почитаютъ родителей?

«Мы свободны, потому что начинаемъ съ самихъ себя. Преемственное въ насъ только наша организація, народная особность, прирожденная намъ, лежащая въ нашей крови, въ нашемъ инстинктѣ. Мы независимы, потому что у насъ ничего нѣтъ, намъ нечего любить.

«Что намъ за дѣло до вашихъ преемственныхъ обязанностей, намъ, меньшимъ и лишеннымъ наслѣдства? И какъ намъ принять вашу поблеклую нравственность, не человѣческую и не христіанскую, существующую только въ риторическихъ упражненіяхъ, въ воскресныхъ проповѣдяхъ, въ прокурорскихъ разглагольствованіяхъ? Съ чего намъ уважать ваши судебныя палаты съ ихъ тяжелыми, давящими сводами, безъ свѣта и воздуха, перестроенными на готическій ладъ въ средніе вѣка и побѣленными вольно - отпущенными мѣщанами послѣ революціи?...

«Мы ничего не примемъ изъ вражьяго стана.

«Россія никогда не будетъ протестантскою.

«Россія никогда не будетъ juste milieu.

«Она не возстанетъ только для того, чтобъ получить въ награду представителей-царей, судей-императоровъ, полицію-деспотовъ» [1]).

Вотъ что я писалъ въ сентябрѣ 1851.

Австрійскій Lloyd, говоря объ моей книгѣ Vom andern Ufer, называетъ меня русскимъ Іереміемъ, плачущимъ на развалинахъ іюньскихъ баррикадъ, и прибавляетъ, что книга моя замѣчательна какъ *патологическій* фактъ, показывающій, какой безпорядокъ вноситъ въ русскую голову нѣмецкая философія и французская революція.

Я принимаю все это.

Да, я плакалъ на іюньскихъ баррикадахъ, еще теплыхъ отъ крови, и теперь плачу при воспоминаніи объ этихъ проклятыхъ дняхъ, въ которыхъ канибалы порядка восторжествовали. Я буду очень счастливъ, если мои писанія могутъ служить для уясненія «патологіи» революціи, и цѣль моя будетъ совершенно достигнута, если я могу указать, какъ послѣднія молніи революціи сверкнули и отразились въъ русскомъ пониманіи.

Съ этой тройной точки зрѣнія, я вамъ предлагаю мои письма и братски привѣтствую васъ.

Лондонъ, 7 февраля, 1854 г.

---

[1]) Изъ письма моего къ Мишле

СЪ ТОГО БЕРЕГА.

Сыну моему Александру.

Другъ мой, Саша!

Я посвящаю тебѣ эту книгу, потому что я ничего не писалъ лучшаго и, вѣроятно, ничего лучшаго не напишу; потому что я люблю эту книгу, какъ памятникъ борьбы, въ которой я пожертвовалъ многимъ, но не отвагой знанія; потому, наконецъ, что я нисколько не боюсь дать въ твои отроческія руки этотъ, мѣстами дерзкой, протестъ независимой личности противъ воззрѣнія устарѣлаго, рабскаго и полнаго лжи, противъ нелѣпыхъ идоловъ, принадлежащихъ иному времени и безсмысленно доживающихъ свой вѣкъ между нами, мѣшая однимъ, пугая другихъ.

Я не хочу тебя обманывать,—знай истину, какъ я ее знаю; тебѣ эта истина пусть достанется не мучительными ошибками, не мертвящими разочарованіями, а просто по праву наслѣдства.

Въ твоей жизни придутъ иные вопросы, иныя столкновенія... Въ страданіяхъ, въ трудѣ недостатка не будетъ. Тебѣ 15 лѣтъ,—и ты уже испыталъ страшные удары.

Не ищи рѣшеній въ этой книгѣ,—ихъ нѣтъ въ ней, ихъ вообще нѣтъ у современнаго человѣка. То, что рѣшено, то кончено, а грядущій переворотъ только что начинается.

Мы не строимъ, мы ломаемъ, мы не возвѣщаемъ новаго откровенія, а устраняемъ старую ложь. Современный человѣкъ, печальный Pontifex Maximus, ставитъ только мостъ,—иной, неизвѣстный, будущій пройдетъ по немъ. Ты, можетъ, увидишь его... Не останься на *старомъ берегу*... Лучше съ нимъ погибнуть, нежели спастись въ богадѣльнѣ реакціи.

Религія грядущаго общественнаго пересозданія—одна религія, которую я завѣщаю тебѣ. Она безъ рая, безъ вознагражденія, кромѣ собственнаго сознанія, кромѣ совѣсти... Идти въ свое время проповѣдывать ее, къ намъ *домой*: тамъ любили когда-то мой языкъ и, можетъ, вспомнятъ меня.

...Благословляю тебя на этотъ путь во имя человѣческаго разума, личной свободы и братской любви!

Твой отецъ.

Твикенэмъ. 1 января. 1855 г.

«Vom andern Ufer»,—первая книга, изданная мною на Западѣ; рядъ статей, составляющихъ ее, былъ написанъ по русски въ 1848 и 49 году. Я ихъ самъ продиктовалъ молодому литератору Ф. Каппу по нѣмецки.

Теперь многое не ново въ ней. Пять страшныхъ лѣтъ научили кой-чему самыхъ упорныхъ людей, самыхъ нераскаянныхъ грѣшниковъ *нашего* берега. Въ началѣ 1850 г. книга моя сдѣлала много шума въ Германіи; ее хвалили и бранили съ ожесточеніемъ и рядомъ съ отзывами, больше нежели лестными, такихъ людей, какъ Юліусъ Фребель, Якоби, Фальмерейеръ, люди талантливые и добросовѣстные съ негодованіемъ нападали на нее.

Меня обвиняли въ проповѣдываніи отчаянія, въ незнаніи народа, въ dépit amoureux противъ революціи, въ *неуваженіи* къ демократіи, къ массамъ, къ Европѣ...

Второе декабря отвѣтило имъ громче меня.

Въ 1852 г. я встрѣтился въ Лондонѣ съ самымъ остроумнымъ противникомъ моимъ, съ Зольгеромъ: онъ укладывался, чтобъ скорѣе ѣхать въ Америку, въ Европѣ, казалось ему, *дѣлать* нечего. «Обстоятельства, замѣтилъ я, кажется, убѣдили васъ, что я былъ не вовсе неправъ?» «Мнѣ не нужно было столько, отвѣчалъ Зольгеръ, добродушно смѣясь, чтобъ догадаться, что я тогда писалъ большой вздоръ».

Не смотря на это милое сознаніе, общій выводъ сужденій, оставшееся впечатлѣніе были скорѣе противъ меня. Не выражаетъ ли это чувство раздражительности близость опасности, страхъ передъ будущимъ, желаніе скрыть свою слабость, капризное, окаменѣлое старчество?

...Странная судьба русскихъ видѣть дальше сосѣдей, видѣть мрачнѣе, и смѣло высказывать свое мнѣніе, русскихъ, этихъ «нѣмыхъ», какъ говорилъ Мишле.

Вотъ что писалъ гораздо прежде меня одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ: «Кто болѣе нашего славилъ преимущество XVIII вѣка, свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій?... Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества, но свѣтлый лучъ на-

дежды златилъ уже края оныхъ... Конецъ нашего вѣка почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностью... Гдѣ теперь эта утѣшительная система? Она разрушилась въ своемъ основаніи: XVIII-й вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобъ лечь въ нее съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза на вѣки.

«Кто могъ думать, ожидать, предвидѣть? Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Вѣкъ просвѣщенія, я не узнаю тебя: въ крови и пламени, среди убійствъ и разрушеній, я не узнаю тебя.

«Мизософы торжествуютъ. Вотъ плоды вашего просвѣщенія, говорятъ они, вотъ плоды вашихъ наукъ: да погибнетъ философія.—И бѣдный лишенный отечества, и бѣдный лишенный крова, отца, сына или друга, повторяетъ: да погибнетъ.

«Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно. Я увѣренъ, рука, сѣкущая мечемъ, утомится: сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли и громы умолкнутъ, тишина рано или поздно настанетъ, но какова будетъ она? Если мертвая, хладная, мрачная...

«Паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ, когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ, —что будетъ? Я ужасаюсь и чувствую трепетъ въ сердцѣ. Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ: положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ, освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины, —но что же будетъ съ міромъ?

«Я закрываю лицо свое!

«Уже ли родъ человѣческій доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія и долженъ снова погрузиться въ варварство и снова мало-по-малу выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню, который, будучи вознесенъ на верхъ горы, собственной тяжестью скатывается внизъ и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится? Печальный образъ!

«Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ вѣроятность сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ азіатскихъ народовъ и царствъ, но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ можно думать, что сіи народы были не варвары... Царства разрушались, народы исчезали, изъ праха ихъ рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и славились. Можетъ быть, эоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ.

«Египетское просвѣщеніе соединяется съ греческимъ. Римляне учились въ сей великой школѣ.

«Что же послѣдовало за сею блестящею эпохой? Варварство многихъ вѣковъ.

«Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась густая тьма. Наконецъ, солнце возсіяло, добрые и легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ, видѣли близкую цѣль совершенства и въ радостномъ упоеніи восклицали *берегъ!* но вдругъ небо дымится и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ тучахъ. О потомство! Какая участь ожидаетъ тебя?

«Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце, иногда упадаю на колѣна и простираю руки свои къ невидимому... Нѣтъ отвѣта! Голова моя клонится къ сердцу.

«Вѣчное движеніе въ одномъ кругу, вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи съ днемъ, капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ. Мой другъ! на что жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? На что жили предки наши? На что будетъ жить потомство?

«Духъ мой унылъ, слабъ и печаленъ!»

Эти выстраданныя строки, огненныя и полныя слезъ, были писаны въ концѣ девяностыхъ годовъ — *Н. М. Карамзинымъ*.

Введеніемъ къ русской рукописи были нѣсколько словъ, обращенныхъ къ друзьямъ на Руси. Я не счелъ нужнымъ повторять ихъ въ нѣмецкомъ изданіи—вотъ они:

ПРОЩАЙТЕ!

(Парижъ, 1 марта, 1849 г.).

Наша разлука продолжится еще долго, можетъ всегда. Теперь я не хочу возвратиться, потомъ не знаю, будетъ ли это возможно. Вы ждали меня, ждете теперь, надобно же объяснить, въ чемъ дѣло. Если я кому-нибудь повиненъ отчетомъ въ моемъ отсутствіи, въ моихъ дѣйствіяхъ, то это, конечно, вамъ, мои друзья.

Пожалуйста, не ошибитесь: не радость, не разсѣяніе, не отдыхъ, ни даже личную безопасность нашелъ я здѣсь; да и не знаю, кто можетъ находить теперь въ Европѣ радость и отдыхъ, отдыхъ во время землетрясенія, радость во время отчаянной борьбы. Вы видѣли грусть въ каждой строкѣ моихъ писемъ: жизнь здѣсь очень тяжела, ядовитая злоба примѣшивается къ любви, желчь къ слезѣ, лихорадочное безпокойство точитъ весь организмъ. Время прежнихъ обмановъ, упованій миновало. Я ни во что не вѣрю здѣсь, кромѣ въ кучку людей, въ небольшое число мыслей, да въ невозможность остановить движеніе: я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалѣю ничего изъ существующаго, ни ея вершинное образованіе, ни ея учрежденія... Я ничего не люблю въ этомъ мірѣ, кромѣ того, что онъ преслѣдуетъ, ничего не уважаю, кромѣ

того, что онъ казнитъ, и остаюсь... остаюсь страдать вдвойнѣ, страдать отъ своего горя и отъ его горя; погибнуть, можетъ быть, при разгромѣ и разрушеніи, къ которому онъ несется на всѣхъ парахъ.

Зачѣмъ же я остаюсь?

Остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность — я остаюсь здѣсь: за нее я отдаю все, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства, «гонимыхъ, но не низлагаемыхъ».

За эту рѣчь я переломилъ или, лучше сказать, заглушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзывовъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ — моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его друзей.

Дорого мнѣ стоило рѣшиться... Вы знаете меня... и повѣрите. Я заглушилъ внутреннюю боль, я перестрадалъ борьбу, и рѣшился не какъ негодующій юноша, а какъ человѣкъ, обдумавшій, что дѣлаетъ, сколько теряетъ... Мѣсяцы цѣлые взвѣшивалъ я, колебался, и, наконецъ, принесъ все на жертву:

Человѣческому достоинству,
Свободной рѣчи.

До послѣдствій мнѣ нѣтъ дѣла, они не въ моей власти, они скорѣе во власти своевольнаго каприза, который забылся до того, что очертилъ произвольнымъ циркулемъ не только наши слова, но и наши шаги. Въ моей власти было не послушаться, — я и не послушался.

Повиноваться противно своему убѣжденію, когда есть возможность не повиноваться, — безнравственно. Страдательная покорность становится почти невозможной. Я присутствовалъ при двухъ переворотахъ, я слишкомъ жилъ свободнымъ человѣкомъ, чтобъ снова позволить сковать себя: я испыталъ народныя волненія, я привыкъ къ свободной рѣчи, и не могу сдѣлаться вновь крѣпостнымъ, ни даже для того, чтобъ страдать съ вами. Если-бъ еще надо было умѣрить себя для общаго дѣла, можетъ, силы нашлись бы: но гдѣ на сію минуту наше общее дѣло? У васъ дома нѣтъ почвы, на которой можетъ стоять свободный человѣкъ. Можете ли вы послѣ этого звать?..

Свобода лица — величайшее дѣло: на ней и *только на ней* можетъ вырости дѣйствительная воля народа. Въ себѣ самомъ человѣкъ долженъ уважать свою свободу и чтить ее не менѣе, какъ

въ ближнемъ, какъ въ цѣломъ народѣ. Если вы въ этомъ убѣждены, то вы согласитесь, что остаться теперь здѣсь мое право, мой долгъ; это единственный протестъ, который можетъ у насъ сдѣлать личность, эту жертву она должна принести своему человѣческому достоинству. Ежели вы назовете мое удаленіе бѣгствомъ и извините меня только вашей любовью, это будетъ значить, что вы еще не совершенно свободны.

Я все знаю, что можно возразить съ точки зрѣнія романтическаго патріотизма и цивической натянутости; но я не могу допустить этихъ старовѣрческихъ воззрѣній, я ихъ пережилъ, я вышелъ изъ нихъ и именно противъ нихъ борюсь. Эти подогрѣтые остатки римскихъ и христіанскихъ воспоминаній мѣшаютъ больше всего водворенію истинныхъ понятій о свободѣ, понятій здоровыхъ, ясныхъ, возмужалыхъ. По счастію, въ Европѣ нравы и долгое развитіе восполняютъ долею нелѣпыя теоріи и нелѣпые законы. Люди, живущіе здѣсь, живутъ на почвѣ, удобренной двумя цивилизаціями; путь, пройденный ихъ предками въ продолженіе двухъ съ половиною тысячелѣтій, не былъ напрасенъ, много человѣческаго выработалось независимо отъ внѣшняго устройства и офиціальнаго порядка.

Въ самыя худшія времена европейской исторіи мы встрѣчаемъ нѣкоторое уваженіе къ личности, нѣкоторое признаніе независимости, нѣкоторыя права, уступаемыя таланту, генію. Несмотря на всю гнусность тогдашнихъ нѣмецкихъ правительствъ, Спинозу не послали на поселеніе, Лесинга не сѣкли или не отдали въ солдаты. Въ этомъ уваженіи не къ одной матеріальной, но и къ нравственной силѣ, въ этомъ невольномъ признаніи личности — одинъ изъ великихъ человѣческихъ принциповъ европейской жизни.

Въ Европѣ никогда не считали преступникомъ живущаго за границей и измѣнникомъ переселяющагося въ Америку.

У насъ нѣтъ ничего подобнаго. У насъ лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово у насъ всегда считалось за дерзость, самобытность за крамолу; человѣкъ пропадалъ въ государствѣ, распускался въ общинѣ. Переворотъ Петра I замѣнилъ устарѣлое, помѣщичье управленіе Русью — европейскимъ канцелярскимъ порядкомъ; все, что можно было переписать изъ шведскихъ и нѣмецкихъ законодательствъ, все, что можно было перенести изъ муниципально-свободной Голландіи въ страну общинно-самодержавную, все было перенесено; но неписанное, нравственно обуздывавшее власть, инстинктуальное признаніе правъ лица, правъ мысли, истины, не могло перейти и не перешло. Рабство у насъ увеличилось съ образованіемъ; государство росло, улучшалось, но лицо не выигрывало; напротивъ, чѣмъ сильнѣе становилось государство, тѣмъ слабѣе лицо.

Если-бъ Россія не была такъ пространна, если-бъ чужеземное устройство власти не было такъ смутно устроено и такъ безпорядочно выполнено, то безъ преувеличенія можно сказать, что въ Россіи нельзя бы было жить ни одному человѣку, понимающему сколько-нибудь свое достоинство.

Опьяненіе самовластія овладѣваетъ всѣми степенями знаменитой іерархіи въ четырнадцать ступеней. Во всѣхъ дѣйствіяхъ власти, во всѣхъ отношеніяхъ высшихъ къ низшимъ проглядываетъ нахальное безстыдство, наглое хвастовство своей безотвѣтственностью, оскорбительное сознаніе, что лицо все вынесетъ: тройной наборъ, законъ о заграничныхъ видахъ, исправительныя розги въ инженерномъ институтѣ. Такъ, какъ Малороссія вынесла крѣпостное состояніе въ XVIII вѣкѣ; такъ, какъ вся Русь, наконецъ, повѣрила, что людей можно продавать и перепродавать, и никогда никто не спросилъ, на какомъ законномъ основаніи все это дѣлается, ни даже тѣ, которыхъ продавали.

Я остаюсь здѣсь не только по тому, что мнѣ противно, переѣзжая черезъ границу, снова надѣть колодки, но для того, чтобъ работать. Жить сложа руки можно вездѣ: здѣсь мнѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ *нашего* дѣла.

Кто больше двадцати лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею пріобрѣлъ лучшія минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ ее не оставитъ, тотъ ее не приведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ, я здѣсь полезнѣе, я здѣсь безъ-цензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель.

Все это кажется новымъ и страннымъ только намъ, въ сущности тутъ ничего нѣтъ безпримѣрнаго. Во всѣхъ странахъ, при началѣ переворота, когда мысль еще слаба, а матеріальная власть необуздана, люди преданные и дѣятельные отъѣзжали, ихъ свободная рѣчь раздавалась издали, и самое это *издали* придавало словамъ ихъ силу и власть, потому что за словами виднѣлись дѣйствія, жертвы. Мощь ихъ рѣчей росла съ разстояніемъ, какъ сила верженія растетъ въ камнѣ, пущенномъ съ высокой башни.

Для русскихъ за границей есть еще другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего. Для этого знакомства обстоятельства превосходны: ей теперь какъ-то не идетъ гордиться и величаво завертываться въ мантію пренебрегающего незнанія: Европѣ не къ лицу das vornehme Ignoriren Россіи, съ тѣхъ поръ какъ она испытала мѣщанское самодержавіе и алжирскихъ казаковъ, съ тѣхъ поръ какъ отъ Дуная

до Атлантическаго океана она побывала въ осадномъ положеніи, съ тѣхъ поръ какъ тюрьмы, галеры полны гонимыхъ за убѣжденія... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; разскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; объ народѣ, который какъ то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ; который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкой разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія, и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать, чего они боятся.

До сихъ поръ мы были непростительно скромны и, сознавая свое тяжкое положеніе безправія, забывали все хорошее, полное надеждъ и развитія, что представляетъ наша народная жизнь. Мы дождались нѣмца для того, чтобъ рекомендоваться Европѣ. Не стыдно ли?

Успѣю ли я что сдѣлать?... Не знаю,—надѣюсь!

Итакъ, прощайте, друзья, надолго... Давайте ваши руки, вашу помощь, мнѣ нужно и то, и другое. А тамъ кто знаетъ, чего мы не видали въ послѣднее время! Быть можетъ, и *не такъ далекъ*, какъ кажется, тотъ день, въ который мы соберемся, какъ бывало въ Москвѣ, и безбоязненно сдвинемъ наши чаши.

Сердце отказывается вѣрить, что этотъ день не придетъ, замираетъ при мысли вѣчной разлуки. Будто я не вижу эти улицы, по которымъ я такъ часто ходилъ, полный юношескихъ мечтаній: эти домы, такъ сроднившіеся съ воспоминаніями, наши русскія деревни, нашихъ крестьянъ, которыхъ я вспоминалъ съ любовью на самомъ югѣ Италіи?... Не можетъ быть! — Ну, а если? Тогда я завѣщаю мой тостъ моимъ дѣтямъ и, умирая на чужбинѣ, сохраню вѣру въ будущность русскаго народа и благословлю его изъ дали моей добровольной ссылки!

I.

Передъ грозой.

(разговоръ на палубѣ).

Ist's denn so grosses Geheimniss was Gott und der Mensch und die Welt sei?
Nein, doch niemand hœrt's gerne, da bleibt es geheim.
Gœthe.

...Я согласенъ, что въ вашемъ взглядѣ много смѣлости, силы, правды, много юмору даже: но принять его не могу; можетъ, это дѣло организаціи, нервной системы. У васъ не будетъ послѣдователей, пока вы не научитесь перемѣнять крови въ жилахъ.

Быть можетъ. Однако мой взглядъ начинаетъ вамъ нравиться, вы отыскиваете физіологическія причины, обращаетесь къ природѣ.

Только навѣрное не для того, чтобъ успокоиться, отдѣлаться отъ страданій, смотрѣть въ безучастномъ созерцаніи съ высоты олимпическаго величія, какъ Гёте, на треволненный міръ и любоваться броженіемъ этого хаоса, безсильно стремящагося установиться.

Вы становитесь злы, но ко мнѣ это не относится; если я старался уразумѣть жизнь, у меня въ этомъ не было никакой цѣли, мнѣ хотѣлось что-нибудь узнать, мнѣ хотѣлось заглянуть подальше: все слышанное, читанное не удовлетворяло, не объясняло, а, напротивъ, приводило къ противорѣчіямъ или къ нелѣпостямъ. Я не искалъ для себя ни утѣшенія, ни отчаянія, и это потому, что былъ молодъ: теперь я всякое мимолетное утѣшеніе, всякую минуту радости цѣню очень дорого, ихъ остается все меньше и меньше. Тогда я искалъ только истины, посильнаго пониманья: много ли уразумѣлъ, много ли понялъ, не знаю. Не скажу, чтобъ мой взглядъ былъ особенно утѣшителенъ, но я сталъ покойнѣе, перестаѣлъ сердиться на жизнь за то, что она не даетъ того, чего не можетъ дать,—вотъ все выработанное мною.

Я, съ своей стороны, не хочу перестать ни сердиться, ни страдать: это такое человѣческое право, что я и не думаю поступиться имъ; мое негодованіе мой протестъ; я не хочу мириться.

Да и не съ кѣмъ. Вы говорите, что вы не хотите перестать страдать: это значитъ, что вы не хотите принять истины,

такъ, какъ она откроется вашей собственною мыслію, —можетъ, она и не потребуетъ отъ васъ страданій; вы впередъ отрекаетесь отъ логики, вы предоставляете себѣ по выбору принимать и отвергать послѣдствія. Помните того англичанина, который всю жизнь не признавалъ Наполеона императоромъ, что тому не помѣшало два раза короноваться. Въ такомъ упорномъ желаніи оставаться въ разрывѣ съ міромъ не только непослѣдовательность, но бездна суетности; человѣкъ любитъ эффектъ, роль, особенно трагическую: страдать хорошо, благородно, предполагаетъ несчастіе. Это еще не все,—сверхъ суетности тутъ бездна трусости. Не сердитесь за слово; изъ-за боязни узнать истину, многіе предпочитаютъ страданіе разбору; страданіе отвлекаетъ, занимаетъ, утѣшаетъ..., да, да, утѣшаетъ; а главное, какъ всякое занятіе, оно мѣшаетъ человѣку углубляться съ собою наединѣ. Мы постоянно ищемъ такихъ или другихъ картъ, соглашаемся даже проигрывать, лишь бы забыть дѣло. Наша жизнь постоянное бѣгство отъ себя, точно угрызенія совѣсти преслѣдуютъ, пугаютъ насъ. Какъ только человѣкъ становится на свои ноги, онъ начинаетъ кричать, чтобъ не слыхать рѣчей, раздающихся внутри; ему грустно —онъ бѣжитъ разсѣяться, ему нечего дѣлать—онъ выдумываетъ занятіе; отъ ненависти къ одиночеству —онъ дружится со всѣми, все читаетъ, интересуется чужими дѣлами, наконецъ, женится на скорую руку. Тутъ гавань, семейный міръ и семейная война не дадутъ много мѣста мысли; семейному человѣку какъ-то неприлично много думать; онъ не долженъ быть настолько празденъ. Кому и эта жизнь не удалась, тотъ напивается до пьяна всѣмъ на свѣтѣ —виномъ, нумизматикой, картами, скачками, женщинами, скупостью, благодѣяніями; ударяется въ мистицизмъ, идетъ въ іезуиты, налагаетъ на себя чудовищные труды, и они ему все-таки легче кажутся, нежели какая то угрожающая истина, дремлющая внутри его. Въ этой боязни изслѣдовать, чтобъ не увидать вздоръ изслѣдуемаго, въ этомъ искусственномъ недосугѣ, въ этихъ поддѣльныхъ несчастіяхъ, усложняя каждый шагъ вымышленными путями, мы проходимъ по жизни спросонья и умираемъ въ чаду нелѣпости и пустяковъ, не пришедши путемъ въ себя. Престранное дѣло: во всемъ, не касающемся внутреннихъ жизненныхъ вопросовъ, люди умны, смѣлы, проницательны; они считаютъ себя, напримѣръ, посторонними природѣ и изучаютъ ее добросовѣстно, тутъ другая метода, другой пріемъ. Не жалко ли такъ бояться правды, изслѣдованія? Положимъ, что много мечтаній поблекнутъ, будетъ не легче, а тяжеле, — все же нравственнѣе, достойнѣе, мужественнѣе не ребячиться. Если-бъ люди смотрѣли другъ на друга, какъ смотрятъ на природу, смѣясь, сошли бы они съ своихъ пьедесталей и курульныхъ креселъ, взглянули бы на жизнь проще, перестали бы вы-

ходить изъ себя за то, что жизнь не исполняетъ ихъ гордые приказы и личныя фантазіи. Вы, напримѣръ, ждали отъ жизни совсѣмъ не то, что она вамъ дала: вмѣсто того, чтобъ оцѣнить то, что она вамъ дала, вы негодуете на нее. Это негодованіе, пожалуй, хорошо, острая закваска, влекущая человѣка впередъ, къ дѣятельности, къ движенію: но, вѣдь, это одинъ начальный толчекъ, нельзя же только негодовать, проводить всю жизнь въ оплакиваніи неудачъ, въ борьбѣ и досадѣ. Скажите откровенно: чѣмъ вы искали убѣдиться, что требованія ваши истинны?

— Я ихъ не выдумывалъ, они невольно родились въ моей груди; чѣмъ больше я размышлялъ объ нихъ потомъ, тѣмъ яснѣе раскрывалась мнѣ ихъ справедливость, ихъ разумность,—вотъ мои доказательства. Это вовсе не уродство, не помѣшательство: тысячи другихъ, все наше поколѣніе страдаетъ почти также, больше или меньше, смотря по обстановкѣ, по степени развитія, и тѣмъ больше, чѣмъ больше развитія. Повсюдная скорбь—самая рѣзкая характеристика нашего времени; тяжелая скука налегла на душу современнаго человѣка, сознаніе нравственнаго безсилія его томитъ, отсутствіе довѣрія къ чему бы то ни было старѣетъ его прежде времени. Я на васъ смотрю, какъ на исключеніе, да и, сверхъ того, ваше равнодушіе мнѣ подозрительно, оно сбивается на охладившееся отчаяніе, на равнодушіе человѣка, который потерялъ не только надежду, но и безнадежность: это неестественный покой. Природа, истинная во всемъ, что дѣлаетъ, какъ вы повторяли нѣсколько разъ, должна быть истинна и въ этомъ явленіи скорби, тягости, всеобщность его даетъ ему нѣкоторое право. Сознайтесь, что именно съ вашей точки зрѣнія довольно трудно возражать на это.

— На что же непремѣнно возражать: я ничего лучше не прошу, какъ соглашаться съ вами. Тягостное состояніе, о которомъ вы говорите, очевидно, и, конечно, имѣетъ право на историческое оправданіе и еще болѣе на то, чтобъ сыскать выходъ изъ него. Страданіе, боль—это вызовъ на борьбу, это сторожевой крикъ жизни, обращающій вниманіе на опасность. Міръ, въ которомъ мы живемъ, умираетъ, то есть тѣ формы, въ которыхъ проявляется жизнь: никакія лекарства не дѣйствуютъ болѣе на обветшалое тѣло его; чтобъ легко вздохнуть наслѣдникамъ надобно его похоронить, а люди хотятъ непремѣнно его вылечить и задерживаютъ смерть. Вамъ, вѣрно, случалось видѣть удручающую грусть, томительную, тревожную неизвѣстность, которая распространяется въ домѣ, гдѣ есть умирающій, отчаяніе усиливается надеждой, нервы у всѣхъ натянуты, здоровые больны, дѣла не идутъ. Смерть больного облегчаетъ душу оставшихся: льются слезы, но нѣтъ болѣе убійственнаго ожиданія, несчастіе передъ глазами, во весь ростъ, без-

возвратное, отрѣзавшее всѣ надежды, и жизнь начинаетъ врачевать, примирять, брать новый оборотъ. Мы живемъ во время большой и трудной агоніи, это достаточно объясняетъ нашу тоску. Къ тому же предшествовавшіе вѣка особенно воспитали въ насъ грусть, болѣзненное томленіе. Три столѣтія тому назадъ все простое, здоровое, жизненное было еще подавлено: мысль едва осмѣливалась подымать свой голосъ, ея положеніе было похоже на положеніе жидовъ въ среднихъ вѣкахъ, лукавое по необходимости, рабское, озирающееся. Подъ этими вліяніями сложился нашъ умъ, онъ выросъ, возмужалъ внутри этой нездоровой сферы: отъ католическаго мистицизма онъ естественно перешелъ въ идеализмъ и сохранилъ боязнь своего естественнаго угрызенія обманутой совѣсти, притязанія на невозможныя блага: онъ остался при разладѣ съ жизнію, при романтической тоскѣ, онъ воспиталъ себя въ страданія и разорванность. Давно ли мы, застращенные съ дѣтства, перестали отказываться отъ самыхъ невинныхъ побужденій? Давно ли мы перестали содрогаться, находя внутри своей души страстные порывы, не взошедшіе въ каталогъ романтическаго тарифа? Вы давича сказали, что мучащія васъ требованія развились естественно: оно и такъ, и нѣтъ, все естественно: золотуха очень естественно происходитъ отъ дурного питанія, отъ дурного климата, но мы ее все же считаемъ чѣмъ-то чужимъ организму. Воспитаніе поступаетъ съ нами, какъ отецъ Аннибала съ своимъ сыномъ. Оно беретъ обѣтъ прежде сознанія, опутываетъ насъ нравственной кабалой, которую мы считаемъ обязательною по ложной деликатности, по трудности отдѣлаться отъ того, что привито такъ рано, наконецъ, отъ лѣни разобрать, въ чемъ дѣло. Воспитаніе насъ обманываетъ прежде, нежели мы въ состояніи понимать, увѣряетъ въ невозможномъ дѣтей, отрѣзываетъ имъ свободное и прямое отношеніе къ предмету. Подрастая, мы видимъ, что ничто не ладится, ни мысль, ни бытъ: что то, на что насъ учили опираться, гнило, хрупко, а отъ чего предостерегали какъ отъ яду, — цѣлебно: забитые и одураченные, пріученные къ авторитету и указкѣ, мы выходимъ съ лѣтами на волю, каждый своими силами добирается до истины, борясь, ошибаясь. Томимые желаніемъ знать, мы подслушиваемъ у дверей, стараемся разглядѣть въ щель, кривя душой, притворяясь, мы считаемъ правду за порокъ и презрѣніе ко лжи за дерзость. Мудрено ли послѣ этого, что мы не умѣемъ уладить ни внутренняго, ни внѣшняго быта, лишнее требуемъ, лишнее жертвуемъ, пренебрегаемъ возможнымъ и негодуемъ за то, что невозможное нами пренебрегаетъ: возмущаемся противъ естественныхъ условій жизни и покоряемся произвольному вздору. Вся наша цивилизація такова, она выросла въ нравственномъ междоусобіи: вырвавшись изъ школъ и монастырей, она не вышла въ жизнь, а

прошлась по ней, какъ Фаустъ, чтобъ посмотрѣть, порефлектировать и потомъ удалиться отъ грубой толпы въ гостиныя, въ академію, въ книги. Она совершила весь свой путь съ двумя знаменами въ рукахъ: «романтизмъ для сердца» было написано на одномъ, «идеализмъ для ума» на другомъ. Вотъ откуда идетъ большая доля неустройства въ нашей жизни. Мы не любимъ простого, мы не уважаемъ природу по преданію, хотимъ распоряжаться ею, хотимъ лечить заговариваніемъ и удивляемся, что больному не лучше: физика насъ оскорбляетъ своей независимой самобытностью, намъ хочется алхиміи, магіи; а жизнь и природа равнодушно идутъ своимъ путемъ, покоряясь человѣку по мѣрѣ того, какъ онъ выучивается дѣйствовать ихъ же средствами.

— Вы, кажется, меня считаете нѣмецкимъ поэтомъ, и то еще прошлой эпохи, которые сердились за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они ѣдятъ, и искали неземныхъ дѣвъ, «иную природу, другого солнца». Мнѣ не хочется ни магіи, ни мистеріи, а просто выйти изъ того состоянія души, которое вы сейчасъ представили въ десять разъ рѣзче меня; выйти изъ нравственнаго безсилія, изъ жалкой неприлагаемости убѣжденій, изъ хаоса, въ которомъ, наконецъ, мы перестали понимать, кто врагъ и кто другъ: мнѣ противно видѣть, куда ни обернусь, или пытаемыхъ, или пытающихъ. Какое колдовство нужно на то, чтобъ растолковать людямъ, что они сами виноваты въ томъ, что имъ такъ скверно жить, объяснить имъ, напримѣръ, что не надобно грабить нищаго, что противно объѣдаться возлѣ умирающаго съ голоду, что убійство равно отвратительно ночью на большой дорогѣ тайкомъ и днемъ открыто на площади при барабанномъ боѣ; что одно говорить, а другое дѣлать — подло... Словомъ, всѣ тѣ новыя истины, которыя говорятъ, повторяютъ, печатаютъ со временъ семи греческихъ мудрецовъ, да и тогда, я думаю, онѣ уже были очень стары. Моралисты, попы гремятъ съ каѳедръ, толкуютъ о нравственности, о грѣхахъ, читаютъ евангеліе, читаютъ Руссо, — никто не возражаетъ, и никто не исполняетъ.

— По совѣсти, жалѣть объ этомъ нечего. Всѣ эти ученія и проповѣди по большей части невѣрны, неудобоисполнимы и сбивчивѣе простого обычнаго быта. Бѣда въ томъ, что мысль забѣгаетъ всегда далеко впередъ, народы не поспѣваютъ за своими учителями. Возьмите наше время, нѣсколько человѣкъ коснулись переворота, который совершить не въ силахъ ни они сами, ни народы. Передовые думали, что стоитъ сказать: «брось одръ твой и иди за нами», — все и двинется; они ошиблись, народъ ихъ такъ же мало зналъ, какъ они его, имъ не повѣрили. Не замѣчая, что за ними никого нѣтъ, эти люди предводительствовали, шли впередъ; спохватившись, они стали кричать отставшимъ, махать, звать ихъ,

осыпать упреками, — но поздно, слишкомъ далеко, голоса не достаетъ, да и языкъ ихъ не тотъ, которымъ говорятъ массы. Намъ больно сознаться, что мы живемъ въ мірѣ, выжившемъ изъ ума, дряхломъ, истощенномъ, у котораго явнымъ образомъ не достаетъ силы и поведенія, чтобъ подняться на высоту собственной мысли: намъ жаль старый міръ, мы къ нему привыкли, какъ къ родительскому дому, мы поддерживаемъ его, стараясь его разрушить, и прилаживаемъ къ своимъ убѣжденіямъ его неспособныя формы, не видя, что первая іота ихъ — его смертный приговоръ. Мы носимъ платья, шитыя не по нашей мѣркѣ, а по мѣркѣ нашихъ прадѣдовъ; мозгъ нашъ образовался подъ вліяніемъ предшествующихъ обстоятельствъ, онъ многаго не осиливаетъ, многое видитъ подъ ложнымъ угломъ. Люди съ такимъ трудомъ добились до современнаго быта, онъ имъ кажется такою счастливой пристанью послѣ безумія феодализма и тупаго гнета, слѣдовавшаго за нимъ, что они боятся измѣнять его, они отяжелѣли въ его формахъ, обжились въ нихъ, привычка замѣнила привязанность, горизонтъ сжался,... размахъ мысли сдѣлался малъ, воля ослабла.

Прекрасная картина: добавьте, что возлѣ этихъ удовлетворенныхъ, которымъ современный порядокъ по плечу, съ одной стороны, бѣдный, неразвитый народъ, одичалый, отсталый, голодный, въ безвыходной борьбѣ съ нуждой, въ изнуряющей работѣ, которая не можетъ его пропитать; а съ другой, мы, неосторожно забѣжавшіе впередъ, землемѣры, вбивающіе вѣхи новаго міра, — и которые никогда не увидимъ даже выведеннаго фундамента. Отъ всѣхъ упованій, отъ всей жизни, которая прошла между рукъ (да еще какъ прошла) если что-нибудь осталось, то это вѣра въ будущее; когда-нибудь, долго послѣ нашей смерти, домъ, для котораго мы расчистили мѣсто, выстроится и въ немъ будетъ удобно и хорошо — другимъ.

Впрочемъ, нѣтъ причины думать, что новый міръ будетъ строиться по нашему плану...

...Молодой человѣкъ сдѣлалъ недовольное движеніе головой и посмотрѣлъ съ минуту на море, совершеннѣйшій штиль продолжался; тяжелая туча едва двигалась надъ головами, такъ низко, что дымъ парохода, стелясь, мѣшался съ ней; море было черно; воздухъ не освѣжалъ.

— Вы со мною поступаете, сказалъ онъ, помолчавъ, такъ, какъ разбойники съ путешественниками; ограбивши у меня все, вамъ кажется еще мало, вы добираетесь до послѣдняго рубища, которое меня предохраняетъ отъ стужи, до моихъ волосъ; вы заставили меня сомнѣваться во многомъ, у меня оставалось будущее, вы отнимаете его, вы грабите мои надежды, вы убиваете сны, какъ Макбетъ.

А я думалъ, что я больше похожъ на хирурга, который вырѣзываетъ дикое мясо.

Пожалуй, это еще лучше, хирургъ отрѣзываетъ больную часть тѣла, не замѣняя ее здоровой.

И по дорогѣ спасаетъ человѣка, освобождая его отъ тяжелыхъ узъ застарѣлой болѣзни.

Знаемъ мы ваше освобожденіе. Вы отворяете двери темницы и хотите вытолкнуть колодника въ степь, увѣряя его, что онъ свободенъ: вы ломаете Бастилію, но не воздвигаете ничего взамѣну острога, остается одно пустое мѣсто.

Это было бы чудесно, если-бъ было такъ, какъ вы говорите: худо то, что развалины, мусоръ мѣшаютъ на каждомъ шагу.

Чему мѣшаютъ? Гдѣ въ самомъ дѣлѣ наше призваніе, гдѣ наше знамя? во что мы вѣримъ, во что не вѣримъ?

Вѣримъ во все, не вѣримъ въ себя: вы ищете найти знамя, а я ищу потерять его; вы хотите указку, а мнѣ кажется, что въ извѣстный возрастъ стыдно читать съ указкой. Вы сейчасъ сказали, что мы вбиваемъ вѣхи новому міру...

— И ихъ вырываетъ изъ земли духъ отрицанія и разбора. Вы несравненно мрачнѣе меня смотрите на міръ и утѣшаете только для того, чтобъ еще ужаснѣе выразить современную тягость. Если и будущее не наше, тогда вся наша цивилизація ложь, мечта пятнадцатилѣтней дѣвочки, надъ которой она сама смѣется въ двадцать пять лѣтъ, наши труды вздоръ, наши усилія смѣшны, наши упованія похожи на ожиданія дунайскаго мужика. Впрочемъ, можетъ быть, вы то и хотите сказать, чтобъ мы бросили нашу цивилизацію, отказались отъ нея, воротились бы къ отставшимъ.

— Нѣтъ, отказаться отъ развитія невозможно. Какъ сдѣлать, чтобъ я не зналъ того, что знаю. Наша цивилизація лучшій цвѣтъ современной жизни. Кто же поступится своимъ развитіемъ? Но какое же это имѣетъ отношеніе къ осуществленію нашихъ идеаловъ, гдѣ лежитъ необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?

Стало-быть, наша мысль привела насъ къ несбыточнымъ надеждамъ, къ нелѣпымъ ожиданіямъ; съ ними, какъ съ послѣднимъ плодомъ нашихъ трудовъ, мы захвачены волнами на кораблѣ, который тонетъ. Будущее не наше, въ настоящемъ намъ нѣтъ дѣла; спасаться некуда, мы съ этимъ кораблемъ связаны на животъ и на смерть, остается, сложа руки, ждать, пока вода зальетъ, а кому скучно, кто поотважнѣе, тотъ можетъ броситься въ воду.

...Le monde fait naufrage,
Vieux bâtiment, usé par tous les flots,
Il s'engloutit — sauvons-nous à la nage! [1])

[1]) *Беранже.* На смерть Деку и Лебрю.

Я ничего лучше не прошу, но только есть разница между спасаться вплавь и топиться. Судьба молодыхъ людей, которыхъ вы напомнили этой пѣснью, страшна: сугубые страдальцы, мученики безъ вѣры, — смерть ихъ пусть падетъ на страшную среду, въ которой они жили, пусть обличаетъ ее, позоритъ; но кто же вамъ сказалъ, что нѣтъ другого выхода, другого спасенія изъ этого міра старчества и агоніи, — какъ смерть? Вы оскорбляете жизнь. Оставьте міръ, къ которому вы не принадлежите, если вы дѣйствительно чувствуете, что онъ вамъ чуждъ. Его не спасемъ, — спасите себя отъ угрожающихъ развалинъ; спасая себя, вы спасете будущее. Что вы имѣете общаго съ этимъ міромъ, — его цивилизацію? но вѣдь она теперь принадлежитъ вамъ, а не ему, онъ произвелъ ее, или, лучше сказать, изъ него произвели ее, онъ не грѣшенъ даже въ пониманіи ея; его образъ жизни — онъ вамъ ненавистенъ, да и, по правдѣ, трудно любить такую нелѣпость. Ваши страданія — онъ и не подозрѣваетъ; ваши радости ему не знакомы; вы молоды — онъ старъ; посмотрите, какъ онъ осунулся въ своей изношенной, аристократической ливреѣ, особенно послѣ тридцатаго года, лицо его подернулось матовой землистостью. Это facies hypocratica, по которой доктора узнаютъ, что смерть уже занесла косу. Безсильно усиливается оно иногда еще разъ схватить жизнь, еще разъ овладѣть ею, отдѣлаться отъ болѣзни, насладиться, — не можетъ, и впадаетъ въ тяжкій, горячечный полусонъ. Тутъ толкуютъ о фаланстерахъ, демократіяхъ, соціализмѣ, онъ слушаетъ и ничего не понимаетъ, иногда улыбается такимъ рѣчамъ, покачивая головою и вспоминая мечты, которымъ и онъ вѣрилъ когда-то, потомъ взошелъ въ разумъ и давно не вѣритъ... Оттого-то онъ старчески равнодушно смотритъ на коммунистовъ и іезуитовъ, на пасторовъ и якобинцевъ, на братьевъ Ротшильдъ и на умирающихъ съ голоду; онъ смотритъ на все несущееся передъ глазами, сжавши въ кулакъ нѣсколько франковъ, за которые готовъ умереть или сдѣлаться убійцей. Оставьте старика доживать, какъ знаетъ, свой вѣкъ въ богадѣльнѣ, вы для него ничего не сдѣлаете.

— Это не такъ легко, не говоря о томъ, что оно противно, куда бѣжать? Гдѣ эта новая Пенсильванія, готовая?...

— Для старыхъ построекъ изъ новаго кирпича Вильямъ Пеннъ везъ съ собою старый міръ на новую почву; Сѣверная Америка — исправленное изданіе прежняго текста, не болѣе. А христіане въ Римѣ перестали быть римлянами — этотъ внутренній отъѣздъ полезнѣе.

Мысль сосредоточиться въ себѣ, оторвать пуповину, связующую насъ съ родиной, съ современностью, проповѣдуется давно, но плохо осуществляется; она является у людей послѣ всякой не-

удачи, послѣ каждой утраченной вѣры, на ней опирались мистики и массоны, философы и иллюминаты: всѣ они указывали на внутренній отъѣздъ, — никто не уѣхалъ. Руссо? — И тотъ отворачивался отъ міра, страстно любя его, онъ отрывался отъ него, — потому что не могъ быть безъ него. Ученики его продолжали его жизнь въ конвентѣ, боролись, страдали, казнили другихъ, снесли свою голову на плаху, но не ушли ни вонъ изъ Франціи, ни вонъ изъ кипѣвшей дѣятельности.

Ихъ время нисколько не было похоже на наше. У нихъ впереди было бездна упованій. Руссо и его ученики воображали, что если ихъ идеи братства не осуществляются, то это отъ матеріальныхъ препятствій — тамъ сковано слово, тутъ дѣйствіе невольно — и они, совершенно послѣдовательно, шли грудью противъ всего, мѣшавшаго ихъ идеѣ: задача была страшная, гигантская, но они побѣдили. Побѣдивши, они думали: вотъ теперь-то..., но теперь-то ихъ повели на гильотину, и это было самое лучшее, что могло съ ними случиться: они умерли съ полной вѣрой, ихъ унесла бурная волна, середи битвы, труда, опьянѣнья, они были увѣрены, что когда возвратится тишина, ихъ идеалъ осуществится безъ нихъ, но осуществится. Наконецъ, этотъ штиль пришелъ. Какое счастіе, что всѣ эти энтузіасты давно были схоронены! Имъ бы пришлось увидѣть, что дѣло ихъ не подвинулось ни на вершокъ, что ихъ идеалы остались идеалами, что недостаточно разобрать по камешку Бастилію, чтобъ сдѣлать колодниковъ свободными людьми. Вы сравниваете насъ съ ними, забывая, что мы знаемъ событія пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ ихъ смерти, что мы были свидѣтелями, какъ всѣ упованія теоретическихъ умовъ были осмѣяны, какъ демоническое начало исторіи нахохоталось надъ ихъ наукой, мыслію, теоріей, какъ оно изъ республики сдѣлало Наполеона, изъ революціи 1830 г. биржевой оборотъ. Свидѣтели всего бывшаго, мы не можемъ имѣть надежды нашихъ предшественниковъ. Глубже изучивши революціонные вопросы, мы требуемъ теперь и больше и шире того, что они требовали, а ихъ-то требованія остались тою же неприлагаемостью, какъ были. Съ одной стороны, вы видите логическую послѣдовательность мысли, ея успѣхъ; съ другой, полное безсиліе ея надъ міромъ глухимъ, нѣмымъ, безсильнымъ схватить мысль спасенія, такъ, какъ она высказывается ему: — потому ли что она дурно высказывается, или потому, что имѣетъ только теоретическое, книжное значеніе, какъ напримѣръ римская философія, не выходившая никогда изъ небольшого круга образованныхъ людей.

Но кто же по вашему правъ? Мысль ли теоретическая, которая точно также развилась и сложилась исторически, но сознательно, или фактъ современнаго міра, отвергающій мысль и пред-

ставляющій такъ же, какъ она, необходимый результатъ прошедшаго?

— Оба совершенно правы. Вся эта запутанность выходитъ изъ того, что жизнь имѣетъ свою эмбріогенію, не совпадающую съ діалектикой чистаго разума. Я помянулъ древній міръ, вотъ вамъ примѣръ: вмѣсто того, чтобъ осуществлять республику Платона и политику Аристотеля, онъ осуществляетъ римскую республику и политику ихъ завоевателей: вмѣсто утопій Цицерона и Сенеки, Лонгобардскія графства и германское право.

— Не пророчите ли вы и нашей цивилизаціи такую же гибель, какъ римской? —утѣшительная мысль и прекрасная перспектива...

— Не прекрасная и не дурная. Отчего васъ удивляетъ мысль, которая до пошлости извѣстна, что все на свѣтѣ преходящее? Впрочемъ, цивилизаціи не гибнутъ, пока родъ человѣческій продолжаетъ жить безъ совершеннаго перерыва, — у людей память хороша. Развѣ римская цивилизація не жива для насъ? а она точно такъ же, какъ наша, вытянулась далеко за предѣлы окружавшей жизни; именно отъ этого она, съ одной стороны, и расцвѣла такъ пышно, такъ великолѣпно, а съ другой, не могла фактически осуществиться. Она принесла свое міру современному, она приноситъ многое намъ, но ближайшее будущее Рима прозябало на другихъ пажитяхъ—въ катакомбахъ, гдѣ прятались гонимые христіане, въ лѣсахъ, гдѣ кочевали дикіе германы.

Какъ же это въ природѣ все такъ цѣлесообразно, а цивилизація, высшее усиліе, вѣнецъ эпохи, выходитъ безцѣльно изъ нея, выпадаетъ изъ дѣйствительности и увядаетъ, наконецъ, оставляя по себѣ неполное воспоминаніе? Между тѣмъ человѣчество отступаетъ назадъ, бросается въ сторону и начинаетъ съизнова тянуться, чтобъ окончить такимъ же махровымъ цвѣтомъ — пышнымъ, но лишеннымъ сѣмянъ... Въ вашей философіи исторіи есть что-то возмущающее душу: для чего эти усилія? Жизнь народовъ становится праздной игрой, лѣпитъ, лѣпитъ по песчинѣ, по камешку, а тутъ опять все рухнется на земь и люди ползутъ изъ подъ развалинъ, начинаютъ снова расчищать мѣсто да строить хижины изо мха, досокъ и упадшихъ капителей, достигая вѣками, долгимъ трудомъ — паденія. Шекспиръ не даромъ сказалъ, что исторія—скучная сказка, разсказанная дуракомъ.

— Это ужъ такой печальный взглядъ у васъ. Вы похожи на тѣхъ монаховъ, которые при встрѣчѣ ничего лучшаго не находятъ сказать другъ другу, какъ мрачное memento mori, или на тѣхъ чувствительныхъ людей, которые не могутъ вспомнить безъ слезъ, что «люди родятся для того, чтобъ умереть». Смотрѣть на конецъ, а не на самое дѣло — величайшая ошибка. На что растенію этотъ яркій пышный вѣнчикъ, на что этотъ упоительный запахъ, кото-

рый пройдетъ, — совсѣмъ не нужно? Но природа вовсе не такъ скупа и не такъ пренебрегаетъ мимоидущимъ, настоящимъ, она на каждой точкѣ достигаетъ всего, чего можетъ достигнуть, идетъ до нельзя. до запаха, до наслажденія, до мысли... до того, что разомъ касается до предѣловъ развитія и до смерти, которая осаживаетъ. умѣряетъ слишкомъ поэтическую фантазію и необузданное творчество ея. Кто же станетъ негодовать на природу за то, что цвѣты утромъ распускаются, а вечеромъ вянутъ, что она розѣ и лиліи не умѣетъ придавать прочности кремня? И этотъ-то бѣдный, прозаическій взглядъ мы хотимъ перенести въ историческій міръ! Кто ограничилъ цивилизацію однимъ прилагаемымъ? — гдѣ у нея заборъ? Она безконечна какъ мысль, какъ искусство, она чертитъ идеалы жизни, она мечтаетъ апотеозу своего собственнаго быта. но на жизни не лежитъ обязанность исполнять ея фантазій и мысли, тѣмъ болѣе, что это было бы только улучшенное изданіе того же, а жизнь любитъ новое. Цивилизація Рима была гораздо выше и человѣчественнѣе, нежели варварской порядокъ; но въ его нестройности были зародыши развитія тѣхъ сторонъ, которыхъ вовсе не было въ римской цивилизаціи и варварство восторжествовало, не смотря ни на Corpus juris civilis, ни на мудрое воззрѣніе римскихъ философовъ. Природа рада достигнутому и домогается высшаго: она не хочетъ обижать существующее; пусть оно живетъ, пока есть силы, пока новое подростаетъ. Вотъ отчего такъ трудно произведенія природы вытянуть въ прямую линію, природа ненавидитъ фрунтъ, она бросается во всѣ стороны и никогда не идетъ правильнымъ маршемъ впередъ. Дикіе германы были въ своей непосредственности, potentialiter, выше образованныхъ римлянъ.

— Я начинаю подозрѣвать, что вы поджидаете нашествіе варваровъ и переселеніе народовъ.

— Я гадать не люблю. Будущаго нѣтъ, его образуетъ совокупность тысячи условій необходимыхъ и случайныхъ, да воля человѣческая, придающая нежданныя драматическія развязки и coups de théâtre. Исторія импровизируется, рѣдко повторяется, она пользуется всякой нечаянностью, стучится разомъ въ тысячу воротъ... которыя отопрутся... кто знаетъ.

— Можетъ, балтійскіе, — и тогда Россія хлынетъ на Европу?

— Можетъ быть.

И вотъ мы, долго мудрствуя, пришли опять къ бѣличьему колесу, опять къ corsi и ricorsi старика Вико. Опять возвратились къ Реѣ, безпрерывно рождающей въ страшныхъ страданіяхъ дѣтей, которыми закусываетъ Сатурнъ. Рея только стала добросовѣстна и не подмѣниваетъ новорожденныхъ каменьями, да и не стоитъ труда, въ числѣ ихъ нѣтъ ни Юпитера, ни Марса... Какая цѣль всего этого? Вы обходите этотъ вопросъ, не рѣшая его. Стоитъ ли

дѣтямъ родиться для того, чтобъ отецъ ихъ съѣлъ, да вообще стоитъ ли игра свѣчъ?

— Какъ не стоитъ! тѣмъ болѣе, что не вы за нихъ платите. Васъ смущаетъ, что не всѣ игры доигрываются, но безъ этого онѣ были бы нестерпимо скучны. Гёте давнымъ давно толковалъ, что красота проходитъ, потому что только преходящее и можетъ быть красиво, — это обижаетъ людей. У человѣка есть инстинктивная любовь къ сохраненію всего, что ему нравится; родился, — такъ хочетъ жить во всю вѣчность; влюбился, — такъ хочетъ любить и быть любимымъ во всю жизнь, какъ въ первую минуту признанія. Онъ сердится на жизнь, видя, что въ пятьдесятъ лѣтъ нѣтъ той свѣжести чувствъ, той звонкости ихъ, какъ въ двадцать. Но такая неподвижная стоячесть противна духу жизни, — она ничего личнаго, индивидуальнаго не готовитъ впрокъ, она всякой разъ вся изливается въ настоящую минуту и, надѣляя людей способностью наслажденія, насколько можно, не страхуетъ ни жизни, ни наслажденія, не отвѣчаетъ за ихъ продолженіе. Въ этомъ безпрерывномъ движеніи всего живого, въ этихъ повсюдныхъ перемѣнахъ природа обновляется, живетъ, ими она вѣчно молода. Оттого каждый историческій мигъ полонъ, замкнутъ по своему, какъ всякій годъ съ весной и лѣтомъ, съ зимой и осенью, съ бурями и хорошей погодой. Оттого каждый періодъ новъ, свѣжъ, исполненъ своихъ надеждъ, самъ въ себѣ носитъ свое благо и свою скорбь, настоящее принадлежитъ ему, но людямъ этого мало, имъ хочется, чтобъ и будущее было ихъ

Человѣку больно, что онъ и въ будущемъ не видитъ пристани, къ которой стремится. Онъ съ тоскливымъ безпокойствомъ смотритъ передъ собою на безконечный путь и видитъ, что также далекъ отъ цѣли, послѣ всѣхъ усилій, какъ за тысячу лѣтъ, какъ за двѣ тысячи лѣтъ.

А какая цѣль пѣсни, которую поетъ пѣвица?... Звуки, вырывающіеся изъ ея груди, звуки, умирающіе въ ту минуту, какъ раздались. Если вы, кромѣ наслажденія ими, будете искать что-нибудь, выжидать иной цѣли, вы дождетесь, когда кантатриса перестанетъ пѣть и у васъ останется воспоминаніе и раскаяніе, что вмѣсто того, чтобъ слушать, вы ждали чего-то... Васъ сбиваютъ категоріи, которыя дурно уловляютъ жизнь. Вы подумайте порядкомъ, что эта цѣль — программа, что ли, или приказъ? Кто его составилъ, кому онъ объявленъ, обязателенъ онъ, или нѣтъ? Если да, — то что мы: куклы, или люди въ самомъ дѣлѣ, нравственно свободныя существа, или колеса въ машинѣ. Для меня легче жизнь, а слѣдственно, и исторію считать за достигнутую цѣль, нежели за средство достиженія.

То есть, просто, цѣль природы и исторіи — мы съ вами?...

— Отчасти, да *плюсъ* настоящее всего существующаго: тутъ все входитъ: и наслѣдіе всѣхъ прошлыхъ усилій и зародыши всего, что будетъ: вдохновеніе артиста и энергія гражданина и наслажденіе юноши, который въ эту самую минуту пробирается гдѣ-нибудь къ завѣтной бесѣдкѣ, гдѣ его ждетъ подруга, робкая и отдающаяся вся настоящему, не думая ни о будущемъ, ни о цѣли... и веселье рыбы, которая плещется, вотъ на мѣсячномъ свѣтѣ... и гармонія всей солнечной системы... словомъ, какъ послѣ феодальныхъ титуловъ, я смѣло могу поставить три «и прочая... и прочая...»

— Вы совершенно правы относительно природы, но, мнѣ кажется, вы забыли, что черезъ всѣ измѣненія и спутанности исторіи прошла красная нитка, связующая ее въ одно цѣлое: эта нитка прогрессъ, или, можетъ быть, вы не принимаете и прогрессъ?

Прогрессъ неотъемлемое свойство сознательнаго развитія, которое не прерывалось: это дѣятельная память и физіологическое усовершеніе людей общественной жизнію.

— Неужели вы тутъ не видите цѣли?

Совсѣмъ напротивъ, я тутъ вижу послѣдствіе. Если прогрессъ цѣль, то для кого мы работаемъ? Кто этотъ Молохъ, который, по мѣрѣ приближенія къ нему тружениковъ, вмѣсто награды пятится и въ утѣшеніе изнуреннымъ и обреченнымъ на гибель толпамъ, которыя ему кричатъ: morituri te salutant, только и умѣетъ отвѣтить горькой насмѣшкой, что послѣ ихъ смерти будетъ прекрасно на землѣ. Неужели и вы обрекаете современныхъ людей на жалкую участь каріатидъ, поддерживающихъ террасу, на которой когда-нибудь другіе будутъ танцовать.... или на то, чтобъ быть несчастными работниками, которые, по колѣно въ грязи, тащутъ барку съ таинственнымъ руномъ и съ смиренной надписью «*прогрессъ* въ будущемъ» на флагѣ. Утомленные падаютъ на дорогѣ, другіе съ свѣжими силами принимаются за веревки, а дороги, какъ вы сами сказали, остается столько же, какъ при началѣ, потому что прогрессъ безконеченъ. Это одно должно было настороживать людей: цѣль безконечно далекая не цѣль, а если хотите, уловка: цѣль должна быть ближе, по крайней мѣрѣ заработная плата или наслажденіе въ трудѣ. Каждая эпоха, каждое поколѣніе, каждая жизнь имѣли, имѣютъ свою полноту, по дорогѣ развиваются новыя требованія, испытанія, новыя средства, однѣ способности усовершаются насчетъ другихъ, наконецъ, самое вещество мозга улучшается... Что вы улыбаетесь?... Да, да, церебринъ улучшается... Какъ все естественное становится вамъ ребромъ, удивляетъ васъ, идеалистовъ, точно какъ нѣкогда рыцари удивлялись, что виланы хотятъ тоже человѣческихъ правъ. Когда Гёте былъ въ Италіи, онъ сравнивалъ черепъ древняго быка съ черепомъ нашихъ быковъ и нашелъ, что у нашего кость тоньше, а

вмѣстилище большихъ полушарій мозга пространнѣе: древній быкъ былъ, очевидно, сильнѣе нашего, а нашъ развился въ отношеніи къ мозгу въ своемъ мирномъ подчиненіи человѣку. За что же вы считаете человѣка менѣе способнымъ къ развитію, нежели быкъ? Этотъ родовой ростъ не цѣль, какъ вы полагаете, а свойство преемственно продолжающагося существованія поколѣній. Цѣль для каждаго поколѣнія—оно само. Природа не только никогда не дѣлаетъ поколѣній средствами для достиженія будущаго, но она вовсе объ будущемъ не заботится: она готова, какъ Клеопатра, распустить въ винѣ жемчужину, лишь бы потѣшиться въ настоящемъ. У нея сердце баядеры и вакханки.

И бѣдная не можетъ осуществить своего призванія!... Вакханка на діэтѣ, баядера въ траурѣ!... Въ наше время она, право, скорѣе похожа на кающуюся Магдалину: или, можетъ, мозгъ выдѣлался въ сторону.

Вы вмѣсто насмѣшки сказали вещь, которая гораздо дѣльнѣе, нежели вы думаете. Одностороннее развитіе всегда влечетъ за собою avortement другихъ забытыхъ сторонъ. Дѣти, слишкомъ развитыя въ психическомъ отношеніи, дурно растутъ, слабы тѣломъ; вѣками не-естественнаго быта мы воспитали себя въ идеализмъ, въ искусственную жизнь и разрушили равновѣсіе. Мы были велики и сильны, даже счастливы въ нашей отчужденности, въ нашемъ теоретическомъ блаженствѣ, а теперь перешли эту степень, и она стала для насъ невыносима; между тѣмъ разрывъ съ практическими сферами сдѣлался страшный: виноватыхъ въ этомъ нѣтъ ни съ той, ни съ другой стороны. Природа натянула всѣ мышцы, чтобъ перешагнуть въ человѣкѣ ограниченность звѣря; а онъ такъ перешагнулъ, что одной ногой совсѣмъ вышелъ изъ естественнаго быта, сдѣлалъ онъ это потому, что онъ свободенъ. Мы столько толкуемъ о волѣ, такъ гордимся ею и въ то же время досадуемъ за то, что насъ никто не ведетъ за руку, что оступаемся и несемъ послѣдствія своихъ дѣлъ. Я готовъ повторить ваши слова, что мозгъ выдѣлался въ сторону отъ идеализма, люди начинаютъ замѣчать это и идутъ теперь въ другую сторону: они вылечатся отъ идеализма такъ, какъ вылечились отъ другихъ историческихъ болѣзней, отъ рыцарства, отъ католицизма, отъ протестантизма...

Согласитесь впрочемъ, что путь развитія болѣзнями и отклоненіями—престранный.

Да, вѣдь, путь и не назначенъ... Природа слегка, самыми общими нормами, намекнула свои виды и предоставила всѣ подробности на волю людей, обстоятельствъ, климата, тысячи столкновеній. Борьба, взаимное дѣйствіе естественныхъ силъ и силъ воли, которой слѣдствія нельзя знать впередъ, придаетъ погло-

щающій интересъ каждой исторической эпохѣ. Если-бъ человѣчество шло прямо къ какому-нибудь результату, тогда исторіи не было бы, а была бы логика, человѣчество остановилось бы готовымъ въ непосредственномъ statu quo, какъ животныя. Все это, по-счастію, невозможно, не нужно и хуже существующаго. Животный организмъ мало-по-малу развиваетъ въ себѣ инстинктъ, въ человѣкѣ развитіе идетъ далѣе... Выработывается разумъ и выработывается трудно, медленно, — *его нѣтъ* ни въ природѣ, ни внѣ природы, его надобно достигать, съ нимъ улаживать жизнь какъ придется, потому что libretto нѣтъ. А будь libretto, исторія потеряетъ весь интересъ, сдѣлается ненужна, скучна, смѣшна: горесть Тацита и восторгъ Колумба превратятся въ шалость, въ гаерство: великіе люди сойдутъ на одну доску съ театральными героями, которые, худо ли, хорошо ли, играютъ, непремѣнно идутъ и дойдутъ къ извѣстной развязкѣ. Въ исторіи все импровизація, все воля, все ex tempore, впередъ ни предѣловъ, ни маршрутовъ нѣтъ, есть условія, святое безпокойство, огонь жизни, и вѣчный вызовъ бойцамъ пробовать силы, идти вдаль, куда хотятъ, куда только есть дорога, а гдѣ ея нѣтъ, тамъ ее сперва проложитъ геній.

— А если на бѣду не найдется Колумба?

— Кортесъ сдѣлаетъ за него. Геніальныя натуры почти всегда находятся, когда ихъ нужно; впрочемъ, въ нихъ нѣтъ необходимости, народы дойдутъ послѣ, дойдутъ иной дорогой, болѣе трудной: геній — роскошь исторіи, ея поэзія, ея coup d'état, ея скачекъ, торжество ея творчества.

— Все это хорошо, но, мнѣ кажется, при такой неопредѣленности, распущенности, исторія можетъ продолжаться во вѣки вѣковъ или завтра окончиться.

— Безъ сомнѣнія. Со скуки люди не умрутъ, если родъ человѣческій очень долго заживется: хотя, вѣроятно, люди и натолкнутся на какіе-нибудь предѣлы, лежащіе въ самой природѣ человѣка, на такія физіологическія условія, которыхъ нельзя будетъ перейти, оставаясь человѣкомъ, но собственно недостатка въ дѣлѣ, въ занятіяхъ не будетъ: три-четверти всего, что мы дѣлаемъ, повтореніе того, что дѣлали другіе. Изъ этого вы видите, что исторія можетъ продолжаться милліоны лѣтъ. Съ другой стороны, я ничего не имѣю противъ окончанія исторіи завтра. Мало ли что можетъ быть! Энкіева комета зацѣпитъ земной шаръ, геологическій катаклизмъ пройдетъ по поверхности, ставя все вверхъ дномъ, какое-нибудь газообразное испареніе сдѣлаетъ на полъ-часа невозможнымъ дыханіе, — вотъ вамъ и финалъ исторіи.

— Фу, какіе ужасы! Вы меня стращаете, какъ маленькихъ дѣтей, но я увѣряю васъ, что этого не будетъ. Стоило бы очень развиваться три тысячи лѣтъ съ пріятной будущностью задохнуться

отъ какого-нибудь сѣрноводороднаго испаренія! Какъ же вы не видите, что это нелѣпость?

— Я удивляюсь, какъ это вы до сихъ поръ не привыкнете къ путямъ жизни. Въ природѣ такъ, какъ въ душѣ человѣка, дремлетъ безконечное множество силъ, возможностей: какъ только соберутся условія, нужныя для того, чтобъ ихъ возбудить, онѣ развиваются и будутъ развиваться до нельзя, онѣ готовы собой наполнить міръ, но онѣ могутъ запнуться на полдорогѣ, принять иное направленіе, остановиться, разрушиться. Смерть одного человѣка не меньше нелѣпа, какъ гибель всего рода человѣческаго. Кто намъ обезпечилъ вѣковѣчность планеты? Она такъ же мало устоитъ при какой-нибудь революціи въ солнечной системѣ, какъ геній Сократа устоялъ противъ цикуты — но можетъ ей не подадутъ этой цикуты... можетъ... я съ этого началъ. Въ сущности для природы это все равно, ея не убудетъ, изъ нея ничего не вынешь, все въ ней, какъ ни мѣняй, и она съ величайшей любовью, похоронивши родъ человѣческій, начнетъ опять съ уродливыхъ папоротниковъ и съ ящерицъ въ полверсты длиною, вѣроятно, еще съ какими-нибудь усовершеніями, взятыми изъ новой среды и изъ новыхъ условій.

— Ну, для людей это далеко не все равно: я думаю, Александръ Македонскій нисколько не былъ бы радъ, узнавши, что онъ пошелъ на замазку, какъ говоритъ Гамлетъ.

— Насчетъ Александра Македонскаго я васъ успокою, — онъ этого никогда не узнаетъ. Разумѣется, что для человѣка совсѣмъ не все равно жить или не жить: изъ этого ясно одно, что надобно пользоваться жизнію, настоящимъ: не даромъ природа всѣми языками своими безпрерывно манитъ къ жизни и шепчетъ на ухо всему свое vivere memento.

— Напрасный трудъ. Мы помнимъ, что мы живемъ, по глухой боли, по досадѣ, которая точитъ сердце, по однообразному бою часовъ... Трудно наслаждаться, пьянить себя, зная, что весь міръ около васъ рушится, и, стало-быть, гдѣ-нибудь задавитъ же и васъ. Да еще это куда бы ни шло, а то умереть на старости лѣтъ, видя, что ветхія покачнувшіяся стѣны и не думаютъ падать. Я не знаю въ исторіи такого удушливаго времени: была борьба, были страданія и прежде, но была еще какая-нибудь замѣна, можно было погибнуть, по крайней мѣрѣ, съ вѣрой, — намъ не за что умирать и не для чего жить... самое время наслаждаться жизнію!

— А вы думаете, что въ падающемъ Римѣ было легче жить?

— Конечно, его паденіе было столько же очевидно, какъ міръ, шедшій въ замѣну его.

— Очевидно для кого? Неужели вы думаете, что римляне смотрѣли на свое время такъ, какъ мы смотримъ на него? Гиббонъ не могъ отдѣлаться отъ обаянія, которое производитъ древній

Римъ на каждую сильную душу. Вспомните, сколько вѣковъ продолжалась его агонія: намъ это время скрадывается по бѣдности событій, по бѣдности въ лицахъ, по томному однообразію! Именно такіе то періоды, нѣмые, сѣрые, и страшны для современниковъ: вѣдь, годы въ нихъ имѣли тѣ же триста шестьдесятъ пять дней, вѣдь, и тогда были люди съ душой горячей и блекли, терялись отъ разгрома падающихъ стѣнъ. Какіе звуки скорби вырывались тогда изъ груди человѣческой,— ихъ стонъ теперь наводитъ ужасъ на душу!

— Они могли креститься.

— Положеніе христіанъ было тогда тоже очень печальное: они четыре столѣтія прятались по подземельямъ, успѣхъ казался невозможнымъ, жертвы были передъ глазами.

— Но ихъ поддерживала фанатическая вѣра,— и она оправдалась.

— Только на другой день послѣ торжества явилась ересь, языческій міръ ворвался въ святую тишину ихъ братства, и христіанинъ со слезами обращался назадъ къ временамъ гоненій и благословлялъ воспоминанія о нихъ, читая мартирологъ.

— Вы, кажется, начинаете меня утѣшать тѣмъ, что всегда было такъ же скверно, какъ теперь.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только напомнить вамъ, что нашему вѣку не принадлежитъ монополь страданій и что вы дешево цѣните прошедшія скорби. Мысль была и прежде нетерпѣлива, ей хочется сей-часъ, ей ненавистно ждать,— а жизнь не довольствуется отвлеченными идеями, не торопится, медлитъ съ каждымъ шагомъ, потому что ея шаги трудно поправляются. Отсюда трагическое положеніе мыслящихъ... Но чтобъ опять не отклониться, позвольте мнѣ теперь васъ спросить, отчего вамъ кажется, что міръ насъ окружающій такъ проченъ и долголѣтенъ?...

Давно тяжелыя и крупныя капли дождя падали на насъ, глухіе раскаты грома становились слышнѣе, молніи ярче; тутъ дождь полился ручьями... Всѣ бросились въ каюту, пароходъ скрипѣлъ, качка была невыносима,— разговоръ не продолжался.

Roma, Via del Corso.
31 декабря, 1847 г.

*

II.

Послѣ грозы.

Perea.

Женщины плачутъ, чтобъ облегчить душу, мы не умѣемъ плакать. Взамѣну слезъ я хочу писать — не для того, чтобъ описывать, объяснять кровавыя событія, а просто, чтобъ говорить объ нихъ, дать волю рѣчи, слезамъ, мысли, желчи. Гдѣ тутъ описывать, собирать свѣдѣнія, обсуживать! Въ ушахъ еще *раздаются* выстрѣлы, топотъ несущейся кавалеріи, тяжелый, густой звукъ лафетныхъ колесъ по мертвымъ улицамъ; въ памяти мелькаютъ отдѣльныя подробности: раненый на носилкахъ держитъ рукой бокъ и нѣсколько капель крови течетъ по ней: омнибусы наполненные трупами, плѣнные съ связанными руками, пушки на place de la Bastille, лагерь у Porte St. Denis, на Елисейскихъ поляхъ, и мрачное ночное Sentinelle: prenez garde à vous!... Какія тутъ описанія, мозгъ слишкомъ воспаленъ, кровь слишкомъ остра.

Сидѣть у себя въ комнатѣ, сложа руки, не имѣть возможности выйти за ворота и слышать возлѣ, кругомъ, вблизи, вдали, выстрѣлы, канонаду, крики, барабанный бой и знать, что возлѣ льется кровь, рѣжутся, колютъ, что возлѣ умираютъ, — отъ этого можно умереть, сойти съ ума. Я не умеръ, но я состарѣлся, я оправляюсь послѣ іюньскихъ дней, какъ послѣ тяжкой болѣзни.

А торжественно начались они. Двадцать третьяго числа, часа въ четыре передъ обѣдомъ, шелъ я берегомъ Сены къ Hôtel de Ville, лавки запирались, колонны національной гвардіи съ зловѣщими лицами шли по разнымъ направленіямъ, небо было покрыто тучами, шелъ дождикъ. Я остановился на Pont neuf, сильная молнія сверкнула изъ-за тучи, удары грома слѣдовали другъ за другомъ и середь всего этого раздался мѣрный протяжный звукъ набата съ колокольни св. Сульпиція, которымъ еще разъ обманутый пролетарій звалъ своихъ братій къ оружію. Соборъ и всѣ зданія по берегу были необыкновенно освѣщены нѣсколькими лучами солнца, ярко выходившими изъ-подъ тучи, барабанъ раздавался съ разныхъ сторонъ, артиллерія тянулась съ Карусельской площади.

Я слушалъ громъ, набатъ и не могъ насмотрѣться на панораму Парижа, будто я съ нимъ прощался: я страстно любилъ Па-

рижъ въ эту минуту: это была послѣдняя дань великому городу,— послѣ іюньскихъ дней онъ мнѣ опротивѣлъ.

Съ другой стороны рѣки, на всѣхъ переулкахъ и улицахъ строились баррикады. Я какъ теперь вижу эти сумрачныя лица, таскавшія камни, дѣти, женщины помогали имъ. На одну баррикаду, повидимому оконченную, взошелъ молодой политехникъ, водрузилъ знамя и запѣлъ тихимъ, печально торжественнымъ голосомъ марсельезу, всѣ работавшіе запѣли и хоръ этой пѣсни, раздававшійся изъ-за камней баррикадъ, захватывалъ душу.... Набатъ все раздавался. Между тѣмъ по мосту простучала артиллерія и генералъ Бедо осматривалъ съ моста въ трубу *непріятельскую* позицію....

Въ это время еще можно было все предупредить, тогда еще можно было спасти республику, свободу всей Европы, тогда еще можно было помириться. Тупое и неловкое правительство не умѣло этого сдѣлать, собраніе не хотѣло, реакціонеры искали мести, крови, искупленія за 24 февраля, закормы National'я дали имъ исполнителей.

Ну, что вы скажете, любезный князь Радецкій и сіятельнѣйшій графъ Паскевичъ-Эриванскій? Вы не годитесь въ помощники Каваньяку. Меттернихъ и всѣ члены третьяго отдѣленія собственной канцеляріи —дѣти кротости, de bons enfants, въ сравненіи съ собраніемъ осерчалыхъ лавочниковъ.

Вечеромъ 26 іюня мы услышали, послѣ побѣды National'я надъ Парижемъ, правильные залпы, съ небольшими разстановками... Мы все взглянули другъ на друга, у всѣхъ лица были зеленыя.... «Вѣдь это разстрѣливаютъ», сказали мы въ одинъ голосъ и отвернулись другъ отъ друга. Я прижалъ лобъ къ стеклу окна...

Послѣ бойни, продолжавшейся четверо сутокъ, наступила тишина и миръ осаднаго положенія. Улицы были еще оцѣплены; рѣдко, рѣдко гдѣ-нибудь встрѣчался экипажъ: надменная національная гвардія, съ свирѣпой и тупой злобой на лицѣ, берегла свои лавки, грозя штыкомъ и прикладомъ: ликующія толпы пьяной мобили сходили по бульварамъ, распѣвая Mourir pour la patrie; мальчишки 16—17 лѣтъ хвастались кровью своихъ братій, запекшейся на ихъ рукахъ, на нихъ бросали цвѣты мѣщанки, выбѣгавшія изъ-за прилавка, чтобъ привѣтствовать побѣдителей. Каваньякъ возилъ съ собою въ коляскѣ какого-то изверга, убившаго десятки французовъ. Буржуазія торжествовала. А домы предмѣстья св. Антонія еще дымились, стѣны, разбитыя ядрами, обваливались, раскрытая внутренность комнатъ представляла каменныя раны, сломанная мебель тлѣла, куски разбитыхъ зеркалъ мерцали.... А гдѣ-же хозяева, жильцы? Объ нихъ никто и не думалъ.... Мѣстами посыпали пескомъ, но кровь все-таки выступа-

ла.... Къ Пантеону, разбитому ядрами, не подпускали, по бульварамъ стояли палатки, лошади глодали береженыя деревья Елисейскихъ полей, на Place de la Concorde вездѣ было сѣно, кирасирскія латы, сѣдла, въ Тюльерійскомъ саду солдаты у рѣшетки варили супъ. Парижъ этого не видалъ и въ 1814 году.

Прошло еще нѣсколько дней, — и Парижъ сталъ принимать обычный видъ, толпы праздношатающихся снова явились на бульварахъ, нарядныя дамы ѣздили въ колясках и кабріолетахъ *смотрѣть* развалины домовъ и слѣды отчаяннаго боя.... Одни частые патрули и партіи арестантовъ напоминали страшные дни, тогда только стало уясняться прошедшее. У Байрона есть описаніе ночной битвы: кровавыя подробности ея скрыты темнотою; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки, клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись. Предполагать нельзя было, чтобъ въ душѣ нашей, прошедшей черезъ столько опытовъ, испытанной современнымъ скептицизмомъ, оставалось такъ много истребляемаго.

Послѣ такихъ потрясеній, живой человѣкъ не остается по старому. Душа его или становится еще религіознѣе, держится съ отчаяннымъ упорствомъ за свои вѣрованія, находитъ въ самой безнадежности утѣшеніе и человѣкъ вновь зеленѣетъ, обожженный грозою, нося смерть въ груди, или онъ мужественно и скрѣпя сердце отдаетъ послѣднія упованія, становится еще трезвѣе и не удерживаетъ послѣднія слабыя листья, которыя уноситъ рѣзкій весенній вѣтеръ.

Что лучше? Мудрено сказать.

Одно ведетъ къ блаженству безумія.

Другое къ несчастію знанія.

Выбирайте сами. Одно чрезвычайно прочно, потому что отнимаетъ все. Другое ничѣмъ не обезпечено, зато многое даетъ. Я избираю знаніе, и пусть оно лишитъ меня послѣднихъ утѣшеній, я пойду нравственнымъ нищимъ по бѣлому свѣту, но съ корнемъ вонъ дѣтскія надежды, отроческія упованья! Всѣ ихъ подъ судъ неподкупнаго разума.

Внутри человѣка есть постоянный революціонный трибуналъ, есть безпощадный Фукье-Тенвиль и, главное, есть гильотина. Иногда судья засыпаетъ, гильотина ржавѣетъ, ложное, прошедшее, романтическое, слабое поднимаетъ голову, обживается и вдругъ какой-нибудь дикой ударъ будитъ оплошный судъ, дремлющаго палача и тогда начинается свирѣпая расправа, малѣйшая уступка, пощада, сожалѣніе ведутъ къ прошедшему, оста-

вляютъ цѣпи. Выбора нѣтъ: или казнить и идти впередъ, или миловать и запнуться на полдорогѣ.

Кто не помнитъ своего логическаго романа, кто не помнитъ, какъ въ его душу попала первая мысль сомнѣнія, первая смѣлость изслѣдованія, и какъ она захватила потомъ болѣе и болѣе и дотрогивалась до святѣйшихъ достояній души? Это-то и есть страшный судъ разума. Казнить вѣрованія не такъ легко, какъ кажется, трудно разставаться съ мыслями, съ которыми мы выросли, сжились, которыя насъ лелѣяли, утѣшали,— пожертвовать ими кажется неблагодарностью. Да, но въ этой средѣ, въ которой стоитъ трибуналъ, тамъ нѣтъ благодарности, тамъ неизвѣстно святотатство и если революція, какъ Сатурнъ, ѣстъ своихъ дѣтей, то отрицаніе, какъ Неронъ, убиваетъ свою мать, чтобъ отдѣлаться отъ прошедшаго. Люди боятся своей логики и, опрометчиво вызвавъ передъ ея судъ церковь и государство, семью и нравственность, добро и зло, стремятся спасти клочки, отрывки стараго. Отказываясь отъ христіанства, берегутъ безсмертіе души, идеализмъ, провидѣніе. Люди, шедшіе вмѣстѣ, тутъ расходятся, одни идутъ на-право, другіе на-лѣво: одни замираютъ на полдорогѣ, какъ верстовые столбы, показывая сколько пройдено, другіе бросаютъ послѣднюю ношу прошедшаго и идутъ бодро впередъ. Переходя изъ стараго міра въ новый, ничего нельзя взять съ собою.

Разумъ безпощаденъ, какъ конвентъ, нелицепріятенъ и строгъ: онъ ни на чемъ не останавливается и требуетъ на лавку подсудимыхъ самое верховное бытіе, для добраго короля теологіи настаетъ 21 января. Этотъ процессъ, какъ процессъ Людовика XVI, пробный камень для жирондистовъ: все слабое, половинчатое или бѣжитъ, или лжетъ, не подаетъ голоса, или подаетъ безъ вѣры. Между тѣмъ люди, произнесшіе приговоръ, думаютъ, что, казнивши короля, нечего больше казнить, что 22 января республика готова и счастлива. Какъ будто достаточно атеизма, чтобъ не имѣть религіи, какъ будто достаточно убить Людовика XVI, чтобъ не было монархіи. Удивительное сходство феноменологіи террора и логики. Терроръ именно начался послѣ казни короля, вслѣдъ за нимъ явились на помостѣ благородные отроки революціи, блестящіе, краснорѣчивые, слабые. Жаль ихъ, но спасти невозможно, и головы ихъ пали, а за ними покатилась львиная голова Дантона и голова баловня революціи Камиль Демулена. Ну теперь, теперь, по крайней мѣрѣ, кончено? Нѣтъ, теперь чередъ неподкупныхъ палачей, они будутъ казнены за то, что вѣрили въ возможность демократіи во Франціи, за то, что казнили во имя равенства,—да, казнены какъ Анахарсисъ Клоотсъ, мечтавшій о братствѣ народовъ, за нѣсколько дней до Наполеоновской эпохи, за нѣсколько лѣтъ до Вѣнскаго конгресса.

Не будетъ міру свободы, пока все религіозное, политическое не превратится въ человѣческое, простое, подлежащее критикѣ и отрицанію. Возмужалая логика ненавидитъ канонизированныя истины, она ихъ растригаетъ изъ ангельскаго чина въ людской, она изъ священныхъ таинствъ дѣлаетъ явныя истины, она ничего не считаетъ неприкосновеннымъ и, если республика присвоиваетъ себѣ такія же права, какъ монархія,—презираетъ ее. Монархія сама по себѣ религія, у республики нѣтъ мистическихъ отговорокъ, нѣтъ божественнаго права, она съ нами стоитъ на одной почвѣ. Мало не признавать преступленіемъ оскорбленіе величества, надобно признавать преступнымъ Salus populi. Пора человѣку потребовать къ суду: республику, законодательство, представительство, всѣ понятія о гражданинѣ и его отношеніяхъ къ другимъ и къ государству. Казней будетъ много. Близкимъ, дорогимъ надобно пожертвовать,—мудрено-ли жертвовать ненавистнымъ? Въ томъ-то и дѣло, чтобъ отдать дорогое, если мы убѣдимся, что оно не истинно. И въ этомъ наше дѣйствительное дѣло. Мы не призваны собирать плодъ, но призваны быть палачами прошедшаго, казнить, преслѣдовать его, узнавать его во всѣхъ одеждахъ и приносить на жертву будущему. Оно торжествуетъ фактически, погубимъ его въ идеѣ, въ убѣжденіи, во имя человѣческой мысли. Уступокъ дѣлать не кому,—трехцвѣтное знамя уступокъ слишкомъ замарано, оно долго не просохнетъ отъ іюньской крови. И кого въ самомъ дѣлѣ щадить? Всѣ элементы разрушающейся веси являются во всей жалкой нелѣпости, во всемъ отвратительномъ безуміи своемъ.—Что вы уважаете? *Народное* правительство, что-ли?—Кого вамъ жаль? Можетъ быть, Парижъ?

Три мѣсяца люди, избранные всеобщей подачей голосовъ, люди выборные всей земли французской ничего не дѣлали и вдругъ стали во весь ростъ, чтобъ показать міру зрѣлище невиданное — восьмисотъ человѣкъ, дѣйствующихъ какъ одинъ злодѣй, какъ одинъ извергъ. Кровь лилась рѣками, а они не нашли слова любви, примиренія; все великодушное, человѣческое покрывалось воплемъ мести и негодованія, голосъ умирающаго Афра не могъ тронуть этого многоголоваго Калигулу, этого Бурбона, размѣненнаго на мѣдные гроши; они прижали къ сердцу національную гвардію, разстрѣливавшую безоружныхъ, Сенаръ благословлялъ Кавеньяка и Кавеньякъ умильно плакалъ, исполнивъ всѣ злодѣйства, указанныя адвокатскимъ пальцемъ представителей. А грозное меньшинство притаилось, *гора* скрылась за облаками довольная, что ее не разстрѣляли, не сгноили въ подвалахъ, молча смотрѣла она, какъ обираютъ оружіе у гражданъ, какъ декретируютъ депортацію, какъ сажаютъ въ тюрьму людей за все на свѣтѣ,— за то, что они не стрѣляли въ своихъ братій.

Убійство въ эти страшные дни сдѣлалось обязанностью, человѣкъ, не отмочившій себѣ рукъ въ пролетарской крови, становился подозрителенъ для мѣщанъ... По крайней мѣрѣ, большинство имѣло твердость быть злодѣемъ. А эти жалкіе друзья народа, риторы, пустыя сердца!... Одинъ мужественный плачъ, одно великое негодованіе и раздалось, и то внѣ камеры. Мрачное проклятіе старца Ламене останется на головѣ бездушныхъ каннибаловъ, и всего ярче выступитъ на лбу малодушныхъ, которые, произнося слово республика, испугались смысла его.

Парижъ! Какъ долго это имя горѣло путеводной звѣздой народовъ: кто не любилъ, кто не поклонялся ему.—но его время миновало, пускай онъ идетъ со сцены. Въ іюньскіе дни онъ завязалъ великую борьбу, которую ему не развязать. Парижъ состарѣлся, и юношескія мечты ему больше не идутъ: для того чтобъ оживиться, ему нужны сильныя потрясенія, Варѳоломеевскія ночи, сентябрьскіе дни. Но іюньскіе ужасы не оживили его. Откуда же возьметъ дряхлый Вампиръ еще крови, крови праведниковъ, той крови, которая 27 іюня отражала огонь плошекъ, зажженныхъ ликующими мѣщанами? Парижъ любилъ играть въ солдаты, онъ посадилъ императоромъ счастливаго солдата, онъ рукоплескалъ злодѣйствамъ, называемымъ побѣдою, онъ воздвигалъ статуи, онъ мѣщанскую фигуру маленькаго капрала опять поставилъ, черезъ пятнадцать лѣтъ, на колонну, онъ съ благоговѣніемъ переносилъ прахъ водворителя рабства, онъ и теперь надѣялся найти въ солдатахъ якорь спасенія отъ свободы и равенства, онъ позвалъ дикія орды одичалыхъ африканцевъ противъ братій своихъ, чтобъ не дѣлиться съ ними, и зарѣзалъ ихъ бездушной рукой убійцъ по ремеслу. Пусть же онъ несетъ послѣдствіе своихъ дѣлъ, своихъ ошибокъ... Парижъ разстрѣливалъ безъ суда... Что выйдетъ изъ этой крови? кто знаетъ; но что бы ни вышло, довольно, что въ этомъ разгарѣ бѣшенства, мести, раздора, возмездія, погибнетъ міръ, тѣснящій новаго человѣка, мѣшающій ему жить, мѣшающій водвориться будущему.

Парижъ, 24 іюля, 1848 г.

III.

LVII годъ республики единой и нераздѣльной.

Ce n'est pas le socialisme, c'est la république!

Рѣчь Ледрю-Роллена въ Шалѣ,
22 октября, 1848 года.

На дняхъ праздновали первое вандеміера пятьдесять-седьмого года. Въ Шалѣ на Елисейскихъ поляхъ собрались всѣ аристократы демократической республики, всѣ алые члены собранія. Къ концу обѣда Ледрю-Ролленъ произнесъ блестящую рѣчь. Рѣчь его, наполненная *красныхъ* розъ для республики и колючихъ шиповъ для правительства, имѣла полный успѣхъ и заслуживала его. Когда онъ кончилъ, раздалось громкое Vive la République démocratique! Всѣ встали и стройно, торжественно, безъ шляпъ, запѣли марсельезу. Слова Ледрю-Роллена, звуки завѣтной пѣсни освобожденія и бокалы вина, въ свою очередь, одушевили всѣ лица, глаза горѣли, и тѣмъ болѣе горѣли, что не все бродившее въ головѣ являлось на губахъ. Барабанъ лагеря Елисейскихъ полей напоминалъ, что непріятель близко, что осадное положеніе и солдатская диктатура продолжаются.

Большая часть гостей были люди въ цвѣтѣ лѣтъ, но уже больше или меньше искусившіе свои силы на политической аренѣ. Шумно, горячо говорили они между собою. Сколько энергіи, отваги, благородства въ характерѣ французовъ, когда они еще не подавили въ себѣ хорошаго начала своей національности, или уже вырвались изъ мелкой и грязной среды мѣщанства, которое какъ тина покрываетъ зеленью своей всю Францію. Что за мужественное, рѣшительное выраженіе въ лицахъ, что за стремительная готовность подтвердить дѣломъ—слово; сейчасъ идти на бой, стать подъ пулю, казнить, быть казненнымъ. Я долго смотрѣлъ на нихъ, и мало-помалу невыносимая грусть поднялась во мнѣ и налегла на всѣ мысли: мнѣ стало смертельно жаль эту кучку людей—благородныхъ, преданныхъ, умныхъ, даровитыхъ, чуть ли не лучшій цвѣтъ новаго поколѣнія... Не думайте, что мнѣ стало ихъ жаль по тому, что,

можетъ быть, они не доживутъ до 1-го брюмера или до 1-го нивоза 57-го года, что, можетъ, черезъ недѣлю они погибнутъ на баррикадахъ, пропадутъ на галерахъ, въ депортаціи, на гильотинѣ или по новой модѣ ихъ, можетъ, перестрѣляютъ съ связанными руками, загнавши куда-нибудь въ уголъ Карусельской площади или подъ внѣшніе форты,—все это очень печально, но я не объ этомъ жалѣлъ, грусть моя была глубже.

Мнѣ было жаль ихъ откровенное заблужденіе, ихъ добросовѣстную вѣру въ несбыточныя вещи, ихъ горячее упованіе, столько же чистое и столько же призрачное, какъ рыцарство Донъ-Кихота. Мнѣ было жаль ихъ, какъ врачу бываетъ жаль людей, не подозрѣвающихъ страшнаго недуга въ груди своей. Сколько нравственныхъ страданій готовятъ себѣ эти люди,—они будутъ биться какъ герои, они будутъ работать всю жизнь и не успѣютъ. Они отдадутъ кровь, силы, жизнь и, состарѣвшись, увидятъ, что изъ ихъ труда ничего не вышло, что они дѣлали не то, что надобно, и умрутъ съ горькимъ сомнѣніемъ въ человѣка, который не виноватъ; или, еще хуже, впадутъ въ ребячество и будутъ, какъ теперь, ждать всякой день огромной перемѣны, водворенія *ихъ* республики, принимая предсмертныя муки умирающаго за страданія, предшествующія родамъ. Республика, *такъ, какъ они ее* понимаютъ, отвлеченная и неудобоисполнимая мысль, плодъ теоретическихъ думъ, апотеоза существующаго государственнаго порядка, преображеніе *того, что есть*, ихъ республика—послѣдняя мечта, поэтическій бредъ стараго міра. Въ этомъ бреду есть и пророчество, но пророчество, относящееся къ жизни за гробомъ, къ жизни будущаго вѣка. Вотъ чего они, люди прошедшаго, несмотря на революціонность свою, связанные съ старымъ міромъ на животъ и на смерть, не могутъ понять. Они воображаютъ, что этотъ дряхлый міръ можетъ, какъ Улиссъ, помолодѣть, не замѣчая того, что осуществленіе одной закраины *ихъ* республики мгновенно убьетъ его; они не знаютъ, что нѣтъ круче противорѣчія, какъ между ихъ идеаломъ и существующимъ порядкомъ, что одно должно умереть, чтобъ другому можно было жить. Они не могутъ выйти изъ старыхъ формъ, они ихъ принимаютъ за какія-то вѣчныя границы, и оттого ихъ идеалъ носитъ только имя и цвѣтъ будущаго, а въ сущности принадлежитъ міру прошедшему, не отрѣшается отъ него.

Зачѣмъ они не знаютъ этого?

Роковая ошибка ихъ состоитъ въ томъ, что увлеченные благородной любовью къ ближнему, къ свободѣ, увлеченные нетерпѣніемъ и негодованіемъ, они бросились освобождать людей прежде, нежели сами освободились, они нашли въ себѣ силу порвать желѣзныя, грубыя цѣпи, не замѣчая того, что стѣны тюрьмы остались. Они хотятъ, не мѣняя стѣнъ, дать имъ иное назначеніе,

какъ будто планъ острога можетъ годиться для свободной жизни.

Ветхій міръ, католико-феодальный, далъ всѣ видоизмѣненія, къ которымъ онъ былъ способенъ, развился во всѣ стороны, до высшей степени изящнаго и отвратительнаго, до обличенія всей истины, въ немъ заключенной, и всей лжи, наконецъ, онъ истощился. Онъ можетъ еще долго стоять, но обновляться не можетъ: общественная мысль, развивающаяся теперь, такова, что каждый шагъ къ осуществленію ея будетъ выходъ изъ него. Выходъ! тутъ-то и остановка! Куда? что тамъ за его стѣнами! Страхъ беретъ: пустота, ширина, воля... Какъ идти, не зная куда, какъ терять, не видя пріобрѣтеній! — Если-бъ Колумбъ такъ разсуждалъ, онъ никогда не снялъ бы якоря. Сумасшествіе ѣхать по океану, не зная дороги, по океану, по которому никто не ѣздилъ, плыть въ страну, существованіе которой вопросъ. Этимъ сумасшествіемъ онъ открылъ новый міръ. Конечно, если-бъ народы переѣзжали изъ одного готоваго hôtel garni въ другой—еще лучшій, было бы легче, да бѣда въ томъ, что некому заготовлять новыхъ квартиръ. Въ будущемъ хуже, нежели въ океанѣ, — ничего нѣтъ, оно будетъ такимъ, какимъ его сдѣлаютъ обстоятельства и люди.

Если вы довольны старымъ міромъ, старайтесь его сохранить, онъ очень хилъ и надолго его не станетъ при такихъ толчкахъ какъ 24 февраля; но если вамъ невыносимо жить въ вѣчномъ раздорѣ убѣжденій съ жизнію, думать одно и дѣлать другое, выходите изъ-подъ выбѣленныхъ средневѣковыхъ сводовъ на свой страхъ: отважная дерзость въ иныхъ случаяхъ выше всякой мудрости. Я очень знаю, что это не легко: шутка ли разстаться со всѣмъ, къ чему человѣкъ привыкъ со дня рожденія, съ чѣмъ вмѣстѣ росъ и выросъ. Люди, о которыхъ мы говоримъ, готовы на страшныя жертвы, но не на тѣ, которыя отъ нихъ требуетъ новая жизнь. Готовы ли они пожертвовать современной цивилизаціей, образомъ жизни, религіей, принятой условной нравственностью? Готовы ли они лишиться всѣхъ плодовъ, выработанныхъ съ такими усиліями, плодовъ, которыми мы хвастаемся три столѣтія, которые намъ такъ дороги, *лишиться* всѣхъ удобствъ и прелестей нашего существованія, предпочесть дикую юность образованной дряхлости, необработанную почву, непроходимые лѣса — истощеннымъ полямъ и расчищеннымъ паркамъ, сломать свой наслѣдственный замокъ, изъ одного удовольствія участвовать въ закладкѣ новаго дома, который построится, безъ сомнѣнія, гораздо послѣ насъ? Это вопросъ безумнаго, скажутъ многіе.

Либералы долго играли, шутили съ идеей революціи и дошутились до 24 февраля. Народный ураганъ поставилъ ихъ на вершину колокольни и указалъ имъ, куда они идутъ и куда ведутъ другихъ: посмотрѣвши на пропасть, открывавшуюся передъ ихъ

глазами, они поблѣднѣли: они увидѣли, что не только то падаетъ, что они считали за предразсудокъ, но и все остальное, что они считали за вѣчное и истинное: они до того перепугались, что одни уцѣпились за падающія стѣны, а другіе остановились кающимися на полдорогѣ и стали клясться всѣмъ прохожимъ, что они этого не хотѣли. Вотъ отчего люди, провозглашавшіе республику, сдѣлались палачами свободы, вотъ отчего либеральныя имена, звучавшія въ ушахъ нашихъ лѣтъ двадцать, являются ретроградными депутатами, измѣнниками, инквизиторами. Они хотятъ свободы, даже республики въ извѣстномъ кругѣ литературно-образованномъ. За предѣлами своего умѣреннаго круга они становятся консерваторами. Такъ раціоналистамъ нравилось объяснять тайны религіи, имъ нравилось раскрывать значеніе и смыслъ миѳовъ, они не думали, что изъ этого выйдетъ, не думали, что ихъ изслѣдованія, начинающіяся со страха Господня, окончатся атеизмомъ, что ихъ критика церковныхъ обрядовъ приведетъ къ отрицанію религіи.

Либералы всѣхъ странъ, со времени реставраціи, звали народы на низверженіе монархически-феодальнаго устройства во имя равенства, во имя слезъ несчастнаго, во имя страданій притѣсненнаго, во имя голода неимущаго; они радовались, гоняя до упаду министровъ, отъ которыхъ требовали неудобо-исполнимаго, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и до того увлеклись, наконецъ, что перешли собственныя желанія. Они опомнились, когда изъ-за полуразрѣшенныхъ стѣнъ явился — не въ книгахъ, не въ парламентской болтовнѣ, не въ филантропическихъ разглагольствованіяхъ, а на самомъ дѣлѣ — пролетаріей, работникъ съ топоромъ и черными руками, голодный и едва одѣтый рубищемъ. Этотъ «несчастный, обдѣленный братъ», о которомъ столько говорили, котораго такъ жалѣли, спросилъ, наконецъ, гдѣ же его доля во всѣхъ благахъ, въ чемъ *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступомъ улицы Парижа, покрыли ихъ трупами и спрятались отъ *брата* за штыками осаднаго положенія, спасая *цивилизацію и порядокъ!*

Они правы, только они непослѣдовательны. Зачѣмъ же они прежде подламывали монархію? Какъ же они не поняли, что, уничтожая монархическій принципъ, революція не можетъ остановиться на томъ. Они радовались, какъ дѣти, что Людовикъ Филиппъ не успѣлъ доѣхать до С. Клу, а ужъ въ Hôtel de Ville явилось новое правительство и дѣло пошло своимъ чередомъ; въ то время какъ эта легкость переворота должна имъ была показать несущественность его. Либералы были удовлетворены. Но народъ не былъ удовлетворенъ, но народъ поднялъ теперь свой голосъ, онъ повторялъ ихъ слова, ихъ обѣщанія, а они, какъ Петръ, троекратно

отреклись и отъ словъ, и отъ обѣщанія, какъ только увидѣли, что дѣло идетъ не на шутку,—и начали убійства. Такъ Лютеръ и Кальвинъ топили *анабаптистовъ*, такъ протестанты отрекались отъ Гегеля, и гегелисты отъ Фейербаха. Таково положеніе *реформаторовъ* вообще, они собственно наводятъ только понтоны, по которымъ увлеченные ими народы переходятъ съ одного берега на другой. Для нихъ нѣтъ среды лучше, какъ конституціонное сумрачное ни-то, ни сё. И въ этомъ-то мірѣ словопреній, раздора, непримиримыхъ противорѣчій, не измѣняя его, хотѣли эти суетные люди осуществить свои pia desideria свободы, равенства и братства!

Формы европейской гражданственности, ея цивилизація, ея добро и зло разочтены по другой сущности, развились изъ иныхъ понятій, сложились по инымъ потребностямъ. До нѣкоторой степени формы эти, какъ все живое, были измѣняемы, но, какъ все живое, измѣняемы до *нѣкоторой степени*: организмъ можетъ воспитываться, отклонятъся отъ назначенія, прилаживаться къ вліяніямъ до тѣхъ поръ, пока отклоненія не отрицаютъ его особности, его индивидуальности, то, что составляетъ его личность: какъ скоро организмъ встрѣчаетъ такого рода вліянія, дѣлается борьба и организмъ побѣждаетъ или гибнетъ. Явленіе смерти въ томъ и состоитъ, что составныя части организма получаютъ иную цѣль, онѣ не пропадаютъ, пропадаетъ личность, а онѣ вступаютъ въ рядъ совсѣмъ другихъ отношеній, явленій.

Государственныя формы Франціи и другихъ европейскихъ державъ не совмѣстны по внутреннему своему понятію ни съ свободой, ни съ равенствомъ, ни съ братствомъ: всякое осуществленіе этихъ идей будетъ отрицаніемъ современной европейской жизни, ея смертью. Никакая конституція, никакое правительство не въ состояніи дать феодально-монархическимъ государствамъ истинной свободы и равенства, не разрушая до тла все феодальное и монархическое. Европейская жизнь, христіанская и аристократическая, образовала нашу цивилизацію, наши понятія, нашъ бытъ: ей необходима христіанская и аристократическая среда. Среда эта могла развиваться сообразно съ духомъ времени, съ степенью образованія, сохраняя свою сущность, въ католическомъ Римѣ, въ кощунствующемъ Парижѣ, въ философствующей Германіи: но далѣе идти нельзя, не переступая границу. Въ разныхъ частяхъ Европы люди могутъ быть посвободнѣе, поровнѣе, нигдѣ не могутъ они быть свободны и равны, пока существуетъ *эта* гражданская форма, пока существуетъ *эта* цивилизація. Это знали всѣ умные консерваторы и оттого поддерживали всѣми силами старое устройство. Неужели вы думаете, что Меттернихъ и Гизо не видѣли несправедливости общественнаго порядка, ихъ окру-

жавшаго? Но они видѣли, что эти несправедливости такъ глубоко вплетены во весь организмъ, что стоитъ коснуться до нихъ,— все зданіе рухнется: понявши это, они стали стражими status quo. А либералы разнуздали демократію, да и хотятъ воротиться къ прежнему порядку. Кто же правѣе?

Въ сущности, само собою разумѣется, всѣ неправы—и Гизо, и Меттернихи, и Кавеньяки, всѣ они дѣлали дѣйствительныя злодѣянія изъ-за мнимой цѣли, они тѣснили, губили, лили кровь для того, чтобъ задержать смерть. Ни Меттернихъ съ своимъ умомъ, ни Кавеньякъ съ своими солдатами, ни республиканцы съ своимъ непониманіемъ, не могутъ въ самомъ дѣлѣ остановить потокъ, теченіе котораго такъ сильно обозначилось: только вмѣсто облегченія они усыпаютъ людямъ путь толченымъ стекломъ. Идущіе народы пройдутъ, хуже, труднѣе, изрѣжутъ себѣ ноги, но все-таки пройдутъ: сила соціальныхъ идей велика, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ихъ началъ понимать истинный врагъ существующаго гражданскаго порядка,—пролетарій, работникъ. Намъ еще жаль старый порядокъ вещей, кому же и пожалѣть его, какъ не намъ? Мы воспитаны имъ, мы его любимыя дѣти, мы сознаемся, что ему надобно умереть, но не можемъ ему отказать въ слезѣ. Ну, а массы, о чемъ будутъ плакать на его похоронахъ?...

Все наше образованіе, наше литературное и научное развитіе наша любовь изящнаго, наши занятія предполагаютъ среду постоянно расчищаемую *другими*, приготовляемую *другими*: надобенъ чей-то трудъ для того, чтобъ намъ доставить досугъ, необходимый для нашего психическаго развитія, тотъ досугъ, ту дѣятельную праздность, которая способствуетъ мыслителю сосредоточиваться, поэту мечтать, эпикурейцу наслаждаться, которая способствуетъ пышному, капризному, поэтическому, богатому развитію нашихъ аристократическихъ индивидуальностей.

Кто не знаетъ, какую свѣжесть духу придаетъ беззаботное довольство: бѣдность, вырабатывающаяся до Жильбера, исключеніе, бѣдность страшно искажаетъ душу человѣка,—не меньше богатство. Забота объ однѣхъ матеріальныхъ нуждахъ подавляетъ способности. А развѣ довольство можетъ быть доступно всѣмъ при современной гражданской формѣ? Наша цивилизація — цивилизація меньшинства, она только возможна при большинствѣ чернорабочихъ. Я не моралистъ и не сентиментальный человѣкъ: мнѣ кажется, если меньшинству было дѣйствительно хорошо и привольно, если большинство молчало, то эта форма жизни въ прошедшемъ оправдана. Я не жалѣю о двадцати поколѣніяхъ нѣмцевъ, потраченныхъ на то, чтобъ сдѣлать возможнымъ Гёте, и радуюсь, что псковской оброкъ далъ возможность воспитать Пушкина. Природа безжалостна: точно какъ извѣстное дерево, она мать и мачиха вмѣстѣ:

она ничего не имѣетъ противъ того, что двѣ трети ея произведеній идутъ на питаніе одной трети, лишь бы они развивались. Когда не могутъ всѣ хорошо жить, пусть живутъ нѣсколько, пусть живетъ одинъ — насчетъ другихъ, лишь бы кому-нибудь было хорошо и широко. Только съ этой точки и можно понять аристократію.

Какъ же этотъ міръ устоитъ противъ соціальнаго переворота? Во имя чего будетъ онъ себя отстаивать? Религія его ослабла, монархической принципъ потерялъ авторитетъ; онъ поддерживается страхомъ и насиліемъ; демократическій принципъ—ракъ, снѣдающій его изнутри.

Духота, тягость, усталь, отвращеніе отъ жизни — распространяется вмѣстѣ съ судорожными попытками куда-нибудь выйти. Всѣмъ на свѣтѣ стало дурно жить,—это великій признакъ.

Гдѣ эта тихая, созерцательная, кабинетная жизнь въ сферѣ знанія и искусствъ, въ которой жили германцы; гдѣ этотъ вихрь веселья, остроты, либерализма, нарядовъ, пѣсенъ, въ которомъ кружился Парижъ? Все это прошедшее воспоминаніе. Послѣднее усиліе спасти старый міръ обновленіемъ изъ его собственныхъ началъ не удалось.

Все мельчаетъ и вянетъ на истощенной почвѣ: нѣту талантовъ, нѣту творчества, нѣту силы мысли, — нѣту силы воли. Міръ этотъ пережилъ эпоху своей славы, время Шиллера и Гёте прошло такъ же, какъ время Рафаеля и Буонаротти, какъ время Вольтера и Руссо, какъ время Мирабо и Дантона; блестящая эпоха индустріи проходитъ, она пережита, такъ, какъ блестящая эпоха аристократіи; всѣ нищаютъ, не обогощая никого; кредиту нѣтъ, всѣ перебиваются съ дня на день; образъ жизни дѣлается менѣе и менѣе изящнымъ, граціознымъ; всѣ жмутся, всѣ боятся, всѣ живутъ, какъ лавочники; нравы мелкой буржуазіи сдѣлались общими; никто не беретъ осѣдлости, все на время, наемно, шатко. Это то тяжелое время, которое давило людей въ третьемъ столѣтіи, когда самые пороки древняго Рима утратились, когда императоры стали вялы, легіоны мирны. Тоска мучила людей энергическихъ и безпокойныхъ до того, что они толпами бѣжали куда-нибудь въ Ѳивандскія степи, кидая на площадь мѣшки золота и разставаясь на вѣкъ и съ родиной, и съ прежними богами. Это время настаетъ для насъ, тоска наша растетъ!

Кайтесь, господа, кайтесь! Судъ міру вашему пришелъ. Не спасти вамъ его ни осаднымъ положеніемъ, ни республикой, ни казнями, ни благотвореніями, ни даже раздѣленіемъ полей. Можетъ быть, судьба его не была бы такъ печальна, если-бъ его не защищали съ такимъ усердіемъ и упорствомъ, съ такой безнадежной ограниченностью. Никакое перемиріе не поможетъ теперь во Фран-

ціи: враждебныя партіи не могутъ ни объясниться, ни понять другъ друга, у нихъ разныя логики, два разума.

Но неужели будущая форма жизни вмѣсто прогресса должна водвориться ночью варварства, должна купиться утратами? Не знаю, но думаю, что образованному меньшинству, если оно доживетъ до этого разгрома и не закалится въ свѣжихъ, новыхъ понятіяхъ, жить будетъ хуже. Многіе возмущаются противъ этого, я нахожу это утѣшительнымъ, для меня въ этихъ утратахъ доказательство, что каждая историческая фаза имѣетъ полную дѣйствительность, свою индивидуальность, что каждая—достигнутая цѣль, а не средство: оттого у каждой свое благо, свое хорошее, лично принадлежащее ей и которое съ нею гибнетъ. Что вы думаете, римскіе патриціи много выиграли въ образѣ жизни, перешедши въ христіанство? или аристократы до революціи развѣ не лучше жили, нежели мы съ вами живемъ?

Все это такъ, но мысль о крутомъ и насильственномъ переворотѣ имѣетъ въ себѣ что-то отталкивающее для многихъ. Люди, видящіе, что перемѣна необходима, желали бы, чтобъ она сдѣлалась исподволь. Сама природа, говорятъ они, по мѣрѣ того какъ она складывалась и становилась богаче, развитѣе, перестала прибѣгать къ тѣмъ страшнымъ катаклизмамъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ кора земного шара, наполненная костями цѣлыхъ населеній, погибнувшихъ въ ея перевороты; тѣмъ болѣе стройная, покойная метаморфоза свойственна той степени развитія природы, въ которой она достигла сознанія.

Она достигла его нѣсколькими головами, малымъ числомъ избранныхъ, остальные достигаютъ еще и оттого покорены Naturgewalt-амъ, инстинктамъ, темнымъ влеченіямъ, страстямъ. Для того, чтобъ мысль ясная и разумная для васъ была мыслію другого, недостаточно, чтобъ она была истинна, для этого нужно, чтобъ его мозгъ былъ развитъ такъ же, какъ вашъ, чтобъ онъ былъ освобожденъ отъ преданія. Какъ вы уговорите работника терпѣть голодъ и нужду, пока исподволь перемѣнится гражданское устройство? Какъ вы убѣдите собственника, ростовщика, хозяина разжать руку, которой онъ держится за свои монополи и права? Трудно представить себѣ такое самоотверженіе. Что можно было сдѣлать — сдѣлано: развитіе средняго сословія, конституціонный порядокъ дѣлъ не что иное, какъ промежуточная форма, связующая міръ феодально-монархическій съ соціально-республиканскимъ. Буржуазія именно представляетъ это полуосвобожденіе, эту дерзкую нападку на прошедшее съ желаніемъ унаслѣдовать его власть. Она работала для себя — и была права. Человѣкъ серьезно дѣлаетъ что-нибудь только тогда, когда дѣлаетъ для себя. Не могла же буржуазія себя принимать за уродливое про-

межуточное звено, она принимала себя за цѣль: но такъ какъ ея нравственный принципъ былъ меньше и бѣднѣе прошлаго, а развитіе идетъ быстрѣе и быстрѣе, то и нечему дивиться, что міръ буржуазіи истощился такъ скоро и не имѣетъ въ себѣ болѣе возможности обновленія. Наконецъ, подумайте, въ чемъ можетъ быть этотъ переворотъ исподволь въ раздробленіи собственности, въ родѣ того, что было сдѣлано въ первую революцію? Результатъ этого будетъ тотъ, что всѣмъ на свѣтѣ будетъ мерзко; мелкій собственникъ худшій буржуа изъ всѣхъ; всѣ силы, таящіяся теперь въ многострадательной, но мощной груди пролетарія, изсякнутъ: правда, онъ не будетъ умирать съ голода, да на томъ и остановится, ограниченный своимъ клочкомъ земли или своей коморкой въ работничьихъ казармахъ. Такова перспектива мирнаго, органическаго переворота. Если это будетъ, тогда главный потокъ исторіи найдетъ себѣ другое русло, онъ не потеряется въ пескѣ и глинѣ, какъ Рейнъ, человѣчество не пойдетъ узкимъ и грязнымъ проселкомъ, ему надобно широкую дорогу. Для того, чтобъ расчистить ее, оно ничего не пожалѣетъ.

Въ природѣ консерватизмъ такъ же силенъ, какъ революціонный элементъ. Природа дозволяетъ жить старому и ненужному, пока можно; но она не пожалѣла мамонтовъ и мастодонтовъ для того, чтобъ уладить земной шаръ. Переворотъ, ихъ погубившій, не былъ направленъ *противъ нихъ;* если-бъ они могли какъ-нибудь спастись, они бы уцѣлѣли и потомъ спокойно и мирно выродились бы, окруженные средой имъ несвойственной. Мамонты, которыхъ кости и кожу находятъ въ сибирскихъ льдахъ, вѣроятно спаслись отъ геологическаго переворота; это Комнены, Палеологи въ феодальномъ мірѣ. Природа ничего не имѣетъ противъ этого, такъ же, какъ исторія. Мы ей подкладываемъ сентиментальную личность и наши страсти, мы забываемъ нашъ метафорическій языкъ и принимаемъ образъ выраженія за самое дѣло. Не замѣчая нелѣпости, мы вносимъ маленькія правила нашего домашняго хозяйства во всемірную экономію, для которой жизнь поколѣній, народовъ, цѣлыхъ планетъ не имѣетъ никакой важности въ отношеніи къ общему развитію. Въ противуположность намъ, субъективнымъ, любящимъ одно личное, для природы гибель частнаго — исполненіе той же необходимости, той же игры жизни, какъ возникновеніе его, она не жалѣетъ объ немъ, потому что изъ ея широкихъ объятій ничего не можетъ утратиться, какъ ни измѣняйся.

1 октября, 1848 года.
Champs Elysées.

IV.

Vixerunt!

Смертію смерть поправъ.
(Заутреня передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ).

Двадцатое ноября 1848 года, въ Парижѣ, погода была ужасная, суровый вѣтеръ съ преждевременнымъ снѣгомъ и инеемъ въ первый разъ послѣ лѣта напоминалъ о приближеніи зимы. Зимы ждутъ здѣсь, какъ общественнаго несчастія, неимущіе приготовляются дрогнуть въ нетопленныхъ мансардахъ, безъ теплой одежды, безъ достаточной пищи; смертность увеличивается въ эти два мѣсяца изморози, гололедицы и сырости; лихорадки изнуряютъ и лишаютъ силы рабочихъ людей.

Въ этотъ день совсѣмъ не разсвѣтало, мокрый снѣгъ, тая, падалъ безпрерывно въ туманномъ воздухѣ, вѣтеръ рвалъ шляпы и съ ожесточеніемъ тормошилъ сотни трехцвѣтныхъ флаговъ, привязанныхъ къ высокимъ шестамъ около площади Согласія. Густыми массами стояли на ней войска и народная стража, въ воротахъ Тюльерійскаго сада былъ разбитъ какой-то наметъ съ христіанскимъ крестомъ наверху; отъ сада до обелиска площадь, оцѣпленная солдатами, была пуста. Линейные полки, мобиль, уланы, драгуны, артиллерія наполняли всѣ улицы, идущія къ площади. Незнавшему нельзя было догадаться, что тутъ готовилось... Не объявленіе ли, что отечество въ опасности?... Нѣтъ, это было 21 января не для короля, а для народа, для революціи... это были похороны 24 февраля.

Часу въ девятомъ утра нестройная кучка пожилыхъ людей стала пробираться черезъ мостъ; печально плелись они, поднявши воротники пальто и выискивая нетвердой ногой гдѣ посуше ступить. Передъ ними шли двое вожатыхъ. Одинъ, закутанный въ африканской кабанъ, едва выказывалъ жесткія, суровыя черты средневѣковаго кондотьера; въ его исхудаломъ и болѣзненномъ лицѣ не примѣшивалось ничего человѣческаго, смягчающаго къ чертамъ хищной птицы; отъ хилой фигуры его вѣяло бѣдой и несчастіемъ. Другой, толстый, разодѣтый, съ кудрявыми сѣдыми волосами, шелъ въ одномъ фракѣ, съ видомъ изученной, оскорби-

тельной небрежности; на его лицѣ, нѣкогда красивомъ, осталось одно выраженіе сладострастно-сознательнаго довольства почетомъ, своимъ мѣстомъ.

Никакое привѣтствіе не встрѣтило ихъ, одни покорныя ружья брякнули на караулъ. Въ то же время, съ противуположной стороны, отъ Мадлены, двигалась другая кучка людей, еще болѣе странныхъ, въ средневѣковомъ нарядѣ, въ митрахъ и ризахъ; окруженные кадильницами, съ четками и молитвенниками, они казались давно умершими и забытыми тѣнями феодальныхъ вѣковъ.

Зачѣмъ шли тѣ и другіе?

Одни шли провозглашать, подъ охраною ста тысячъ штыковъ, *народную волю*, уложеніе, составленное подъ выстрѣлами, обсужденное въ осадномъ положеніи, — во имя *свободы, равенства и братства;* другіе шли благословить этотъ плодъ философіи и революціи.

Народъ не пришелъ даже взглянуть на эту пародію. Онъ грустными толпами гулялъ около общаго гроба всѣхъ падшихъ за него братій, около іюньской колонны. Мелкіе лавочники, разносчики, сидѣльцы, дворники близлежащихъ домовъ, трактирные слуги, да наша братья — иностранные туристы составляли кайму за шпалерами войскъ и вооруженныхъ буржуа. Но и эти зрители смотрѣли съ удивленіемъ на чтеніе, котораго слышать было невозможно, на маскарадныя платья судей — красныя, черныя, съ мѣхомъ и безъ мѣха, на снѣгъ, который хлесталъ въ глаза, на боевой порядокъ войскъ, которому придавали что-то грозное выстрѣлы съ эспланады инвалиднаго дома. Солдаты и пальба невольно напоминали іюньскіе дни, сердце сжималось. Лица у всѣхъ были озабочены, будто всѣ имѣли сознаніе своей неправоты: одни оттого, что совершаютъ преступленіе, другіе оттого, что участвуютъ въ немъ, допустивъ его. При малѣйшемъ шорохѣ, шумѣ, тысячи головъ оборачивались, ожидая вслѣдъ за тѣмъ свистъ пули, крикъ возстанія, мѣрный звукъ набата. Вьюга продолжалась. Войска, промокнувшія до костей, роптали; наконецъ, ударилъ барабанъ, масса шевельнулась и началась безконечная дефилея подъ бѣдные звуки Mourir pour la patrie, которыми замѣнили великую марсельезу.

Около этого времени, молодой человѣкъ, съ которымъ мы уже знакомы, продрался сквозь толпу къ человѣку среднихъ лѣтъ и сказалъ ему съ знаками истинной радости:

— Вотъ неожиданное счастье, я не зналъ, что вы здѣсь.

— Ахъ, здравствуйте! — отвѣчалъ тотъ, дружески протягивая ему обѣ руки,—давно ли вы пріѣхали?

— На дняхъ.

— Откуда?

— Изъ Италіи.

Ну что, плохо?

— Лучше не говорить... скверно.

То-то, мой милый мечтатель и идеалистъ, я зналъ, что вы не устоите противъ февральскаго искушенія и приготовите себѣ этимъ много страданій, страданія всегда достигаютъ уровня надеждъ.. Вы все жаловались на застой, на дремоту въ Европѣ. Съ этой стороны, кажется, нельзя ее упрекнуть теперь?

-- Не смѣйтесь! Есть обстоятельства, надъ которыми смѣяться нехорошо, какой бы скептицизмъ ни былъ въ душѣ. Слезъ не достаетъ подъ часъ, время ли трунить? Мнѣ, я признаюсь вамъ, страшно обернуться, страшно вспомнить: году еще нѣтъ, какъ мы съ вами разстались, а точно вѣкъ прошелъ. Видѣть исполняющимися всѣ лучшія упованія, всѣ задушевныя надежды, видѣть возможность ихъ осуществленія, и пасть такъ глубоко, такъ низко! Все утратить и не въ бою, не въ борьбѣ съ врагомъ, а отъ собственнаго безсилія, неумѣнія, — это страшно. Мнѣ стыдно встрѣчаться съ какимъ-нибудь легитимистомъ: они смѣются въ глаза, и я чувствую, что они правы. Какая школа — не развитія, а притупленія всѣхъ способностей. Я ужасно радъ, что столкнулся съ вами, у меня, наконецъ, просто сдѣлалась необходимость васъ видѣть: я съ вами заочно ссорился и мирился, написалъ какъ-то вамъ предлинное письмо и теперь душевно радъ, что изодралъ его, — оно было полно дерзкихъ надеждъ, я думалъ васъ побить ими, а теперь мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы окончательно увѣрили меня, что этотъ міръ гибнетъ, что ему выхода нѣтъ, что ему назначено заглохнуть, порости травой. Теперь вы меня не огорчите, да впрочемъ я и не ждалъ облегченія отъ встрѣчи съ вами: отъ вашихъ словъ мнѣ становится всякой разъ тяжеле, а не легче.. Да я этого-то и хочу... Убѣдите меня, и я завтра ѣду въ Марсель и отправляюсь съ первымъ пароходомъ въ Америку или въ Египетъ, лишь бы вонъ изъ Европы. Я усталъ, я изнемогаю здѣсь, я чувствую болѣзнь въ груди, въ мозгу, я сойду съ ума, если останусь.

— Мало нервныхъ болѣзней упорнѣе идеализма. Я васъ застаю послѣ всѣхъ событій, случившихся въ послѣднее время, такимъ, какъ оставилъ. Вы лучше хотите страдать, нежели понимать. Идеалисты большіе баловни и большіе трусы: я ужъ извинялся за это выраженіе, вы знаете, что тутъ рѣчь не о личной храбрости, ея почти слишкомъ много. Идеалисты трусы передъ истиной, вы ее отталкиваете, вы боитесь фактовъ, не идущихъ подъ ваши теоріи. Вы думаете, что, помимо вами открытыхъ путей, нѣтъ міру спасенія: вы хотите, чтобъ за вашу преданность, міръ плясалъ по вашей дудкѣ, и какъ только замѣчаете, что у него свой шагъ и

свой тактъ, вы сердитесь, вы въ отчаяніи, вы даже не имѣете любопытства посмотрѣть на его собственную пляску.

— Называйте какъ хотите, трусостью или глупостью, но дѣйствительно у меня нѣтъ любопытства видѣть этотъ макабрскій танецъ, у меня нѣтъ пристрастія римлянъ къ страшнымъ зрѣлищамъ, можетъ оттого, что я не понимаю всѣхъ тонкостей искусства умирать.

— Достоинство любопытства мѣряется достоинствомъ зрѣлища. Публика Колизея состояла изъ той же праздной толпы, которая тѣснилась на аутодафе, на казняхъ, сегодня пришла сюда, чтобъ чѣмъ-нибудь занять внутреннюю пустоту, завтра пойдетъ съ тѣмъ же усердіемъ смотрѣть, какъ будутъ вѣшать кого-нибудь изъ нынѣшнихъ героевъ. Есть другое, болѣе почтенное любопытство, корни его въ болѣе здоровой почвѣ, оно ведетъ къ знанію, къ изученію, оно мучится объ неоткрытой части свѣта, подвергается заразѣ, чтобъ узнать ея свойство.

— Словомъ, которое имѣетъ въ виду пользу, но какая же польза смотрѣть на умирающаго, зная, что время помощи прошло? Это просто поэзія любопытства.

— Для меня это поэтическое любопытство, какъ вы называете его, чрезвычайно человѣчественно: я уважаю Плинія, остающагося досматривать грозное изверженіе Везувія въ своей лодкѣ, забывающаго явную опасность. Удалиться было благоразумнѣе и во всякомъ случаѣ покойнѣе.

— Я понимаю намекъ; но сравненіе ваше не совсѣмъ идетъ: при гибели Помпеи нечего было дѣлать человѣку, смотрѣть или идти прочь зависѣло отъ него. Я хочу уйти не отъ опасности, а оттого, что не могу остаться дольше: подвергаться опасности гораздо легче, чѣмъ кажется издали; но видѣть гибель, сложа руки, знать, что не принесешь никакой пользы, понимать, чѣмъ можно бы помочь и не имѣть возможности передать, указать, растолковать; быть празднымъ свидѣтелемъ, какъ люди, пораженные какимъ-то повальнымъ безуміемъ, мечутся, крутятся, губятъ другъ друга, какъ ломится цѣлая цивилизація, цѣлый міръ, вызывая хаосъ и разрушеніе,—это выше силъ человѣка. Съ Везувіемъ нечего дѣлать, но въ мірѣ исторіи человѣкъ дома, тутъ онъ не только зритель, но и дѣятель, тутъ онъ имѣетъ голосъ и, если не можетъ принять участія, онъ долженъ протестовать хоть своимъ отсутствіемъ.

— Человѣкъ, конечно, дома въ исторіи, но изъ вашихъ словъ можно подумать, что онъ гость въ природѣ: какъ будто между природой и исторіей каменная стѣна. Я думаю, онъ тамъ и тутъ дома, но ни тамъ, ни тутъ не самовластный хозяинъ. Человѣкъ оттого не оскорбляется непокорностью природы, что ея самобытность очевидна для него: мы вѣримъ въ ея дѣйствительность, не-

зависимую отъ насъ; а въ дѣйствительность исторіи, особенно современной, не вѣримъ: въ исторіи человѣку кажется воля вольная дѣлать, что хочетъ. Все это горькіе слѣды дуализма, отъ котораго такъ долго двоилось у насъ въ глазахъ, и мы колебались между двумя оптическими обманами: дуализмъ утратилъ свою грубость, но и теперь незамѣтно остается въ нашей душѣ. Нашъ языкъ, наши первыя понятія, сдѣлавшіяся естественными отъ привычки, отъ повтореній, мѣшаютъ видѣть истину. Если-бъ мы не знали съ пятилѣтняго возраста, что исторія и природа совершенно розное, намъ было бы легко понимать, что развитіе природы незамѣтно переходитъ въ развитіе человѣчества: что это двѣ главы одного романа, двѣ фазы одного процесса, очень далекія на закраинахъ и чрезвычайно близкія въ срединѣ. Насъ не удивило бы тогда, что доля всего совершающагося въ исторіи покорена физіологіи, темнымъ влеченіямъ. Разумѣется, законы историческаго развитія не противуположны законамъ логики, но они не совпадаютъ въ своихъ путяхъ съ путями мысли, такъ какъ ничто въ природѣ не совпадаетъ съ отвлеченными нормами, которыя строитъ чистый разумъ. Зная это, мы устремились бы на изученіе, на открытіе этихъ физіологическихъ вліяній. Дѣлаемъ ли мы это? Занимался ли кто-нибудь серьезно физіологіей общественной жизни, исторіей, какъ дѣйствительно объективной наукой?—Никто, ни консерваторы, ни радикалы, ни философы, ни историки.

Однако дѣйствовали много; можетъ потому, что намъ такъ же естественно дѣлать исторію, какъ пчелѣ медъ, что это не плодъ размышленій, а внутренняя потребность духа человѣческаго.

— Вы хотите сказать инстинктъ. Вы правы,—онъ велъ, онъ и теперь еще ведетъ массы. Но мы не въ томъ положеніи, мы утратили дикую мѣткость инстинкта, мы настолько рефлектеры, что заглушили въ себѣ естественныя влеченія, которыми исторія пробивается къ дальнѣйшему. Мы вообще городскіе жители, равно лишенные физическаго и нравственнаго такта,—земледѣлецъ, морякъ знаетъ впередъ погоду, а мы нѣтъ. У насъ осталось отъ инстинкта одно безпокойное желаніе дѣйствовать,—и это прекрасно. Сознательнаго дѣйствія, т. е. такого, которое бы вполнѣ удовлетворяло, не можетъ еще быть, мы дѣйствуемъ ощупью. Мы все пробуемъ втѣснять свои мысли, свои желанія средѣ, насъ окружающей, и эти опыты, постоянно неудачные, служатъ для нашего воспитанія. Вы досадуете, что народы не исполняютъ мысль дорогую вамъ, ясную для васъ, что они не умѣютъ спастись оружіями, которыя вы имъ даете, и перестать страдать. Но почему вы думаете, что народъ именно долженъ исполнить вашу мысль, а не свою, именно въ это время, а не въ другое? Увѣрены ли вы, что средство, вами придуманное, не имѣетъ неудобствъ, увѣрены ли вы,

что онъ понимаетъ его, увѣрены ли вы, что нѣтъ другого средства, что нѣтъ цѣлей шире? Вы можете угадать народную мысль, это будетъ удача, но скорѣе вы ошибетесь. Вы и массы принадлежите двумъ разнымъ образованіямъ, между вами вѣка, больше нежели океаны, которые теперь переплываютъ такъ легко. Массы полны тайныхъ влеченій, полны страстныхъ порывовъ, у нихъ мысль не разъединилась съ фантазіей, у нихъ она не остается по нашему теоріей, она у нихъ тотчасъ переходитъ въ дѣйствіе; имъ оттого и трудно привить мысль, что она не шутка для нихъ. Оттого онѣ иногда обгоняютъ самыхъ смѣлыхъ мыслителей, увлекаютъ ихъ по неволѣ, покидаютъ середь дороги тѣхъ, которымъ поклонялись вчера, и отстаютъ отъ другихъ вопреки очевидности; онѣ дѣти, онѣ женщины, онѣ капризны, бурны, непостоянны. Вмѣсто того, чтобъ изучить эту самобытную физіологію рода человѣческаго, сродниться, понять ея пути, ея законы, мы принимаемся критиковать, учить, приходить въ негодованіе, сердиться; какъ будто народы или природа отвѣчаютъ за что-нибудь, какъ будто имъ есть дѣло, нравится ли намъ, или не нравится ихъ жизнь, которая влечетъ ихъ по-неволѣ къ неяснымъ цѣлямъ и безотвѣтнымъ дѣйствіямъ! До сихъ поръ это дидактическое, жреческое отношеніе имѣло свое оправданіе, но теперь оно становится смѣшно и ведетъ насъ къ битой роли—разочарованныхъ. Вы обижены тѣмъ, что дѣлается въ Европѣ, васъ возмущаетъ эта свирѣпая, тупая и побѣдоносная реакція; и меня также, но вы, вѣрные романтизму, сердитесь, хотите бѣжать для того только, чтобъ не видать истины. Я согласенъ, что пора выходить изъ нашей искусственной, условной жизни, но не бѣгствомъ въ Америку. Что вы тамъ найдете? Сѣверные штаты - послѣднее, опрятное изданіе того же феодально-христіанскаго текста, да еще въ грубомъ англійскомъ переводѣ; годъ тому назадъ отъѣздъ вашъ не имѣлъ бы ничего удивительнаго, - обстоятельства тащились томно, вяло. А какъ же ѣхать въ пущій разгаръ перелома, когда все въ Европѣ бродитъ, работаетъ, когда падаютъ вѣковыя стѣны, кумиръ валится за кумиромъ, когда въ Вѣнѣ научились строить баррикады...

— А въ Парижѣ научились ихъ ломать ядрами; когда вмѣстѣ съ кумирами (которые, впрочемъ, возстановляются на другой день) падаютъ навсегда лучшіе плоды европейской жизни, такъ трудно выработанные, выращенные вѣками. Я вижу судъ, я вижу казнь, смерть; но я не вижу ни воскресенія, ни помилованія. Эта часть свѣта кончила свое, силы ея истощились; народы, живущіе въ этой полосѣ, дожили до конца своего призванія, они начинаютъ тупѣть, отставать. Исторія, повидимому, нашла другое русло; я иду туда; вы мнѣ сами доказывали въ прошломъ году что-то по-

добное, помните, на пароходѣ, когда мы плыли изъ Генуи въ Чивитту.

Помню, это было *передъ грозой*. Только тогда вы возражали мнѣ, а теперь согласились черезъ край. Вы не жизнію, не мыслію дошли до вашего новаго взгляда, оттого, вмѣсто спокойнаго характера, онъ имѣетъ у васъ характеръ судорожный: вы дошли до него par dépit, отъ минутнаго отчаянія, которымъ вы наивно и безъ намѣренія прикрыли прежнія надежды. Если-бъ этотъ взглядъ не былъ въ васъ капризомъ будирующаго любовника, а просто трезвымъ знаніемъ того, что дѣлается, вы иначе выражались бы, иначе смотрѣли бы, вы оставили бы личную rancune, вы забыли бы себя, тронутые и исполненные ужаса—при видѣ трагической судьбы, совершающейся передъ вашими глазами; но идеалисты скупы на то, чтобъ отдаваться, они такъ же упорно себялюбивы, какъ монахи, которые переносятъ всякія лишенія, не выпуская изъ виду себя, свою личность, награду. Чего вы боитесь оставаться здѣсь? Развѣ вы уходите изъ театра при началѣ пятаго дѣйствія каждой трагедіи, боясь разстроить нервы?... Судьба Эдипа не облегчится тѣмъ, что вы оставите партеръ, онъ все такъ же погибнетъ. Оставаться до послѣдней сцены лучше, иногда зритель, задавленный несчастіемъ Гамлета, встрѣтилъ молодаго Фортинбраса, полнаго жизни и надеждъ. Самое зрѣлище смерти торжественно,—въ немъ лежитъ великое поученіе... Туча, висѣвшая надъ Европой, не дозволявшая никому свободно дышать, разразилась, молнія за молніей, ударъ за ударомъ, земля трясется, а вы хотите бѣжать оттого, что Радецкій взялъ Миланъ, а Кавеньякъ Парижъ. Вотъ что значитъ не признавать объективность исторіи: я ненавижу смиреніе, но въ этихъ случаяхъ смиреніе показываетъ пониманье, тутъ мѣсто покорности передъ исторіей, признанія ея. Сверхъ того, она лучше идетъ, нежели можно было ожидать. За что же вы сердитесь? Мы приготовлялись зачахнуть, увянуть въ нездоровой и утомительной средѣ медленнаго старчества, а у Европы вмѣсто маразма открылся тифусъ; она рушится, разваливается, таетъ, забывается... забывается до того, что въ ея борьбахъ обѣ стороны бредятъ и не понимаютъ больше ни себя, ни врага. Пятое дѣйствіе трагедіи началось 24 февраля; грусть, трепетное состояніе духа совершенно естественно, ни одинъ серьезный человѣкъ не глумится при такихъ событіяхъ, но это далеко отъ отчаянія и отъ вашего взгляда. Вы воображаете, что вы отчаиваетесь оттого, что вы революціонеръ, и ошибаетесь: вы отчаиваетесь оттого, что вы консерваторъ.

Очень благодаренъ: по вашему, я стою на одной доскѣ съ Радецкимъ и Виндишгрецомъ.

Нѣтъ, вы гораздо хуже. Какой же консерваторъ Радецкій?

Онъ все ломаетъ, онъ чуть не подорвалъ порохомъ Миланскій соборъ. Неужели вы серьезно полагаете, что это консерватизмъ, когда дикіе кроаты берутъ приступомъ австрійскіе города и не оставляютъ тамъ камня на камнѣ? Ни они, ни ихъ генералы не знаютъ, что дѣлаютъ, но только они не *хранятъ*. Вы все судите по знаменамъ: эти за императора — консерваторы, эти за республику — революціонеры. Нынче монархическое начало и консерватизмъ дерутся съ обѣихъ сторонъ. Самый вредный консерватизмъ тотъ, который со стороны республики, тотъ, который проповѣдуете вы.

— Однако не мѣшало бы сказать, что я стремлюсь сохранить, въ чемъ именно вы находите мой *революціонный* консерватизмъ?

— Скажите, вѣдь, вамъ досадно, что конституція, которую сегодня провозглашаютъ, такъ глупа?

— Разумѣется.

— Васъ сердитъ, что движеніе въ Германіи ушло сквозь франкфуртскую воронку и исчезло, что Карлъ Альбертъ не отстоялъ независимость Италіи, что Пій IX оказывается какъ-то изъ рукъ вонъ плохъ?

— Что же изъ этого? Я не хочу и защищаться.

— Это-то и есть консерватизмъ. Если-бъ ваши желанія исполнились, вышло бы торжественное оправданіе стараго міра. Все было бы оправдано — кромѣ революціи.

— Стало-быть, намъ остается радоваться, что австрійцы побѣдили Ломбардію?

— Зачѣмъ же радоваться? Ни радоваться, ни удивляться: Ломбардія не могла освободиться демонстраціями въ Миланѣ и помощію Карла Альберта.

— Хорошо намъ здѣсь разсуждать объ этомъ sub specie eternitatis... Впрочемъ, я умѣю отдѣлять человѣка отъ его діалектики; я увѣренъ, что вы забыли бы всѣ ваши теоріи передъ грудами труповъ, передъ ограбленными городами, оскорбленными женщинами, передъ дикими солдатами въ бѣлыхъ мундирахъ.

— Вы вмѣсто отвѣта дѣлаете воззваніе къ состраданію, которое всегда удается. Сердце есть у всѣхъ, кромѣ нравственныхъ уродовъ. Судьбой Милана такъ же легко тронуть, какъ судьбою герцогини Ламбаль, человѣку естественно сострадать; вы не вѣрьте Лукрецію, что нѣтъ больше наслажденія, какъ смотрѣть съ берега на тонущій корабль,—это клевета поэта. Случайныя жертвы, падающія отъ дикой силы, возмущаютъ все нравственное существо наше. Я не видалъ Радецкаго въ Миланѣ, но видѣлъ чуму въ Александріи; я знаю, какъ эти роковые бичи унижаютъ, оскорбляютъ человѣка, но на этомъ плачѣ останавливаться — бѣдно, слабо. Рядомъ съ негодованіемъ въ душѣ является непреоборимое желаніе противудѣйствія, борьбы, изслѣдованія, изысканія средствъ.

причинъ. Чувствительностью не разрѣшишь этихъ вопросовъ. Доктора разсуждаютъ о трудно-больномъ не такъ, какъ безутѣшные родственники: они могутъ въ душѣ плакать, принимать участіе, но для борьбы съ болѣзнію надобно пониманіе, а не слезы. Наконецъ, какъ бы врачъ ни любилъ больного, онъ не долженъ теряться, онъ не долженъ удивляться приближенію смерти, неотразимость которой онъ понялъ. Впрочемъ, если вы жалѣете только людей, гибнувшихъ при этомъ страшномъ броженіи и разгромѣ, вы правы: къ безчувственности надобно воспитаться; люди, не имѣющіе никакого состраданія къ ближнему—военноначальники, министры, судьи, палачи—всею жизнію своей отучали себя отъ всего человѣческаго; если-бъ имъ не удалось это, они остановились бы на полъ дорогѣ. Ваша скорбь вполнѣ оправдана, и я не имѣю для васъ утѣшеній, развѣ одни количественныя: вспомните, что все случившееся отъ возстанія въ Палермѣ до взятія Вѣны не стоило Европѣ трети людей, погибнувшихъ подъ Эйлау, напримѣръ.

— Но мнѣ кажется, что вы печалитесь не объ однихъ людяхъ, вы еще что-то оплакиваете!

— Очень многое. Я оплакиваю революцію 24 февраля, такъ величественно начавшуюся и такъ скромно погибнувшую. Республика была возможна, я ее видѣлъ, я дышалъ ея воздухомъ: республика была не мечта, а быль, и что же изъ нея сдѣлалось? Мнѣ ее жаль такъ, какъ жаль Италію, проснувшуюся для того, чтобъ на другой день быть побѣжденной, такъ, какъ жаль Германію, которая встала во весь ростъ для того, чтобъ упасть къ ногамъ своихъ тридцати помѣщиковъ. Мнѣ жаль, что человѣчество опять отодвинулось на цѣлое поколѣніе, что движеніе опять заморено, остановлено.

— Что касается до движенія собственно, его не уймешь. Девизъ нашего времени, больше нежели когда-нибудь, semper in motu... Видите, какъ я былъ правъ, упрекая васъ въ консерватизмѣ, онъ у васъ доходитъ до противурѣчій. Не вы ли мнѣ разсказывали годъ тому назадъ о страшномъ нравственномъ паденіи образованныхъ сословій во Франціи, и вдругъ повѣрили, что за ночь изъ нихъ сдѣлались республиканцы, оттого что народъ прогналъ упрямаго старика и на мѣсто упорнаго квакера, окруженнаго мелкими дипломатами, позволилъ сѣсть безхарактерному теофилантропу, окруженному мелкими журналистами.

— Теперь легко быть проницательнымъ.

— И тогда было не трудно: 26 февраля опредѣлило весь характеръ 24-го. Всѣ не-консерваторы поняли, что эта республика игра словъ.— Бланки и Прудонъ, Распайль и Пьеръ Леру. Тутъ не даръ пророчества нуженъ, а навыкъ добросовѣстнаго изученія, привычка наблюдать, вотъ оттого-то я и рекомендую укрѣплять,

изощрять умъ естественными науками. Натуралистъ привыкаетъ не вносить, до поры до времени, ничего своего, слѣдитъ, выжидаетъ; онъ не проронитъ ни одного признака, ни одной перемѣны, онъ ищетъ истину безкорыстно, не подкладывая ни любви своей, ни своей ненависти. Замѣтьте, что самый проницательный публицистъ первой революціи былъ коновалъ и что химикъ [1]) 27 февраля печаталъ въ своемъ журналѣ, который сожгли студенты въ quartier latin, то, что теперь всѣ увидѣли, но чего уже поправить нельзя. Непростительно было ждать что-нибудь отъ политическаго сюрприза 24 февраля, кромѣ броженія; оно и началось съ этого дня и это великій результатъ его; отрицать броженія нельзя, оно влечетъ Францію и всю Европу отъ потрясенія къ потрясенію. Того-ли вы хотѣли, того-ли ждали? Нѣтъ, вы ждали, что *благоразумная* республика удержится на золотушныхъ ножкахъ ламартиновской елейности, обернутыхъ бюллетенями Ледрю-Роллена. Это было бы всемірное несчастіе, такая республика была бы самымъ тяжелымъ тормазомъ, который задержалъ бы всѣ колеса исторіи. Республика временнаго правительства, основанная на старыхъ монархическихъ началахъ, была бы вреднѣе всякой монархіи. Она явилась не какъ нелѣпость насилія, а какъ вольное соглашеніе, не какъ историческое несчастіе, а какъ нѣчто раціональное, справедливое съ своимъ тупымъ большинствомъ голосовъ и съ своею ложью на знамени. Слово «республика» имѣло нравственную силу; обманывая своимъ именемъ, она ставила подпорки для поддержки падающаго государственнаго устройства. Реакція спасла движеніе, реакція сбросила маски и этимъ спасла революцію. Люди, которые годы остались бы въ опьяненіи отъ ламартиновскаго лауданума, протрезвѣли отъ трехмѣсячнаго осаднаго положенія: они знаютъ теперь, что значитъ усмирять возмущенія по понятіямъ *этой* республики. Вещи, которыя были понятны для нѣсколькихъ человѣкъ, сдѣлались доступны всѣмъ: всѣ знаютъ, что не Кавеньякъ виноватъ въ томъ, что дѣлалось, что винить палача глупо, что онъ больше гадокъ, нежели виноватъ. Реакція сама подрубила ноги послѣднимъ кумпрамъ, за которыми какъ за престоломъ въ алтарѣ прятался старый порядокъ. Народъ не вѣритъ теперь въ республику и превосходно дѣлаетъ, пора перестать вѣрить въ какую-бъ то ни было единую, спасающую церковь. Религія республики была на мѣстѣ въ 93 г., и тогда она была колоссальна, велика, тогда она произвела этотъ величавый рядъ гигантовъ, которыми замыкается длинная эра политическихъ переворотовъ. Формальная республика показала себя послѣ іюньскихъ дней. Теперь начинаютъ понимать несовмѣстность *братства и равен-*

[1]) Распайль.

ства съ этими капканами, называемыми ассизами, *свободы* и этихъ боенъ, подъ именемъ военно-судныхъ комиссій: теперь никто не вѣритъ въ подтасованныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ въ жмурки судьбу людей, безъ апелляціи; въ гражданское устройство, защищающее только собственность, ссылающее людей въ видѣ мѣры общественнаго спасенія, содержащее хоть сто человѣкъ постояннаго войска, которые, не спрашивая причины, готовы спустить курокъ по первой командѣ. Вотъ польза реакціи. Сомнѣнія бродятъ, занимаютъ умы, заставляютъ задумываться; а не легко было дойти до нихъ, особенно французамъ, которые чрезвычайно туги на пониманіе новаго, несмотря на всю остроту свою. Тоже въ Германіи: Берлину, Вѣнѣ удалось сначала, они было обрадовались своимъ діэтамъ, своимъ хартіямъ, о которыхъ скромно вздыхали тридцать пять лѣтъ. Теперь, испытавъ реакцію и зная по опыту, что такое діэты и камеры, они не удовлетворятся ни какой хартіей, ни данной, ни взятой. онѣ сдѣлались для нѣмцевъ то, что для человѣка игрушка, о которой онъ мечталъ ребенкомъ. Европа догадалась, благодаря реакціи, что представительная система—хитро придуманное средство перегонять въ слова и безконечные споры общественныя потребности и энергическую готовность дѣйствовать. Вмѣсто того, чтобъ радоваться этому, вы негодуете. Вы негодуете за то, что національное собраніе, составленное изъ реакціонеровъ, облеченное нелѣпой властію, подъ вліяніемъ трусости вотировало нелѣпость: а, по моему, это великое доказательство, что ни этихъ вселенскихъ соборовъ для законодательства, ни представителей въ родѣ первосвященниковъ—вовсе не нужно, что умной конституціи теперь вотировать невозможно. Не смѣшно ли писать уложеніе для грядущихъ поколѣній, когда у дряхлаго міра едва есть время на то, чтобъ распоряжаться будущимъ и продиктовать какъ-нибудь духовное завѣщаніе? Вы оттого не рукоплещете всѣмъ этимъ неудачамъ, что вы консерваторъ, что вы, сознательно или нѣтъ, принадлежите къ этому міру. Въ прошломъ году, сердясь, негодуя на него, вы не выходили изъ него; за это онъ обманулъ васъ 24 февраля: вы повѣрили, что онъ можетъ спастись домашними средствами, агитаціей, реформами, что онъ можетъ обновиться, оставаясь при старомъ; вы вѣрили, что онъ *можетъ* исправиться, и теперь вѣрите. Сдѣлайся уличный бунтъ; провозгласи французы Ледрю-Роллена президентомъ, вы опять взойдете въ восторгъ. Пока вы молоды, это простительно, но оставаться въ этомъ направленіи надолго я не совѣтую, вы сдѣлаетесь смѣшны. У васъ натура живая, воспріимчивая, переступите послѣдній заборъ, отрясите послѣднюю пыль съ сапоговъ вашихъ и убѣдитесь, что маленькія революціи, маленькія перемѣны, маленькія республики недостаточны, кругъ дѣйствія ихъ слишкомъ ограниченъ, онѣ теряютъ

всякой интересъ. Не надобно имъ поддаваться, всѣ онѣ заражены консерватизмомъ. Я отдаю имъ справедливость, разумѣется, они имѣютъ свою хорошую сторону: въ Римѣ при Піи IX стало лучше жить, нежели при пьяномъ и зломъ Григоріи XVI; республика 26 февраля въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даетъ болѣе удобную форму для новыхъ идей, нежели монархія: но всѣ эти паліативныя средства столько же вредны, сколько полезны, они минутнымъ облегченіемъ заставляютъ забыть болѣзнь. А потомъ какъ вглядишься въ эти улучшенія, какъ посмотришь, съ какимъ кислымъ, недовольнымъ лицомъ дѣлаются онѣ, какъ всякую уступку представляютъ благодѣяніемъ, даютъ нехотя, оскорбляя, — такъ право охота пройдетъ слишкомъ дорого цѣнить ихъ услугу. Я не умѣю выбирать между рабствами, такъ, какъ между религіями; у меня вкусъ притупился, я не въ состояніи различать тонкостей: которое рабство хуже, которое лучше, которая религія ближе къ спасенію, которая дальше, что притѣснительнѣе: *честная* республика или *честная* монархія, революціонный консерватизмъ Радецкаго или консервативная революціонность Кавеньяка, что пошлѣе: квакеры или іезуиты, что хуже розги или краподина. Съ обѣихъ сторонъ рабство, съ одной хитрое, прикрытое именемъ свободы и, слѣдственно, опасное; съ другой дикое, животное и, слѣдственно, бросающееся въ глаза. По счастію они другъ въ другѣ не узнаютъ родственныхъ чертъ и готовы ежеминутно вступить въ бой; пусть борются, пусть составляютъ коалиціи, пусть грызутъ другъ друга и тащатъ въ могилу. Кто бы изъ нихъ ни восторжествовалъ, ложь или насиліе, на первый случай это побѣда не для насъ, а впрочемъ и не для нихъ; все, что побѣдители успѣютъ, это — ловко попировать денекъ, другой.

А намъ оставаться по прежнему зрителями, вѣчными зрителями, жалкими присяжными, которыхъ приговоръ не исполняется; понятыми, въ свидѣтельствѣ которыхъ не нуждаются. Я удивляюсь вамъ и не знаю, долженъ ли завидовать, или нѣтъ. Съ такимъ дѣятельнымъ умомъ у васъ столько — какъ бы это сказать? — столько воздержности.

Что дѣлать? Я себя не хочу насиловать, искренность и независимость мои кумиры, мнѣ не хочется стать ни подъ то, ни подъ другое знамя; оба стана такъ хорошо стоятъ на дорогѣ къ кладбищу, что помощь моя имъ не нужна. Такія положенія бывали и прежде. Какое участіе могли принимать христіане въ римскихъ борьбахъ за претендентовъ на императорство? Ихъ называли трусами, они улыбались и дѣлали свое дѣло, молились и проповѣдывали.

— Проповѣдывали потому, что были сильны вѣрою, имѣли единство ученія; гдѣ у насъ Евангеліе, новая жизнь, къ которой мы зовемъ, добрая вѣсть, о которой мы призваны свидѣтельствовать міру?

— Проповѣдуйте вѣсть о смерти, указывайте людямъ каждую новую рану на груди стараго міра, каждый успѣхъ разрушенія; указывайте хилость его начинаній, мелкость его домогательствъ; указывайте, что ему нельзя выздоровѣть, что у него нѣтъ ни опоры, ни вѣры въ себя, что его никто не любитъ въ самомъ дѣлѣ, что онъ держится на недоразумѣніяхъ; указывайте, что каждая его побѣда ему же ударъ; проповѣдуйте *смерть*, какъ добрую вѣсть приближающагося искупленія.

— Ужъ не лучше ли молиться?... Кому проповѣдывать, когда съ обѣихъ сторонъ падаютъ ряды жертвъ? Это одинъ парижскій архіерей не зналъ, что во время сраженія ни у кого нѣтъ уха. Погодимте еще немного; когда борьба кончится, тогда начнемте проповѣдывать о смерти, никто не будетъ мѣшать на обширномъ кладбищѣ, на которомъ лягутъ рядомъ всѣ бойцы; кому же лучше и слушать апотеозу смерти, какъ не мертвымъ? Если дѣла пойдутъ какъ теперь, зрѣлище будетъ оригинальное: будущее водворяемое погибнетъ вмѣстѣ съ дряхлымъ, отходящимъ; недоношенная демократія замретъ, терзая холодную и исхудалую грудь умирающей монархіи.

— Будущее, которое гибнетъ, не будущее. Демократія по преимуществу настоящее: это—борьба, отрицаніе іерархіи, общественной неправды, развившейся въ прошедшемъ: очистительный огонь, который сожжетъ отжившія формы и, разумѣется, потухнетъ, когда сожигаемое кончится. Демократія не можетъ ничего создать, это не ея дѣло, она будетъ нелѣпостію послѣ смерти послѣдняго врага: демократы только *знаютъ* (говоря словами Кромвеля), *чего не хотятъ; чего они хотятъ, они не знаютъ*.

— За знаніемъ, чего мы не хочемъ, таится предчувствіе, чего хочемъ: на этомъ основана мысль, которая до того часто повторялась, что совѣстно на нее ссылаться, мысль о томъ, что каждое разрушеніе своего рода созданіе. Человѣкъ не можетъ довольствоваться однимъ разрушеніемъ, это противно его творческой натурѣ. Для того, чтобъ онъ проповѣдывалъ смерть, ему нужна вѣра въ возрожденіе. Христіанамъ легко было возвѣщать кончину древняго міра, у нихъ похороны совпадали съ крестинами.

— У насъ не одно предчувствіе, но есть и нѣчто побольше; только мы не такъ легко удовлетворяемся, какъ христіане, у нихъ одинъ критеріумъ и былъ вѣра. Для нихъ, конечно, было большое облегченіе въ незыблемой увѣренности, что церковь восторжествуетъ, что міръ приметъ крещеніе, имъ и въ голову не приходило, что крещеный ребенокъ выйдетъ не совсѣмъ по желанію духовныхъ родителей. Христіанство осталось благочестивымъ упованіемъ: теперь, какъ въ первомъ столѣтіи, оно утѣшается небомъ, раемъ. Водвореніе мысли о новой жизни несравненно труднѣе въ

наше время, у насъ нѣтъ неба, нѣтъ «веси Божіей», наша *весь* человѣческая и должна осуществиться на той почвѣ, на которой существуетъ все дѣйствительное —на землѣ. Тутъ нельзя сослаться ни на искушеніе діавола, ни на помощь Божію, ни на жизнь за гробомъ. Демократія, впрочемъ, и не идетъ такъ далеко, она сама еще стоитъ на христіанскомъ берегу, въ ней бездна аскетическаго романтизма, либеральнаго идеализма; въ ней страшная мощь разрушенія; но, какъ примется создавать, она теряется въ ученическихъ опытахъ, въ политическихъ этюдахъ. Конечно, разрушеніе создаетъ, оно расчищаетъ мѣсто, и это ужъ созданіе, оно отстраняетъ цѣлый рядъ лжи, и это ужъ истина. Но дѣйствительнаго творчества въ демократіи нѣтъ, —и потому-то она не будущее. Будущее внѣ политики, будущее носится надъ хаосомъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ стремленій и возьметъ изъ нихъ нитки въ свою новую ткань, изъ которой выйдутъ саванъ прошедшему и пеленки новорожденному. Жизнь осуществляетъ только ту сторону мысли, которая находитъ себѣ почву, да и почва при томъ не остается страдательнымъ носителемъ, а даетъ свои соки, вноситъ свои элементы. Новое, возникающее изъ борьбы утопій и консерватизма, входитъ въ жизнь не такъ, какъ его ожидала та или другая сторона; оно является переработаннымъ, инымъ, составленнымъ изъ воспоминаній и надеждъ, изъ существующаго и водворяемаго, изъ преданій и возникновеній, изъ вѣрованій и знаній, изъ отжившихъ римлянъ и нежившихъ германцевъ, соединяемыхъ одной церковью, чуждой обоимъ. Идеалы, теоретическія построенія никогда не осуществляются такъ, какъ они носятся въ нашемъ умѣ.

— Какъ и для чего они приходятъ въ голову послѣ этого? Это какая-то иронія.

— А отчего вамъ хочется, чтобъ въ умѣ человѣка все было въ обрѣзъ? Что за прозаическое сведеніе всего на крайне нужное, на необходимо полезное, на неминуемо прилагаемое? Вспомните старика Лира, который, когда одна изъ дочерей уменьшала его штатъ и увѣряла, что ему про нужду достанетъ, сказалъ ей: «Про нужду, можетъ быть, но знаешь ли ты, когда человѣкъ сводится только на то, что ему нужно, онъ дѣлается звѣремъ». Фантазія и мысль человѣка несравненно свободнѣе, нежели полагаютъ; цѣлые міры поэзіи, лиризма, мышленія, независимые до нѣкоторой степени отъ окружающихъ обстоятельствъ, дремлютъ въ душѣ каждаго. Ихъ будитъ толчекъ и они просыпаются съ своими видѣніями, рѣшеніями, теоріями; мысль, опираясь на фактическое данное, стремится къ ихъ всеобщимъ нормамъ, старается ускользнуть отъ случайныхъ и временныхъ опредѣленій въ логическія сферы, но отъ нихъ до сферъ практическихъ очень далеко.

— Слушая ваши слова, я думалъ теперь, отчего у васъ такъ много нелицепріятной справедливости, и нашелъ причину: вы не ринуты въ потокъ, вы не вовлечены въ этотъ круговоротъ; посторонній всегда лучше разбираетъ семейныя дѣла, нежели члены семейства. Но если-бъ вы, какъ многіе, какъ Барбесъ, какъ Маццини, работали всю жизнь, потому что внутри вашей души раздавался голосъ, который требовалъ этой дѣятельности, котораго перекричать не было у васъ возможности, потому что онъ поднимался изъ глубины оскорбленнаго сердца, обливающагося кровью при видѣ притѣсненія, замирающаго при видѣ насилія; — если-бъ этотъ голосъ былъ не только въ умѣ и сознаніи, но въ крови, въ нервахъ, и вы, слѣдуя ему, попали бы въ дѣйствительное столкновеніе съ властью, долю жизни были бы въ цѣпяхъ, скитались бы изгнанникомъ, и вдругъ для васъ наступила бы заря того дня, который вы ожидали полжизни, — вы бы, какъ Маццини, на итальянскомъ языкѣ, при громѣ рукоплесканій, говорили бы въ Миланѣ на площади, открыто, слова независимости и братства, не боясь бѣлаго мундира и желтыхъ усовъ. Если-бъ вы, послѣ десятилѣтняго заключенія, какъ Барбесъ, были принесены ликующей толпой на площадь того города, гдѣ вамъ одинъ товарищъ палача читалъ приговоръ, а другой его товарищъ васъ миловалъ пожизненными цѣпями; и вы бы послѣ всего этого увидѣли осуществленною вашу мысль и слышали бы двухсотъ-тысячную толпу, которая привѣтствуетъ мученика крикомъ Vive la République!.. И вслѣдъ за тѣмъ вамъ пришлось бы увидѣть Радецкаго въ Миланѣ, Кавеньяка въ Парижѣ и опять сдѣлаться скитальцемъ, колодникомъ. Представьте къ тому, что вы не имѣли бы утѣшенія отнести все это на счетъ матеріальной, грубой силы, а напротивъ, видѣли бы народъ, измѣняющій самому себѣ, видѣли бы тѣ же толпы, избирающія теперь кому дать въ руки ножъ противъ себя, — вы не стали бы тогда умѣренно и основательно разсуждать, насколько мысль обязательна и гдѣ предѣлы воли. Нѣтъ, вы прокляли бы эти людскія стада, любовь превратилась бы въ ненависть, или, хуже, въ презрѣніе. Вы, можетъ, пошли бы въ монастырь со всѣмъ атеизмомъ вашимъ.

— Это было бы доказательствомъ, что и я слабъ, подтвержденіемъ того, что всѣ люди слабы, что мысль не только не обязательна для міра, но даже для самаго человѣка. Но, простите, я никакъ не могу вамъ позволить свести разговоръ нашъ на личности. Замѣчу одно: да, я зритель, только это и не роль, и не натура моя, это — мое положеніе. Я понялъ его, это — мое счастіе; когда-нибудь поговоримъ обо мнѣ, теперь мнѣ не хочется отвлекаться. Вы говорите, что я проклялъ бы народъ, — можетъ быть, но это было бы очень глупо. Народы, массы — это стихіи, океаниды; ихъ путь

путь природы, они ея ближайшіе преемники, влекутся темнымъ инстинктомъ, безотчетными страстями, упорно хранятъ то, до чего достигли, хотя бы оно было дурно; ринутые въ движеніе, они неотразимо увлекаютъ съ собою или давятъ все, что попало на дорогѣ, хотя бы оно было хорошо. Они идутъ какъ извѣстный индійскій кумиръ, всѣ встрѣчные бросаются подъ его колесницу, и первые раздавленные бываютъ усерднѣйшіе поклонники идола. Народы обвинять нелѣпо, они правы, потому что всегда сообразны обстоятельствамъ своей былой жизни; на нихъ нѣтъ отвѣтственности ни за добро, ни за зло, они факты, какъ урожай и неурожай, какъ дубъ и колосъ. Отвѣтственность скорѣе на меньшинствѣ, которое представляетъ собою сознанную мысль своего времени, хотя и оно не виновато: вообще юридическая точка зрѣнія не годится нигдѣ, кромѣ въ судѣ, и именно потому всѣ суды въ мірѣ никуда не годятся. Понимать и обвинять, это почти такъ же нелѣпо, какъ не понимать и казнить. Виновато ли меньшинство, что все историческое развитіе, вся цивилизація предшествующихъ вѣковъ была для него, что у него умъ развитъ насчетъ крови и мозга другихъ, что оно вслѣдствіе этого далеко ушло впередъ отъ одичалаго, неразвитаго, задавленнаго тяжкимъ трудомъ народа? Тутъ не вина, тутъ трагическая, роковая сторона исторіи, ни богатый не отвѣчаетъ за богатство, найденное имъ въ колыбели, ни бѣдный за бѣдность, они оба оскорблены несправедливостью, фатализмомъ. Если мы и имѣемъ нѣкоторое право требовать, чтобъ страждущій, худой отъ голода и горя, притѣсненный и оскорбляемый народъ отпустилъ намъ наше неправое стяженіе, наше превосходство, наше развитіе, потому что мы въ немъ неповинны, потому что мы работаемъ надъ тѣмъ, чтобъ сознательно поправить безсознательный грѣхъ, то откуда возьмемъ мы силу проклинать, презирать народъ, который остался Каспаромъ Гаузеромъ для того, чтобъ мы съ вами читали Данта, слушали Бетховена. Презирать за то, что онъ не понимаетъ насъ, пользующихся монополью пониманія, это безобразная, гнусная жестокость. Вспомните, какъ было дѣло: образованное меньшинство, долго наслаждаясь въ своемъ исключительномъ положеніи, въ своемъ аристократическомъ, литературномъ, художественномъ, правительственномъ кругѣ, наконецъ, почувствовало угрызеніе совѣсти, оно вспомнило забытыхъ братій, мысль о несправедливости общественнаго устройства, мысль о равенствѣ, какъ электрическая искра, облетѣла лучшіе умы прошлаго вѣка. Книжно, теоретически поняли люди несправедливость и книжно хотѣли ее поправить, это позднее раскаяніе меньшинства назвали либерализмомъ. Они, добросовѣстно желая вознаградить народъ за тысячелѣтнія униженія, провозгласили его самодержавнымъ, требовали, чтобъ каждый по-

селянинъ вдругъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ, понялъ запутанные вопросы полусвободнаго и полурабскаго законодательства, оставилъ свою работу, т. е. кусокъ хлѣба, и, новый Цинцинатъ, шелъ бы заниматься общественными дѣлами. О хлѣбѣ насущномъ —либерализмъ серьезно не думалъ, онъ слишкомъ романтикъ, чтобъ печься о такихъ грубыхъ потребностяхъ. Либерализму легче было выдумать народъ, нежели его изучить. Онъ налгалъ на него изъ любви не меньше того, что на него налгали другіе изъ ненависти. Либералы сочинили свой народъ a priori, построили его по воспоминаніямъ, изъ прочтеннаго, одѣли его въ римскую тогу и въ пастушескій нарядъ. О дѣйствительномъ народѣ мало думали: онъ жилъ, работалъ, страдалъ возлѣ, около и, если его кто-нибудь зналъ, то это его враги - попы и легитимисты. Судьба его оставалась по старому, за то народъ вымышленный сдѣлался кумиромъ въ новой политической религіи. Не освободивши ни его рукъ, ни его ума, либерализмъ посадилъ народъ на тронъ и, кланяясь ему въ поясъ, старался въ то же время оставить власть себѣ. Народъ поступилъ какъ одинъ изъ его представителей, Санчо-Панса: онъ отказался отъ мнимаго престола или, лучше сказать, и не садился на него. Мы начинаемъ понимать ложное съ обѣихъ сторонъ, это значитъ, что мы выходимъ на дорогу; будемте указывать ее всѣмъ, но зачѣмъ же, обертываясь назадъ, мы будемъ ругаться? Я не токмо не виню народъ, но не виню и либераловъ; они большею частію любили народъ по своему, они много жертвовали для своей идеи, это всегда почтенно, — но они были на ложномъ пути. Ихъ можно сравнить съ прежними натуралистами, которые начинали и оканчивали изученіе природы въ гербаріи, въ музеѣ; все, что они знали о жизни, былъ трупъ, мертвая форма, слѣдъ жизни. Честь и слава тѣмъ, которые догадались взять котомку и идти въ горы, плыть за моря ловить природу и жизнь на самомъ дѣлѣ. Но зачѣмъ же ихъ славой, ихъ успѣхами задвигать труды ихъ предшественниковъ? Либералы были вѣчные жители большихъ городовъ и маленькихъ кружковъ, люди журналовъ, книгъ, клубовъ, они вовсе не знали народа, они его глубокомысленно изучали по историческимъ источникамъ, по памятникамъ, а не по деревнѣ, не по рынку. Больше или меньше всѣ мы грѣшны въ этомъ, отсюда- недоразумѣнія, обманутыя надежды, досада, наконецъ, отчаяніе. Если-бъ вы были знакомы съ внутренней жизнію Франціи, вы не удивлялись бы, что народъ хочетъ вотировать за Бонапарта, вы знали бы, что народъ французскій не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свободѣ, о республикѣ, но имѣетъ бездну національной гордости: онъ любитъ Бонапартовъ, и терпѣть не можетъ Бурбоновъ. Бурбоны для него напоминаютъ корвею, Бастилію, дворянъ: Бонапарты —раз-

сказы стариковъ, пѣсни Баранже, побѣды и, наконецъ, воспоминанія о томъ, какъ сосѣдъ, такой же крестьянинъ, возвращался генераломъ, полковникомъ, съ почетнымъ легіономъ на груди... И сынъ сосѣда торопится подать голосъ за *племянника*.

Конечно, такъ. Одно странно, отчего же они забыли деспотизмъ Наполеона, его конскрипціи, тиранство префектовъ, если у нихъ такъ хороша память?

— Это очень просто, для народа деспотизмъ не можетъ составить характеристики имперіи. Для него до сихъ поръ всѣ правительства были деспотизмомъ. Онъ, напримѣръ, узналъ республику, провозглашенную для удовольствія Reforme, для пользы National— по 45-сантимному налогу, по депортаціямъ, по тому, что бѣднымъ работникамъ не выдаютъ пассовъ въ Парижъ. Народъ вообще плохой филологъ: слово республика его не тѣшитъ, ему отъ него не легче. Слова: имперія, Наполеонъ, его электризуютъ, далѣе онъ не идетъ.

— Если на все смотрѣть такимъ образомъ, то я самъ начинаю думать, что не только перестанешь сердиться и что-нибудь дѣлать, но перестанешь имѣть даже желаніе что-нибудь дѣлать.

— По моему, я говорилъ вамъ, понимать, это ужъ дѣйствовать, осуществлять. Вы думаете, что когда поймешь окружающее, пройдетъ желаніе дѣйствовать,—это значило бы, что вы хотѣли дѣлать не то, что надобно. Ищите въ такомъ случаѣ другой работы, не найдете внѣшней, найдете внутреннюю. Страненъ человѣкъ, который ничего не дѣлаетъ, имѣя дѣло; но, вѣдь, страненъ и тотъ, который, не имѣя дѣла, дѣлаетъ. Трудъ вовсе не клубокъ на ниткѣ, который даютъ котенку, чтобъ его занимать, онъ опредѣляется не однимъ желаніемъ, но и требованіемъ на него.

— Я никогда не сомнѣвался, что думать всегда можно, и не смѣшивалъ насильственнаго бездѣйствія съ произвольнымъ безмысліемъ. Я предвидѣлъ, впрочемъ, утѣшительный результатъ, къ которому вы придете,—оставаться въ разсуждающемъ бездѣйствіи, останавливая умомъ сердце и критикой любовь къ человѣчеству.

— Для того, чтобъ дѣятельно участвовать въ мірѣ, насъ окружающемъ, я повторяю вамъ, мало желанія и любви къ человѣчеству. Все это какія-то неопредѣленныя, мерцающія понятія,—что такое любить человѣчество? Что такое самое человѣчество? Все это сдается мнѣ прежними христіанскими добродѣтелями, подогрѣтыми на философскомъ очагѣ. Народы любятъ соотечественниковъ,—это понятно; но что такое любовь, которая обнимаетъ все, что перестало быть обезьяной, отъ эскимоса и готтентота до далай-ламы и папы, — я не могу въ толкъ взять... Что-то слишкомъ широко. Если это та любовь, которою мы любимъ природу, планеты, вселенную, то я не думаю, чтобъ она могла

быть особенно дѣятельна. Или инстинктъ, или пониманіе среды, въ которой вы живете, ведутъ васъ къ дѣятельности? Инстинктъ вашъ утраченъ, — утратьте ваше отвлеченное знаніе и станьте самоотверженно передъ истиной, поймите ее, тогда вы увидите, какая дѣятельность нужна, какая нѣтъ. Хотите вы политической дѣятельности въ существующемъ порядкѣ, сдѣлайтесь Марастомъ, сдѣлайтесь Одилономъ Барро, и она вамъ будетъ. Вы этого не хотите, вы чувствуете, что всякой порядочный человѣкъ — совершенно посторонній во всѣхъ политическихъ вопросахъ, что онъ не можетъ серьезно думать, — нуженъ или не нуженъ президентъ республикѣ? можетъ или нѣтъ собраніе посылать людей на каторгу безъ суда? или, еще лучше, должно ли подать голосъ за Кавеньяка или за Луи Бонапарта?... Думайте мѣсяцъ, думайте годъ, кто изъ нихъ лучше, вы не рѣшите, оттого что они, какъ говорятъ дѣти, «оба хуже». Все что остается дѣлать человѣку, уважающему себя, — вовсе не вотировать. Посмотрите на другіе вопросы à l'ordre du jour — все то же: «они посвящены богамъ», смерть у нихъ за плечами. Что дѣлаетъ священникъ, призванный къ умирающему? Онъ не лечитъ его, онъ не возражаетъ на его бредъ, а читаетъ ему отходную. Читайте отходную, читайте смертный приговоръ, исполненіе котораго идетъ не по днямъ а по часамъ. Убѣждайте лучше легкомысленныхъ, поверхностныхъ людей, которые рукоплещутъ паденію австрійской имперіи и блѣднѣютъ за судьбу полу-республики, что паденіе ея такой же великій шагъ къ освобожденію народовъ и мысли, какъ паденіе Австріи, что никакихъ исключеній не надобно, никакой пощады, что время снисхожденія не пришло; скажите словами либераловъ - реакціонеровъ, что «амнистія дѣло будущаго», требуйте вмѣсто любви къ человѣчеству, *ненависти* ко всему, что валяется на дорогѣ и мѣшаетъ идти впередъ. Террoръ казнилъ людей; наша судьба легче, мы призваны казнить учрежденія, разрушать вѣрованія, отнимать надежду на старое, ломать предразсудки, касаться до всѣхъ прежнихъ святынь безъ уступокъ, безъ пощады. Улыбка, привѣтъ одному возникающему, одной зарѣ, и, если мы не въ силахъ подвинуть ея часа, то, по крайней мѣрѣ, можемъ указывать ея близость тѣмъ, которые не видятъ...

Парижъ, 1 декабря, 1848 г.

V.

Consolatio.

Der Mensch ist nicht geboren frey zu seyn
Gœthe. (*Tasso*).

Изъ окрестностей Парижа мнѣ нравится больше другихъ Монморанси. Тамъ ничего не бросается въ глаза, ни особенно береженые парки, какъ въ Сенъ-Клу, ни будуары изъ деревьевъ, какъ въ Тріанонѣ, а ѣхать оттуда не хочется. Природа въ Монморанси чрезвычайно проста, она похожа на тѣ женскія лица, которыя не останавливаютъ, не поражаютъ, но привлекаютъ какимъ-то милымъ и довѣрчивымъ выраженіемъ и привлекаютъ тѣмъ сильнѣе, что это дѣлается совершенно незамѣтно для насъ. Въ такой природѣ и въ такихъ лицахъ есть обыкновенно что-то трогательное, успокоивающее и именно за этотъ покой, за эту каплю воды Лазарю, всего больше благодаритъ душа современнаго человѣка, безпрерывно потрясенная, растерзанная, взволнованная. Я нѣсколько разъ находилъ отдыхъ въ Монморанси, и за это благодаренъ ему. Тамъ есть большая роща, мѣстоположеніе довольно высокое, и тишина, которой подъ Парижемъ нигдѣ нѣтъ. Не знаю отчего, но эта роща напоминаетъ мнѣ всегда нашъ русскій лѣсъ... Идешь и думаешь... Вотъ сейчасъ пахнетъ дымкомъ отъ овиновъ, вотъ сейчасъ откроется село... съ другой стороны должно быть господская усадьба, дорога туда пошире и идетъ просѣкомъ, и вѣрите ли? мнѣ становилось грустно, что черезъ нѣсколько минутъ выходишь на открытое мѣсто и видишь вмѣсто Звенигорода Парижъ; вмѣсто окошечка земскаго или попа — окошечко, въ которое такъ долго и такъ печально смотрѣлъ Жанъ-Жакъ...

Именно къ этому домику шли разъ изъ рощи какіе-то, повидимому, путешественники: дама лѣтъ двадцати пяти, одѣтая вся въ черномъ, и мужчина среднихъ лѣтъ, преждевременно сѣдой. Выраженіе ихъ лицъ было серьезно, даже покойно. Одна долгая привычка сосредоточиваться и жизнь, обильная мыслью, событіями, даютъ чертамъ этотъ покой. Это не природная тишина, а тишина послѣ бурь, послѣ борьбы и побѣды.

— Вотъ домъ Руссо, сказалъ мужчина, указывая на малень-

кое строеніе окна въ три: они остановились Одно окошко было немного пріотворено, занавѣска колебалась отъ вѣтра.

Это движеніе занавѣски, замѣтила дама, наводитъ невольный страхъ, такъ и кажется, вотъ сейчасъ подозрительный и раздраженный старикъ ее отдернетъ и спроситъ насъ, зачѣмъ мы тутъ стоимъ. Кому придетъ въ голову, глядя на мирный домикъ, окруженный зеленью, что онъ былъ прометеевской скалой для великаго человѣка, котораго вся вина состояла въ томъ, что онъ слишкомъ любилъ людей, слишкомъ вѣрилъ въ нихъ, желалъ имъ больше добра, нежели они сами? Современники не могли ему простить, что онъ высказалъ тайное угрызеніе ихъ собственной совѣсти, и вознаграждали себя искусственнымъ хохотомъ презрѣнія, а онъ оскорблялся: они смотрѣли на поэта братства и свободы, какъ на безумнаго: они боялись признать въ немъ разумъ, это значило бы признать свою глупость, а онъ плакалъ объ нихъ. За цѣлую жизнь преданности, страстнаго желанія помочь, любить, быть любимымъ, освобождать... находилъ онъ мимолетные привѣты и постоянный холодъ, надменную ограниченность, гоненія, сплетни! Мнительный и нѣжный отъ природы, онъ не могъ стать независимо отъ этихъ мелочей и потухалъ, оставленный всѣми, больной, въ нищетѣ. Въ отвѣтъ на всѣ его стремленія къ симпатіи, къ любви, ему досталась одна Тереза, въ ней сосредоточивалось для него все теплое, вся сторона сердца.—Тереза, которая не могла научиться узнавать, который часъ, существо неразвитое, полное предразсудковъ, которая стягивала жизнь Руссо въ узкую подозрительность, въ мѣщанскіе пересуды и кончила тѣмъ, что разсорила его съ послѣдними друзьями. Сколько горькихъ минутъ провелъ онъ, облокачиваясь на эту оконницу, съ которой кормилъ птицъ, думая, какимъ зломъ онѣ ему заплатятъ. У бѣднаго старика только и оставалось что природа, и онъ восхищался ею, закрылъ глаза усталые отъ жизни, тяжелые отъ слезъ. Говорятъ, что онъ даже ускорилъ минуту покоя... На этотъ разъ Сократъ самъ осудилъ себя на смерть за грѣхъ сознанія, за преступленіе геніальности. Когда вглядишься серьезно во все, что дѣлается, становится противно жить. Все на свѣтѣ гадко и притомъ глупо: люди хлопочутъ, работаютъ, ни минуты не находятъ отдыха, а дѣлаютъ все вздоръ: другіе хотятъ ихъ вразумить, остановить, спасти, ихъ распинаютъ, гонятъ: и все это въ какомъ-то бреду, не давая себѣ труда понять. Волны подымаются, торопятся, клубятся безъ цѣли, безъ нужды... тамъ онѣ разбиваются съ бѣшенствомъ объ скалу, тутъ подмываютъ берегъ... мы стоимъ середь водоворота, бѣжать некуда. Я знаю, докторъ, вы не такъ смотрите на жизнь, она васъ не сердитъ, потому что вы въ ней ищете одинъ физіологическій интересъ и мало требуете отъ нея, вы

большой оптимистъ. Иногда я съ вами соглашаюсь, вы меня сбиваете съ толку вашей діалектикой; но какъ только сердце принимаетъ участіе, какъ только изъ общихъ сферъ, гдѣ все разрѣшено и успокоено, коснешься живыхъ вопросовъ, взглянешь на людей, душа возмущается. Подавленное на минуту негодованіе снова просыпается и досадуешь объ одномъ — что нѣтъ достаточно силъ ненавидѣть, презирать людей за ихъ лѣнивое бездушіе, за ихъ нежеланіе стать выше, благороднѣе... Если-бъ было можно отвернуться отъ нихъ! И пусть они дѣлаютъ, что хотятъ, въ своихъ полипнякахъ, пусть живутъ нынче какъ вчера, опираясь на привычки и обряды, безсмысленно принимая на вѣру, что дѣлать и чего не дѣлать... и измѣняя притомъ на каждомъ шагу своей собственной нравственности, своему собственному катихизису!

— Я не думаю, чтобъ вы были справедливы. Развѣ люди виноваты въ вашемъ довѣріи къ нимъ, въ вашемъ идеальномъ понятіи объ ихъ нравственномъ достоинствѣ.

— Я не понимаю, что вы говорите, я сейчасъ сказала совершенно противоположное. Кажется, это не верхъ довѣрія, когда говорятъ объ людяхъ, что у нихъ ничего нѣтъ, кромѣ мученическихъ вѣнцовъ для всякаго пророка и безполезнаго раскаянія послѣ ихъ смерти; что они готовы броситься какъ звѣри на того, кто, замѣняя ихъ совѣсть, *назоветъ* ихъ дѣла; кто, снимая на себя ихъ грѣхи, хочетъ разбудить ихъ сознаніе.

— Да, но вы забываете источникъ вашего негодованія. Вы сердитесь на людей за многое, чего они не сдѣлали, потому что вы не считаете ихъ способными на всѣ эти прекрасныя свойства, къ которымъ вы воспитали себя или къ которымъ васъ воспитали,—но они по большей части этого развитія не имѣли. Я не сержусь, потому что и не жду отъ людей ничего, кромѣ того, что они дѣлаютъ, я не вижу ни повода, ни права требовать отъ нихъ чего-нибудь другого, нежели что они могутъ дать, а могутъ они дать то, что даютъ; требовать больше, обвинять — ошибка, насиліе. Люди только справедливы къ безумнымъ и къ совершеннымъ дуракамъ, ихъ, по крайней мѣрѣ, мы не обвиняемъ за дурное устройство мозга, имъ прощаемъ природные недостатки; съ остальными—страшная моральная требовательность. Почему мы ждемъ отъ всѣхъ встрѣчныхъ на улицѣ примѣрныхъ доблестей, необыкновеннаго пониманія —я не знаю; вѣроятно, по привычкѣ все идеализировать, все судить свысока такъ, какъ обыкновенно судятъ жизнь по мертвой буквѣ, страсть по кодексу, лицо по родовому понятію. Я иначе смотрю, я привыкъ къ взгляду врача, къ взгляду совершенно противуположному судьи. Врачъ живетъ въ природѣ, въ мірѣ фактовъ и явленій, онъ не учитъ, онъ учится; онъ не метитъ, а старается облегчить; видя страданіе, видя не-

достатки, онъ ищетъ причину, связь, онъ ищетъ средствъ. въ томъ же мірѣ фактовъ. Нѣтъ средствъ, онъ грустно пожимаетъ плечами, досадуетъ на свое невѣдѣніе,— и не думаетъ о наказаніи, о пѣнѣ, не порицаетъ. Взглядъ судьи проще, ему собственно взгляда и не надобно, не даромъ Ѳемиду представляютъ съ завязанными глазами, она тѣмъ справедливѣе, чѣмъ меньше видитъ жизнь: нашъ братъ, напротивъ, хотѣлъ бы, чтобы пальцы и уши имѣли глаза. Я не оптимистъ и не пессимистъ, я смотрю, вглядываюсь, безъ заготовленной темы, безъ придуманнаго идеала, и не тороплюсь съ приговоромъ,—я просто, извините, скромнѣе васъ.

— Не знаю, такъ ли я васъ поняла, но мнѣ кажется, вы находите очень естественнымъ, что современники Руссо его мучили маленькими преслѣдованіями, отравили ему жизнь, оклеветали его: вы имъ отпускаете ихъ грѣхи, это очень снисходительно, не знаю, насколько справедливо и нравственно.

— Для того, чтобъ отпускать грѣхи, надобно прежде обвинять: я этого не дѣлаю. Впрочемъ, пожалуй, я приму ваше выраженіе, да, я отпускаю имъ зло, ими причиненное, такъ, какъ вы отпускаете холодной погодѣ, которая на дняхъ простудила вашу малютку. Можно ли сердиться на событія, которыя независимы ни отъ чьей воли, ни отъ чьего сознанія. Они иногда бываютъ очень тяжелы для насъ: но обвиненіе не поможетъ, только запутаетъ. Когда мы съ вами сидѣли у кроватки больной и горячка такъ развернулась, что я самъ испугался, мнѣ было безконечно горько смотрѣть и на больную, и на васъ: вы такъ много страдали въ эти часы, но вмѣсто того, чтобъ проклинать дурной составъ крови и съ ненавистью смотрѣть на законы органической химіи, я думалъ тогда о другомъ, а именно о томъ, какъ возможность понимать, чувствовать, любить, привязываться необходимо влечетъ за собою противуположную возможность несчастія, страданій, лишеній, нравственныхъ оскорбленій, горечи. Чѣмъ нѣжнѣе развивается внутренняя жизнь, тѣмъ жестче, губительнѣе для нея капризная игра случайности, на которой не лежитъ никакой отвѣтственности за ея удары.

— Я сама не обвиняла болѣзнь. Ваше сравненіе не совсѣмъ идетъ; природа вовсе не имѣетъ сознанія.

— А я думаю, что и на полу-сознательную массу людей нельзя сердиться, войдите въ ея состояніе борьбы между предчувствіемъ свѣта и привычкой къ темнотѣ. Вы берете за норму бережные, особенно удавшіеся оранжерейные цвѣты, за которыми было бездна уходу, и сердитесь, что полевые не такъ хороши. Не только это несправедливо, но это чрезвычайно жестоко. Если-бъ у большинства людей было сознаніе сколько-нибудь свѣтлѣе, нежели вы думаете, что, они могли бы жить въ томъ положеніи,

въ которомъ живутъ? Они не только зло дѣлаютъ другимъ, но и себѣ, и это именно ихъ извиняетъ. Ими владѣетъ привычка, они умираютъ отъ жажды возлѣ колодца и не догадываются, что въ немъ вода, потому что ихъ отцы имъ этого не сказали. Люди всегда были такіе, пора, наконецъ, перестать дивиться, негодовать: можно было привыкнуть со временъ Адама. Это тотъ-же романтизмъ, который заставлялъ поэтовъ сердиться за то, что у нихъ есть тѣло, за то, что они чувствуютъ голодъ. Сердитесь, сколько хотите, но міра никакъ не передѣлаете по какой-нибудь программѣ: онъ идетъ своимъ путемъ, и никто не въ силахъ его сбить съ дороги. Узнавайте этотъ путь,—и вы отбросите нравоучительную точку зрѣнія и вы пріобрѣтете силу. Моральная оцѣнка событій и журьба людей принадлежатъ къ самымъ начальнымъ ступенямъ пониманія. Оно лестно самолюбію, раздавать Монтіоновскія преміи и читать выговоры, принимая мѣриломъ самого себя, но безполезно. Есть люди, которые пробовали внести этотъ взглядъ въ самую природу и сдѣлали разнымъ звѣрямъ прекрасныя или прескверныя репутаціи. Увидали, напримѣръ, что заяцъ бѣжитъ отъ неминуемой опасности, и назвали его трусомъ; увидали, что левъ, который въ двадцать разъ больше зайца, не бѣжитъ отъ человѣка, а иногда его съѣдаетъ, стали его считать храбрымъ; увидали, что левъ сытый не ѣстъ, сочли это за величіе духа; а заяцъ, столько же трусъ, сколько левъ великодушенъ, а оселъ глупъ. Нельзя больше останавливаться на точкѣ зрѣнія Эзоповыхъ басенъ: надобно смотрѣть на міръ природы и на міръ людской проще, покойнѣе, яснѣе. Вы говорите о страданіяхъ Руссо: онъ былъ несчастливъ, это правда, но и это правда, что страданія всегда сопровождаютъ необыкновенное развитіе: натура геніальная можетъ иногда не страдать, сосредоточиваясь въ себѣ, довольствуясь собою, наукой, искусствомъ; но въ практическихъ сферахъ никакъ. Дѣло очень простое: такія натуры, входя въ обычныя людскія отношенія, нарушаютъ равновѣсіе: среда, ихъ окружающая, имъ узка, невыносима, ихъ жмутъ отношенія, расчитанныя по иному росту, по инымъ плечамъ и необходимыя для тѣхъ плечъ. Все, что давило по мелочи того, другого, все, о чемъ толковали въ разбивку и чему покорялись обыкновенные люди, все это выростаетъ въ нестерпимую боль въ груди сильнаго человѣка, въ грозный протестъ, въ явную вражду, въ смѣлый вызовъ на бой: отсюда неминуемо столкновеніе съ современниками: толпа видитъ презрѣніе къ тому, что она хранитъ, и бросаетъ въ генія каменьями и грязью, до тѣхъ поръ пока пойметъ, что онъ былъ правъ. Виноватъ ли геній, что онъ выше толпы, виновата ли толпа, что она его не понимаетъ?

И вы находите это состояніе людей, и притомъ большинства

людей, нормальнымъ, естественнымъ? По вашему это нравственное паденіе, эта глупость такъ и быть должны? Вы шутите!

Какъ же иначе? Вѣдь, никто не принуждаетъ ихъ такъ поступать, это ихъ наивная воля. Люди вообще въ практической жизни меньше лгутъ, нежели на словахъ. Лучшее доказательство ихъ простодушія въ искренней готовности, какъ только поймутъ, что совершили какое-либо преступленіе, раскаяться. Они спохватились, распявши Христа, что скверно сдѣлали, и бросились на колѣни передъ крестомъ. О какомъ нравственномъ паденіи рѣчь, si toutefois вы не говорите о грѣхопаденіи, я не понимаю. Откуда было падать? Чѣмъ дальше смотришь назадъ, тѣмъ больше встрѣчаешь дикости, непониманія или совершенно иного развитія, которое до насъ почти не касается, какія-нибудь погибшія цивилизаціи, какіе-нибудь китайскіе нравы. Долгая жизнь въ обществѣ вырабатываетъ мозгъ. Вырабатываніе это дѣлается трудно, туго; а тутъ, вмѣсто признанія, сердятся на людей за то, что они не похожи ни на идеалъ мудреца, выдуманнаго стоиками, ни на идеалъ святого, выдуманнаго христіанами. Цѣлыя поколѣнія легли костьми, чтобъ обжить какой-нибудь клочекъ земли, вѣка прошли въ борьбѣ, кровь лилась рѣками, поколѣнія мерли въ страданіяхъ, въ тщетныхъ усиліяхъ, въ тяжеломъ трудѣ.... едва вырабатывая скудную жизнь, немного покоя и пять-шесть умовъ, которые понимали заглавныя буквы общественнаго процесса и двигали массы къ совершенію судебъ своихъ. Удивляться надобно, какъ народы, при этихъ гнетущихъ условіяхъ, дошли до современнаго нравственнаго состоянія, до своей самоотверженной терпѣливости, своей тихой жизни; удивляться надобно, какъ люди такъ мало дѣлаютъ зла, а не упрекать ихъ, зачѣмъ каждый изъ нихъ не Аристидъ и не Симеонъ Столпникъ.

Вы хотите меня увѣрить, докторъ, что людямъ предназначено быть мошенниками.

Повѣрьте, что людямъ ничего не предназначено.

Да зачѣмъ же они живутъ?

Такъ себѣ, родились и живутъ. Зачѣмъ все живетъ? Тутъ, мнѣ кажется, предѣлъ вопросамъ; жизнь — и цѣль и средство, и причина и дѣйствіе. Это вѣчное безпокойство дѣятельнаго, напряженнаго вещества, отыскивающаго равновѣсіе для того, чтобы снова потерять его, это непрерывное движеніе, ultima ratio, далѣе идти некуда. Прежде все искали отгадки въ облакахъ или въ глубинѣ, подымались или спускались, однако не нашли ничего; оттого, что главное, существенное, все тутъ, на поверхности. Жизнь не достигаетъ цѣли, а осуществляетъ все возможное, продолжаетъ все осуществленное, она всегда готова шагнуть дальше — затѣмъ, чтобъ полнѣе жить, еще больше жить, если можно; другой цѣли нѣтъ.

Мы часто за цѣль принимаемъ послѣдовательныя фазы одного и того же развитія, къ которому мы пріучились: мы думаемъ, что цѣль ребенка совершеннолѣтіе, потому что онъ дѣлается совершеннолѣтнимъ, а цѣль ребенка скорѣе играть, наслаждаться, быть ребенкомъ. Если смотрѣть на предѣлъ, то цѣль всего живого — смерть.

— Вы забываете другую цѣль, докторъ, которая развивается людьми, но переживаетъ ихъ, передается изъ рода въ родъ, растетъ изъ вѣка въ вѣкъ, и именно въ этой-то жизни неотдѣльнаго человѣка отъ человѣчества и раскрываются тѣ постоянныя стремленія, къ которымъ человѣкъ идетъ, къ которымъ подымается и до осуществленія которыхъ когда-нибудь достигнетъ.

— Я совершенно согласенъ съ вами, я даже сказалъ сейчасъ, что мозгъ вырабатывается; сумма идей и ихъ объемъ растетъ въ сознательной жизни, передается изъ рода въ родъ, но что касается до послѣднихъ словъ вашихъ, тутъ позвольте усомниться. Ни стремленіе, ни вѣрность его — нисколько еще не обезусловливаетъ осуществленіе. Возьмите самое всеобщее, самое постоянное стремленіе во всѣхъ эпохахъ и у всѣхъ народовъ, стремленіе къ благосостоянію, стремленіе, глубоко лежащее во всемъ чувствующемъ, развитіе простого инстинкта самосохраненія, врожденное бѣгство отъ того, что причиняетъ боль, и стремленіе къ тому, что доставляетъ удовольствіе, наивное желаніе, чтобъ было лучше, а не было бы хуже; между тѣмъ, работая тысячелѣтія, люди не достигли даже животнаго довольства: пропорціонально я полагаю, что больше всѣхъ звѣрей и больше всѣхъ животныхъ страдаютъ рабы въ Россіи и гибнутъ съ голоду ирландцы. Отсюда вы можете заключить, легко ли сбудутся другія стремленія, неопредѣленныя и принадлежащія меньшинству.

— Позвольте, стремленіе къ свободѣ, къ независимости стоитъ голода, оно весьма не слабо и очень опредѣленно.

— Исторія этого не показываетъ. Точно, нѣкоторые слои общества, развившіеся при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ, имѣютъ нѣкоторое поползновеніе къ свободѣ и то весьма не сильное, судя по нѣсколькимъ тысячамъ лѣтъ рабства и по современному гражданскому устройству, наконецъ. Мы, разумѣется, не говоримъ объ исключительныхъ развитіяхъ, для которыхъ неволя тягостна, а о большинствѣ, которое даетъ постоянное démenti этимъ страдальцамъ, что и заставило раздраженнаго Руссо сказать свой знаменитый nonsens: «Человѣкъ родится быть свободнымъ — и вездѣ въ цѣпяхъ!»

— Вы повторяете этотъ крикъ негодованія, вырвавшійся изъ груди свободнаго человѣка, съ ироніей?

— Я вижу тутъ насиліе исторіи, презрѣніе фактовъ, а это для меня невыносимо; меня оскорбляетъ самоуправство. Къ тому

же превредная метода впередъ рѣшать именно то, что составляетъ трудность вопроса. Что сказали бы вы человѣку, который, грустно качая головой, замѣтилъ бы вамъ, что «рыбы родятся для того, чтобы летать,—и вѣчно плаваютъ».

Я спросила бы, почему онъ думаетъ, что рыбы родятся для того, чтобы летать?

— Вы становитесь строги: но другъ *рыбства* готовъ держать отвѣтъ... Во первыхъ, онъ вамъ скажетъ, что скелетъ рыбы явнымъ образомъ показываетъ стремленіе развить оконечности въ ноги или крылья: онъ вамъ покажетъ вовсе ненужныя косточки, которыя намекаютъ на скелетъ ноги, крыла; наконецъ, онъ сошлется на летающихъ рыбъ, которыя на дѣлѣ доказываютъ, что *рыбство* не токмо стремится летать, но иногда и можетъ. Давши вамъ такой отвѣтъ, онъ будетъ въ правѣ васъ спросить, отчего же вы у Руссо не требуете отчета, почему онъ говоритъ, что человѣкъ долженъ быть свободенъ, опираясь на то, что онъ постоянно въ цѣпяхъ. Отчего все существующее только и существуетъ такъ, какъ оно *должно* существовать, а человѣкъ напротивъ?

Вы, докторъ, преопасный софистъ, и если-бъ я не коротко васъ знала, я считала бы васъ пребезнравственнымъ человѣкомъ. Не знаю, какія лишнія кости у рыбъ, а знаю только, что въ костяхъ у нихъ недостатка нѣтъ; но что у людей есть глубокое стремленіе къ назависимости, ко всякой свободѣ, въ этомъ я убѣждена. Они заглушаютъ мелочами жизни внутренній голосъ, и поэтому я на нихъ сержусь. Я утѣшительнѣе нападаю на людей, нежели вы ихъ защищаете.

— Я зналъ, что мы съ вами послѣ нѣсколькихъ словъ перемѣнимъ роли, или, лучше, что вы обойдете меня и очутитесь съ противуположной стороны. Вы хотите бѣжать съ негодованіемъ отъ людей за то, что они не умѣютъ достигнуть нравственной высоты, независимости, всѣхъ вашихъ идеаловъ, и въ то же время вы на нихъ смотрите, какъ на избалованныхъ дѣтей, вы увѣрены, что они на дняхъ поправятся и будутъ умны. Я знаю, что люди торопятся очень медленно, не довѣряю ни ихъ способностямъ, ни всѣмъ этимъ стремленіямъ, которыя выдумываютъ за нихъ, и остаюсь съ ними, такъ, какъ остаюсь съ этими деревьями, съ этими животными,—изучаю ихъ, даже люблю. Вы смотрите a priori и, можетъ, логически правы, говоря, что человѣкъ долженъ стремиться къ независимости. Я смотрю патологически, и вижу, что до сихъ поръ рабство постоянное условіе гражданскаго развитія, стало-быть, или оно необходимо, или нѣтъ отъ него такого отвращенія, какъ кажется.

— Отчего мы съ вами, добросовѣстно разсматривая исторію, видимъ совершенно розное?

— Оттого, что говоримъ объ розномъ: вы, говоря объ исторіи и народахъ, говорите о летающихъ рыбахъ, а я о рыбахъ вообще, — вы смотрите на міръ идей, отрѣшенный отъ фактовъ, на рядъ дѣятелей, мыслителей, которые представляютъ верхъ сознанія каждой эпохи; на тѣ энергическія минуты, когда вдругъ цѣлыя страны становятся на ноги и разомъ берутъ массу мыслей для того, чтобъ изживать ихъ потомъ цѣлые вѣка въ покоѣ; вы принимаете эти катаклизмы, сопровождающіе ростъ народовъ, эти исключительныя личности за рядовой фактъ, но это только высшій фактъ, предѣлъ. Развитое меньшинство, которое торжественно несется надъ головами другихъ и передаетъ изъ вѣка въ вѣкъ свою мысль, свое стремленіе, до котораго массамъ, кишащимъ внизу, дѣла нѣтъ, даетъ блестящее свидѣтельство, до чего можетъ развиться человѣческая натура, какое страшное богатство силъ могутъ вызвать исключительныя обстоятельства, но все это не относится къ массамъ, ко всѣмъ. Краса какой-нибудь арабской лошади, воспитанной двадцатью поколѣніями, нисколько не даетъ право ждать отъ лошадей вообще тѣхъ же статей. Идеалисты непремѣнно хотятъ поставить на своемъ, во чтобъ-то ни стало. Физическая красота между людьми такъ же исключеніе, какъ особенное уродство. Посмотрите на мѣщанъ, толпящихся въ воскресенье на Елисейскихъ поляхъ, и вы ясно убѣдитесь, что природа людская вовсе не красива.

— Я это знаю и нисколько не удивляюсь глупымъ ртамъ, жирнымъ лбамъ, дерзко вздернутымъ и глупо виснущимъ носамъ, они мнѣ просто противны.

— А какъ бы вы стали смѣяться надъ человѣкомъ, который принялъ бы близко къ сердцу, что лошаки не такъ красивы, какъ олени. Для Руссо было невыносимо нелѣпое общественное устройство его времени; кучка людей, стоявшая возлѣ него и развитая до того, что имъ только не доставало геніальной инипіативы, чтобъ назвать зло, тяготившее ихъ, откликнулись на его призывъ; эти отщепленцы, раскольники остались вѣрны и составили гору въ 92 году. Они почти всѣ погибли, работая для французскаго народа, котораго требованія были очень скромны и который безъ сожалѣнія позволилъ ихъ казнить. Я даже не назову это неблагодарностью, не въ самомъ дѣлѣ все, что дѣлалось, дѣлали они для народа: мы *себя* хотимъ освободить, *намъ* больно видѣть подавленную массу, *насъ* оскорбляетъ ея рабство, *мы* за нее страдаемъ и хотимъ снять свое страданіе. За что тутъ благодарить: могла ли толпа въ самомъ дѣлѣ въ половинѣ XVIII столѣтія желать свободы, «Contrat social», когда она теперь, черезъ вѣкъ послѣ Руссо, черезъ полвѣка послѣ конвента, нѣма къ ней, когда она теперь въ тѣсной рамкѣ самаго пошлаго гражданскаго быта здорова, какъ рыба въ водѣ?

— Броженіе всей Европы плохо соединяется съ вашимъ воззрѣніемъ.

Глухое броженіе, волнующее народы, происходитъ отъ голода. Будь пролетарій побогаче, онъ и не подумалъ бы о коммунизмѣ. Мѣщане сыты, ихъ собственность защищена, они и оставили свои попеченія о свободѣ, о независимости: напротивъ, они хотятъ сильной власти, они улыбаются, когда имъ съ негодованіемъ говорятъ, что такой-то журналъ схваченъ, что того-то ведутъ за мнѣніе въ тюрьму. Все это бѣситъ, сердитъ небольшую кучку эксцентрическихъ людей; другіе равнодушно идутъ мимо, они заняты, они торгуютъ, они семейные люди. Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что мы не въ правѣ требовать полнѣйшей независимости; но только не за что сердиться на народъ, если онъ равнодушенъ къ вашимъ скорбямъ.

— Оно такъ, но, мнѣ кажется, вы слишкомъ держитесь за ариеметику, тутъ не поголовный счетъ важенъ, а нравственная мощь, въ ней *большинство* достоинства [1]).

— Что касается до качественнаго преимущества, я его вполнѣ отдаю сильнымъ личностямъ. Для меня Аристотель представляетъ не только сосредоточенную силу своей эпохи, но еще гораздо больше. Людямъ надобно было двѣ тысячи лѣтъ понимать его на изнанку, чтобъ выразумѣть, наконецъ, смыслъ его словъ. Вы помните, Аристотель называетъ Анаксагора первымъ трезвымъ между пьяными греками; Аристотель былъ послѣдній. Поставьте между ними Сократа и у васъ полный комплектъ трезвыхъ до Бэкона. Трудно по такимъ исключеніямъ судить о массѣ.

Наукой всегда занимались очень немногіе: на это отвлеченное поле выходятъ одни строгіе, исключительные умы; если вы въ массахъ не встрѣтите большой трезвости, то найдете вдохновенное опьяненіе, въ которомъ бездна сочувствія къ истинѣ. Массы не понимали Сенеки и Цицерона, а каково отозвались на призывъ двѣнадцати апостоловъ?

— Знаете ли, по моему, сколько ихъ не жаль, а надобно признаться, они сдѣлали совершеннѣйшее fiasco.

— Да, только окрестили полъ-вселенной.

— Въ четыре столѣтія борьбы, въ шесть столѣтій совершеннаго варварства, и послѣ этихъ усилій, продолжавшихся тысячу лѣтъ, міръ такъ окрестился, что отъ апостольскаго ученія ничего не осталось; изъ освобождающаго Евангелія сдѣлали притѣсняющее католичество, изъ религіи любви и равенства—церковь крови и войны. Древній міръ, истощивъ всѣ свои жизненныя силы, падалъ, христіанство явилось на его одрѣ врачемъ и утѣшителемъ.

[1]) Августинъ употребилъ выраженіе: prioritas dignitatis.

но, прилаживаясь къ больному, оно само заразилось и сдѣлалось римское, варварское, какое хотите, только не евангельское. Какова сила родовой жизни, массъ и обстоятельствъ! Люди думаютъ, что достаточно доказать истину, какъ математическую теорему, чтобъ ее приняли; что достаточно самому вѣрить, чтобъ другіе повѣрили. Выходитъ совсѣмъ иное, одни говорятъ одно, а другіе слушаютъ ихъ и понимаютъ другое, оттого что ихъ развитія разныя. Что проповѣдывали первые христіане и что поняла толпа? Толпа поняла все непонятное, все нелѣпое и мистическое; все ясное и простое было ей недоступно; толпа приняла все связующее совѣсть и ничего освобождающее человѣка. Такъ впослѣдствіи она поняла революцію только кровавой расправой, гильотиной, местью; горькая историческая необходимость сдѣлалась торжественнымъ крикомъ: къ слову «братство» приклеили слово «смерть»: Fraternité ou la mort! сдѣлалось какимъ-то la bourse ou la vie — террористовъ. Мы столько жили сами, столько видѣли, да столько за насъ жили наши предшественники, что, наконецъ, намъ непростительно увлекаться, думать, что достаточно возвѣстить римскому міру Евангеліе, чтобъ сдѣлать изъ него демократическую и соціальную республику, какъ это думали *красные*; или что достаточно въ два столбца напечатать иллюстрированное изданіе des droits de l'homme, чтобъ человѣкъ сдѣлался свободнымъ.

— Скажите, пожалуйста, что вамъ за охота выставлять одну дурную сторону человѣческой природы?

— Вы начали разговоръ съ грознаго проклятія людямъ, а теперь защищаете ихъ. Вы меня сейчасъ обвиняли въ оптимизмѣ, я вамъ могу возвратить обвиненіе. У меня никакой нѣтъ системы, никакого интереса, кромѣ истины, и я высказываю ее, какъ она мнѣ кажется. Я не считаю нужнымъ изъ учтивости къ человѣчеству, выдумывать на него всякія добродѣтели и доблести. Я ненавижу фразы, къ которымъ мы привыкли, какъ христіане къ символу вѣры; какъ бы онѣ ни были съ виду нравственны и хороши, онѣ связываютъ мысль, покоряютъ ее. Мы принимаемъ ихъ безъ повѣрки и идемъ дальше, оставляя за собой эти ложные маяки, и сбиваемся съ дороги. Мы до того привыкаемъ къ нимъ, что теряемъ способность въ нихъ сомнѣваться, что совѣстимся касаться до такихъ святынь. Думали ли вы когда-нибудь, что значатъ слова «человѣкъ родится свободнымъ?» Я вамъ ихъ переведу, это значитъ: человѣкъ родится звѣремъ — не больше. Возьмите табунъ дикихъ лошадей — совершенная свобода и равное участіе въ правахъ, полнѣйшій коммунизмъ. За то развитіе невозможно. Рабство первый шагъ къ цивилизаціи. Для развитія надобно, чтобъ однимъ было гораздо лучше, а другимъ гораздо хуже; тогда тѣ, которымъ лучше, могутъ идти впередъ насчетъ жизни осталь

ныхъ. Природа для развитія ничего не жалѣетъ. Человѣкъ—звѣрь съ необыкновенно хорошо устроеннымъ мозгомъ, тутъ его мощь Онъ не чувствовалъ въ себѣ ни ловкости тигра, ни львиной силы, у него не было ни ихъ удивительныхъ мышцъ, ни такого развитія внѣшнихъ чувствъ, но въ немъ нашлось бездна хитрости, множество смирныхъ качествъ, которыя, съ естественнымъ побужденіемъ жить стадами, поставили его на начальную ступень общественности. Не забывайте, что человѣкъ любитъ подчиняться, онъ ищетъ всегда къ чему-нибудь прислониться, за что-нибудь спрятаться, въ немъ нѣтъ гордой самобытности хищнаго звѣря Онъ росъ въ повиновеніи семейномъ, племенномъ; чѣмъ сложнѣе и круче связывался узелъ общественной жизни, тѣмъ въ большее рабство впадали люди: они были подавлены религіей, которая тѣснила ихъ за ихъ трусость; старѣйшими, которые тѣснили ихъ, основываясь на привычкѣ. Ни одинъ звѣрь, кромѣ породъ, «развращенныхъ человѣкомъ», какъ называлъ домашнихъ звѣрей Байронъ, не вынесъ бы этихъ человѣческихъ отношеній. Волкъ ѣстъ овцу, потому что голоденъ и потому что она слабѣе его, но рабства отъ нея не требуетъ, овца не покоряется ему, она протестуетъ крикомъ, бѣгомъ; человѣкъ вноситъ въ дико-независимый и самобытный міръ животныхъ —элементъ вѣрноподданничества, элементъ Калибана, на немъ только и было возможно развитіе Проспера; и тутъ опять та же безпощадная экономія природы, ея разсчитанность средствъ, которая, ежели гдѣ перейдетъ, то навѣрное не дойдетъ гдѣ-нибудь, и, вытянувши въ непомѣрную вышину переднія ноги и шею камелеопардала, губитъ его заднія ноги.

— Докторъ, да вы страшный аристократъ.

— Я натуралистъ, и знаете, что еще?.. Я не трусъ, я не боюсь ни узнать истину, ни высказывать ее.

— Я не стану вамъ противорѣчить; впрочемъ, въ теоріи всѣ говорятъ правду, насколько ее понимаютъ, тутъ нѣтъ большого мужества.

— Вы думаете? Какой предразсудокъ!.. Помилуйте, на сто философовъ вы не найдете одного, который былъ бы откровененъ: пусть бы ошибался, несъ бы нелѣпицу, но только съ полной откровенностію. Одни обманываютъ другихъ изъ нравственныхъ цѣлей, другіе самихъ себя — для спокойствія. Много ли вы найдете людей какъ Спиноза, какъ Юмъ, идущихъ смѣло до всякаго вывода? Всѣ эти великіе освободители ума человѣческаго поступали такъ, какъ Лютеръ и Кальвинъ, и, можетъ, были правы съ практической точки зрѣнія: они освобождали себя и другихъ включительно до какого-нибудь рабства, до символическихъ книгъ, до текста Писанія и находили въ душѣ своей воздержность и умѣ-

ренность не идти далѣе. По большей части послѣдователи продолжаютъ строго идти въ путяхъ учителей: въ числѣ ихъ являются люди посмѣлѣй, которые догадываются, что дѣло-то не совсѣмъ такъ, но молчать изъ благочестія и лгуть изъ уваженія къ предмету такъ, какъ лгутъ адвокаты, ежедневно говоря, что не смѣютъ сомнѣваться въ справедливости судей, зная очень хорошо, что они мошенники, и не довѣряя имъ нисколько. Эта учтивость совершенно рабская, но мы къ ней привыкли. Знать истину не легко, но все же легче, нежели высказывать ее, когда она не совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ. Сколько кокетства, сколько риторики, позолоты, околичнословія употребляли лучшіе умы. Бэконъ, Гегель, чтобъ не говорить просто, боясь тупого негодованія или пошлаго свиста. Оттого до такой степени трудно понимать науку, надобно отгадывать ложно высказанную истину. Теперь разсудите: у многихъ ли есть досугъ и охота дорабатываться до внутренней мысли и копаться въ тукѣ, которымъ наши учители прикрываютъ свое посильное пониманье,—отрывая фразы и крашеныя стекла ихъ науки.

— Это опять приближается къ вашей аристократической мысли, что истина для нѣсколькихъ, а ложь для всѣхъ, что..

— Позвольте, вы во второй разъ назвали меня аристократомъ, я при этомъ вспоминаю робеспьеровское выраженіе: l'athéisme est aristocrate. Если-бъ Робеспьеръ хотѣлъ только сказать, что атеизмъ возможенъ для немногихъ, такъ точно, какъ диференціальныя исчисленія, какъ физика, онъ былъ бы правъ; но онъ, сказавши, атеизмъ аристократиченъ, заключилъ, что атеизмъ ложь. Для меня это возмутительная демагогія, это покореніе разума нелѣпому большинству голосовъ. Неумолимый логикъ революціи срѣзался и, провозглашая *демократическую* неправду, народной религіи не возстановилъ, а указалъ предѣлъ своихъ силъ, указалъ межу, за которой и онъ не революціонеръ, а указать это во время переворота и движенія значитъ напомнить, что время лица миновало... И въ самомъ дѣлѣ, послѣ Fête de l'Etre Suprême, Робеспьеръ становится мраченъ, задумчивъ, безпокоенъ, его томитъ тоска, нѣтъ прежней вѣры, нѣтъ того смѣлаго шага, которымъ онъ шелъ впередъ, которымъ ступалъ въ кровь, и кровь его не марала; тогда онъ не зналъ своихъ границъ, будущее было безпредѣльно; теперь онъ увидѣлъ заборъ, онъ почувствовалъ, что ему приходится быть консерваторомъ, и голова атеиста Клоотса, пожертвованная предразсудку, лежала въ ногахъ его, какъ улика, черезъ нее ему нельзя было перешагнуть. Мы старше нашихъ старшихъ братій; не будемъ дѣтьми, не будемъ бояться ни были, ни логики, не станемъ отказываться отъ послѣдствій, они не въ нашей волѣ. Я сказалъ, что истина принадлежитъ меньшинству. Развѣ вы этого не знали?

отчего вамъ это показалось странно? Оттого, что я не прибавилъ къ этому никакой риторической фразы. Помилуйте, да, вѣдь, я не отвѣчаю ни за пользу, ни за вредъ этого факта, я говорю только о его существованіи. Я вижу въ настоящемъ и прошедшемъ знаніе, истину, нравственную силу, стремленіе къ независимости, любовь къ изящному въ небольшой кучкѣ людей, потерянныхъ въ средѣ, не симпатизирующей имъ. Съ другой стороны, я вижу тугое развитіе остальныхъ слоевъ общества, узкія понятія, основанныя на преданіяхъ, ограниченныя потребности, небольшія стремленія къ добру, небольшія поползновенія къ злу.

— Да, сверхъ того, необычайную вѣрность въ стремленіяхъ.

Вы правы, общія симпатіи массъ почти всегда вѣрны, какъ инстинктъ животныхъ вѣренъ, и знаете отчего? Оттого, что жалкая самобытность отдѣльныхъ личностей стирается въ общемъ: масса хороша только, какъ безличная, и развитіе самобытной личности составляетъ всю прелесть, до которой дорабатывается, съ другой стороны, все свободное, талантливое, сильное.

Да... до тѣхъ поръ, пока вообще будетъ толпа, но замѣтьте, что прошедшее и настоящее не даютъ вамъ причины заключать, что въ будущемъ не измѣнятся эти отношенія; все идетъ къ тому, чтобъ разрушить дряхлыя основы общественности. Вы ясно поняли и рѣзко представляете раздоръ, двойство въ жизни, и успокоиваетесь на этомъ: вы, какъ докладчикъ уголовной палаты, свидѣтельствуете о преступленіи и стараетесь его доказать, предоставляя судъ палатѣ. Другіе идутъ далѣе, они хотятъ его снять: всѣ сильныя натуры меньшинства, о которомъ вы говорите, постоянно стремились наполнить пропасть, ихъ отдѣлявшую отъ массъ, имъ было противно думать, что это неизбѣжный, роковой фактъ, у нихъ въ въ груди слишкомъ много было любви, чтобъ остаться въ своей исключительной выси. Они лучше хотѣли, съ опрометчивостію самоотверженнаго порыва, погибнуть въ пропасти, ихъ отдѣляющей отъ народа, нежели прогуливаться по ея краямъ, какъ вы. И эта связь ихъ съ массами не капризъ, не риторика, а глубокое чувство сродства, сознаніе того, что они сами вышли изъ массъ, что безъ этого хора не было бы и ихъ, что они представляютъ ея стремленія, что они достигли того, до чего она достигаетъ.

Безъ сомнѣнія, всякій распустившійся талантъ, какъ цвѣтокъ тысячью нитями связанъ съ растеніемъ и никогда не былъ бы безъ стебля, а все-таки онъ не стебель, не листъ, а цвѣтокъ, жизнь его, соединенная съ прочими частями, все же иная. Одно холодное утро,—и цвѣтокъ гибнетъ, а стебель остается: въ цвѣткѣ, если хотите, цѣль растенія и край его жизни, но все же лепестки вѣнчика—не цѣлое растеніе. Всякая эпоха выплескиваетъ, такъ сказать, дальнѣйшей волной политѣйшія, лучшія организаціи, если

только онѣ нашли средства развиться: онѣ не только выходятъ изъ толпы, но и *вышли* изъ нея. Возьмите Гёте, онъ представляетъ усиленную, сосредоточенную, очищенную, *сублимированную* сущность Германіи, онъ изъ нея вышелъ, онъ не былъ бы безъ всей исторіи своего народа, но онъ такъ удалился отъ своихъ соотечественниковъ въ ту сферу, въ которую поднялся, что они не ясно понимали его и что онъ, наконецъ, плохо ихъ понималъ: въ немъ собралось все, волновавшее душу протестантскаго міра, и распахнулось такъ, что онъ носился надъ тогдашнимъ міромъ. Внизу хаосъ, недоразумѣніе, схоластика, домогательство понять; въ немъ свѣтлое сознаніе и покойная мысль, далеко опередившая современниковъ.

— Гёте представляетъ во всемъ блескѣ именно вашу мысль: онъ отчуждается, онъ доволенъ своимъ величіемъ: и въ этомъ отношеніи онъ исключеніе. Таковъ ли былъ Шиллеръ и Фихте, Руссо и Байронъ и всѣ эти люди, мучившіеся изъ того, чтобъ привесть къ одному уровню съ собою массу, толпу. Для меня страданія этихъ людей, безвыходныя, жгучія, провожавшія ихъ иногда до могилы, иногда до плахи или до дома умалишенныхъ, лучше, нежели гётевской покой.

— Они много страдали, но не думайте, что они были безъ утѣшеній. У нихъ было много любви и еще больше вѣры. Они вѣрили въ человѣчество такъ, какъ его придумали, вѣрили въ свой разумъ, вѣрили въ будущее, упиваясь своимъ отчаяніемъ, и эта вѣра врачевала одушевленіе ихъ.

— Зачѣмъ же въ васъ нѣтъ вѣры?

— Отвѣтъ на этотъ вопросъ сдѣланъ давно Байрономъ: онъ отвѣчалъ дамѣ, которая его обращала въ христіанскую вѣру: «Какъ же я сдѣлаю, чтобъ начать вѣрить?» Въ наше время можно или вѣрить, не думая, или думать, не вѣривши. Вамъ кажется, что спокойное, повидимому, сомнѣніе легко: а почемъ вы знаете, сколько бы человѣкъ иногда готовъ былъ дать въ минуту боли, слабости, изнеможенія за одно вѣрованіе? Откуда его возьмешь? Вы говорите: лучше страдать, и совѣтуете вѣровать, но развѣ религіозные люди страдаютъ въ самомъ дѣлѣ? Я вамъ разскажу случай, который былъ со мною въ Германіи. Призываютъ меня разъ въ гостинницу къ пріѣзжей дамѣ, у которой занемогли дѣти: я прихожу: дѣти въ страшной скарлатинѣ: медицина нынче настолько сдѣлала успѣховъ, что мы поняли, что мы не знаемъ почти ни одной болѣзни и почти ни одного леченія, — это большой шагъ впередъ. Вижу я, дѣло очень плохо, прописалъ дѣтямъ, для успокоенія матери, всякія невинныя вещи, далъ разныя приказанія очень хлопотливыя, чтобъ ее занять, а самъ сталъ выжидать, какія силы найдетъ организмъ для противодѣйствія болѣзни.

Старшій мальчикъ попріутихъ. «Онъ, кажется, теперь спокойно заснулъ», сказала мнѣ мать: я ей показалъ пальцемъ, чтобъ она его не разбудила: ребенокъ отходилъ. Для меня было очевидно, что болѣзнь совершенно одинаково пойдетъ у его сестры: мнѣ казалось, что ее спасти невозможно. Мать, женщина очень нервная, была въ безуміи и безпрерывно молилась: дѣвочка умерла. Первые дни человѣческая натура взяла свое, мать пролежала въ горячкѣ, была сама на краю гроба, но мало-по-малу силы воротились, она стала покойнѣе, толковала мнѣ все о Сведенборгѣ... Уѣзжая, она взяла меня за руку и сказала съ видомъ торжественнаго спокойствія: «Тяжело мнѣ было... какое страшное испытаніе!.. Но я ихъ хорошо помѣстила, они возвратились чистыми, ни одной пылинки, ни одного тлѣтворнаго дыханія не коснулось ихъ... имъ будетъ хорошо! Я для ихъ блага должна покориться!»

— Какая разница между этимъ фанатизмомъ и вѣрой человѣка въ людей, въ возможность лучшаго устройства, свободы! Это сознаніе, мысль, убѣжденіе, а не суевѣріе.

— Да, то есть, не религія des Jenseits, а религія des Diesseits, религія науки, всеобщаго, родового, трансцендентальнаго, разума, идеализма. Объясните мнѣ, пожалуйста, отчего вѣрить въ Бога смѣшно, а вѣрить въ человѣчество не смѣшно: вѣрить въ царство небесное—глупо, а вѣрить въ земныя утопіи—умно? Отбросивши положительную религію, мы остались при всѣхъ религіозныхъ привычкахъ, и, утративъ рай на небѣ, вѣримъ въ пришествіе рая земного и хвастаемся этимъ. Вѣра въ будущее за гробомъ дала столько силы мученикамъ первыхъ вѣковъ: но, вѣдь, такая же вѣра поддерживала и мучениковъ революціи: тѣ и другіе гордо и весело несли голову на плаху, потому что у нихъ была непреложная вѣра въ успѣхъ ихъ идей, въ торжество христіанства, въ торжество республики. Тѣ и другіе ошиблись. Мы пришли послѣ нихъ и увидѣли это. Я не отрицаю ни величіе, ни пользу вѣры: это великое начало движенія, развитія, страсти въ исторіи, но вѣра въ душѣ людской частный фактъ. Натянуть ее нельзя, особенно тому, кто допустилъ разборъ и недовѣрчивое сомнѣніе, кто пыталъ жизнь и, задерживая дыханіе, съ любовью останавливался на всякихъ трупоразъятіяхъ, кто заглянулъ, можетъ быть, больше, нежели нужно, за кулисы: дѣло сдѣлано, повѣрить вновь нельзя.

— Вамъ, докторъ, остается скромное a parte въ этой драмѣ, безплодная критика и праздность до скончанія дней.

— Быть можетъ; очень можетъ быть. Хотя я не называю праздностью внутреннюю работу, но тѣмъ не менѣе думаю, что вы вѣрно смотрите на мою судьбу. Помните ли вы римскихъ философовъ въ первые вѣка христіанства, ихъ положеніе имѣетъ много

сходнаго съ нашимъ; у нихъ ускользнуло настоящее и будущее, съ прошедшимъ они были во враждѣ. Увѣренные въ томъ, что они ясно и лучше понимаютъ истину, они скорбно смотрѣли на разрушающійся міръ и на міръ водворяемый, они чувствовали себя правѣе обоихъ и слабѣе обоихъ. Кружокъ ихъ становился тѣснѣе и тѣснѣе, съ язычествомъ они ничего не имѣли общаго, кромѣ привычки, образа жизни. Натяжки Юліана Отступника и его реставраціи были такъ же смѣшны, какъ реставрація Людовика XVIII и Карла X; съ другой стороны, христіанская теодицея оскорбляла ихъ свѣтскую мудрость, они не могли принять ея языкъ, земля исчезала подъ ихъ ногами, участіе къ нимъ стыло; но они умѣли величаво и гордо дожидаться, пока разгромъ захватитъ кого-нибудь изъ нихъ,—умѣли умирать, не накупаясь на смерть и безъ притязанія спасти себя или міръ, они гибли хладнокровно, безучастно къ себѣ; они умѣли, пощаженные смертью, завертываться въ свою тогу и молча досматривать, что станется съ Римомъ, съ людьми. Одно благо, остававшееся этимъ иностранцамъ своего времени, была спокойная совѣсть, утѣшительное сознаніе, что они не испугались истины, что они, понявъ ее, нашли довольно силы, чтобы вынести ее, чтобъ остаться вѣрными ей.

— И только.

— Будто этого не довольно? Впрочемъ, нѣтъ, я забылъ, у нихъ было еще одно благо — личныя отношенія, увѣренность въ томъ, что есть люди также понимающіе, сочувствующіе съ ними, увѣренность въ глубокой связи, которая независима ни отъ какого событія; если при этомъ немного солнца, море вдали или горы, шумящая зелень, теплый климатъ... чего же больше?

— По несчастію, этого спокойнаго уголка въ теплѣ и тишинѣ вы не найдете теперь во всей Европѣ.

— Я поѣду въ Америку.

— Тамъ очень скучно.

— Это правда...

Парижъ. 1 марта. 1849 г.

VI.

Эпилогъ 1849 года.

Opfer fallen hier,
Weder Lamm noch Stier,
Aber Menschenopfer — unerhoert.
(Gœthe) *Braut v. Corinth.*

— Проклятіе тебѣ, годъ крови и безумія, годъ торжествующей пошлости, звѣрства, тупоумья. Проклятіе тебѣ!

Отъ перваго до послѣдняго дня, ты былъ несчастіемъ, ни одной свѣтлой минуты, ни одного покойнаго часа, нигдѣ, не было въ тебѣ. Отъ возстановленной гильотины въ Парижѣ, отъ буржскаго процесса до кефалонійскихъ висѣлицъ, поставленныхъ англичанами для дѣтей: отъ пуль, которыми разстрѣливалъ баденцевъ братъ короля прусскаго, отъ Рима, падшаго передъ народомъ, измѣнившимъ человѣчеству, до Венгріи, проданной врагу полководцемъ, измѣнившимъ отечеству,—все въ тебѣ преступно, кроваво, гадко, все заклеймено печатью отверженія. И это только первая ступень, начало, введеніе,—слѣдующіе годы будутъ и отвратительнѣе, и свирѣпѣе, и пошлѣе...

До какого времени слезъ и отчаянія мы дожили!.. Голова идетъ кругомъ, грудь ломится, страшно знать, что дѣлается, и страшно не знать, что еще за неистовства случились. Лихорадочная злоба подстрекаетъ на ненависть и презрѣніе; униженіе разъѣдаетъ грудь... И хочется бѣжать, уйти... отдохнуть, уничтожиться безслѣдно, безсознательно.

Послѣдняя надежда, которая согрѣвала, поддерживала, надежда на месть—на месть безумную, дикую, ненужную, но которая бы доказала, что въ груди у современнаго человѣка есть сердце—исчезаетъ; душа остается безъ зеленаго листа. все облетѣло... и все затихло... мгла и холодъ распространяются... только порой топоръ палача стукнетъ падая; да пуля, тоже палача, просвищетъ, отыскивая благородную грудь юноши, разстрѣливаемаго за то, что онъ вѣрилъ въ человѣчество.

И *они* не будутъ отомщены?..

Развѣ у нихъ не было друга, брата? Развѣ нѣтъ людей, дѣлящихъ ихъ вѣру?—Все было, только мести не будетъ!

Вмѣсто Марія изъ ихъ праха родилась цѣлая литература застольныхъ рѣчей, демагогическихъ разглагольствованій — мое въ томъ числѣ—и прозаическихъ стиховъ.

Они этого не знаютъ. Какое счастіе, что ихъ нѣтъ и что нѣтъ жизни за гробомъ. Вѣдь *они* вѣрили въ людей, вѣрили, что есть за что умереть, и умерли прекрасно, свято, искупая разслабленное поколѣніе кастратовъ. Мы едва знаемъ ихъ имена—убійство Роберта Блума ужаснуло, удивило, потомъ мы обдержались...

Я краснѣю за наше поколѣніе, мы какіе-то бездушные риторы у насъ кровь холодна, а горячи одни чернилы: у насъ мысль привыкла къ безслѣдному раздраженію, а языкъ къ страстнымъ словамъ, не имѣющимъ никакого вліянія на дѣло. Мы размышляемъ тамъ, гдѣ надобно разить, обдумываемъ тамъ, гдѣ надобно увлечься, мы отвратительно благоразумны, на все смотримъ свысока, мы все переносимъ, мы занимаемся однимъ *общимъ, идеей, человѣчествомъ*. Мы заморили наши души въ отвлеченныхъ и общихъ сферахъ, такъ, какъ монахи обезсиливали ее въ мірѣ молитвы и созерцанія. Мы потеряли вкусъ къ дѣйствительности, вышли изъ нея вверхъ, такъ, какъ мѣщане вышли внизъ.

А вы что дѣлали, революціонеры, испугавшіеся революціи? Политическіе шалуны, паяцы свободы, вы играли въ республику, въ терроръ, въ правительство, вы дурачились въ клубахъ, болтали въ камерахъ, одѣвались шутами съ пистолетами и саблями, цѣломудренно радовались, что заявленные злодѣи, удивляясь, что живы, хвалили ваше милосердіе. Вы ничего не предупредили, ничего не предвидѣли. А тѣ, лучшіе изъ васъ, заплатили головой за ваше безуміе Учитесь теперь у вашихъ враговъ, которые васъ побѣдили, потому что они умнѣе васъ. Посмотрите, боятся ли они реакціи, боятся ли они идти слишкомъ далеко, замарать себѣ кровью руки? Они по локоть, по горло въ крови. Погодите немного, они васъ всѣхъ переказнятъ, вы не далеко ушли. Да что, переказнятъ,—они васъ пересѣкутъ всѣхъ.

Меня просто ужасаетъ современный человѣкъ. Какая безчувственность и ограниченность, какое отсутствіе страсти, негодованія, какая слабость мысли, какъ скоро стынетъ въ немъ порывъ, какъ рано изношено въ немъ увлеченье, энергія, вѣра въ собственное дѣло! И гдѣ? чѣмъ? когда эти люди истратили свою жизнь, когда они успѣли потерять силы? Они растлились въ школѣ, гдѣ ихъ одурачили: они истаскались въ пивныхъ лавкахъ, въ студентской одичалости: они ослабли отъ маленькаго, грязнаго разврата: родившіеся, выращенные въ больничномъ воздухѣ, они мало принесли силъ и завяли потомъ, прежде нежели расцвѣли: они истощились не страстями, а страстными мечтами. И тутъ, какъ всегда, литераторы, идеалисты, теоретики, они мыс-

лію постигли развратъ, они прочитали страсть. Право, иной разъ становится досадно, что человѣкъ не можетъ перечислиться въ другой родъ звѣрей. разумѣется, быть осломъ, лягушкой, собакой пріятнѣе, честнѣе и благороднѣе, нежели человѣкомъ XIX вѣка.

Винить не кого, это не ихъ, не наша вина, это несчастіе рожденія тогда, когда цѣлый міръ умираетъ?

Одно утѣшеніе и остается,—весьма вѣроятно, что будущія поколѣнія выродятся еще больше, еще больше обмелѣютъ, обнищаютъ умомъ и сердцемъ, имъ уже и наши дѣла будутъ недоступны и наши мысли будутъ непонятны. Народы, какъ царскіе домы, передъ паденіемъ тупѣютъ, ихъ пониманіе помрачается, они выживаютъ изъ ума какъ Меровинги, зачинавшіеся въ развратѣ и кровосмѣшеніяхъ и умиравшіе въ какомъ-то чаду, ни разу не пришедши въ себя: какъ аристократія, выродившаяся до болѣзненныхъ кретиновъ, измельчавшая Европа изживетъ свою бѣдную жизнь въ сумеркахъ тупоумія, въ вялыхъ чувствахъ, безъ убѣжденій, безъ изящныхъ искусствъ, безъ мощной поэзіи. Слабыя, хилыя, глупыя поколѣнія протянутся какъ-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая ихъ покроетъ каменнымъ покрываломъ и предастъ забвенію—лѣтописей.

А тамъ?

А тамъ настанетъ весна, молодая жизнь закипитъ на ихъ гробовой доскѣ, варварство младенчества, полное неустроенныхъ, но здоровыхъ силъ, замѣнитъ старческое варварство: дикая, свѣжая мощь распахнется въ молодой груди юныхъ народовъ и начнется новый кругъ событій и третій томъ всеобщей исторіи.

Основной тонъ его мы можемъ понять теперь Онъ будетъ принадлежать соціальнымъ идеямъ. Соціализмъ разовьется во всѣхъ фазахъ своихъ до крайнихъ послѣдствій, до нелѣпостей. Тогда снова вырвется изъ титанической груди революціоннаго меньшинства крикъ отрицанія, и снова начнется смертная борьба, въ которой соціализмъ займетъ мѣсто нынѣшняго консерватизма и будетъ побѣжденъ грядущею, неизвѣстною намъ революціей...

Вѣчная игра жизни, безжалостная, какъ смерть, неотразимая какъ рожденіе, corsi e ricorsi исторіи, perpetuum mobile маятника!

Къ концу XVIII вѣка европейскій Сизифъ докатилъ тяжелый камень свой, составленный изъ развалинъ и осколковъ трехъ разнородныхъ міровъ, до вершины: камень качнулся въ сторону, въ другую, казалось, хотѣлъ установиться, —не тутъ-то было: онъ перекатился, и сталъ тихо, незамѣтно склоняться: быть можетъ, онъ запнулся бы за что-нибудь, остановился бы съ помощію такихъ тормазовъ и пороговъ, какъ представительное правленіе, конституціонная монархія, потомъ вывѣтривался бы вѣка цѣлые, прини-

мая всякую перемѣну за совершенствованіе и всякую перестановку за развитіе — такъ, какъ этотъ европейскій Китай, называемый Англіей, такъ, какъ это допотопное государство, стоящее между допотопныхъ горъ, называемое Швейцаріей. Но для этого надобно было, чтобъ вѣтеръ не вѣялъ, чтобъ не было ни толчка, ни потрясенія; но вѣтеръ повѣялъ и толчекъ пришелъ. Февральская буря потрясла всю наслѣдственную почву. Буря іюньскихъ дней окончательно сдвинула весь римско-феодальный наплывъ, и онъ понесся подъ гору съ усиливающейся быстротою, ломая по дорогѣ все встрѣчное и ломаясь самъ въ осколки... А бѣдный Сизифъ смотритъ и не вѣритъ своимъ глазамъ, лицо его осунулось, потъ усталп смѣшался съ потомъ ужаса, слезы отчаянія, стыда, безсилія, досады, остановились на глазахъ: онъ такъ вѣрилъ въ совершенствованіе, въ человѣчество, онъ такъ философски, такъ умно и учено уповалъ на современнаго человѣка. И все-таки обманулся.

Французская революція и германская наука — геркулесовскіе столбы міра европейскаго. За ними по другую сторону открывается океанъ, виднѣется новый свѣтъ, что-то другое, а не исправленное изданіе старой Европы. Онѣ сулили міру освобожденіе отъ церковнаго насилія, отъ гражданскаго рабства, отъ нравственнаго авторитета. Но, провозглашая искренно свободу мысли и свободу жизни, люди переворота не сообразили всю несовмѣстность ея съ католическимъ устройствомъ Европы. Отречься отъ него они еще не могли. Чтобъ идти впередъ, имъ пришлось свернуть свое знамя, измѣнить ему, имъ пришлось дѣлать уступки.

Руссо и Гегель—христіане.

Робеспьеръ и С. Жюстъ—монархисты.

Германская наука—спекулятивная религія: республика конвента—пентархическій абсолютизмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ церковь. Вмѣсто символа вѣры явились гражданскіе догматы. Собраніе и правительство священнодѣйствовало мистерію народнаго освобожденія. Законодатель сдѣлался жрецомъ, прорицателемъ и возвѣщалъ, добродушно и безъ ироніи, неизмѣнные, непогрѣшительные приговоры во имя самодержавія народнаго.

Народъ, какъ разумѣется, оставался по прежнему «мiряниномъ», *управляемымъ*: для него ничего не измѣнилось, и онъ присутствовалъ при политическихъ литургіяхъ, также ничего не понимая, какъ при религіозныхъ.

Но страшное имя *Свободы* замѣшалось въ мірѣ привычки, обряда и авторитета. Оно запало въ сердца; оно раздалось въ ушахъ и не могло оставаться страдательнымъ; оно бродило, разъѣдало основы общественнаго зданія, лиха бѣда была привиться въ одной точкѣ, разложить одну каплю старой крови. Съ этимъ ядомъ въ жилахъ, нельзя спасти ветхое тѣло. Сознаніе близкой опасности

сильно выразилось послѣ безумной эпохи императорства: всѣ глубокіе умы того времени ждали катаклизмъ, боялись его. Лигитимистъ Шатобріанъ и Ламене, тогда еще аббатъ, указывали его. Кровавый террористъ католицизма Местръ, боясь его, подавалъ одну руку папѣ, другую палачу. Гегель подвязывалъ паруса своей философіи, такъ гордо и свободно плывшей по морю логики, боясь далеко уплыть отъ береговъ и быть захваченному шкваломъ. Нибуръ, томимый тѣмъ же пророчествомъ, умеръ, увидя 1830 г. и іюльскую революцію. Цѣлая школа образовалась въ Германіи, мечтавшая остановить будущее прошедшимъ; трупомъ отца приперетъ дверь новорожденному.—Vanitas vanitatum!

Два исполина пришли, наконецъ, торжественно заключить историческую фазу.

Старческая фигура Гете, не дѣлящая интересовъ, кипящихъ вокругъ, отчужденная отъ среды, стоитъ спокойно, замыкая два прошедшихъ у входа въ нашу эпоху. Онъ тяготитъ надъ современниками и примиряетъ съ былымъ. Старецъ былъ еще живъ, когда явился и исчезъ единственный поэтъ XIX столѣтія. Поэтъ сомнѣнія и негодованія, духовникъ, палачъ и жертва вмѣстѣ; онъ на-скоро прочелъ скептическую отходную дряхлому міру и умеръ 37 лѣтъ въ возрождавшейся Греціи, куда бѣжалъ, чтобъ только не видѣть «береговъ своей родины».

За нимъ замолкло все. И никто не обратилъ вниманія на безплодность вѣка, на совершенное отсутствіе творчества. Сначала онъ еще былъ освѣщенъ заревомъ XVIII столѣтія, онъ блисталъ его славой, гордился его людьми. По мѣрѣ какъ эти звѣзды другого неба заходили, сумерки и мгла падали на все; повсюду—безсиліе, посредственность, мелкость, и едва замѣтная полоска на востокѣ, намекающая на дальнее утро, передъ наступленіемъ котораго разразится не одна туча.

Явились пророки, наконецъ, возвѣщавшіе близкое несчастіе и дальнее искупленіе. На нихъ смотрѣли, какъ на юродивыхъ, ихъ новый языкъ возмущалъ, ихъ слова принимались за бредъ. Толпа не хочетъ, чтобъ ее будили, она проситъ, чтобъ ее оставили въ покоѣ съ ея жалкимъ бытомъ, съ ея пошлыми привычками: она хочетъ, какъ Фридерикъ II, умереть, не мѣняя грязнаго бѣлья. Ничто въ мірѣ не могло такъ удовлетворить этому скромному желанію, какъ мѣщанская монархія.

Но разложеніе шло своимъ чередомъ, «подземный кротъ» работалъ неутомимо. Всѣ власти, всѣ учрежденія были разъѣдаемы скрытымъ ракомъ; 24 февраля 1848 г. болѣзнь сдѣлалась острой изъ хронической. Французская республика была возвѣщена міру трубою послѣдняго суда. Немощь, хилость стараго общественнаго устройства становились очевидны, все стало распускаться, развязы-

ваться, все перемѣшалось и именно держится на этой путаницѣ. Революціонеры сдѣлались консерваторами, консерваторы анархистами; республика убила послѣднія свободныя учрежденія, уцѣлѣвшія при короляхъ; родина Вольтера бросилась въ ханжество. Всѣ побѣждены, все побѣждено, а побѣдителя нѣтъ...

Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ, это не выздоровленіе, это румянецъ чахотки. Смѣлые мыслію, дерзкіе на языкъ, мы не побоялись ни изслѣдовать зло, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу передъ темной почью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются такъ скоро, что ихъ совершеніе—такъ неотразимо...

Прощай отходящій міръ, прощай Европа!

— А мы что сдѣлаемъ изъ себя?

...Послѣднія звенья, связующія два міра, не принадлежащія ни къ тому, ни къ другому, люди, отвязавшіеся отъ рода, разлученные съ средою, покинутые на себя: люди не нужные, потому что не можемъ дѣлить ни дряхлости однихъ, ни младенчества другихъ, намъ нѣту мѣста ни за однимъ столомъ. Люди отрицанія для прошедшаго, люди отвлеченныхъ построеній въ будущемъ, мы не имѣемъ достоянія ни въ томъ, ни въ другомъ и въ этомъ равно свидѣтельство нашей силы и ея ненужности.

— Идти бы прочь... Своею жизнью начать освобожденіе, протестъ, новый бытъ... Какъ будто мы въ самомъ дѣлѣ такъ свободны отъ стараго? Развѣ наши добродѣтели и наши пороки, наши страсти и, главное, наши привычки не принадлежатъ этому міру, съ которымъ мы развелись только въ убѣжденіяхъ?

Что же мы сдѣлаемъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ? Мы, которые не можемъ провести утра, не прочитавъ пяти журналовъ, мы, у которыхъ только и осталось поэзіи въ боѣ съ старымъ міромъ, что... Сознаемся откровенно, мы плохіе Робинзоны.

Развѣ ушедшіе въ Америку не снесли съ собою туда старую Англію?

И развѣ вдали мы не будемъ слышать стоны, развѣ можно отвернуться, закрыть глаза, заткнуть уши, преднамѣренно не знать, упорно молчать, т. е. признаться побѣжденнымъ, сдаться? Это невозможно! Наши враги должны знать, что есть независимые люди, которые ни за что не поступятся свободной рѣчью.

Итакъ, пусть раздается наше слово!

...А кому говорить?... о чемъ? — Я право не знаю, только это сильнѣе меня...

Парижъ, 21 декабря, 1849 г.

VII.

Omnia mea mecum porto.

Ce n'est pas Catilina, qui est à vos portes,—c'est la mort!
Proudhon. (*Voix du Peuple*).

Komm her, wir setzen uns zu Tisch!
Wen sollte solche Narrheit ruehren?
Die Welt geht auseinander wie ein fauler Fisch
Wir wollen sie nicht balsamiren.

Goethe.

Видимая, старая, офиціальная Европа не спитъ,—она умираетъ!

Послѣдніе слабые и болѣзненные остатки прежней жизни едва достаточны, чтобъ удержать на нѣсколько времени распадающіяся части тѣла, которыя стремятся къ новымъ сочетаніямъ, къ развитію иныхъ формъ.

Повидимому, еще многое стоитъ прочно, дѣла идутъ своимъ чередомъ, судьи судятъ, церкви открыты, биржи кипятъ дѣятельностію, войска маневрируютъ, дворцы блестятъ огнями,—но духъ жизни отлетѣлъ, на сердцѣ у всѣхъ неспокойно, смерть за плечами и въ сущности ничего не идетъ. Въ сущности нѣтъ ни церкви, ни войска, ни правительства, ни суда, все превратилось въ полицію. Полиція хранитъ, спасаетъ Европу, подъ ея кровомъ стоятъ троны и алтари, это гальваническая струя, которою насильственно поддерживаютъ жизнь, чтобъ выиграть настоящую минуту. Но разъѣдающій огонь болѣзни не потушенъ, его вогнали только внутрь, онъ скрытъ.

Многіе не видятъ смерти только потому, что они подъ смертью воображаютъ какое-то уничтоженіе. Смерть не уничтожаетъ составныхъ частей, а развязываетъ ихъ отъ *прежняго* единства, даетъ имъ волю существовать при иныхъ условіяхъ. Разумѣется, цѣлая часть свѣта не можетъ сгинуть съ лица земли; она останется, такъ, какъ Римъ остался въ среднихъ вѣкахъ; она разойдется, распустится въ грядущей Европѣ и потеряетъ свой теперешній характеръ, подчиняясь новому и съ тѣмъ вмѣстѣ вліяя на него. Наслѣдство, оставленное отцомъ сыну, въ физіологическомъ и гражданскомъ смыслѣ продолжаетъ жизнь отца за гробомъ; тѣмъ

не менѣе между ними *смерть* — такъ, какъ между Римомъ Юлія Цезаря и Римомъ Григорія VII[1]).

Смерть современныхъ формъ гражданственности скорѣе должна радовать, нежели тяготить душу. Но страшно то, что отходящій міръ оставляетъ не наслѣдника, а беременную вдову. Между смертію одного и рожденіемъ другого утечетъ много воды, пройдетъ длинная ночь хаоса и запустѣнія.

Мы не доживемъ до того, до чего дожилъ Симеонъ Богопріимецъ. Какъ ни тяжела эта истина, надобно съ ней примириться, сладить, потому что измѣнить ее невозможно.

Мы довольно долго изучали хилый организмъ Европы, во всѣхъ слояхъ и вездѣ находили вблизи перстъ смерти и только изрѣдка вдали слышалось пророчество. Мы сначала тоже надѣялись, вѣрили, старались вѣрить. Предсмертная борьба такъ быстро искажала одну черту за другой, что нельзя было обманываться. Жизнь потухала, какъ послѣднія свѣчи въ окнахъ, прежде разсвѣта. Мы были поражены, испуганы. Сложа руки, мы смотрѣли на страшные успѣхи смерти. Что мы видѣли съ февральской революціи?.. Довольно сказать, мы были молоды два года тому назадъ и стары теперь.

Чѣмъ ближе мы подходили къ партіямъ и людямъ, тѣмъ пустыня около насъ дѣлалась больше, тѣмъ больше становились мы одни. Какъ было дѣлить безуміе однихъ, бездушіе другихъ? Тутъ лѣнь, апатія, тамъ ложь и ограниченность, — силы, мощи нигдѣ; развѣ у нѣсколькихъ мучениковъ, умершихъ за людей, не принеся имъ никакой пользы; у нѣсколькихъ страдальцевъ, распинающихся за толпу, готовыхъ отдать кровь, голову и принужденныхъ беречь то и другое, видя хоръ, которому не нужны эти жертвы.

Потерянные безъ дѣла въ этомъ мірѣ, который рушился со всѣхъ сторонъ, оглушенные безсмысленными спорами, ежедневными оскорбленіями, — мы предавались горю и отчаянію, намъ хотѣлось одного — сложить гдѣ-нибудь усталую голову, не справляясь о томъ, есть-ли сновидѣніе, или нѣтъ.

Но жизнь взяла свое, и вмѣсто отчаянія, вмѣсто желанія гибели, я теперь хочу жить; я не хочу больше признавать себя въ такой зависимости отъ міра, не хочу оставаться на всю жизнь у изголовья умирающаго вѣчнымъ плакальщикомъ.

Неужели въ насъ самихъ совершенно ничего нѣтъ и мы только и были чѣмъ-нибудь этимъ міромъ, въ немъ, такъ что теперь,

[1]) Съ другой стороны, между Европой Григорія VII, Мартина Лютера, конвента, Наполеона, не смерть, а развитіе, видоизмѣненіе, ростъ; вотъ отчего всѣ попытки античныхъ реакцій (Бранкалеоне, Ріензи) были невозможны, а монархическія реставраціи въ новой Европѣ такъ легки.

когда онъ, попорченный совсѣмъ иными законами, гибнетъ, намъ нѣтъ другого занятія, какъ печально сидѣть на его развалинахъ, другого значенія, какъ служить ему надгробнымъ памятникомъ?

Довольно грустить. Мы отдали міру, что ему принадлежало, мы не скупились, отдавъ ему лучшіе годы наши, полное, сердечное участіе: мы страдали больше него его страданіями. Теперь оботремъ слезы и будемъ мужественно смотрѣть на окружающее. Чтобы намъ, наконецъ, ни представило оно, перенести можно, *должно.* Худшее пережили, а пережитое несчастіе—несчастіе оконченное. Мы успѣли ознакомиться съ нашимъ положеніемъ, мы ни на что не надѣемся, ничего не ждемъ, или, пожалуй, ждемъ всего; это сводится на одно. Насъ можетъ многое оскорбить, сломать, убить, - удивить *ничего*... или всѣ наши думы и слова были только на губахъ.

Корабль идетъ ко дну. Страшна была минута сомнѣнія, когда рядомъ съ опасностію были надежды: теперь положеніе ясно, корабль не можетъ быть спасенъ, остается гибнуть или спасать себя. Долой съ корабля, на лодки, бревна,—пусть каждый пытаетъ свое счастіе, пробуетъ свои силы. Point d'honneur моряковъ намъ не идетъ.

Вонъ изъ душной комнаты, гдѣ оканчивается длинная, бурная жизнь! Выйдемъ на чистый воздухъ изъ тяжелой, заразительной атмосферы, на поле изъ больничной палаты. Много найдется мастеровъ бальзамировать покойника: еще больше червей, которые поживутъ на счетъ гнили. Оставимъ имъ трупъ, не потому что они хуже или лучше насъ, а потому что они этого хотятъ, а мы не хотимъ; потому что они въ этомъ живутъ, а мы страдаемъ. Отойдемъ свободно и безкорыстно, зная, что намъ нѣтъ наслѣдства, и не нуждаясь въ немъ.

Въ стары годы этотъ гордый разрывъ съ современностію назвали бы *бѣгствомъ*; неизлечимые романтики и теперь, послѣ всего ряда событій, совершившихся передъ ихъ глазами, назовутъ его такъ.

Но свободный человѣкъ не можетъ бѣжать, потому что онъ зависитъ только отъ своихъ убѣжденій и больше ни отъ чего: онъ имѣетъ право оставаться или идти, вопросъ можетъ быть не о бѣгствѣ, а о томъ, свободенъ-ли человѣкъ, или нѣтъ?

Сверхъ того, слово *бѣгство* становится невыразимо смѣшно, обращенное къ тѣмъ, которые имѣли несчастіе заглянуть дальше, уйти впередъ больше, нежели надобно другимъ, и не хотятъ воротиться. Они могли бы сказать людямъ à la Coriolan, не мы бѣжимъ, а вы отстаете, но то и другое нелѣпо. Мы дѣлаемъ свое, люди, окружающіе насъ, свое. Развитіе лица и массъ дѣлается такъ, что они не могутъ взять всей отвѣтственности на себя за послѣдствія. Но извѣстная степень развитія, какъ бы она ни слу-

чилась и чѣмъ бы ни была приведена, обязываетъ. Отрекаться отъ своего развитія значитъ отрекаться отъ самихъ себя.

Человѣкъ свободнѣе, нежели обыкновенно думаютъ.

Онъ много зависитъ отъ среды, но не настолько, какъ кабалитъ себя ей. Большая доля нашей судьбы лежитъ въ нашихъ рукахъ, стоитъ понять ее и не выпускать изъ рукъ. Понявши, люди допускаютъ окружающій міръ насиловать ихъ, увлекать противъ воли: они отрекаются отъ своей самобытности, опираясь во всѣхъ случаяхъ не на себя, а на него, затягивая крѣпче и крѣпче узы, связующія съ нимъ. Они ожидаютъ отъ міра всего добра и зла въ жизни, они надѣются на себя, на послѣднихъ. При такой ребяческой покорности, роковая сила внѣшняго становится непреодолимой, вступить съ нею въ борьбу кажется человѣку безуміемъ. А между тѣмъ грозная мощь эта блѣднѣетъ съ того мгновенія, какъ въ душѣ человѣка, вмѣсто самоотверженія и отчаянія, вмѣсто страха и покорности, возникаетъ простой вопросъ: «въ самомъ-ли дѣлѣ онъ такъ скованъ на жизнь и смерть со средою, что онъ и тогда не имѣетъ возможности отъ нея освободиться, когда дѣйствительно съ нею распался, когда ему ничего не нужно отъ нея, когда онъ равнодушенъ къ ея дарамъ?»

Я не говорю, чтобъ этотъ протестъ во имя независимости и самобытности лица былъ легокъ. Онъ не даромъ вырывается изъ груди человѣка, ему предшествуютъ или долгія личныя испытанія и несчастія, или тѣ тяжелыя эпохи, когда человѣкъ тѣмъ больше расходится съ міромъ, чѣмъ глубже его понимаетъ, когда всѣ узы, связующія его съ внѣшнимъ, превращаются въ цѣпи, когда онъ чувствуетъ себя правымъ въ противоположность событіямъ и массамъ, когда онъ сознаетъ себя соперникомъ, чужимъ, а не членомъ большой семьи, къ которой принадлежитъ.

Внѣ насъ все измѣняется, все зыблется, мы стоимъ на краю пропасти и видимъ, какъ онъ осыпается: сумерки наступаютъ и ни одной путеводной звѣзды не является на небѣ. Мы не сыщемъ гавани иначе, какъ въ насъ самихъ, въ сознаніи нашей безпредѣльной свободы, нашей самодержавной независимости. Спасая себя такимъ образомъ, мы становимся на ту мужественную и широкую почву, на которой только и возможно развитіе свободной жизни въ обществѣ,—если оно вообще возможно для людей.

Когда бы люди захотѣли вмѣсто того, чтобъ спасать міръ, спасать себя, вмѣсто того, чтобъ освобождать человѣчество, себя освобождать, — какъ много бы они сдѣлали для спасенія міра и для освобожденія человѣка.

Зависимость человѣка отъ среды, отъ эпохи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Она тѣмъ сильнѣе, что половина узъ укрѣпляется за спиною сознанія; тутъ есть связь физіологическая, противъ ко-

торой рѣдко могутъ бороться воля и умъ: тутъ есть элементъ наслѣдственный, который мы приносимъ съ рожденіемъ, такъ какъ черты лица, и который составляетъ круговую поруку послѣдняго поколѣнія съ рядомъ предшествующихъ: тутъ есть элементъ морально-физіологическій, воспитаніе, прививающее человѣку исторію и современность, наконецъ, элементъ сознательный. Среда, въ которой человѣкъ родился, эпоха, въ которой онъ живетъ, его тянетъ участвовать въ томъ, что дѣлается вокругъ него, продолжать начатое его отцами: ему естественно привязываться къ тому, что его окружаетъ, онъ не можетъ не отражать въ себѣ, собою своего времени, своей среды.

Но тутъ въ самомъ образѣ отраженія является его самобытность. Противодѣйствіе, возбуждаемое въ человѣкѣ окружающимъ, отвѣтъ его личности на вліяніе среды. Отвѣтъ этотъ можетъ быть полонъ сочувствія, такъ какъ полонъ противорѣчія. Нравственная независимость человѣка такая же непреложная истина и дѣйствительность, какъ его зависимость отъ среды, съ тою разницей, что она съ ней въ обратномъ отношеніи: чѣмъ больше сознанія, тѣмъ больше самобытности: чѣмъ меньше сознанія, тѣмъ связь съ средою тѣснѣе, тѣмъ больше среда поглощаетъ лицо. Такъ инстинктъ безъ сознанія, не достигаетъ истинной независимости, а самобытность является или какъ дикая свобода звѣря, или въ тѣхъ рѣдкихъ судорожныхъ и непослѣдовательныхъ отрицаніяхъ той или другой стороны общественныхъ условій, которыя называютъ преступленіями.

Сознаніе независимости не значитъ еще распаденіе съ средою, самобытность не есть еще вражда съ обществомъ. Среда не всегда относится одинакимъ образомъ къ міру и, слѣдственно, не всегда вызываетъ со стороны лица отпоръ.

Есть эпохи, когда человѣкъ свободенъ въ *общемъ дѣлѣ*. Дѣятельность, къ которой стремится всякая энергическая натура, совпадаетъ тогда съ стремленіемъ общества, въ которомъ она живетъ. Въ такія времена—тоже довольно рѣдкія—все бросается въ круговоротъ событій, живетъ въ немъ, страдаетъ, наслаждается, гибнетъ. Однѣ натуры своеобразно геніальныя, какъ Гёте, стоятъ поодаль, и натуры пошло безцвѣтныя остаются равнодушными. Даже тѣ личности, которыя враждуютъ противъ общаго потока, также увлечены и удовлетворены въ настоящей борьбѣ. Эмигранты были столько же поглощены революціей, какъ якобинцы. Въ такое время нѣтъ нужды толковать о самопожертвованіи и преданности, все это дѣлается само собою и чрезвычайно легко. Никто не отступаетъ, потому что всѣ вѣрятъ. Жертвъ собственно нѣтъ, жертвами кажутся зрителямъ такія дѣйствія, которыя, составляютъ простое исполненіе воли, естественный образъ поведенія.

Есть другія времена—и они всего обыкновеннѣе—времена мирныя, сонныя даже, въ которыя отношенія личности къ средѣ *продолжаются*, какъ они были поставлены послѣднимъ переворотомъ. Они не настолько натянуты, чтобъ лопнуть, не настолько тяжелы, чтобъ нельзя было вынести, и, наконецъ, не настолько исключительны и настойчивы, чтобъ жизнь не могла восполнить главные недостатки и сгладить главныя шероховатости. Въ такія эпохи вопросъ о связи общества съ человѣкомъ не такъ занимаетъ. Являются частныя столкновенія: трагическія катастрофы, вовлекающія въ гибель нѣсколько лицъ; раздаются титаническіе стоны скованнаго человѣка; но все это теряется безслѣдно въ учрежденномъ порядкѣ, признанныя отношенія остаются незыблеными, покоятся на привычкѣ, на человѣческомъ безпечьи, на лѣни, на недостаткѣ демоническаго начала критики и ироніи. Люди живутъ въ частныхъ интересахъ, въ семейной жизни, въ ученой, индустріальной дѣятельности, судятъ и рядятъ, воображая, что дѣлаютъ дѣло, усердно работаютъ, чтобъ устроить судьбу дѣтей; дѣти, съ своей стороны, устроиваютъ судьбу своихъ дѣтей, такъ что существующія личности и настоящее какъ будто стираются и признаютъ себя чѣмъ-то переходнымъ. Подобное время продолжается до сихъ поръ въ Англіи.

Но есть еще и третьяго рода эпохи, очень рѣдкія и самыя скорбныя.

Эпохи, въ которыя общественныя формы, пережившія себя, медленно и тяжело гибнутъ; исключительная цивилизація достигаетъ не только высшаго предѣла, но даже выходитъ изъ круга возможностей, данныхъ историческимъ бытомъ, такъ, что, повидимому, она принадлежитъ будущему, а въ сущности равно отрѣшена отъ прошедшаго, которое она презираетъ, и отъ будущаго, развивающагося по инымъ законамъ. Вотъ тутъ-то и сталкивается лицо съ обществомъ. Прошедшее является, какъ безумный отпоръ. Насиліе, ложь, свирѣпость, корыстное раболѣпство, ограниченность, потеря всякаго чувства человѣческаго достоинства, становятся общимъ правиломъ большинства. Все доблестное былого уже исчезло, дряхлый міръ самъ не вѣритъ въ себя и отчаянно защищается, потому что боится, изъ самосохраненія забываетъ своихъ боговъ, попираетъ ногами права, на которыхъ держался, отрекается отъ образованія и чести, становится звѣремъ, преслѣдуетъ, казнитъ, и между тѣмъ сила остается въ его рукахъ; ему повинуются не изъ одной трусости, но изъ того, что съ другой стороны все шатко, ничего не рѣшено, не готово—и главное, что люди не готовы. Съ другой стороны, незнакомое будущее восходитъ на горизонтѣ, покрытомъ тучами, будущее, смущающее всякую человѣческую логику. Вопросъ римскаго міра разрѣшается

христіанствомъ, религіей, съ которой свободный человѣкъ гибнущаго Рима такъ же мало имѣлъ связи, какъ съ политеизмомъ. Человѣчество, для того, чтобъ двинуться впередъ изъ узкихъ формъ римскаго права, отступаетъ въ германское варварство.

Тѣ изъ римлянъ, которые отъ тягости жизни, гонимые тоской, страхомъ, бросились въ христіанство, спаслись; но развѣ тѣ, которые не меньше страдали, но были тверже характеромъ, достойны порицанія? Могли ли они съ Юліаномъ Отступникомъ стать за старыхъ боговъ или съ Константиномъ за новыхъ? Могли ли они участвовать въ современномъ дѣлѣ, видя куда идетъ духъ времени? Въ такія эпохи свободному человѣку легче одичать въ отчужденіи отъ людей, нежели идти съ ними по одной дорогѣ, ему легче лишить себя жизни, нежели пожертвовать ее.

Неужели человѣкъ менѣе правъ оттого, что съ нимъ никто не согласенъ? Да развѣ умъ нуждается другой повѣрки, какъ умомъ? И съ чего же всеобщее безуміе можетъ опровергнуть личное убѣжденіе?

Мудрѣйшіе изъ римлянъ сошли совсѣмъ со сцены и превосходно сдѣлали. Они разсѣлись по берегамъ Средиземнаго моря, пропали для другихъ въ безмолвномъ величіи скорби, но не пропали для себя, — и черезъ пятнадцать столѣтій мы должны сознаться, что собственно они были побѣдители, они единственные, свободные и мощные представители независимой личности человѣка, его достоинства. Они были *люди*, ихъ нельзя было считать поголовно, они не принадлежали къ стаду и не хотѣли лгать, а, не имѣя съ нимъ ничего общаго,—отошли.

А что у насъ общаго съ міромъ, насъ окружающимъ? Нѣсколько лицъ, связанныхъ съ нами одними убѣжденіями, три добродѣтельные человѣка Содома и Гоморы, они въ томъ же положеніи, какъ мы, они составляютъ протестующее меньшинство, сильное мыслію, слабое дѣйствіемъ. Кромѣ ихъ, у насъ съ современнымъ міромъ не больше дѣятельной связи, какъ съ Китаемъ (я на сію минуту опускаю физіологическую связь и привычку). Это до того справедливо, что даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда люди произносятъ одни и тѣ же слова съ нами, они ихъ понимаютъ розно. Хотите ли вы *свободы* монтаньяровъ, *порядка* законодательнаго собранія, египетскаго устройства работъ коммунистовъ?

Теперь всѣ играютъ съ раскрытыми картами и самая игра чрезвычайно упростилась, ошибаться нельзя, на каждомъ клочкѣ Европы та же борьба, тѣ же два стана. Вы ясно, вполнѣ чувствуете, противъ котораго вы; но чувствуете ли вы также ясно связь вашу съ другимъ станомъ — какъ отвращеніе и ненависть къ первому?..

Время откровенности пришло, свободные люди не обманываютъ ни себя, ни другихъ, всякая пощада ведетъ къ чему-то ложному, косому.

Прошедшій годъ, чтобъ достойно окончиться и исполнить мѣру всѣхъ нравственныхъ оскорбленій и пытокъ, представилъ намъ страшное зрѣлище: борьбу *свободнаго человѣка съ освободителями человѣчества.* Смѣлая рѣчь, ѣдкій скептицизмъ, безпощадное отрицаніе, неумолимая иронія Прудона возмутила записныхъ революціонеровъ не меньше консерваторовъ, они напали на него съ ожесточеніемъ, они стали за свои преданія съ неподвижностью легитимистовъ, они испугались его атеизма и его анархіи, они не могли понять, какъ можно быть свободнымъ безъ государства, безъ демократическаго правленія; они съ удивленіемъ слушали безнравственную рѣчь, что республика для людей, а не лица для республики. И когда у нихъ не достало ни логики, ни краснорѣчія, они объявили Прудона подозрительнымъ, они его предали революціонной анаѳемѣ, отлучая отъ православнаго единства своего. Талантъ Прудона и звѣрство полиціи спасли его отъ клеветы. Уже гнусное обвиненіе въ предательствѣ ходило изъ устъ въ уста демократической черни, когда онъ бросилъ свои знаменитыя статьи въ президента, который не нашелъ лучшаго отвѣта, оглушенный ударомъ, какъ тѣснить колодника, запертаго за мысль и слово. Видя это, толпа примирилась.

И вотъ вамъ крестовые рыцари свободы, привилегированные освободители человѣчества! Они боятся свободы; имъ надобенъ господинъ для того, чтобъ не избаловаться, имъ нужна власть, потому что они не довѣряютъ себѣ. Мудрено ли послѣ того, что горсть людей, переселившаяся съ Кабе въ Америку, едва устроилась во временныхъ шалашахъ, какъ всѣ неудобства европейской государственной жизни обличились въ ихъ средѣ.

При всемъ этомъ, *они* современнѣе насъ, полезнѣе насъ, потому что ближе къ дѣлу, они найдутъ больше сочувствія въ массахъ, они нужнѣе. Массы хотятъ остановить руку, нагло вырывающую у нихъ кусокъ хлѣба, заработанный ими, это ихъ главная потребность. Къ личной свободѣ, къ независимости слова, онѣ равнодушны; массы любятъ авторитетъ, ихъ еще ослѣпляетъ блескъ власти, ихъ еще оскорбляетъ человѣкъ, стоящій независимо; онѣ подъ равенствомъ понимаютъ равномѣрный гнетъ, боясь монополей и привилегій, онѣ косо смотрятъ на талантъ и не позволяютъ, чтобъ человѣкъ не дѣлалъ того же, что они дѣлаютъ. Массы желаютъ соціальнаго правительства, которое бы управляло ими для нихъ, а не противъ нихъ, какъ теперешнее. Управляться самимъ — имъ и въ голову не приходитъ. Вотъ отчего *освободители* гораздо ближе къ современнымъ переворотамъ, нежели вся-

кій *свободный человѣкъ*. Свободный человѣкъ можетъ быть вовсе ненужный человѣкъ: но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ поступать противъ своихъ убѣжденій.

Но, скажете вы, надобно себя умѣрить. Сомнѣваюсь, чтобъ изъ этого вышло что-нибудь; когда человѣкъ и весь отдается дѣлу, онъ немного производитъ, что же онъ сдѣлаетъ, когда намѣренно отниметъ половину своихъ силъ и органовъ. Посадите Прудона министромъ финансовъ, президентомъ, онъ будетъ Бонапартомъ въ другую сторону. Этотъ находится въ безпрестанномъ колебаніи, нерѣшительности, оттого, что онъ помѣшанъ на императорствѣ. Прудонъ будетъ также въ постоянномъ недоумѣніи, потому что существующая республика ему столько же противна, какъ Бонапарту, а республика соціальная теперь гораздо менѣе возможна, нежели имперія.

Впрочемъ, тотъ, кто, чувствуя внутреннее несогласіе, хочетъ или можетъ откровенно участвовать въ бою партій: у кого нѣтъ потребности идти своей дорогой, видя, что дорога другихъ идетъ не туда; кто не думаетъ, что лучше заблудиться, совсѣмъ пропасть, нежели уступить свою истину, —тотъ пусть дѣйствуетъ съ другими. Онъ даже сдѣлаетъ очень хорошо, потому что нѣтъ чего другого, а освободители рода человѣческаго стащутъ вмѣстѣ съ собою въ пропасть старыя формы монархической Европы; я признаю право столько же желающему дѣйствовать, сколько и желающему отстраниться; на то будетъ его воля, и объ этомъ у насъ не идетъ рѣчи.

Я очень радъ, что коснулся этого смутнаго вопроса, этой самой прочной цѣпи изъ всѣхъ, которыми человѣкъ скованъ; самой прочной потому, что онъ или не чувствуетъ ея насилія, или, еще хуже, признаетъ ее безусловно справедливой. Посмотримъ, не перержавѣла ли и она?

Подчиненіе личности обществу, народу, человѣчеству, идеѣ — продолженіе человѣческихъ жертвоприношеній, закланіе агнца для примиренія Бога, распятіе невиннаго за виновныхъ. Лицо, истинная, дѣйствительная монада общества, было всегда пожертвовано какому-нибудь общему понятію, собирательному имени, какому-нибудь знамени. Для кого работали, кому жертвовали, кто пользовался, кого освобождали, уступая свободу лица, объ этомъ никто не спрашивалъ. Всѣ жертвовали (по крайней мѣрѣ на словахъ) самихъ себя и другъ друга.

Не мѣсто здѣсь разбирать, насколько неразвитость народовъ оправдывала такія мѣры воспитанія. Вѣроятно, онѣ были естественны и необходимы, мы ихъ встрѣчаемъ вездѣ, но мы можемъ смѣло сказать, что если онѣ и привели къ великимъ результатамъ, то навѣрное настолько же замедлили ходъ развитія, искажая умъ

ложнымъ представленіемъ. Я вообще мало вѣрю въ пользу лжи, особенно когда въ нее не вѣрятъ больше: весь этотъ макіавеллизмъ, вся риторика мнѣ кажется больше аристократическою потѣхою для проповѣдниковъ и нравоучителей.

Общая основа воззрѣнія, на которомъ такъ прочно держится нравственная неволя человѣка и «приниженіе» его личности, почти вся въ дуализмѣ, которымъ проникнуты всѣ наши сужденія.

Главный пріемъ его состоитъ въ томъ, чтобъ раздѣлять на мнимыя противуположности то, что дѣйствительно нераздѣльно, на пр. тѣло и духъ; враждебно противупоставлять эти отвлеченія и неестественно мирить то, что соединено неразрывнымъ единствомъ.

Въ дуализмѣ идеализмъ беретъ сторону одной тѣни противъ другой, отдавая монополь духу надъ веществомъ, роду надъ недѣлимымъ, жертвуя такимъ образомъ человѣка государству, государство человѣчеству.

Вообразите теперь весь хаосъ, вносимый въ совѣсть и умъ людей, которые съ дѣтскихъ лѣтъ ничего другого не слыхали. Дуализмъ до того исказилъ всѣ простѣйшія понятія, что имъ надобно дѣлать большія усилія, чтобъ усвоить истины, ясныя какъ день. Нашъ языкъ—языкъ дуализма, наше воображеніе не имѣетъ другихъ образовъ, другихъ метафоръ. Полторы-тысячи лѣтъ все учившее, проповѣдывавшее, писавшее, дѣйствовавшее было пропитано дуализмомъ, и едва нѣсколько человѣкъ въ концѣ XVIII в. стали въ немъ сомнѣватся, но и сомнѣваясь продолжали изъ приличія, а долею и отъ страха говорить его языкомъ.

Само собою разумѣется, что вся наша нравственность вышла изъ того же начала. Нравственность эта требовала постоянной жертвы, безпрерывнаго подвига, безпрерывнаго самоотверженія. Оттого по большей части правила ея и не исполнялись никогда. Жизнь несравненно упорнѣе теоріи, она идетъ независимо отъ нихъ и молча побѣждаетъ ихъ. Полнѣе возраженія на принятую мораль не можетъ быть, какъ такое практическое отрицаніе; но люди спокойно живутъ въ этомъ противурѣчіи, они привыкли къ нему вѣками. Натянутыя цивическія добродѣтели замѣнили натянутое ханжество: отсюда — театральное одушевленіе на римскій ладъ и на манеръ христіанскихъ мучениковъ и феодальныхъ рыцарей.

Практическая жизнь и тутъ идетъ своимъ чередомъ, нисколько не занимаясь героической моралью.

Но напасть на нее никто не смѣетъ, и она держится, съ одной стороны, на какомъ то тайномъ соглашеніи пощады и уваженія, какъ республика Сан-Марино; съ другой стороны, на нашей трусости, безхарактерности, на ложномъ стыдѣ и на нравственной

неволѣ нашей. Мы боимся обвиненія въ безнравственности и это насъ держитъ въ уздѣ. Мы повторяемъ моральныя бредни, слышанныя нами, не придавая имъ никакого смысла, но и не возражая противъ нихъ. Уваженіе, втѣсняемое намъ страхомъ дикихъ криковъ толпы, превращается до того въ привычку, что мы съ удивленіемъ, съ негодованіемъ смотримъ на дерзость откровеннаго и свободнаго человѣка, который смѣетъ сомнѣваться въ истинѣ этой риторики.

Такимъ образомъ составилась условная нравственность, условный языкъ: имъ мы передаемъ вѣру въ ложныхъ боговъ нашимъ дѣтямъ, обманываемъ ихъ, такъ, какъ насъ обманывали родители, и такъ, какъ наши дѣти будутъ обманывать своихъ до тѣхъ поръ, пока переворотъ не покончитъ со всѣмъ этимъ міромъ лжи и притворства.

Я, наконецъ, не могу выносить равнодушно эту вѣчную риторику патріотическихъ и филантропическихъ разглагольствованій, не имѣющихъ никакого вліянія на жизнь. Много ли найдется людей, готовыхъ пожертвовать жизнію за чтобъ то ни было? Конечно, немного, но все же больше, нежели тѣхъ, которые имѣютъ мужество сказать, что «Mourir pour la patrie» не есть въ самомъ дѣлѣ верхъ человѣческаго счастія и что гораздо лучше, если и отечество и самъ человѣкъ останутся цѣлы.

Какія мы дѣти, какіе мы еще рабы, и какъ весь центръ тяжести, точка опоры нашей воли, нашей нравственности—внѣ насъ!

Ложь эта не только вредна, но унизительна, она оскорбляетъ чувство собственнаго достоинства, развращаетъ поведеніе: надобно имѣть силу характера говорить и дѣлать одно и то же: и вотъ почему люди должны признаваться на словахъ въ томъ, въ чемъ признаются ежедневно жизнію. Можетъ эта чувствительная болтовня и была сколько-нибудь полезна во времена больше дикія, такъ, какъ внѣшняя учтивость, но теперь она обезсиливаетъ, усыпляетъ, сбиваетъ столку. Довольно времени позволяли мы безнаказанно декламировать всѣ эти риторическія упражненія, составленныя изъ подогрѣтаго христіанства, разбавленнаго мутной водой раціонализма и паточнымъ растворомъ филантропіи. Пора, наконецъ, разобрать эти Сивиллинскія книги, пора потребовать отчета у нашихъ учителей.

Какой смыслъ всѣхъ разглагольствованій противъ эгоизма, индивидуализма? Что такое эгоизмъ? Что такое *братство*. Что такое индивидуализмъ? И что любовь къ человѣчеству?

Разумѣется, люди эгоисты, потому что они лица; какъ же быть самимъ собою, не имѣя рѣзкаго сознанія своей личности. Лишить человѣка этого сознанія значитъ распутить его, сдѣлать существомъ прѣснымъ, стертымъ, безхарактернымъ. Мы эгоисты,—и по-

тому добиваемся независимости, благосостоянія, признанія нашихъ правъ, потому жаждемъ любви, ищемъ дѣятельности... и не можемъ отказывать безъ явнаго противорѣчія въ тѣхъ же правахъ другимъ.

Проповѣдь индивидуализма разбудила, вѣкъ тому назадъ, людей отъ тяжелаго сна, въ который они были погружены подъ вліяніемъ католическаго мака. Она вела къ свободѣ, такъ, какъ смиреніе ведетъ къ покорности. Писанія эгоиста Вольтера больше сдѣлали для освобожденія, нежели писанія любящаго Руссо для братства.

Моралисты говорятъ объ эгоизмѣ, какъ о дурной привычкѣ, не спрашивая, можетъ ли человѣкъ быть человѣкомъ, утративъ живое чувство личности, и не говоря, что за замѣна ему будетъ въ «братствѣ» и въ «любви къ человѣчеству», не объясняя даже, почему слѣдуетъ брататься со всѣми и что за долгъ любить всѣхъ на свѣтѣ? Мы равно не видимъ причины ни любить, ни ненавидѣть что-нибудь только потому, что оно существуетъ. Оставьте человѣка свободнымъ въ своихъ сочувствіяхъ, онъ найдетъ кого любить и съ кѣмъ быть братомъ, на это ему не нужно ни заповѣди, ни приказа; если же онъ не найдетъ, это его дѣло и его несчастіе.

Дѣло просто въ томъ, что эгоизмъ и общественность не добродѣтели и не пороки; это основныя стихіи жизни человѣческой, безъ которыхъ не было бы ни исторіи, ни развитія, а была бы или разсыпчатая жизнь дикихъ звѣрей, или стада ручныхъ троглодитовъ. Уничтожьте въ человѣкѣ общественность, —и вы получите свирѣпаго Орангъ-Утанга; уничтожьте въ немъ эгоизмъ, и изъ него выйдетъ смирное Жоко. Всего меньше эгоизма у рабовъ. Самое слово «эгоизмъ» не имѣетъ въ себѣ полнаго содержанія. Есть эгоизмъ узкій, животный, грязный, такъ, какъ есть любовь грязная, животная, узкая. Дѣйствительный интересъ совсѣмъ не въ томъ, чтобъ убивать на словахъ эгоизмъ и подхваливать братство, оно его не пересилитъ, а въ томъ, чтобъ сочетать гармонически, свободно эти два неотъемлемыя начала жизни человѣческой.

Какъ существо общежительное, человѣкъ стремится любить, и на это ему вовсе не нужно приказа. Ненавидѣть себя совсѣмъ не нужно. Моралисты считаютъ всякое нравственное дѣйствіе до того противнымъ натурѣ человѣческой, что ставятъ въ великое достоинство всякій добрый поступокъ, и потому-то они братство вмѣняютъ въ обязанность, какъ соблюденіе постовъ, какъ умерщвленіе плоти. Послѣдняя форма религіи рабства основана на раздвоеніи общества и человѣка, на мнимой враждѣ ихъ.

Гармонія между лицомъ и обществомъ не дѣлается разъ на

всегда, она *становится* каждымъ періодомъ, почти каждой страной и измѣняется съ обстоятельствами, какъ все живое. Общей нормы, общаго рѣшенія тутъ не можетъ быть. Мы видѣли, какъ въ иныя эпохи человѣку легко отдаваться средѣ и какъ въ другія только и можно *сохранить* связь разлукой, отходя, *унося все свое съ собою*. Не въ нашей волѣ измѣнять историческое отношеніе лица къ обществу, да по несчастію и не въ волѣ самого общества; но отъ насъ зависитъ быть современными, сообразными нашему развитію, словомъ, *творить* наше поведеніе въ отвѣтъ обстоятельствамъ.

Дѣйствительно свободный человѣкъ *создаетъ* свою нравственность. Это-то стоики и хотѣли сказать, говоря «что для мудраго нѣтъ закона». Превосходное поведеніе вчера можетъ быть пресквернo сегодня. Незыблемой, вѣчной нравственности такъ же нѣтъ, какъ вѣчныхъ наградъ и наказаній. То, что дѣйствительно незыблемо въ нравственности, сводится на такія всеобщности, что въ нихъ теряется почти все частное, какъ, напримѣръ, что всякое дѣйствіе, противное нашимъ убѣжденіямъ, преступно или, какъ сказалъ Кантъ, что то дѣйствіе безнравственно, которое человѣкъ не можетъ обобщить, возвести въ правило.

Мы въ началѣ статьи совѣтовали не входить въ противорѣчіе съ собою, какъ бы дорого это ни стоило и перервать сношенія неистинныя, поддерживаемыя (какъ въ «Альфредѣ» Бенжаменъ Констана) ложнымъ стыдомъ, ненужнымъ самоотверженіемъ.

Таковы ли современныя обстоятельства, какъ я ихъ представилъ, или нѣтъ,— это подлежитъ спору, и если вы мнѣ докажете противное, я съ благодарностію пожму вашу руку, вы будете мой благодѣтель. Быть можетъ, я увлекся и, мучительно изучая ужасы дѣлающіеся вокругъ, потерялъ способность видѣть свѣтлое. Я готовъ слушать, я хочу согласиться. Но если обстоятельства таковы, то нѣтъ мѣста спору.

«Итакъ, скажете вы, отдаться негодующему бездѣйствію, сдѣлаться чуждымъ всему, безплодно роптать и сердиться, какъ сердятся старики, удалиться со сцены гдѣ кипитъ и несется жизнь, и доживать свой вѣкъ безполезнымъ для другихъ и въ тягость себѣ».

Я не совѣтую браниться съ міромъ, а начать независимую, самобытную жизнь, которая могла бы найти въ себѣ самой спасеніе даже тогда, когда весь міръ, насъ окружающій, погибъ бы. Я совѣтую вглядѣться, идетъ ли въ самомъ дѣлѣ масса туда, куда мы думаемъ, что она идетъ, и идти съ нею или отъ нея, но зная ея путь; я совѣтую бросить книжныя мнѣнія, которыя намъ привили съ ребячества, представляя людей совсѣмъ иными, нежели они есть. Я хочу прекратить «безплодный ропотъ и капризное

неудовольствіе», хочу примирить съ людьми, убѣдивши, что они не могутъ быть лучше, что вовсе не ихъ вина, что они такіе

Будетъ ли притомъ такая или другая внѣшняя дѣятельность, или никакой не будетъ, я не знаю. Да въ сущности это и неважно. Если вы сильны, если въ васъ есть не только что-нибудь годное, но что-нибудь глубоко шевелящее другихъ, оно не пропадетъ, — такова экономія природы. Сила ваша, какъ капля дрожжей, непремѣнно взволнуетъ, заставитъ бродить все, подвергнувши себя ея вліянію; ваши слова, дѣла, мысли займутъ свое мѣсто, безъ особенныхъ хлопотъ. Если же у васъ нѣтъ такой силы или есть силы, не дѣйствующія на современнаго человѣка, и въ этомъ нѣтъ большой бѣды ни для васъ, ни для другихъ. Что мы за вѣчные комедіанты, за публичные мужчины! Мы живемъ не для того, чтобъ занимать другихъ, мы живемъ для себя. Большинство людей, всегда практическое, вовсе не печется о недостаткѣ *историческойдѣятельности.

Вмѣсто того, чтобъ увѣрять народы, что они страстно хотятъ того, что мы хотимъ, лучше было бы подумать, хотятъ ли они на сію минуту чего-нибудь, и если хотятъ совсѣмъ другое, сосредоточиться, сойти съ рынка, отойти съ миромъ, не насилуя другихъ и не тратя себя.

Можетъ, это отрицательное дѣйствіе будетъ началомъ новой жизни. Во всякомъ случаѣ это будетъ добросовѣстный поступокъ.

Парижъ, Hôtel Mirabeau, 3 апрѣля, 1850 г.

РУССКОЙ НАРОДЪ И СОЦІАЛИЗМЪ. [1]

ПИСЬМО КЪ Ж. МИШЛЕ.

Милостивый государь!

Вы стоите слишкомъ высоко въ мнѣніи всѣхъ мыслящихъ людей, каждое слово, вытекающее изъ вашего благороднаго пера, принимается европейскою демократіею съ слишкомъ полнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ, чтобы въ дѣлѣ, касающемся самыхъ глубокихъ моихъ убѣжденій, мнѣ было возможно молчать и оставить безъ отвѣта характеристику русскаго народа, помѣщенную вами въ вашей легендѣ о Костюшкѣ [2]).

Этотъ отвѣтъ необходимъ и по другой причинѣ. Пора показать Европѣ, что, говоря о Россіи, говорятъ не объ отсутствующемъ, не о безотвѣтномъ, не о глухонѣмомъ.

Мы, оставившіе Россію только для того, чтобы свободное русское слово раздалось, наконецъ, въ Европѣ,—мы тутъ на лицо, и считаемъ долгомъ подать свой голосъ, когда человѣкъ, вооруженный огромнымъ и заслуженнымъ авторитетомъ утверждаетъ, «что

[1]) Этой статьѣ въ заграничномъ изданіи предпослано слѣдующее замѣчаніе отъ издателя:

Письмо это, напечатанное въ первый разъ въ Ниццѣ въ 1851 г., было только извѣстно въ Піемонтѣ и въ Швейцаріи. Въ Марселѣ французская полиція захватила почти все изданіе и по странной разсѣяности забыла отослать его назадъ, несмотря на требованія.

З. Свентославскій издалъ его вторымъ тисненіемъ въ Жерсѣе въ 1854.

Желая послѣдовательно издать всѣ сочиненія г. Герцена, писанныя на другихъ языкахъ, въ русскомъ переводѣ, я издаю это письмо вслѣдъ за письмами къ В. Линтону *(Старый міръ и Россія)*.

Переводъ, по моей просьбѣ, былъ пересмотрѣнъ авторомъ.

Н. Трюбнеръ.

20 [illegible] 1858.

[2]) Въ фельетонѣ журнала l'Evénement, отъ 18 августа до 17 сентября 1851.—Послѣ этого легенда о Костюшкѣ взошла въ особо изданный томъ сочиненій Мишле подъ заглавіемъ «Демократическихъ легендъ».

Россія не существуетъ, что русскіе не люди, что они лишены нравственнаго смысла».

Если вы разумѣете Россію офиціальную, то вамъ и книги въ руки. Мы соглашаемся впередъ совсѣмъ, что вы намъ скажете. Не намъ тутъ играть роль заступника.

Но не объ одномъ офиціальномъ обществѣ идетъ рѣчь въ вашемъ трудѣ: вы затрогиваете вопросъ болѣе глубокій: вы говорите о самомъ народѣ.

Бѣдный русскій народъ! Некому возвысить голосъ въ его защиту! Посудите сами, могу ли я, по совѣсти, молчать.

Русскій народъ, милостивый государь, живъ, здоровъ и даже не старъ, напротивъ того, очень молодъ. Умираютъ люди и въ молодости, это бываетъ, но это не нормально.

Прошлое русскаго народа темно: его настоящее ужасно, но у него есть права на будущее. Онъ не *вѣритъ* въ свое настоящее положеніе, онъ имѣетъ дерзость тѣмъ болѣе ожидать отъ времени, чѣмъ менѣе оно дало ему до сихъ поръ.

Самый трудный для русскаго народа періодъ приближается къ концу. Его ожидаетъ страшная борьба; къ ней готовятся его враги.

Великій вопросъ, to be, or not to be, скоро будетъ рѣшенъ для Россіи. Но грѣшно передъ борьбою отчаиваться въ успѣхѣ.

Русскій вопросъ принимаетъ огромные, странные размѣры: онъ сильно озабочиваетъ всѣ партіи; но мнѣ кажется, что слишкомъ много занимаются Россіею офиціальной и слишкомъ мало Россіею народной.

Даже смотря на Россію только съ правительственной точки зрѣнія, не думаете ли вы, что не помѣшало бы познакомиться поближе съ этимъ неудобнымъ сосѣдомъ, который даетъ чувствовать себя во всей Европѣ? Русское правительство простирается до Средиземнаго моря своимъ покровительствомъ Оттоманской Портѣ, до Рейна своимъ покровительствомъ нѣмецкимъ своякамъ и дядямъ; до Атлантическаго океана своимъ покровительствомъ *порядку* во Франціи.

Не мѣшало бы, говорю я, оцѣнить по достоинству этого всемірнаго покровителя, изслѣдовать, не имѣетъ ли это странное государство другого призванія кромѣ роли, принятой петербургскимъ правительствомъ.

Европа приближается къ страшному катаклизму. Средневѣковый міръ рушится. Міръ феодальный кончается. Политическія и религіозныя революціи изнемогаютъ подъ бременемъ своего безсилія; онѣ совершили великія дѣла, но не исполнили своей задачи. Онѣ разрушили вѣру, но не осуществили свободу; онѣ зажгли въ сердцахъ желанія, которыхъ онѣ не въ силахъ испол-

нить. Парламентаризмъ, протестантизмъ, все это были лишь отстрочки, временное спасеніе, безсильные оплоты противъ смерти и возрожденія. Ихъ время минуло. Съ 1848 г. стали понимать, что ни окостенѣлое римское право, ни хитрая казуистика, ни тощая деистическая философія, ни безплодный религіозный раціонализмъ не въ силахъ отодвинуть совершеніе судебъ общества.

Гроза приближается, этого отвергать невозможно. Въ этомъ соглашаются люди революціи и люди реакціи. У всѣхъ закружилась голова; тяжелый, жизненный вопросъ лежитъ у всѣхъ на сердцѣ и сдавливаетъ дыханіе. Съ возрастающимъ безпокойствіемъ всѣ задаютъ себѣ вопросъ, достанетъ ли силы на возрожденіе старой Европѣ, этому дряхлому Протею, этому разрушающемуся организму. Со страхомъ ждутъ отвѣта, и это ожиданіе ужасно.

Дѣйствительно, вопросъ страшный!

Сможетъ ли старая Европа обновить свою остывающую кровь и броситься стремглавъ въ это необозримое будущее, куда увлекаетъ ее необоримая сила, къ которому она несется безъ оглядки, къ которому путь идетъ, можетъ быть, черезъ развалины отцовскаго дома, черезъ обломки минувшихъ цивилизацій, черезъ попранныя богатства новѣйшаго образованія?

Съ обѣихъ сторонъ вѣрно поняли всю важность настоящей минуты. Европа погружена въ глухой, душный мракъ наканунѣ рѣшительной битвы. Это не жизнь, а тяжкое, тревожное томленіе. Ни законности, ни правды, ни даже личины свободы; вездѣ неограниченное господство свѣтской инквизиціи; вмѣсто законнаго порядка—осадное положеніе. Одинъ нравственный двигатель управляетъ всѣмъ: страхъ, и его достаточно. Всѣ вопросы отступаютъ на второй планъ передъ всепоглащающимъ интересомъ реакціи. Правительства, повидимому, самыя враждебныя сливаются въ единую, вселенскую полицію. Среди этихъ сатурналій, среди этого шабаша реакціи, ничто не охраняетъ болѣе личности отъ произвола. Даже тѣ гарантіи, которыя существуютъ въ неразвитыхъ обществахъ, въ Китаѣ, въ Персіи, не уважаются болѣе въ столицахъ, такъ называемаго, образованнаго міра.

Едва вѣришь глазамъ. Неужели это та самая Европа, которую мы когда-то знали и любили?

Право, если бы не было свободной и гордой Англіи, «этого алмаза, оправленнаго въ серебро морей», какъ называетъ его Шекспиръ, если-бъ Швейцарія, какъ Петръ, убоявшись кесаря, отреклась отъ своего начала, если-бъ Піемонтъ, эта уцѣлѣвшая вѣтка Италіи, это послѣднее убѣжище свободы, загнанной за Альпы и не перешедшей Аппенины, если-бъ и они увлеклись примѣромъ сосѣдей, если-бъ и эти три страны заразились мертвящимъ духомъ, вѣющимъ изъ Парижа и Вѣны, можно было бы подумать,

что консерваторамъ уже удалось довести старый міръ до конечнаго разложенія, что во Франціи и Германіи уже наступили времена варварства.

Среди этого хаоса, среди этого предсмертнаго томленія и мучительнаго возрожденія, среди этого міра, распадающагося въ прахъ вокругъ колыбели, взоры невольно обращаются къ востоку.

Тамъ, какъ темная гора, вырѣзывающаяся изъ-за тумана, виднѣется враждебное, грозное царство; порою кажется, оно идетъ какъ лавина на Европу, что оно, какъ нетерпѣливый наслѣдникъ, готово ускорить ея медленную смерть.

Это царство, совершенно неизвѣстное двѣсти лѣтъ тому назадъ, явилось вдругъ, безъ всякихъ правъ, безъ всякаго приглашенія, грубо и громко заговорило въ совѣтѣ европейскихъ державъ, и потребовало себѣ доли въ добычѣ, собранной безъ его содѣйствія.

Никто не посмѣлъ возстать противъ его притязаній на вмѣшательство во всѣ дѣла Европы.

Карлъ XII попытался, но его до тѣхъ поръ непобѣдимый мечъ сломился; Фридрихъ II захотѣлъ воспротивиться посягательствамъ петербургскаго двора,—Кенигсбергъ и Берлинъ сдѣлались добычею сѣвернаго врага. Наполеонъ проникъ съ полумилліономъ войска въ самое сердце исполина и уѣхалъ одинъ украдкою, въ первыхъ попавшихся пошевняхъ. Европа съ удивленіемъ смотрѣла на бѣгство Наполеона, на несущіяся за нимъ въ погоню тучи казаковъ, на русскія войска, идущія въ Парижъ и подающія по дорогѣ нѣмцамъ милостыню—ихъ національной независимости. Съ тѣхъ поръ Россія налегла какъ вампиръ на судьбы Европы и стережетъ ошибки царей и народовъ. Вчера она чуть не раздавила Австрію, помогая ей противъ Венгріи, завтра она провозгласитъ Бранденбургъ русскою губерніею, чтобы успокоить берлинскаго короля.

Вѣроятно ли, что наканунѣ борьбы объ этомъ бойцѣ ничего не знаютъ? А между тѣмъ онъ уже стоитъ, грозный, въ полномъ вооруженіи, готовый переступить границу по первому зову реакціи. И при всемъ томъ, едва знаютъ его оружіе, цвѣтъ его знамени, и довольствуются его офиціальными рѣчами и неопредѣленными разногласными разсказами о немъ.

Иные говорятъ только о всемогуществѣ царя, о правительственномъ произволѣ, о рабскомъ духѣ подданныхъ; другіе утверждаютъ, напротивъ, что петербургскій имперіализмъ не народенъ, что народъ, раздавленный двойнымъ деспотизмомъ правительства и помѣщиковъ, несетъ ярмо, но не мирится съ нимъ, что онъ не уничтоженъ, а только несчастенъ и въ то же время говорятъ, что этотъ самый народъ придаетъ единство и силу колоссальному царству, которое давитъ его. Иные прибавляютъ, что русскій на-

родъ — *презрѣнный сбродъ* пьяницъ и плутовъ, другіе же увѣряютъ, что Россія населена способною и богато одаренною породою людей.

Мнѣ кажется, есть что-то трагическое въ старческой разсѣянности, съ которою старый міръ спутываетъ всѣ свѣдѣнія объ своемъ противникѣ.

Въ этомъ сбродѣ противурѣчащихъ мнѣній проглядываетъ столько безсмысленныхъ повтореній, такая печальная поверхностность, такая закоснѣлость въ предразсудкахъ, что мы поневолѣ обращаемся за сравненіемъ къ временамъ паденія Рима.

Тогда, также наканунѣ переворота, наканунѣ побѣды варваровъ, провозглашали вѣчность Рима, безсильное безуміе назареевъ и ничтожность движенія, начинавшагося въ варварскомъ мірѣ.

Вамъ принадлежитъ великая заслуга: вы первый во Франціи заговорили о русскомъ народѣ, вы невзначай коснулись самаго сердца, самаго источника жизни. Истина сейчасъ бы обнаружилась вашему взору, если-бъ въ минуту гнѣва вы не отдернули протянутой руки, если-бъ вы не отвернулись отъ источника, потому что онъ показался мутнымъ.

Я съ глубокимъ прискорбіемъ прочелъ ваши озлобленныя слова. Печальный, съ тоскою въ сердцѣ, я признаюсь напрасно искалъ въ нихъ историка, философа, и прежде всего любящаго человѣка, котораго мы всѣ знаемъ и любимъ. Спѣшу оговориться: я вполнѣ понялъ причину вашего негодованія: въ васъ заговорила симпатія къ несчастной Польшѣ. Мы также глубоко испытываемъ это чувство къ нашимъ братьямъ полякамъ. Любовь къ Польшѣ! Мы всѣ ее любимъ, но развѣ съ этимъ чувствомъ необходимо сопрягать ненависть къ другому народу? Будемъ великодушны, не забудемъ, что на нашихъ глазахъ народъ, вооруженный всѣми трофеями недавней революціи, согласился на возстановленіе порядка въ Римѣ; а сегодня... Взгляните сами, что происходитъ вокругъ васъ... а, вѣдь, мы не говоримъ еще, чтобы французы *перестали быть людьми*.

Пора забыть эту несчастную борьбу между братьями. Между нами нѣтъ побѣдителя. Ссылаюсь, какъ вы, на вашего друга, на великаго поэта Мицкевича.

Не говорите о мнѣніяхъ польскаго пѣвца, что «это милосердіе, святое заблужденіе». Нѣтъ, это плоды долгой и добросовѣстной думы, глубокаго пониманія судебъ славянскаго міра. Прощеніе враговъ — прекрасный подвигъ; но есть подвигъ еще болѣе прекрасный, еще больше человѣческій: это — пониманіе враговъ, потому что пониманіе разомъ прощеніе, оправданіе, примиреніе!

Славянскій міръ стремится къ единству; это стремленіе обнаружилось тотчасъ послѣ наполеоновскаго періода. Мысль о сла-

вянской федераціи уже зарождалась въ революціонныхъ планахъ Пестеля и Муравьева.

Очень можетъ быть, что во время войны 1830 г. въ Польшѣ преобладало чувство исключительной національности и весьма понятной вражды. Но съ тѣхъ поръ дѣятельность Мицкевича, историческіе и филологическіе труды многихъ славянъ, болѣе глубокое знаніе европейскихъ народовъ, купленное тяжелою цѣною изгнанія, дали мыслямъ совсѣмъ другое направленіе.

Я провелъ пять лѣтъ въ ссылкѣ, въ отдаленныхъ губерніяхъ имперіи; много встрѣчалъ я тамъ ссыльныхъ поляковъ. Почти въ каждомъ уѣздномъ городѣ живетъ либо цѣлое семейство, либо одинъ изъ несчастныхъ воиновъ независимости. Я охотно сослался бы на ихъ свидѣтельство: конечно, они не могутъ пожаловаться на недостатокъ симпатіи со стороны мѣстныхъ жителей. Я могъ бы сослаться также на польскихъ студентовъ, посылаемыхъ ежегодно въ русскіе университеты: пусть они разскажутъ, какъ принимали ихъ русскіе товарищи. Они разставались съ нами со слезами на глазахъ.

Вы помните, что въ 1847 году въ Парижѣ, когда польскіе эмигранты праздновали годовщину своей революціи, на трибунѣ явился русскій, чтобы просить о дружбѣ и о забвеніи прошлаго. Это былъ нашъ несчастный другъ Бакунинъ... Впрочемъ, чтобъ не ссылаться на соотечественниковъ, выбираю между тѣми, которыхъ считаютъ нашими врагами, человѣка, котораго вы сами назвали въ вашей легендѣ о Костюшкѣ. Обратитесь за свѣдѣніями объ этомъ предметѣ къ одному изъ старѣйшинъ польской демократіи, къ Бернацкому, одному изъ министровъ революціонной Польши: я смѣло ссылаюсь на него, долгое горе, конечно, могло бы ожесточить его противъ всего русскаго. Я убѣжденъ, что онъ подтвердитъ все сказанное мною.

Солидарность, связывающая Россію и Польшу между собою и со всѣмъ славянскимъ міромъ, не можетъ быть отвергнута: она очевидна. Еще болѣе: внѣ Россіи, нѣтъ будущности для славянскаго міра; безъ Россіи, онъ не разовьется, онъ расплывается и будетъ поглощенъ германскимъ элементомъ: онъ сдѣлается австрійскимъ и потеряетъ свою самостоятельность. Но не такова, по нашему мнѣнію, его судьба, его назначеніе.

Слѣдуя за постепеннымъ развитіемъ вашей мысли, я долженъ вамъ признаться, что мнѣ невозможно согласиться съ вашимъ взглядомъ, по которому вся Европа представляетъ одну личность, въ которой каждая народность играетъ роль необходимаго органа.

Мнѣ кажется, что всѣ германо-романскія народности необходимы въ европейскомъ мірѣ, потому что онѣ существуютъ въ немъ вслѣдствіе какой-нибудь необходимости. Уже Аристотель отличалъ

предсуществующую необходимость отъ необходимости, вносимой въ послѣдствіи фактовъ. Природа покоряется необходимости совершившихся событій, но колебаніе между разнообразными возможностями очень велико. На томъ же основаніи славянскій міръ можетъ предъявлять свои права на единство, тѣмъ болѣе, что онъ состоитъ изъ единаго племени.

Централизація противна славянскому духу; федерализація гораздо свойственнѣе его характеру. Только сгруппировавшись въ союзъ свободныхъ и самобытныхъ народовъ, славянскій міръ вступитъ, наконецъ, въ истинно-историческое существованіе. На его прошлое можно смотрѣть только какъ на ростъ, на приготовленіе, на очищеніе. Историческія государственныя формы, въ которыхъ жили славяне, не соотвѣтствовали внутренней національной потребности ихъ, потребности неопредѣленной, инстинктивной, если хотите, но тѣмъ самымъ заявляющей необыкновенную жизненность и много обѣщающей въ будущемъ. Славяне до сихъ поръ во всѣхъ фазахъ своей исторіи обнаруживали странное полувниманіе—даже удивительную симпатію. Такъ, Россія перешла изъ язычества въ христіанство безъ потрясеній, безъ возмущеній, единственно изъ покорности великому князю Владиміру, изъ подражанія Кіеву. Старыхъ идоловъ безъ сожалѣнія бросили въ Волховъ и покорились новому Богу.

Восемьсотъ лѣтъ спустя, часть Россіи точно также покорилась выписной изъ-за границы цивилизаціи.

Славянскій міръ похожъ на женщину, никогда не любившую и поэтому самому, повидимому, не принимающую никакого участія во всемъ происходящемъ вокругъ нея. Она вездѣ ненужна, всѣмъ чужая. Но за будущее отвѣчать нельзя: она еще молода, и уже странное томленіе овладѣло ея сердцемъ и заставляетъ его биться скорѣе.

Что касается до богатства народнаго духа, то намъ достаточно указать на поляковъ, единственный славянскій народъ, который бывалъ разомъ и силенъ, и свободенъ.

Славянскій міръ въ сущности не такъ разнороденъ, какъ кажется. Подъ внѣшнимъ слоемъ рыцарской, либеральной и католической Польши, императорской Россіи, подъ демократическимъ правленіемъ сербскаго воеводы, подъ бюрократическимъ ярмомъ, которымъ Австрія подавляетъ Иллирію, Далмацію и Банатъ, подъ патріархальною властію Османлисовъ и подъ благословеніемъ черногорскаго владыки, живетъ народъ физіологически и этнографически тождественный.

Большая часть этихъ славянскихъ племенъ почти никогда не подвергалась порабощенію вслѣдствіе завоеванія. Зависимость, въ которой такъ часто находились они, большею частію выражалась

только въ признаніи чужого владычества и во взносѣ дани. Таковъ, напримѣръ, былъ характеръ монгольскаго владычества въ Россіи. Такимъ образомъ, славяне сквозь длинный рядъ столѣтій сохранили свою національность, свои нравы, свой языкъ.

По всему вышесказанному, не имѣемъ ли мы право считать Россію зерномъ кристаллизаціи, тѣмъ центромъ, къ которому тяготѣетъ стремящійся къ единству славянскій міръ, и это тѣмъ болѣе, что Россія покуда единственная часть великаго племени, сложившаяся въ сильное и независимое государство?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы совершенно ясенъ, если бы петербургское правительство сколько-нибудь догадывалось бы о своемъ національномъ призваніи.

Здѣсь логика необходимо приводитъ насъ къ вопросу первостепенной важности.

Предположивъ, что славянскій міръ можетъ надѣяться въ будущемъ на болѣе полное развитіе, нельзя не спросить, который изъ элементовъ, выразившихся въ его зародышномъ состояніи, даетъ ему право на такую надежду? Если славяне считаютъ, что ихъ время пришло, то этотъ элементъ долженъ соотвѣтствовать революціонной идеѣ въ Европѣ.

Вы указали на этотъ элементъ, вы коснулись его, но онъ ускользнулъ отъ васъ, потому что состраданіе къ Польшѣ отвлекло ваше вниманіе.

Вы говорите, что «основаніе жизни русскаго народа есть *коммунизмъ*», вы утверждаете, что «его сила лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣлежѣ земли».

Какое страшное *мане-векелъ* вылетѣло изъ вашихъ устъ!... Коммунизмъ въ основаніи! Сила, основанная на раздѣлѣ земель! И вы не испугались вашихъ собственныхъ словъ?

Не слѣдовало ли тутъ остановиться, подумать, углубиться въ вопросъ, оставить его не прежде, чѣмъ убѣдившись, мечта это или истина?

Развѣ въ XIX столѣтіи есть какой-нибудь серьезный интересъ, лежащій внѣ вопроса о коммунизмѣ, внѣ вопроса о раздѣлѣ земель?

Увлеченный вашимъ негодованіемъ, вы продолжаете: «У нихъ (у русскихъ) недостаетъ существеннаго признака человѣчности, нравственнаго чутья, чувства добра и зла. Истина и правда не имѣютъ для нихъ смысла: заговорите о нихъ, они молчатъ, улыбаются и не знаютъ, что значатъ эти слова». Кто же тѣ русскіе, съ которыми вы говорили? Какія понятія о правдѣ и истинѣ оказались для нихъ недоступными? Этотъ вопросъ не лишній. Въ наше глубоко-революціонное время слова *правда* и *истина* утратили свое абсолютное, тождественное для всѣхъ значеніе.

Истина и *правда* старой Европы, въ глазахъ Европы рождающейся—*неправда* и *ложь*.

Народы произведенія природы: исторія—прогрессивное продолженіе животнаго развитія. Прилагая нашъ нравственный масштабъ къ природѣ, мы далеко не уйдемъ. Ей дѣла нѣтъ ни до нашей хулы, ни до нашего одобренія. Для нея не существуютъ приговоры и монтіоновскія преміи. Она не подпадаетъ подъ этическія категоріи, созданныя нашимъ личнымъ произволомъ. Мнѣ кажется, что народъ нельзя назвать ни дурнымъ, ни хорошимъ. Въ народѣ всегда выражается истина. Жизнь народа не можетъ быть ложью. Природа производитъ лишь то, что осуществимо при данныхъ условіяхъ: она увлекаетъ впередъ все существующее своимъ творческимъ броженіемъ, своею неутомимой жаждой осуществленія, этою жаждой, общей всему живущему.

Есть народы, жившіе жизнью до-исторической; другіе живущіе жизнью внѣ-исторической; но разъ вступивши въ широкій потокъ единой и нераздѣльной исторіи, они принадлежатъ *человѣчеству*, и, съ другой стороны, имъ принадлежитъ все прошлое человѣчества. Въ исторіи, т. е. въ дѣятельной и прогрессивной части человѣчества, мало-по-малу сглаживается аристократія лицеваго угла, цвѣта кожи и другихъ различій. То, что не очеловѣчилось, не можетъ вступить въ исторію: поэтому нѣтъ народа, взошедшаго въ исторію, котораго можно было бы считать стадомъ животныхъ, какъ нѣтъ народа, заслуживающаго именоваться сонмомъ избранныхъ.

Нѣтъ человѣка довольно смѣлаго или довольно неблагодарнаго, чтобы отвергать огромное значеніе Франціи въ судьбахъ европейскаго міра; но позвольте мнѣ откровенно признаться, что я не могу согласиться съ вашимъ мнѣніемъ, по которому участіе Франціи—условіе sine qua non дальнѣйшаго хода исторіи.

Природа никогда не кладетъ весь свой капиталъ на одну карту. Римъ, вѣчный городъ, имѣвшій не меньше правъ на всемірную гегемонію, пошатнулся, разрушился, исчезъ, и безжалостное человѣчество шагнуло впередъ черезъ его могилу.

Съ другой стороны, трудно было бы, не считая природу за осуществленное безуміе, видѣть лишь отверженное племя, лишь громадную ложь, лишь случайный сборъ существъ человѣческихъ только по порокамъ—въ народѣ, разроставшемся въ теченіе десяти столѣтій, упорно хранившемъ свою національность, сплотившемся въ огромное государство, вмѣшивающемся въ исторію гораздо болѣе, можетъ быть, чѣмъ бы слѣдовало.

И все это тѣмъ труднѣе принять, что занимающій насъ народъ, даже по словамъ его враговъ, нисколько не находится въ застоѣ. Это вовсе не племя, дошедшее до общественныхъ формъ, прибли-

зительно соотвѣтствующихъ его желаніямъ и уснувшее въ нихъ, какъ китайцы, —еще менѣе народъ, переживиій себя и угасающій въ старческой немощи, какъ индусы. Напротивъ того, Россія — государство совершенно новое, неоконченное зданіе, гдѣ все еще пахнетъ свѣжей известью, гдѣ все работаетъ и вырабатывается, гдѣ ничто еще не достигло цѣли, гдѣ все измѣняется, часто къ худшему, но все-таки измѣняется. Однимъ словомъ, это народъ, по вашему мнѣнію, имѣющій основнымъ началомъ коммунизмъ, сильный раздѣломъ земель...

Въ чемъ, наконецъ, упрекаете вы русскій народъ? Въ чемъ состоитъ сущность вашего обвиненія?

«Русскій, говорите вы, лжетъ и крадетъ; постоянно крадетъ, постоянно лжетъ,— и это совершенно невинно, это въ его природѣ».

Я не останавливаюсь на чрезмѣрномъ обобщеніи вашего приговора, но обращаюсь къ вамъ съ простымъ вопросомъ: кого обманываетъ, кого обкрадываетъ русскій человѣкъ? Кого, какъ не помѣщика, не чиновника, не управляющаго, не полицейскаго, однимъ словомъ, заклятыхъ враговъ крестьянина, которыхъ онъ считаетъ за басурмановъ, за отступниковъ, за полу-нѣмцевъ? Лишенный всякой возможности защиты, онъ хитритъ съ своими мучителями, онъ ихъ обманываетъ, и въ этомъ совершенно правъ. Хитрость, м. г., по словамъ великаго мыслителя [*]), иронія грубой власти.

Русскій крестьянинъ, при своемъ отвращеніи отъ личной поземельной собственности, такъ вѣрно подмѣченномъ вами, при своей беззаботной и лѣнивой природѣ, мало-по-малу и незамѣтно запутался въ сѣти нѣмецкой бюрократіи и помѣщичьей власти. Онъ подвергся этому унижающему злу, съ страдательною покорностію, но онъ не повѣрилъ ни правамъ помѣщика, ни правдѣ судовъ, ни законности исполнительной власти. Онъ покоряется притѣсненію, онъ терпитъ, но не причастенъ ничему, что происходитъ внѣ сельской общины.

Имя царя возбуждаетъ въ народѣ сочувствіе; не передъ царемъ Николаемъ благоговѣетъ народъ, но передъ отвлеченной идеею, въ народномъ воображеніи царь представляется грознымъ мстителемъ, осуществленіемъ правды, земнымъ провидѣніемъ.

Послѣ царя, одно духовенство могло бы имѣть вліяніе на православную Россію. Оно одно представляетъ въ правительственныхъ сферахъ старую Русь; духовенство не брѣетъ бороды, и тѣмъ самымъ осталось на сторонѣ народа. Народъ съ довѣріемъ слушаетъ монаховъ. И здѣсь народъ уважаетъ идею, но не личности.

Кромѣ царя и духовенства, всѣ элементы правительства и

[*]) Гегель, въ посмертныхъ сочиненіяхъ.

общества совершенно чужды, существенно враждебны народу. Крестьянинъ находится, въ буквальномъ смыслѣ слова, внѣ закона. Судъ ему не заступникъ, и все его участіе въ существующемъ порядкѣ дѣлъ ограничивается двойнымъ налогомъ, тяготѣющимъ на немъ, и который онъ вноситъ трудомъ и кровью. Отверженный всѣми, онъ понялъ инстинктивно, что все управленіе устроено не въ его пользу, а ему въ ущербъ, и что задача правительства и помѣщиковъ состоитъ въ томъ, какъ бы вымучить изъ него побольше труда, побольше рекрутъ, побольше денегъ. Понявши это, и одаренный смѣтливымъ и гибкимъ умомъ, онъ обманываетъ ихъ вездѣ и во всемъ.

Надобно видѣть русскаго крестьянина передъ судомъ, чтобы вполнѣ понять его положеніе. Съ перваго взгляда замѣтно, что жертва не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія къ этимъ враждебнымъ, безжалостнымъ, ненасытнымъ грабителямъ, которые допрашиваютъ, терзаютъ и обираютъ его. Онъ знаетъ, что если у него есть деньги, то онъ будетъ правъ, если нѣтъ—виноватъ.

Русскій народъ говоритъ своимъ старымъ языкомъ; судьи и подьячіе пишутъ новымъ бюрократическимъ языкомъ, уродливымъ и едва понятнымъ,— они наполняютъ цѣлые in-folio грамматическими несообразностями и скороговоркой отчитываютъ крестьянину эту чепуху. Понимай, какъ знаешь, и выпутывайся, какъ умѣешь. Крестьянинъ видитъ, къ чему это клонится и держитъ себя осторожно. Онъ не скажетъ лишняго слова, онъ скрываетъ свою тревогу и стоитъ молча, прикидываясь дуракомъ.

Крестьянинъ, оправданный судомъ, плетется домой такой же печальный, какъ послѣ приговора. Въ обоихъ случаяхъ, рѣшеніе кажется ему дѣломъ произвола или случайности.

Такимъ образомъ, когда его призываютъ въ свидѣтели, онъ упорно отзывается невѣдѣніемъ, даже противъ самой неопровержимой очевидности. Приговоръ суда не мараетъ человѣка въ глазахъ русскаго народа. Ссыльные, каторжные слывутъ у него *несчастными*.

Жизнь русскаго народа до сихъ поръ ограничивалась общиною; только въ отношеніи къ общинѣ и ея членамъ признаетъ онъ за собою права и обязанности. Внѣ общины все ему кажется основаннымъ на насиліи. Роковая сторона его характера состоитъ въ томъ, что онъ покоряется этому насилію, а не въ томъ, что онъ отрицаетъ его по своему и старается оградить себя хитростію. Ложь передъ судьею, поставленнымъ властію, гораздо откровеннѣе, чѣмъ лицемѣрное уваженіе къ присяжнымъ, подтасованнымъ купленнымъ префектомъ. Народъ уважаетъ только тѣ установленія, въ которыхъ отразились присущія ему понятія о законѣ и правѣ.

Есть фактъ, несомнѣнный для всякаго, кто близко познако-

мится съ русскимъ народомъ. Крестьяне рѣдко обманываютъ другъ друга: между ними господствуетъ почти неограниченное довѣріе, они не знаютъ контрактовъ и письменныхъ условій.

Вопросы о размежеваніи полосъ по необходимости бываютъ очень сложны при безпрестанныхъ раздѣлахъ земель по числу тяголъ: между тѣмъ дѣло обходится безъ жалобъ и процессовъ. Помѣщики и правительство жадно ищутъ случая для вмѣшательства; но этотъ случай не представляется. Мелкія несогласія повергаются на судъ старикамъ или міру, и ихъ рѣшеніе безпрекословно принимается всѣми. Точно также въ артеляхъ. Артели составляются часто изъ нѣсколько сотенъ работниковъ, соединяющихся на опредѣленное время, напримѣръ на годъ. По прошествіи года, работники дѣлятъ между собою заработки по трудамъ каждаго и по общему соглашенію. Полиція никогда не имѣетъ удовольствія вмѣшиваться въ ихъ счеты. Почти всегда артель отвѣчаетъ за каждаго изъ артельщиковъ.

Еще тѣснѣе становится связь между крестьянами одной общины, когда они не православные, а раскольники. Отъ времени до времени правительство устраиваетъ набѣгъ на какую-нибудь раскольничью деревню. Крестьянъ сажаютъ въ тюрьму, ссылаютъ, все это безъ всякаго плана, безъ послѣдовательности, безъ всякаго повода и нужды. При этихъ-то охотахъ по раскольникамъ обнаруживается вновь характеръ русскихъ крестьянъ, солидарность, связывающая ихъ между собою. Тогда-то надобно видѣть, какъ они успѣваютъ обманывать полицію, спасать своихъ братьевъ, скрывать священныя книги и сосуды, какъ они претерпѣваютъ, не проговариваясь, самыя ужасныя муки. Пусть укажутъ мнѣ хоть одинъ случай, въ которомъ бы раскольничья община была выдана крестьяниномъ, хотя бы и православнымъ.

Это свойство русскаго характера дѣлаетъ полицейскія слѣдствія чрезвычайно затруднительными. У русскаго крестьянина нѣтъ нравственности кромѣ вытекающей инстинктивно, естественно изъ его коммунизма: эта нравственность глубоко-народная: немногое, что извѣстно ему изъ Евангелія, поддерживаетъ ее; явная несправедливость помѣщиковъ привязываетъ его еще болѣе къ его правамъ и къ общинному устройству [1])

Община спасла русскій народъ отъ монгольскаго варварства, отъ выкрашенныхъ по европейски помѣщиковъ и отъ нѣмецкой

[1]) Крестьянская община, принадлежавшая кн. Козловскому, откупилась на волю. Землю раздѣлили между крестьянами сообразно суммамъ, внесеннымъ каждымъ изъ нихъ въ складчину для выкупа. Это распоряженіе, повидимому, было самое естественное и справедливое. Однакожъ крестьяне нашли его столь неудобнымъ и несогласнымъ съ ихъ обычаями, что они рѣшились распредѣлить между собою всю сумму выкупа, какъ бы долгъ, ле-

бюрократіи. Общинная организація, хоть и сильно потрясенная, устояла противъ вмѣшательствъ власти: она благополучно дожила *до развитія соціализма въ Европѣ.*

Это обстоятельство безконечно важно для Россіи.

Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ: она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется и мѣшаетъ; онъ хочетъ освобожденія и препятствуетъ ему.

Онъ понялъ, что освобожденіе крестьянъ сопряжено съ освобожденіемъ земли: что освобожденіе земли, въ свою очередь, начало соціальной революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно, отодвинуть его рѣшеніе до слѣдующаго царствованія конечно легче, но въ сущности это только нѣсколько часовъ, потерянныхъ на скверной почтовой станціи безъ лошадей...

Изъ всего этого вы видите, какое счастіе для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общинной: какое это счастіе для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европей-

жащій на общинѣ, и раздѣлить земли по принятому обыкновенію. Этотъ фактъ приводится г. *Гакстгаузеномъ.* Авторъ самъ посѣщалъ упомянутую деревню.

Г. *Тенгоборскій* говоритъ въ книгѣ, недавно вышедшей въ Парижѣ и посвященной императору Николаю, что эта система раздѣла земель кажется ему неблагопріятною для земледѣлія (какъ будто ея цѣль успѣхи земледѣлія!), но, впрочемъ, прибавляетъ: Трудно устранить эти неудобства потому, что эта система дѣленій связана съ устройствомъ нашихъ общинъ, до *которого коснуться было бы опасно:* оно построено на ея основной мысли объ единствѣ общины и о правѣ каждаго члена на часть общиннаго владѣнія, соразмѣрную его силамъ, поэтому оно поддерживаетъ общинный духъ, этотъ надежный оплотъ общественнаго порядка. Оно въ то же время самая лучшая защита противъ распространенія пролетаріата и коммунистическихъ идей . (Понятно, что для народа, обладающаго на дѣлѣ владѣніемъ сообща коммунистическія идеи не представляютъ никакой опасности). «Въ высшей степени замѣчателенъ здравый смыслъ, съ которымъ крестьяне устраиваютъ, гдѣ это нужно, неудобства своей системы; легкость, съ которою они соглашаются между собою въ вознагражденіи неровностей, лежащихъ въ достоинствахъ почвы, и довѣріе, съ которымъ каждый покоряется опредѣленіямъ старшинъ общины. — Можно было бы подумать, что безпрестанные дѣлежи подаютъ поводы къ безпрестаннымъ спорамъ, а между тѣмъ вмѣшательство властей становится нужнымъ лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Этотъ фактъ, *весьма странный самъ по себѣ*, объясняется только тѣмъ, что эта система при всѣхъ своихъ неудобствахъ такъ срослась съ правами и понятіями народа, что эти неудобства переносятся безропотно».

«Насколько, говоритъ тотъ же авторъ, идея общины природна русскому народу и осуществляется во всѣхъ проявленіяхъ его жизни, настолько противенъ его правамъ, корпораціонный муниципальный духъ, воплотившійся въ западномъ мѣщанствѣ». (*Тенгоборскій*, О производительныхъ силахъ Россіи, т. I.).

ской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла въ соціализмѣ до самоотрицанія.

Европа, я это сказалъ въ другомъ мѣстѣ, не разрѣшила антиноміи между личностью и государствомъ, но она поставила себѣ задачею это разрѣшеніе. Россія также не нашла этого рѣшенія. Передъ этимъ вопросомъ начинается наше равенство.

Европа, на первомъ шагу къ соціальной революціи, встрѣчается съ этимъ народомъ, которой представляетъ ему осуществленіе полудикое, неустроенное, -но все-таки осуществленіе постояннаго дѣлежа земель между земледѣльцами. И замѣтьте, что этотъ великій примѣръ даетъ намъ не образованная Россія, но самъ народъ, его жизненный процессъ. Мы, русскіе, прошедшіе черезъ западную цивилизацію, мы не больше, какъ средство, какъ закваска, какъ посредники между русскимъ народомъ и революціонной Европой. Человѣкъ будущаго въ Россіи—*мужикъ*, точно также какъ во Франціи работникъ.

Но если такъ, не имѣетъ ли русскій народъ нѣкоторое право на снисхожденіе съ вашей стороны, м. г?

Бѣдный крестьянинъ! На него обрушиваются всевозможныя несправедливости. Помѣщикъ крадетъ у него трудъ, чиновникъ послѣдній рубль. Крестьянинъ молчитъ, терпитъ, но не отчаивается, у него остается община. Вырвутъ ли изъ нея членъ, община сдвигается еще тѣснѣе: кажется эта участь достойна сожалѣнія: а между тѣмъ она никого не трогаетъ. Вмѣсто того, чтобы заступаться за крестьянина, его обвиняютъ.

Вы не оставляете ему даже послѣдняго убѣжища, гдѣ онъ еще чувствуетъ себя человѣкомъ, гдѣ онъ любитъ и не боится: вы говорите: «его община не община, его семейство не семейство, его жена не жена; прежде чѣмъ ему, она принадлежитъ помѣщику: его дѣти не его дѣти: кто знаетъ, кто ихъ отецъ»?

Такъ вы подвергаете этотъ несчастный народъ не научному разбору, но презрѣнію другихъ народовъ, которые съ довѣріемъ внимаютъ вашимъ легендамъ.

Я считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ по этому поводу.

Семейный бытъ у всѣхъ славянъ чрезвычайно сильно развитъ: это, можетъ быть, единственный консервативный элементъ ихъ характера, предѣлъ ихъ отрицанья.

Сельская семья неохотно дробится; нерѣдко три, четыре поколѣнія проживаютъ подъ однимъ кровомъ, вокругъ патріархально властвующаго дѣда. Женщина, обыкновенно угнетенная, какъ это бываетъ вездѣ въ земледѣльческомъ сословіи, пользуется уваженіемъ и почетомъ, когда она вдова старшаго въ родѣ.

Нерѣдко вся семья управляется сѣдою бабушкой... Можно ли же сказать, что семья въ Россіи не существуетъ?

Перейдемъ къ отношеніямъ помѣщика къ крѣпостному семейству.

Но для большей ясности, отличимъ норму отъ злоупотребленій, права отъ преступленій.

Jus primæ noctis никогда не существовало въ Россіи.

Помѣщикъ не можетъ законно требовать нарушенія супружеской вѣрности. Если-бъ законъ исполнялся въ Россіи, изнасилованіе крѣпостной женщины наказывалось бы точно такъ же, какъ если бы она была вольная, т. е. каторжною работою или ссылкою въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ. Таковъ законъ, обратимся къ фактамъ.

Я не думаю отвергать, что при власти, данной правительствомъ помѣщикамъ, имъ очень легко насиловать дочерей и женъ своихъ крѣпостныхъ. Притѣсненіями и наказаніями помѣщикъ всегда добьется того, что найдутся отцы и мужья, которые будутъ предоставлять ему дочерей и женъ, точно такъ же, какъ тотъ достойный французскій дворянинъ въ «Запискахъ Пёшо», который въ XVIII столѣтіи просилъ, какъ объ особенной милости, о помѣщеніи своей дочери въ Parc-aux-cerfs.

Неудивительно также, что честные отцы и мужья не находятъ суда на помѣщика, благодаря прекрасному судебному устройству въ Россіи; они большею частію находятся въ положеніи того господина Тьерселенъ, у котораго Берье укралъ, по порученію Людовика XV, одиннадцатилѣтнюю дочь. Всѣ эти грязныя гадости возможны; стоитъ только вспомнить грубые и развращенные нравы части русскаго дворянства, чтобы въ этомъ убѣдиться. Но что касается до крестьянъ, то они далеко неравнодушно переносятъ развратъ своихъ господъ.

Позвольте мнѣ привести этому доказательство.

Половина изъ помѣщиковъ, убиваемыхъ своими крѣпостными (по статистическимъ даннымъ ихъ число простирается отъ шестидесяти до семидесяти въ годъ), погибаетъ вслѣдствіе своихъ эротическихъ подвиговъ. Процессы по такимъ поводамъ рѣдки: крестьянинъ знаетъ, что суды не уважатъ его жалобъ; но у него есть топоръ; онъ имъ владѣетъ мастерски и знаетъ это тоже.

Ограничиваюсь этими намеками о крестьянахъ и прошу васъ выслушать еще нѣсколько словъ о Россіи образованной.

Вы смотрите такъ же неснисходительно на умственное движеніе Россіи, какъ и на народный характеръ; однимъ почеркомъ пера вы вычеркиваете всѣ труды, совершенные до сихъ поръ нашими руками!

Одно изъ лицъ Шекспира, не зная, чѣмъ унизить презрѣннаго противника, говоритъ ему: «я сомнѣваюсь даже въ твоемъ существованіи!» Вы пошли далѣе: для васъ несомнѣнно, что русская литература не существуетъ.

Привожу ваши собственныя слова:

«Мы не станемъ придавать важности опытамъ тѣхъ немногихъ умныхъ людей, которые вздумали упражняться въ русскомъ языкѣ и обманывать Европу блѣднымъ призракомъ будто-бы русской литературы. Если-бъ не мое глубокое уваженіе къ Мицкевичу и къ его заблужденіямъ святого, я бы право обвинилъ его за снисхожденіе, (можно даже сказать) за милость, съ которою онъ говоритъ объ этой шуткѣ».

Я напрасно доискиваюсь м. г., причинъ этого презрѣнія.

Отчего не захотѣли вы прислушаться къ потрясающимъ звукамъ нашей грустной поэзіи, къ нашимъ напѣвамъ, въ которыхъ слышатся рыданія? Что скрыло отъ вашего взора нашъ судорожный смѣхъ, эту безпрестанную иронію, подъ которой скрывается глубоко измученное сердце, которая въ сущности лишь роковое признаніе нашего безсилія?

О, какъ я хотѣлъ бы достойнымъ образомъ перевести вамъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Лермонтова, нѣсколько пѣсень Кольцова! Вы бы тогда намъ тотчасъ протянули дружескую руку, вы бы первый попросили насъ забыть сказанное вами!

Послѣ крестьянскаго коммунизма ничего такъ глубоко не характеризуетъ Россію, ничто не предвѣщаетъ ей столь великой будущности, какъ ея литературное движеніе.

Послѣдствія человѣческой рѣчи въ Россіи по необходимости придаютъ ей особенную силу. Съ любовью и благоговѣніемъ прислушиваются къ вольному слову, потому что у насъ его произносятъ только тѣ, у которыхъ есть что сказать. Не вдругъ рѣшаешься передавать свои мысли печати, когда въ концѣ каждой страницы мерещится жандармъ, тройка, кибитка, и въ перспективѣ Тобольскъ или Иркутскъ.

Въ послѣдней моей брошюркѣ [1] я достаточно говорилъ объ русской литературѣ; ограничусь здѣсь нѣкоторыми общими замѣчаніями.

Грусть, скептицизмъ, иронія, вотъ три главныя струны русской лиры.

Когда Пушкинъ начинаетъ одно изъ своихъ лучшихъ твореній этими страшными словами:

> Всѣ говорятъ — нѣтъ правды на землѣ...
> Но правды нѣтъ — и выше!
> Мнѣ это ясно, какъ простая гамма...

не сжимается ли у васъ сердце, не угадываете ли вы, сквозь это видимое спокойствіе, разбитое существованіе человѣка, уже привыкшаго къ страданію.

[1] Du Développement des Idées révolutionnaires en Russie.

Лермонтовъ, въ своемъ глубокомъ отвращеніи къ окружавшему его обществу, обращается на тридцатомъ году къ своимъ современникамъ, съ своимъ страшнымъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье,
Его градущее иль пусто, иль темно.

Я знаю только одного современнаго поэта, съ такою же мощью затрогивающаго мрачныя струны души человѣческой. Это также поэтъ, родившійся въ рабствѣ и умершій прежде возрожденія отечества. Это пѣвецъ смерти, Леопарди, которому міръ казался громаднымъ союзомъ преступниковъ, безжалостно преслѣдующихъ горсть праведныхъ безумцевъ.

Россія имѣетъ только одного живописца, пріобрѣтшаго общую извѣстность, Брюлова. Что же изображаетъ его лучшее произведеніе, доставившее ему славу въ Италіи?

Взгляните на это странное произведеніе.

На огромномъ полотнѣ тѣснятся въ безпорядкѣ испуганныя группы; онѣ напрасно ищутъ спасенія. Онѣ погибнутъ отъ землетрясенія, вулканическаго изверженія, среди цѣлой бури катаклизмовъ. Ихъ уничтожаетъ дикая, безсмысленная, безпощадная сила, противъ которой всякое сопротивленіе невозможно.

Русскій романъ обращается исключительно въ области патологической анатоміи; въ немъ постоянное указаніе на грызущее насъ зло, постоянное, безжалостное, самобытное. Здѣсь не услышите голоса съ неба, возвѣщающаго Фаусту прощеніе юной грѣшницѣ,—здѣсь возвышаютъ голосъ только сомнѣніе и проклятіе. А между тѣмъ, если для Россіи есть спасеніе, она будетъ спасена именно этимъ глубокимъ сознаніемъ нашего положенія, правдивостью, съ которою она обнаруживаетъ это положеніе передъ всѣми.

Тотъ, кто смѣло признается въ своихъ недостаткахъ, чувствуетъ, что въ немъ есть нѣчто сохранившееся среди отступленій и паденій; онъ знаетъ, что можетъ искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сдѣлаться изъ «Сарданапала-гуляки— Сарданапаломъ героемъ».

Русскій народъ не читаетъ. Вы знаете, что также Вольтера и Данте читали не поселяне, а дворяне и часть средняго сословія. Въ Россіи образованная часть средняго сословія примыкаетъ къ дворянству, которое состоитъ изъ всего того, что перестало быть народомъ. Существуетъ даже дворянскій пролетаріатъ, сливающійся съ народомъ и пролетаріатъ вольноотпущенный, подымающійся къ дворянству. Эта флуктуація, это безпрестанное обновленіе придаетъ русскому дворянству характеръ, котораго вы не найдете въ привилегированныхъ классахъ отсталой Европы. Однимъ словомъ, вся исторія Россіи, со временъ Петра I, есть только исторія дво-

рянства и вліяній просвѣщенія на него. Прибавлю, что русское дворянство числомъ равняется избирателямъ во Франціи, по закону 31 мая.

Въ продолженіе XVIII вѣка ново-русская литература вырабатывала тотъ звучный, богатый языкъ, которымъ мы обладаемъ теперь; языкъ гибкій и могучій, способный выражать и самыя отвлеченныя идеи германской метафизики и легкую, сверкающую игру французскаго остроумія. Эта литература, возникшая по геніальному мановенію Петра I, имѣла, это правда, характеръ правительственный, но тогда знамя правительства былъ прогрессъ, почти революція.

До 1789 года императорскій тронъ драпировался въ величественныя складки просвѣщенія и философіи. Екатерина II заслуживала, чтобы ее обманывали картонными деревнями и дворцами изъ раскрашенныхъ досокъ... Никто, какъ она, не умѣлъ ослѣплять зрителей величественной обстановкой. Въ Эрмитажѣ только и слышно было, что о Вольтерѣ, о Монтескьё, о Беккаріи. Вамъ извѣстенъ, м. г., оборотъ медали.

Однакожъ среди тріумфальнаго хора придворныхъ пѣснопѣній, уже звучала одна странная, неожидаемая нота. Это былъ звукъ той скептической, грозно насмѣшливой струны, передъ которымъ должны были скоро умолкнуть всѣ прочіе, искусственные напѣвы.

Настоящій характеръ русской мысли, поэтической и спекулятивной, развивается въ полной силѣ по восшествіи на престолъ Николая. Отличительная черта этого направленія — трагическое освобожденіе совѣсти, безжалостное отрицаніе, горькая иронія, мучительное углубленіе въ самого себя. Иногда все это разражается безумнымъ смѣхомъ, но въ этомъ смѣхѣ нѣтъ ничего веселаго.

Брошенный въ гнетущую среду, вооруженный яснымъ взглядомъ и неподкупной логикой, русскій быстро освобождается отъ вѣры и отъ нравовъ своихъ отцовъ.

Мыслящій русскій самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ. Что можетъ его остановить? Уваженіе къ прошлому?... Но что служитъ исходной точкой новой исторіи Россіи, если не отрицаніе народности и преданія?

Съ другой стороны, прошлое западныхъ народовъ служитъ намъ наученіемъ, и только: мы нисколько не считаемъ себя душеприказчиками ихъ историческихъ завѣщаній.

Мы раздѣляемъ ваши сомнѣнія, но ваша вѣра не согрѣваетъ насъ. Мы раздѣляемъ вашу ненависть, но не понимаемъ вашей привязанности къ завѣщанному предками; мы слишкомъ угнетены, слишкомъ несчастны, чтобы довольствоваться полу-свободой. Васъ связываютъ скрупулы, васъ удерживаютъ заднія мысли. У насъ нѣтъ ни заднихъ мыслей, ни скрупуловъ: у насъ только недостаетъ силы...

Вотъ откуда въ насъ эта иронія, эта тоска, которая насъ точитъ, доводитъ насъ до бѣшенства, толкаетъ насъ впередъ. Мы жертвуемъ собою безъ всякой надежды, отъ желчи, отъ скуки... Въ нашей жизни въ самомъ дѣлѣ есть что-то безумное, но нѣтъ ничего пошлаго, ничего коснаго, ничего мѣщанскаго.

Не обвиняйте насъ въ безнравственности, потому что мы не уважаемъ того, что вы уважаете. Можно ли упрекать найденыша за то, что онъ не уважаетъ своихъ родителей? Мы независимы, потому что начинаемъ жизнь сызнова. У насъ нѣтъ ничего, кромѣ нашего организма, нашей народности; это наша сущность, наша плоть и кровь, но отнюдь не связывающій авторитетъ. Мы независимы, потому что ничего не имѣемъ. Намъ почти нечего любить. Всѣ наши воспоминанія исполнены горечи.

Какое же намъ дѣло до вашихъ завѣтныхъ обязанностей, намъ, младшимъ братьямъ, лишеннымъ наслѣдства? И можемъ ли мы по совѣсти довольствоваться вашею изношенной нравственностію, нехристіанскою и нечеловѣческою, существующею только въ риторическихъ упражненіяхъ и въ прокурорскихъ докладахъ? Какое уваженіе можетъ внушать намъ ваша римско-варварская законность, это глухое, неуклюжее зданіе безъ свѣта и воздуха, подновленное въ среднія вѣка, подбѣленное вольноотпущеннымъ мѣщанствомъ? Согласенъ, что дневной разбой въ русскихъ судахъ еще хуже, но изъ этого не слѣдуетъ, что у васъ есть справедливость въ законахъ и судахъ.

Различіе между вашими законами и нашими указами заключается только въ заглавной формулѣ. На насъ лежитъ слишкомъ много цѣпей, чтобы мы добровольно надѣли на себя еще новыя. Мы не принимаемъ ничего отъ нашихъ враговъ.

Россія никогда не будетъ протестантскою.

Россія никогда не будетъ juste-milieu.

Россія никогда не сдѣлаетъ революціи съ цѣлію отдѣлаться отъ царя и замѣнить его царями-представителями, царями-судьями, царями полицейскими.

Мы, можетъ быть, требуемъ слишкомъ много, и ничего не достигнемъ. Можетъ быть, такъ, но мы все-таки не отчаиваемся.

Не слѣдуетъ слѣпо вѣрить въ будущее: каждый зародышъ имѣетъ право на развитіе, но не каждый развивается. Будущее Россіи зависитъ не отъ нея одной. Оно связано съ будущимъ Европы. Кто можетъ предсказать судьбу славянскаго міра въ случаѣ, если реакція и абсолютизмъ окончательно побѣдятъ революцію въ Европѣ?

Быть можетъ, онъ погибнетъ?

Но въ такомъ случаѣ погибнетъ и Европа...

И исторія перенесется въ Америку...

Написавши предыдущее, я получилъ последніе два фельетона вашей легенды. Прочитавши ихъ, первымъ моимъ движеніемъ было бросить въ огонь написанное мною. Ваше теплое, благородное сердце не дождалось, чтобы кто-нибудь другой поднялъ голосъ въ пользу непризнаннаго русскаго народа. Ваша любящая душа взяла верхъ надъ принятою вами ролей *неумолимаго* судьи, мстителя за польскій народъ. Вы впали въ противорѣчіе, но такія противорѣчія благородны.

Перечитывая мое письмо, я однако подумалъ, что вы можете найти въ немъ новые взгляды на Россію и на славянскій міръ, и я рѣшился послать его вамъ. Я вполнѣ надѣюсь, что вы простите тѣ мѣста, гдѣ я увлекся своею скиѳскою горячностію. Кровь варваровъ не даромъ течетъ въ моихъ жилахъ. Мнѣ такъ хотѣлось измѣнить ваше мнѣніе о русскомъ народѣ; мнѣ было такъ грустно, такъ тяжело видѣть, что вы противъ насъ, что не могъ скрыть своей горести, своего волненія, и далъ волю перу. Но теперь я вижу, что вы въ насъ не отчаиваетесь, что подъ грубымъ армякомъ русскаго крестьянина вы узнали человѣка, я это вижу и, въ свою очередь, признаюсь вамъ, что вполнѣ понимаю то впечатлѣніе, которое должно производить одно имя Россіи на всякаго свободнаго человѣка. Мы часто сами проклинаемъ наше несчастное отечество. Вы это знаете, вы сами говорите, что все, что вы сказали о нравственномъ ничтожествѣ Россіи, слабо въ сравненіи съ тѣмъ, что говорятъ сами русскіе.

Но и для насъ проходитъ время надгробныхъ рѣчей по Россіи, и мы говоримъ съ вами: «въ этой мысли таится искра жизни». Вы угадали ее, эту искру, силою вашей любви; но мы, мы ее видимъ, мы ее чувствуемъ. Пусть разгарается она подъ золою! Холодное, мертвящее дуновеніе, которымъ вѣетъ отъ Европы, можетъ ее погасить.

Для насъ часъ дѣйствія еще не насталъ: Франція еще по справедливости гордится своимъ передовымъ положеніемъ. Ей до 1852 года принадлежитъ трудное право. Европа, безъ сомнѣнія, прежде насъ достигнетъ гроба или новой жизни. День дѣйствія, можетъ быть, еще далеко для насъ; день сознанія мысли, слова уже пришелъ. Довольно жили мы во снѣ и молчаніи; пора намъ разсказывать, что намъ снилось, до чего мы додумались.

И въ самомъ дѣлѣ, кто виноватъ въ томъ, что надобно было дожить до 1847 года, чтобы «нѣмецъ (Гакстгаузенъ) *открылъ*, какъ вы выражаетесь, народную Россію, столь же неизвѣстную до него, какъ Америка до Колумба?»

Виноваты, конечно, мы, мы бѣдные, нѣмые, съ нашимъ малодушіемъ, съ нашею боязливою рѣчью, съ нашимъ запуганнымъ воображеніемъ. Мы обижаемся, когда объ насъ говорятъ, какъ о

добровольныхъ рабахъ, какъ о мерзлыхъ неграхъ, а между тѣмъ мы не протестуемъ открыто.

Слѣдуетъ ли смиренно покориться этимъ нареканіямъ, или рѣшиться остановить ихъ, возвысивъ голосъ для свободной русской рѣчи? Лучше погибнуть подозрѣваемыми въ человѣческомъ достоинствѣ, чѣмъ жить съ позорнымъ знакомъ рабства на лбу, чѣмъ слушать, какъ насъ обвиняютъ въ добровольномъ порабощеніи.

Къ несчастію, въ Россіи свободная рѣчь удивляетъ, пугаетъ. Я попытался приподнять только край тяжелой завѣсы, скрывающей насъ отъ Европы, я указалъ только на теоретическія стремленія, на отдаленныя надежды, на органическіе элементы будущаго развитія; а между тѣмъ моя книга, о которой выразились такъ лестно, произвела въ Россіи неблагопріятное впечатлѣніе. Дружескіе голоса, уважаемые мною, порицаютъ ее. Въ ней видятъ обвиненіе на Россію. Обвиненіе!... въ чемъ же? Въ нашихъ страданіяхъ, въ нашихъ бѣдствіяхъ, въ нашемъ желаніи вырваться изъ этого ненавистнаго состоянія... Бѣдные, дорогіе друзья, простите мнѣ это преступленіе; я снова впадаю въ него

Нѣтъ, я не умолкну! Мое слово отомститъ за эти несчастныя существованія.

Мы обязаны говорить; безъ этого никто не узнаетъ, сколько прекраснаго и высокаго эти страдальцы навсегда замыкаютъ въ груди своей, и оно гибнетъ съ ними.

Едва мы открыли ротъ, едва пролепетали два-три слова о нашихъ желаніяхъ, о нашихъ надеждахъ, и уже хотятъ его зажать, хотятъ заглушить въ колыбели наше свободное слово! Это невозможно.

Для мысли настаетъ время зрѣлости, въ которое ее не могутъ болѣе сковать ни цензурныя мѣры, ни осторожность. Тутъ пропаганда дѣлается страстью; можно-ли довольствоваться шептаніемъ на ухо, когда сонъ такъ глубокъ, что его едва ли разсѣешь набатомъ?

Отъ возстанія стрѣльцовъ до заговора 14 декабря, въ Россіи не было серьезнаго политическаго движенія. Причина тому понятна: въ народѣ не было ясно опредѣлившихся стремленій къ независимости. Во многомъ онъ соглашался съ правительствомъ, во многомъ правительство опережало народъ. Одни крестьяне попытались возстать. Россія, отъ Урала до Пензы и Казани, на три мѣсяца подпала власти Пугачева. Императорское войско было отражено, разбито казаками, и генералъ Бибиковъ, посланный изъ Петербурга, чтобы принять команду войска, писалъ, если я не ошибаюсь, изъ Нижняго: «дѣла идутъ очень плохо: болѣе всего надобно бояться не вооруженныхъ полчищъ бунтовщиковъ, а духа народнаго, который опасенъ, очень опасенъ.»

Послѣ неслыханныхъ усилій, возстаніе, наконецъ, было подавлено. Народъ впалъ въ оцѣпенѣніе, умолкъ и покорился.....

Между тѣмъ, дворянство развивалось, образованіе начинало оплодотворять умы. Явились личности, которыя отважились на 14 декабря.

Ихъ пораженіе, терроръ нынѣшняго царствованія, подавили всякую мысль объ успѣхѣ, всякую преждевременную попытку. Возникли другіе вопросы.

Впродолженіе десяти лѣтъ, умственная дѣятельность не могла обнаружиться ни однимъ словомъ, и томительная тоска дошла до того, что «отдавали жизнь за счастіе быть свободнымъ одно мгновенье» и высказать вслухъ хоть часть своей мысли.

Иные отказалися отъ своихъ богатствъ съ тою вѣтреною беззаботностію, которая встрѣчается лишь у насъ, да у поляковъ, и и отправились на чужбину искать себѣ разсѣянія; другіе, неспособные переносить духоту петербургскаго воздуха, закопали себя въ деревняхъ. Молодежь вдалась, кто въ панславизмъ, кто въ нѣмецкую философію, кто въ исторію или въ политическую экономію; однимъ словомъ, никто изъ тѣхъ русскихъ, которые были призваны къ умственной дѣятельности, не могъ, не захотѣлъ покориться застою.

Очень распространенная въ Россіи сказка гласитъ, что царь, подозрѣвая жену въ невѣрности, заперъ ее съ сыномъ въ бочку, потомъ велѣлъ засмолить бочку и бросить въ море.

Много лѣтъ плавала бочка по морю.

Между тѣмъ царевичъ росъ не по днямъ, а по часамъ и уже сталъ упираться ногами и головой въ донья бочки. Съ каждымъ днемъ становилось ему тѣснѣе да тѣснѣе. Однажды сказалъ онъ матери:

— Государыня-матушка, позволь протянуться въ волюшку.

— Свѣтикъ мой царевичъ, отвѣчала мать, не протягивайся. Бочка лопнетъ, и ты утонешь въ соленой водѣ.

Царевичъ смолкъ и, подумавши, сказалъ:

— Протянусь матушка; лучше разъ протянуться въ волюшку, да умереть.

Въ этой сказкѣ, м. г., вся наша исторія.

Ницца, 22 сентября 1851 г.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

«Я не воронъ, а вороненокъ; настоящій воронъ еще летаетъ въ поднебесьи».

Пророчество Пугачева.

Въ концѣ прошедшаго года началъ я странный трудъ. Не знаю, слажу ли съ нимъ, думаю что да. Впрочемъ, трудъ этотъ можетъ на всемъ остановиться, какъ наша жизнь, вездѣ будетъ довольно и вездѣ можно его продолжать. Надгробный памятникъ и исповѣдь, *былое и думы*, біографія и умозрѣніе, событія и мысли, слышанное и видѣнное, наболѣвшее и выстраданное, воспоминанія и.... еще воспоминанія!

Изъ первой части этихъ rapping spirits, этого повторенія жизни, блѣдно воскрешаемой словомъ и памятью, хочу я передать нѣсколько отрывковъ.

Первый передъ вами.

Тонбриджъ (Кентъ), 22 іюля, 1853 года.

Предисловіе ко второму изданію.

Три года тому назадъ, дѣлая первые опыты русскихъ изданій въ Лондонѣ, я напечаталъ небольшой отрывокъ о крѣпостномъ состояніи подъ заглавіемъ «Крещеная собственность». Я не придаю никакой важности этой брошюрѣ, напротивъ, нахожу ее весьма недостаточной, но изданіе разошлось. Г. С. Тхоржевскій изъявилъ мнѣ свое желаніе сдѣлать новое, - я не счелъ нужнымъ не предоставить ему этого права.

Много событій совершилось въ Россіи въ эти три года, но *крѣпостное состояніе* осталось, какъ было, язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта, которое смиряетъ насъ и заставляетъ, краснѣя и съ поникнувшей головой, признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ.

Съ какимъ теплымъ упованіемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ждали мы, послѣ смерти Николая, тѣхъ возможныхъ, общечеловѣческихъ перемѣнъ, которыя можно было совершить безъ потрясающихъ переворотовъ, однимъ уразумѣніемъ своего смысла и своего призванія — со стороны правительства. Изъ дали нашего изгнанія мы смотрѣли съ надеждой и безъ малѣйшей желчи. Сначала мѣшала война..... Прошла война — ничего! Все отложено до коронаціи... Прошла и коронація — все ничего! И новое царство-

ваніе вступило въ свой ежедневный обиходъ. Всѣ реформы до сихъ поръ ограничиваются фразами, и далѣе риторики не идутъ.

А, вѣдь, какъ было легко сдѣлать чудеса.—вотъ что непростительно, вотъ чего мы не можемъ вынести. У насъ сердце обливается кровью и досада кипитъ въ груди, когда мы думаемъ,—чѣмъ могла бы быть Россія при выходѣ изъ царствованія Николая, разбужденная войной, призванная къ сознанію, безъ ошейника рабства на шеѣ; какъ быстро, какъ самобытно и мощно могла она двинуться впередъ.

Нѣтъ даже начала освобожденія крестьянъ—этой первой азбуки гражданскаго развитія. Зачѣмъ подымались ополченцы, зачѣмъ мужикъ несъ свой трудъ, свою копейку, свою кровь въ защиту престолу?..

Говорятъ, что теперешній царь—добръ. Можетъ быть, того гоненія, которое составляетъ характеръ прошлаго царствованія, нѣтъ, и мы первые душевно рады повторять это.

Но, вѣдь, этого мало, вѣдь, это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не дѣлать зла, имѣя такія средства дѣлать добро, которыхъ уже нѣтъ ни у одной монархической власти въ Европѣ. Да онъ не знаетъ, какъ приняться, что дѣлать.

А сказать некому. Вотъ оно результатъ насильственнаго молчанія.

Чтобы знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить какъ Гарунъ-аль-Рашидъ подъ окнами своихъ подданныхъ. Для этого стоитъ снять цѣпь цензуры, пятнающую слово, *прежде*, нежели оно сказано. И тотъ же Смирдинъ или Глазуновъ, который доставляетъ прочимъ смертнымъ книги, доведетъ до царя голосъ его народа.

Но этого-то и не хотятъ закоренѣлые въ рабствѣ слуги.

Они погубятъ Александра и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли, за слезы, которыя онъ нѣсколько разъ проливалъ...

Люди эти его втянутъ въ старую рутину, усыпятъ ложью, испугаютъ невозможностью, вовлекутъ снова во внѣшнія дѣла, чтобы отвести отъ внутреннихъ. Все это дѣлается уже теперь.

Съ какой стати соваться въ неаполитанскій вопросъ? Пора разстаться съ несчастной мыслью, что призваніе Россіи служить опорой всякому насилію, всякому тиранству.

Только было другіе народы начали меньше враждебно смотрѣть на Россію, какъ на смѣхъ имъ старая дипломатія привязала русскаго императора къ одному столбу съ коронованнымъ лаццарони. Какая неосторожность, какое отсутствіе такта, какое отсутствіе любви къ Россіи и къ нему!

А дома крестьянинъ тащится на господское поле, посылаетъ

сына во дворъ,—это ужасно! Правительство знаетъ, что обойти задачу освобожденія крестьянъ съ землею невозможно. Совѣсть, нравственное сознаніе Россіи требуютъ рѣшить ее. Что же выигрываетъ оно, оттягивая вопросъ, откладывая его на завтра...?

25 октября, 1856, Путней.

Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни. я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ-нибудь подъ березой или липой смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывныя пѣсни, раздающіяся во всякое время дня, вблизи, вдали;... съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овиновъ, свѣжимъ сѣномъ, изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей и скрипитъ запрещенный колодезь, опуская бадью, и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ.....

Въ нашей бѣдной, сѣверной, долинной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Соренто, ни римской Кампаніей, ни насупившими Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безконечные луга, покрытые ровной зеленью, успокоительно хороши, въ нашей стелящейся природѣ что-то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное... Что-то такое, что поется въ русской пѣсни, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

И какой славной народъ живетъ въ этихъ селахъ! Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ, какъ наши великоруссы и украинцы.

Оно и немудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней, она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ, деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ, выродившійся кельтъ, побѣжденный галлъ, германецъ, побитый другимъ германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными; съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ, гдѣ побѣда пронеслась надъ головой прежняго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и не таковы, напр., въ Романьи, въ Калабріи, въ Испаніи, въ горахъ Шотландіи, Швейцаріи, Норвегіи.

Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ; если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ, такъ, какъ, наоборотъ, въ прежнее время русскіе купцы, пріобрѣтая милліоны, оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми же крестьянами.

Деревенскіе мѣщане собственники составляютъ на западѣ слой народонаселенія, который тяжело налегъ на сельскій пролетаріатъ и душитъ его, по мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ, какъ фа-

брикапты душатъ работниковъ гуртомъ въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, несообщительностью и скупостью; оно сидитъ на заперти въ своихъ каменныхъ избахъ, далеко разбросанныхъ и окруженныхъ полями, отгороженными отъ сосѣдей. Поля эти имѣютъ видъ заплатъ, положенныхъ на землѣ. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ сельскій пролетарій, составляющій огромное большинство всего полевого населенія.

Мы, совсѣмъ напротивъ, государство сельское, наши города большія деревни, тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербургскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ, ни раздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ, онъ вѣчно на міру и съ міромъ, коммунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ.

При всемъ томъ половина нашего сельскаго населенія гораздо несчастнѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей, которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ, на ихъ сердцѣ лежитъ очевидно тяжкое горе.

Это горе, это несчастіе—крѣпостное состояніе.

Сельскій пролетарій и крѣпостной мужикъ два страшные обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени...

Видѣли ли вы литографію, изданную А. Мицкевичемъ и представляющую «Славянскаго невольника?»

Ненависть, смѣшанная съ злобой и стыдомъ, наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ жесткій упрекъ.

Бѣлорусскій мужикъ, безъ шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжкой работы, руки на поясѣ, стоитъ середь поля и какъ-то косо и безнадежно смотритъ внизъ. Десять поколѣній замученныхъ на барщинѣ образовали такого парію, его черепъ сузился, его ростъ измельчалъ, его лицо съ дѣтства покрылось морщинами, его ротъ судрожно скривленъ, онъ отвыкъ отъ слова. Звѣриный взглядъ и запуганное выраженіе показываютъ, на сколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животнымъ.

За это преступленіе, за этого бѣлоруса его паны не свободны, за него ихъ геройство, ихъ мученичество, ихъ страданія не были приняты.

По другую сторону Европы стоитъ своего рода бѣлорусскій пахарь, его надобно самому видѣть, слово человѣческое не беретъ такого ужаса и не можетъ выразить. Какъ разсказать пепельный,

тусклый, матовый цвѣтъ лица, трянья волосъ ирландскаго пролетарія, выгнаннаго или *выжженнаго* помѣщикомъ изъ своей деревни за недоимку и не успѣвшаго еще умереть съ голоду? Надобно видѣть своими глазами лихорадочный, полусумасшедшій и притомъ боязливо кроткій взглядъ, лицо двадцати-двухъ-трехъ лѣтней завялой старухи, которая проситъ глазами милостыню, показывая умирающаго ребенка съ посинѣлыми губами, которыя уже не сосутъ изсохшую, черствую грудь ея. И все это также подернуто землею, стерто, пепельно, безцвѣтно, сѣро, и женщина, и окоченѣвшій ребенокъ, и полуобнаженная грудь и босая нога.

Между этими двумя крайними типами, которые вполнѣ представляютъ геркулесовы столбы нашей цивилизаціи, стоятъ сельскіе пролетаріи другихъ странъ Европы и крѣпостные мужики другихъ краевъ Россіи.

Пролетаріи другихъ земель—ирландцы, имѣющіе немного насущнаго хлѣба, ирландки, которыя еще могутъ кормить грудью дѣтей,—наши бѣлорусы, отпущенные на волю безъ земли и не боящіеся розогъ,—не болѣе.

Помѣщичьи крестьяне другихъ частей Россіи опять тѣ же бѣлорусы, но не успѣвшіе одичать, не отданные на копье жидуарендатору, не ненавидимые своимъ католическимъ помѣщикомъ, а единоплеменные и единовѣрные съ нимъ.

И именно поэтому наше крѣпостное состояніе еще отвратительнѣе.

Я ничего не знаю нелѣпѣе, безобразнѣе дикаго отношенія рабства между ровными: по крайней мѣрѣ, негръ черенъ и курчавъ, а его помѣщикъ рыжъ и налитъ лимфой.

Зачѣмъ нашъ народъ попалъ въ крѣпость, какъ онъ сдѣлался рабомъ? Это не легко растолковать.

Все было до того нелѣпо, безумно, что заграницей, особенно въ Англіи, никто не понимаетъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ увѣрить людей, что половина огромнаго народонаселенія, сильнаго мышцами и умомъ, была отдана въ рабство безъ войны, безъ переворота, рядомъ полицейскихъ мѣръ, рядомъ тайныхъ соглашеній, никогда не высказанныхъ прямо и не оглашенныхъ какъ законъ.

А, вѣдь, дѣло было такъ и не Богъ знаетъ когда, а два вѣка тому назадъ.

Мы сами понимаемъ такія чудеса только по привычкѣ къ непослѣдовательности и безпорядку, къ неустоявшемуся колебанію русской жизни. У насъ вездѣ, во всемъ неопредѣленность и противорѣчіе, обычаи, не вошедшіе въ законъ, но исполняемые, законы, вошедшіе въ сводъ, но оставляемые безъ дѣйствія, централизація и выборная земская полиція. Жизнь въ Россіи возможна, благодаря этому хаосу, въ основѣ котораго коммунизмъ деревень.

Крестьяне съ незапамятныхъ временъ селились на частныхъ земляхъ. Отношеніе ихъ къ помѣщикамъ было патріархальное, основанное на обычаяхъ, на взаимномъ довѣріи. Писанныхъ условій не было, между прочимъ, и потому, что ни крестьяне, ни владѣльцы не знали грамоты. Народъ русской и теперь не любитъ бумажныхъ сдѣлокъ между ровными: по рукамъ и чарка водки, тѣмъ дѣло и кончено. Ямщики возятъ дорогія клади съ Кяхты до Нижняго и Москвы, едва дѣлая накладную, и то безъ всякой скрѣпы.

Московское правительство долго не могло добраться до крестьянъ: дурно устроенное, занятое уничтоженіемъ удѣловъ сначала, оно собственно сложилось въ мощную государственную силу при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Крестьяне жили покойно въ своихъ общинахъ и вовсе не занимались тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ.

Ихъ спасала отъ власти хартія, данная самой природой, непроходимыя дороги, страшная даль, болота и грязь. Пока они жили беззаботно и спустя рукава, въ Москвѣ ковали имъ цѣпи.

Исторія мѣръ, взятыхъ Годуновымъ, извѣстна. Царь Борисъ былъ большой просвѣтитель и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ нѣмцевъ.

Подъ предлогомъ голода, перехода въ плодоносныя страны государства, перехода отъ мелкопомѣстныхъ господъ къ богатымъ, онъ ограничилъ право покидать землю, не отдавая, впрочемъ, крестьянина въ неволю. Подъ тѣмъ же предлогомъ голода и побѣговъ къ казакамъ, онъ прикрѣпилъ дворовыхъ людей къ ихъ господамъ. Мало-по-малу исчезли послѣднія права перехода; не произнося слово рабство, на самомъ дѣлѣ правительство лишило всѣхъ правъ крестьянъ, жившихъ въ частныхъ владѣніяхъ. Цѣпь, коварно положенная около сельской общины, затягивалась болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока Петръ I заперъ ее замкомъ нѣмецкой работы.

Едва обритые чиновники, въ шутовскихъ костюмахъ, съ разными мудреными названіями ландратовъ, ландрихтеровъ, ландфискаловъ и не знаю, какіе еще шведскіе и нѣмецкіе чины были тогда въ ходу, объѣзжали деревни и читали какой-то указъ, писанный темнымъ, ломанымъ и безобразнымъ языкомъ петровскаго времени.

Они дѣлали перепись и объявляли, что кого гдѣ ревизія захватила, тотъ тамъ будетъ крѣпокъ помѣщику.

Крестьяне были рады, видя, что чиновники уѣзжали, не сдѣлавъ больше вреда и въ сущности ничего не понимали.

Удивляться этому ненадобно, потому что и правительство не понимало и до сихъ поръ не понимаетъ, что оно сдѣлало. Ни Петръ I, ни всѣ его Гольштейнскіе, Брауншвейгскіе и Ангальтъ-

Цербскіе наслѣдники рѣшительно сами не знали, что такое быть «крѣпкимъ». Никакой законъ этого не опредѣлилъ, не истолковалъ.

Петръ I въ одномъ указѣ, данномъ сенату, говоритъ, что къ великому стыду въ Россіи продаютъ людей «какъ скотъ», и приказываетъ приготовить законъ, воспрещающій «буде возможно» продажу людей вообще или, по крайней мѣрѣ, продажу безъ земли. Сенатъ, раболѣпный во всемъ, ослушался и никакого закона не представилъ.

Изъ этого вы видите, что Петръ I подъ словомъ быть крѣпкимъ не разумѣлъ быть товаромъ, вещью.

«Я увѣренъ, писалъ собственноручно императоръ Александръ, что продажа крѣпостныхъ безъ земли давно запрещена закономъ». и спрашивалъ у государственнаго совѣта, въ силу какихъ постановленій допускается такая продажа. Государственный совѣтъ, не зная ни одного такого закона, отнесся къ сенату. Сколько не рылись въ сенатскомъ архивѣ, ничего не нашли. Какъ ни просты наши сенаторы, но въ этомъ случаѣ они не потеряли головы и представили тарифъ пошлинъ, вышедшій въ царствованіе Анны Іоановны. Въ этомъ тарифѣ значилось, сколько слѣдовало взимать пошлины за совершеніе купчей на продажу крѣпостныхъ людей: слѣдственно, заключалъ сенатъ, продажа людей была закономъ допущена. Но гдѣ этотъ законъ? Объ этомъ сенатъ молчалъ. Приказная уловка правительствующаго сената была до того груба, что государственный совѣтъ понялъ, что продажа людей дѣлается безъ всякаго права и, приготовивъ проектъ закона, воспрещающаго торгъ крещеной живностью, отослалъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ни совѣтъ, ни министръ, ни государь не возвращались болѣе на этотъ предметъ.

Этотъ замѣчательный анекдотъ разсказанъ Н. Тургеневымъ въ его книгѣ объ Россіи. Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго проекта. Онъ оканчиваетъ свой разсказъ чертой глубоко печальной. Председатель совѣта, графъ Кочубей, человѣкъ умный, но давно потерявшій вѣру, подошелъ къ Тургеневу послѣ засѣданія и сказалъ ему съ горькой и насмѣшливой улыбкой: «А, вѣдь, государь-то двадцать лѣтъ былъ увѣренъ, что людей не продаютъ по одиночкѣ».

Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, но, желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ. Запрещая дворянамъ, не имѣющимъ земли, покупать крестьянъ, запрещая до извѣстной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу терпимому безпорядку.

Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, и это, между прочимъ, оттого, что онъ вовсе не понимаетъ ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ, чтобъ остановить его, онъ искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

Такимъ образомъ, онъ исказилъ основу петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права съ маіорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника въ гражданской.

Такимъ образомъ, онъ исказилъ екатерининское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный цензъ, котораго не было, и лишая голоса всѣхъ дворянъ, имѣющихъ менѣе ста душъ.

Въ первомъ случаѣ онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстраго пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

Въ другомъ онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

Въ обоихъ онъ временному вреду, безпорядку, пожертвовалъ нормой.

Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожить, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ.

У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ, имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, офиціантовъ... и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже, какъ въ Кубѣ или въ малой Азіи. Правда, стыдливое и цѣломудренное правительство запретило объявлять о продажѣ людей. Въ газетахъ скромно и безсмысленно печатаютъ «отпускается въ услуженіе кучеръ 35 лѣтъ, здороваго сложенія, съ окладистой бородой и честнаго поведенія или дѣвка 18 лѣтъ, прекраснаго поведенія и годная на всякую службу».

Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей внѣ-законное, ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполнѣ отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостного человѣка, онъ правъ передъ закономъ.

Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ про-

тивъ торга невольниками. Отчего же надобно непремѣнно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ?

Меня поражаетъ удивленіемъ неспособность нашего правительства во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Александръ обдумывалъ двадцать пять лѣтъ планъ освобожденія, Николай приготовлялся семнадцать лѣтъ, — и что же выдумали они въ полстолѣтія? Нелѣпый указъ 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Но, скажутъ, гдѣ же средства? Средства найдутся. И съ какихъ это поръ русское правительство сдѣлалось такъ разборчиво въ въ отношеніи къ средствамъ?

Развѣ недостало средствъ у Екатерины II, чтобъ отдать въ крѣпость Малороссію въ XVIII столѣтіи? Развѣ недостало средствъ въ XIX для водворенія военныхъ поселеній, для обращенія уніатъ въ греко-россійское исповѣданіе?

Они боятся дотронуться до этого вопроса оттого, что они трусы. Въ сущности бояться нечего; вѣдь, это хорошо разсказывать иностраннымъ газетамъ объ дикихъ boyards moscovites, грозныхъ своимъ вліяніемъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Весь народъ, очевидно, былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства.

Если закоснѣлые помѣщики и московскіе *бояры* будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отчего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствіи? Они, впрочемъ, столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ высочайшей властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ. Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками и разоряли ихъ по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ разорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая. Кто сколько-нибудь знаетъ Россію, тотъ безъ смѣху не можетъ подумать объ оппозиціи «московскихъ бояръ».

Въ рукахъ правительства рядъ соціальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому.

Вмѣсто того, чтобъ воспитательные дома превращать въ рынки, на которыхъ продаютъ ревизскія души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ взамѣну оброка свои 5%. Оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и пр.

Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ, составленія обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся, предварительно удостовѣривъ, что ни въ

какомъ случаѣ капиталъ общества не будетъ схваченъ и не будетъ употребленъ на постройку кадетскаго корпуса.

«Все это прекрасно — правительство должно бы, дворянство могло бы — конечно, но что же при всемъ этомъ самъ народъ, народъ, гоняемый на барщину, наказываемый розгами, разоряемый, продаваемый? Если онъ можетъ выносить такое положеніе, онъ заслуживаетъ его».

Разумѣется, такъ, какъ ирландецъ заслуживаетъ голодъ, итальянецъ австрійское иго. Я такъ привыкъ къ этому свирѣпому vae victis, что всегда жду его. Что же съ Богомъ, въ походъ противъ всякаго страданія, всякаго несчастія, всякой трагической судьбы. Мало пролетарію, что онъ бѣденъ, что ему ѣсть нечего, что онъ не можетъ развиться, что ему недосугъ думать, прибавимъ къ его горькой участи горькое слово. Мало крестьянину, что его отдали въ крѣпостъ, въ которой его держатъ; скажемъ ему, что онъ это заслужилъ, что онъ недостоенъ лучшей судьбы, потомъ отвернемся отъ нихъ обоихъ и отъ ихъ глухого стона.

Впрочемъ, прежде нежели мы ихъ оставимъ, я совѣтую имъ сказать спасибо за то, что голодъ одного, потъ другого, невѣжество обоихъ дали намъ средства такъ умно развиться.

Мнѣ всякій разъ становится не по себѣ, когда говорятъ о народѣ. Въ нашъ демократическій вѣкъ нѣтъ ни одного слова, которое бы такъ мало понимали и такъ употребляли во зло. Понятіе, сопрягаемое съ нимъ, неопредѣленно, преувеличено, поверхностно, полно риторики въ похвалахъ и порицаніяхъ; одни поднимаютъ народъ до небесъ и дѣлаютъ изъ него какого-то прорицателя законовъ, неписанной разумъ, судію, другіе топчутъ его въ грязь, называя грубой толпой. Всѣ эти разглагольствованія, умиленія, негодованія и декламаціи не прибавляютъ ни на волосъ къ пониманію этой гранитной основы государствъ и человѣчества, связанной цементомъ вѣковыхъ воспоминаній и кровнаго родства, на которой построенъ плохой балаганъ современнаго политическаго устройства, полусгнившій и покачнувшійся.

Правительство и плавающій вверху слой цивилизаціи закрываютъ народъ и не допускаютъ знать его. За этими офиціальными и литературными декораціями, онъ живетъ по своему, рѣдко соображаясь съ ними, остается покойнымъ, когда за него горячатся и бросаютъ перчатку и возстаетъ, когда всего менѣе этого ждутъ.

Одни легкія революціи дѣлаются легко. Вѣтеръ свободно двигаетъ во всѣ стороны верхній слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана.

Зато и слѣды такихъ революцій не велики, онѣ меняютъ одежду и названіе, а дѣло остается по старому.

Народъ туго и нескоро возстаетъ, онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами, онъ такъ бѣденъ, что долго не рискуетъ послѣднимъ; его возстаніе всегда глубоко выстраданное. Если оно неудачно, преждевременно, цѣлыя племена, государства гибнутъ, глохнутъ. Германія потеряла всякій политической смыслъ и превратилась въ школу, усмиривъ крестьянъ.

Но возвратимся къ народу русскому. Онъ уступилъ не безъ боя. Вспомните, что было послѣ Бориса, во время самозванцевъ и междуцарствія: казалось, все государство было понято огнемъ и распадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи, бралось за оружіе; откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти полчища тушинскаго вора и другихъ кондотьеровъ? Сѣверо-востокъ Руси покрылся разбойниками, съ ними воюютъ какъ съ непріятелями, противъ нихъ посылаютъ войска и пушки, ихъ вѣшаютъ *сотнями* при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. У Стеньки Разина было цѣлое войско. Столѣтье спустя цѣлое войско собралось вокругъ Пугачева.

Именемъ Петра III, котораго народъ не зналъ, мудрено было бы поднять цѣлыя губерніи. Имя его придавало призрачную законность и фирму возстанію. Въ сущности народъ бунтовалъ противъ крѣпостного состоянія. Перечень казней въ приложеніяхъ къ пушкинской исторіи пугачевскаго бунта ясно показываетъ, противъ кого и чего дрался народъ.

Съ тѣхъ поръ ни мужики, ни дворовые не возстаютъ массами. Сила сломила ихъ, средства усмиренія удесятерились, тронъ Екатерины, качавшійся сначала, вросъ въ землю въ концѣ ея царствованія. Когда крестьянамъ становится невтерпежъ, они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры, лѣтъ десять тому назадъ, въ Тамбовѣ и въ Симбирскѣ, что нѣсколько деревень дѣйствовали за одно. Бунты ихъ дѣлаются изъ мести и съ отчаянія, безъ всякой надежды поправить свое положеніе.

Народу, разсѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ не защищенныхъ кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

Сверхъ того, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и аболиціонистами. Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла.

Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ имъ далъ личную свободу *безъ земли*. Весьма вѣроятно, если-бъ русскіе крестьяне, такъ мужественно дравшіеся противъ непріятеля, съ нѣкоторой

настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ, при тогдашнемъ его настроеніи, уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что же было бы изъ такого освобожденія?

Представьте себѣ европейское сельское устройство съ петербургскимъ самовластіемъ, съ нашими чиновниками, съ нашей земской полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность ничего, а вліяніе все.

Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ, какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны. Общинное начало было бы поражено на смерть у вновь освобожденныхъ, деревня потеряла бы свое коммунистическое единство и въ полстолѣтія мы перегнали бы Ирландію.

Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало.

Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе недостаточно для того, чтобъ сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобъ держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба.

Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе нежели недовольнымъ. Его ненадобно смѣшивать съ работникомъ большихъ торговыхъ и политическихъ центровъ. Въ этихъ колоссальныхъ ульяхъ, гдѣ милліоны людей трутся ежедневно другъ о друга, гдѣ на всякомъ шагу попадаются макабрскія встрѣчи пляшущихъ съ умирающими, пересыщенныхъ съ голодными, Ротшильда съ ирландцемъ, откупщика съ поденщикомъ, тамъ, разумѣется, въ душѣ работника бродятъ мысли о ниспроверженіи этого міра монополи, цеха, капитала, дохода, но въ маленькихъ городахъ и еще болѣе въ поляхъ пролетарій не таковъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется.

Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится.

Народъ русской все вынесъ, но спасъ общину, община спасла народъ русской; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нее въ то

время, когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству!

Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несовмѣстна съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякой неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но ненадобно забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнять этотъ недостатокъ. Сельская жизнь образовала рядомъ съ неподвижной, мирной, хлѣбопашенной деревней, подвижную общину работниковъ, артель и военную общину казаковъ.

Артель лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія славянъ съ соціализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цехъ, она не ищетъ ни монополи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобъ мѣшать другимъ, она устроена для себя, а не *противъ* кого-либо. Артель—соединеніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами.

Казачество была отворенная дверь людямъ, не любящимъ покоя, ищущимъ движенія, опасности, независимости. Оно соотвѣтствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядомъ съ мирнымъ и добродушнымъ нравомъ славянъ составляетъ ихъ характеристику.

Общинный дружинникъ, казакъ, становился безсмѣнной стражей на крайнихъ предѣлахъ отечества и берегъ его; онъ не хотѣлъ знать никакого правительства, кромѣ своего выборнаго; лучше становился разбойникомъ, нежели подданнымъ, но родинѣ служилъ вѣрой и правдой и, не жалѣя, лилъ за нее свою кровь. Запорожцы были славянскіе витязи, витязи мужики, странствующіе рыцари чернаго народа.

Привычные къ войнѣ и дорогѣ, казаки имѣли тѣ неопредѣленныя влеченія, то политическое чутье, тѣ пророческія догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаковъ завоевала Сибирь. Ермакъ не остановился на Тобольскѣ, онъ добрался до Иркутска и тамъ сложилъ свою буйную голову. Другой казакъ послѣ него, съ своей небольшой дружиной, пробился сквозь льды и степи до морскаго берега, какъ будто что-то непреодолимое тянуло ихъ къ Тихому океану, къ этому Средиземному морю будущаго; какъ будто они провидѣли всю важность поставить Русь лицомъ къ лицу съ Сѣверо-Американскими Штатами.

Надобно было имѣть все жалкое непониманіе нѣмецкаго правительства, чтобъ не оцѣнить такого учрежденія, какъ казачество. Не даромъ казаки возражали Богдану Хмѣльницкому, что вольнымъ людямъ нельзя вступать въ подданство Москвѣ.

Казаки явились въ 1812 году тѣмъ же отважнымъ, лихимъ

войскомъ, какимъ были прежде. Они вносили въ регулярную армію поэтическій и народный элементъ. Безъ строя и выправки, съ пикой и бородой, на маленькихъ лошадкахъ съ длинной гривой, они разсыпались, исчезали, нападали съ страшной дерзостью и ускользали съ восточной уклончивостью. Они всего больше остались въ памяти непріятеля.

Само собою разумѣется, что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія, напротивъ, ихъ надобно продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину въ то время, какъ германскіе народы ее утратили, но это большое счастіе и его не надобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили, воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей, она имъ страшно дорого стоитъ.

Міръ западный утратилъ свое общинное устройство: хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитію меньшинства; зато развитіе дворянства и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его высокимъ понятіемъ независимой личности и среднее состояніе съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ реформацію и революцію.

Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими не имѣла никакой доли въ пріобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русской такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому феодализму. Народъ русской ничего не пріобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода: онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братской раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданое Сандрильоны, зачѣмъ же отнимать послѣднее... «Затѣмъ, что при всемъ этомъ на Руси жить тяжко, ни уму, ни сердцу нѣтъ простора». Тяжко, дурно жить въ Россіи, это правда, и тѣмъ тяжеле было для насъ, что мы думали, что въ другихъ странахъ легко и хорошо жить.

Теперь мы знаемъ, что и тамъ тяжело. Отъ того, что и тамъ не разрѣшенъ вопросъ, около котораго сосредоточилась теперь вся человѣческая дѣятельность, вопросъ объ отношеніи лица къ обществу и общества къ лицу. Крайнія, одностороннія развитія привели

къ двумъ нелѣпостямъ—къ гордому своими правами, независимому англичанину, котораго свобода основана на вѣжливой антропофагіи, и къ бѣдному русскому мужику, безлично потерянному въ общинѣ, безправно отданному въ крѣпость и въ силу того служащему съѣстнымъ припасомъ барину.

Гдѣ ихъ примиреніе, какъ снять ихъ противурѣчіе, какъ сохранить независимость британца безъ людоѣдства, какъ развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго начала? Въ этомъ-то вся мучительная задача нашего вѣка, въ этомъ-то и состоитъ весь соціализмъ.

Безумно было бы начать переворотъ съ уничтоженія свободныхъ учрежденій, потому что они на дѣлѣ доступны только меньшинству: еще безумнѣе уничтожить общинное начало, къ которому стремится современный человѣкъ, за то, что оно не развило еще свободной личности въ Россіи.

Наша деревня довольно наказана рабствомъ за ея односторонность, за ея слишкомъ патріархальные нравы: неужели и самое освобожденіе должно ей служить наказаніемъ.

Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни.

Гакстгаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщики представляютъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ клановъ или аравійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно.

Патріархальный глава общины—староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчима, посторонняго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающаго ее оброкомъ и барщиной?

Если-бъ помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы кортомными деньгами за нее, соотвѣтственной работой или половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ, нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія, онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ, по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на *обратномъ* сенъ-симонизмѣ: чѣмъ больше способности, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость.

За общиной логически ничего нѣтъ другого, какъ соединеніе общинъ въ большія группы и соединеніе группъ въ общемъ, на-

родномъ, земскомъ дѣлѣ (res publica). Казенныя деревни дѣйствительно соединяются въ волости, они избираютъ сверхъ старостъ, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ, голову, и при немъ двухъ стариковъ въ судьи. Все это совершенно послѣдовательно идетъ изъ народнаго понятія о правѣ, неписаннаго, но живого во всякой славянской груди. Но тутъ разомъ обрывается всякой смыслъ, мы встрѣчаемся съ становымъ приставомъ, съ канцелярскимъ правительствомъ и съ помѣщичьей властью.

Прерывъ всякой связи между народомъ и дворянствомъ, между народомъ и чиновничествомъ очевиденъ, и никогда не былъ онъ рѣзче обозначенъ, какъ теперь. Лѣтъ сто тому назадъ богатые помѣщики изъ аристократизма щадили своихъ крестьянъ; бѣдные жили между ними и мало отличались отъ нихъ нравами и образованіемъ. Все это измѣнилось. Образованіе разъединило совершенно помѣщиковъ съ крестьянами, и они не могли болѣе ни брать участія, ни любить крестьянъ, ни жалѣть ихъ, все чуждое для насъ безразлично; но они могли и хотѣли пользоваться ими и пользовались. Крестьянинъ перешелъ въ разрабатываемую собственность. Развитіе промышленности фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, *переложенной на россійскіе* нравы, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, «патріархальная глава общины», сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ, торговцемъ бѣлыхъ негровъ.

Здѣсь не мѣсто вступать въ разборъ историческаго значенія петровскаго переворота, петровской Руси: мы считаемъ переворотъ этотъ необходимымъ, онъ разбудилъ Россію, онъ ее повелъ впередъ, когда она сама еще не могла идти, онъ былъ полонъ вѣрою въ ея великія судьбы, въ ея великія силы, но онъ былъ свирѣпъ и жестокъ, какъ большая часть революцій, какъ царство ужаса въ 93 году, и именно потому разорвалъ единство жизни русской.

Двѣ Россіи сначала XVIII столѣтія стали враждебно другъ противъ друга. Съ одной стороны, была Россія петербургская, дворянская, богатая деньгами, вооруженная приказными и полицейскими уловками, взятыми изъ Германіи.

Съ другой, Русь чернаго народа, бѣдная, хлѣбопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплохъ, побѣжденная собственно безъ боя. Что же тутъ удивительнаго, что отдали Россіи, придворной, военной, одѣтой по-нѣмецки, образованной снаружи, Русь мужицкую, бородатую, неспособную оцѣнить привозное образованіе и заморскіе нравы, къ которымъ она питала глубокое отвращеніе.

Чего было ее жалѣть?

— Что ты ходишь, повѣся носъ, спросилъ однажды графъ Зава-

довскій или Зоричъ почтеннаго дворянина, состоявшаго при немъ въ качествѣ шута.

Собесѣдникъ, къ которому относился вопросъ, былъ человѣкъ необыкновенно толстый и прожорливый, всегда обѣдавшій у графа. Когда графъ бывалъ особенно веселъ, онъ давалъ знакъ рукою, лакей надѣвалъ на голоднаго шута хомутъ и, затянувъ шею, пускалъ его на ѣду.

Дворянинъ бился въ хомутѣ какъ звѣрь, бросался нарочно на блюда, давился, былъ очень гадокъ, словомъ усердно тѣшилъ своего покровителя, хохотавшаго до слезъ.

— Поневолѣ повѣсишь носъ, отвѣчалъ упряжный дворянинъ, ваше сіятельство изволите всѣхъ щедротами своими награждать, одинъ я, несчастный, забытъ вами.

— Какъ такъ? спросилъ графъ.

— Ваше сіятельство всѣмъ пожаловали отчины въ Малороссіи, а мнѣ хоть бы какую-нибудь сотню дрянныхъ казаковъ.

— Каковъ малый, отвѣчалъ сквозь хохотъ графъ, губа-то не дура. Такъ и тебѣ казаковъ захотѣлось—ха, ха, ха! Чѣмъ же ты заслужилъ казаковъ?

— Да, помилуйте, ваше сіятельство, отвѣчалъ шутъ, вѣдь, я и не Богъ знаетъ чего прошу: чего вамъ, графъ, стоютъ казаки, а мнѣ милость была бы дорога и я до гроба молился бы объ вашемъ здравіи.

— Еще лучше, замѣтилъ веселый графъ, да онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ кажется; въ самомъ дѣлѣ, чего жалѣть казаковъ. Ну, такъ и быть, дамъ тебѣ казаковъ.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! говорилъ тронутый шутъ и ползъ на колѣняхъ приложиться къ графской ручкѣ, неужели и въ правду.

— Ну, полно, полно, отвѣчалъ графъ, милостиво протягивая руку, говорю тебѣ, будутъ у тебя казаки.

Это было въ самое то время, когда Екатерина II вводила крѣпостное состояніе въ Малороссію.

Графъ сдержалъ слово и отложенный шутъ поѣхалъ управлять своими казаками.

Въ прошедшемъ году, переѣзжая С. Готаръ, я взялъ въ одной гостинницѣ трактирную книгу: въ ней большими буквами стояла русская фамилія. Подъ нею другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по-французски: «тотъ самый, котораго дворовые люди высѣкли».

Эта непріятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачемъ и негодяемъ. Въ 1850 году онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи. Крестьяне и дворовые, выведенные изъ терпѣнія, рѣшились проучить его. Они его высѣкли и взяли пись-

менную росписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ, казалось, присмирѣлъ, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодаго малого, оказавшагося особенно усерднымъ во время наказанія. Когда рекруту забрили лобъ, онъ сказалъ председателю, что баринъ его отдалъ въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ, въ удостовѣреніе чего рекрутъ вытащилъ изъ-за пазухи камергерскую росписку.

Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить его, ни даже продать росписку камергеру. Они сгоряча представили «казусъ сей» на усмотрѣніе министру внутреннихъ дѣлъ. Но и тотъ призадумался, случай о сѣченыхъ камергерахъ рѣшительно не былъ предвидимъ сводомъ законовъ. Министръ доложилъ государю. Государь выгналъ его изъ службы. Москвичи, ѣздившіе толпами къ нему на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго приказа.

Несчастно гонимый и интересный камергеръ этотъ не кто иное, какъ благополучный наслѣдникъ упряжнаго шута, а люди его наказывавшіе—дѣти казаковъ, пожалованныхъ Екатериной

Это рѣзко характеризуетъ начало и послѣдствія русскаго помѣщичьяго права.

Что тутъ прибавлять къ графу, согласному, что казаковъ жалѣть нечего, къ шуту въ хомутѣ, который вдругъ изъ грязныхъ нахлѣбниковъ дѣлается законнымъ господиномъ свободныхъ казаковъ, къ камергеру, благоразумно предпочитающему розги смерти.

СТАРЫЙ МІРЪ И РОССІЯ.

Письма къ редактору «The English Republic», В. Линтону.

(1854 г.).

Н. Трюбнеръ прислалъ мнѣ прилагаемый переводъ, спрашивая моего согласія на изданіе его. Политическія статьи быстро вянутъ, и я, перечитавъ эти письма къ В. Линтону, писанныя передъ крымской войной, задумался было о томъ, печатать ихъ или нѣтъ. Но сказанное слово тоже фактъ и отпираться отъ него стыдно; я не напрашивался на переводъ, но не хочу и мѣшать ему, тѣмъ больше, что онъ уже сдѣланъ.

Письма эти навлекли на меня сильныя гоненія отъ англійскихъ и особенно отъ нѣмецкихъ журналистовъ. Трудно себѣ представить, въ какомъ безвыходномъ, запаенномъ на-глухо кругѣ понятій бьется современный европейскій человѣкъ и какъ ему трудно достается, какъ его сбиваетъ съ толку, какъ ему становится ребромъ всякая мысль, не подходящая подъ заученныя имъ правила, подъ заготовленные имъ рубрики. Рядовые литераторы и журнальные поденщики стоятъ на первомъ планѣ. У нихъ для ежедневнаго обихода есть запасъ мыслей, знаній, сужденій, негодованій, восторговъ и главное прилагательныхъ словъ, которыя у нихъ идутъ на все; ихъ по мѣрѣ надобности сокращаютъ, растягиваютъ, подкрашиваютъ въ ту или другую краску. Эта трафаретная работа необычайно облегчаетъ трудъ; ее можно продолжать во всякомъ расположеніи, съ головною болью, думая о своихъ дѣлахъ, такъ, какъ старухи вяжутъ чулокъ. Но все это идетъ, пока дѣло вертится около знакомыхъ предметовъ. Новое событіе, неизвѣстный фактъ принимается, напротивъ, съ скрытой злобой, какъ незванный гость,—его стараются сначала не замѣчать, потомъ выпроводить за дверь, а если нельзя иначе, оклеветать.

Письма эти имѣли въ себѣ многое, чтобъ возбудить гнѣвъ и въ обыкновенное время,—а они явились во время повальной ненависти къ Россіи и ничѣмъ неудержимаго воинскаго героизма союзниковъ вообще, и въ особенности нѣмцевъ.

Чтобъ дать понятіе, что такое были нападки, я упомяну о трехъ

самыхъ забавныхъ. Одинъ господинъ говоритъ, что въ этихъ письмахъ я ставлю въ образецъ и идеалъ—*крѣпостное состояніе*; другой—что я совѣтую не только завоеваніе Константинополя, но и Вѣны; третій—что все сказанное мною объ сельской общинѣ ложно и выдумано: «онъ дошелъ до того, что даже въ устройствѣ украинскихъ казаковъ старается показать начала демократическія, почти республиканскія!»

Почти еще забавнѣе были два изустныя замѣчанія. Редакторъ одного *недѣльнаго* листа замѣтилъ мнѣ, что анти-религіозный характеръ моихъ писемъ оскорбителенъ для англичанъ, для народа по преимуществу христіанскаго. «Вотъ, говоритъ онъ, вамъ примѣръ, человѣкъ необычайной энергіи и силы мысли, отецъ соціализма, старый Робертъ Оуэнъ, отчего не имѣлъ успѣха, отчего не основалъ школы,—оттого что онъ прямо отвергаетъ христіанство».

Нѣсколько дней послѣ встрѣтилъ я другого редактора другого тоже *недѣльнаго* листа. Онъ мнѣ сказалъ, что хотѣлъ напечатать отрывки изъ моихъ писемъ, но нашелъ, что въ нихъ все такъ пропитано соціализмомъ, который антипатиченъ англо-саксонской расѣ, что онъ не рѣшился этого сдѣлать.

— Робертъ Оуэнъ оттого не имѣлъ успѣха, сказалъ я, оттого не основалъ школы, что онъ соціалистъ.

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія! отвѣчалъ утвердительно редакторъ.

Что же бы осталось отъ Оуэна, если-бъ изъ его сочиненій взять все соціальное и все анти-христіанское?

Ошибокъ въ этихъ письмахъ много.

Но въ чемъ я не ошибся и что составляетъ сущность этихъ писемъ, это въ моемъ предсказаніи, что Россія должна вступить въ новую эру развитія.

Да не ошибся я и въ томъ, что Англія сдѣлается больше и больше отчужденнымъ островомъ, хранящимъ въ своихъ свободныхъ учрежденіяхъ прежній идеалъ общественнаго устройства, къ которому стремился весь европейскій міръ да середь дороги ослабѣлъ, одряхлѣлъ и подпалъ двумъ величайшимъ врагамъ развитія и свободы: подогрѣтому католицизму и вновь воскресшему абсолютизму.

Нашихъ соотечественниковъ прошу я не забывать, что эти письма писаны не для русскихъ и не тѣмъ языкомъ, которымъ мы говоримъ.

1 января, 1858 года.
Путней близъ Лондона.

Письмо первое.

Любезный Линтонъ!

«Какая, по мнѣнію вашему, будущность Россіи?» спрашиваете вы.

Всякій разъ, когда мнѣ приходится отвѣчать на подобный вопросъ, я отвѣчаю, тоже спрашивая: способна Европа къ общественному возрожденію, или нѣтъ? Вопросъ этотъ очень важенъ. Ежели народу русскому предстоитъ только одна будущность, то судьбамъ имперіи россійской предстоятъ двѣ будущности. Отъ Европы будетъ зависѣть, которая изъ двухъ совершится.

Мнѣ кажется, что роль *теперешней* Европы совершенно окончена: съ 1848 года разложеніе ея ростетъ съ каждымъ шагомъ.

Слова эти ужасаютъ, и всѣ безотчетно оспариваютъ ихъ. Разумѣется, не народы погибнутъ,—погибнутъ государства, погибнутъ учрежденія: римскія, христіанскія, феодальныя, парламентскія, монархическія или республиканскія,—все равно.

Европа должна преобразоваться, разложиться, чтобъ войти въ новыя сочетанія. Подобнымъ образомъ имперія римская преобразовалась въ Европу христіанскую. Она потеряла свою самобытность и вступила въ новый міръ, взошла въ него одною изъ дѣятельнѣйшихъ стихій.

До сихъ поръ въ Европѣ были только внѣшнія преобразованія; основанія же новаго порядка государствъ оставались неосуществленными: старое зданіе только поправляли. Такова была реформа Лютера, такова была революція 1789 года.

Мы дошли, наконецъ, до крайнихъ границъ передѣлокъ и защекатуриваній: ветхія формы слишкомъ тѣсны: въ нихъ нельзя повернуться, опасаясь, что онѣ распадутся. Революціонная мысль, сверхъ того, несовмѣстна съ существующимъ порядкомъ вещей.

Государство съ римскими понятіями, основанными на поглощеніи личности обществомъ, на религіи собственности, на привилегіяхъ и монополяхъ, на нравственномъ дуализмѣ (даже въ революціонной формѣ: «Богъ и Народъ»),- такое государство не можетъ ничего оставить потомству, кромѣ своего трупа, т. е. свои химическіе элементы, освобожденные смертью.

Соціализмъ отрицаетъ все то, что политическая республика сохранила отъ стараго общества.

Всѣ отношенія общества къ частнымъ лицамъ и частныхъ лицъ между собой должны быть совершенно измѣнены. И тутъ является вопросъ: будутъ ли имѣть народы германо-романскіе достаточно силъ, чтобъ подвергнуться этому переселенію душъ и въ состояніи ли они подвергнуться ему теперь?

Мысль соціальной революціи—мысль европейская; но изъ этого не слѣдуетъ, что западные народы одни призваны осуществить ее.

Христіанство было только *распято* въ Іерусалимѣ.

Мысль соціальная равно можетъ быть духовнымъ завѣщаніемъ, предсмертной волей, предѣломъ западнаго міра, какъ и торжественнымъ входомъ въ новое существованіе, пріобрѣтеніемъ совершеннолѣтней тоги.

Европа слишкомъ богата, чтобъ рисковать всѣмъ имуществомъ на одной картѣ; она желаетъ сохранить многое; ея низшіе классы слишкомъ отдалены отъ цивилизаціи, чтобы она зря могла броситься всѣмъ тѣломъ въ такой коренной переворотъ.

Республиканцы и монархисты, деисты и іезуиты, горожане и крестьяне, все это — консерваторы; развѣ, придется исключить однихъ только работниковъ.

Но и работникъ можетъ быть побѣжденъ, какъ это было въ іюньскіе дни. Противудѣйствія будутъ еще свирѣпѣе, еще страшнѣе. Тогда разложеніе стараго міра придетъ инымъ путемъ и соціализмъ осуществится въ другихъ странахъ.

Взгляните, напримѣръ, на эти двѣ огромныя равнины, сходящіяся затылками, обогнувъ Европу. Зачѣмъ онѣ такъ пространны, къ чему онѣ готовятся, что означаетъ пожирающая ихъ страсть къ дѣятельности и расширенію? Эти два міра, противуположные одинъ другому, и между которыми есть своего рода сходство,—Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты и Россія.

Никто не сомнѣвается, что Америка продолженіе европейскаго развитія, и *ничего болѣе* какъ его продолженіе. Лишенная всякой иниціативы, всякаго изобрѣтенія, Америка готова принять бѣгущую отъ реакціи Европу, осуществить своего рода соціализмъ, но она не пойдетъ низвергать древнее зданіе за Атлантическій океанъ и не покинетъ для этого своихъ богатыхъ полей.

Можно ли сказать тоже о славянскомъ мірѣ? Чего домогается этотъ *нѣмой міръ*, проживающій въ постоянномъ a parte, не раскрывая рта, цѣлый рядъ столѣтій, со времени переселенія народовъ до нашихъ временъ?

Міръ странный, не имѣющій почти ничего общаго ни съ Европой, ни съ Азіей.

Европа занята крестовыми походами,—славяне сидятъ спокойно дома.

Европа развиваетъ феодальную систему, строитъ большіе города, составляетъ законодательства, основанныя на римскомъ правѣ и на германскихъ обычаяхъ; Европа становится послѣдовательно протестантской, либеральной, парламентской, революціонной. Славяне не имѣютъ ни большихъ городовъ, ни аристократическаго дворянства; они не понимаютъ римскаго права, не знаютъ разли-

чія между крестьяниномъ и горожаниномъ; они предпочитаютъ жизнь сельскую и сохраняютъ свои патріархальныя и демократическія установленія—свою сельскую общину и вѣче.

Часъ этихъ народовъ еще не пробилъ, они всѣ въ ожиданіи чего-то, ихъ теперешнее statu quo какое-то предварительное состояніе,—такъ, по крайней мѣрѣ, кажется.

Нѣсколько разъ славянскіе народы пытались сложиться въ сильныя государства. Опыты ихъ, повидимому, удавались (какъ, напримѣръ, Сербіи при Душанѣ) и потомъ эти государства глохнутъ, останавливаются безъ всякой причины.

Распространенные отъ береговъ Волги до береговъ Эльбы, до Адріатическаго моря и Архипелага, славяне никогда не соединялись въ одно, для общей защиты. Часть ихъ изнемогаетъ подъ нѣмецкимъ игомъ, другая терпитъ владычество турокъ, третья—была порабощена варварскими ордами, напавшими на Паннонію. Большая часть Россіи долгое время страдала подъ игомъ монгольскимъ.

Одна лишь Польша оставалась независима и сильна... Но это потому, что она была меньше славянскою, чѣмъ прочія племена: она была *католическою*. А католицизмъ совершенно противенъ славянскому генію. Славяне первые вступили въ вражду съ папизмомъ, ихъ борьба съ тѣмъ вмѣстѣ имѣла въ себѣ характеръ глубоко-соціальный (Табориты).

Завоеванная и покоренная католицизмомъ Богемія сломилась.

Итакъ, Польша сохранила свою независимость нарушеніемъ соплеменнаго единства и сближеніемъ своимъ съ западными государствами.

Остальные славяне, хотя и оставались независимы, но не занимались своимъ государственнымъ устройствомъ; общественная жизнь ихъ была нѣчто въ родѣ колеблющагося, неопредѣленнаго, неустоявшагося *анархизма* (какъ бы выразились здѣшніе *друзья порядка*). Въ мірѣ, можетъ быть, нѣтъ положенія болѣе сообразнаго съ славянскимъ характеромъ, какъ положеніе Украины или Малороссіи со временъ кіевскаго періода до Петра I.

Это была казачья и земледѣльческая республика, управляемая военною дисциплиной, но на основаніяхъ демократическаго коммунизма. Безъ средоточія, безъ правленія, повинуясь лишь древнимъ обычаямъ, не подчиняясь ни царю московскому, ни королю польскому. Аристократіи не было, всякій совершеннолѣтній человѣкъ былъ дѣятельнымъ гражданиномъ: всѣ должности, начиная отъ десятника до гетмана, были избирательныя. Республика эта существовала отъ XIII вѣка до XVIII, несмотря на безпрестанныя вражды ея съ Великороссіей, съ поляками, литовцами, турками и крымскими татарами. Въ Украинѣ, въ Черногоріи и даже

у сербовъ, иллирійцовъ и далматовъ — повсюду геній славянскій заявилъ себя, свои стремленія, но не развилъ крѣпкой политической формы.

Однако, надо было, наконецъ, пройти *дрессировкой* сильнаго государства, надо было соединиться, сосредоточиться, покинуть вольную, казачью и коммунальную жизнь, жизнь спустя рукава; однимъ словомъ, проснуться отъ продолжительнаго общественнаго сна.

Около XIV столѣтія въ Россіи образуется средоточіе, около котораго тяготѣютъ и кристаллизуются всѣ разнородныя части государства, это средоточіе—Москва. Со времени ея появленія какъ центра, она становится столицей всего славянскаго православія.

Москва уничтожила все независимое старой Руси, всѣ вольности народныя. Все было принесено на жертву идеѣ *государства;* все приводится къ его одному знаменателю и все склоняется. Народъ, низвергнувъ иго монгольское, продолжая кровавую вражду съ ливонцами и видя вооруженіе Польши, какъ будто чувствовалъ, что для спасенія своей народности и своей сущности слѣдовало отречься отъ всѣхъ правъ человѣческихъ.

Новгородъ—великая и вольная весь—былъ живымъ упрекомъ едва родившейся столицѣ царей: Москва, съ кровавой жестокостью и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, задушила своего противника.

Когда вся Россія была у ея ногъ, Москва столкнулась лицомъ къ лицу съ Варшавой.

Борьба двухъ новыхъ соперницъ была продолжительна, она окончилась въ другую эпоху. Нѣкоторое время Польша имѣла верхъ, Москва склонялась передъ ней, Владиславъ, сынъ Сигизмунда, царя польскаго, былъ провозглашенъ царемъ всея Россіи. Домъ Рюрика и Владиміра Мономаха угасъ, не было никакого управленія, польскіе военачальники и гетманы казаковъ царили въ Москвѣ.

Тогда народъ, повинуясь воззванію Минина, возсталъ и принудилъ Польшу покинуть Москву и русскую землю.

Москва, окончивши свое дѣло *спаиванія* частей государства—пріостанавливается, не знаетъ, куда употребить ею собранныя и оставшіяся въ бездѣйствіи силы. Выходъ нашелся имъ скоро. Тамъ, гдѣ много силъ, тамъ выходъ всегда есть.

Явился Петръ I и сдѣлалъ изъ *Государства Русскаго—Государство Европейское.*

Скорость, съ которою часть народонаселенія покорилась европейскимъ обычаямъ, отрекшись отъ своихъ старыхъ привычекъ, ясное доказательство того, что московское государство никогда не было полнымъ выраженіемъ жизни народной, и что существованіе его было только временное. Одни крестьяне противудѣйствовали,

когда перемѣны касались основъ ихъ быта и, страдательно уклоняясь, не приняли преобразованій Петра I. Они остались вѣрнымъ хранителемъ народности, основанной (по выраженію Мишле) на *коммунизмѣ*, т. е. на постоянномъ раздѣлѣ полей по числу работающихъ и на отсутствіи личнаго обладанія землею.

Какъ Сѣверная Америка представляетъ собою послѣдній выводъ республиканскихъ и философскихъ идей Европы XVIII вѣка, такъ С.-Петербургская имперія развила начала монархизма и европейской бюрократіи. Послѣднее слово консервативной Европы произнесено Петербургомъ.

Какими огромными силами располагало петербургское правительство, показываетъ гигантское пространство этого государства. Средства его были такъ велики, что, несмотря даже на время смутъ и сквернаго управленія отъ Петра I до Екатерины II, Россія матеріально расширилась съ неимовѣрной быстротой.

Овладѣвъ и поглотивъ все, что встрѣчалось на пути, Остзейскія провинціи и Крымъ, Бессарабію и Финляндію, Арменію и Грузію, раздѣливъ Польшу, овладѣвъ одной турецкой провинціей за другой,—имперія россійская, наконецъ, нашла себѣ мощнаго соперника въ французской революціи,—поставленной къ верхъ ногами, преобразованной изъ борьбы за свободу въ военный деспотизмъ. Россія вступила въ бой съ Наполеономъ и побѣдила его.

Съ той минуты какъ Европа, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Аахенѣ и въ Веронѣ признала, volens nolens, гегемонію императора россійскаго, съ той минуты трудъ Петра былъ завершенъ, и императорская власть снова появилась въ такомъ же положеніи, въ которомъ были цари московскіе до Петра I. Александръ I понималъ это.

Власти ничего не остается дѣлать, какъ вести *войну внѣшнюю*.

Николай, однакожъ, постоянно воздерживался отъ войны.

Какъ же это случилось, что, спустя двадцать пять лѣтъ царствованія, онъ бросаетъ свою рукавицу въ лицо Франціи и Китая, Англіи и Японіи, Швеціи и, пожалуй, Австріи.... не говоря уже о Турціи....

Чтобъ начать войну, онъ долженъ былъ быть совершенно увѣренъ въ жалкомъ состояніи европейскихъ государствъ, онъ долженъ былъ питать къ нимъ безпредѣльное презрѣніе..... Николай, до 1848 года, дулся только на западныя державы, но онъ не презиралъ ихъ. Но послѣ помощи, оказанной имъ Австріи вмѣшательствомъ въ венгерскія дѣла, вмѣшательствомъ также спокойно терпимымъ Англіею, какъ и вступленіе французовъ въ Римъ,- онъ лучше понялъ положеніе своихъ *друзей-противниковъ*. Медленно и постепенно онъ вымѣривалъ глубину ихъ малодушія, ихъ *невѣжества* и тогда уже началъ *войну*. Хотите

биться объ закладъ, что онъ выйдетъ побѣдителемъ, ежели не вмѣшается въ нее неожиданное третье лицо, —общій врагъ ихъ всѣхъ, т. е. революція?

Лондонъ, 2 января, 1854 года.

Письмо второе.

Любезный Линтонъ.

Формула европейской жизни сложнѣе формулы жизни древняго міра.

Когда образованность Греціи вышла изъ тѣсныхъ границъ муниципальныхъ республикъ, ея политическія формы быстро истощились—Греція обратилась въ Римскую провинцію.

Когда Римъ истратилъ основы своего устройства и перешелъ свои политическія учрежденія, то, не находя болѣе средствъ для перерожденія, онъ распался и взошелъ въ различныя сочетанія съ варварскими народами.

Древнія государства были не зимующія, а однолѣтнія.

Въ XV столѣтіи Европа пережила такой кризисъ, который для древнихъ республикъ былъ бы предвѣстникомъ неминуемой смерти. Совѣсть и разумъ возстали противъ основъ общественнаго зданія. Католицизмъ и феодальная система покачнулись. Борьба продолжалась два столѣтія.

Европа была такъ близка къ смерти, что уже у границъ ея стали показываться варвары—эти вороны, чуящіе смерть народовъ.

Византію они уже заклевали и готовились напасть на Вѣну: восходящая луна Магомета, за которой они неслись, остановилась на берегахъ Адріатическаго моря.

На сѣверѣ шевелился другой варварскій народъ, народъ, одѣтый въ бараньи шкуры и съ «глазами ящерицы». Степи Волги и Урала, во всѣ времена, служили кочевьемъ бродящимъ народамъ: это было нѣчто въ родѣ мѣстъ сборища и ожиданія, officina gentium, гдѣ, молча, судьба собирала толпы дикарей, чтобъ въ свое время понять ими ветшающія страны и покончить колеблющіяся цивилизаціи.

Тѣмъ не менѣе луна ислама не шла далѣе развалинъ Акрополиса. А волжскіе варвары вмѣсто набѣговъ въ лицѣ одного изъ царей своихъ обращаются къ Европѣ, прося у нихъ науку и государственнаго строя.

Итакъ, первая громовая туча пронеслась надъ головами.

Что же случилось?

Вѣчное переселеніе народовъ къ западу, остановленное на

время у Атлантическаго океана, продолжилось; человѣчество нашло себѣ кормчаго,—Христофоръ Колумбъ показалъ дорогу.

Америка спасла Европу.

Европа вступила въ новый фазисъ существованія, фазисъ, недостававшій древнимъ народамъ, фазисъ разложенія по сю сторону и развитія по ту сторону океана.

Реформація и революція, измѣняя многое, оставались въ стѣнахъ церквей и монархическихъ палатъ. Онѣ не могли совершенно разрушить древнее зданіе, онѣ его поправляли; куполъ готическаго собора правда осѣлъ, тронъ пошатнулся, но полуразрушенные они все, таки существуютъ. И ни реформація, ни революція, не имѣютъ болѣе надъ ними никакой власти.

Будетъ ли человѣкъ называться реформаторомъ, лютераниномъ, протестантомъ, квакеромъ, — церковь все-таки существуетъ. Будетъ ли правленіе парламентское, конституціонное, съ двумя палатами или съ одной, съ ограниченнымъ числомъ избирательныхъ голосовъ или съ всеобщимъ, — тронъ все-таки существуетъ. За неимѣніемъ царя въ республикѣ,—его замѣняютъ *соломеннымъ* королемъ, котораго предполагаютъ на тронѣ и для котораго сохраняются и дворцы, и увеселительные замки —Тюльери и Сенъ-Клу.

Раціональный христіанизмъ, съ своей стороны, борется съ церковью, не обращая вниманія на то, что онъ первый будетъ задавленъ ея сводами. Монархическій республиканизмъ борется съ престоломъ, ломаетъ тронъ, а самъ хочетъ сѣсть на него по царски.

Духъ будущаго не тутъ,—потокъ перемѣнилъ направленіе, оставивъ на второмъ планѣ всѣхъ старыхъ Монтекки и Капулетти продолжать ихъ наслѣдственную вражду. Борьба поднимается уже не противъ священника, не противъ короля, не противъ дворянина, а противъ *хозяина*, противъ владѣльца, захватившаго въ свои руки орудія работы. Оттого революціонеромъ является уже не гугенотъ, не протестантъ, не либералъ,—а *работникъ*.

И вотъ Европа еще разъ останавливается у третьяго порога, не смѣя перешагнуть оный. Она трепещетъ передъ словомъ соціализмъ, написаннымъ на дверяхъ входа.

Эту черту перейти гораздо труднѣе, чѣмъ прочія. Всѣ реформы пощадили половину стараго, покрыли его развалины новыми ризами: сердце не совсѣмъ разрывалось, пріобрѣтенное не терялось сразу; часть того, что мы любили, что было намъ дорого и свято съ самаго дѣтства, что мы привыкли уважать и что перешло намъ преданіемъ,—оставалось на утѣшеніе слабыхъ. Но тутъ отдать пришлось и остальное! Прощайте пѣсни кормилицы, прощайте воспоминанія отцовскаго крова, прощай привычка, власть которой сильнѣе власти генія, сказалъ Бэконъ!

. . . . . Во время разгрома ничто не перейдетъ таможни; а будетъ

ли достаточно терпѣнія у людей, чтобъ дождаться, когда тучи разсѣются?

Мало по малу всѣ интересы, предубѣжденія, запутанности, занимавшіе въ продолженіе цѣлаго вѣка умы европейскіе начинаютъ блѣднѣть, становятся равнодушными, переходятъ въ вопросы партій. Гдѣ великія слова, потрясавшія сердца и наполнявшія слезами глаза? Гдѣ святыя знамена, которымъ Іоаннъ Гуссъ заставилъ поклоняться въ одномъ станѣ, а 89 годъ—въ другомъ? Съ тѣхъ поръ какъ туманъ, покрывавшій февральскую революцію, разсѣялся, рѣзкая простота замѣнила путаницу, осталось только два интересныхъ вопроса.

Вопросъ соціальный,

Вопросъ русскій.

Въ сущности, эти два вопроса составляютъ одинъ и тотъ же.

Вопросъ русскій—случайная сторона, отрицательный оттискъ, новое безпокойство варваровъ, чуящихъ предсмертіе стараго свѣта, его «memento mori» и—они его, пожалуй, убьютъ, ежели онъ не имѣетъ силы самъ преобразиться.

Дѣйствительно, ежели соціализмъ не въ состояніи будетъ пересоздать распадающееся общество и довершить его судьбы—Россія довершитъ ихъ.

Я не говорю, что это *необходимо*, но это *возможно*.

Ничего нѣтъ необходимо-нужнаго. Будущность не бываетъ неизмѣняемо рѣшена впередъ; неминуемаго предназначенія нѣтъ. Будущность въ нашемъ смыслѣ можетъ вовсе не существовать. Геологическій кризисъ можетъ совершенно уничтожить не только восточный, но и всѣ прочіе вопросы, за недостаткомъ спрашивающихъ. Будущность творится развитіемъ того, что у ней подъ рукой, и смотря по окружающимъ условіямъ: общія влеченія мѣняются по обстоятельствамъ. Они рѣшаютъ, *какъ* что будетъ, и колеблющаяся возможность становится дѣломъ рѣшеннымъ.

Россія точно также можетъ овладѣть Европою до Атлантическаго океана, какъ и быть, съ своей стороны, побѣжденной до Урала.

Въ первомъ случаѣ, Европа должна быть разрозненной.

Во второмъ, Европа должна быть плотно соединена въ одно цѣлое.

Въ которомъ изъ этихъ положеній она находится?

Безумно было бы воображать, что императоръ Николай можетъ сопротивляться цѣлой Европѣ: это только въ томъ случаѣ возможно, ежели бы Европа сама стала въ рядахъ его авангарда и подняла бы оружіе противъ самой себя, но оно такъ и есть.

Въ борьбѣ Европы съ Россіей старый и боязливый консерватизмъ ослабитъ, заморитъ народное одушевленіе.

Европа раздѣлена на двѣ совершенно противуположныя партіи, ихъ взаимная ненависть гораздо сильнѣе ненависти русскихъ и турокъ между собой, и этотъ *манихеизмъ* общественный существуетъ во всякомъ государствѣ, во всякомъ городѣ, во всякомъ селѣ. Какого же можно ожидать единства въ дѣйствіяхъ—до окончательной побѣды одного изъ спорящихъ? Войска геройски сражаются за границей, когда они увѣрены, что дома есть недремлющій «Комитетъ общественнаго спасенія». Онъ вселилъ войскамъ революціи ту удивительную энергію, которая существовала еще двадцать лѣтъ послѣ его смерти.

Ничего въ мірѣ не можетъ болѣе ослабить духъ арміи, какъ пагубная идея, что за ними остается измѣна. А кто же имѣетъ довѣріе къ правительствамъ нынѣ существующимъ? Въ своемъ собственномъ стану люди *порядка* подозрѣваютъ другъ друга. Мы найдемъ вездѣ, внизу и вверху, измѣнниковъ.

La fusion совершенно русская: «L'Assemblée Nationale», кажется, печатается въ Казани или въ Пензѣ. Но ежели императоръ Николай предоставилъ бы всѣхъ этихъ Шамборъ-Немуровъ сладостямъ семейныхъ примиреній, удовольствіямъ охоты во Фрошдорфѣ и собственнымъ силамъ, давно бы бонапартизмъ сдѣлался не только русскимъ, но—татарскимъ.

Король белговъ имѣетъ въ Брюсселѣ русское агентство; король Даніи—маленькую контору въ Копенгагенѣ; Адмиралтейство, гордое Адмиралтейство Велико-Британіи смиренно служитъ полиціею царя въ Портсмутѣ, и какой-нибудь самоѣдскій офицеръ презрительно топчетъ ногами актъ habeas corpus на палубѣ англійскаго судна. Король неаполитанскій — самъ корчитъ Николая, а императоръ австрійскій его Антиной,—его страстный обожатель.

Вы видите, что дѣйствительной вражды съ Россіей быть не можетъ, покамѣстъ чисто на чисто не выметутъ у васъ дома.

Николай, объявивъ войну Турціи, сдѣлалъ самую умную шалость XIX столѣтія.

Теперь всѣ блюстители порядка, всѣ друзья, всѣ кліенты Николая, во всеуслышаніе кричатъ противъ него. Они принимали царя за полицейскаго солдата, и рады были стращать своихъ революціонеровъ 400,000 русскихъ штыковъ; они думали, что онъ удовлетворится одною пассивною ролей страшилища: они позабыли, что даже и какой-нибудь Людвигъ Бонапартъ не хотѣлъ довольствоваться должностью «пожарнаго сапера...»

А, вѣдь, какъ все было хорошо, ясные дни снова наставали: снова всѣ были покойны и довольны. Не было уже ни свободы слова, ни трибунъ, ни..... Франціи! Папа, сопровождаемый арміею, вышедшей изъ французской префектуры, снова раздавалъ направо и налѣво свое апостольское благословеніе. Дѣла, по окончаніи

февральской драмы, шли своимъ порядкомъ. Настала всеобщая эра «любви и бракосочетаній». Бельгія соединялась съ Австріей въ лицѣ австрійской эрцгерцогини; молодой императоръ вѣнскій вздыхалъ у ногъ своей невѣсты; Наполеонъ III, 45 лѣтній «Вертеръ», соединялся по любовному капризу съ своей «Шарлотой» Теба.

Вдругъ, среди всеобщаго спокойствія, всемірнаго благосостоянія, императоръ Николай бьетъ тревогу, начинаетъ религіозную войну, которая легко можетъ перенестись съ береговъ Чернаго моря на берега Рейна.

Донозо Кортесъ, въ замѣчательной рѣчи своей, произнесенной въ Мадритѣ 1849 года, предсказывалъ вторженіе русскихъ въ Европу и не находилъ для цивилизаціи другого якоря спасенія, какъ только въ *единствѣ* власти, т. е. въ неограниченномъ монархизмѣ, подчиненномъ католицизму. Первымъ условіемъ къ достиженію этой цѣли было, по словамъ его, введеніе католицизма въ Англію.

Можетъ быть, *подобное единство* чрезвычайно усилило бы Европу; да, по несчастію, оно невозможно.

Ежели бы не боялись революціи болѣе, нежели русскихъ, чего проще какъ идти на Севастополь, овладѣть Одессой; магометанское народонаселеніе Крыма не было бы враждебно туркамъ. Занявши эту позицію,—сдѣлать воззваніе Польшѣ; дать свободу малороссійскимъ крестьянамъ, ненавидящимъ рабство.

Но, вѣдь, и Галиція—Польша, скажетъ Австрія.

Но, вѣдь, и Познань—Польша, скажетъ Пруссія.

А если Польша освободится, чѣмъ удержать Венгрію и Ломбардію?—скажутъ они вмѣстѣ.

Ну такъ не ходить на Севастополь или развѣ объявить войну только для виду, войну, которая окончится въ пользу Николая или Людвига Бонапарта.

Міръ европейскій въ той формѣ, въ которой онъ теперь существуетъ, окончилъ свою карьеру; но намъ кажется, что ему слѣдовало бы окончить ее торжественнѣе: ежели не безъ страданій и боли, то, по крайней мѣрѣ, безъ стыда и униженія. Консерваторы, какъ вообще старые скупцы, боятся только наслѣдника, и отдаляются отъ него. Ихъ въ ночное время задушатъ и ограбятъ воры и разбойники.

Послѣ бомбардированія Парижа, послѣ заточенія, ссылки и казней безъ суда возставшихъ работниковъ, полагали, что опасность миновала.

Но смерть—Протей. Ее вытолкали, какъ ангела будущей жизни, она возвратилась скелетомъ прошедшаго; ее оттолкнули, какъ республику демократическую и соціальную, она возвращается Николаемъ, царемъ русскимъ, или Наполеономъ, царемъ французскимъ.

Тотъ или другой, или оба вмѣстѣ, окончатъ борьбу. Но для

того, чтобы бороться, надобно имѣть противника, съ которымъ стоитъ вступать въ бой. Гдѣ же та приготовленная арена, то послѣднее укрѣпленіе, за которымъ бы цивилизація могла вступить въ бой и защищаться.

Въ Парижѣ?—Нѣтъ.

Какъ Карлъ V, Парижъ, еще при жизни, отрекся отъ своей мірودержавной короны; немного военной славы и очень много полиціи достаточны для сохраненія порядка въ Парижѣ.

Мѣсто для турнира, champ clos—въ Лондонѣ.

Пока свободная и гордая своими правами Англія существуетъ какъ теперь, до тѣхъ поръ ничего окончательнаго не сдѣлано въ пользу варварства.

Россія и Австрія перестали ненавидѣть Парижъ съ 10 декабря 1848 года. Парижъ потерялъ свой prestige для королей; они его уже не боятся. Вся ихъ ненависть обратилась на Англію. Они ее трусятъ, они ее ненавидятъ и желали бы разграбить ее.

Въ Европѣ существуютъ государства реакціонныя, но не консервативныя. Англія одна—консервативна, потому что ей есть что хранить—*личную свободу*.

Это одно слово соединяетъ въ себѣ все то, что преслѣдуютъ и ненавидятъ Бонапарты. И вы думаете, что они, будучи побѣдителями и въ главѣ армій, оставятъ въ покоѣ, въ столь близкомъ разстояніи отъ *Парижа порабощеннаго—Лондонъ свободный?* Лондонъ, гнѣздо пропаганды, гавань, открытая всѣмъ спасающимся; Лондонъ, въ который побѣгутъ толпами люди изъ опустошенныхъ и превращенныхъ въ пепелъ городовъ материка, унося съ собой науки и художества, промышленность и образованность.

Этого достаточно для войны.

Тогда-то осуществится желаніе Наполеона I—перваго варвара новѣйшихъ временъ! Какое большее несчастіе революціонная Европа можетъ обрушить на Англію, какъ эта война? У свободныхъ народовъ слишкомъ много дѣла дома, чтобъ думать о внѣшней войнѣ.

Англичане слѣпы: и слѣпота ихъ происходитъ не отъ эгоизма, не отъ жадности къ деньгамъ, а просто отъ невѣжества, отъ привычки ходить по торной дорогѣ; рутина дѣлаетъ ихъ неспособными понимать, что человѣку надобно иногда пролагать новый путь, а не все слѣдовать по истоптанному старому шоссе.

Тѣ, которые, имѣя глаза, не хотятъ смотрѣть,—тѣ посвящены богамъ ада. Какъ ихъ спасти?

Глубокая и черная ночь покроетъ своею пеленою трудъ разложенія...

А послѣ?... Послѣ ночи обыкновенно наступаетъ день!

Прольемъ слезу надъ старцемъ, но оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ — и съ чувствомъ сожалѣнія и уваженія, накрывъ гробовымъ саваномъ отходящее къ смерти, съ твердостью произнесемъ старое восклицаніе:

Король умеръ! — Да здравствуетъ король!...

Лондонъ, 17 февраля, 1854 г.

Письмо третье.

Любезный Линтонъ.

Славянскій міръ гораздо моложе европейскаго.

Онъ моложе политически, точно такъ, какъ Австралія моложе его—геологически. Онъ сложился гораздо позже; онъ еще не развился, онъ еще міръ недавній, и едва только вступающій въ историческій потокъ.

Долгое, вѣковое существованіе ничего не значитъ. Дѣтство народовъ можетъ продолжаться нѣсколько тысячелѣтій, равно какъ и ихъ старость. Славянскіе народы служатъ примѣромъ первому, азіатскіе — второму.

Но на чемъ можно основывать идею, что теперешнее состояніе славянъ есть ихъ дѣтство, а не дряхлость, что это ихъ начало, а не неспособность къ развитію вообще? Не имѣемъ ли мы передъ глазами примѣръ тому, что народы исчезаютъ, не оставляя по себѣ исторіи, да еще и такіе, которые въ свое время доказали, что они не совсѣмъ лишены способностей (финны).

Немного надобно вниманія къ судьбамъ Россіи, чтобъ понять, въ такомъ ли она положеніи. Страшное тяготѣніе ея на Европу— не признакъ маразма или неспособности, напротивъ—признакъ ея полудикой силы, ея дурно направленной, но бодрой юности.

Съ такимъ характеромъ является она при первомъ появленіи своемъ на порогѣ міра образованнаго.

Въ Парижѣ господствовало регентство, въ Германіи — нѣчто еще худшее; повсюду растлѣніе, изнѣженность, ослабляющій и унижающій развратъ—грубый въ Германіи, утонченный въ Парижѣ.

Въ этой вредной атмосферѣ, заразительныя испаренія которой едва были заглушаемы косметическими благоуханіями, въ этомъ мірѣ наложницъ, не-законнорожденныхъ дочерей, любовниковъ, управляющихъ государствами, середь разслабленныхъ нервъ, глупорожденныхъ принцовъ и министровъ плутовъ, — какъ-то становится свѣжѣе при видѣ Петра I, этого рослаго варвара въ простомъ мундирѣ изъ толстаго сукна, этого сѣвернаго человѣка, дюжаго, мускулистаго, полнаго простоты, энергіи и силы. Таковъ былъ первый русскій, занявшій свое мѣсто между европейскими

властелинами. Онъ явился за наукой, и узналъ многое, чего не ожидалъ. Онъ понялъ дряхлость западныхъ государствъ и испорченность ихъ правителей.

Тогда еще не предвидѣлась революція, долженствовавшая спасти міръ; а гибель была передъ глазами. Такъ Петръ I понялъ будущее значеніе Россіи въ отношеніи Европы и роль ея въ Азіи. Справедливо ли, или несправедливо его завѣщаніе, но оно, конечно, содержитъ въ себѣ его *мысли*, которыя онъ нерѣдко повторялъ въ своихъ замѣчаніяхъ и запискахъ. Русское правительство, до Николая, оставалось вѣрнымъ традиціи Петра I, даже и самъ Николай слѣдовалъ ей въ внѣшней политикѣ.

Россію можно ненавидѣть, можно проклинать, — но можно ли утверждать, что она стара, остановилась, одряхлѣла?

Говорятъ, что русскій народъ неподвижно сидитъ въ своемъ углу въ то время, какъ правительство дѣлаетъ въ Петербургѣ, что хочетъ. Нѣмецкіе писатели выводятъ изъ этого, что народъ русскій косный, азіатскій, не имѣетъ ничего общаго съ правительственной дѣятельностью; что это полудикое племя *дипломатически* завоевано нѣмцами, которые ведутъ его, куда хотятъ. Надобно отдать справедливость нѣмецкимъ побѣдамъ; это самыя величайшія и самыя безкровныя въ мірѣ. Нѣмцы не довольствуются своимъ материнскимъ правомъ на Англію и Сѣверную Америку (Stamverwand!), они, сверхъ того, завоевали всю Россію, *рыцарями* Остзейскихъ губерній, тучами генераловъ, дипломатовъ, шпіоновъ и другихъ сановниковъ нѣмецкаго происхожденія.

Дѣйствительно, правленіе петербургское не національно. Но и цѣль реформы Петра I была *денаціонализація* московской Руси. Пассивная оппозиція и своего рода неподвижность народа тоже факты неоспоримые. Но, съ другой стороны, русскій народъ невольно составляетъ живую и сильную основу правительству. Народъ смотритъ на него, какъ на представителя своего національнаго единства, своей силы.

Ничто въ Россіи не имѣетъ того характера застоя или смерти, который постоянно и утомительно встрѣчается въ неизмѣняемыхъ повтореніяхъ одного и того же, изъ рода въ родъ, у старыхъ народовъ Запада.

По неспособности народа къ какой-либо переходной формѣ, справедливо ли заключать о всеобщей неспособности его къ развитію?

Славянскіе народы собственно не любятъ ни государства, ни централизаціи. Они любятъ жить въ разбросанныхъ общинахъ, удаляясь какъ можно больше отъ всякаго вмѣшательства со стороны правительства. Петербургскій періодъ— тяжкій искусъ, трудное воспитаніе въ государственную жизнь. Онъ насильно сдѣлалъ

большую пользу Россіи, соединивъ части ея и спаявъ ихъ въ одно цѣлое.

Народъ русскій народъ земледѣльческій. Улучшеніе быта собственниковъ въ Европѣ принесло почти исключительно пользу однимъ горожанамъ; для крестьянъ революція только окончательно уничтожила крѣпостное состояніе и раздробила поземельную собственность. Раздѣлъ земли въ Россіи былъ бы смертельнымъ ударомъ ея общинному устройству.

Въ Россіи нѣтъ ничего оконченнаго, окаменѣлаго: все въ ней находится еще въ состояніи раствора, приготовленія. Гакстгаузенъ справедливо выразился, что въ Россіи всюду видно «недоконченность, ростъ, начало». Да, всюду чувствуешь известь, слышишь пилу и топоръ.

... Но должна ли Россія пройти всѣми фазами европейскаго развитія, или ея жизнь пойдетъ по инымъ законамъ? Я совершенно отрицаю необходимость этихъ повтореній. Мы, пожалуй, должны пройти трудными и скорбными испытаніями историческаго развитія нашихъ предшественниковъ; но такъ, какъ зародышъ проходитъ до рожденія всѣ низшія ступени зоологическаго существованія. Оконченный трудъ и добытый результатъ входятъ въ общее достояніе всѣхъ понимающихъ, это круговая порука прогресса, маіоратъ человѣчества. Я знаю, что результатъ самъ по себѣ не передается, по крайней мѣрѣ безполезенъ,—результатъ дѣйствителенъ, какъ послѣдствіе цѣлаго логическаго развитія.

Всякій школьникъ долженъ самъ найти рѣшеніе Евклидовыхъ предложеній, но какая огромная разница между трудомъ Евклида, открывшаго ихъ, и трудомъ ученика нашего времени!

Россія продѣлала свою революціонную эмбріогенію въ «европейскомъ классѣ». Дворянство съ правительствомъ представляютъ у насъ европейское государство въ славянскомъ. Мы прошли всѣ фазисы политическаго воспитанія, начиная отъ нѣмецкаго конституціонализма, отъ англійскаго канцелярскаго монархизма до поклоненія 93 году. Подражаніе наше было похоже на аберрацію звѣздъ, которая въ маломъ видѣ передаетъ намъ путь, проходимый земнымъ шаремъ по своей орбитѣ.

Народу русскому не нужно начинать снова этотъ тяжкій трудъ. Зачѣмъ ему проливать кровь свою для достиженія тѣхъ полурѣшеній, до которыхъ мы дошли и которыхъ вся важность состоитъ только въ томъ, что мы черезъ нихъ дошли до иныхъ вопросовъ, до новыхъ стремленій.

Мы за народъ отбыли эту тягостную работу, мы поплатились за нее.

Въ Европѣ не подозрѣваютъ о страшныхъ мученіяхъ, въ которыхъ сломились, изныли два послѣднія поколѣнія. Гнетъ ста-

новится день ото дня сильнѣе, тягостнѣе, обиднѣе; надо прятать свою мысль, удерживать біеніе сердца.... И среди этой мертвой тишины, вмѣсто утѣшенія, опоры, мы увидѣли бѣдность революціонной идеи и равнодушіе къ ней народа.

Вотъ источникъ той мрачной тоски, того разлагающаго скептицизма, той тягостной иронiи, которые составляютъ характеръ русской поэзіи. Кто молодъ, кто имѣетъ теплое сердце, тотъ ищетъ какъ-нибудь забыться, усыпить себя чѣмъ-нибудь,—люди талантливые умираютъ на полъ-дорогѣ, сосланные или сами добровольно удаляющіеся отъ всякаго участія въ страшныхъ дѣлахъ. Объ нихъ и объ ихъ ужасной кончинѣ говорятъ, потому что многіе слышали, какъ билась ихъ голова объ мѣдный сводъ, душившій ихъ, потому что имъ удалось, по крайней мѣрѣ, заявить свою силу.... Но сотни другихъ, которые съ отчаяніемъ сложили руки, морально убили себя, отправились на Кавказъ, заперлись въ своихъ имѣніяхъ, не выходятъ изъ игорныхъ или публичныхъ домовъ,—всѣ эти *лѣнтяи*, о которыхъ никто не пожалѣлъ, никто не свѣдалъ,—страдали не меньше ихъ!

Для дворянства наступаетъ конецъ этого искуса. Образованная Россія должна возвратиться къ народу. Русскій народъ собственно стали узнавать только послѣ революціи 1830 года. Съ удивленіемъ увидѣли, что русскій человѣкъ, равнодушный, неспособный ко всѣмъ политическимъ вопросамъ, бытомъ своимъ ближе всѣхъ европейскихъ народовъ подходитъ къ новому соціальному устройству. Можетъ, вы скажете на это, что въ этомъ русскій походитъ на нѣкоторые азіатскіе народы, и укажете на сельскія общины у индусовъ, довольно схожія съ нашими. Я и не отвергаю, чтобы у азіатскихъ народовъ не было соціальныхъ элементовъ, и даже можетъ больше, нежели у западныхъ народовъ. Не общинное устройство держитъ азіатскіе народы въ неподвижности, а ихъ исключительная народность, ихъ невозможность выйти изъ патріархализма, освободиться отъ рода; мы не въ томъ положеніи.

Славянскіе народы, напротивъ, имѣютъ большую удобовпечатляемость; они легко усвоиваютъ себѣ языки, обычаи, искусства и технику другихъ народовъ. Они равно обживаются у Ледяного океана и на берегахъ Чернаго моря.

Въ образованной Россіи (какъ она ни оторвана отъ народа, но все-таки въ ней есть черты его характера) вы не найдете той капризной упорности старой женщины, того упрямаго непониманія, которыя на каждомъ шагу встрѣчаются въ старомъ свѣтѣ.

Съ изумленіемъ останавливаемся мы передъ китайскими стѣнами, которыя межуютъ Европу. Англія и Франція едва имѣютъ понятіе объ умственномъ движеніи Германіи. Еще больше, эти два европейскіе Китая, отдаленные только на нѣсколько часовъ

ѣзды, связанные между собой безпрерывною торговлею, плохо знаютъ другъ друга: Парижъ и Лондонъ дальше другъ отъ друга, нежели Лондонъ и Нью-Іоркъ. Англичанинъ, простолюдинъ, смотритъ на француза съ дикой ненавистью и съ видомъ тупого превосходства; французъ отвѣчаетъ ему жалкимъ презрѣніемъ.

Англійскій буржуа надоѣдаетъ вопросами, открывающими такое глубокое незнаніе сосѣдняго края, что стыдно отвѣчать. Французъ, проживши пять лѣтъ въ Лейстеръ-скверѣ или въ Сохо, ничего не понимаетъ, что дѣлается вокругъ него. И въ то же время германская наука, которая не въ состояніи перейти за Рейнъ, очень хорошо доходитъ до береговъ Волги и за нихъ; поэзія Шекспира и Байрона, не выносящая переѣзда черезъ Ла-Маншъ, доплываетъ живо и невредимо до береговъ Балтійскихъ. И все это дѣлается, не забудьте еще, подъ гнетомъ ревниваго правительства, употребляющаго всѣ средства, чтобъ отдалить насъ отъ Европы.

Наше домашнее и общественное воспитаніе имѣетъ въ себѣ тотъ же универсальный характеръ; нѣтъ воспитанія *менѣе* религіознаго, чѣмъ наше, и *болѣе* полиглотнаго. Реформа Петра I, въ высшей степени реалистическая, свѣтская и вообще европейская, дала ему этотъ характеръ. Каѳедры теологіи учреждены были въ нашихъ университетахъ только со временъ Александра I, и то въ послѣдніе годы его царствованія. Что же касается до изученія новыхъ языковъ, то это такъ взошло въ нравы, что невозможно искоренить. Даже правительство многоязычно: офиціальныя газеты печатаются по-русски, по-французски и по-нѣмецки.

Наше воспитаніе не имѣетъ ничего общаго съ тою средою, для которой человѣкъ назначенъ,—и это превосходно. Образованіе у насъ отдаляетъ молодого человѣка отъ безнравственной почвы, оно его гуманизируетъ, и необходимо ставитъ его въ оппозицію съ офиціальной Россіей. Онъ отъ этого много страдаетъ и этими страданіями заглаживаетъ ошибки и преступленія отцовъ своихъ. Но самыя тяжкія времена распаденія проходятъ: развитое меньшинство встрѣчается съ народомъ тогда, когда оно вовсе того не ожидало.

Съ удивленіемъ слушали у васъ наши разсказы о русской общинѣ, раздѣлѣ полей, міровыхъ сходкахъ, объ работничихъ артеляхъ, объ избранныхъ старостахъ. Многіе думали, что все это мечты, соціалистическій бредъ.

Но является человѣкъ вовсе не революціонерный и издаетъ три тома о сельской общинѣ въ Россіи. Гакстгаузенъ, католикъ, прусскій баронъ, агрономъ, и до такой степени *радикальный* монархистъ, что, по словамъ его, прусскій король слишкомъ либераленъ.

Факты, нами указанные, описаны имъ in extenso. Я не намѣренъ повторять здѣсь того, что я уже говорилъ о начальной организаціи этого self-governement общинъ, гдѣ все избирательно, гдѣ всѣ владѣльцы, а земля не принадлежитъ никому, гдѣ пролетаріатъ—исключеніе.

Теперь вы легко увидите, что русскій народъ, подавленный рабствомъ, не можетъ идти по колеѣ европейскихъ народовъ, повторяя ихъ прошлыя революціи, исключительно городскія, и которыя тотчасъ пошатнули бы основанія его общинной организаціи.

Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-governement по городамъ и всему государству, сохраняя народное единство,—вотъ въ чемъ состоитъ вопросъ о будущемъ Россіи, т. е. вопросъ той же соціальной антиноміи, которой рѣшеніе занимаетъ и волнуетъ умы Запада.

Государство и отдѣльная личность, власть и свобода, коммунизмъ и эгоизмъ (въ обширномъ смыслѣ слова)—вотъ геркулесовы столбы великой борьбы, великой революціонной эпопеи.

Европа даетъ рѣшеніе изуродованное и отвлеченное.

Россія—изуродованное и дикое.

Будущее никогда не формируется вполнѣ прежде своего осуществленія.

Народы англо-саксонскіе освободили лицо насчетъ общественной круговой поруки, обособляя человѣка. Русскій народъ сохранилъ общинное устройство, отрицая личность, поглощая человѣка.

Развитіе личнаго права—закваска, долженствующая привести въ броженіе массу силъ, дремлющихъ въ бездѣйствіи общинно-патріархальнаго порядка. Личное начало входитъ въ русскую жизнь инымъ путемъ. оно осуществилось въ лицѣ царя, отрицающаго традиціи и національность, разрушающаго единство народное внутреннимъ расщепленіемъ.

Русская имперія твореніе XVIII вѣка; все, что было начато въ это время, носитъ въ себѣ зародышъ революціонный.

Холостой дворецъ Фридриха II и смирительный домъ, служившій дворцомъ отцу его, вовсе не были такъ монархически, какъ Эскуріалъ и Тюльери. Въ новыхъ государствахъ воздухъ вѣялъ рѣзкій, утренній; въ нихъ вообще все сухо, просто, положительно, раціонально; а это именно убиваетъ религіозный и монархическій духъ.

Петръ I круто отбросилъ традиціи византино-московскія. Онъ предпочиталъ власть престолу; онъ дѣйствовалъ болѣе страхомъ, нежели величіемъ, и ненавидѣлъ mise en scène, необходимую для монархіи.

Императрицу Екатерину II пугали нѣмота и всемогущество. безпредѣльная покорность исполнителей и рабовъ, до того без-

смысленно повинующихся, что ихъ покорность переживаетъ приказывающаго. Она старалась внушить дворянству болѣе независимыя понятія, желая окружить ихъ людьми, добровольно преданными ей, на которыхъ она могла бы надѣяться. Молчаніе писарей и исполнителей страшило супругу Петра III.

Попытки ея новыхъ учрежденій дѣйствительно были замѣчательны. Никто серьезно не вглядывался въ ихъ эксцентрическій характеръ, въ нихъ было странное соединеніе демократизма и аристократизма, деспотизма и представительства, Іоанна Грознаго и Монтескьё.

Всѣ эти учрежденія носятъ двойную печать петровскаго періода и не сложившихся національныхъ стремленій, усовершенствованныхъ развивающейся идеей западной гражданственности.

Судьи *выбираются*, и выбираются на нѣсколько лѣтъ: они принадлежатъ дворянству, мѣщанству и крестьянамъ; *судебнаго сословія* вовсе нѣтъ. Имѣющій право участвовать въ выборахъ можетъ быть выбранъ въ судьи. Отсутствіе судебнаго сословія — фактъ замѣчательный. Однимъ врагомъ у насъ меньше—да еще какимъ врагомъ! *Другого* чернаго человѣка, свѣтскаго священника, тайнаго жреца *Закона человѣческаго*, имѣющаго монополь судить, приговаривать, понимать ratio scripta, у насъ нѣтъ. Конечно, смѣшно видѣть отставного кавалерійскаго офицера выбраннымъ въ судьи, не понимающаго ни законовъ, ни процедуры; но, съ другой стороны, печально предполагать всѣхъ людей неспособными разобрать дѣло, исключая касты *знатоковъ* по обязанности воспитанныхъ ad hoc. Ежели выбранные судьи не хороши, тѣмъ хуже для избирателей,—они должны знать, что дѣлаютъ. Но, скажутъ намъ, юристомъ не сдѣлаешься безъ ученія: законы такъ сложны, что надобно много, большихъ занятій, чтобъ не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ... Это справедливо,—но изъ этого не слѣдуетъ, что съ самаго дѣтства нужно приготавливать спеціальный классъ для пониманія законовъ; а напротивъ, то, что слѣдуетъ бросить всѣ эти запутанные законы. Отношенія людей просты, формальность, судейскіе обычаи, вся эта поэзія адвокатовъ, всѣ fioriturі юриспруденціи только запутываютъ вопросы.

Въ Россіи судъ первыхъ инстанцій составленъ изъ члена, выбраннаго дворянствомъ, другого выбраннаго мѣщанами и третьяго вольными крестьянами. Два кандидата выбираются дворянствомъ для должности предсѣдателя уголовной палаты. Правительство назначаетъ одного изъ нихъ и, съ своей стороны, посылаетъ прокурора, имѣющаго право останавливать всякое рѣшеніе и пересылать его въ сенатъ.

Ежели вы вспомните, что прокуроръ принадлежитъ также дворянству, то вы ясно увидите, что дѣйствія мѣщанскаго члена и

члена изъ крестьянъ подавлены во всѣхъ случаяхъ разногласія. Они имѣютъ полное право протестовать и внести дѣло на разсмотрѣніе въ сенатъ. Но это случается очень рѣдко по очевидной причинѣ: сенатъ, не имѣющій никакого элемента, ни народнаго, ни избирательнаго, всегда за одно съ дворянами или съ правительствомъ; это такъ, но мы говоримъ о нормѣ, а не о злоупотребленіяхъ, и я обращаю ваше вниманіе на возможное развитіе ея въ будущемъ, а не на современное положеніе.

Десять лѣтъ тому назадъ въ московскія головы былъ избранъ человѣкъ безкорыстный и строгій. Обязанность городского главы состоитъ въ надзорѣ за городскими суммами; онъ распоряжается городскими приходами и расходами. Обыкновенно на эти мѣста выбираютъ какого-нибудь милліонера, любящаго выказываться въ офиціальныхъ празднествахъ, давать чудовищные обѣды и балы, подписывающаго все, что угодно правительству и чего хочетъ начальство. Московскій городской глава Шестовъ иначе понялъ обязанность, на него возложенную: онъ подрѣзалъ крылья офиціальныхъ воровъ, оберъ-полицмейстеръ объявилъ ему отчаянную войну. Глава принялъ вызовъ и битва кончилась паденіемъ оберъ-полицмейстера.

Но не одни судьи избирательные,—земская полиція тоже избирательная. Исправникъ и засѣдатели или становые выбираются дворянствомъ.

Уѣздная полиція оканчивается внизъ сельской общиной—съ своимъ a parte, съ избраннымъ старостой, съ своей избранной полиціей, съ своимъ поглощеніемъ личности во имя традиціоннаго и національнаго коммунизма. За губернскими выборными мѣстами вверхъ начинается правительственная централизація; въ ней теряется всякой слѣдъ самобытнаго права.

Итакъ, идеи личнаго права и идеи независимости могутъ проявиться у насъ только въ дворянствѣ или въ среднемъ сословіи.

Вліяніе мѣщанства не имѣетъ того значенія въ Россіи, какъ въ Европѣ, не только оттого, что развитіе промышленности до сей поры незначительное, но и потому, что высшее мѣщанство или купечество легко получало личное дворянство.

Мало знаемъ мы нравственныя силы мѣщанства. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ можно было ихъ видѣть, оно показывало себя отсталымъ, точно консервативнымъ, православнымъ, раболѣпнымъ и тяжело патріотическимъ. Угнетенное, всего боящееся, оно скрывало свои богатства, пряталось само, молчало, жило назаперти, строило церкви, раздавало милостыню бѣднымъ и заточеннымъ, давало взятки чиновникамъ и копило милліоны.

Новое поколѣніе, получившее образованіе, можетъ быть, пойдетъ по другой дорогѣ и приметъ иныя идеи.

У насъ дворянство больше администрація, чѣмъ аристократія. Родъ, графскій и княжескій титулъ, древность имени и величина владѣній не даютъ никакихъ особенныхъ привилегій, связанныхъ исключительно съ чинами. Есть повѣрье, что ежели два поколѣнія дворянъ не служили, то правительство можетъ лишить ихъ дворянства.

Эта всеобщность службы даетъ ей самой иное значеніе. Служить въ Россіи не значитъ, какъ во Франціи, быть агентомъ, âme damnée власти. Общественное мнѣніе не смѣшиваетъ дѣйствительно преданныхъ чиновниковъ, полныхъ рвенія, служащихъ *по вкусу*, съ чиновниками, не имѣющими этихъ качествъ. Первыхъ иногда боятся, но никогда не уважаютъ. Другіе же составляютъ все независимое общество въ столицахъ и губерніяхъ. Классъ этотъ довольно обширенъ, ежели причислить къ нему военныхъ, вообще меньше раболѣпныхъ, нежели гражданскіе чиновники, людей вышедшихъ въ отставку 25 или 26 лѣтъ и живущихъ въ своихъ имѣніяхъ и служащихъ только по выборамъ.

Вотъ въ этой-то средѣ, наше общее и полиглотное воспитаніе образовало, можетъ быть, самыхъ независимыхъ людей въ Европѣ. Отсутствіе свободы слова, необходимость быть ежеминутно настороже, пріучили ее къ внутренней, смѣлой и безжалостной работѣ. Новая литература иногда высказывала долю затаенныхъ страстей, наполняющихъ грудь русскаго человѣка. Безъ страха и жалости дошли передовые люди до соціальныхъ идей въ политикѣ, до реализма въ наукѣ, до отрицанія и скептицизма въ философіи.

Соціализмомъ—революціонная идея можетъ у насъ сдѣлаться народною. Въ то время какъ въ Европѣ соціализмъ принимается за знамя безпорядка и ужасовъ, у насъ, напротивъ, онъ является радугой, пророчащей будущее народное развитіе.

Теперь, ознакомившись съ элементами русской жизни, вы поймете, что Россіи невозможно сдѣлать шага впередъ, не вступая въ какой-нибудь внутренній переворотъ или въ европейскую войну.

Освобожденіе крестьянъ, дѣло столь простое въ прочихъ государствахъ, невозможно у насъ *безъ уступки крестьянамъ земли, а освобожденіе съ землей* —лишеніе значительной собственности дворянства. Условія дворянскаго быта должны перемѣниться съ освобожденіемъ, а съ нимъ и его отношенія къ правительству; не забудьте, что судъ и полиція внѣ городовъ принадлежатъ дворянству, и дворянство всякой губерніи организовано въ совѣщательныя собранія и привыкло правильно собираться въ назначенные сроки.

Ежели бы на русскомъ престолѣ былъ дѣйствительно энергическій человѣкъ, то онъ былъ бы главнымъ двигателемъ освобожде-

нія крестьянъ: онъ покрылъ бы величайшею славою конецъ петербургскаго періода, онъ самъ бы далъ направленіе неминуемому событію. Но для этого нуженъ Петръ I.

Монархическая и не слишкомъ военная Европа не хочетъ и не должна имѣть серьезной войны съ царемъ. Царь, съ своей стороны, не можетъ воздержаться отъ войны съ Европой, развѣ она ему подаритъ Константинополь.

Константинополь?—Да! Константинополь. Онъ ему необходимъ для того, чтобы отвести глаза русскаго народа на Востокъ, онъ ему необходимъ, чтобы усилить усердіе православной церкви: наконецъ, онъ ему необходимъ *инстинктивно*, потому что, несмотря на все, Николай орудіе судьбы. Онъ безсознательно приводитъ въ исполненіе внутренніе виды исторіи, и скорымъ шагомъ, съ закрытыми глазами, не видя пропасти, идетъ на ихъ совершеніе.

Время славянскаго міра настало. *Таборитъ*, общинный человѣкъ, тревожно раскрываетъ глаза, соціализмъ, что ли, его пробудилъ?... Гдѣ водрузитъ онъ свое знамя? Около какого центра соберется онъ?

Это средоточіе ни Вѣна, городъ рококо-нѣмецкій, ни Петербургъ, городъ ново-нѣмецкій, ни Варшава, городъ католическій, ни Москва, городъ исключительно русскій. Настоящая столица соединенныхъ славянъ—Константинополь, Римъ восточной церкви: центръ тяжести всѣхъ славяно-грековъ — Византія, окруженная славяно-эллинскимъ населеніемъ.

Германо - латинскія племена продолжаютъ имперію западную: не знаю, суждено ли славянамъ продолжать имперію восточную, но во всякомъ случаѣ не Петербургъ завоюетъ Константинополь, а скорѣе Константинополь замѣнитъ Петербургъ.

Петербургъ былъ бы такою же нелѣпостью въ имперіи, владѣющей Константинополемъ, какъ какой-нибудь Гольштейнъ-Готорпъ, прикинувшійся Порфирогенетомъ или Палеологомъ.

Добрымъ нѣмецкимъ выходцамъ этимъ много дѣла на старой родинѣ.

Развѣ вы не слышите, какъ за вашей дверью казакъ перешептывается съ двумя нѣмецкими пріятелями, которые вамъ измѣняютъ и готовы служить ему проводниками въ Европу?

Послѣ 1849 года, мы предсказывали, что *домъ габсбургскій и гогенцолернскій приведутъ еще русскихъ въ сердце западнаго міра*.

Для царя война, это выступленіе изъ береговъ отъ избытка гложущихъ силъ, послужитъ средствомъ отдалить на время всѣ внутренніе вопросы, и утолить жажду битвъ и увеличенія.

Для Европы, всякая война -несчастіе. Европа уже не въ тѣхъ

лѣтахъ, чтобъ вести войну поэтическую. Ей предстоитъ рѣшеніе другихъ вопросовъ, поддержаніе другой борьбы, но она сама накупается на нее.

Завоевательная война не совмѣстна съ цивилизаціей и промышленнымъ развитіемъ Европы, солдатскій абсолютизмъ нелѣпъ въ ней: а однако весь материкъ предпочелъ цезаризмъ свободѣ!

Цезаризмъ по сущности своей правленіе военное, правленіе матеріальной силы. Статскихъ бонапартовъ нѣтъ, даже сынъ Жерома—генералъ-лейтенантъ.

Можетъ быть, среди крови, битвы, пожара, опустошенія народы проснутся и увидятъ, протирая глаза, что всѣ эти сновидѣнія страшныя, уродливыя были не что иное, какъ сновидѣнія, какъ бредъ горячки.... И народы, увидя, какъ солнце высоко, удивятся своему долгому сну. Можетъ быть....

И во всякомъ случаѣ война эта—introduzione maestosa e marziale міра славянскаго въ всеобщую исторію и съ тѣмъ вмѣстѣ una marcia funebre стараго свѣта.

Прощайте. Дружески кланяюсь вамъ.

Лондонъ, 20 февраля, 1854 года.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ! ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ!

Русскому дворянству.

Первое вольное русское слово изъ-за границы пусть будетъ обращено къ вамъ.

Въ вашей средѣ развилась потребность независимости, стремленіе къ свободѣ и вся умственная дѣятельность послѣдняго вѣка.

Между вами находится то самоотверженное меньшинство, которымъ искупается Россія въ глазахъ другихъ народовъ и въ собственныхъ своихъ.

Къ вамъ первымъ мы и обращаемся.

Не съ словами упрека, не съ невозможнымъ зовомъ на бой, а съ дружескою рѣчью объ общемъ горѣ, объ общемъ стыдѣ и съ братскимъ совѣтомъ.

Горестно, стыдно быть рабами, но всего горестнѣе и больнѣе сознавать, что рабство наше необходимо, что оно въ порядкѣ вещей, что оно естественное слѣдствіе.

На нашей душѣ лежитъ великій грѣхъ, мы его унаслѣдовали, и въ этомъ невиноваты, но мы удерживаемъ неправо унаслѣдованное, оно стягиваетъ насъ какъ тяжелый камень на дно и съ нимъ на шеѣ мы не всплывемъ.

Мы рабы,—потому что наши праотцы продали свое человѣческое достоинство за нечеловѣческія права, а мы пользуемся ими.

Мы рабы,—потому что мы господа.

Мы слуги,—потому что мы помѣщики, и помѣщики безъ вѣры въ наше право.

Мы крѣпостные,—потому что держимъ въ неволѣ нашихъ братій равныхъ намъ по рожденію, по крови, по языку.

Нѣтъ свободы для насъ, пока проклятіе крѣпостного состоянія тяготитъ надъ нами, пока у насъ будетъ существовать гнусное, позорное, ничѣмъ неоправданное рабство крестьянъ.

Съ Юрьева дня начнется новая жизнь Россіи, съ Юрьева дня начнется наше освобожденіе.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть дворовыхъ людей, купленныхъ какъ товаръ, проданныхъ какъ стадо.

Нельзя быть свободнымъ человѣкомъ и имѣть право сѣчь мужиковъ и посылать дворовыхъ на съѣзжую.

Нельзя даже говорить о правахъ человѣческихъ, будучи владѣльцемъ человѣческихъ душъ.

Многіе изъ васъ желали освобожденія крестьянъ. Спорили сначала о томъ: съ землею или безъ земли дать волю? Потомъ всѣ увидѣли нелѣпость освобожденія въ голодъ, въ бродяжничество, и вопросъ шелъ только о количествѣ земли и о возможномъ возмездіи за нее.

Въ самыхъ помѣщичьихъ губерніяхъ, въ Пензѣ и Тамбовѣ, въ Ярославлѣ и Владимірѣ, въ Нижнемъ и, наконецъ, въ Москвѣ вопросъ объ освобожденіи находилъ сочувствіе и нигдѣ не встрѣчалъ того остервенѣнія, съ которымъ американскіе помѣщики защищаютъ свои черныя права.

Тульское дворянство подало проектъ: въ десяти другихъ губерніяхъ совѣщались, дѣлали предположенія.

И вдругъ дворяне и правительство перепугались, и изъ ихъ дрожащихъ рукъ выпали всѣ благія начинанія.

А бояться было вовсе нечего: разливъ 1848 года былъ слишкомъ мелокъ, чтобъ поднять наши степи.

Съ тѣхъ поръ все заснуло.

Куда дѣлось меньшинство, которое шумѣло въ петербургскихъ и московскихъ гостиныхъ объ освобожденіи крестьянъ?...

Чѣмъ кончились всѣ эти комитеты, совѣщанія, проекты, планы, предположенія?...

Наше сонное бездѣйствіе, вялая невыдержка, страдательная уступчивость наводятъ грусть и отчаяніе. Съ этой распущенностью мы дошли до того, что правительство насъ не гонитъ, а только пугаетъ.

А между тѣмъ въ деревняхъ становится неловко. Крестьяне посматриваютъ угрюмо. Дворовые меньше слушаются. Всякія вѣсти бродятъ.

Крѣпостное состояніе явнымъ образомъ надоѣло мужикамъ. Вы, съ своей стороны, знаете, что шагу впередъ нельзя сдѣлать безъ освобожденія крестьянъ. Но оно-то по счастію всего больше зависитъ отъ васъ.

Зависитъ сегодня. Мы не знаемъ, что будетъ завтра.

Чего-жъ вы ждете въ самомъ дѣлѣ?

Разрѣшенія правительства? Оно дало вамъ намекъ въ 1842 году. Вы имъ не воспользовались.

Да и какое тутъ позволеніе? Насильно заставить владѣть невозможно, это было бы тиранство совершенно новаго рода, обратная конфискація.

Вникните въ наши слова, поймите ихъ.

На сію минуту вы имѣете за себя больше, нежели право [1]), фактъ владѣнія – власть. Такъ или иначе, но ключъ отъ цѣпи у васъ въ рукахъ. Намъ кажется умнѣе, *разсчетливѣе* уступить, нежели ждать взрыва. Умнѣе бросить за бортъ долю груза, нежели дать утонуть всему кораблю.

Мы не предлагаемъ вамъ раздать ваше достояніе изъ самоотверженія. Мы ненавидимъ фразы и вовсе не вѣримъ въ повальное великодушіе, ни въ безкорыстіе цѣлыхъ сословій. Французское дворянство 4-го августа 1792 г. поступило въ десять разъ больше умно, нежели самоотверженно.

Взвѣсьте, что вамъ выгоднѣе: освобожденіе крестьянъ съ землею и съ вашимъ участіемъ или борьба противъ освобожденія? Взвѣсьте, что выгоднѣе: начать собой новую, свободную Русь и полюбовно рѣшить тяжелый вопросъ съ крестьянами или начать противъ нихъ крестовый походъ съ ружьемъ въ одной рукѣ, съ розгой въ другой? Если есть только будущность Руси и міру славянскому, *крестьяне будутъ свободны*...

Или вовсе не будетъ Россіи и слѣдъ ея, отмѣченный ненужной кровью и дикими побѣдами, исчезнетъ мало-по-малу, какъ слѣдъ татаръ, какъ второй неудачный слой сѣвернаго населенія послѣ финновъ. Государство, не умѣющее отдѣлаться отъ такого чернаго грѣха, такъ глубоко взошедшаго во внутреннее строеніе его, не имѣетъ права ни на образованіе, ни на развитіе, ни на участіе въ дѣлѣ исторіи.

Но ни вы не вѣрите такой страшной будущности, ни я.

И вы, и я, мы чувствуемъ и знаемъ, что освобожденіе крестьянъ необходимо, неотразимо, неминуемо.

Если вы не сумѣете ничего сдѣлать, они все-таки будутъ свободны.

Неужели грозные уроки былого всегда будутъ нѣмы?

И кого можетъ лучше поучать прошедшее и настоящее, какъ не васъ: вы зрители, вы смотрите, сложа руки, на грозную борьбу, совершающуюся въ Европѣ.

Чѣмъ дошла она, за исключеніемъ Англіи, до того, что образованнѣйшіе города ея превратились въ съѣзжіе дворы, Парижъ— въ человѣческую бойню, Франція—въ католическую Сибирь, Германія—въ остзейскія провинціи? Упорнымъ нехотѣніемъ уступать тому мощному вѣянію, которое неотразимо двигаетъ родъ людской.

Западные мѣщане все потеряли — честь, покой, свободу, все

[1]) Всякое дворянство на Западѣ можетъ сослаться на какія-нибудь слабыя, призрачныя права владѣнія крестьянами; у насъ и тѣхъ нѣтъ. Не кровью пріобрѣло русское дворянство рабовъ, а рядомъ полицейскихъ мѣръ, плутнями чиновниковъ и безстыдной алчностью своихъ праотцевъ.

такъ трудно нажитое ихъ собственною кровью,—и что же, побѣдили ли они тотъ натискъ страстныхъ стремленій къ новому общественному чину, котораго они такъ боятся? Нѣтъ. Правда, сломленные, оттолкнутые порывы отступили, но не исчезли, не уничтожились, они бродятъ и роются глубже въ тайникахъ сердца человѣческаго, дѣлаютъ горькую мысль, острую кровь и трепетнымъ огнемъ гнѣва пробѣгаютъ суставы всего тѣла.

Учитесь, пока еще есть время.

Мы вамъ говоримъ: предупредите большія бѣдствія, пока это въ вашей волѣ.

Спасите себя отъ крѣпостного права.

Но торопитесь,—время страдное, ни одного часа терять нельзя.

Горячее дыханіе больной, выбившейся изъ силъ, Европы вѣетъ на Русь переворотомъ.

Наступающій переворотъ не такъ чуждъ русскому сердцу, какъ прежніе. Слово *соціализмъ* неизвѣстно нашему народу, но смыслъ его близокъ душѣ русскаго человѣка, изживающаго вѣкъ свой въ сельской общинѣ и въ работнической артели.

ЕЩЕ ВАРІАЦІЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ.

(Письмо къ . . . . .)

Нѣтъ, любезный другъ, я не сдержу обѣщанія, даннаго тебѣ, и не стану писать статьи въ объясненіе того, что я говорилъ о Западѣ и что говорилъ о Россіи.

Послѣ твоего отъѣзда, подъ вліяніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ тобою, и замѣчаній нашихъ общихъ друзей, я пересмотрѣлъ часть писаннаго мною и нашелъ, что мнѣ прибавлять нечего. Что было за душой, что я выразумѣлъ и какъ выразумѣлъ, я все сказалъ. Если я не сумѣлъ въ цѣлыхъ книгахъ, въ рядѣ статей, въ рядѣ писемъ уяснить моего воззрѣнія, какъ же мнѣ это можетъ удаться на нѣсколькихъ страницахъ? Положимъ, что мой взглядъ и былъ въ самомъ дѣлѣ только болѣзненный, страстный, личный, когда я восемь лѣтъ тому назадъ писалъ «Съ того берега», но время такъ грозно подтвердило его, что онъ сталъ еще незыблемѣе въ моемъ умѣ и, не измѣнясь ни въ чемъ существенномъ, только остылъ. Повторять холодно сказанное тогда съ увлеченіемъ я отказываюсь и пишу теперь больше для того, чтобъ показать, какъ я внимательно слушалъ тебя и искренно принялъ къ сердцу замѣчанія нашихъ друзей.

Главные упреки сводятся на два: *во первыхъ*, что мое воззрѣніе на Западъ потрясаетъ вѣрованія, необходимыя еще у насъ; *во-вторыхъ*, что мое воззрѣніе на Россію сближаетъ меня съ славянофилами.

Упреки эти сами собою свидѣтельствуютъ, что усобица ваша съ московскими старовѣрами не улеглась; это жаль.

Увлеченные полемикой, вы не замѣчаете, какъ скучны ваши споры и какъ они надоѣли. Борьба съ славянофилами потеряла интересъ особенно послѣ смерти Николая. Пора бы подвести всѣ эти дрязги подъ манифестъ 26 августа 1856 года и предать ихъ забвенію съ прочими прегрѣшеніями николаевскаго времени.

Новая жизнь явнымъ образомъ закипаетъ у насъ; само правительство увлечено ею. Вопросы одинъ другого важнѣе, одинъ другого неотлагаемѣе возникаютъ со всѣхъ сторонъ; прибитыя къ землѣ надежды оживаютъ, хочется знать, что думаютъ у насъ объ

освобожденіи крестьянъ, объ уничтоженіи духовныхъ и тѣлесныхъ побоевъ цензуры и палки—объ обузданіи чиновничьяго грабежа, полицейскаго самоуправства и вмѣсто того читаешь схоластическія пренія о мѣстничествѣ народовъ и національности истины.

Я никогда не отрицалъ, что у славянъ есть вѣрное сознаніе *живой души* въ народѣ, есть «*чаяніе будущаго вѣка*», но, по несчастью, долженъ повторить, что «чутье ихъ проницательнѣе разумѣнія» [1]) и не только разумѣнія, но и совѣсти. Я съ ужасомъ и отвращеніемъ читалъ нѣкоторыя статьи славянскихъ обозрѣній: отъ нихъ вѣетъ застѣнкомъ, рваными ноздрями, эпитимьей, покаяньемъ, соловецкимъ монастыремъ. Попадись этимъ господамъ въ руки власть, они заткнутъ за поясъ III отдѣленіе. И будто я сблизился съ этими дикими по сочувствію, по выбору, по языку? Отчего же не такъ-то давно одинъ изъ нихъ пустилъ въ меня, подъ охраной полиціи, комомъ отечественной грязи съ такимъ *народнымъ* запахомъ передней, съ такой постной отрыжкой семинаріи и съ такимъ нахальствомъ холопа, защищеннаго отъ палки недосягаемостью запятокъ, что я на нѣсколько минутъ живо перенесся на Плющиху, на Козье болото?

Но ваша полемика противъ нихъ никуда не годится, оставьте вы ихъ въ покоѣ, или бейте ихъ на ихъ собственной почвѣ. Они не знаютъ *настоящей* Россіи; это оборотни и мертвецы, съ ихъ поля не отзывается ни одинъ «живъ человѣкъ», они свихнули свое пониманье лицемѣрнымъ православіемъ и поддѣльной народностью.

Мудрено теперь сбить ихъ примѣромъ Запада (и тутъ я отвѣчаю на другой упрекъ), когда достаточно одного нумера любой газеты, чтобы увидѣть страшную болѣзнь, подъ которой ломится Европа. Отворачиваться отъ ея ранъ и проповѣдывать поклоненіе *не только идеямъ*, которыя она выработала и съ которыми не можетъ сладить ея современная жизнь, но и ей самой,— столько же невозможно, какъ увѣрить насъ, что фанатически поврежденная умственная дѣятельность поклонниковъ Будды или карпатскихъ раскольниковъ важнѣе и глубже всѣхъ вопросовъ, занимающихъ насъ.

Вы любите европейскія идеи,—люблю и я ихъ: это идеи всей исторіи, это надгробный памятникъ, на которомъ написано завѣщаніе не только вчерашняго дня, но Египта и Индіи, Греціи и Рима, католицизма и протестантизма, народовъ римскихъ и народовъ германскихъ. Безъ нихъ мы впали бы въ азіатскій квіетизмъ, въ африканскую тупость. Россія *съ ними и только съ ними* можетъ быть введена во владѣніе той большой доли на-

[1]) Былое и Думы, гл. X.

слѣдства, которая ей достается. Въ этомъ мы совершенно согласны. Но вамъ не хочется знать, что теперешняя жизнь въ Европѣ не сообразна ея идеямъ. Вамъ становится страшно за нихъ: идеи, не находящія себѣ осуществленія дома, кажутся вамъ нигдѣ неосуществляемыми. Историческая эмбріологія врядъ оправдаетъ ли такое заключеніе. Изъ неприлагаемости новыхъ общественныхъ идей къ современной жизни европейскихъ народовъ (если-бъ это и было окончательно доказано) нельзя судить о ихъ неосуществляемости вообще, о ихъ неприложимости вездѣ. Развѣ одна сторона европейскаго идеала, именно англо-саксонская, не нашла себѣ полнаго выраженія по ту сторону Атлантическаго океана?

Пути развитія очень туги и очень непросты въ природѣ, въ исторіи: они употребляютъ страшное количество силъ и формъ. Намъ это мало видно, потому что мы всегда находимся лицомъ къ лицу съ готовымъ результатомъ, съ выработавшимся, съ успѣхомъ. Ряды неудачныхъ формъ были вызваны по дорогѣ, жили не вполнѣ (по сравненію съ послѣдующими) и замѣнялись другими намъ неизвѣстными. Онѣ не были пожертвованы, потому что онѣ жили для себя, но, отживши, передали наслѣдіе не дѣтямъ, а чужимъ. Мамонты и ихтіосавры—слонамъ и крокодиламъ. Египетъ и Индія—Греціи и Риму. Весьма можетъ быть, что вся творческая способность западныхъ народовъ истратилась, истощилась, создавая свой общественный идеалъ, свою науку, стремясь къ нимъ и осуществляя отдѣльныя, одностороннія фазы ихъ со всею страстностью и увлеченіемъ борьбы, въ которой оттого людямъ такъ легко умирать, что они на всякомъ шагу думаютъ достигнуть *полнаго* идеала своего.

Вырвутъ ли забитыя массы изъ рукъ монополистовъ силы, развитыя наукой, всю эту совокупность техническихъ улучшеній быта человѣческаго и сдѣлаютъ ли изъ нихъ общее достояніе; или собственники, опираясь на правительственную силу и на народное невѣжество, подавятъ массы? Въ обоихъ случаяхъ *идеи спасены*, а въ этомъ для васъ сущность дѣла. Наука, независимая отъ государственныхъ устройствъ, отъ *народности*, остается великимъ результатомъ европейской жизни, готовымъ измѣнить тяжелый историческій бытъ людей вездѣ, гдѣ встрѣтитъ способную почву, пониманье и вмѣстѣ съ пониманьемъ силу и волю.

Вопросъ о будущности Европы я не считаю окончательно рѣшеннымъ; но добросовѣстно, съ покорностью передъ истиной и скорѣе съ предразсудками въ пользу Запада, чѣмъ противъ него, изучая его десятый годъ не въ теоріяхъ и книгахъ, а въ клубахъ и на площади, въ средоточіи всей политической и соціальной жизни его, я долженъ сказать, *что ни близкаго, ни хорошаго*

выхода не вижу. Стоитъ взглянуть, съ одной стороны, на горячечное, одностороннее развитіе промышленности, на сосредоточеніе всѣхъ богатствъ, нравственныхъ и вещественныхъ, въ рукахъ меньшинства средняго состоянія, на то, что оно захватило въ руки церковь и правительство, машины и школы; что ему повинуются войска, что въ его пользу судятъ судьи; и, съ другой стороны, глядя на неразвитость массъ, на незрѣлость и шаткость революціонной партіи, я не предвижу безъ страшнѣйшей кровавой борьбы близкаго паденія мѣщанства и обновленія стараго государственнаго строя.

Теперь нечего и думать о прошлыхъ обыденныхъ революціяхъ, которыя дѣлались полушутя съ Беранжеровской пѣснью и сигарой во рту; теперь нѣтъ ни Карла X, готоваго бѣжать передъ опасностью, ни Людовика Филиппа, который не хотѣлъ бомбардировать Парижа; теперь нѣтъ ни австрійскаго императора, который по первому ружейному выстрѣлу даетъ конституцію; прусскій король хоть и тотъ же, но ужъ не сниметъ съ своей головы фуражку передъ убитыми революціонерами; самъ Пій IX поумнѣлъ. Іюньскіе дни 1848 года и Кавеньякъ показали міру, что за Варѳоломеевскую ночь, что за сентябрскіе дни ожидаютъ будущую борьбу.

Выйдетъ ли Европа поюнѣлой изъ этого испытанія, или погибнетъ какъ Сенека въ своей собственной крови, не знаю; но мнѣ сдается, что мы съ тобой не дождемся рѣшенія. У тебя всѣ волосы сѣдые, а мнѣ сорокъ четыре года отроду.

Не естественно ли въ этомъ положеніи современному человѣку порасширить свой взглядъ, осмотрѣться вокругъ, изучить, какъ другія страны, не вовлеченныя въ смертный бой Европы, относятся къ будущему, чего отъ нихъ можно ждать, куда онѣ тянутъ и нѣтъ ли тамъ глухой, приготовительной работы.

Но внѣ Европы есть только два дѣятельные края — *Америка* и *Россія*, развѣ еще начинающаяся *Австралія*. Остальное, все покоится непробуднымъ сномъ или бьется въ судорогахъ, которыхъ мы не понимаемъ, и которыя чужды намъ, какъ китайское возстаніе со всѣми своими грудами труповъ и отвратительнымъ мясничествомъ.

Америка, Европа колонизированная, то же племя и преимущественно англо-саксонское, но при другихъ условіяхъ. Волна за волной несетъ къ ея берегамъ наплывъ за наплывомъ,—и они не остаются на мѣстѣ, но идутъ далѣе и далѣе. Такъ, какъ кромвелевская Англія переплыла океанъ и разсѣялась по сѣвернымъ долинамъ и лѣсамъ, такъ и теперь толпы европейскихъ выходцевъ плывутъ туда отъ голода, отъ духоты, отъ преслѣдованія, «отъ будущаго», предчувствуя дома бѣды. Это продолженіе вѣко-

вого движенія на западъ. Три милліона ирландцевъ выселились со времени Р. Пиля; нѣмецкіе государи, торговавшіе въ XVIII столѣтіи стадами своихъ подданныхъ для веденія войны противъ независимости для населенія Пенсильваніи и пр., задумываются, видя, какъ народонаселеніе утекаетъ. Движеніе продолжается въ самой Америкѣ, новые пришельцы просачиваются сквозь осѣвшее народонаселеніе, иногда увлекаютъ его, — и все стремится, толкаясь и торопясь, на югъ: сегодня разработываютъ землю, завтра идутъ дальше, напирая къ экватору, гдѣ будетъ новая встрѣча и новое сочетаніе англо-саксонскаго элемента съ испано-романскимъ.

Мы видимъ, что все это еще расчистка мѣста, вѣхи, поставленныя для означенія арены, и никакая сила не удержитъ сѣверо-американцевъ съ ихъ избыткомъ силъ, пластицизма, неутомимости, отъ присоединенія центральной Америки и Кубы. Въ то время какъ въ Европѣ разваливается Венеція, нищаетъ Римъ, вянутъ небольшіе города Италіи и Испаніи за недостаткомъ капиталовъ и рукъ, за лѣнью и недостаткомъ дѣятельности, гдѣ-нибудь въ Калифорніи, въ Гондурасѣ и Никарагуѣ въ нѣсколько лѣтъ пустыни превращаются въ поля, починки въ города, степи исчерчиваются желѣзными дорогами, капиталы избыточествуютъ и неугомонная сила республики хватаетъ все далѣе и далѣе.

Что растетъ, то юно.

Силенъ былъ и ростъ Россіи, и едва ли онъ совсѣмъ окончился, едва ли она дошла до естественныхъ предѣловъ; это видно, сверхъ географической физіологіи, изъ безпрерывной заносчивости правительства, изъ постояннаго стремленія захватить какой-нибудь клочекъ земли. Но Россія расширяется по другому закону, чѣмъ Америка; оттого, что она въ теперешнемъ состояніи не колонія, не наплывъ, не нашествіе, а самобытный міръ, идущій во всѣ стороны, но крѣпко сидящій на своей собственной землѣ. Соединенные Штаты, какъ лавина, оторвавшаяся отъ своей горы, прутъ передъ собою все; каждый шагъ, пріобрѣтенный ими,—шагъ, потерянный индѣйцами. Россія понимаетъ кругомъ какъ вода, обходитъ племена со всѣхъ сторонъ, потомъ накрываетъ ихъ однообразнымъ льдомъ—и подъ нимъ дѣлаетъ изъ поклонниковъ Далай-Ламы защитниковъ православія, изъ нѣмцевъ *отчаянныхъ* русскихъ патріотовъ.

И тотъ же юный пластицизмъ. Чему смѣялся Іосифъ II на закладкѣ Екатеринославля, говоря, что императрица положила первый камень города, а онъ послѣдній? Не городъ тамъ построился, а государство. Новороссійскій край лучшее доказательство, какова пластическая сила Руси. А вся Сибирь? А теперешнія поселенія на берегахъ Амура, гдѣ на дняхъ будетъ раз-

виваться звѣздчатый флагъ американскихъ республикъ? Да и самыя восточныя губерніи европейской Россіи?

Читая лѣтопись семейства Багровыхъ [1]), я былъ пораженъ сходствомъ старика, переселившагося въ Уфимскую провинцію съ «сетлерами», переселяющимися изъ Нью-Іорка куда-нибудь въ Висконсинъ или въ Иллинуа. Совершенно новая расчистка нежилыхъ мѣстъ и обращеніе ихъ на хлѣбопашество и гражданскую жизнь. Когда Багровъ сзываетъ со всѣхъ сторонъ народъ засыпать плотину для мельницы, когда сосѣди съ пѣснями несутъ землю и онъ первый торжественно проходитъ по побѣжденной рѣкѣ, такъ и кажется, что читаешь Купера или Ирвинга Вашингтона. А, вѣдь, это всего вѣкъ тому назадъ; тоже было въ Саратовскомъ краю и въ Пермскомъ. Въ Вяткѣ въ мое время еще трудно было удержать крестьянъ, чтобъ они не переселялись въ лѣса и не начинали тамъ новыя селенія (починки); земля для нихъ все еще казалась общимъ достояніемъ, той res nullius, на которую каждый имѣетъ право.

Америка какъ переселеніе не представляетъ новыхъ элементовъ, это дальнѣйшее развитіе протестантской Европы, освобожденной отъ историческаго быта и приведенной въ иныя условія жизни. Величайшая идея, развитая Сѣверными Штатами, —чисто англо-саксонская, идея самоуправленія, т. е. сильнаго народа съ слабымъ правительствомъ, самодержавія каждаго клочка земли безъ централизаціи, безъ бюрократіи, съ внутреннимъ, нравственнымъ единствомъ. Какъ Америка будетъ относиться къ соціальнымъ стремленіямъ,—трудно сказать; духъ товарищества, ассоціаціи, предпріятій сообща чрезвычайно въ ней развитъ, но ни общаго владѣнія, ни нашей артели, ни сельской общины нѣтъ; личность соединяется съ другими только на извѣстное дѣло, внѣ котораго ревниво отстаиваетъ полнѣйшую независимость.

Россія, напротивъ, является совсѣмъ особеннымъ міромъ, съ *своимъ* естественнымъ бытомъ, съ *своимъ* физіологическимъ характеромъ—не европейскимъ, не азіатскимъ, а славянскимъ. Она участвуетъ въ судьбахъ Европы, не имѣя ея историческихъ преданій, свободная отъ ея обязательствъ прошедшему. «Какое счастіе, сказалъ Бентамъ Александру I, когда онъ былъ въ Лондонѣ послѣ наполеоновскихъ войнъ, что русскому законодателю не приходится бороться на каждомъ шагу съ римскимъ правомъ», а мы прибавимъ — ни съ феодализмомъ, ни съ католицизмомъ, ни съ протестантизмомъ. Кормчая книга и Уложеніе не захватываютъ всѣ проявленія жизни, не заправляютъ всякимъ дѣйствіемъ, остальныя учрежденія введены насиліемъ и держутся насиліемъ.

[1]) Семейная хроника, С. Т. Аксакова.

У насъ нигдѣ нѣтъ этихъ наглухо заколоченныхъ предразсудковъ, которые у западнаго человѣка какъ параличемъ отбиваютъ половину органовъ. Въ основѣ народной жизни лежитъ сельская община—съ раздѣленіемъ полей, съ коммунистическимъ владѣніемъ землею, съ выборнымъ управленіемъ, съ правомѣрностью каждаго работника (тягла). Все это находится въ состояніи подавленномъ, искаженномъ, но все это живо, и пережило худшую эпоху.

Если это сколько-нибудь такъ, то ненадобно быть русскимъ для того, чтобъ именно въ эти черные дни Европы обратить на Россію особенное вниманіе. Оно, впрочемъ, такъ и дѣлается. Россія занимаетъ многіе сильные умы. Мнѣ самому случалось говорить объ Россіи съ серьезными людьми, какъ Прудонъ и Маццини... И я увѣряю, что взглядъ ненависти и страха замѣняется раздумьемъ и желаніемъ поближе узнать это новое явленіе, котораго *силу и права на будущее* отрицать нельзя, да они и не хотятъ.

Дѣйствительно, на Западѣ не могли понимать Россіи, пока Западъ вѣрилъ въ себя и шелъ впередъ; но онъ убѣдился въ невозможности идти путемъ прежнихъ революцій, потерявъ разомъ всѣ плоды ихъ, кромѣ патологическаго урока. «Равенство рабства» позволило ближе всмотрѣться другъ въ друга, и именно потому Англія всего менѣе понимаетъ Россію; она равно не участвовала ни въ континентальныхъ революціяхъ, ни въ общемъ паденіи. Но другіе народы въ своихъ колодкахъ догадываются, что если временная необходимость втѣснила вчера въ мирный бытъ земледѣльческаго народа казарменную дисциплину и сдѣлала изъ всей Россіи военныя поселенія, то можетъ завтра другая необходимость все это уничтожить, такъ, какъ Александръ II уничтожилъ аракчеевскія поселенія: эпоха военнаго деспотизма пройдетъ, оставивъ по себѣ неразрывно спаянное государственное единство и силы, закаленныя въ тяжкой и суровой школѣ.

Порогъ, за который Европа зацѣпилась, для насъ почти не существуетъ. Въ естественной непосредственности нашего сельскаго быта, въ шаткихъ и неустоявшихся экономическихъ и юридическихъ понятіяхъ, въ смутномъ правѣ собственности, въ отсутствіи сильнаго мѣщанства и въ необычайной усвоимости чужого мы имѣемъ шагъ передъ народами, вполнѣ сложившимися и усталыми.

Утвердилось русское государство страшными средствами: рабствомъ, кнутомъ, казнями гнали народъ русскій къ образованію огромной имперіи, сквозь строй шелъ онъ на совершеніе судебъ своихъ. Сердиться на прошедшее—дѣло праздное: живой взглядъ состоитъ въ томъ, чтобъ равно воспользоваться силами, хорошо ли онѣ пріобрѣтены или дурно, кровью ли достались или мирнымъ

путемъ. Военныя поселенія, какъ я сказалъ, проходятъ, но села остаются. На нашей движущейся, не сложившейся почвѣ только и есть консервативнаго, что сельская община, т. е. только то, что слѣдуетъ сохранить.

Читалъ я ваши споры объ общинѣ: они очень любопытны, но меньше, чѣмъ кажется, идутъ къ дѣлу. Родовое ли начало сельской общины или государственное, была ли земля общинная, помѣщичья или великокняжеская, скрѣпило ли крѣпостное право общину или нѣтъ,—все это необходимо привести въ ясность: но для насъ всего важнѣе *настоящее* положеніе дѣлъ. Фактъ, отклонившійся или нѣтъ, вѣрный или невѣрный, втѣсняетъ себя, какъ онъ есть. Государство и крѣпостное право по своему сохранили родовую общину; постоянное, *зиждющее* начало, оставшееся въ ней изъ патріархализма, вовсе не утратилось: общинное владѣніе землею, міръ и выборы составляютъ почву, на которой легко можетъ возрасти новая общественная жизнь, почву, которой какъ нашего чернозема почти нѣтъ въ Европѣ.

Вотъ почему, любезный другъ, я середь мрачнаго, раздирающаго душу реквіема, середь темной ночи, которая падаетъ на усталый, больной Западъ, отворачиваюсь отъ предсмертнаго стона великаго бойца, котораго уважаю, но которому помочь нельзя и съ упованіемъ смотрю на нашъ родной востокъ, внутри радуясь, что я русскій.

Эпоха, въ которую Россія вступаетъ теперь, необыкновенно важна: вмѣсто небольшихъ политическихъ реформъ, для которыхъ мы не опытомъ, а умомъ слишкомъ стары, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ огромнымъ *экономическимъ* переворотомъ, съ освобожденіемъ крестьянъ. И это не все, вопросы наши такъ поставлены, что они могутъ быть разрѣшены общими соціально-государственными мѣрами безъ насильственныхъ потрясеній. Мы призваны перебрать права поземельнаго владѣнія и отношеній работника къ орудію работы,- не есть ли это торжественное вступленіе въ будущій возрастъ нашъ? Вся новая программа нашей исторической дѣятельности такъ проста, что тутъ ненадобно генія, а просто глаза, чтобы знать, что дѣлать. Одна робость, неловкость, оторопѣлость правительства мѣшаетъ ему видѣть дорогу, и оно пропускаетъ удивительное время. Господи! чего нельзя сдѣлать этой весенней оттепелью послѣ николаевской зимы: какъ можно воспользоваться тѣмъ, что кровь въ жилахъ снова оттаяла и сжатое сердце стукнуло вольнѣе!

Мало чувствъ больше тягостныхъ, больше придавливающихъ человѣка, какъ сознаніе, *что можно теперь, сейчасъ* ринуться впередъ, что все подъ руками и что не достаетъ одного пониманья и отваги со стороны ведущихъ. Машина топится, готова, жжетъ

даромъ топливо, даромъ теряется сила, и все оттого, что нѣтъ смѣлой руки, которая бы повернула ключъ, не боясь взрыва.

Пусть же знаютъ наши кондукторы, что народы прощаютъ многое, если они только чуютъ силу и бодрость мысли. Но непониманье, но блѣдную шаткость, но неумѣнье воспользоваться обстоятельствами, схватить ихъ въ свои руки, имѣя неограниченную власть,—ни народъ, ни исторія никогда не прощаютъ, какое тамъ доброе сердце ни имѣй.

Мое страстное нетерпѣніе въ этомъ случаѣ нисколько не противурѣчитъ моей самоотверженной покорности трагическимъ судьбамъ Европы. Тутъ я вижу близкую возможность, я ее осязаю, я дотрогиваюсь до нея: на Западѣ ея нѣтъ, по крайней мѣрѣ на сію минуту. Если-бъ я не былъ русскій, я давнымъ давно уѣхалъ бы въ Америку.

Ты знаешь, что я не фаталистъ и ни въ какія предопредѣленія не вѣрю, ни даже въ пресловутое «совершенствованіе человѣчества». Природа и исторія плетутся себѣ съ дня на день и во вѣки вѣковъ, сбиваясь съ дороги, прокладывая новыя, попадая на старыя, удивляя то быстротой, то медленностью, то умомъ, то глупостью, толкаясь всюду, но входя только туда, гдѣ вороты отперты. Говоря о возможномъ развитіи, я не говорю о его *неминуемой необходимости*; что изъ возможнаго осуществится, что нѣтъ,—я не знаю, потому что въ жизни народовъ очень много зависитъ отъ лицъ и воли. Я чую сердцемъ и умомъ, что исторія толкается именно въ наши ворота; если мы безсильны ихъ отворить, а сильные не хотятъ или не умѣютъ, дальнѣйшее развитіе прошедшаго найдетъ болѣе способные органы въ Америкѣ, въ Австраліи, гдѣ гражданственность складывается совсѣмъ на иной ладъ. Можетъ, и сама Европа переработается, встанетъ, возьметъ одръ свой и пойдетъ по своей святой землѣ, подъ которой лежатъ столько мучениковъ и на которую пало столько поту и столько крови. Можетъ быть!

... Но неужели въ самомъ дѣлѣ, выступивъ одной ногой на торную дорогу, мы опять увязнемъ въ болотѣ, давъ міру зрѣлище огромныхъ силъ и совершенной неспособности ихъ употреблять? Что-то перечитъ сердцу принять это!

Тяжелы эти сомнѣнія, тяжела эта потеря времени, силы!... Когда же падетъ завѣса *съ ихъ глазъ?* И чего они боятся идти по такому громкому зову будущаго? «Новая эпоха наступаетъ для Россіи», говорили мы, услышавъ о смерти Николая, говорятъ теперь всѣ русскіе журналы, говоритъ иными словами самъ государь. Ну, такъ пусть же она будетъ *новая*.

Во всемъ, что дѣлается, видно нашу несчастную страсть къ предисловіямъ и введеніямъ, на которыхъ мы любимъ съ самодо-

вольствомъ останавливаться. Какъ будто достаточно рѣшиться что-нибудь сдѣлать, чтобъ дѣло и было сдѣлано.

Пора перестать тупо бояться человѣческаго языка, бѣлаго дня изъ трусости передъ какой-то призрачной революціей, на которую нѣтъ готовыхъ элементовъ. Пора отказаться отъ нелѣпаго вмѣшательства во всѣ европейскія дрязги, поддерживая всякій разъ сторону тиранства, грубой силы, вопіющей неправды. Чортъ съ нимъ со всѣмъ съ этимъ дипломатическимъ вліяніемъ, за которое всѣ народы насъ ненавидятъ. Русское императорство совсѣмъ не связано съ судьбою ветхихъ европейскихъ троновъ, зачѣмъ же оно хочетъ дѣлить безъ нужды всѣ ихъ гнусности и обрушивать на себя всѣ ненависти, заслуженныя тѣми?

Задавленные властью, неправосудіемъ, взятками, безгласностью, неуваженіемъ къ лицу, мы хотимъ безбоязненно говорить, чтобъ обмѣняться другъ съ другомъ мыслями, обличить злоупотребленія, отъ которыхъ само правительство краснѣетъ и которыя оно никогда не остановитъ безъ гласности. Мы хотимъ освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей власти и всей податной Россіи отъ палокъ, конечно это не rêveries, это очень положительно и чрезвычайно немного.

Да, это очень немного, но въ томъ-то и состоитъ наша юность, наша сила, что намъ такъ мало надобно для того, чтобы бодро и быстро ринуться впередъ. Мы не помощи просимъ отъ правительства, а чтобъ оно не мѣшало. Западъ, напротивъ, имѣя такъ *много*, не можетъ воспользоваться своими богатствами, они ему достались не легко, онъ скупъ на нихъ, онъ консерваторъ, какъ всякій имущій. Намъ нечего беречь. Конечно, нищета сама по себѣ еще не есть право на иную будущность и долгое рабство на свободу, но вотъ тутъ-то, идучи изъ противуположныхъ началъ къ противуположнымъ цѣлямъ, я встрѣчаюсь не съ славянофилами, а съ нѣкоторыми изъ ихъ мыслей.

Я вѣрю въ способность русскаго народа, я вижу по веходамъ, какой можетъ быть урожай, я вижу въ бѣдныхъ, подавленныхъ проявленіяхъ его жизни — несознанное имъ средство къ тому общественному идеалу, до котораго сознательно достигла европейская мысль.

Вотъ отчего, любезный другъ, вы нашли созвучную струну въ моемъ направленіи и въ направленіи болѣе, нежели ложномъ, вредномъ и опасномъ, московскихъ литературныхъ старообрядцевъ, этихъ православныхъ іезуитовъ, наводящихъ уныніе на всякаго живого человѣка. И вотъ отчего, горячо принимая новую общественную религію, возникшую на дымящихся кровью поляхъ реформаціи и революціи, съ біеніемъ сердца перечитывая великія сказанія тѣхъ временъ, я отворачиваюсь отъ современной

Европы и мало имѣю общаго съ жалкими наслѣдниками сильныхъ отцовъ.

Не станемъ спорить о путяхъ, цѣль у насъ одна, будемте же дѣлать всѣ усилія, каждый по своимъ мышцамъ, на своемъ мѣстѣ, чтобъ уничтожить всѣ заборы, мѣшающіе у насъ свободному развитію народныхъ силъ, поддерживающіе негодный порядокъ вещей, будемте равно будить сознаніе народа и самаго правительства. А потому и заключаю мое длинное письмо къ тебѣ словами: *На работу, на трудъ, на трудъ въ пользу русскаго народа, который довольно въ свою очередь поработалъ на насъ!*

Лондонъ, 3 февраля, 1857.

ЛИШНІЕ ЛЮДИ И ЖЕЛЧЕВИКИ.

> Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный типъ *лишняго*, потеряннаго человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостиныхъ, въ деревняхъ и городахъ..
>
> ... Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ нашимъ огромнымъ запашкамъ не достаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй...
>
> КОЛОКОЛЪ 1859, л. 44.

Эти два разряда лишнихъ людей, между которыми сама природа воздвигла Обломовскій хребетъ, а генеральное межеваніе исторіи вырыло пограничную яму, постоянно смѣшиваются. А потому мы хотимъ, съ Катоновскимъ пристрастіемъ къ дѣлу побѣжденныхъ, вступиться за стариковъ. Лишніе люди были тогда столько же *необходимы*, какъ *необходимо* теперь, чтобъ ихъ не было.

Ничего нѣтъ плачевнѣе, какъ середь возникающей дѣятельности, неустроенной еще и угловатой, но полной стремленій и начинаній, встрѣчать этихъ оторопѣлыхъ, нервно-разслабленныхъ юношей, теряющихся передъ упругостью практической работы и чающихъ дарового разрѣшенія трудностей и отвѣтовъ на вопросы, которые они никогда ясно не могли поставить.

Мы этихъ вольноопредѣляющихся въ лишніе люди отводимъ, и такъ какъ французы признаютъ истинными гренадерами только les vieux de la vieille, такъ мы признаемъ почетными и *дѣйствительно* лишними людьми только *николаевскихъ*. Мы сами принадлежали къ этому несчастному поколѣнію и, догадавшись очень давно, что мы лишніе на берегахъ Невы, препрактически пошли вонъ, какъ только отвязали веревку.

Себя намъ, стало, нечего защищать, но бывшихъ товарищей жаль, и мы хотимъ оборонить ихъ отъ слѣдующаго за ними выпуска больныхъ изъ лазарета.

Нельзя не раздѣлять здоровый, реалистическій взглядъ, который въ послѣднее время, въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ обозрѣній, сталъ выбивать тощую, моральную точку зрѣнія на французскій манеръ, ищущую личной отвѣтственности въ общихъ явленіяхъ. Историческіе слои такъ же худо, какъ геологическіе, обсу-

живаются уголовной палатой. И люди, говорящіе, что не на взяточниковъ и казнокрадовъ слѣдуетъ обрушивать громы и стрѣлы, а на среду, дѣлающую взятки зоологическимъ признакомъ цѣлаго племени, напримѣръ *безбородыхъ русскихъ*, совершенно правы.

Мы только и желаемъ, чтобъ николаевскіе лишніе люди состояли на правахъ взяточниковъ и пользовались бы привилегіями, дарованными казнокрадамъ. Они это тѣмъ больше заслужили, что они не только лишніе люди, но почти всѣ люди умершіе; а взяточники и казнокрады живутъ и не только въ довольствѣ, но и въ историческомъ оправданіи.

Съ кѣмъ тутъ сражаться, надъ кѣмъ смѣяться: съ одной стороны упавшіе отъ утомленія, съ другой помятые машиной; винить ихъ за это такъ же невеликодушно, какъ винить золотушныхъ и лимфатическихъ дѣтей за худосочіе ихъ родителей.

Серьезный вопросъ можетъ быть одинъ,—точно ли эти болѣзненныя явленія были обусловлены средой, обстоятельствами?..

Кажется, въ этомъ сомнѣваться трудно.

Нечего повторять о томъ, какъ туго, тяжело развивалась Русь. Кнутомъ и татарами насъ держали въ невѣжествѣ, топоромъ и нѣмцами насъ просвѣщали и въ обоихъ случаяхъ рвали намъ ноздри и клеймили желѣзомъ. Петръ I такимъ клиномъ вбилъ намъ просвѣщеніе, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, черезъ полтораста лѣтъ, мы начинаемъ понимать, какъ раздвинулась эта трещина. Ничего общаго между ними: съ одной стороны—грабежъ и презрѣніе, съ другой—страданіе и недовѣріе. Съ одной стороны, ливрейный лакей, гордый своимъ общественнымъ положеніемъ и надменно показывающій это; съ другой, обобранный мужикъ, ненавидящій его и скрывающій это. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы единоплеменная каста, взявшая верхъ, сдѣлалась бы до такой степени чужестранной, какъ наше служилое дворянство. Ренегатъ всегда доходитъ до крайности, до нелѣпаго и отвратительнаго, до того, наконецъ, чтобъ сажать человѣка въ тюрьму, потому что онъ, будучи литераторомъ, *одѣвается по русски*, не пускать его въ трактиръ, потому что онъ въ кафтанѣ и подпоясанъ кушакомъ. Это колоссально и напоминаетъ индѣйскую Азію!

На закраинахъ этихъ, дико противопоставленныхъ другъ другу, міровъ развились странныя явленія, указывавшія въ самой сломанности своей на потаенныя силы, которымъ неловко, которыя ищутъ другого. Сюда принадлежатъ на первомъ планѣ раскольники, а потомъ всѣ западники и восточники, Онѣгины и Ленскіе, лишніе и желчевые люди,—всѣ они, какъ ветхозавѣтные пророки, были вмѣстѣ протестомъ и надеждой; ими Россія усиливалась отдѣлаться отъ петровскаго періода, или переработать его въ свое

настоящее тѣло и въ свою здоровую плоть. Эти патологическія образованія (формаціи), вызванныя условіями имъ современной жизни, непремѣнно пройдутъ съ перемѣной условій, такъ, какъ теперь уже прошли *лишніе люди*; но изъ этого не слѣдуетъ, чтоб они заслуживали судъ и осужденіе, развѣ только отъ своихъ младшихъ товарищей по службѣ? И это на томъ основаніи, на которомъ одинъ изъ жителей Бедлама съ негодованіемъ показывалъ на больного, называвшаго себя апостоломъ Павломъ, въ то время какъ онъ, самъ Христосъ, навѣрное зналъ, что это не Павелъ апостолъ, а просто лавочникъ изъ Флитъ-стрита.

Вспомнимъ, какъ развились лишніе люди.

Въ первую половину Николаевскаго тридцатилѣтія, продолжалась, исчезая и входя внутрь, традиція Александровскаго времени. Дѣти, захваченныя въ школахъ, осмѣливались держать прямо свою голову: они не знали еще, что они арестанты воспитанія.

Такъ они и вышли изъ школъ.

Это уже далеко не тѣ свѣтлые, самонадѣянные, восторженные, раскрытые всему юноши, какими намъ являются при выходѣ изъ лицея Пушкинъ и Пущинъ. Въ нихъ уже нѣтъ ни гордой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина, ни распущеннаго разгула Полежаева, ни даже свѣтлой грусти Веневитинова. Но еще въ нихъ хранилась вѣра, унаслѣдованная отъ отцевъ и старшихъ братьевъ, вѣра въ то, что «*она взойдетъ—заря плѣнительнаго счастья*», вѣра въ западный либерализмъ, которому вѣрили тогда всѣ: Лафайетъ и Годефруа Кавеньякъ, Бёрне и Гейне. Испуганные и унылые они чаяли выйти изъ ложнаго и несчастнаго положенія. Это та послѣдняя надежда, которую каждый изъ насъ ощущалъ передъ кончиной близкаго человѣка. Одни доктринеры, красные и пестрые—все равно, легко принимаютъ самые страшные выводы, потому что они ихъ собственно принимаютъ in effigie, на бумагѣ.

Между тѣмъ каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ страшную истину, что не только правительство противъ нихъ, но что и *народъ не съ ними*, или, по крайней мѣрѣ, что онъ совершенно чужой: если онъ и недоволенъ, то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны. Рядомъ съ этимъ подавляющимъ сознаніемъ, съ другой стороны, развивалось больше и больше сомнѣніе въ самыхъ основныхъ, незыблемыхъ основаніяхъ западнаго воззрѣнія. Почва пропадала подъ ногами; поневолѣ въ такомъ недоумѣніи приходилось въ самомъ дѣлѣ идти на службу, или сложить руки и сдѣлаться *лишнимъ, празднымъ*. Мы смѣло говоримъ, что это одно изъ самыхъ трагическихъ положеній въ мірѣ. Теперь лишніе люди анахронизмъ, но, вѣдь, Ройе Колларъ или Бенжаменъ Констанъ были бы теперь тоже анахронизмомъ, однако нельзя же за это пустить въ нихъ камнемъ.

Пока умы оставались въ тоскѣ и тяжеломъ раздумьи, не зная, какъ выйти, куда идти, Николай шелъ себѣ съ стихійнымъ упорствомъ.

Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе считалось такою же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ растегнутый воротникъ. И это продолжалось тридцать лѣтъ!

Испуганные родители помогали. Молодежь росла безъ традицій, безъ будущаго — кромѣ карьеры. Канцелярія и казарма мало по малу побѣдили гостиную.

Разумѣется, середь этого несчастія не все погибло. Человѣкъ живучъ. Потребность человѣческаго развитія, стремленіе къ независимой самобытности уцѣлѣло, и притомъ всего больше въ двухъ македонскихъ фалангахъ нашего образованія, въ московскомъ университетѣ и царско-сельскомъ лицеѣ: онѣ пронесли черезъ все царство мертвыхъ душъ, на молодыхъ плечахъ своихъ, кивотъ, въ которомъ лежала будущая Россія, ея живую мысль, ея живую вѣру въ грядущее.

Исторія не забудетъ ихъ.

Но въ этой борьбѣ и они по большей части утратили *молодость* своей юности, они затянулись и преждевременно перезрѣли. Старость ихъ коснулась прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это не *лишніе*, не праздные люди, это люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе изъ-подлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше, чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

Лишніе люди сошли со сцены, за ними сойдутъ и *желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро, они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на восемнадцать вѣковъ христіанскихъ сокрушеній, очень языческимъ образомъ предана эпикуреизму и à la longue не можетъ выносить наводящія уныніе лица невскихъ Даніиловъ, мрачно упрекающихъ людей, зачѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

Смѣна имъ идетъ: мы уже видимъ, какъ изъ дальнихъ университетовъ, изъ здоровой Украйны, съ здороваго сѣверовостока, являются совсѣмъ иные люди съ непочатыми силами и крѣпкими мышцами, и, можетъ, намъ старикамъ еще придется черезъ болѣзненное поколѣніе протянуть руку кряжу свѣжему, который кротко простится съ нами и пойдетъ своей широкой дорогой.

Типъ желчныхъ людей мы изучили не на мѣстѣ и не по кни-

гамъ, мы его изучили по экземплярамъ, выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ съ 1850 года.

Первое, что насъ поразило въ нихъ, это легость, съ которой они отчаивались во всемъ, злая радость ихъ отрицанія и страшная безпощадность. Послѣ событій 1848 г., они были разомъ поставлены на высоту, съ которой видѣли пораженіе республики и революціи, вспять идущую цивилизацію, поруганныя знамена, и не могли жалѣть незнакомыхъ бойцовъ. Тамъ, гдѣ нашъ братъ останавливался, оттиралъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли искры жизни, они шли дальше пустыремъ логической дедукціи и легко доходили до тѣхъ рѣзкихъ, послѣднихъ выводовъ, которые пугаютъ своей радикальной бойкостью, но которые какъ духи умершихъ представляютъ сущность уже вышедшую изъ жизни, а не жизнь. Въ этихъ выводахъ, русскій вообще пользуется передъ европейцемъ страшнымъ преимуществомъ: у него тутъ нѣтъ ни традиціи, ни родного, ни привычки. Всего безопаснѣе по опаснымъ дорогамъ проходитъ человѣкъ, не имѣющій ни чужого добра, ни своего.

Это освобожденіе отъ всего традиціоннаго доставалось не здоровымъ, юнымъ натурамъ, а людямъ, которыхъ душа и сердце были поломаны по всѣмъ составамъ.

Потомъ они завяли безъ лѣта, не зная ни свободнаго размаха, ни вольно сказаннаго слова. Они носили на лицѣ глубокой слѣдъ души помятой и раненой. У каждаго былъ какой-нибудь тикъ и, сверхъ этого личнаго тика, у всѣхъ одинъ общій — какое-то снѣдающее ихъ раздражительное и *свернувшееся* самолюбіе. Отъ обидъ, отъ униженій, отъ отрицанія всѣхъ правъ личности, у нихъ развилось затаенное притязаніе на удивленіе; эти неразвившіеся таланты, неудавшіеся геніи скрывались подъ личиною униженія и скромности. Всѣ они были ипохондрики и физически больные, не пили вина и боялись открытыхъ оконъ, всѣ съ изученнымъ отчаяніемъ смотрѣли на настоящее и напоминали монаховъ, которые изъ любви къ ближнимъ доходили до ненависти ко всему человѣческому, и проклинали все на свѣтѣ изъ желанія что-нибудь благословить.

Половина ихъ постоянно каялась, другая постоянно карала.

Да, у нихъ остались глубокіе рубцы на душѣ. Петербургскій міръ, въ которомъ они жили, отразился въ нихъ самихъ: вотъ откуда ихъ безпокойный тонъ, языкъ saccadé и вдругъ расплывающійся въ бюрократическое празднословіе, уклончивое смиреніе и надменные выговоры, намѣренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятіе впередъ всѣхъ обвиненій и безпокойная нетерпимость директора департамента.

Этотъ fion директорскаго распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго

сиплаго крика, напоминающаго густой лай остепенившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

Тонъ не бездѣлица.

Das was innen—das ist draussen!

Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т. е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же они съ такимъ aplomb преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія, что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое «бутылками и пребольшими» у нихъ готово мрачное «нѣтъ-съ, бочками сороковыми!»

— Что вы заступаетесь за этихъ лѣнтяевъ (говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ sehr ausgezeichnet in seinem Fache), дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneghine?... И извольте видѣть, они образовались иначе, міръ, ихъ окружающій, имъ слишкомъ грязенъ, недовольно натертъ воскомъ, замараютъ руки, замараютъ ноги. То ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и притомъ спокойно ѣсть да пить.

Мы было ввернули слово въ пользу нашего раздѣленія лишнихъ людей на ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ. Но Даніилъ и слушать не хотѣлъ о раздѣлѣ, ему не было дѣла до Обломовскаго хребта. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

— Позвольте же мнѣ хоть на этомъ основаніи и въ качествѣ homo Benkendorfii testes защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали, или дѣлали вздоръ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того, правда, они не умѣли.

— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: напримѣръ, Чаадаевъ, онъ не умѣлъ взяться за топоръ, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ обидѣлся за православіе и Чаадаева объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку не писать. Надеждина, напечатавшаго статью въ «*Телескопѣ*», сослали въ Усть-Сысольскъ, ректора старика Болдырева отставили, Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человѣкомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ; издалъ двѣ книжки—запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ «Денницѣ», цензора Глинку посадили на гауптвахту,—

Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человѣкомъ. Н. Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни; человѣкъ онъ былъ изворотливый, а все-таки крылья *«Телеграфа»* подвязали, и, признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ женатый человѣкъ, обремененный семьей, боится квартальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

—А Бѣлинскій умѣлъ писать и Грановскій умѣлъ читать лекціи, они не сложили рукъ.

— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи въ виду тройки и казематъ, то не ясно ли, что множество людей съ меньшими силами были парализованы и глубоко страдали этимъ.

— Зачѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки, все лучше бы?

— Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобъ не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слыхалъ, чтобъ кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти.

— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

Какъ на вовсе не веселую необходимость.

— Почему же имъ не дѣлить общей необходимости?

— Безъ сомнѣнія. Да, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и, по несчастію, не такъ были воспитаны.

— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

— Затѣмъ, что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской; можетъ, это и въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи церкаріевъ, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей, чтобъ они дѣлали то или другое. Это какая-то новая принудительная организація работъ, что-то въ родѣ соціализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ.

— Я не заставляю никого работать, я констатирую фактъ, это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ.

— Заслуживаютъ ли они симпатіи, или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всякое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе, и нѣтъ ни одного страданія, которому бы нельзя было не отказать въ немъ. Мученики первыхъ вѣковъ вѣрили въ искупленіе, вѣрили въ будущую жизнь. Римскіе Мухановы, Тимашевы, Лужины заставляли

христіанъ склоняться въ прахъ предъ изображеніемъ цезаря, христіане не хотѣли сдѣлать этой пустой уступки, ихъ травили звѣрями. Они были сумасшедшіе, Римляне полуумные, тутъ нѣтъ мѣста ни сочувствію, ни удивленію... Но тогда прощай не только Термопилы съ Голгоѳой, но и Софоклъ съ Шекспиромъ, да кстати и вся длинная, безконечная эпопея, которая безпрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе подъ названіемъ Исторіи.

Даніилъ нашъ, какъ и слѣдуетъ въ спорѣ, не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать и я, пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему:

— Воля ваша, а, вѣдь, это пустое дѣло гнать людей или умершихъ или приготовляющихся къ смерти, и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ—военные и штатскіе, помѣщики и попы; знаете ли что, если васъ особенно прельщаетъ censura morum и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что-нибудь оригинальное. Я вамъ, пожалуй, укажу типы, вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей.

— Какіе же типы?

— Ну да хоть бы литературнаго ruffiano.

— Не понимаю.

— Въ блѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей, до послѣдняго времени, было множество всякихъ чудаковъ, но большей частію это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, держащіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту, мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданьи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ тоже время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности — вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчевыхъ и слезливыхъ!

Не знаю, согласился ли мой Даніилъ...

СТАРИКА ВЕДРИНА КРѢПКОЕ ДО ПОЛЬСКИХЪ БРАТІЙ СЛОВЦО.

Братья! Сестрины дѣти! Одной матери дѣти! Не шали! Полно! Вѣдь, впрямь безмозглые, одна кровь течетъ. Забыли, что ли? Ну, побаловали, и шабашъ, надобно честь знать. Люблю васъ, потому и говорю... не любилъ бы, не говорилъ бы; мнѣ что до васъ... велика надобность, пропадайте совсѣмъ со свѣта. Анъ нѣтъ, не усидѣлъ покойно въ своей мурьѣ; возьму, молъ, да и скажу имъ слово. Русское сердце не злопамятное, сорветъ злобу и отляжетъ, Михаилъ-то Николаевичъ спуску не даетъ, мы знаемъ этого Ваньку Каина, тяжелъ на руку... а васъ небось по головкѣ гладить да вяземскими ковригами кормить? Безъ наказанія нельзя, Домострой того требуетъ, семья безъ кулака не устоитъ, Богъ любитъ наказывать. На что жезлъ у пастыря?—чтобы бить. Скипетръ у царя зачѣмъ? тоже палка, чтобы бить? У Ивана Васильевича Грознаго была долбня; у Петра Алексѣевича дубинка съ желѣзнымъ набалдашникомъ, теперь еще въ кунсткамерѣ хранится. Спинѣ православной бывало больно, зато теперь сердцу хорошо. Петрополь вызвалъ изъ блатъ... флотъ, академію наукъ! Да что толковать, у васъ подъ носомъ торчала германская булава—зачѣмъ? Волосы, что ли, расчесывать? Покойникъ Өедоръ Лукичъ Морошкинъ, товарищъ по факультету, говаривалъ: «Булава ничего—обиды нѣтъ, булава объ голову стучится, голова объ голову стучится». Померъ не такъ давно и не старый былъ человѣкъ, смахивалъ на покойнаго Николая Николаевича со стороны, честный мужикъ былъ, малую толику семьѣ оставилъ,—на профессорствѣ не разживешься.

... Что, бишь, я говорилъ? да, да, помню, ну, круто наказалъ Михаилъ Николаевичъ, что за бѣда!.. Свой, вѣдь, не нѣмецъ, варяго-руссъ, бояринъ, стыда нѣтъ, одной матери дѣти! Да ужъ что влѣпилъ, того не воротишь. Рабъ жестокій наказалъ, царь мягкодушій проститъ наказаннаго; царь проститъ,- мужикъ проститъ! Царевъ умъ—мужиково сердце! Брось дѣло, говорятъ тебѣ, добра не будетъ! Не слушайся ты у меня этихъ проклятыхъ ксензовъ, эту вѣроломную шляхту. Что за попъ, коли въ православ-

ной церкви не бываетъ, «едино же на потребу?» Что за дворянинъ, коли бѣлому царю не служитъ? Мятежники, крамольники, бандиты, какъ загнулъ имъ Деньской Сергѣичъ [1]). Да и ты, шляхта, одумайся, не баламуть, одумайся, пока есть время, побереги ты руки, ноги свои, да и копейку-то побереги, пригодится, повѣрь, пригодится. Ты гоноръ-то подъ лавку, да и строчи батюшкѣ царю челобитную: такъ молъ и такъ, по молодости лѣтъ, по дурному товариществу и пр. Проститъ, умъ у него не змѣиный, а сердце голубиное, за всѣхъ болѣетъ, 60 милліоновъ — шутка сказать! А потомъ ужъ заверни къ старику въ первопрестольную; возрадуюсь — что тебѣ Симонъ богопріимецъ, — къ сердцу прижму, въ губы поцѣлую, не разъ, три раза, по-нашему, по-русски, вытирай рыло, сестринъ сынъ, и баста, все забыто, кто старое помянетъ — глазъ вонъ!

Господи, владыко живота моего! Полякъ, русскій, ляхъ, хорватъ, чехъ, украинецъ, хохолъ, москаль, чубъ — единоутробцы, пальцы одной руки, а лѣзутъ въ потасовку!

Разбойники! Братья вы мои родные!

1863 годъ.

---

[1]) Ив. Серг. Аксаковъ, ред. «Дня».

КОНЦЫ И НАЧАЛА.

КЪ ИЗДАТЕЛЮ [1]).

Любезный другъ!

Вы хотите напечатать небольшой сборникъ моихъ статей изъ «Полярной Звѣзды» и «Колокола», я ничего не имѣю противъ этого. Желаю вамъ успѣха и посылаю небольшой разсказъ «Трагедія за стаканомъ грока», который не былъ напечатанъ по-русски. Я особенно радъ, что въ число перепечатываемыхъ статей взошли «Варіаціи на старую тему»,—пусть эта статья, писанная въ началѣ 1857 года, еще разъ пройдетъ предъ читателями, напоминая имъ неизмѣнность основаній того воззрѣнія, которое я старался проводить. Въ книгѣ, писанной тотчасъ послѣ іюньскихъ баррикадъ, въ статьѣ, перепечатываемой вами, и въ послѣднихъ статьяхъ «Колокола» проповѣдуется одно и то же.

Бездна вещей, тогда довольно новыхъ, прососались въ народное разумѣніе, сдѣлались ходячей монетой, не только стали въ ряду вещей, всѣми принятыхъ, но долею осуществились. Примутъ, стало, и другія истины, отъ которыхъ еще пятится робкая совѣсть непривыкшаго, и противъ которыхъ кричитъ безумный изувѣръ и корыстный защитникъ.

Еще разъ желаю вамъ успѣха и жму вашу руку.

Лондонъ, 1864 г.

Письмо первое [2]).

Итакъ, любезный другъ, ты рѣшительно дальше не ѣдешь. тебѣ хочется отдохнуть въ тучной осенней жатвѣ, въ тѣнистыхъ

[1]) Эти статьи съ прибавленіемъ: «Трагедія за стаканомъ грока», «Западныя арабески», «Донозо Кортесъ, маркизъ Вальдегамасъ и Юліанъ отступникъ», уже напечатанныхъ въ настоящемъ изданіи, были напечатаны авторомъ въ отдѣльномъ томѣ подъ заглавіемъ: «Еще разъ» (1866); при этомъ было напечатано письмо къ издателю и предисловіе, которое мы здѣсь помѣщаемъ. *Примѣчаніе издателя заранич. изданія.*

[2]) Первое изданіе «Концовъ и Началъ» 1863 г., второе—1866. Текстъ, который здѣсь печатается, взятъ съ экземпляра 1866 г., поправленнаго рукою самого автора. Поправки эти довольно значительны.

Примѣчаніе издателя заранич. изданія.

паркахъ, лѣниво колеблющихъ свои листья, послѣ долгаго знойнаго лѣта. Тебя не страшитъ, что днѝ уменьшаются, вершины горъ бѣлѣютъ и дуетъ иногда струя воздуха зловѣщая и холодная: ты больше боишься нашей весенней распутицы, грязи по колѣно, дикаго разлива рѣкъ, голой земли, выступающей изъ-подъ снѣга, да и вообще нашего упованья на будущій урожай, отъ котораго мы отдѣлены бурями и градомъ, ливнями, засухами и всѣмъ тяжелымъ трудомъ, котораго мы еще не сдѣлали.... Что же, съ Богомъ, разстанемся, какъ добрые попутчики, въ любви и совѣтѣ.

... Тебѣ остается небольшая упряжка, ты пріѣхалъ—вотъ свѣтлый домъ, свѣтлая рѣка, и садъ, и досугъ, и книги въ руки. А я, какъ старая почтовая кляча, затянувшаяся въ гоньбѣ, изъ хомута въ хомутъ, пока грохнусь гдѣ-нибудь между двумя станціями.

Будь увѣренъ, что я вполнѣ понимаю и твой страхъ, смѣшанный съ отвращеніемъ передъ неустройствомъ ненаѣзженной жизни, и твою привязанность къ выработавшимся формамъ гражданственности и притомъ къ такимъ, которыя *могутъ быть* лучше, но которыхъ *нѣтъ лучше*.

Мы вообще, люди европейской, городской цивилизаціи, можемъ жить только по готовому. Городская жизнь насъ пріучаетъ съ малолѣтства къ скрытому, закулисному замиренію и уравновѣшенію нестройныхъ силъ. Сбиваясь случайно съ рельсовъ, на которые она насъ вводитъ съ дня рожденія и осторожно двигаетъ, мы теряемся, какъ кабинетный ученый, привыкнувшій къ музеямъ и гербаріямъ, къ звѣрямъ въ шкапу, теряется, поставленный лицемъ къ лицу со слѣдами геологическаго переворота или съ густымъ населеніемъ средиземной волны.

Мнѣ случилось видѣть двухъ, трехъ отчаянныхъ ненавистниковъ Европы, возвращавшихся изъ-за океана. Они поѣхали туда, до того оскорбленные реакціей послѣ 1848, до того озлобленные противъ всего европейскаго, что едва останавливались въ Нью-Іоркѣ, торопясь въ Канзасъ, въ Калифорнію. Года черезъ три, четыре они снова явились въ родные кафе и пивныя лавочки старой Европы, готовые на всѣ уступки, лишь бы не видать дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, ея непочатой почвы, лишь бы не быть tête à tête съ природой, не встрѣчать ни дикихъ звѣрей, ни змѣй съ гремушками, ни людей съ револьверами. Ненадобно думать, впрочемъ, что ихъ просто испугала опасность, матеріальная нужда, необходимость работы, и здѣсь мрутъ съ голода не работая, и здѣсь работаютъ по 16 часовъ въ сутки, а опасность полиціи и шпіонства на старомъ континентѣ превышаетъ опасность звѣрей и револьверовъ. Ихъ испугала, утомила пуще всего неочеловѣченная природа, отсутствіе того благоустроеннаго порядка, того администраціей обезпеченнаго покоя, того художественнаго

и эпикурейскаго комфорта, которые обусловливаются долгой жизнію на одномъ мѣстѣ, берегутся сильными полицейскими плотинами, покоятся на невѣжествѣ массъ, и защищаются церковью, судомъ и казармами. За эту чечевичную похлебку, *хорошо сервированную*, мы уступаемъ долю человѣческаго достоинства, долю сострáданія къ ближнему, и *отрицательно* поддерживаемъ порядокъ, въ сущности намъ противный.

Во Франціи мы видѣли другой примѣръ: беллетристы, жившіе въ риторикѣ, художники, жившіе въ искусствѣ для искусства и для денегъ, были внѣ себя отъ безпокойства, причиненнаго февральской революціей. У насъ есть знакомый учитель пѣнія, который отъ 1848 года переселился изъ Парижа въ Лондонъ, въ отечество горловыхъ болѣзней, бронхитовъ, астмовъ и разговора сквозь зубы,—только чтобы не слыхать набата и дѣйствительнаго хора массъ.

Въ теперешней Россіи соединены обѣ причины, заставлявшія людей бѣжать изъ Парижа и изъ Арканзаса. Въ Америкѣ пугала пуще всего *голая* природа, дикая природа, у которой сотвореніе міра на листахъ не обсохло, и которую мы такъ горячо любимъ въ картинахъ и поэмахъ (человѣкъ съ револьверомъ, наивно убивающій ближняго, относится такъ же къ пампамъ, какъ и наивный тигръ съ своими зубами въ вершокъ величины). Во Франціи, природа ничего, прибрана и выметена, тигры не ходятъ, а виноградъ растетъ; но зато въ 1848 тамъ снова разнуздались страсти и снова покачнулись основы благочинія. У насъ, при непочатой природѣ, люди и учрежденія, образованіе и варварство, прошедшее, умершее вѣка тому назадъ, и будущее, которое черезъ вѣка народится,—все въ броженіи и разложеніи, валится и строится, вездѣ пыль столбомъ, стропилы и вѣхи. Дѣйствительно, если къ нашимъ дѣвственнымъ путямъ сообщенія прибавить мужественные пути наживы чиновниковъ, къ нашей глинистой грязи грязь помѣщичьей жизни,—то, сказать откровенно, надобно имѣть сильную *зазнобу или сильное помѣшательство*, чтобъ по доброй волѣ ринутся въ этотъ водоворотъ, искупающій все неустройство свое пророчествующими радугами и великими образами, постоянно вырѣзывающимися изъ-за тумана, который постоянно не могутъ побѣдить.

Зазноба и помѣшательство своего рода таланты, и по волѣ не приходятъ. Одного тянетъ непреодолимо въ водоворотъ, другого онъ отталкиваетъ брызгами и шумомъ. Штука собственно въ томъ, что иному сонъ милѣе отца и матери, а другому сновидѣніе. Что лучше? Я не знаю: въ сущности и то и другое, пожалуй, сведется на *одинъ бредъ*.

Но въ эти философскія расужденія мы съ тобой не пустимся:

они же обыкновенно, тѣмъ или другимъ путемъ, приводятъ къ непріятному заключенію, что, валяйся себѣ на перинѣ или безпокойся съ бѣличьемъ колесѣ, полезный результатъ этого будетъ одинъ и тотъ же, чисто агрономическій. Всякая жизнь, какъ поетъ студентская пѣсня, начинается съ: Juvenes dum sumus, и оканчивается: Nos habebit humus! Останавливаться на этихъ печальныхъ приведеніяхъ всего на свѣтѣ *къ нулю* не слѣдуетъ,—ты же назовешь эдакъ *нигилистомъ*, а ныньче это крѣпкое слово, замѣнившее гегелистовъ, байронистовъ и пр.

Живой о живомъ и думаетъ. Вопросъ между нами даже не въ томъ, имѣетъ ли право человѣкъ удалится въ спокойную среду, отойти въ сторону, какъ древній философъ передъ безуміемъ назарейскимъ, передъ наплывомъ варваровъ. Объ этомъ не можетъ быть спору. Мнѣ хочется только уяснить себѣ, въ самомъ ли дѣлѣ вѣковыя обители, упроченныя и обросшія западнымъ мохомъ, такъ покойны и удобны, а главное такъ прочны, какъ были, и съ другой стороны, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ какихъ-нибудь чаръ въ нашихъ сновидѣніяхъ подъ снѣжную вьюгу, подъ троечные бубенчики, и нѣтъ ли основанія этимъ чарамъ?

Было время, ты защищалъ *идеи* западнаго міра и дѣлалъ хорошо; жаль только, что это было совершенно ненужно. Идеи Запада, т. е. наука, составляла давнымъ давно всѣми признанный маіоратъ человѣчества. Наука совершенно свободна отъ меридіана, отъ экватора, она, какъ гётевскій «Диванъ», —*западно-восточная*.

Теперь ты хочешь права маіората перенести и на самыя формы западной жизни, и находишь, что исторически выработанный бытъ европейскихъ бель-этажей одинъ соотвѣтствуетъ эстетическимъ потребностямъ развитія человѣка, что *онъ* только и даетъ необходимыя условія умственной и художественной жизни, что искусство на Западѣ родилось, выросло, ему принадлежитъ, и что, наконецъ, другого искусства нѣтъ совсѣмъ. Остановимся на этомъ сначала.

Пожалуйста, не подумай, что съ точки зрѣнія суроваго цивизма и аскетической демагогіи я стану возражать на то мѣсто, которое ты дашь искусству въ жизни. Я съ тобой согласенъ въ этомъ. Искусство—c'est autant de pris: оно, вмѣстѣ съ зарницами личнаго счастья, единственное, несомнѣнное благо наше; во всемъ остальномъ мы работаемъ или толчемъ воду для человѣчества, для родины, для извѣстности, для дѣтей, для денегъ, и притомъ разрѣшаемъ безконечную задачу; въ искусствѣ мы наслаждаемся, въ немъ цѣль достигнута, это тоже *концы*.

Итакъ, отдавъ Діанѣ эфесской, что Діанѣ принадлежитъ, я тебя спрошу, о чемъ ты собственно говоришь, о настоящемъ или прошедшемъ? О томъ ли, что искусство развилось на Западѣ, что

Дантъ и Буонаротти, Шекспиръ и Рембрандтъ, Моцартъ и Гёте были по мѣсту рожденія и по мнѣніямъ *западниками?* Но объ этомъ никто не споритъ. Или ты хочешь сказать о томъ, что долгая историческая жизнь приготовила и лучшую арену для искусства, и красивѣйшую раму для него, что хранилищницы въ Европѣ пышнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, галлереи и школы богаче, учениковъ больше, учителя даровитѣе, театры лучше обстановлены и пр. И это такъ (или почти такъ, потому что, съ тѣхъ поръ какъ большая опера возвратилась къ первобытному состоянію бродячихъ изъ города въ городъ комедіантовъ, одна великая опера и есть überall und nirgends). Вся Америка не имѣетъ такого Campo Santo какъ Пиза, но все же Campo Santo кладбище; къ тому же довольно естественно, что тамъ, гдѣ было больше кораллов, тамъ и коралловыхъ рифовъ больше... Но гдѣ же во всемъ этомъ новое искусство, творческое, живое, гдѣ художественный элементъ въ самой жизни? Вызывать постоянно усопшихъ, повторять Бетховена, играть Федру и Аталію очень хорошо, но ничего не говоритъ въ пользу творчества. Въ скучнѣйшія времена Византіи, на литературныхъ вечерахъ читали Гомера, декламировали Софокла; въ Римѣ берегли статуи Фидіаса и собирали лучшія изваянія наканунѣ Гензериховъ и Аларихов. Гдѣ же новое искусство, гдѣ художественная инниціатива? Развѣ въ *будущей* музыкѣ Вагнера.

Искусство не брезгливо, оно все можетъ изобразить, ставя на всемъ неизгладимую печать дара духа изящнаго и безкорыстно поднимая, въ уровень Мадоннъ и полу-боговъ, всякую случайность бытія, всякой звукъ и всякую форму, сонную лужу подъ деревомъ, вспорхнувшую птицу, лошадь на водопоѣ, нищаго мальчика, обожженнаго солнцемъ. Отъ дикой, грозной фантазіи ада и страшнаго суда до фламандской таверны съ своимъ отвернувшимся мужикомъ, отъ Фауста до Фобласа, отъ Requiem'а до Камаринской, все подлежитъ искусству... Но и искусство имѣетъ свой предѣлъ. Есть камень преткновенія, который рѣшительно не беретъ ни смычокъ, ни кисть, ни рѣзецъ; искусство, чтобъ скрыть свою немоготу, издѣвается надъ нимъ, дѣлаетъ карикатуры. Этотъ камень преткновенія — *мѣщанство*... Художникъ, который превосходно набрасываетъ человѣка совершенно голаго, покрытаго лохмотьями, или до того совершенно одѣтаго, что ничего не видать кромѣ желѣза или монашеской рясы, останавливается въ отчаяніи передъ *мѣщаниномъ во фракѣ*. Отсюда посягательство Роберту Пилю набросить римскую тогу; съ какого-нибудь банкира снять сюртукъ, галстухъ и отогнуть ему рубашку, такъ что, если-бъ онъ послѣ смерти самъ увидѣлъ свой бюстъ, то передъ своей женой покраснѣлъ бы до ушей... Робертъ Макеръ, Прюдомъ великія

карикатуры, иногда геніально вѣрныя, вѣрныя до трагическаго у Диккенса, но карикатуры: далѣе Гогарта этотъ родъ идти не можетъ. Ванъ-Дикъ и Рембрандтъ мѣщанства -Пуншъ и Шаривари, это его портретная галлерея и лобное мѣсто. Это —фамильныя *фасты* и позорный столбъ.

Дѣло въ томъ, что весь характеръ мѣщанства, съ своимъ добромъ и зломъ, противенъ, тѣсенъ для искусства: искусство въ немъ вянетъ, какъ зеленый листъ въ хлорѣ, и только всему человѣческому присущія страсти могутъ, изрѣдка врываясь въ мѣщанскую жизнь, или, лучше, вырываясь изъ ея чинной среды, поднять ее до художественнаго значенія.

Чинный—это настоящее слово. У мѣщанства, какъ у Молчалина, два таланта и тѣ же самые: «умѣренность и аккуратность». Жизнь средняго состоянія полна мелкихъ недостатковъ и мелкихъ достоинствъ: она воздержна, часто скупа, бѣжитъ крайности, излишняго. Садъ превращается въ огородъ, крытая соломой изба въ небольшой уѣздный домикъ съ разрисованными щитами на ставняхъ, но въ которомъ всякій день пьютъ чай и всякій день ѣдятъ мясо. *Это огромный шагъ впередъ*, но вовсе не артистическій. Искусство легче сживается съ нищетой и роскошью, чѣмъ съ довольствомъ, въ которомъ видны бѣлыя нитки, чѣмъ съ удобствомъ, составляющимъ цѣль: если на то пошло, оно ближе съ куртизанкой, продающей себя, чѣмъ съ нравственной женщиной, продающей въ тридорога чужой трудъ, вырванный у голода. Искусству не по себѣ въ чопорномъ, слишкомъ прибранномъ, расчетливомъ домѣ мѣщанина, а домъ мѣщанина *долженъ быть* таковъ: искусство чуетъ, что въ этой жизни оно сведено на роль внѣшняго украшенія, обоевъ, мебели, на роль шарманки; мѣшаетъ шарманщика прогонять, захотятъ послушать —дадутъ грошъ, и квитъ... Искусство, которое по преимуществу изящная соразмѣрность, не можетъ выносить аршина; самодовольная въ своей ограниченной посредственности жизнь запятнана въ его глазахъ самымъ страшнымъ пятномъ въ мірѣ—*вульгарностью.*

Но это нисколько не мѣшаетъ всему *образованному* міру идти въ мѣщанство, и авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство—идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна. Это та «курица во щахъ», о которой мечталъ Генрихъ IV. Маленькой домъ съ небольшими окнами на улицу, школа для сына, платье для дочери, работникъ для тяжелой работы,—да это въ самомъ дѣлѣ гавань спасенія, Havre de Grace!

Прогнанный съ земли, которую обрабатывалъ вѣка для барина, потомокъ разбитаго въ бою селянина, осужденный на вѣчную каторгу, голодъ, бездомный поденщикъ, батракъ, родящійся нищимъ и нищимъ умирающій, —только дѣлаясь собственникомъ, хозяиномъ.

буржуа, отираетъ потъ и безъ ужаса смотритъ на дѣтей: его сынъ не будетъ отданъ въ пожизненную кабалу изъ-за хлѣба, его дочь не обречена ни фабрикѣ, ни публичному дому. Какъ же ему не рваться въ мѣщане? Идеалъ *хозяина* лавочника — этихъ рыцарей, этихъ поповъ средняго состоянія—носится свѣтлымъ образомъ передъ глазами поденщика до тѣхъ поръ, пока его заскорузлыя и усталыя руки не опустятся на надломленную грудь, и онъ не взглянетъ на жизнь съ тѣмъ ирландскимъ покоемъ отчаянія, которое исключаетъ всякую мечту, всякое ожиданіе, кромѣ мечты о цѣломъ полуштофѣ виски въ слѣдующее воскресенье.

Мѣщанство—послѣднее слово цивилизаціи, основанной на безусловномъ самодержавіи собственности, —демократизація аристократіи,—аристократизація демократіи: въ этой средѣ Альмавива равенъ Фигаро,—снизу все тянется въ мѣщанство, сверху все само падаетъ въ него по невозможности удержаться. Американскіе Штаты представляютъ одно среднее состояніе, у котораго нѣтъ ничего внизу и нѣтъ ничего вверху, а мѣщанскіе нравы остались. Нѣмецкій крестьянинъ—*мѣщанинъ* хлѣбопашества, работникъ всѣхъ странъ—*будущій* мѣщанинъ. Италія, самая поэтическая страна въ Европѣ, не могла удержаться, и тотчасъ покинула своего фанатическаго любовника Маццини, измѣнила своему мужу-геркулесу Гарибальди, лишь только геніальный мѣщанинъ Кавуръ, толстенькой, въ очкахъ, предложилъ ей взять ее на содержаніе.

Съ мѣщанствомъ стираются личности, но стертые люди сытѣе; платья дюжинныя, незаказныя, не по таліи, но число носящихъ ихъ больше. Съ мѣщанствомъ стирается красота породы, но растетъ ея благосостояніе. Античный бѣднякъ изъ Транстевере употребляется на черную работу гунявымъ лавочникомъ Via del Corso.

Толпа гуляющихъ въ праздничной день въ Елисейскихъ поляхъ, Кенсингтонъ-Гарденѣ, собирающихся въ церквахъ, театрахъ, наводитъ уныніе пошлыми лицами, тупыми выраженіями, но для гуляющихъ въ Елисейскихъ поляхъ, для слушающихъ проповѣди Лакордера или пѣсни Левассора до этого дѣла нѣтъ, они даже этого не замѣчаютъ. Но что для нихъ очень важно и замѣтно, это то, что отцы и старшіе братья ихъ не въ состояніи были идти ни на гулянье, ни въ театръ, а они могутъ: что тѣ иногда ѣздили на козлахъ каретъ, а они сами ѣздятъ и очень часто въ фіакрахъ.

Во имя *этого* мѣщанство побѣдитъ и должно побѣдить. Нельзя сказать голодному—тебѣ больше къ лицу голодъ, не ищи пищи. Господство мѣщанства—отвѣтъ на *освобожденіе безъ земли*, на открѣпленіе людей и прикрѣпленіе почвы малому числу избранныхъ. Заработавшая себѣ копейку толпа одолѣла и по своему жуируетъ и владѣетъ міромъ. Въ сильно обозначенныхъ личностяхъ, въ оригинальныхъ умахъ ей никакой необходимости. Наука не мо-

жетъ ни натолкнуться на ближайшія открытія. Фотографія, эта шарманка живописи, замѣняетъ артиста; хорошо, если явится художникъ съ творчествомъ, но вопіющей нужды и въ немъ нѣтъ. Красота, талантъ вовсе ненормальны, это исключеніе, роскошь природы, высшій предѣлъ, или результатъ большихъ усилій, цѣлыхъ поколѣній. Стать лошадей Дерби, голосъ Маріо—рѣдкости. Но хорошая квартира и обѣдъ—необходимость. Въ самой природѣ можно сказать бездна мѣщанскаго; она очень часто останавливается на середкѣ на половину,—видно, дальше идти духу не хватаетъ. Кто тебѣ сказалъ, что у Европы хватитъ?

Европа провела дурные четверть часа,—мѣщанство чуть не лишилось плодовъ долгой жизни, долгихъ усилій, труда. Внутри человѣческой совѣсти поднялся какой-то неопредѣленный, но страшный протестъ. Мѣщане вспомнили войны свои за права, вспомнили героическія времена и библейскія преданія. Авель, Ремъ, Ѳома Мюнстеръ, были еще разъ усмирены, и на ихъ могилахъ еще долго будетъ рости трава, въ предупрежденіе того, какъ караетъ самодержавное мѣщанство. Все съ тѣхъ поръ пришло въ свой порядокъ; онъ, кажется, проченъ, онъ раціоналенъ изъ своихъ началъ, онъ силенъ ростомъ, но артистическаго смысла, но художественной струны въ немъ не прибыло, онъ ихъ и не ищетъ; онъ слишкомъ практиченъ: онъ согласенъ съ Екатериной II, что серьезному человѣку не идетъ хорошо играть на фортепіанахъ,—императрица тоже смотрѣла на мужинъ съ *практической* точки зрѣнія. Для цвѣтовъ его гряды слишкомъ унавожены; для его грядъ цвѣты слишкомъ безполезны; если онъ иногда ростить ихъ, то это на продажу.

Весной 1850 года, я искалъ въ Парижѣ квартиру; тогда я уже настолько обжился въ Европѣ, что мнѣ опротивила тѣснота и давка цивилизаціи, которая сначала очень нравится намъ, русскимъ: я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ отвращеніемъ, смотрѣлъ уже на безпрестанно двигующуюся, кишащую толпу, предчувствуя, какъ она у меня отнимаетъ полмѣста въ театрѣ, въ дилижансѣ, какъ она бросится звѣремъ въ вагоны, какъ нагрѣетъ и насытитъ собою воздухъ,—а поэтому я и квартиру искалъ не на юру, и сколько-нибудь не похожую на уютно-пошлыя и убійственно-однообразныя квартиры—въ три спальни, à trois chambres à coucher de maitre [1]).

Мнѣ кто-то указалъ флигель большого, стараго дома по ту

[1] Одинъ очень умный человѣкъ, графъ Оскаръ Рейхенбахъ, мнѣ разъ сказалъ, говоря о зажиточно мѣщанскихъ квартирахъ въ Лондонѣ: «Скажите мнѣ цѣну и этажъ,—и я берусь безъ свѣчи, въ темную ночь, принесть часы, газу, графинъ... что хотите, изъ вещей, непремѣнно бывающихъ во всякомъ жилищѣ средняго круга.

сторону Сены, въ самомъ С.-Жерменскомъ предмѣстьи или около. Я пошелъ туда. Старуха, жена дворника, взяла ключи и повела меня *дворомъ*. Домъ и флигель стояли за оградой; внутри двора, за домомъ зеленѣли какія-то деревья. Флигель былъ неубранъ, запущенъ, вѣроятно, въ немъ много лѣтъ никто не жилъ. Полустаринная мебель, времени первой имперіи, съ римской прямолинейностью и почернѣлой позолотой. Флигель этотъ былъ не великъ, не богатъ, но расположеніе комнатъ, мебель, все указывало на *иное* понятіе объ удобствахъ жизни. Возлѣ небольшой гостиной была еще крошечная, совершенно въ сторонѣ, близъ спальной, кабинетъ съ шкапами для книгъ и большимъ письменнымъ столомъ. Я походилъ по комнатамъ, и мнѣ показалось, что я послѣ долгаго скитанья, снова встрѣтилъ человѣческое жилье, un chez soi, а *не нумеръ*, не людское стойло.

Это замѣчаніе можно распространить на все, на театры, на гулянья, на трактиры, на книги, на картины, на платье, все степенью понизилось и страшно возрасло числомъ. Толпа, о которой я говорилъ, лучшее доказательство успѣха, силы, роста, она прорываетъ всѣ плотины, наполняетъ все и льется черезъ край. Она всѣмъ довольствуется и всего ей мало. Лондонъ тѣсенъ. Парижъ узокъ. Сто прицѣпленныхъ вагоновъ недостаточны, сорокъ театровъ—мѣста нѣтъ; для того, чтобъ лондонская публика могла видѣть *пьесу*, надобно ее давать къ ряду три мѣсяца.

— Отчего у васъ такъ плохи сигары? спросилъ я одного изъ первыхъ лондонскихъ торговцевъ [1]).

— Трудно доставать, да и хлопотать не стоитъ, знатоковъ мало, а богатыхъ знатоковъ еще меньше.

— Какъ не стоитъ? вы берете 8 пенсовъ за сигару.

— Это у насъ почти никакого разсчета не дѣлаетъ. Ну, вы и еще десять человѣкъ будутъ покупать у меня, много ли барыша? Я въ день сигаръ по 2 и по 3 пенса больше продамъ, чѣмъ тѣхъ въ годъ. Я ихъ совсѣмъ не буду выписывать.

Вотъ человѣкъ, постигнувшій духъ современности. Вся торговля, особенно англійская, основана теперь на количествѣ и дешевизнѣ, а вовсе не на качествѣ, какъ думаютъ старожилы, покупавшіе съ уваженіемъ тульскіе перочинные ножики, на которыхъ была англійская фирма. Все получаетъ значеніе гуртовое, оптовое, рядское, почти всѣмъ доступное, но не допускающее ни эстетической отдѣлки, ни личнаго вкуса. Возлѣ, за угломъ, вездѣ дожидается стотысячеголовая гидра, готовая безъ разбора все слушать, все смотрѣть, всячески одѣться, всѣмъ наѣсться. Это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity)

1) У Карераса.

Ст. Милля, которая все покупаетъ и потому всѣмъ владѣетъ, толпа безъ невѣжества, но и безъ образованія; для нея искусство кричитъ, машетъ руками, лжетъ, экзажерируетъ, или съ отчаянія отворачивается отъ людей и рисуетъ звѣриныя драмы и портреты скота, какъ Лансиръ и Роза Бонеръ.

Видѣлъ ли ты въ Европѣ за послѣдніе пятнадцать лѣтъ актера, одного актера, который бы не былъ гаеръ, паяцъ сентиментальности или паяцъ шаржи? Назови его!

Эпохѣ, которой послѣднее выраженіе въ звукахъ Верди, на роду могло быть написано много хорошаго, но, навѣрное, не художественное призваніе. Ей совершенно по плечу ея созданье—cafés chantants, амфибія, между полпивной и бульварнымъ театромъ. Я ничего не имѣю противъ cafés chantants, но не могу же я имъ дать серьезное артистическое значеніе, они удовлетворяютъ общему «костюмеру», какъ говорятъ англичане, общему потребителю, давальцу, стоглавой гидрѣ мѣщанства, чего же больше?

Выходъ изъ этого положенія далекъ. За большинствомъ, теперь господствующимъ, стоитъ *еще большее* большинство кандидатовъ на него, для которыхъ нравы, понятія, образъ жизни мѣщанства—единственная цѣль стремленій, ихъ хватитъ на десять перемѣнъ. Міръ безземельный, міръ городского преобладанія, до крайности доведеннаго права собственности, не имѣетъ другого пути спасенія и весь пройдетъ мѣщанствомъ, которое въ нашихъ глазахъ отстало, а въ глазахъ полевого населенія и пролетаріевъ представляетъ образованность и развитіе. Забѣжавшіе впередъ живутъ въ крошечныхъ кругахъ въ родѣ свѣтскихъ монастырей, не занимаясь тѣмъ, что дѣлаютъ міряне за стѣной.

Было это и прежде, но и размѣры и сознаніе были меньше; къ тому же прежде были идеалы, вѣрованія, слова, отъ которыхъ билось и простое сердце бѣднаго гражданина, и сердце надменнаго рыцаря: у нихъ были общія святыни, передъ которыми, какъ передъ дарами, склонялись всѣ. Гдѣ тотъ псаломъ, который могутъ въ наше время съ вѣрой и увлеченіемъ пѣть во всѣхъ этажахъ дома, отъ подвала до мансарды, гдѣ наша Gottes feste Burg или марсельеза?

Когда Ивановъ былъ въ Лондонѣ, онъ съ отчаяніемъ говорилъ о томъ, что ищетъ новый, религіозный типъ и нигдѣ не находитъ его въ окружающемъ мірѣ. Чистый артистъ, боявшійся, какъ клятвопреступленія, солгать кистью, прозрѣвавшій больше фантазіей, чѣмъ анализомъ, онъ требовалъ, чтобъ мы ему указали, гдѣ тѣ живописныя черты, въ которыхъ просвѣчиваетъ новое искупленіе. Мы ему ихъ не указали. «Можетъ, укажетъ Маццини», думалъ онъ.

Маццини ему указалъ бы на «единство Италіи», можетъ, на

Гарибальди въ 1861 году, какъ *на предтечу*, на этого *великаго послѣдняго*.

Ивановъ умеръ, стучась, такъ дверь и не отверзлась ему.

Isle of Wight, 10 іюня, 1862 г.

Письмо второе.

Кстати, къ Маццини. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появился первый томъ полнаго собранія его сочиненій. Вмѣсто предисловія или своихъ записокъ Маццини связалъ статьи, писанныя имъ въ разныя времена, рядомъ пополненій: въ этихъ пояснительныхъ страницахъ бездна самаго живого интереса. Поэма его монашескаго житія, посвященнаго *одному* богу и *одному* служенію, раскрывается сама собою въ разбросанныхъ отмѣткахъ, безъ намѣренія, можетъ, больше, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Энтузіастъ, фанатикъ, съ кровью лигура въ жилахъ, Маццини отрокомъ безвозвратно отдается великому дѣлу освобожденія Италіи и этому дѣлу остается вѣренъ и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, ora e sempre, какъ говоритъ его девизъ: тутъ его юность, любовь, семья, вѣра, долгъ. Мужъ единой жены, онъ ей не измѣнилъ, и, сѣдой, исхудалый, больной, онъ удерживаетъ смерть, онъ не хочетъ умереть прежде, чѣмъ Римъ не будетъ столицей единой Италіи, и левъ С. Марка не разорветъ на лоскутки развѣвающуюся надъ нимъ черно-желтую тряпку.

Свидѣтельство такого человѣка, и притомъ гонителя скептицизма, соціализма, матеріализма, человѣка, жившаго всѣми сердцебіеніями европейской жизни въ продолженіе сорока лѣтъ, чрезвычайно важно.

Послѣ первыхъ *пансіонскихъ* увлеченій всякой революціонной карьеры, послѣ поэзіи заговоровъ, таинственныхъ формулъ, свиданій ночью, клятвъ на необагренныхъ кинжалахъ, молодого человѣка беретъ раздумье.

Какъ ни увлекаетъ южную, романскую душу обстановка и ритуалъ, серьезный и аскетическій Маццини скоро разглядываетъ, что въ карбонаризмѣ гораздо больше пріемовъ, обрядовъ, чѣмъ дѣла, больше сборовъ и приготовленій, чѣмъ пути. Давно догадались и мы, что политическая литургія священно-служителей конспирацій—одно драматическое представленіе. Маццини это замѣтилъ тридцать пять лѣтъ тому назадъ.

Дойдя до этого, молодому карбонару было трудно остановиться. Вглядываясь въ недавнія событія рухнувшейся имперіи, свидѣтель монархическихъ реставрацій, революціи, конституціонныхъ попытокъ и республиканскихъ неудачъ, Маццини пришелъ къ

заключенію, что у современной европейской жизни нѣтъ, какъ онъ выразился, «никакой инициативы», что консерваторская идея и идея революціонная имѣютъ только отрицательное значеніе: одна ломаетъ — не зная для чего, другая хранитъ — не зная для чего; что во всемъ, что дѣлается (а дѣлалась тогда революція тридцатаго года), нѣтъ ничего чинополагающаго новый порядокъ дѣлъ.

Въ этихъ словахъ будущаго соперника папы есть звуки погребальнаго колокола, въ который ударялъ другъ папы, Местръ.

Пустота, которую ощущалъ Маццини, понятна.

Приливъ революціоннаго моря поднимался торжественно въ 1789 и, не мучимый никакими сомнѣніями, затоплялъ старую весь; но когда все было покрыто его волнами, и на минуту всплывшія головы безъ туловища (и въ томъ числѣ одна въ коронѣ), митры безъ головы и шляпы съ плюмажемъ—пошли на дно, тогда впервые почувствовался какой-то страшный *просторъ отсутствія*. Освобожденныя силы разъѣдали другъ друга, потомъ устали и остановились,—имъ нечего было дѣлать, онѣ ждали событія дня, какъ поденщики ждутъ работы. Постоянныя войска эти во время мира кипѣли боевой энергіей, но не было боя, а главное — не было ясной цѣли. А если цѣли нѣтъ, все можетъ быть цѣлью: Наполеонъ ихъ увѣрилъ, что *онъ* цѣль, что война цѣль, и отлилъ больше человѣческой кровью, чѣмъ напоръ волнъ революціонныхъ прилилъ идей.

Маццини понялъ это и, прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ посмотрѣлъ за политическія стѣны. Тамъ ему встрѣтился колоссальный эгоизмъ Гёте, его покойное безучастіе, его любознательность естествоиспытателя въ дѣлахъ человѣческихъ; тамъ ему встрѣтился гложущій себя колоссальный эгоизмъ Байрона.

Поэзія презрѣнія возлѣ поэзіи созерцанія; плачъ, смѣхъ, гордое бѣгство и отвращеніе отъ современнаго міра — возлѣ гордаго довольства въ немъ. Герои Байрона поражаютъ Маццини; онъ ищетъ, откуда ведутъ свое начало эти странные отшельники, безъ религіи и монастыря, сосредоточенные на себѣ, ненужные, несчастные, безъ дѣла, безъ родины, безъ интересовъ, эгоисты и аскеты, готовые на жертвы, которыхъ не умѣютъ принести, готовые презирать себя въ качествѣ людей. И снова Маццини наталкивается на ту же причину.—У байроновскихъ героевъ не достаетъ объективнаго идеала, вѣры; мечта поэта, отвернувшись отъ безплодной, отталкивающей среды, была сведена на лиризмъ психическихъ явленій, на *внутрь вошедшіе* порывы дѣятельности, на больные нервы, на тѣ духовныя пропасти, гдѣ сумасшествіе и умъ, порокъ и добродѣтель теряютъ свои предѣлы и становятся привидѣніями, угрызеніями совѣсти и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣзненнымъ упоеніемъ.

Успокоиться на этомъ *свидѣтельствѣ болѣзни* дѣятельный духъ Мацции не могъ. Ему во что бы ни стало хотѣлось сыскать слово новой вѣры, инициативу, —онъ и сыскалъ ихъ.

Теперь рычагъ въ его рукахъ. Онъ повернетъ міръ, онъ пересоздастъ Европу, замѣнитъ гробъ колыбелью, разрушителей сдѣлаетъ зодчими, разрѣшитъ противорѣчіе общества и лица, свободы и авторитета, дастъ сердцу вѣру, не отнимая у разума—разумъ... Что же, ты думаешь, это magnum ignotum?—*Единство и освобожденіе Италіи съ древнимъ Римомъ въ центрѣ.*

Тутъ, само собою разумѣется, нѣтъ мѣста ни разбору, ни критикѣ. Не оттого ли, что Мацции предвидѣлъ новое откровеніе, новое искупленіе міра въ итальянскомъ risorgimento, онъ не предвидѣлъ одного —именно Кавура? Кавура онъ долженъ былъ ненавидѣть больше, чѣмъ Антонелли. Кавуръ былъ прозаическимъ переводомъ его поэмы, онъ выполнилъ одну будничную часть мацциніевской программы, за Римомъ и Венеціей à la longue дѣло не станетъ. Кавуръ—это итальянская Мароа, мѣшающая хозяйственными дрязгами единой мечтѣ итальянской Маріи. И въ то время, когда Марія съ умиленіемъ видѣла искупленіе міра въ освобождающейся Италіи, Мароа кроила для Италіи бельгійскій костюмъ, и страна, довольная, что конституція не жметъ ее, пошла себѣ по торной, западной колеѣ, по большому торговому тракту, а по немъ не доѣдешь ни до какого пересозданія міра, *не пустившись въ опасный бродъ.*

Фанатикъ Мацции ошибался: колоссальность его ошибки сдѣлала возможнымъ соизмѣримаго Кавура и единую Италію. Для насъ, впрочемъ, вовсе неважно, какъ онъ разрѣшилъ вопросъ: для насъ важно то, что западный человѣкъ, какъ только становится на свои ноги и освобождается отъ готовыхъ формулъ, какъ только начинаетъ вглядываться въ современное состояніе Европы,—чувствуетъ неловкость, чувствуетъ, что что-то *не туда идетъ*, что развитіе *дало въ сторону*. Обмануть это чувство замѣною недостающаго начала началомъ національности—легко могутъ революціонеры и консерваторы, особенно если по счастью ихъ родина будетъ покорена. Но что же дальше? Что дѣлать, возстановивши независимость своего народа? Или что дѣлать, когда она и безъ того независима?

Мацции, сознавая какую-то *пустоту* демократической мысли, указываетъ на освобожденіе Италіи отъ «тедесковъ». Ст. Милль видитъ, что все около него пошлѣетъ, мельчаетъ, съ отчаяніемъ смотритъ на подавляющія массы какой-то паюсной икры, сжатой изъ миріадъ мѣщанской мелкоты безъ инициативы, безъ пониманія, но въ Англіи нѣтъ ни австрійскаго ига, ни папы, ни неаполитанскаго Бурбона. Тутъ что дѣлать?

...Я предчувствую гнѣвъ нашихъ крѣпостныхъ людей, приписанныхъ къ научнымъ фабрикамъ и схоластическимъ заводамъ: я вижу, какъ они бѣлымъ днемъ яростно смотрятъ на меня своими ночными глазами филина и говорятъ: «Что онъ за вздоръ несетъ? какъ будто исторія можетъ дать въ сторону, какъ будто она не двигается по своимъ законамъ, какъ планеты, которыя никогда не даютъ въ сторону и не срываются съ орбитъ?»

На послѣднее можно сказать, что всякое бываетъ, и пѣтъ причины, чтобъ иной разъ планета и не сорвалась. У Сатурна кольцо уцѣлѣло и вертится съ нимъ; у Юпитера оно лопнуло, и изъ него сдѣлались бусы, у земли одна луна какъ бѣльмо на глазу. Но вмѣсто обсерваторіи стоитъ заглянуть въ любую больницу, чтобъ видѣть, какъ живые организмы *даютъ въ сторону*, развиваются въ своемъ отклоненіи и доводятъ его до относительнаго совершенства, искажая, а иногда и убивая весь организмъ. Шаткое равновѣсіе всего живого колеблется и до нѣкоторой степени уступаетъ уклоненіямъ: но еще шагъ въ ту же сторону, —и худо стянутый узелъ, связующій ихъ, развязанъ, и освобожденные элементы идутъ въ другія сочетанія...

Разумѣется, что общіе законы остаются тѣ же, но въ частныхъ приложеніяхъ они могутъ разниться до совершенно противоположныхъ явленій. Повинуясь одному и тому же закону, пухъ летаетъ, а свинецъ падаетъ.

При отсутствіи плана и срока, аршина и часовъ—развитіе въ природѣ, въ исторіи не то что *не можетъ* отклониться, но *должно* безпрестанно отклоняться, слѣдуя всякому вліянію и въ силу своей безпечной страдательности, происходящей отъ отсутствія опредѣленныхъ цѣлей. Въ отдѣльномъ организмѣ иногда отклоненіе даетъ себя знать болью, и тутъ часто боль является слишкомъ позднимъ предостереженіемъ. Сложные, сводные организмы сбиваются съ своихъ діагоналей и уносятся по скатамъ, вовсе не замѣчая ни дороги, ни опасности, благодаря смѣнѣ поколѣній. Возможность остановить отклонившееся, удержать забѣжавшее или нагнать его, очень мала и мало желается; желаніе предполагало бы всякій разъ сознаніе и цѣль.

Сознаніе, съ своей стороны, очень далеко отъ практическаго приложенія. Боль не лечитъ, а вызываетъ леченіе. Патологія можетъ быть хороша, а терапія скверная; можно вовсе не знать медицины и ясно видѣть болѣзнь. Требованіе лекарства отъ человѣка, указывающаго на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Христіане, плакавшіе о грѣхахъ міра сего, соціалисты, раскрывшіе раны быта общественнаго, и мы, *недовольныя, неблагодарныя* дѣти цивилизаціи, мы вовсе не врачи, — мы *боль;* что выйдетъ изъ нашего кряхтѣнія и стона, мы не знаемъ, но *боль заявлена.*

Передъ нами цивилизація, послѣдовательно развившаяся на безземельномъ пролетаріатѣ, на безусловномъ правѣ собственника надъ собственностію. То, что ей пророчилъ Сіэсъ, то и случилось: среднее состояніе сдѣлалось *всѣмъ*—на условіи владѣть *чѣмъ-нибудь*. Знаемъ ли мы, какъ выйти изъ мѣщанскаго государства въ государство народное, или нѣтъ,—все же мы имѣемъ право считать мѣщанское государство одностороннимъ развитіемъ, уродствомъ.

Подъ словомъ уродства, болѣзни, мы обыкновенно разумѣемъ что-то неестественное, противозаконное, не отдавая себѣ отчета, что уродство и болѣзнь *естественны* нормальнаго состоянія, представляющаго алгебраическую формулу организма, отвлеченіе, обобщеніе, идеалъ, собранный изъ разныхъ частностей исключеніемъ случайностей. Отклоненіе и уродство *подзаконны* тому же *закону*, какъ и организмы; въ ту минуту, когда бы они освободились отъ него, организмъ бы умеръ. Но, сверхъ общей подзаконности, они еще состоятъ на особыхъ правахъ, имѣютъ свои частные законы, послѣдствія которыхъ опять-таки мы имѣемъ право выводить, безъ всякихъ ортопедическихъ возможностей, поправлять. Видя, что у жирафа передняя часть развита *односторонно*, мы могли догадаться, что это развитіе сдѣлано насчетъ задней части и что въ силу этого въ его организмѣ непремѣнно будетъ рядъ недостатковъ, соотвѣтствующихъ его одностороннему развитію, но которые для него естественны и относительно нормальны.

Переднюю часть европейскаго камелеопардала составляетъ мѣщанство,—объ этомъ можно бы было спорить, если-бъ дѣло не было такъ очевидно; но однажды согласившись въ этомъ, нельзя не видать всѣхъ послѣдствій такого господства лавки и промышленности. Ясно, что кормчій этого міра будетъ купецъ, и что онъ поставитъ на всѣхъ его проявленіяхъ свою торговую марку. Противъ него равно будетъ несостоятельна нелѣпость родовой аристократіи и несчастье родового пролетаріата. Правительство должно умереть съ голоду или сдѣлаться его приказчикомъ: у него на пристяжкѣ пойдутъ его товарищи по непроизводительности, опекуны несовершеннолѣтняго рода человѣческаго—адвокаты, судьи, нотаріусы и пр. Вмѣстѣ съ его господствомъ разовьется пониженіе всего нравственнаго быта, и Ст. Милль, напр., вовсе не преувеличивалъ, говоря о суживаніи ума, энергіи, о стертости личностей, о постоянномъ мельчаніи жизни, о постоянномъ исключеніи изъ нея общечеловѣческихъ интересовъ, о сведеніи ея на интересы торговой конторы и мѣщанскаго благосостоянія. Милль прямо говоритъ, что по этому пути Англія сдѣлается *Китаемъ*: мы къ этому прибавимъ: и не одна Англія.

Можетъ, какой-нибудь кризисъ и спасетъ отъ китайскаго ма-

разма. Но откуда онъ придетъ, какъ, и вынесетъ ли его старое тѣло или нѣтъ? Этого я не знаю, да и Ст. Милль не знаетъ. Опытъ насъ проучилъ: осторожнѣе Маццини, мы смиренно держимся точки зрѣнія *прозектора*. Лекарствъ не знаемъ, да и въ хирургію мало вѣримъ.

Мнѣ же особенно посчастливилось,—мѣсто въ анатомическомъ театрѣ досталось славное и возлѣ самой клиники; не стоило смотрѣть въ атласъ, ни ходить на лекціи парламентской терапіи и метафизической патологіи; болѣзнь, смерть и разложеніе совершались передъ глазами.

Агонія іюльской монархіи, тифъ папства, преждевременное рожденіе республики и ея смерть, за февральскими *сумерками* іюньскіе *дни*, вся Европа въ припадкѣ лунатизма, сорвавшаяся съ крыши Пантеона въ полицейскую лужу! И потомъ десять лѣтъ въ обширнѣйшемъ музеѣ патологической анатоміи—на Лондонской выставкѣ образцовъ всѣхъ прогрессивныхъ партій въ Европѣ, рядомъ съ туземными образцами всѣхъ консерватизмовъ со временъ іудейскихъ первосвященниковъ до шотландскихъ пуританъ.

Десять лѣтъ!

Былъ досугъ всмотрѣться въ эту жизнь, въ то, что дѣлалось вокругъ; но мое мнѣніе не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ сорокъ восьмомъ году я осмѣлился, еще съ нѣкоторымъ ужасомъ, разобрать на лбу этихъ людей цицероновское vixerunt!

Съ каждымъ годомъ я бьюсь болѣе и болѣе объ непониманіе здѣшнихъ людей, объ ихъ равнодушіе ко всѣмъ интересамъ, ко всѣмъ истинамъ, объ легкомысленную вѣтренность ихъ стараго ума, объ невозможность растолковать имъ, что рутина не есть безапелляціонный критеріумъ, и привычка не доказательство. Иногда я пріостанавливаюсь, мнѣ кажется, что худшее время прошло, я стараюсь быть непослѣдовательнымъ: мнѣ кажется, напримѣръ, будто стѣсненное слово во Франціи выростаетъ въ мысль... я жду, надѣюсь... бываетъ же иногда и исключеніе... будто что-то брезжитъ... нѣтъ, ничего!

И этого никто не чувствуетъ... На тебя смотрятъ съ какой-то жалостью, какъ на поврежденнаго... Мнѣ только случилось встрѣчать старыхъ стариковъ, какъ-то очень грустно качавшихъ сѣдой головой.

Этимъ старикамъ было видимо неловко съ своими *чужими*, т. е. съ сыновьями и внучатами...

...Да, caro mio, есть еще въ здѣшней жизни великій типъ для поэта, типъ вовсе непочатой... Тотъ художникъ, который здѣсь всмотрится въ *Дѣдовъ* и *Внучатъ*, въ *Отцевъ* и *Дѣтей* и безбоязненно, безпощадно воплотитъ ихъ въ черную, страшную поэму,— тотъ будетъ надгробный лауреатъ этого міра.

Типъ этотъ типъ Донъ Кихота революціи, старика 89 года, доживающаго свой вѣкъ на хлѣбахъ своихъ внучатъ, разбогатѣвшихъ французскихъ мѣщанъ, — онъ не разъ наводилъ на меня ужасъ и тоску.

Ты подумай объ немъ, и у тебя волосъ станетъ дыбомъ.

Isle of Wight, Cowes, 20 іюля. 1862.

Письмо третье.

... Фу, какое отвратительное лѣто, холодъ, темнота, слякоть, постоянные вѣтры, нервы раздражены, носовая перепонка тоже и все это продолжается три мѣсяца, а предъ ними были семь предшественниковъ ихъ, по ту сторону вступленія въ знакъ Овна!

Наконецъ-то, солнце явилось на безоблачномъ небѣ. Море разгладилось и блеститъ, я сижу у своего окна, въ крошечной фермѣ, и не могу наглядѣться, — такъ давно я не видѣлъ солнца и дали. Сегодня даже тепло. Я просто обрадовался, увидя, что природа еще цѣла; за то пиръ горой: шмели, пчелы, птицы летаютъ, жужжатъ, поютъ, шумятъ, на дворикѣ фермы кричитъ во все горло просохнувшій пѣтухъ, и старая собака, забывъ лѣта и общественное положеніе, лежитъ на спинѣ, какъ щенокъ, задравши ноги вверхъ, и покачивается изъ стороны въ сторону, съ невольнымъ эпикурейскимъ ворчаньемъ. Людей не видать изъ моего окна, но полей, но деревьевъ, но садовъ безъ конца: несмотря на море въ сторонѣ, видъ этотъ очень напоминаетъ наши великорусскіе виды, къ тому же пахнетъ травой и деревьями.

Пора была погодѣ исправиться, а то я начиналъ опасаться ужъ не соціальнаго переворота, а геологическаго: я такъ и ждалъ, что вслѣдъ за десятимѣсячной дурной погодой Европа дастъ трещину и вулканической мѣрой разрубитъ гордіевъ узелъ современныхъ вопросовъ и impass'овъ, приглашая желающихъ начать не то что съ азбуки, а съ Адама II.

Ты въ качествѣ поэта и идеалиста, должно быть, не вѣришь такой чепухѣ, а Ламе, въ качествѣ одного изъ величайшихъ математиковъ нашего времени, не того мнѣнія. Ему кажется, что равновѣсіе скучившихся материковъ очень непрочно и что, взявъ къ тому же въ разсчетъ быстрое движеніе въ одну сторону и коекакіе факты передвиженія массъ въ Исландіи, того и смотри, что шаръ земной дастъ трещину въ Европѣ. Онъ даже составилъ рядъ формулъ, сдѣлалъ рядъ вычисленій... Ну, да что тебя пугать, до Орловской губерніи трещина не дойдетъ.

Лучше, пользуясь казусно хорошей погодой, потолкуемъ опять

объ нашихъ «Концахъ и Началахъ», а придетъ трещина, она сама распорядится.

Донъ Кихотъ революціи не идетъ у меня изъ головы. Суровый, трагическій типъ этотъ исчезаетъ,—исчезаетъ какъ бѣловѣжской зубръ, какъ краснокожіе индѣйцы, и нѣтъ художника, который бы помѣтилъ его черты старыя, рѣзкія, носящія на себѣ слѣды всѣхъ скорбей, всѣхъ печалей, идущихъ изъ *общихъ* началъ и изъ вѣры въ человѣчество и разумъ. Скоро черты эти замрутъ, не сдавшись, съ выраженіемъ гордаго и укоряющаго презрѣнія, потомъ сотрутся и человѣческая память утратитъ одинъ изъ высшихъ, предѣльныхъ типовъ своихъ.

Это вершины горъ, которыми заключается хребетъ XVIII столѣтія, ими онъ достигаетъ своего предѣла и замыкается, ими обрывается рядъ усилій подняться. Дальше этимъ вулканическимъ напоромъ идти нельзя.

Титаны, остающіеся послѣ борьбы, послѣ пораженія, при всѣхъ своихъ титаническихъ стремленіяхъ, представителями неудовлетворенныхъ притязаній, дѣлаются изъ великихъ людей печальными Донъ Кихотами. Исторія подымается и опускается между пророками и рыцарями печальнаго образа. Римскіе патриціи, республиканцы, стоики первыхъ вѣковъ, отшельники, бѣжавшіе въ степи, пуритане, наполнившіе цѣлое столѣтіе скрежетомъ зубовъ за недостиженіе своего скучнаго идеала,— все это оставленное отливомъ, упорно рвущееся впередъ и вязнущее въ тинѣ, не поддержанное волною, все это Донъ Кихоты, но Донъ Кихоты, нашедшіе своихъ Сервантесовъ. Для сподвижниковъ начальной церкви есть томы легендъ, есть иконопись и живопись, есть ихъ мозаики, изваянія. Типъ пуританизма закрѣпленъ въ англійской литературѣ, въ голландской живописи; а типъ Донъ Кихота революціи вывѣтривается на нашихъ глазахъ, становится рѣже и рѣже, и никто не думаетъ о томъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, снять фотографію.

Фанатики земной религіи, фантасты не царства божія, а царства человѣческаго, они остаются послѣдними часовыми идеала, давно покинутаго войскомъ, они мрачно и одиноко стоятъ полстолѣтія, безсильные *измѣнить*, и все ожидающіе пришествія республики на землѣ; грунтъ возлѣ понижается, понижается,— они этого не хотятъ видѣть. Я еще засталъ нѣсколько изъ этихъ апостоловъ девяностыхъ годовъ; рѣзкія, печальныя, крупныя фигуры ихъ, переросшія два поколѣнія, казались мнѣ какими-то угрюмыми и неподвижно разрушающимися по камешку Мемнонами въ египетскихъ степяхъ... И у ихъ ногъ копошились, хлопотали, таскали товары крошечные люди и маленькіе верблюды, едва видные изъ-за урагана пыли.

Смерть давала все больше и больше знать о своемъ приближеніи; старый пожелтѣлый взглядъ становился суровѣе, уставалъ отъ напряженія, высматривая смѣну, отыскивая, кому сдать честь и мѣсто.—Сыну? Старикъ хмурится. -Внуку? Онъ махнулъ рукой. Бѣдный король Лиръ въ демократіи, куда ни обращаетъ онъ угасающій взглядъ свой къ своимъ, къ присным, вездѣ его встрѣчаетъ непониманье, безучастье, осужденье, полускрытый упрекъ, мелкіе счеты и мелкіе интересы. Его якобинскихъ словъ боятся при постороннихъ, ему просятъ прощеніе, указывая на изрѣдѣвшія сѣдины. Его невѣстка мучитъ его примиреніемъ съ церковью, и іезуитскій аббатъ шныряетъ по временамъ, какъ мимолетный воронъ, посмотрѣть сколько еще силъ и сознанія, чтобы поймать его въ предсмертномъ бредѣ.

Еще хорошо, если гдѣ-нибудь въ околодкѣ гражданина Лира есть гражданинъ Кентъ, который находитъ, «что въ его лицѣ есть что-то, напоминающее 94 годъ», какой-нибудь темный сподвижникъ Сантера, солдатъ арміи Марсо и Гоша, гражданинъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, дѣтски вѣрный своему преданью и гордо держащій лавочку рукой, которой держалъ пику съ фригійской шапкой. Лиръ зайдетъ къ нему иной разъ отвести душу, покачать головой и вспомнить старину съ ея огромными надеждами, съ ея великими событіями, побранить Таліена и Барраса, реставрацію съ своими caffards, короля-лавочника et ce traître de Lamartine. Оба *знаютъ*, что часъ революціи пробьетъ, что народъ проснется какъ левъ и снова подниметъ фригійскую шапку и въ этомъ упованіи одинъ изъ нихъ засыпаетъ.

Насупивъ брови, идетъ Лиръ за гробомъ Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніора, или Спартакюсъ-Брютюсъ-Жюніоръ, не скрывая глубокаго отвращенія ко всему родству покойнаго, идетъ за гробомъ Лира — и изъ двухъ величавыхъ фигуръ остается одна, и та совершенно лишняя.

«И его нѣтъ, и онъ не дождался» — думаетъ оставшійся старикъ, возвращаясь съ похоронъ; «неужели, въ самомъ дѣлѣ, сторона Питта и Кобурга окончательно взяли верхъ, неужели вся долгая жизнь, усилія, жертвы... нѣтъ, не можетъ быть, истина съ нашей стороны и побѣда будетъ съ нашей... Разумъ и справедливость восторжествуютъ, разумѣется, сперва во Франціи, потомъ во всемъ родѣ человѣческомъ и «Vive la République, une et indivisible!» молится старецъ восьмидесятилѣтними губами, такъ, какъ другой старецъ, отдавая съ миромъ духъ свой Господу, шепчетъ ему: «да пріидетъ царствіе твое», и оба спокойно закрываютъ глаза.

Святые Донъ Кихоты, вамъ легка земля!

Эти фанатическія вѣрованія въ осуществимость гармоническаго порядка, общаго блаженства, въ осуществимость истины, *потому*

что она истина, это отрѣшеніе отъ всего частнаго, личнаго, эта преданность, переживающая всѣ испытанія, всѣ удары,—это-то и есть *вершина*... Гора окончена, выше, дальше холодный воздухъ, мгла, ничего. Опять спускаться! Отчего нельзя продолжать? Отчего Монъ-Бланъ не стоитъ на Чимборазо и Гималай не продолжаетъ ихъ,—какова бы была гора?

Такъ нѣтъ — у каждаго геологическаго катаклизма свой романъ, своя поэма горъ, свой хребетъ, свои гранитныя, базальтовыя личности, подавляющія своимъ величіемъ низменные бассейны. Памятники планетныхъ революцій, они давно обросли лѣсами и мохомъ въ свидѣтельство тысячелѣтняго застоя потомъ. И наши забѣжавшіе піонеры революціи оставили въ исторіи свои Альпы; слѣды ихъ титаническихъ усилій не прошли и долго не пройдутъ. Чего же больше?

Да, для исторіи. Тамъ своя гуртовая, безпощадная оцѣнка; тамъ, какъ въ описаніи сраженій,—движеніе корпусовъ, дѣйствіе артиллеріи, напоръ лѣваго фланга, отступленіе праваго; тамъ свои личности «30-й егерской, а послѣ 45-й». Далѣе бюллетень не идетъ, онъ довольствуется итогомъ труповъ, а «пятое дѣйствіе» каждаго солдата идетъ далѣе, и оно имѣетъ свой совершенно *статскій* интересъ.

Что вынесли эти люди *послѣдняго* прилива, оставленные отливомъ въ тинѣ и слякоти! Что выстрадали эти *отцы* съ своими *дѣтьми*, одинокіе въ своихъ семьяхъ, больше чѣмъ монахи въ своихъ кельяхъ! Какія страшныя столкновенія всякаго часа, всякаго дня!.. Какія минуты устали и отчаянія!

Не странное ли дѣло, что въ длинномъ ряду «несчастныхъ», вызванныхъ В. Гюго, являются и старики.... *а несчастный старикъ* по преимуществу отодвинутъ на задній планъ, пропущенъ? Гюго едва замѣтилъ, что возлѣ мучительнаго сознанія виновности, есть другая пытка — мучительное *сознаніе ненужной правоты своей*, сознаніе своего безплоднаго превосходства надъ слабостью всего близкаго, молодого, переживающаго... Великій риторъ и поэтъ, между скорбными существованіями французской жизни, чуть коснулся величайшей скорби въ мірѣ—старца юнаго душею, окруженнаго больше и больше мельчающимъ поколѣніемъ.

Ну, что передъ ними и мучительныя, но ненужныя и чисто субъективныя страданія Жанъ-Валжан', такъ утомительно подробно разсказанныя въ романѣ-омнибусѣ Гюго? Конечно, сострадать можно всякому несчастію, но не всякому—глубоко сочувствовать. Боль отъ перелома ноги и боль отъ перелома жизни вызываютъ розное участіе.

Мы слишкомъ мало французы, чтобъ понимать такіе идеалы какъ Жанъ-Валжан', и сочувствовать такимъ героямъ полиціи

какъ Жаверъ. Жаверъ для насъ просто отвратителенъ. Вѣроятно. Гюго не думалъ, чертя эту совершенно національную фигуру шакала порядка, какое клеймо онъ выжегъ на плечѣ своей «прелестной Франціи». Въ Жанъ-Валжан' намъ только понятна его внѣшняя борьба добраго, несчастнаго звѣря, травимаго цѣлымъ гончимъ обществомъ. Внутренняя борьба его для насъ остается посторонней; этотъ сильный человѣкъ мышцами и волей, въ сущности, чрезвычайно слабый человѣкъ. Святой каторжникъ. Илья Муромецъ изъ тулонскихъ галеръ, акробатъ въ пятьдесятъ лѣтъ, и влюбленный мальчикъ чуть не въ шестьдесятъ, онъ исполненъ суевѣрья. Онъ вѣруетъ въ клеймо на плечѣ: онъ вѣруетъ въ приговоръ; онъ вѣруетъ, что онъ отверженный человѣкъ, оттого что тридцать лѣтъ тому назадъ укралъ хлѣбъ, да и то не для себя. Его добродѣтель болѣзненное раскаяніе: его любовь—старческая ревность. Натянутое существованіе его поднимается до истинно трагическаго значенія только въ концѣ книги, отъ бездушной ограниченности Козетина мужа и безграничной неблагодарности ея самой.

И тутъ Жанъ-Валжан' дѣйствительно граничитъ съ нашими стариками: раскаяніе одного и правота другихъ смѣшивается въ жгучемъ страданіи. Ртуть термометра, замерзшая въ нулю, обжигаетъ, какъ раскаленная пуля изъ свинца. Сознаніе правоты, отхватывающее полсердца, полсуществованія, стоитъ угрызенія совѣсти и еще хуже — тутъ есть искупленіе исповѣди, вознагражденіе, тамъ ничего. Между старикомъ девяностыхъ годовъ, фанатикомъ, фантастомъ, идеалистомъ и сыномъ, который *старше* его осторожностью, благоразуміемъ, разочарованіемъ, сыномъ черезъ край удовлетвореннымъ «меньшей линіей», и внукомъ, который, щеголяя въ мундирѣ императорскаго гида, мечтаетъ о томъ, какъ бы люкнуть въ су-префекты, pour exploiter sa position, нарушено естественное отношеніе, нарушено равновѣсіе, искажена органическая преемственность поколѣній.

Жанъ-Валжан' въ своей старческой дѣвственности, въ своей лирической, личной сосредоточенности, самъ не зналъ, чего требовалъ отъ молодой жизни. Чего хотѣлъ онъ въ самомъ дѣлѣ отъ Козеты? Развѣ она могла быть его подругой? Онъ въ неопытной непочатости своего сердца перешагнулъ любовь отца... Онъ исключительно *для себя* хотѣлъ любить ее, а такъ отецъ не любитъ. Сверхъ того, онъ, всю жизнь внутренно драпируясь въ куртку каторжнаго, сломился подъ бременемъ отвращенія, которое ему показалъ ограниченнѣйшій молодой человѣкъ, — типическій представитель пошлѣющаго поколѣнія.

Я не знаю, что Гюго хотѣлъ сдѣлать съ Маріюсомъ, для меня онъ въ своемъ поколѣніи такой же типъ, какъ Жаверъ въ своемъ.

Въ инстинктахъ этого молодого человѣка мерцаютъ какимъ - то отблескомъ другого дня благородные и горячіе порывы, безъ разсужденія, безъ корня, почти безъ смысла — по преданію, по примѣру. Въ немъ и закваски XVIII вѣка больше нѣтъ — этой неутомимой потребности анализа, критики, этого грознаго вызова всего на свѣтѣ на провѣръ ума; у него и ума нѣтъ, но онъ, еще добрый товарищъ, пойдетъ на баррикаду, не зная, что потомъ: онъ живетъ по готовому и, зная à code ouvert, *что добро и что зло*, такъ же мало безпокоится объ этомъ, какъ человѣкъ, знающій достовѣрно, что скоромное ѣсть грѣшно въ постъ. На этомъ поколѣніи окончательно останавливается и начинаетъ свое отступленіе революціонная эпоха; еще поколѣніе, и нѣтъ больше порывовъ, все принимаетъ обычный порядокъ, личность стирается, смѣна экземпляровъ едва замѣтна въ продолжающемся жизненномъ обиходѣ.

Я воображаю, что кое - что подобное было въ развитіи животныхъ: складывавшійся видъ, порываясь свыше силъ, отставая ниже возможностей, мало-по-малу уравновѣшивался, умѣрялся, терялъ анатомическія эксцентричности и физіологическія необузданности, пріобрѣтая зато плодовитость и начиная изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторять, по образу и подобію перваго остепенившагося праотца, свой обозначенный видъ и свою индивидуальность.

Тамъ, гдѣ видъ сложился, *исторія* почти прекращается, по крайней мѣрѣ, становится скромнѣе, развивается исподволь... въ томъ родѣ, какъ и планета наша. Дозрѣвши до извѣстнаго періода охлажденія, она мѣняетъ свою кору по немногу; есть наводненія, нѣтъ всемірныхъ потоповъ; есть землетрясенія тамъ-сямъ, нѣтъ общаго переворота... Виды останавливаются, консолидируются на разныхъ возможностяхъ, больше или меньше, въ ту или другую сторону, одностороннихъ; они ихъ удовлетворяютъ, перешагнуть ихъ они почти не могутъ, а если-бъ и перешагнули, то въ смыслѣ той же односторонности. Моллюскъ не домогается сдѣлаться ракомъ, ракъ—форелью, Голландія—Швеціей... Если-бъ можно было предположить животные идеалы, то идеалъ рака былъ бы тоже ракъ, но съ болѣе совершеннымъ организмомъ. Чѣмъ ближе страна къ своему окончательному состоянію, тѣмъ больше она считаетъ себя средоточіемъ просвѣщенія и всѣхъ совершенствъ, какъ Китай, стоящій безъ соперниковъ, какъ Англія и Франція, не сомнѣвающіяся, въ своемъ антагонизмѣ, въ своемъ соревнованіи, въ своей взаимной ненависти, что онѣ передовыя страны міра. Пока одни успокоиваются на достигнутомъ, развитіе продолжается въ несложившихся видахъ возлѣ, около *готоваго*, совершившаго свой циклъ вида.

Вездѣ, гдѣ людскіе муравейники и ульи достигали относительнаго удовлетворенія и уравновѣшенія, движеніе впередъ дѣлалось тише и тише, фантазіи, идеалы потухали. Довольство богатыхъ и сильныхъ подавляло стремленіе бѣдныхъ и слабыхъ. Религія являлась всѣхскорбящей утѣшительницей. Все, что сосало душу, по чемъ страдалъ человѣкъ, все, что безпокоило и оставалось неудовлетвореннымъ на землѣ, все разрѣшалось, удовлетворялось въ вѣчномъ царствѣ Ормузда, превыше Гималая. И чѣмъ безропотнѣе выносили люди временныя несчастія земной жизни, тѣмъ полнѣе было небесное примиреніе и притомъ не на короткій срокъ, а во вѣки вѣковъ.

Жаль, что мы мало знаемъ внутреннюю повѣсть азіатскихъ народовъ, вышедшихъ изъ исторіи, мало знаемъ тѣ періоды безъ событій, которые предшествовали у нихъ насильственному вторженію дикихъ племенъ, все избивавшихъ, или хищной цивилизазіи, все искоренявшей и перестроивавшей. Она намъ показала бы въ элементарныхъ и простыхъ формахъ, въ тѣхъ пластическихъ, библейскихъ образахъ, которые создаетъ одинъ востокъ, выходъ народа изъ историческаго треволненія въ покойное statu quo жизни, продолжающейся въ безпорной смѣнѣ поколѣній — зимы, весны, весны, лѣта...

Тихимъ, невозмущаемымъ шагомъ идетъ Англія къ этому покою, къ незыблемости формъ, понятій, вѣрованій. На дняхъ «Теймсъ» поздравлялъ ее съ отсутствіемъ интереса въ парламентскихъ преніяхъ, съ безропотностью, съ которой работники умираютъ съ голоду, «въ то время какъ еще такъ недавно ихъ отцы, современники О'Коннора», потрясали страну своимъ грознымъ ропотомъ. Прочно, какъ вѣковый дубъ, стоитъ, глубоко пустивши корни, англиканская церковь, милосердо допуская всѣ расколы и увѣренная, что всѣ они далеко не уйдутъ. Упираясь по старой памяти и кобенясь, низвергается Франція задомъ на передъ, чтобъ придать себѣ видъ прогресса. За этими колоссами пойдутъ и остальные двумя колоннами, нѣкогда пророчески соединенными подъ однимъ скипетромъ... Съ одной стороны, худой, суровый, постный типъ испанца, задумчиваго безъ мысли, энтузіаста безъ цѣли, озабоченнаго безъ причины, принимающаго всякое дѣло къ сердцу и не умѣющаго ничему помочь, словомъ типъ настоящаго Донъ Кихота Ламанчскаго. Съ другой — дородный типъ голландца, довольнаго, когда онъ сытъ, напоминающій Санчо Пансу.

Не оттого ли здѣсь дѣти *старше* своихъ отцовъ, старше своихъ дѣдовъ и могутъ ихъ назвать à la Dumas jun. «блудными отцами», что старость-то и есть главная характеристика теперь живущаго поколѣнія? По крайней мѣрѣ, куда я ни смотрю, я

вездѣ вижу сѣдые волосы, морщины, сгорбившіяся спины, завѣщанія, итоги, выносы, *концы* и все ищу, ищу *началъ*, — они только въ теоріи и отвлеченіяхъ.

10 августа, 1862 г.

Письмо четвертое.

Прошлымъ лѣтомъ пріѣзжаетъ ко мнѣ въ Девонширъ одинъ пріятель, саратовскій помѣщикъ и большой фурьеристъ.

Сдѣлай одолженіе, не сердись на меня, т. е. это не помѣщикъ мнѣ сказалъ, а я тебѣ говорю за то, что я безпрестанно сворачиваю съ дороги. Вводныя мѣста мое счастіе и несчастіе. Одинъ французъ, литераторъ временъ реставраціи, классикъ и пуристъ, не разъ говаривалъ мнѣ, продолжительно и академически нюхая табакъ (такъ, какъ скоро перестанутъ нюхать): notre ami abuse de la paranthèse avec intempérance! Я за отступленія и за скобки всего больше люблю форму писемъ и именно писемъ къ друзьямъ: можно не стѣсняясь писать, что въ голову придетъ.

Ну, вотъ мой саратовскій фурьеристъ въ Девонширѣ и говоритъ мнѣ: —Знаете ли какая странность? Я теперь былъ первый разъ въ Парижѣ, ну, конечно... что и говорить, а если разобрать по глубже, въ Парижѣ скучно... право скучно!

— Что вы? говорю я ему.

— Ей богу.

Впрочемъ, отчего же вы думали, что тамъ весело?

Помилуйте, послѣ саратовскихъ степей.

Можетъ именно по этому. А впрочемъ, не оттого ли вамъ было въ Парижѣ скучно, что тамъ черезчуръ весело?

Вы по прежнему все дурачитесь.

Совсѣмъ нѣтъ. Лондонъ, смотрящій сентябремъ, намъ больше по душѣ; впрочемъ, и здѣсь скука страшная.

Гдѣ же лучше? Видно по старой поговоркѣ: *гдѣ насъ нѣтъ!*

Не знаю, а думать надобно, что и тамъ не очень хорошо.

...Разговоръ этотъ, кажется не то, чтобъ длинный или особенно важный, расшевелилъ во мнѣ рядъ старыхъ мыслей о томъ, что въ мозгу современнаго человѣка не достаетъ какого-то рыбьяго клея: оттого онъ не отстаивается и мутенъ отъ гущи—новыя теоріи, старыя практики, новыя практики, старыя теоріи.

И что за логика? Я говорю, что въ Парижѣ и Лондонѣ скучно, а онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Гдѣ же лучше?» не замѣчая вовсе, что эту діалектику употребляли у насъ дворовые люди прежняго покроя: они обыкновенно на замѣчаніе: «Да ты, братецъ, кажется, пьянъ?» отвѣчали: «А развѣ вы подносили?»

На чемъ основана мысль, что людямъ гдѣ-нибудь хорошо? можетъ, должно быть хорошо? и какимъ людямъ? и чѣмъ хорошо? Положимъ, что людямъ въ одномъ мѣстѣ лучше жить, чѣмъ въ другомъ. Почему же Парижъ и Лондонъ предѣлы этого лучше?

Развѣ по гиду Рейхардта?

Парижъ и Лондонъ замыкаютъ томъ всемірной исторіи, томъ, у котораго едва остаются нѣсколько неразрѣзанныхъ листовъ. Люди, старающіеся изъ всѣхъ силъ *скорѣе* перевернуть ихъ, дивятся, что, по мѣрѣ приближенія къ концу, въ прошедшемъ больше, чѣмъ въ настоящемъ, и досадуютъ, что два полнѣйшіе представителя *западнаго міра садятся съ нимъ вмѣстѣ.*

Въ общихъ разговорахъ — удаль и отвага страшныя, а какъ дойдетъ не только до дѣла, а до критической оцѣнки событій, все забыто, и старые вѣсы и старые аршины вытаскиваются изъ бабушкиной кладовой.

— Обветшалыя формы только и могутъ спастись совершеннымъ перерожденіемъ: западъ долженъ возродиться, какъ фениксъ въ огненномъ крещеніи.

Ну, такъ съ Богомъ въ полымя его.

А какъ онъ не возродится,... а опалитъ свои красивыя перья, или, пожалуй, сгоритъ?

Въ такомъ случаѣ продолжайте его крестить *водой*, и не скучайте въ Парижѣ. Вотъ мой отецъ, напримѣръ, онъ жилъ лѣтъ восемь въ Парижѣ и никогда не скучалъ; онъ черезъ тридцать лѣтъ любилъ разсказывать о праздникахъ, которые давали маршалы и самъ Наполеонъ, объ ужинахъ въ Palais Royal, на которыхъ являлись актрисы и оперныя танцовщицы, украшенныя брилліантами, выковырянными изъ побѣжденныхъ коронъ, объ Юсуповыхъ, Тюфякиныхъ и другихъ princes russes, положившихъ тамъ больше крестьянскихъ душъ, чѣмъ ихъ легло подъ Бородинымъ. Съ разными перемѣнами и un peu plus canaille, то же существуетъ и теперь. Маршалы *биржи* даютъ праздники не хуже боевыхъ маршаловъ, ужины съ улицы St.-Honoré переѣхали на Елисейскія поля, въ Булонскій лѣсъ... Но вы—человѣкъ серьезный, больше любите смотрѣть за кулисы всемірной исторіи, чѣмъ за кулисы оперы... Вотъ вамъ парламентъ и два, —чего же вамъ больше?.. Съ какой завистью и болью слушалъ я, бывало, людей, пріѣзжавшихъ изъ Европы въ тридцатыхъ годахъ, точно будто у меня отняли все то, что они видѣли... а я не видалъ. Они тоже не скучали, а много надѣялись: кто на Одилонъ Барро, кто на Кобдена. Умѣйте же и вы не скучать... и во всякомъ случаѣ будьте сколько-нибудь послѣдовательны и, если вамъ все-таки скучно, ищите причину. Можетъ, найдете, что вы требуете пустяковъ, тогда лечитесь; это скука праздности, пустоты, неумѣнья найтиться. А,

можетъ, вы найдете другое—что вамъ оттого скучно, что на стремленія, больше и больше растущія въ сердцѣ и мозгу современнаго человѣка, Парижъ и Лондонъ не имѣютъ отвѣта, что вовсе не мѣшаетъ имъ представлять высшее развитіе и блестящій результатъ былого, богатые концы богатаго періода.

Я это говорилъ десять разъ. Но безъ повтореній обойтись невозможно. Люди привычные знаютъ это. Я какъ-то сказалъ Прудону о томъ, что въ его журналѣ часто помѣщаются почти одинакія статьи, съ небольшими варіаціями.

— А вы воображаете, отвѣчалъ мнѣ Прудонъ, что разъ сказали, такъ и довольно, что новая мысль такъ вотъ и примется сразу. Вы ошибаетесь: долбить надобно, повторять надобно, безпрерывно повторять, чтобъ мысль не только не удивляла больше, не только была бы понята, а усвоилась бы, получила бы дѣйствительныя права гражданства въ мозгу.

Прудонъ былъ совершенно правъ. Есть двѣ, три мысли, особенно дорогія для меня, я ихъ повторяю около пятнадцати лѣтъ; фактъ за фактомъ подтверждаетъ ихъ съ ненужной роскошью. Часть ожидаемаго совершилась; другая совершается передъ нашими глазами. А онѣ также дики, не употребительны, какъ были.

И что всего обиднѣе, люди будто понимаютъ васъ, — соглашаются, но мысли ваши остаются въ ихъ головѣ чужими, не идущими къ дѣлу, не становятся той непосредственностью сознанія и нравственнаго быта, которая вообще лежитъ въ безспорной основѣ нашихъ мнѣній и поступковъ.

Отъ этого двойства люди, повидимому, очень развитые безпрестанно поражены неожиданнымъ, взяты врасплохъ, возмущаются противъ неминуемаго, борятся съ неотразимымъ, идутъ мимо нарождающагося и лечатъ всѣми аллопатіями и гомеопатіями — дышащихъ на ладонъ. Они знаютъ, что ихъ часы были хорошо поставлены, но, какъ «неоплаканный» Клейнмихель, не могутъ понять, что меридіанъ не тотъ.

Доктринерство, схоластика мѣшаютъ пониманью, простому, живому пониманью, больше, чѣмъ изувѣрство и невѣжество. Тутъ остались инстинкты мало сознанные, но вѣрные: сверхъ того, невѣжество не исключаетъ страстнаго увлеченья, изувѣрство — непослѣдовательности, а доктрина вѣрна себѣ.

Во время итальянской войны одинъ добрый почтенный профессоръ читалъ своимъ слушателямъ о великихъ успѣхахъ международнаго права: о томъ, какъ нѣкогда крупно наброшенныя основанія Гуго Гроція, развиваясь, внѣдрились въ народное и правительственное сознаніе: о томъ, какъ вопросы, которые прежде разрѣшались рѣками крови, несчастіями цѣлыхъ провинцій, цѣ-

лыхъ поколѣній, разрѣшаются теперь, какъ гражданскіе вопросы между частными людьми, на началахъ международной совѣсти.

Кто же, кромѣ какихъ-нибудь старыхъ кондотьеровъ по ремеслу, не будетъ согласенъ съ доцентомъ, что это одна изъ величайшихъ побѣдъ гуманности и образованія надъ дикой силой? Бѣда не въ томъ, что сужденіе доцента несправедливо, а въ томъ, что человѣчество этой побѣды вовсе не одерживало.

Когда профессоръ краснорѣчивой рѣчью увлекалъ юношей въ эти созерцанія мира, на поляхъ Маженты и Сольферино дѣлались другіе комментаріи на международное право. Итальянская война тѣмъ меньше могла быть устранена какими-нибудь амфиктіоновыми судами, что на нее никакой международной причины не было, такъ какъ не было спорнаго предмета. Войну эту Наполеонъ велъ съ медицинской точки зрѣнія, чтобъ угомонить французовъ гимнастикой освобожденія и потрясеніями побѣдъ. Какой же Гроцій и Ватель могли бы разрѣшить такую задачу? Какъ же было возможно отстранить войну, которая была необходима для внутреннихъ интересовъ? Не австрійцевъ, такъ когонибудь другого надобно было бить французамъ: остается радоваться, что именно австрійцы подвернулись.

Далѣе—Индія, Пекинъ, война демократовъ за рабство черныхъ, война республиканцевъ за рабство государственной нераздѣльности. А профессоръ продолжаетъ свое, слушатели тронуты, имъ кажется, что слышанъ послѣдній скрипъ церковныхъ воротъ въ Янусовомъ соборѣ, что воины сложили оружія, надѣли миртовые вѣнки и взяли прялки въ руки, что арміи распущены и воздѣлываютъ поля... И все это въ то самое время, когда Англія покрывалась волонтерами, что ни шагъ — мундиръ, что ни лавочникъ—ружье, французское и австрійское войско стояло съ зажжеными фитилями и самъ принцъ, кажется Гессенъ Кассельскій, поставилъ на военную ногу и вооружилъ револьверами двухъ гусаръ, мирно и безоружно ѣздившихъ за его каретой со времени вѣнскаго конгресса.

Вспыхни опять война, а это зависѣло отъ тысячи случайностей, отъ одного выстрѣла кстати въ Римѣ, на границѣ Ломбардіи, она разлилась бы кровавымъ моремъ отъ Варшавы до Лондона. Профессоръ удивился бы, профессоръ огорчился бы. А «кажись не подобаетъ» ни удивляться, ни огорчаться — исторія дѣлается не за угломъ! Бѣда доктринеровъ въ томъ, что они, какъ нашъ Дидро, споря, закрываютъ глаза, чтобъ не видать — противникъ хочетъ возражать: а противникъ то ихъ сама природа, сама исторія.

Въ дополненіе конфузіи не слѣдуетъ терять изъ виду, что *отвлеченно-логически* профессоръ правъ, и что, если-бъ не сто

человѣкъ, а сто милліоновъ человѣкъ понимали Гроція и Вателя, такъ они и не стали бы рѣзать другъ друга, ни для моціона, ни изъ клочка земли. Да несчастье-то въ томъ, что при нынѣшнемъ государственномъ устройствѣ, могутъ понимать Гроція и Вателя сто человѣкъ, а не сто милліоновъ. Оттого-то ни лекціи, ни проповѣди не дѣйствуютъ, оттого-то ни отцы доктринеры, ни духовные отцы не могутъ принесть намъ облегченія; монахи науки такъ же, какъ и монахи невѣжества, не знаютъ ничего внѣ стѣнъ своихъ монастырей. не повѣряютъ своей теоріи, своихъ выводовъ по событіямъ и тогда, какъ люди гибнутъ отъ изверженія вулкана, они съ наслажденіемъ бьютъ тактъ. слушая музыку небесныхъ сферъ и дивясь ея гармоніи.

Бэконъ Веруламскій давнымъ давно уже раздѣлилъ ученыхъ на *пауковъ* и *пчелъ*. Есть эпохи, въ которыхъ пауки рѣшительно берутъ верхъ и тогда развивается бездна паутины, но мало собирается меду. Есть условія жизни, особенно способствующія паукамъ. Для меда надобны липовыя рощи, цвѣтистыя поля и, пуще всего, крылья и общежительный образъ мыслей. Для паутины достаточенъ тихій уголъ, невозмущаемый досугъ, много пыли и безучастіе ко всему, внѣ внутренняго процесса.

Въ обыкновенное время, по пыльной гладкой дорогѣ, еще можно плестись дремля и не обрывая паутины, но чуть пошло черезъ кочки да цѣликомъ—бѣда.

Была истинно добрая, покойная полоса Европейской исторіи, начавшаяся съ Ватерлоо и продолжавшаяся до 1848 г. Войны тогда не было, а международнаго права и постояннаго войска— очень много. Правительства поощряли явно «истинное просвѣщеніе» и давили въ тиши — *ложное*, не было большой свободы, но не было и большого рабства, даже деспоты всѣ были добродушные, въ родѣ патріархальнаго Франца II, піэтиста Фридриха Вильгельма. Промышленность процвѣтала, торговля процвѣтала еще больше, фабрики работали, книгъ писалась бездна, это былъ золотой вѣкъ для всѣхъ паутинъ,— въ академическихъ аулахъ и въ кабинетахъ ученыхъ сплелись ткани безконечныя!..

Исторія, уголовное и гражданское право. право международное и сама религія, все было возведено въ область чистаго знанія и падало оттуда самыми кружевными бахромами паутины. Пауки качались привольно на своихъ ниточкахъ, никогда не касаясь земли, что, впрочемъ, было очень хорошо. потому что по землѣ ползали другія насѣкомыя, представлявшія великую идею государства въ *моментъ самозащищенія* и сажавшія слишкомъ смѣлыхъ пауковъ въ Шпандау и другія крѣпости. Доктринеры все понимали какъ нельзя лучше à vol d'araignée. Прогрессъ человѣчества тогда былъ извѣстенъ какъ высочайшій маршрутъ инког-

нито — этапъ въ этапъ, на станціяхъ готовили лошадей. А тутъ

24 февраля, 24, 25, 26 іюня, 2 декабря!

Эти мухи были не по паутинѣ.

Сравнительно слабый толчекъ іюльской революціи и тотъ убилъ наповалъ такихъ гигантовъ, какъ Нибуръ и Гегель. А еще торжество-то было въ пользу доктринаризма: журналистика, Collège de France, политическая экономія садились на первыя ступени трона вмѣстѣ съ орлеанской династіей. Оставшіеся въ живыхъ оправились и кой-какъ сладили съ 1830 г., они сладили бы, вѣроятно, и съ республикой трубадура Ламартина.

Но какъ совладать съ іюньскими днями?

Какъ со вторымъ декабремъ?

Конечно, Гервинусъ поучаетъ, что за демократическимъ переворотомъ *слѣдуетъ* эпоха централизаціи и деспотизма, но все что-то было не ладно. Одни начали поговаривать, не воротиться ли въ средніе вѣка, другіе—просто на просто въ католицизмъ; столпники революціи указывали, неподвижной рукой, по всей желѣзной дорогѣ вѣка —на 93 годъ; іудеи доктринаризма продолжали, вопреки фактамъ, свои лекціи, ожидая, что человѣчество побалуетъ, да и воротится къ Соломонову храму премудрости.

Прошло десять лѣтъ.

Ничего не удалось. Англія не сдѣлалась католической, какъ хотѣлъ Доното Кортесъ, XIX вѣкъ не сдѣлался XIII-тымъ, по желанію нѣкоторыхъ нѣмцевъ, народы рѣшительно не хотятъ ни французскаго братства (или смерть), ни международнаго права по peace Society, ни почтеннаго убожества по Прудону, ни киргизской діэты—меда и млека.

А католики несутъ свое...

Средневѣковики—свое...

Столпники 93 г.—свое..

И всѣ *доктринеры*—свое...

Куда же человѣчество идетъ, если оно пренебрегаетъ такими авторитетами?

Можетъ, оно само не знаетъ.

Да мы за него должны знать.

Видно, не туда, куда мы думали. Оно и въ самомъ дѣлѣ трудно знать, куда попадешь, ѣхавши на шарѣ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ чуть не угодилъ подъ комету. А не нынче завтра дастъ трещину, какъ я тебѣ сообщалъ въ прошломъ письмѣ.

1 сентября, 1862.

Письмо пятое.

...«Въ первыя времена моей юности, меня поразилъ одинъ французскій романъ «Arminius», котораго я впослѣдствіи не встрѣчалъ; можетъ, онъ и не имѣетъ большихъ достоинствъ, но тогда онъ на меня сильно подѣйствовалъ и я помню главныя черты его до сихъ поръ.

«Всѣ мы, больше или меньше, знаемъ встрѣчу и столкновеніе двухъ историческихъ міровъ въ первые вѣка: одного классическаго, образованнаго, но растлѣннаго и отжившаго, другого дикаго, какъ звѣрь лѣсной, но полнаго непочатыхъ силъ и хаотическихъ стремленій, — только знаемъ мы по большей части одну офиціальную, *газетную* сторону ихъ столкновенія, а не ту, которая совершалась по мелочи, въ тиши домашней жизни. Мы знаемъ гуртовыя событія, а не частныя судьбы; не драмы, въ которыхъ безъ шума ломались жизни и гибли въ личныхъ столкновеніяхъ, кровь замѣнялась горькими слезами, опустошенные города разрушенными семьями и забытыми могилами.

«Авторъ «Arminius'a» попытался воспроизвести эту встрѣчу двухъ міровъ у семейнаго очага: одного, идущаго изъ лѣса въ исторію, другого — изъ исторіи въ гробъ. Всемірная исторія тутъ граничитъ со сплетнями и потому становится ближе къ намъ, доступнѣе, соизмѣримѣе [1]).

«Не приходило мнѣ тогда въ мысль, что я самъ попаду въ такое же столкновеніе, что и въ моей жизни развернется, со всей губящей силой своей, подобное столкновеніе, что и мой очагъ опустѣетъ, раздавленный при встрѣчѣ двухъ міровыхъ колесъ исторіи...

«Въ нашемъ отношеніи къ европейцамъ, при всемъ несходствѣ, которое я очень хорошо знаю, есть сходныя черты съ отношеніемъ германцевъ къ римлянамъ. Несмотря на нашу наружность, мы все же варвары. Наша цивилизація накожна, развратъ грубъ, изъ-подъ пудры колетъ щетина, изъ-подъ бѣлилъ пробивается загаръ. У насъ бездна лукавства дикихъ и уклончивости рабовъ. Мы готовы дать плюху безъ разбора и повалиться въ ноги безъ вины, но... но, я упорно повторяю, мы отстали въ разъѣдающей, наслѣдственно зараженной тонкости западнаго растлѣнія.

«У насъ умственное развитіе служитъ (по крайней мѣрѣ, служило до сихъ поръ [2]) чистилищемъ и порукой. Исключенія чрез-

[1]) Я былъ до того увлеченъ Арминіемъ, что написалъ рядъ подобныхъ сценъ и ихъ критически разбиралъ при мнѣ въ слѣдственной комиссіи (въ 1834 г.) оберъ-полицмейстеръ Цинскій.

[2]) Все это писано въ 1855 г.

вычайно рѣдки. Образованіе у насъ кладетъ предѣлъ, за который много гнуснаго не ходитъ.

«На Западѣ это не такъ. И вотъ почему русскіе мечтатели, вырвавшись на волю, отдаются въ руки всякому человѣку, касающемуся съ сочувствіемъ святынь ихъ, понимающему ихъ заповѣдныя мысли, забывая, что для него эти святыни давно перешли въ обычную фразу, въ форму, что большей частью онъ ихъ повторяетъ, пожалуй, и добросовѣстно, но въ томъ родѣ, въ которомъ попъ, думая вовсе о другомъ, благословляетъ встрѣчнаго. Мы забываемъ, сколько другихъ стихій напутано въ сложной, усталой, болѣзненно пробившейся душѣ западнаго человѣка: сколько онъ уже источенъ, изношенъ завистью, нуждой, тщеславіемъ, самолюбіемъ и въ какой страшный эпикуреизмъ высшаго, болѣзненно-нервнаго порядка перегнулись перенесенныя имъ униженіе, нищета и горячечный бой соревнованія.

Мы все это узнаемъ, когда ударъ нанесенъ: насъ это ошеломляетъ. Мы чувствуемъ себя одураченными и хотимъ отомстить. Глядя на это, иногда мнѣ кажется, что много прольется крови изъ-за столкновенія этихъ двухъ разныхъ развитій»...

(Строки эти были писаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ [1]).

Я и теперь того же мнѣнія, несмотря на то, что русскіе пользуются въ Европѣ репутаціей самыхъ развратныхъ людей. Это происходитъ отъ безцеремонности нашего поведенія и отъ помѣщичьихъ ухватокъ. Мы увѣрили весь свѣтъ въ нашей порочности, такъ, какъ англичане его увѣрили въ своихъ семейныхъ добродѣтеляхъ. На самомъ дѣлѣ ни то, ни другое—не очень глубоко. Русскіе заграницей не только безпорядочно живутъ, но хвастаются своими дикими и распущенными привычками. По несчастью встрѣчаясь, при самомъ переѣздѣ границы, съ неловкой и подобострастной родиной кельнеровъ и гофратовъ, русскіе, какъ вообще недовоспитанные люди, перестаютъ стѣсняться, распускаются еще больше и въ этомъ задорномъ состояніи пріѣзжаютъ въ Парижъ и Лондонъ. Мнѣ случалось много разъ замѣчать, какъ русскіе бросаются въ глаза совершенными мелочами, а потомъ поддерживаютъ первое впечатлѣніе какой-то вызывающей nargue, съ которой они (великіе мастера покорности и вытяжки дома!) не хотятъ покориться принятымъ обычаямъ. Русскаго узнаютъ въ большихъ отеляхъ, потому что онъ кричитъ въ общей залѣ, хохочетъ во все горло и непремѣнно протестуетъ, что нельзя курить въ столовой. Вся эта заносчивость официанта, вышедшаго за вороты господскаго дома, показываетъ гораздо больше недозрѣлости, непривычки въ волѣ, чѣмъ глубокой испорченности: съ этой нравственной «сы-

[1]) Изъ ненапечатанной части: «Былого и Думъ».

ростью» неразрывно хвастовство. Намъ хочется, какъ 14-лѣтнимъ мальчикамъ, не только напиться, но и показать всему свѣту: «вотъ, молъ, какъ я нализался». А весь свѣтъ разсуждаетъ иначе,—онъ, глядя на *то*, что русскіе обнажаютъ, думаетъ, качая головой, что же послѣ этого скрыто-то у нихъ? А тамъ ничего, какъ въ ранцѣ солдатскомъ на парадѣ, только видъ, что туго набито.

Долгая цивилизація, перешедшая поколѣнія и поколѣнія, получаетъ особый букетъ, который *разомъ* не возьмешь, въ этомъ судьба людей схожа съ судьбою рейнвейна. Выработанной пристойностью особенно увлекаться нечего, хотя ходить по ней, какъ по выметенной дорожкѣ гораздо пріятнѣе. Мы, нельзя не признаться, дурно выметены, и грязи много и жесткихъ камней довольно.

Дресура наша въ образованіе свѣжа въ памяти: она дѣлалась черезъ пень колоду, въ томъ родѣ, какъ крестьянина, взятаго во дворъ, стригутъ въ нѣмца и заставляютъ *служить*. Отрекаясь отъ всего склада жизни народной, дворянство упорно сохранило всѣ дурныя ея стороны: бросая за бортъ вмѣстѣ съ предразсудками строгій чинъ и строй народнаго быта, оно осталось при всѣхъ грубо-барскихъ привычкахъ и при всемъ татарскомъ неуваженіи къ себѣ и къ другимъ. Тѣсная, обычная нравственность прежняго времени не замѣнилась ни аристократическимъ понятіемъ чести, ни гражданскимъ понятіемъ доблести, самобытности; она замѣнилась гораздо проще нѣмецкой казарменной дисциплиной *во фрунтѣ*, подлымъ уничиженіемъ, подобострастнымъ кліентизмомъ въ *канцеляріи* и ничѣмъ *внѣ службы*.

Внѣ службы дворянинъ превращался изъ битаго денщика въ бьющаго; въ деревнѣ ему было полное раздолье, тутъ самъ онъ становился капраломъ, вельможей и отцомъ вотчины. Изъ этой жизни волка и просвѣтителя вмѣстѣ вышли всѣ колоссальныя уродства—отъ Бироновыхъ заплечныхъ мастеровъ и Потемкиныхъ большого размѣра до Биронов палачей и Потемкиныхъ въ микрометрическомъ сокращеніи; отъ Измайлова, сѣкущаго исправниковъ, до Ноздрева съ оборванной бакенбардой; отъ Аракчеева до баталіонныхъ и ротныхъ Аракчеевыхъ, *заколачивающихъ* въ гробъ солдата; отъ взяточниковъ первыхъ трехъ классовъ до голодной стаи пернатыхъ, *записывающихъ* бѣдныхъ мужиковъ въ могилу—со всѣми неистощимыми варіаціями пьяныхъ офицеровъ, забіякъ, картежныхъ игроковъ, героевъ ярмарокъ, псарей, драчуновъ, сѣкуновъ, серальниковъ. Въ ихъ числѣ тамъ-сямъ изрѣдка попадался помѣщикъ, сдѣлавшійся иностранцемъ для того, чтобъ остаться человѣкомъ, или «прекрасная душа» Маниловъ, горлица дворянинъ, воркующій въ господскомъ домѣ близъ исправительной конюшни.

Кабацкая оргія нашего разврата имѣетъ характеръ какого-то не-

устоявшагося, неуравновѣсившагося броженія и бѣснованій; это горячка опьяненія, захватившая цѣлое сословіе, сорвавшееся съ пути, безъ серьезнаго плана и цѣли; но она не имѣетъ еще той въ глубь уходящей, той изъ глуби поднимающейся, тонкой, нервной, *умной*, роковой безнравственности, которыми разлагаются, страдаютъ, умираютъ образованные слои западной жизни.

Но какъ же это случилось? Что за нравственный самумъ подулъ на образованный міръ?.. Все прогрессъ да прогрессъ, свободныя учрежденія, желѣзныя дороги, реформы, телеграфы?..

Много хорошаго дѣлается, много хорошаго накапливается, а самумъ-то дуетъ себѣ да дуетъ, какими то memento mori, постоянно усиливаясь и сметая передъ собой все, что на пути. Сердиться за это такъ же нечего, какъ сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ, на море за то, что послѣ прилива (и какъ на смѣхъ въ самую лучшую минуту его) начинается отливъ. Къ этому колебанію, къ этому ритму всего сущаго, къ этой смѣнѣ дня ночью, пора привыкнуть.

Эпоха *линянья*, въ которой мы застали западный міръ, самая трудная: новая шкура едва показывается, а старая окостенѣла, какъ у носогора — тамъ трещина, тутъ трещина, но en gros она держится крѣпко и приросла глубоко. Это положеніе между двухъ шкуръ необычайно тяжело. Все сильное страдаетъ, все слабое, выбивавшееся на поверхность, портится; процессъ обновленія неразрывно идетъ съ процессомъ гніенія и, который возметъ верхъ, неизвѣстно.

Дай мнѣ объяснить мою мысль въ слѣдующемъ письмѣ. Можетъ, я и успѣю тебѣ доказать, что это не manière de dire, не субъективное негодованіе (трудно въ самомъ дѣлѣ имѣть личность съ всемірной исторіей), а нѣсколько чертъ, подмѣченныхъ глазами, свободными отъ куриной слѣпоты школьнаго доктринаризма и отъ темной воды мистицизма.

Письмо шестое.

Мы остановились на томъ, что ненадобно сердиться на бѣлокъ за то, что онѣ линяютъ, и за то, что всякій годъ зима слѣдуетъ за лѣтомъ. Признаніе неотвратимаго — сила. Только зная морскіе токи и постоянно смѣняющіеся экваторіальные вѣтры, безъ желанія ихъ исправлять, и можно плавать по океану.

Вглядись, какъ вообще дѣла дѣлаются въ природѣ. Въ каждой формаціи, въ образованіи каждаго вида, развитіе идетъ на тѣхъ началахъ, съ которыми опредѣлилось зачатіе. Оно укрѣпляется, обособляется, получаетъ больше или меньше безвозвратный

характеръ отъ взаимнаго дѣйствія развивающихся началъ и среды. Новые элементы могутъ превзойти, новыя условія могутъ измѣнить направленіе, могутъ остановить начатое и замѣнить его совсѣмъ инымъ: но опредѣлившееся развитіе, если оно не утратитъ своей индивидуальности, если оно продолжится, пойдетъ далѣе непремѣнно съ своей *особенностью*, развивая свою *односторонность* и односторонность своей среды, т. е. свой *частный случай*. Это нисколько не мѣшаетъ сосѣдямъ, по пространству или по времени, развивать всевозможныя варіаціи на ту же тему, съ разными восполненіями и недостатками, съ своими односторонностями, сообразными другимъ условіямъ и другой средѣ. Только при началѣ образованія видовъ есть неопредѣленная и безхарактерная эпоха, эпоха такъ сказать до-зоологическаго состоянія въ яйцѣ и зародышѣ.

О перерожденіи животныхъ видовъ мы очень мало знаемъ. Вся *исторія* ихъ вообще совершилась за спиной человѣка и въ огромные періоды лѣтъ, въ которыхъ не было *свидѣтеля*. Передъ нами стоятъ теперь оконченные, осѣдлые типы, до того далекіе другъ отъ друга, что всякій переходъ между ними невозможенъ. За каждымъ животнымъ просвѣчиваетъ длинная исторія—стремленій, прогресса, avortement и уравновѣшенія, въ которомъ формы его успокоились наконецъ, не выполнивъ смутнаго идеала своего. но остановившись на возможномъ, на русскомъ «живетъ и такъ».

Само собою разумѣется, что естественныя явленія не имѣютъ ни въ чемъ ни рѣзкихъ границъ, ни безвозвратныхъ приговоровъ. Пріостановившееся творчество, сведенное на одно повтореніе, можетъ всегда быть разбужено; оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ перешло изъ-подъ вліяній планетныхъ подъ вліяніе человѣка; онъ своей культурой развилъ растительные и животные виды, которые сами собою не развились бы.

Все это бросаетъ огромный свѣтъ на вопросы, насъ занимающіе.

Исторія представляетъ намъ *на самомъ дѣлѣ* схваченную, неосѣвшую, осѣдающую формацію, хранящую въ памяти своей главныя фазы развитія и ихъ переливы. Однѣ части рода человѣческаго достигли соотвѣтствующей формы и побѣдили, такъ сказать, исторію; другія въ разгарѣ дѣятельности и борьбы творятъ ее; третьи, какъ недавно обсохнувшее дно моря, готовы для всякихъ сѣмянъ, для всякихъ посѣвовъ и всѣмъ даютъ неистощенную, тучную почву.

Такъ, какъ нельзя сказать, глядя на тихое море, что оно черезъ часъ не будетъ вовлечено въ бурю, такъ нельзя положительно утверждать, что Китай, напримѣръ, или Японія будутъ продолжать вѣка и вѣка свою отчужденную, замкнутую, остановившуюся

форму бытія. Почемъ знать, что какое-нибудь слово не падетъ каплей дрожжей въ эти сонные милліоны и не подниметъ ихъ къ новой жизни? Но если мы не имѣемъ права безусловнаго, непреложнаго заключенія, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ, всматриваясь и наблюдая, мы не имѣли права дѣлать никакихъ заключеній. Рыбакъ, глядящій на безоблачное небо, во время безвѣтрія, почти навѣрное будетъ правъ, предполагая, что *черезъ часъ* не будетъ бури.

Я только этого права и добиваюсь въ разсматриваніи современной исторіи. Для меня очевидно, что западный міръ доразвился до какихъ то границъ... и въ послѣдній часъ у него недостаетъ духу ни перейти ихъ, ни довольствоваться пріобрѣтеннымъ. Тягость современнаго состоянія основана на томъ, *что на сію минуту* дѣятельное меньшинство не чувствуетъ себя въ силахъ ни создать формы быта, соотвѣтствующаго новой мысли, ни отказаться отъ старыхъ идеаловъ, ни откровенно принять выработавшееся по дорогѣ *мѣщанское государство* за такую соотвѣтствующую форму жизни германо-романскихъ народовъ, какъ соотвѣтствена китайская форма—Китаю.

Мучительное состояніе, колебаніе и нерѣшительность дѣлаютъ жизнь Европы невыносимой. Успокоится ли она, отбрасывая предразсудки прошлаго и упованья на будущее, или безпокойный духъ западныхъ *вершинъ и низовъ* смоетъ новыя плотины, я не знаю; но во всякомъ случаѣ считаю современное состояніе какимъ-то временемъ истомы и агоніи. Нельзя жить между двумя идеалами.

Одинъ примѣръ, со всѣми подробностями, даетъ намъ исторія.

Длинный процессъ окончанія древняго міра и водворенія міра христіанскаго представляютъ намъ всѣ формы исторической смерти, переселенія душъ и рожденія. Цѣлыя государства остановились, вышли изъ движенія, не взошли въ христіанскую формацію, одряхлѣли и разрушились. Дикія племена, едва собранныя въ правильныя стада, сложились рядомъ съ ними въ новые, сильные государственные организмы... а Римъ, древній городъ по превосходству, переродился въ городъ по превосходству католическій.

Тѣ, которые отрицаютъ внутреннюю необходимость смерти древняго Рима и находятъ, что онъ убитъ насильственно, забываютъ одно, что всякая смерть насильственна. Смерть вовсе не лежитъ въ понятіи живого организма, она внѣ его, за его предѣломъ. Старчество и болѣзнь протестуютъ своими страданіями противъ смерти, а не зовутъ ее, и, найди они *въ себѣ силы* или *внѣ себя* средства, они побѣдили бы смерть.

Варвары — варварами, но ненадобно думать, что вся болѣзнь античнаго міра была отъ побоевъ. Мысль его, съ тацитовскихъ

временъ. явнымъ образомъ становилась мрачной, усталой. Тягость, тоска доходили до самоубійства, до того, что весь міръ чуть не сошелъ съ ума.

Возлѣ людей, презиравшихъ смерть, возлѣ людей, не вѣрившихъ жизни, возлѣ фанатиковъ, шедшихъ на разрушеніе древней вѣси до послѣдняго камня, и фанатиковъ, ожидавшихъ, что древняя вѣсь возникнетъ съ до-пуническими добродѣтелями, была *томпаковая* посредственность, толпа не слѣпыхъ и не зрячихъ, толпа міоповъ, которые за недосугомъ ежедневныхъ заботъ, за военными новостями, за сенатскими дѣлами, придворными сплетнями, схоластической меледой и безконечной задачей домашняго хозяйства ничего не видали, ни Катилину, ни смерти, пожимали плечами, слушая бредъ христіанскихъ якобинцевъ, презирали варваровъ и смѣялись надъ ихъ неотесанностью, не догадываясь, что эти лѣсные готтентоты, бѣлобрысые и длинноволосые, идутъ на историческую смѣну.

Отслужили и варвары свою службу, отстояли свои часы; страшно богатая и широкая эпоха развилась ими, но и они дошли до предѣловъ *своего* образованія: имъ приходится отречься отъ основныхъ началъ своихъ, или въ нихъ успокоиться.

Міру современной цивилизаціи очень трудно сладить съ новыми началами, мучащими его. Что можно было поправить, — поправлено, что переворотить,—переворочено; далѣе приходится хранить пріобрѣтенное или выйти изъ той *односторонности*, изъ того *частнаго случая*, который составляетъ его личность. Послѣднее слово католицизма сказано реформаціей и революціей.

Въ громахъ и ураганахъ, слѣдовавшихъ за торжественнымъ 1789 годомъ, завершился германо-романскій міръ. Землетрясеніе французской революціи шло вершинами и пропастями, великимъ и страшнымъ, побѣдами и терроромъ, частными обрывами и потрясеніями до 1848 года; тутъ *аминь*, nec plus ultra. Катаклизмъ, поднявшійся со временъ возрожденія и реформы, окончился.

Внутри идетъ работа: микроскопическое тканье, вывѣтриваніе и наносы, «мышья бѣготня» исторіи, вулканическая работа подъ землей, просасываніе волосяными сосудами прошлой осени въ будущую весну. Вверху страшныя сновидѣнія, мертвецы въ старыхъ доспѣхахъ и старыхъ тіарахъ и фантастическіе, несбыточно свѣтлые образы, мучительныя страданія, безумныя надежды, горькое сознаніе своей слабости и безсилія разума. Внизу бездонная пропасть стихійныхъ страстей доисторическаго сна, дѣтскихъ грезъ, циклопической, кротовой работы; на это дно и голосъ человѣческій не доходитъ, какъ вѣтеръ не доходитъ до глубины морской; иной разъ только слышится тамъ военная труба и барабанъ, зовущіе на кровь, обѣщающіе убійства и дающіе разореніе.

Между фантастами наверху и дикими внизу колышется *среднее состояніе*, не имѣя ни силы гордо сказать свое: *Я царь*! ни самоотверженія идти въ іезуиты или въ соціалисты.

Этотъ слой, колеблющійся *между двумя нравственностями*, и представляетъ именно своимъ колебаніемъ ту среду порчи, о которой идетъ рѣчь.

Да какъ это между двумя нравственностями? Что такое между двумя нравственностями? И развѣ есть двѣ нравственности, развѣ не одна вѣчная, безусловная нравственность, une et indivisible?

Абсолютная нравственность должна дѣлить судьбу всего абсолютнаго,—она внѣ теоретической мысли, внѣ отвлеченій вовсе не существуетъ. Нравственностей *нѣсколько* и всѣ онѣ очень относительныя, т. е. историческія.

Первые христіане высказали это очень прямо, очень смѣло, безъ обиняковъ, и объявивши, что новый Адамъ принесъ новую нравственность, что языческія добродѣтели для христіанина—блестящіе пороки, закрыли Платона, закрыли Цицерона и пошли тащить съ пьедесталей златовласыхъ Афродитъ, волоокихъ Геръ и другія *грѣшныя святыни* старой нравственности.

Плиній смотрѣлъ на нихъ, какъ на дураковъ, Траянъ презиралъ ихъ, Лукьянъ хохоталъ надъ ними, а они начали новый міръ и *новую* нравственность. Ихъ новая нравственность, въ свою очередь, сдѣлалась старой. Объ этомъ у насъ только и идетъ рѣчь.

Революція, что могла, *секуляризовала* изъ катехизиса, но революція такъ же, какъ реформація стояли на церковномъ погостѣ. У Эгмонта и Альбы, у Кальвина и Гиза, у Людвига XVI и Робеспьера были общія вѣрованія; они отличались, какъ раскольники—оттѣнками. Вольтеръ, пріѣхавшій, закутавшись въ шубу, въ каретѣ смотрѣть восхожденіе солнца и ставшій на дрожащія колѣна съ молитвой на устахъ, Вольтеръ, благословившій Франклинова внука «во имя Бога и свободы», такой же богословъ, какъ Василій Великій и Григорій Назіанзинъ, только разныхъ толковъ. Лунный, холодный отсвѣтъ католицизма прошелъ всѣми судьбами революцій и, въ двѣнадцатый часъ ея, еще развернулъ хоругвь съ надписью Dio e Popolo!

Кое-гдѣ на вершинахъ начинается заря новаго дня и борется съ мѣсячнымъ свѣтомъ, обличая вопіющее противорѣчіе вѣры и сознанія, церкви и науки, закона и совѣсти, но объ этомъ на долинахъ не знаютъ. Это для малаго числа избранныхъ.

Частный союзъ науки съ религіей невозможенъ, а *союзъ есть*,—отсюда и дѣлай заключеніе о нравственности, которая основана на такомъ союзѣ. Дѣло въ томъ, что разумъ, боясь скандала, скрываетъ свою истину, наука скрываетъ свою беременность отъ Папа и обѣ обмалчиваются, шепчутся, говорятъ шифрами, или

просто лгутъ, оставляя людей въ совершенномъ хаосѣ сбивчивыхъ понятій, въ которыхъ молитвы о дождѣ смѣшаны съ барометрами, химія съ чудесами, телеграфы съ четками.

И это все какъ-то рутинно, по привычкѣ, вѣрь не вѣрь, только исполняй извѣстныя приличія. Кто обманутый? Для чего все это? Одно обязательное правило и осталось сильнымъ и общепринятымъ: *думай какъ знаешь*, но *лги* какъ другіе.

Пророки могутъ вести народы видѣніями и страстными словами, но не могутъ вести, скрывая даръ пророчества, или поклоняясь Ваалу.

Чему же дивиться, что пустота жизни растетъ съ страшной быстротой, наталкивая людей неяснымъ пониманьемъ, мертвящей скукой, на всякаго рода безумья—отъ игры на биржѣ до игры въ вертящіеся столы?

Повидимому, все идетъ въ порядкѣ: солидные люди заняты ежедневными заботами, своими дѣлами, возможными цѣлями: они ненавидятъ всякія утопіи и всѣ перехватывающіе идеалы, а въ сущности это не такъ, и сами солидные люди съ своими праотцами все, что ни выработали хорошаго, выработали, постоянно идучи за радугой и осуществляя невозможности въ родѣ католицизма, реформаціи, революціи. Этихъ-то радугъ больше и нѣтъ, по крайней мѣрѣ, оптическій обманъ не обманываетъ больше.

Всѣ прежніе идеалы потухли, *всѣ до единаго*.

Страшные, безплодные іюньскіе дни 1848 были протестомъ отчаянія; они не создавали, они разрушали, но разрушаемое оказалось крѣпче. Съ взятіемъ послѣдней баррикады, съ отправкой послѣдней депортаціи безъ суда настаетъ эра для *порядка*.— Утопія демократической республики улетучилась такъ же, какъ утопія царства небеснаго на землѣ. *Освобожденіе* оказалось окончательно несостоятельнымъ.

Но общественное броженіе не настолько успокоилось, чтобъ люди занялись тихо своимъ дѣломъ: надобно было *занять умы*, а безъ утопій, безъ эпидемическихъ увлеченій идеалами плохо. Хорошо еще, если-бъ безъ нихъ, обманутыя въ ожиданіи, народныя массы только бы плѣснѣли и загнивали на ирландскій манеръ, какъ стоячая вода, а то, пожалуй, онѣ поднимутся одичалыя и попробуютъ своими самсоновскими мышцами,—крѣпки ли столбы общественной храмины, въ которымъ онѣ прикованы!

Гдѣ же взять безопасные идеалы?

Затрудняться нечего,—въ душѣ человѣческой обителей много. Сортировка людей по народностямъ становилась больше и больше бѣднымъ идеаломъ въ этомъ мірѣ, схоронившемъ революцію.

Политическія партіи распустились въ *національныя*.—это не только шагъ за революцію, но шагъ за христіанство. Обще-чело-

вѣческія стремленія католицизма и революцій уступили мѣсто языческому патріотизму и честь знамени осталась единственной, неприкосновенной честью народовъ.

Когда мнѣ приходитъ въ голову, что, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ парижскихъ салонахъ, гуляка и шутъ Ромье проповѣдывалъ во всеуслышаніе, что возбужденныя революціонныя силы надобно своротить съ ихъ страшной дороги и направить на вопросы національные, пожалуй династическіе, я невольно, по старой памяти, краснѣю отъ стыда

Воевать за что-бъ то ни было надобно, иначе въ этомъ застоѣ нападетъ китайскій сонъ; ну, а его долго не разбудишь. Да нужно ли будить?—Въ этомъ то и вопросъ.

Послѣднимъ могиканамъ XVIII столѣтія, Донъ-Кихотамъ революціи, соціалистамъ и долею литераторамъ, поэтамъ и вообще всякимъ эксцентричностямъ спать не хочется и они, насколько могутъ, мѣшаютъ массамъ заснуть Нерѣчистое мѣщанство совѣстится признаться, что ему спать хочется и туда же бормочетъ въ полуснѣ неясныя слова о прогрессѣ, свободѣ...

Будить надобно войной. А есть ли во всей оружейной палатѣ прошлаго знамя, хоругвь, слово, идея, изъ-за которыхъ бы люди пошли драться, которыхъ бы они не видали опозоренными и въ грязи... Suffrage universel можетъ быть?...

Нѣтъ, не пойдетъ человѣкъ нашего времени ни за одинъ развѣнчанный идолъ съ тѣмъ свѣтлымъ самоотверженіемъ, съ которымъ шелъ его предокъ на костеръ за право пѣть псалмы, съ той гордой самоувѣренностью, съ которой шелъ его отецъ на гильотину—за единую и нераздѣльную республику Вѣдь онъ знаетъ, что ни псалмы, пѣтые по нѣмецки, ни освобожденіе народовъ по французски, ни къ чему не ведутъ.

А за *незнакомаго бога*, тайкомъ идущаго за стѣнкой, умирать нельзя Пусть онъ прежде скажетъ, кто онъ такой, пусть признаетъ себя за бога и съ дерзостью св. Августина скажетъ въ глаза старому міру, что его «добродѣтели—пороки, что его истины —нелѣпость и ложь».

Ну, это будетъ не сегодня и не завтра.

Благоразумный человѣкъ нашего вѣка, какъ Фридрихъ II— esprit fort въ своей комнатѣ и esprit accomodant на площади. Входя въ свой кабинетъ, изъ котораго высылались лакеи, король дѣлался философомъ; но выходя изъ него, философъ дѣлался королемъ.

...Вотъ тутъ то «быки и стоятъ передъ горой!»

А, впрочемъ, нельзя отрицать, что свѣтъ разума все больше и больше разсѣиваетъ тьму предразсудковъ... Всего досаднѣе, что людямъ недосугъ и рано умираютъ: только начнетъ въ умъ вхо-

дить человѣкъ, глядишь, а ужъ и несутъ на кладбище. Невольно вспомнишь извѣстную лошадь, которую пасторъ совсѣмъ было отучилъ отъ ѣды, да смерть помѣшала.

...Въ альпійскихъ ледникахъ всякое лѣто оттаиваетъ кора льда, но масса его такъ толста, что осень всякой разъ захватываетъ на полдорогѣ дѣло лучей солнечныхъ и кора опять начинаетъ замерзать, иногда впрочемъ не достигая прежней толщины. Метеорологи разсчитывали много разъ, сколько вѣковъ и вѣковъ необходимо лѣту работать надъ зимой, чтобъ распустить весь ледъ. Многіе сомнѣваются, чтобъ вообще солнце само по себѣ дошло до этого, — развѣ вулканическій взрывъ поможетъ.

Въ исторіи этотъ счетъ еще не дѣланъ.

20 октября, 1862.

Письмо седьмое.

Шесть дней на работу, а седьмой на отдыхъ. Не даромъ Моисей и Прудонъ защищаютъ день субботній. Однообразный трудъ страшно утомляетъ. Надобно періодическія паузы, въ которыя человѣкъ, вымывши руки и надѣвъ чистое платье, идетъ не на работу, а гулять, посмотрѣть на добрыхъ людей, посмотрѣть на природу, одуматься, свободно вздохнуть, «воскреснуть» [1]).

Вотъ и я сдѣлалъ себѣ изъ моей періодической болтовни о «Концахъ и Началахъ» воскресную рекреацію и ухожу въ нее отъ ежедневныхъ диссонансовъ, газетныхъ мерзостей и будничныхъ споровъ, въ которыхъ мѣняются часы и числа, но мнѣнія и рѣчи остаются тѣ же,... ухожу какъ въ какую-нибудь отдаленную келью, изъ оконъ которой не видать многихъ подробностей, не слыхать многихъ звуковъ, но ясно видны молчащіе очерки близкихъ и далекихъ горъ и внятно доходитъ морской гулъ.

Можетъ, ты найдешь, что я невесело праздную свои праздники, вспомни, что я въ Англіи, гдѣ изъ всѣхъ скучныхъ дней, воскресенье самый скучный.

Ну, что-жъ дѣлать, поскучай еще разъ, а я, съ своей стороны, постараюсь, какъ можно забавнѣе тебѣ раскавать тѣ печальныя вещи, о которыхъ мы говоримъ.

Да точно ли онѣ печальны? И не пора ли, если-бъ и въ самомъ дѣлѣ было такъ, примириться съ ними? Нельзя вѣчно горевать о вещахъ, которыя не въ нашей волѣ перемѣнить. Не лучше

[1]) Sie feiern Auferstehung des Herrn,
Denn Sie sind selber auferstanden
Aus niedrigen Häusern, dumpfen Gemächern. — Faust.

ли по добру да поздорову провѣрить приходо-расходныя книги, достающіяся намъ по наслѣдству и, забывая неумѣренныя траты и невознаградимыя потери, принять съ смиреніемъ духа итогъ за новую точку отправленія. Тоскуй, сколько хочешь, дѣлу не поможешь; мало ли кто какъ *могъ* употребить свой наслѣдственный капиталъ, мало ли кто что грезилъ, получая его, и что мы грезили за него... *Симфонія эроика* кончена, начинается дѣловая жизнь. Вино отшипѣло, будемъ пить *сухую* tisanne de champagne. Оно не такъ вкусно, но говорятъ здоровѣе.

Часть образованнаго міра страждетъ—стародѣвической тоской— о счастіи, котораго она не утратила, а вовсе не имѣла. И вмѣсто того, чтобъ твердо рѣшиться на вдовство безъ замужества, хнычетъ о томъ, что *идеалъ* молодыхъ лѣтъ не похитилъ, не увезъ ее... Что дѣлать?—не увезъ, а теперь поздно.

Люди досадуютъ за то, что у нихъ нѣтъ крыльевъ и отъ этого не заботятся объ обуви. Тягость европейской жизни въ наиболѣе развитыхъ слояхъ въ прямой зависимости отъ ея ложнаго положенія между несбыточными мечтами и пренебреженіемъ того, что есть.

Рядомъ съ идеалами серафимскихъ крыльевъ, больше и больше пропадающими въ мракѣ прошедшаго, и идеалами другихъ крыльевъ, исчезающихъ въ будущемъ,—сложился цѣлый самобытный міръ, на который мечтатели сердятся за то, что онъ исполнилъ то, что могъ, а не то, что они ожидали, т. е. не крылья. Пока этотъ міръ не признаютъ власть и право имущимъ, до тѣхъ поръ продолжится лихорадочное броженіе, постоянная ложь въ жизни, невольная измѣна и своему идеалу и практической реальности, которая обличается въ безпрерывномъ противорѣчіи словъ и дѣлъ, фразы и поведенія.

Міръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчистъ, несмотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоящій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, *рекламъ*,—и совсѣмъ тѣмъ онъ не умѣетъ стать во весь ростъ, во всю толщину и громко сказать народамъ: «Я альфа и омега вашего развитія: идите ко мнѣ и я дамъ, что дать можно; но перестаньте толкаться во всѣ двери, которыя вамъ не отпираютъ: однѣ потому, что некому отпереть, другія потому, что никуда не ведутъ. Помните, наконецъ, что нѣтъ вамъ Бога развѣ меня и перестаньте поклоняться всѣмъ кумирамъ на свѣтѣ и желать всякихъ крыльевъ на свѣтѣ. Поймите, что нельзя проповѣдывать въ одно и то же время христіанскую нищету и политическую экономію, соціальныя теоріи и безусловное право собственности. Доселѣ моя власть существуетъ какъ фактъ, но не какъ признанная основа нравственности, даже не какъ знамя, и еще хуже—меня отрицаютъ, меня оскорбляютъ въ церквахъ и академіяхъ, въ аристократическихъ залахъ

и сходкахъ клубистовъ, въ рѣчахъ и въ проповѣдяхъ, въ романахъ и журналахъ. . Мнѣ надоѣла роль провинціальной родни, отъ которой столичные фаты получають деньги и домашніе запасы, но о которой умалчиваютъ или говорятъ краснѣя. Я не только хочу царствовать, но хочу одѣться въ порфиру».

Да, любезный другъ, пора придти къ покойному и смиренному сознанію, что *мѣщанство* окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе — état adulte, *имъ* замыкается длинной рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности — все, вносившее столько поэзіи и бѣдъ въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій... оно представляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и посильное довольство не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры. Пусть другіе покажутъ свою прыть. Время отъ времени, конечно, будутъ еще являться люди прежняго броженія, героическихъ эпохъ, другихъ формацій—монахи, рыцари, квакеры, якобинцы, но ихъ мимолетныя явленія не будутъ въ силахъ измѣнить главный тонъ.

Великіе стихійные ураганы, поднимавшіе всю поверхность западнаго моря, превратились въ тихой морской вѣтерокъ—не опасной кораблямъ, но способствующій ихъ прибрежному плаванію. Христіанство обмелѣло и успокоилось въ покойной и каменистой гавани реформаціи; обмелѣла и революція въ покойной и песчаной гавани либерализма. Протестантизмъ, суровый въ мелочахъ религіи, постигъ тайну примиренія церкви, презирающей блага земныя, съ владычествомъ торговли и наживы. Либерализмъ, суровый въ мелочахъ политическихъ, умѣлъ соединить еще хитрѣе постоянный протестъ противъ правительства съ постоянной покорностью ему.

Съ такой снисходительной церковью, съ такой ручной революціей. . западный міръ сталъ отстаиваться, уравновѣшиваться: все, что ему мѣшало, утягивалось мало-по-малу въ тяжелѣвшія волны, какъ насѣкомыя, захваченныя смолой янтаря. Задыхаясь испустилъ крикъ досады Байронъ и бѣжалъ, одинъ изъ первыхъ, *куда-нибудь*... въ Грецію [1]). Стоически оставшись въ Франкфуртѣ, медленно задыхался Шопенгауеръ, помѣчая, какъ Сенека, съ разрѣзанными венами, прогрессъ смерти и привѣтствуя ее какъ избавительницу... Это нисколько не мѣшало повороту всей европейской жизни въ пользу тишины и кристаллизаціи, напротивъ, онъ

[1]) До какой степени развитые люди чувствовали тогда свое отчужденіе и выдумывали себѣ жизнь, занятія и пр., ты можешь ясно видѣть въ Recollections of the last days of Byron and Shelley—Трелоне.

становился яснѣе и яснѣе. Личности стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, *безпокойное*, эксцентрическое. Люди, какъ товаръ, становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ. Индивидуальности терялись, какъ брызги водопада, въ общемъ потопѣ, не имѣя даже слабаго утѣшенія «блеснуть и отличиться, проходя полосой радуги». Отсюда противное намъ, но естественное равнодушіе къ жизни ближняго и судьбѣ лицъ: дѣло въ типѣ, дѣло въ родѣ, дѣло въ дѣлѣ, а не въ лицѣ. Сегодня засыпало въ угольной копѣ сто человѣкъ, завтра будутъ засыпаны пятьдесятъ, сегодня на одной желѣзной дорогѣ убито десять человѣкъ, завтра убьютъ пять... и всѣ смотрятъ на это какъ на частное зло. Общество предлагаетъ страховаться... Что же оно можетъ больше сдѣлать?.. Въ перевозимомъ товарѣ, живомъ и мертвомъ, оттого что убили чьего-нибудь отца или сына, недостатка не можетъ быть; въ живыхъ снарядахъ для углекопей тоже. Нужна лошадь, нуженъ работникъ, а ужъ именно саврасая ли лошадь, или работникъ Анемподистъ—совершенно все равно. Въ этомъ *все равно*, вся тайна замѣны лицъ массами, поглощенія личныхъ самобытностей родомъ.

Одна буря, было, подымалась, грозя всѣхъ разбудить и помѣшать мѣщанской кристаллизаціи, снести колокольни и каланчи, ограды и таможни, но, во время отведенная громоотводами, она внѣ игры. И легче себѣ представить Европу, возвратившуюся въ католицизмъ временъ Григорія Гильдебрандта, по приглашенію Донозо Кортеса и графа Монталамбера, чѣмъ соціальной республикой по рецепту Фурье или Кабэ. Впрочемъ, кто же теперь серьезно говоритъ о соціализмѣ! Съ этой стороны западный міръ можетъ быть доволенъ,—ставни закрыты, зарницъ не видать, до грому далеко... Онъ можетъ спокойно покрыться стеганымъ одѣяломъ, повязать фуляръ и погасить свѣчу.

Gute Nacht, Gute Nacht,
Liebe Mutter Dorothee!

Но у бѣдной матери Доротеи, какъ у Гретхенъ, братъ солдатъ и, какъ всѣ солдаты, любитъ шумъ и драку и не даетъ спать. Она бы его давно сбыла съ рукъ, да есть кой-какіе дорогіе пожитки, такъ насчетъ голодныхъ сосѣдей безъ сторожа нельзя. Ну, а брату мало быть сторожемъ—амбиція. «Я, говоритъ, рыцарь, жажду подвиговъ и повышеній».

...Да, если-бъ можно было свести войско на опричниковъ собственности, на тѣлохранителей капитала и лейбъ-гвардію имущества, все бы быстро достигнуло прочнаго, окончательнаго строя. Но въ мірѣ нѣтъ ничего совершеннаго и наслѣдственный рыцарскій духъ мѣшаетъ покойному осажденію докипающей жизни и

поддерживаетъ броженіе. Какъ грабежъ ни заманчивъ, и кровожадность ни естественна людямъ вообще, но гусарская удаль и суворовскій задоръ не совмѣстны съ совершеннолѣтіемъ, съ ровнымъ и тихимъ развитіемъ. Отвращеніе Китая отъ всего военнаго гораздо понятнѣе у сложившагося народа, чѣмъ пристрастіе къ «выпушкамъ, погончикамъ, петличкамъ».

Вотъ тутъ и загвоздка! Что дѣлать съ *великимъ народомъ*, который хвастается тѣмъ, что онъ *народъ военный*, который весь состоитъ изъ зуавовъ, пью-пью и французовъ, т. е. тоже солдатъ?..

Peule de France, peuple de braves!

Смѣшно говорить о покойныхъ ночахъ, прогулкахъ при лунномъ свѣтѣ, о свободѣ политической, торговой и всяческой, когда пятьсотъ тысячъ штыковъ, праздныхъ и скучающихъ, требуютъ заявить свое «право на работу».

На то гальскій пѣтухъ, чтобъ ни одна индѣйка, ни одна утка и ни одинъ гусь въ Европѣ не дремалъ покойно.

Въ самомъ дѣлѣ, перейди Франція изъ военной службы въ штатскую (безъ службы она ужъ не можетъ жить) и все пойдетъ какъ по маслу. Англія броситъ въ море ненужныя ружья, купленныя для рейфльменовъ, мой grocer Джонсонъ (and Son) первый промѣняетъ свой штуцеръ на удочку и пойдетъ въ Темзѣ удить рыбу, Кобденъ ослабитъ все, что укрѣпилъ Пальмерстонъ и фельдмаршала Кембриджскаго выберутъ предсѣдателемъ Peace Society.

Но Франція и не думаетъ выходить изъ военной службы—да и нельзя: на кого оставить Мексику, папу римскаго, и *безъ малаго* единую Италію? Знамя замѣшано, дѣлать нечего!

Peuple de France, peuple de braves!

Какъ же быть?

Позволь мнѣ на этомъ остановиться и разсказать новую встрѣчу съ однимъ старымъ знакомымъ; онъ смѣлѣй, съ своей точки зрѣнія «поврежденнаго», меня рѣшалъ эти вопросы.

Иду я какъ-то года два тому назадъ по Странду, смотрю въ дверяхъ большой лавки съ дорожными вещами хлопочетъ какая-то толстенькая, подвижная фигура, рѣзко не лондонская, съ разными признаками Италіи, въ свѣтлосѣрой шляпѣ, въ легкомъ желтомъ пальто и съ огромной черной бородой: мнѣ казалось, что я гдѣ-то видалъ ее... Всматриваюсь... онъ, точно онъ, мой здоровый, разбитной лекарь, съ волчьими зубами и веселостью хорошаго пищеваренія, тотъ самый лекарь, съ которымъ въ былыя времена мы «рѣзали собакъ и кошекъ», какъ онъ выражался, и то не въ Италіи, а въ анатомическомъ театрѣ московскаго университета.

— На этотъ разъ, сказалъ я русскому-итальянцу, не вамъ первому достанется честь узнать стараго знакомаго.

— Eccolo! вотъ прелесть! скажите пожалуйста—и онъ бросился меня цѣловать, такъ коротко онъ познакомился со мной во время своего отсутствія.

— Если вы будете часто такъ поднимать обѣ руки, замѣтилъ я ему, у васъ непремѣнно отрѣжутъ дорожный мѣшочекъ.

— Знаемъ, знаемъ, классическая страна воровства... Помните Донъ-Жуанъ, ну, тамъ въ концѣ, когда онъ возвращается въ Лондонъ.

– Помню. Ну, а вашъ чудакъ съ вами?

— Какъ же, онъ меня ждетъ въ Hôtel'ѣ, сунулся было на улицу, да тотчасъ назадъ, такая, говоритъ, толпа и духота, что боюсь морской болѣзни, вотъ меня и послалъ купить кой-какія вещицы на дорогу, мы завтра отправляемся въ Техасъ.

— Куда?

— Въ Техасъ, ну, знаете въ Америкѣ.

— Зачѣмъ?

— А зачѣмъ жили въ Калабріи. Телемакъ-то мой ни на волосъ не перемѣнился, только эдакъ солиднѣе прежняго заговаривается. Помните, какъ онъ вамъ толковалъ, что планета больна и что пора людямъ вылечиться отъ исторіи; вотъ онъ и убѣдился теперь, что леченіе въ Европѣ идетъ медленно,—ну онъ и ѣдетъ въ какой-то Техасъ. Я привыкъ къ нему, все по прежнему споримъ цѣлый день, это людей ужасно связываетъ. Что же, посмотримъ и Америку!

— Ну, а что въ Калабріи?

— Ему-то тамъ сначала понравилось, т. е. по нашему вся Калабрія хуже послѣдняго уѣзднаго города въ какой-нибудь Саратовской губерніи,—тамъ хоть билліардъ есть, ну какая-нибудь вдовушка чиновница, ну хоть какая-нибудь солдатка въ слободкѣ, а тутъ разбойники, пастухи, да попы, да такіе, что и не различишь, который разбойникъ, который пасторъ, который попъ. Наняли мы тамъ полуразвалившійся радклифовской вертепъ: ящерицы, бестіи, бѣлымъ днемъ по полу ходятъ, а ночью нетопыри по залѣ летаютъ, хлопъ въ стѣну, хлопъ. Я, впрочемъ, уѣзжалъ нѣсколько разъ и въ Неаполь, и въ Палермо... А каковъ Гарибальди? Вотъ человѣкъ-то, съ такимъ не пропадешь!.. А онъ все сидѣлъ въ своемъ замкѣ, только разъ съѣздилъ въ Римъ. Римъ ему по вкусу пришелся, будто сейчасъ пѣвчіе перестали пѣть «со святыми упокой!» Гамлетъ, гробокопатель!

— А что, вашъ Гамлетъ показывается?

— Безъ сомнѣнія. Онъ поминалъ васъ нѣсколько разъ: «онъ, говоритъ, сбивается еще, а, впрочемъ, на хорошей дорогѣ», ха, ха, ха!

— И то хорошо. Пойдемте къ нему.

— Съ удовольствіемъ.

Евгенія Николаевича я нашелъ сильно постарѣвшимъ. Лицо его, больше покойное, получило какой-то клерикально задумчивой оттѣнокъ; сухая, матовая блѣдность придавала его лицу что-то не живое, темные обводы около глазъ, больше прежняго впавшихъ, дѣлали зловѣщимъ прежнее грустное выраженіе ихъ.

— Вы бѣжите отъ насъ, Евгеній Николаевичъ, за океанъ, сказалъ я ему.

— И вамъ совѣтую.

— Что же такъ?

— Утомительно-съ очень здѣсь.

— Да, вѣдь, вы это знали и прежде, вы мнѣ говорили это восемь лѣтъ тому назадъ.

— Это правда, но, признаюсь, я думалъ, что будетъ война.

— Какая война?

— Война, и онъ покрутилъ рукой.

— Это вы въ Калабріи сдѣлались такимъ кровожаднымъ?

— Мнѣ собственно ничего, но больно быть свидѣтелемъ, вчужѣ жаль молодое поколѣніе.

— Да войну вамъ на что? чтобъ помочь молодому поколѣнію?

— Я не виноватъ, вопросъ такъ сталъ.

— Каюсь вамъ чистосердечно, что ясно вашей мысли не понимаю.

— Нашла коса на камень, вставилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Это оттого, что вы и сомнѣваетесь и вѣрите. Это бѣда-съ. «Ясно, что столы не вертятся, а тутъ вопросъ: «ну, а какъ столы въ самомъ дѣлѣ вертятся», —оно и не ясно-съ. Вотъ Филиппъ Даниловичъ другое дѣло, онъ ортодоксъ, онъ и знаетъ, какъ тамъ прогрессъ идетъ и все такъ къ лучшему. А я вотъ какъ ни прикидываю, вижу, что люди заступили за постромку и все дальше и дальше несутся въ болото.

— Лошадь заступила за постромку, такъ ей ноги прочь, сейчасъ ампутацію. Радикальное леченіе! замѣтилъ лекарь.

— Найдите снадобье и ампутаціи ненадобно. А какъ его нѣтъ, такъ такъ и оставить больного? Западные народы изъ силъ выбились, да и есть отчего, они хотятъ отдохнуть, пожить въ свое удовольствіе, надоѣло безпрестанно перестраиваться, обстраиваться, да и ломать другъ другу домы. У нихъ все есть, что надобно — и капиталы, и опытность, и порядокъ, и умѣренность... что же имъ мѣшаетъ? Были трудные вопросы, были любимыя мечты, — все улеглось. На что вопросъ о пролетаріатѣ — и тотъ утихъ. Голодные сдѣлались ревностными поклонниками чужой собственности, въ надеждѣ пріобрѣсти свою, сдѣлались тихими лаццарони инду-

стріи, у которыхъ ропотъ и негодованіе сломлены вмѣстѣ со всѣми остальными способностями, и это, безъ сомнѣнія, одна изъ важнѣйшихъ заслугъ фабричной дѣятельности... А покоя все нѣтъ, какъ нѣтъ... держи войско, держи флоты, трать все выработанное на защиту,—кто же, кромѣ войны, можетъ покончить съ войскомъ?

— Это гомеопатически клинъ клиномъ вышибать, замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— Можно ли, продолжалъ мой чудакъ, беззаботно работать въ своемъ садикѣ, зная, что возлѣ, въ ущеліи какой-нибудь вертепъ бандитовъ, пандуровъ, янычаръ?

— Позвольте, перебилъ Филиппъ Даниловичъ, одно слово: пари на бутылку бургонскаго, что вы не знаете, кто эти тормазы просвѣщенья, прогресса — эти пандуры и янычары!

— Что-жъ, Австрія и Россія?

— Ха, ха, ха—навѣрнякъ обыгралъ, за вами бутылка шамбертенъ,—я другого не люблю.

— Ну, помилуйте, замѣтилъ съ упрекомъ Евгеній Николаевичъ, что же Австрія можетъ сдѣлать? Страна употребляетъ всѣ усилія, чтобъ не умереть, натягиваетъ всѣ мышцы, чтобъ части не расползлись, ну, гдѣ же ей кому-нибудь грозить? Человѣкъ одной рукой придерживаетъ ногу, чтобъ она безъ него не ушла, а другой голову, чтобъ она не отвалилась. А тутъ говорятъ, что она на драку лѣзетъ. Пора и Россію, послѣ кампаніи, отчислить изъ пугалъ: ее нетолько никто не боится, но на нее никто и не надѣется больше, ни сербы, ни болгары, ни всѣ эти славянскіе патріоты, отыскивающіе съ IV столѣтія свое отечество и свою самобытность. Да это и хорошо, пусть Россія «*частъ жизни будущаго вѣка*», а въ настоящемъ отучаетъ чиновниковъ воровать да помѣщиковъ драться. Въ Европѣ есть гнеты, почище устроенные, отъ которыхъ воздуха въ легкихъ и покоя въ сердцѣ не достаетъ.

— Такъ это вы Англію и Францію такъ честите.

— Безъ сомнѣнія, еще съ Англіей можно бы было какъ-нибудь сладить, она все эдакъ потихоньку, за угломъ, отрицательно давитъ, тутъ поддерживаетъ дряхлое, тамъ такъ притиснетъ молодое, что оно расти перестанетъ; голоднаго встрѣтитъ, говоритъ ему: «что-жъ, съ Богомъ, ты свободный человѣкъ, иди, я тебя не держу». А Франція... ну, помилуйте, — одинъ баталіонъ: за барабаномъ и двумя дудками вся Франція пойдетъ, куда хотите — въ Казань, Рязань, а въ Англію она и безъ барабана вплавь бросится, лишь бы въ докахъ-то, въ Сити похозяйничать, какъ въ пекинскомъ дворцѣ. Кто могъ ждать, что эти два заклятыхъ врага будутъ покойно смотрѣть другъ на друга, съ той ненавистью, которую не могли преодолѣть ни вѣка, ни образованіе, ни торговая выгода, и притомъ сдвигаясь все ближе и ближе, такъ что ужъ

между Парижемъ и Лондономъ остается только десять часовъ ѣзды? Съ одной стороны Ламанша legion d'honneur, съ другой habeas corpus, и они терпятъ другъ друга! Понимаете ли вы это, такъ страстно ненавидѣть и не имѣть духу?— Послѣ этого я рѣшительно въ Техасъ.

— Понять трудно. это правда, но что *оно такъ*, это не совсѣмъ дурно. Вотъ уже когда ваша война будетъ и французы переплывутъ Ламаншъ, чтобъ *освободить* Англію, тогда я и самъ отправлюсь въ Техасъ.

— A la bonheur, — вскрикнулъ обрадованный Филиппъ Даниловичъ.

— Дренажъ-съ, война—дренажъ-съ для расчистки мѣста и воздуха. Гдѣ-жъ имъ въ Лондонѣ остаться, Москва не Лондонъ, и то взяла всякихъ нѣмцевъ по дорогѣ. да и пошла въ Парижъ.

— Или у васъ есть въ запасѣ какой-нибудь Людвигъ XIX?

— *Въ немъ не будетъ надобности.*

— Евгеній Николаевичъ, сказалъ я помолчавъ, и все-то это для того, чтобъ дойти до голландскаго покоя, и за эту похлебку изъ чечевицы проститься съ лучшими мечтами, съ святѣйшими стремленіями.

— А чѣмъ худо, замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ, снова показывая свои бѣлые зубы, ѣсть сельди да вафли, съ чистой совѣстью и такой же салфеткой —въ домѣ, который только что выстирали, съ женой изъ рубенсовскихъ мясовъ, и кругомъ малъ мала меньше. Скидамъ, фаро и кюрасо я больше ничего голландскаго не знаю. Ха, ха, ха, изъ чего бились всѣ ваши Фурье да Овены!

— Не они одни, католики и протестанты. энциклопедисты и революціонеры... всѣ изъ чего бились? А ихъ трудъ, ихъ вѣра, ихъ борьба, ихъ гибель... это развѣ ничего? Вамъ еще надобно, чтобъ и вѣсь господня и Feste Burg, и фаланстеръ, и якобинская республика все бы въ самомъ дѣлѣ осуществилось? Я помню... онъ пріостановился и потомъ съ какимъ-то внутреннимъ умиленіемъ спросилъ меня: испытали вы, что чувствуетъ человѣкъ, когда онъ передаетъ свое воззрѣніе другому и видитъ, какъ оно всходитъ въ немъ?

— Все это хорошо. воля ваша, перебилъ ученикъ Гиппократа, да какой же прокъ съ наслажденіемъ переливать изъ пустого въ порожнее? Хлопотать-то изъ чего?

Эхъ. Филиппъ Даниловичъ. мы-то съ вами изъ чего хлопочемъ, не дошли же мы до того, чтобъ лечиться отъ смерти, а вѣдь гробовой-то покой хуже голландскаго. Ну, да ужъ вамъ и Богъ проститъ. вы ортодоксъ. А вотъ вы-то какъ же эдакъ спотыкаетесь? прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, печально качая головой.

И потомъ, вдругъ расхохотавшись своимъ нервнымъ, невеселымъ смѣхомъ, сказалъ:

— Я вспомнилъ теперь одну нѣмецкую книгу, въ которой разсказывается о труженическомъ существованіи крота, — очень смѣшно. Звѣрь маленькой, съ большими лапами, съ щелочками вмѣсто глазъ, роетъ въ темнотѣ, подъ землей, въ сырости, роется день и ночь, безъ устали, безъ разсѣянія, съ страстной настойчивостью. Едва перекуситъ какихъ-нибудь зернышекъ да червячковъ, и опять за работу, зато для дѣтей готова норка, и кротъ умираетъ спокойно, а дѣти-то начинаютъ во всѣ стороны рыть норки для своихъ дѣтей. Какова заплатная цѣна за пожизненную земляную работу? Каково соотношеніе между усиліями и достигаемымъ?—ха, ха, ха.—Самое смѣшное-то въ томъ, что, выстроивши свои отличные коридоры, переходы, стоившіе ему труда цѣлой жизни, онъ не можетъ ихъ видѣть, бѣдный кротъ!

Этой моралью моего поврежденнаго я и заключу первый отдѣлъ «Концовъ и Началъ» и послѣдній мѣсяцъ 1862 г. Черезъ два дня *новый годъ*, съ которымъ тебя поздравляю, надобно набрать къ нему свѣжія силы на кротовую работу, лапы чешутся.

29 декабря, 1862 г.

Письмо восьмое.

Мужайся, стой и дай отвѣтъ!

— ...Halte-la! — Stop! сказалъ мнѣ на этотъ разъ не *поврежденный*, а, напротивъ, одинъ *поправленный* господинъ, входя въ мою комнату съ «Колоколомъ» въ рукѣ. Я пришелъ къ вамъ объясниться. Ваши «Концы и Начала» перешли всякую мѣру, пора честь знать и дѣйствительно положить имъ конецъ, сожалѣя о ихъ началѣ.

— Неужели *до этой* степени?

— До этой. Вы знаете, — я васъ люблю, я уважаю вашъ талантъ...

Ну, подумалъ я, дѣло плохо, видно «поправленный» не на шутку хочетъ меня обругать, а то не сталъ бы заѣзжать такими лестными апрошами.

— Вотъ моя грудь сказалъ я, разите.

Мое самоотверженіе, смѣшанное съ классическимъ воспоминаніемъ, хорошо подѣйствовало на раздраженнаго пріятеля, и онъ съ болѣе добродушнымъ видомъ сказалъ мнѣ:

— Выслушайте меня покойно, безъ авторскаго самолюбія, безъ изгнаннической исключительности, —къ чему вы все это пишите?

— На это много причинъ. Во-первыхъ, я считаю истиной то,

что пишу, а у каждаго человѣка, неравнодушнаго къ истинѣ, есть слабость ее распространять. Во-вторыхъ... впрочемъ, я полагаю, что и перваго достаточно.

— Нѣтъ. Вы должны знать публику, съ которой говорите, ея возрастъ, обстоятельства, въ которыхъ она находится. Я вамъ скажу прямо: вы имѣете самое пагубное вліяніе на нашу молодежь, которая учится у васъ неуваженію къ Европѣ, къ ея цивилизаціи, въ силу чего не хочетъ серьезно заниматься, хватаетъ вершки и довольствуется своей широкой натурой.

— У! какъ вы состарѣлись съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ, и молодежь браните и воспитывать ее хотите ложью, какъ няньки, поучающія дѣтей, что новорожденныхъ приноситъ повивальная бабка и что дѣвочка отъ мальчика отличается покроемъ платья. Подумайте лучше, сколько вѣковъ люди безбожно лгали съ нравственной цѣлью, а нравственности не поправили; отчего же не попробовать говорить правду? Правда выйдетъ не хороша, примѣръ будетъ хорошъ. Съ вреднымъ вліяніемъ на молодежь — я давно примирился, взявъ въ разсчетъ, что всѣхъ, дѣлавшихъ пользу молодому поколѣнію, постоянно считали развратителями его, отъ Сократа до Вольтера, отъ Вольтера до Шелли и Бѣлинскаго. Къ тому же меня утѣшаетъ, что нашу русскую молодежь очень трудно испортить. Воспитанная въ помѣщичьихъ плантаторскихъ усадьбахъ чиновниками и офицерами, окончившая курсъ своихъ наукъ въ господскихъ домахъ, казармахъ и канцеляріяхъ, она или не можетъ быть испорчена, или уже до того испорчена, что мудрено прибавить много какой-нибудь горькой правдой о Западѣ.

— Правдой!.. Да позвольте васъ спросить, правда-то ваша въ самомъ ли дѣлѣ правда?

— За это я отвѣчать не могу. Вы можете быть въ одномъ увѣрены, что я говорю добросовѣстно, какъ думаю. Если же я ошибаюсь, не сознавая того, что же мнѣ дѣлать? Это скорѣе ваше дѣло раскрыть мнѣ глаза.

— Васъ не убѣдишь, и знаете почему,—потому что вы *отчасти* правы. Вы хорошій *прозекторъ*, какъ сами говорили и — плохой акушеръ.

— Да, вѣдь, и живу-то я не въ maternité, а въ клиникѣ и въ анатомическомъ театрѣ.

— А пишите для воспитательныхъ домовъ. Дѣтей надобно учить, чтобъ они другъ у друга кашп не ѣли, да не таскали бы другъ друга за вихры, а вы ихъ подчуете тонкостями вашей патологической анатоміи. Да еще приговариваете: вотъ, молъ, какія скверныя потрохи были у западныхъ стариковъ. Къ тому же у васъ двѣ мѣры и два вѣса. Взялись за скальпель, ну, и рѣжьте одинакимъ образомъ.

— Какъ же это и живыхъ-то рѣзать? Страсти какія, да еще дѣтей! Что же за Иродъ вамъ достался?

— Шутите, какъ хотите, меня не собьете. Вы съ большой чуткостью произносите діагнозу современнаго человѣка, да только, разобравши всѣ признаки хронической болѣзни, вы говорите, что все это произошло отъ того, что паціентъ французъ или нѣмецъ. А тѣ дома у насъ и въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что у нихъ-то и молодость и будущность. Все, что намъ дорого въ преданіи, въ цивилизаціи, въ исторіи западныхъ народовъ, вы взрѣзываете безъ оглядки, безъ жалости, выставляя наружу страшныя язвы, и тутъ вы въ вашей прозекторской роли. Но валандаться вѣчно съ трупами вамъ надоѣло. И вотъ вы, отрекшись отъ всѣхъ идеаловъ въ мірѣ, сотворяете себѣ новый кумиръ, не золотого тельца, а бараній тулупъ, да и давай ему поклоняться и славословить его: «Абсолютный тулупъ, тулупъ будущности, тулупъ общинный, соціальный!» Вы, которые сдѣлали себѣ изъ скептицизма должность и занятіе, ждете отъ народа, ничего не сдѣлавшаго, всякую благодать, новизну и оригинальность будущихъ общественныхъ формъ, и въ ультра-фанатическомъ экзстазѣ затыкаете уши, зажимаете глаза, чтобъ не видать, что вашъ богъ въ грубомъ безобразіи не уступаетъ любому японскому кумиру, у котораго животъ въ три яруса, носъ расплюснутъ до скулъ и усы сардинскаго короля. Вамъ что ни говори, какіе ни приводи факты, вы «въ восторгѣ нѣкомъ пламенномъ» толкуете о весенней свѣжести, о благодатныхъ буряхъ, о многообѣщающихъ радугахъ, всходахъ! Чему же дивиться, что наша молодежь, упившись вашей неперебродившей соціально-славянофильской брагой, бродитъ потомъ отуманенная и хмѣльная, пока себѣ сломитъ шею или разобьетъ носъ объ *дѣйствительную* дѣйствительность нашу. Разумѣется, что и ихъ, какъ васъ, протрезвить трудно: исторія, филологія, статистика, неотразимые факты вамъ обоимъ ни по чемъ.

Позвольте, однако, и я въ свою очередь скажу, надобно знать мѣру, какіе же это *несомнѣнные* факты?

— Бездна.

Напримѣръ?

Напримѣръ фактъ, что мы русскіе принадлежимъ и по языку и по породѣ къ европейской семьѣ, genus europeum, и, слѣдовательно, *по самымъ неизмѣннымъ законамъ физіологіи должны идти по той же дорогѣ.* Я не слыхалъ еще объ *уткѣ*, которая, принадлежа къ породѣ утокъ, дышала бы жабрами...

— Представьте себѣ, что и я не слыхалъ.

...Я останавливаюсь на этомъ пріятномъ моментѣ полнаго согласія съ моимъ противникомъ, чтобъ снова обратиться къ тебѣ

и отдать на твой судъ таковыя до чести и добродѣтели моихъ посланій относящіяся нареканія.

Грѣхъ мой весь въ томъ, что я избѣгалъ догматическаго изложенія и, можетъ, слишкомъ полагался на читателей: это привело многихъ въ искушеніе и дало моимъ *практическимъ* противникамъ орудіе противъ меня — разныхъ закаловъ и не одинаковой чистоты. Постараюсь сжать въ рядъ афоризмовъ основы того воззрѣнія, на которыя опираясь, я считалъ себя въ правѣ сдѣлать тѣ заключенія, которыя передавалъ, какъ сорванныя яблоки, не упоминая ни о лѣстницѣ, которую приставлялъ къ дереву, ни о ножницахъ, которыми стригъ. Но прежде, чѣмъ я примусь за это, я хочу тебѣ показать на одномъ примѣрѣ, что мои строгіе судьи не то чтобъ были очень хорошо подкованы. Ученый другъ, приходившій возмущать покой моей берлоги, принимаетъ, какъ ты видѣлъ, за *несомнѣнный фактъ, за неизмѣнный физіологическій законъ*, что если *русскіе* принадлежатъ къ *европейской семьѣ*, то имъ предстоитъ та же дорога и то же развитіе, которое совершено романо - германскими народами; но въ сводѣ физіологическихъ законовъ такого § не имѣется.

Это мнѣ напоминаетъ чисто московское изобрѣтеніе разныхъ учрежденій, постановленій, въ которыя всѣ вѣрятъ, которыя всѣ повторяютъ и которыя, между прочимъ, никогда не существовали. Одинъ мой (и твой) знакомый называлъ ихъ *законами англійскаго клуба*.

Общій планъ развитія допускаетъ безконечное число варіацій непредвидимыхъ, какъ хоботъ слона, какъ горбъ верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончіе, борзые, водолазы, моськи... Общее происхожденіе нисколько не обусловливаетъ одинаковость біографій. Каинъ и Авель, Ромулъ и Ремъ были родные братья, а какія разныя карьеры сдѣлали. То же самое во всѣхъ нравственныхъ родахъ или общеніяхъ. Все христіанское имѣетъ сходныя черты въ устройствѣ семьи, церкви и пр., но нельзя сказать, чтобъ судьба англійскихъ протестантовъ была очень сходна съ судьбой абисинскихъ христіанъ, или чтобъ очень католическая австрійская армія была похожа на чрезвычайно православныхъ монаховъ аѳонской горы. Что утка не дышетъ жабрами, это вѣрно, еще вѣрнѣе, что кварцъ не летаетъ, какъ колибри. Впрочемъ, ты вѣрно знаешь, а ученый другъ не знаетъ, что въ жизни утки была минута колебанія, когда аорта не загибалась своимъ стержнемъ внизъ, а вѣтвилась съ притязаніемъ на жабры, но имѣя физіологическое преданіе, привычку и возможность развиться, утка не останавливалась на бѣднѣйшемъ строеніи органа дыханія и переходила къ легкимъ.

Это значитъ просто на просто, что рыба *приладилась* къ усло-

віямъ водяной жизни и далѣе жабръ не идетъ, а утка идетъ. Но почему же это рыбье дыханіе должно сдунуть мое воззрѣніе, этого я не понимаю. Мнѣ кажется, что оно, напротивъ, объясняетъ его. Въ «genus europeum» есть народы, состарѣвшіеся безъ полнаго развитія мѣщанства (кельты, нѣкоторыя части Испаніи, южной Италіи и пр.), есть другіе, которымъ мѣщанство такъ идетъ, какъ вода жабрамъ,—отчего же не быть и такому народу, для котораго мѣщанство будетъ переходнымъ, неудовлетворительнымъ состояніемъ, какъ жабры для утки?

Въ чемъ же состоитъ та злая ересь, то отпаденіе отъ своихъ собственныхъ принциповъ, отъ неприложныхъ законовъ мірозданія и отъ всѣхъ божественныхъ и человѣческихъ ученій и уставовъ, что я не считаю мѣщанства окончательной формой русскаго устройства, того устройства, къ которому Россія стремится и, достигая котораго, она, вѣроятно, *пройдетъ* и мѣщанской полосой. Можетъ, народы европейскіе сами перейдутъ къ другой жизни, можетъ, Россія вовсе не разовьется, но именно потому, что это *можетъ быть,—можетъ быть* и другое. И тѣмъ больше что въ томъ череду, какъ стали вопросы, въ случайностяхъ мѣста и времени развитія, въ условіяхъ быта и жизни, въ постоянныхъ *складкахъ* характера, бездна указаній.

Народъ русскій, широко раскинувшійся *между* Европой и Азіей, принадлежащій какимъ то двоюроднымъ братомъ въ общей семьѣ народовъ европейскихъ, онъ не принималъ почти никакого участія въ семейной хроникѣ Запада. Сложившійся туго и поздно, онъ долженъ внести или свою полную неспособность къ развитію, или развить что-нибудь свое подъ вліяніемъ былого и заимствованнаго, сосѣдняго примѣра и своего угла отраженія.

До нашего времени Россія ничего не развила своего, но коечто сохранила: она, какъ потокъ, отражала верхнимъ слоемъ тѣнившіе ее берега, отражала ихъ вѣрно, но поверхностно. Вліяніе византійское, можетъ, было самое глубокое: остальное шло по петровски, брилась борода, стриглись волосы, рѣзались полы кафтана, народъ молчалъ, уступалъ, меньшинство переряжалось служило, а государство, которому дали общій европейскій чертежъ, росло, росло... Это обыкновенная исторія рябячества. Оно окончилось. Въ этомъ никто не сомнѣвается. Пора стать на свои ноги, зачѣмъ же непремѣнно на деревянныя, потому что онѣ иностранной работы? Зачѣмъ же наряжаться въ блузу, когда есть своя рубашка съ косымъ воротомъ.

Мы досадуемъ на бѣдность силъ, на узкость взгляда правительства, которое, въ своей безплодности, усовершаетъ нашъ бытъ тѣмъ, что вмѣсто черно-желтой Zwangsjacke, въ которой насъ пасли полтараста лѣтъ, надѣваетъ трехцвѣтную camisole de force, шитую

по парижскимъ выкройкамъ. Но тутъ не правительство, а мандарины литературы, сенаторы журнализма, кафедральные профессора проповѣдуютъ намъ, что ужъ такой *неизмѣнный законъ физіологіи:* принадлежишь къ genus europeum, такъ и продѣлывай всѣ старыя глупости на новый ладъ, что мы, какъ бараны, должны споткнуться на той же рытвинѣ, упасть въ тотъ же оврагъ и сѣсть потомъ вѣчнымъ лавочникомъ и продавать овощь другимъ баранамъ.

Пропадай онъ совсѣмъ, этотъ физіологическій законъ! И отчего же это Европа была счастливѣе, ее никто не заставлялъ da capo играть роль Греціи и Рима?

Въ природѣ, въ жизни нѣтъ никакихъ монополей, никакихъ мѣръ для предупрежденія и пресѣченія новыхъ зоологическихъ видовъ, новыхъ историческихъ судебъ и государственныхъ формъ; предѣлы ихъ — однѣ невозможности. Будущее импровизируется на тему прошедшаго. Не только фазы развитія и формы быта измѣняются, но создаются новые народы и народности, которыхъ судьбы идутъ иными путями. На нашихъ глазахъ, такъ сказать, образовалась новая порода, varietas *сводно и свободно европейская*. Не только бытъ, нравы, пріемы американцевъ развили свой особый характеръ, но наружный типъ англо-саксонскій и кельтическій измѣнился за океаномъ до того, что американца почти всегда узнаешь. Если достаточно было новой почвы для старыхъ людей, чтобъ изъ нихъ сдѣлать своеобразный, характеристическій народъ, почему же народъ, самобытно развившійся, при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ западныя государства, съ иными началами въ бытѣ долженъ пережить европейскіе зады, и *это, зная очень хорошо, къ чему они ведутъ?*

Да, но въ чемъ же эти начала?

Я говорилъ много разъ въ чемъ, *ни разу не слышалъ* серьезнаго возраженія и всякой разъ опять слышу *одни и тѣ же* возраженія, добро бы отъ иностранцевъ, а то отъ русскихъ...

Дѣлать нечего, повторимъ и ихъ опять.

15 января, 1863 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I и В. Н. КАРАЗИНЪ[1]).

Вамъ Н. А., послѣднему нашему маркизу Позѣ, отъ всей души, посвящаю этотъ очеркъ.

I.

Донъ Карлосъ.

Въ первые годы царствованія, когда уроки Лагарпа были еще въ памяти, у императора Александра I бывали литературные вечера, на нихъ приглашались нѣсколько близкихъ лицъ къ государю, особенно извѣстныхъ за грамотныхъ.

Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, чтеніе длилось долго: читали новую трагедію Шиллера.

Чтецъ кончилъ и остановился.

Государь молчалъ, потупя взглядъ. Можетъ, онъ думалъ о своей судьбѣ, которая такъ близко прошла къ судьбѣ Донъ Карлоса, можетъ, о судьбѣ своего Филиппа? Нѣсколько минутъ продолжалась совершенная тишина, первый перервалъ ее князь Александръ Николаевичъ Голицынъ: наклоняя голову къ уху графа

[1]) Въ моей первой юности, я видалъ раза два-три *Василія Назаровича Каразина*; помню, что мой отецъ разсказывалъ объ его письмѣ къ Александру I, объ его близости къ нему и о быстромъ паденіи. Въ 1860 году, я прочелъ замѣчательную жизнь этого человѣка въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ порывистой, многосторонней, исполненной иниціативы дѣятельности Каразина все захватывало вниманіе, всего больше то, чего въ «Сѣверной Пчелѣ» *не было*, т. е., что осталось по ту сторону цензурныхъ колодокъ. Случайно досталъ я письмо Каразина къ императору (оно было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1810) и нѣсколько другихъ бумагъ. Сначала я думалъ только напечатать это письмо, въ дополненіе упомянутой статьи. Потомъ мнѣ захотѣлось, по поводу отношеній Александра I къ Каразину, высказать нѣсколько общихъ замѣчаній, — я это и сдѣлалъ. Ни статья «Сѣверной Пчелы», ни эти замѣчанія далеко не составляютъ біографіи В. Н. Каразина. Это только матеріалы для нея, я, съ своей стороны, почти не касался до жизнеописанія Каразина: мнѣ хотѣлось только загрунтовать fond и набросить обстановку, въ которой выступаетъ его фигура.

Эта статья была напечатана въ *Пол. Зв. Т. VII, стр. 7.*

Виктора Павловича Кочубея, онъ сказалъ ему вполслуха, но такъ, чтобъ всѣ слышали:

— «У насъ есть свой маркизъ Поза!»

Кочубей усмѣхнулся и кивнулъ ему головой. Глаза всѣхъ обернулись на человѣка лѣтъ тридцати, сидѣвшаго поодаль.

Императоръ вздрогнулъ, посмотрѣлъ на окружавшихъ, остановилъ недовѣрчивый, пытливый взглядъ на человѣкѣ, сдѣлавшемся предметомъ общаго вниманія, наморщилъ брови, вcталъ мрачный и недовольный, откланялся гостямъ и вышелъ.

Князь Александръ Николаевичъ улыбался: будущій министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, инквизиторъ и массонъ, покровитель Магницкаго и Рунича, начальникъ библейскаго общества и почтоваго вѣдомства, другъ Императора Александра, который безжалостно пожертвовалъ его Аракчееву, другъ императора Николая, который не поручилъ ему никогда ничего дѣльнаго, былъ доволенъ. Зная подозрительный характеръ Александра, онъ былъ увѣренъ, что слово его взойдетъ,—и не ошибся. Почему онъ вредилъ этому человѣку, этого онъ не зналъ, это лежало въ его натурѣ царедворца: на всякой случай не мѣшало отстранить лишняго человѣка.

Безъ сомнѣнія, на ту минуту изъ всѣхъ бывшихъ на чтеніи только двое искренно и пламенно желали добра Россіи,—государь и В. Н. Каразинъ, названный маркизомъ Позой.

Эти двѣ личности — одна «вѣнчанная и превознесенная» въ Успенскомъ соборѣ митрополитомъ Платономъ, сокрушившая Наполеона и сокрушившаяся подъ бременемъ славы, и другая личность неутомимаго работника на общую пользу, бравшаяся за все и за все съ необыкновенной энергіей, толкавшагося во всѣ двери и встрѣтившаго вездѣ отпоръ, препятствія и невозможность въ этой средѣ произвести что-нибудь путное,—эти двѣ личности бросаютъ два печальныхъ луча на гладко подмерзнувшія тундры петровской Россіи, въ которыхъ затирались, затираются энергія и воля, таланты и силы, пропадая безъ вести въ болотныхъ топяхъ, какъ сваи, на которыхъ построенъ Петербургъ.

Характеръ императора Александра I мало выясненъ. Наши историки не могли о немъ писать, иностранные не могли и не могутъ понять, въ чемъ его трагическій *смыслъ*. Этого равно не объясняютъ ни его царское достоинство, ни его личныя несчастія: онъ же, совсѣмъ напротивъ, былъ необыкновенно счастливъ, какъ царь, счастливъ даже послѣ смерти. Нельзя быть рельефнѣе поставлену въ исторіи, какъ онъ.

Сутуловатая фигура императора Александра вырѣзывается какъ то человѣчественно и кротко, то освѣщенная заревомъ Москвы, то озаренная парижскими плошками, то удерживающая руку нѣ-

мецкихъ владѣтельныхъ воришекъ, то останавливающая дикую месть побѣдителей, дорвавшихся до непріятельской столицы.

И эта фигура Агамемнона, примирителя Европы, на вершинѣ своего величія, становится смутнѣе, видимо тускнетъ, стирается за страшной тѣнію Аракчеева и пропадаетъ одиноко на берегахъ Чернаго моря.

Every inch, «каждый вершокъ»—потрясающая трагедія.

Трагическій элементъ не опредѣляется ни болью, ни синими пятнами, ни кулачной борьбой; а тѣми внутренними столкновеніями, независимыми отъ воли, противорѣчащими уму, съ которыми человѣкъ борется, а одолѣть ихъ не можетъ, напротивъ, почти всегда уступаетъ имъ, измочалившись о гранитные берега неразрѣшимыхъ, повидимому, антиномій. Для того, чтобъ такъ разбиться, надобно извѣстную степень человѣческаго развитія, своего рода помазаніе. Есть натуры до того будничныя, до того рутинныя, до того узкія и посредственныя, что ихъ счастіе и несчастіе пошло, по крайней мѣрѣ, не интересно.

Не таковъ былъ императоръ Александръ. Императрица Екатерина, сосредоточивая на немъ династическій интересъ и то материнское чувство, которое она никогда не имѣла къ своему сыну, дала ему очень человѣческое воспитаніе. Александръ былъ мечтатель, юноша съ романическими идеями, съ той неопредѣленной филантропіей, которая тогда была въ ходу и составляла какъ бы сѣверное сіяніе, или холодный и мерцающій отблескъ иной болѣе горячей филантропіи, которая проповѣдывалась тогда въ Парижѣ. Но со всѣмъ тѣмъ, его воспитаніе кончилось рано, и онъ съ Лагарпомъ въ головѣ является на царскій помостъ.

... «Я отнюдь недоволенъ своимъ положеніемъ», пишетъ великій князь В. П. Кочубею, 10 мая 1796 года, т. е. 18 лѣтъ отроду [1]). «Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не *желалъ бы имѣть у себя и лакеями*; а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. З...., П...., Б.... оба С...., М...., и множество другихъ, которыхъ не стоитъ

[1]) Корфъ. Восшествіе Николая стр. 228—229.

даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ Г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ: грабятъ со всѣхъ сторонъ: всѣ части управляются дурно: порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а Имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное, но подождите исполненія и уже тогда произносите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастливымъ, богатымъ или бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній: моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію».

Екатерина умерла.

Тревожно и грустно стоялъ цесаревичъ у подножія трона: лишенный возможности отойти, Александръ, какъ Гамлетъ, бродилъ по этимъ заламъ, не умѣя ни на что рѣшиться.

Также тревожно и грустно взошелъ онъ самъ на вершину страшной скалы. Онъ хотѣлъ добра и ему вѣрили. На его юныя и кроткія черты смотрѣли съ упованіемъ: уповалъ и онъ, что сдѣлаетъ изъ Россіи рай; онъ ей отдаетъ лучшіе годы, лучшія силы, народъ благословитъ его и тогда, Траянъ и Маркъ-Аврелій, онъ исполнитъ писанное къ Кочубею и пропадетъ въ виноградныхъ садахъ на берегахъ Рейна [1]).

Александръ былъ откровененъ въ этихъ мечтахъ, онъ имъ вѣрилъ, и не онъ одинъ, имъ вѣрила вся Россія, т. е. Россія *порядочныхъ людей*, Россія, признанная людскою: до *черной* Руси, до Руси податной, это не касалось.

Легко было начать новую эпоху, опираясь на такую любовь, на такую вѣру.

Теперь дай человѣка мнѣ, создатель...
Ты много далъ мнѣ: только человѣка
Ты дай теперь мнѣ.
Молю тебя о другѣ: я не такъ,
Какъ ты, всевѣдущъ. Слуги, мнѣ тобой
Посланные, самъ вѣдаешь, какіе
Они мнѣ слуги. Изъ-за денегъ только
Они мнѣ служатъ.
Мнѣ правды надо....

Прошло дней десять послѣ смерти Павла. Во дворцѣ былъ большой пріемъ: радостныя лица, одѣтыя въ глубокій трауръ, входили, выходили, низко кланялись, повторяли раболѣпныя фразы. Застѣнчивый Александръ, мало привыкнувшій къ этой работѣ, утомленный, взошелъ послѣ пріема въ свой кабинетъ и бросился на кресло передъ своимъ рабочимъ столомъ. На его столѣ, въ его кабинетѣ, въ который никто не смѣлъ входить, лежало толстое письмо... запечатанное и надписанное ему.

Онъ сорвалъ печать и развернулъ письмо: по мѣрѣ чтенія, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли: онъ положилъ письмо и крупныя слезы продолжали катиться по его щекамъ. Ихъ видѣли графъ Паленъ и Трощинскій. «Господа, сказалъ имъ государь, неизвѣстный человѣкъ положилъ на мой столъ это письмо: оно безъ подписи, сыщите мнѣ непремѣнно, кто его писалъ».

[1]) Мечта объ отреченіи занимала его до самой смерти.

II

Письмо.

Вотъ что прочелъ императоръ:

«Какимъ прекраснымъ днемъ началось Твое царствованіе? Казалось намъ, что сама природа въ восторгѣ встрѣтила Тебя! [1]) Александръ, любимецъ сердецъ нашихъ! Десятый день уже освѣщаетъ весеннее солнце Твоихъ, надеждами исполненныхъ подданныхъ, и день отъ дня, часъ отъ часу Ты болѣе оправдываешь сіи надежды. Какая лестная будущность ожидаетъ насъ!

Въ сіе время всеобщаго восторга кто пощадилъ бы жизнь свою на защищеніе Твое? Но Ты въ немъ не имѣешь нужды... Прости-жъ, если, искавъ принести Тебѣ дань, я дерзновенною рукою начертаю нѣкоторыя истины, я, удаленный отъ двора Твоего и упованія наградъ, одинъ изъ безвѣстнѣйшихъ россіянъ. Прости, прости меня за неважную сію жертву, но жертву сердечную: пріими ее засвидѣтельствованіемъ довѣренности къ Твоимъ добродѣтелямъ, знакомъ *истинной подданнической* любви. Безъ сомнѣнія, все, что я ни скажу Тебѣ, болѣе или менѣе впечатлѣно уже въ Твоей благородной душѣ, или извѣстно въ сонмѣ мужей мудрыхъ, которыми Ты окружаешь Себя. Но эта мысль не могла меня удержать повергнуть *лепту вдовы въ сокровищницу*, такъ точно, какъ самое блистательное понятіе о славѣ Твоей никогда не удержитъ меня отъ ревнія распространять ее во всякомъ для меня приступномъ кругу моею хвалою...

Государь! Ты царствуешь надъ сорокью милліонами человѣкъ, искони пріобыкшихъ безпредѣльно чтить власть, внѣ которой они не могутъ представить себѣ блаженства. Одного взора ихъ царей часто довольно, чтобъ разлить повсемѣстную радость, и, конечно, одного велѣнія, чтобъ устроить счастіе, какимъ только можетъ человѣкъ наслаждаться на землѣ...

Имперія, которая *своимъ* называть Тебя будетъ, не обыкновенное государство. Ей нѣтъ подобной не только въ нынѣшнемъ состояніи Европы и прочихъ частей свѣта, но, можетъ быть, и въ лѣтописяхъ вѣковъ прошедшихъ. Она заключаетъ въ себѣ десять климатовъ, обитаемыхъ народомъ большею частію единаго языка и единой вѣры. Она отъ сѣвера до юга и отъ запада къ востоку изобилуетъ въ количествѣ и родѣ безчисленными благами, замѣняющими себя взаимно, которыя даютъ возможность поставить всѣ ея сношенія съ чужими странами въ совершенной независи-

[1] Случилось, что 11 марта 1801 года въ Петербургѣ былъ самый непріятный зимній день; 12-го же, напротивъ, погода сдѣлалась тихая, теплая и ясная, какъ будто весна вдругъ наступила.

мости. Она имѣетъ и пространнѣйшія земли для воздѣлыванія большею частію *ей одной свойственныхъ* произведеній и надежныя руки сыновъ своихъ для искусственнаго ихъ обработыванія. Посему богатства ея, не на случайныхъ причинахъ, но на природѣ основанныя, должны возрастать съ самимъ временемъ. Она представляетъ, такъ сказать, подобіе рудника, открытаго при поверхности земли, котораго изобиліе постепенно обнаруживается по мѣрѣ его углубленія. Она изобилуетъ рѣками, которыя, изъ ея средины изливаясь въ пять морей, ожидаютъ только попечительной руки правительства, чтобъ соединить ихъ всѣхъ, чтобы сообщать рукодѣлія Европы и Азіи и азіятскія богатства Европѣ *кратчайшими путями*. Она граничитъ въ наибольшей части съ Ледовитымъ океаномъ или странами столько же неприступными, какъ и онъ; въ остальной же части имѣетъ сосѣдей, привыкшихъ почитать русское могущество. Что могу сказать Тебѣ, Государь, новаго о гражданскихъ добродѣтеляхъ Твоего народа, который среди временъ грубѣйшаго невѣжества обращалъ уже на себя вниманіе? народа, въ *нынѣшнемъ* состояніи нравственнаго міра, едва-ль не менѣе всѣхъ прочихъ народовъ поврежденнаго?.. Напомню только одну изъ этихъ добродѣтелей, обезпечивающую незыблемость Отечества. Пожертвованіе жизни за него всегда и вездѣ почитаемо было достойнымъ вѣчныхъ похвалъ; но сіе пожертвованіе безъ всякихъ видовъ славы, утѣшительницы умирающихъ героевъ, сіе великое самоотреченіе свойственно рѣдкимъ лишь душамъ и россійскіе ратники способны къ нему болѣе всѣхъ древнихъ и новыхъ воиновъ. Рѣшительный военачальникъ идетъ на смерть, я почитаю его; но вижу, что слава, которая изъ-за предѣловъ гроба простираетъ къ нему свой лавръ, наполняетъ его воображеніе удивленіемъ соотечественниковъ и потомства, что сія слава смягчаетъ ужасы смерти. Честолюбіе, желаніе пріобрѣсть блестящее отличіе упояетъ его. Самая необходимость дѣйствовать соотвѣтственно званію, къ которому онъ принадлежитъ, влечетъ его впередъ. Но простой солдатъ, который не мечтаетъ о лаврахъ, не имѣетъ предразсудковъ благородства, заставляющихъ отличаться, не ожидаетъ наградъ; солдатъ, котораго участь не перемѣняется послѣ двадцати выигранныхъ сраженій и который, не думая о свидѣтеляхъ, о потомствѣ, объ исторіи, умираетъ *весь*, у котораго священный долгъ есть единое побужденіе, для меня прямо великій герой! Таковъ россійскій солдатъ, и такихъ имѣешь Ты сотни тысячъ!...

Время образовало человѣческую премудрость: время, усовершая все, предуготовляетъ законодателю способъ быть благотворителемъ человѣчества. Если-бъ Екатерина, если-бъ Маркъ-Аврелій самъ жили въ желѣзномъ вѣкѣ царствованія Ивана Васильевича, когда вся Европа покрыта еще была тьмою суевѣрія, подавляема свое-

воліемъ феодализма, много ли бы они могли сдѣлать въ пользу своихъ подданныхъ? Предположивъ, что они изъ собственнаго сердца, созданнаго для блага человѣковъ, изъ собственнаго всеобъемлющаго разума извлекли бы законы: предположивъ, что они нашли бы возможность въ одно время и сильно дѣйствовать, и глубоко размышлять, проникать безъ всякихъ предварительныхъ познаній въ составъ обществъ, въ сердца людей,—гдѣ взяли бы они достойныхъ исполнителей своего плана? Ни люди, ни средства для образованія общественнаго не были еще произведены. Въ наши дни, Государь, наука законодательства вмѣстѣ съ прочими науками, вмѣстѣ съ общими успѣхами разума необходимо усовершенная, представитъ Тебѣ въ твореніяхъ величайшихъ умовъ тысячу новыхъ идей, которыя, объяты бывъ благодѣтельнымъ Твоимъ духомъ, искушены, подобно какъ злато искушается огнемъ, религіозностію Твоихъ чувствованій, могутъ положиться въ основаніе счастія Россіянъ. Велика заслуга мудреца, многотрудно открывающаго истину; но тотъ, кто силу, данную ему отъ небесъ, обратитъ на дѣйствительныя приложенія сей истины, достоинъ алтарей! Онъ—Богъ, собирающій носимые безполезно по воздуху пары въ благотворный дождь, который даетъ плодоносіе долинамъ и воды рѣкамъ, орошающимъ ихъ. Ежели земные владыки могутъ назваться подобіемъ великаго, непостижимаго существа, создавшаго милліоны міровъ, то, конечно, тогда только, когда они подражаютъ Его благодѣтельности...

Воззри напослѣдокъ на нынѣшнее состояніе Европы. Могло-ль быть когда либо время *способнѣе* для возведенія Твоей «Россіи на верхъ славы и блаженства», въ сходство обѣщанія Твоего? Притязанія и виды всѣхъ державъ такъ разнообразны, такъ противуположены другъ другу, что Ты никогда не можешь быть въ необходимости принять оружіе, если Самъ будешь имѣть миролюбивыя намѣренія, если суетныя хвалы умовъ праздныхъ (*такъ называемая* слава завоевателей) никогда отъ Тебя не удостоятся быть взвѣшиваемы на ряду съ благословеніями тысячей и темъ человѣковъ, которыхъ судьба отъ Тебя зависитъ. Французскій переворотъ, столь гибельный самъ по себѣ, поколебавшій столько правленій, не только не сдѣлалъ вреда Россіи, въ которую его начала не могли проникнуть, но принесъ ей еще ощутительную выгоду, отвративши, во первыхъ, завистливое вниманіе державъ въ самое критическое для нея время и потомъ, новымъ расположеніемъ связей ихъ, уволивши нашъ дворъ отъ необходимости пристать къ той или другой сторонѣ, которыя обѣ теперь, почитая соучастіе наше рѣшительнымъ, должны наперерывъ искать нашего благорасположенія. Россія вышла, чрезъ неожиданное это стеченіе обстоятельствъ, изъ всегдашней (со времени Петра Вели-

каго) скрытой войны со *всѣми* европейскими державами. Самую молодость ея, которая еще чрезъ цѣлое столѣтіе не могла-бъ быть забыта, революція навсегда изгладила изъ памяти.

Въ семъ состояніи дѣлъ внутренніе и внѣшніе долги государства Твоего не важны, судя по великости источниковъ Твоихъ доходовъ, кои не расточены еще столько, чтобъ простымъ отмѣненіемъ нѣкоторыхъ предположенныхъ издержекъ не можно было вывести казну въ нѣсколько мѣсяцевъ изъ всякаго затрудненія.

Таковы средства, Государь, которыя Ты имѣешь быть великимъ, счастливѣйшимъ монархомъ, среди счастливѣйшаго народа на землѣ...

Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я представлялъ себѣ сію картину благословеннаго Твоего политическаго положенія и размышлялъ, каковы будутъ пути Твои?

Неужели захочетъ Онъ, говорилъ я самъ себѣ, произвольно разстроить рѣдкое согласіе неба и земли въ Его пользу и благотворное предуготовленіе цѣлаго полвѣка оставитъ безъ исполненія? Неужели Онъ, созданному для душъ обыкновенныхъ, удовольствію самовластія хладнокровно пожертвуетъ надеждою народовъ, безсмертною славою, и той наградою, которая по долговременной, безмятежной, семейственныхъ радостей исполненной жизни, ожидаетъ добродѣтельныхъ монарховъ въ странѣ блаженства?

Нѣтъ! Онъ раскроетъ напослѣдокъ великую ту книгу судьбы нашей и нашихъ потомковъ, которую лишь указалъ перстъ Екатерины. Онъ дастъ намъ непреложные законы. Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ подданныхъ утвердитъ Онъ ихъ въ роды родовъ. Онъ скажетъ Россіи: «Вотъ предѣлъ самодержавія Моего и Моихъ наслѣдниковъ, нерушимый во вѣки!...» и Россія войдетъ, наконецъ, въ число державъ монархическихъ: и желѣзный своенравія скипетръ не возможетъ сокрушить скрижалей ея завѣта.

Въ этомъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, отъ Творца ей уготованныхъ. Онъ призоветъ въ помощь свою вѣчный разумъ, имѣющій озарить Его душу; имъ руководствуясь, обозритъ Онъ весь составъ законовъ до нынѣ существующихъ, дабы безъ нужды и по одной лишь любви къ новостямъ не разрушать утвержденнаго и оправданнаго уже временемъ. Именемъ Отечества истребуетъ Онъ совѣтъ у мужей мудрыхъ, счастливою для насъ судьбою поставленныхъ близъ Его, и другихъ, голосъ которыхъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Его государства истину повѣдать Ему можетъ. *Подъ завѣсою строжайшей скромности* вопроситъ Онъ ихъ: со свѣтильникомъ чистой своей совѣсти пройдетъ творенія законодателей міра, древнихъ и новыхъ: сообразитъ оныя съ обстоятельствами своего народа, съ его нравами, обычаями, религіею, съ мѣстнымъ

его положеніемъ, съ просвѣщеніемъ истиннымъ, какое обѣщаетъ намъ наступившій вѣкъ, послѣ жестокихъ испытаній прошедшаго... Онъ составитъ въ тайнѣ, но торжественно, предъ лицемъ внимающей вселенной издастъ Государственное Уложеніе, основу законовъ, которые *сами*, нечувствительно, могутъ *предварить* ея обнародованіе. Онъ повелитъ, напослѣдокъ, въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ, достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ, и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлитъ имъ весь избытокъ своей власти,—да охраняютъ святая святыхъ Отечества... Онъ пріиметъ и другія мѣры, почерпнутыя изъ опыта вѣковъ, для утвержденія правъ своихъ подданныхъ. Онъ-то первый употребитъ самовластіе для обузданія самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ человѣчеству собственными выгодами! И человѣчество, возрыдавъ отъ радости, вознесетъ кумиръ Его выше кумировъ прочихъ царей, и сонмы народовъ чуждыхъ притекутъ лобызать Его подножіе и вкусить среди насъ блаженство!...

Безъ сомнѣнія, нашъ Александръ, другъ людей, вѣдаетъ, что довѣренность къ правительству, утверждаемая извѣстностію *непремѣнныхъ* его началъ, *одна* рождаетъ взаимную довѣренность гражданъ между собою, что она есть жизнь промысловъ, мать общественныхъ добродѣтелей и источникъ благоденствія...

Съ довѣренностію къ правительству на одной степени поставитъ Онъ *вѣру къ правосудію*. Безъ нихъ обѣихъ почтенныя слова: гражданинъ, отечество—суть пустые звуки на языкѣ отеч ственномъ!..

Онъ презритъ новыхъ лжеполитиковъ, утверждающихъ, будто частныя неправды не обращаются обществу во вредъ, будто для государства «все равно какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки». Предоставивъ весь судъ *избраннымъ отъ народа*, Онъ удалитъ ихъ отъ соблазновъ не законами, безгласными *по необходимости*, но доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, содержанія соразмѣрнаго ихъ безкорыстію и соревнованію объ общей пользѣ. На сей же конецъ подчинитъ Онъ судей общественному мнѣнію. Оно всегда было болѣе безпристрастно, болѣе неумолимо, нежели высшія инстанціи, нерѣдко движимыя *одинаковыми-же* началами на вящщее посрамленіе законовъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ, право тяжущимся публиковать опредѣленія, будетъ однимъ изъ надежнѣйшихъ огражденій правосудія.

Онъ положитъ единожды навсегда твердое основаніе государственному достоянію: изочтетъ богатства Своихъ обширныхъ владѣній; опредѣлитъ возможность и повинности подданныхъ по неподвижному размѣру, измѣненіямъ отъ прилива и отлива *изобразительныхъ знаковъ* богатства не подверженному, и скажетъ: «*Симъ*

обязаны вы взаимно состояніе къ состоянію: *симъ* обязаны относительно къ государственной сокровищницѣ: *симъ*, напослѣдокъ, располагаетъ лице Государя». Тогда однѣ чрезвычайныя, всею мудростію человѣческою не предвидимыя нужды государства останутся неопредѣленными, но на удовлетвореніе ихъ готовы коренныя такъ сказать, *утробныя* его силы, которыя съ покоемъ *неопредѣленно-же* возрастаютъ.

Не поводы къ новымъ налогамъ велитъ Онъ изобрѣтать для безконечнаго умноженія мнимыхъ доходовъ: но съ благоволеніемъ приметъ тѣ мѣры, кои клониться будутъ къ уменьшенію издержекъ. И симъ *вѣрнѣйшимъ* путемъ, сопровождаемый благословеніями гражданъ, трудящихся въ потѣ лица, достигнетъ Онъ до постояннаго *избытка государственнаго*, которымъ ни одна держава похвалиться еще не могла.

Онъ ограничитъ особливо издержки, которыя не служатъ къ пользѣ Имперіи и не возвышаютъ на самомъ дѣлѣ блеска вѣнца Его: уменьшитъ дворъ Свой: изженетъ изъ него толпы ласкателей и прислужниковъ, безстыдно мечтающихъ, что достояніе Имперіи имъ принадлежитъ и что они преимущественное имѣютъ право на милости Государя по одному тому, что случай поставилъ ихъ близъ его особы.

Онъ ограничитъ суетную *любозданельность*: это желаніе украшать улицы и площади столицъ, когда все прочее государство *представляетъ еще безкровныя хижины*. Не художества призоветъ Онъ въ помощь для сооруженія себѣ памятниковъ: но въ премудрости Своихъ учрежденій и въ любви народной найдетъ ихъ: онѣ не сокрушаемы временемъ и не одно удивленіе празднаго любопытства возбуждаютъ, но почтеніе всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ!

Самыя художества не будетъ Онъ покровительствовать прихотливо и внутри лишь чертоговъ Своихъ, съ условіемъ, чтобъ они платили Ему лестью: но дѣйствительно ободритъ ихъ, *умноживъ общее благосостояніе* и разрѣшивъ узы ума и талантовъ.

Вообще Онъ будетъ дорожить произведеніемъ криваго пота подданныхъ, посвященнымъ на пользу общую, и *моральное* изящество будетъ первѣйшимъ Его предметомъ.

Не удостоитъ онъ занять Себя подробностями и иждивать на мелочи драгоцѣнное время, въ которое едва-едва вмѣститься могутъ *всеобщія* попеченія владѣтеля пространнѣйшей имперіи въ свѣтѣ. Онъ взоромъ будетъ обнимать цѣлыя массы, дастъ правильное движеніе главнѣйшимъ колесамъ государственнаго состава,—и всѣ прочія потекутъ правильно!

Какъ наисовершеннѣйшіе законы останутся безполезными въ народѣ развращенномъ и чуждыми смысла въ народѣ не-

вѣждъ, то, безъ сомнѣнія, обратитъ Онъ всю Свою внимательность на *воспитаніе* Своихъ подданныхъ соотвѣтственно мѣстнымъ и личнымъ потребностямъ каждаго. Верховное попеченіе объ этомъ предоставитъ Онъ сословію *блюстителю законовъ*, а оно будетъ дѣйствовать посредствомъ людей, имѣющихъ надъ народомъ наиболѣе нравственной силы. Духовенство употребится на просвѣщеніе народа, и на сей конецъ предварительно само будетъ просвѣщено: учредятся для него гимназіи, удаленныя отъ тяжелыхъ началъ древней схоластики, и отличія предоставятся не тѣмъ проповѣдникамъ слова Божія, которые съ поэтическимъ восторгомъ станутъ величать Государя въ городскихъ храмахъ: но тѣмъ, которые докажутъ опытами вліяніе, какое они имѣли на благонравіе своихъ паствъ: тѣмъ, которые, учредивъ училища, не лѣпостно преподавать въ нихъ будутъ чистое ученіе Христово и своимъ примѣромъ наставлять должностямъ человѣка и гражданина.

Такимъ образомъ, не жезлъ, денно-нощно властію подъятый, заставитъ исполнять законы, но гораздо дѣйствительнѣе собственное удостовѣреніе каждаго въ ихъ пользѣ. Такимъ образомъ, законы будутъ охраняемы нравами, и нравы законами.

Съ другой стороны, еще подѣйствуетъ Онъ на нравственность состояній, называемыхъ *послѣдними*. Онъ обезпечитъ права человѣчества въ *помѣщичьихъ крестьянахъ;* введетъ у нихъ собственность: поставитъ предѣлы ихъ зависимости. И сіе не закономъ, могущимъ опасно поколебать нынѣшнія общественныя связи, но постепенностію обычая, который бы укрѣпилъ оныя болѣе. Простѣйшимъ поселянамъ предоставитъ Онъ средства вкушать иногда, въ воздаяніе трудовъ своихъ, сладость жизни, не прибѣгая къ своеволію, питьямъ, чувства оглушающимъ, и другимъ побужденіямъ разврата, иногда отчаянія и неключимаго рабства...

Земледѣліе распространится подъ кроткимъ Его скипетромъ. Онъ заселитъ пространныя степи Россіи мало по малу, не насильно исторгая семейства изъ домовъ ихъ и переселяя скоропостижно, за цѣлыя тысячи верстъ, въ страны, по одной своей безвѣстности уже страшныя для нихъ и дѣйствительно смертоносныя по чрезвычайному различію климатовъ, но изъ сосѣдственныхъ, населеннѣйшихъ мѣстъ вызывая и ободряя наградами и льготою.

Безводные, но впрочемъ тучные кряжи благословенныхъ климатовъ будетъ Онъ умѣть содѣлать обитаемыми и превратить въ цвѣтущіе сады, проводя каналы изъ сосѣдственныхъ рѣкъ, обращая въ пользу пространныя озера или одѣвая исподволь отлогости горъ лѣсомъ. Неужели однѣ только просвѣщенныя столицы имѣютъ право на подобныя симъ издержки правительства? Неужель не обязано оно готовить жилища будущимъ родамъ и... убѣжища тѣмъ, которые отъ Запада, вѣроятно, придутъ нѣкогда искать у насъ Отечества?..

Не толпы алчущихъ чиновниковъ поставитъ Онъ на стражѣ у лѣсовъ, сего украшенія земли и сокровищницы водъ: но, благоразумнымъ распредѣленіемъ въ собственность, сохранитъ ихъ для государства. Дикія только степи и непроходимые лѣса могутъ быть помѣстьемъ казны: но должны содѣлаться собственностію частныхъ людей, какъ скоро они досягаемы для трудолюбія. Горе правительствамъ, которыхъ учрежденія служатъ *только къ соблазну*, не искореняя зла въ самыхъ его основаніяхъ!..

Онъ назначитъ торжественныя награды для поселянъ, кои отличатся или рѣдкими примѣрами благонравія, или трудолюбіемъ, изобрѣтеніемъ или введеніемъ новыхъ предметовъ земледѣлія или промышленности. О семъ и подобномъ тому предоставитъ Онъ судить не мѣстнымъ начальникамъ, удоборазвлекаемымъ пристрастіемъ, или скудными государственными соображеніями, но устроитъ временныя путешествія по Имперіи особъ, исполненныхъ познаніями въ обозрѣваемой части и достойныхъ представлять собственное Его око. Самъ Онъ нерѣдко оставитъ единообразіе дворской жизни, чтобы *на опытѣ* видѣть и слышать, и управленіе Богомъ ввѣреннаго Ему, прекраснаго, пространнѣйшаго царства не заключитъ въ тѣсные предѣлы работъ надъ подносимыми Ему бумагами.

Рукодѣлія возбуждать Онъ станетъ не самовластнымъ *внезапнымъ* запрещеніемъ ввоза иностранныхъ произведеній (можно согласить отечественную пользу съ миролюбіемъ къ чужимъ народамъ!): но привилегіями данными мануфактурамъ и фабрикамъ и въ особенности снятіемъ стѣснительныхъ налоговъ, отнимающихъ охоту заводить новыя. Впрочемъ, Россія *можетъ*, безъ малѣйшей для себя невыгоды, великодушно уступить многія вѣтви промышленности и рукодѣлій народамъ скуднымъ землею. Ей ли, изобилующей существенными богатствами, присвоять ненасытимо *всѣ* источники существованія?.. желать самой *все* обрабатывать, когда она несравненно дешевле можетъ имѣть *наемниковъ* себѣ внѣ предѣловъ своихъ? Доколѣ мы измѣрять себя будемъ мѣрилами чуждыми и подражать младенчески?..

Внутренняя торговля, усилясь отъ успѣховъ хлѣбопашества и рукодѣлій, въ теченіе немногихъ лѣтъ, сама собою безъ всякихъ насильственныхъ пріемовъ возвыситъ внѣшнюю въ нашу пользу. Великими примѣрами распространяемыя, благонравіе и любовь ко всему отечественному послужатъ также къ уменьшенію надобностей въ заграничныхъ произведеніяхъ. Цѣна россійскихъ существенныхъ богатствъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и цѣна изобразительныхъ, возрастетъ неминуемо.

Для внутренней и внѣшней торговли, для совершенія великаго подвига законодательства, Онъ, конечно, потщится сохранить миръ съ державами. Онъ употребитъ на сіе счастливыя средства, пред-

ставляемыя Ему теперь Провидѣніемъ, которое *явно* простираетъ къ Россіи милующую десницу. Ему, безъ сомнѣнія, предоставлено начертать смѣлый планъ *постоянной* политики, свойственный россійской министеріи и одной ей принадлежащій. Не имѣетъ ли Онъ надежнѣйшихъ способовъ содержать всѣ Дворы въ почтеніи къ себѣ, не преклоняясь ни на чью сторону? Находитъ ли, по нынѣшнему положенію Своего государства, по его сопредѣльности, по его силамъ, малѣйшія причины, или выгоды входить въ раздоры ихъ? Населеніе Россіи, въ *цвѣтѣ еще находящееся*, таково ли, чтобъ жертвовать людьми безъ *крайнѣйшей* необходимости?.. О, какая участь! обращать на себя признательные взоры любви и уваженія всѣхъ народовъ; быть извѣстнымъ со стороны безпредѣльнаго могущества, и благотворить!.. Если Всевышній мерзитъ человѣкоубійствомъ и другими гнусными слѣдствіями войны, если Ему угодно, чтобъ когда-либо существовала истинно-христіанская держава, то сей примѣръ удобнѣе всего въ Россіи, и въ царствованіе Александрово.

Въ счастливое сіе время, вооруженная сила не останется безполезною. Напротивъ, тогда-то будетъ она выполнять истинный свой предметъ: *охраненіе общаго спокойствія*. Въ ожиданіи пока безумный какой-либо врагъ дѣйствительно покусился бы на него, найдутся средства занять милліонъ здоровыхъ, сильныхъ рукъ, ежегодно стоющихъ болѣе трети государственныхъ доходовъ, не заставляя ихъ лить кровь въ странахъ и дѣлахъ чужихъ... Прежде всего оградитъ Онъ западные предѣлы Имперіи Своей удвоеннымъ забраломъ крѣпостей: да кажутся онѣ сосѣдямъ страшными рядами зубовъ покоющагося льва. Потомъ, по примѣру Римлянъ, которые, выше всего ставя воинское ремесло, не сомнѣвались однако же производить воинами общественныя работы, строить славные свои водоводы и свои дороги; по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ государей, кои въ новѣйшія времена предпринимали такіе же опыты, и въ числѣ ихъ самого основателя сей столицы, обезпечившаго продовольствіе ея Ладожскимъ каналомъ, станетъ Онъ употреблять, по очереди, часть мощныхъ нашихъ ратниковъ, съ младенчества пріобыкшихъ къ повиновенію и трудамъ, на государственныя работы. Нѣкоторая прибавка къ обыкновенному ихъ жалованью возбудитъ ихъ дѣятельность: и какъ много существенно полезнаго окажется въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ! откроются повсюду водяныя и сухопутныя сообщенія, рѣки сдѣлаются судоходными, болота превратятся въ плодоносныя долины... Между тѣмъ и границы Имперіи не останутся безъ защищенія, и русская сила будетъ въ виду и въ понятіи у непріятелей.

Онъ соединитъ воина съ поселяниномъ, и поселянина съ прочими состояніями союзомъ взаимной пользы, ощущеніе которой,

братолюбіе и подданническая обязанность будутъ одно и то же чувство подъ тремя различными только видами.

Онъ... но могу ли я обнять высокое предназначеніе Всевышняго: могу ли представить себѣ, исчислить всѣ дѣянія, которыхъ сѣмя лежитъ въ его человѣколюбивомъ сердцѣ?..

Народы всегда будутъ то, чѣмъ угодно правительствамъ, чтобъ они были: Царь Иванъ Васильевичъ хотѣлъ имѣть безотвѣтныхъ рабовъ — съ нимъ подлыхъ, между собою жестокосердыхъ — онъ имѣлъ ихъ. Петръ желалъ видѣть насъ подражателями иностранцамъ: къ несчастію, мы съ излишествомъ такими стали. Премудрая Екатерина начала образовывать *Россіянъ* Александръ довершитъ великое сіе дѣло. Наслаждаяся нѣкогда плодами своей юности, Онъ будетъ блаженнѣйшимъ изъ смертныхъ, и слава Его, утвержденная на любви подданныхъ, переходящей изъ рода въ родъ, на всеобщемъ земныхъ племенъ почтеніи, будетъ предметомъ желаній величайшихъ монарховъ!..

Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ затверженныя принимаетъ восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноравливаетъ ихъ ко *всѣмъ* царямъ, увѣряя *каждаго*, что онъ лучше своего предшественника: я смѣлъ начертать сіи мысли...

О, Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его, въ простотѣ и съ безкорыстнѣйшими чувствованіями тебѣ приносимую...

Государь, въ душѣ моей повергаюсь къ стопамъ Твоимъ, орошаю ихъ слезами чистѣйшей, вѣчной преданности!.. Геній-благотворитель любезнаго моего Отечества!»

III.

Маркизъ Поза.

На другой день Трощинскій доложилъ государю, что привезъ автора письма, что онъ чиновникъ одной изъ его канцелярій, *Василій Назаровичъ Каразинъ.* Государь, отпустивъ Трощинскаго, пригласилъ Каразина въ кабинетъ и, оставшись съ нимъ одинъ, спросилъ его:

— Вы писали ко мнѣ это письмо?

— Виноватъ, государь, отвѣчалъ Каразинъ.

— Дайте же мнѣ обнять васъ за него, благодарю васъ, я желалъ бы, чтобъ у меня больше было такихъ подданныхъ. Продолжайте всегда со мной говорить такъ откровенно, продолжайте всегда говорить мнѣ *правду!*

Государь прижалъ его къ своей груди и Каразинъ, рыдая какъ ребенокъ, бросился къ его ногамъ со словами:

— Клянусь, что буду всегда говорить правду.

Александръ усадилъ его, долго бесѣдовалъ съ нимъ, велѣлъ ему писать къ себѣ въ собственныя руки, двери кабинета были открыты для него...

Маркиза Позу допускать ко мнѣ
Впередъ безъ всякаго доклада.

...Маркизъ Поза нашъ началъ свою политическую карьеру года за два передъ тѣмъ. Двадцати пяти лѣтъ онъ оставилъ военную службу. Образованный, съ рѣдкой многосторонностью, онъ простился съ Семеновскимъ полкомъ, для того, чтобъ изучать Россію и заниматься точными науками. Когда молодой человѣкъ вглядѣлся въ положеніе несчастной Россіи, стягаемой направо и налѣво, безъ разбору, ея палачемъ, такой ужасъ, такое отвращеніе, такое отчаяніе овладѣли его душой, что онъ рѣшился, во что бы ни стало, уѣхать въ чужіе края. Заграничные паспорты были запрещены. Каразину не дали дозволенія ѣхать. Онъ рѣшился перебраться черезъ границу безъ паспорта. При переправкѣ черезъ Нѣманъ, его схватили драгуны и свезли въ Ковно.

Гибель Каразина была неминуема. Онъ хватился за самое опасное и несбыточное средство, оно спасло его. Предупреждая офиціальное донесеніе, онъ послалъ 14 августа 1798 съ эстафетой слѣдующее письмо къ Павлу:

14 августа 1798. Ковно.

Государь,

«Несчастный преступникъ осмѣливается къ Тебѣ писать: преступникъ противъ Твоихъ повелѣній, Самодержецъ Россіи, не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня *единый* лучь твоей прозорливости прежде, нежели сожжетъ молнія Твоего гнѣва!

«Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну Твоей державы: покусился, вопреки Твоей, *двукратно*, т. е. всенародно и частно, на мое лицо, выраженной воли. Ночью противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправкѣ въ Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатерининскаго гренадерскаго полка: въ короткое время достигнетъ о томъ офиціальное донесеніе.

«Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободской украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что онѣ не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ. Оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей.

«Прими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ Твоего правле-

нія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства Твоего, молвою вѣроятно удесятеренные, грозили мысли и воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскорбить Тебя. Но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ...

«Теперь въ волѣ Твоей наказать меня—и оправдать страхъ мой, или простить, и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что я столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердомъ!»

Павлу не часто приходилось читать такія письма. Ужасъ передъ его деспотизмомъ, заставившій молодого человѣка бѣжать, и простодушное признаніе его взяли Павла врасплохъ. Опираясь преднамѣренно неловко на трость, Павелъ сказалъ приведенному къ нему *преступнику*: «Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься, что служба въ Россіи можетъ быть не дурна и при мнѣ: при комъ хочешь ты служить?» Хотя намѣреніе Каразина перебраться черезъ границу и не было доказательствомъ особенно сильнаго желанія испытывать прелесть павловской службы, но тутъ разсуждать было нечего, Каразинъ назвалъ Трощинскаго. Павелъ велѣлъ его опредѣлить и оставить въ покоѣ.

Для Александра такой человѣкъ былъ кладъ, казалось, что онъ понялъ это. Неутомимая дѣятельность Каразина и глубокое, научное образованіе его были поразительны: онъ былъ астрономъ и химикъ, агрономъ, статистикъ, не риторъ, какъ Карамзинъ, не доктринеръ, какъ Сперанскій, а живой человѣкъ, вносившій во всякій вопросъ совершенно новый взглядъ и совершенно вѣрное требованіе.

Сначала императоръ безпрестанно посылаетъ за нимъ, пишетъ ему собственноручныя записки [1]). Каразинъ, упоенный успѣхомъ, удесятеряетъ свои силы, пишетъ проекты, между прочимъ, проектъ министерства просвѣщенія, подаетъ записку объ *искорененіи рабства* (т. е. крѣпостного состоянія) въ народѣ, въ которой прямо говоритъ, что послѣ того, что дворяне освобождены имъ дарованной грамотой, чередъ за крестьянами: вмѣстѣ съ тѣмъ пишетъ о народныхъ школахъ, составляетъ самъ два катехизиса, одинъ *свѣтскій*, одинъ духовный, и вдругъ, въ пущій разгаръ своего фавера, беретъ отпускъ и пропадаетъ на своей родинѣ, въ Малороссіи. Не думайте, что онъ поѣхалъ отдохнуть, набрать новыхъ силъ, такіе люди не устаютъ, нѣтъ, онъ возвращается черезъ нѣсколько недѣль въ Петербургъ съ 618.000 р. с., которые онъ вымолилъ, выплакалъ у харьковскаго и полтавскаго дворянства и

[1]) Какъ хотѣлось бы намъ видѣть эти записки. Такія достоянія исторіи не должно хранить подъ спудомъ.

купечества, на учрежденіе университета въ Харьковѣ. Государь хочетъ наградить его, Каразинъ отказывается. «Я становился, государь, на колѣна передъ дворянами и купцами, я вымаливалъ у нихъ деньги со слезами, да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все это изъ желанія получить награду».

Александръ имъ доволенъ, все идетъ хорошо, но уже замѣтна какая-то непріязненная сила, которая то тамъ подкатитъ бревно подъ колеса, то тутъ опуститъ тормазъ...

Проектъ министерства просвѣщенія утвержденъ, но ужъ онъ не тотъ; утвержденъ и проектъ харьковскаго университета, но колоссальный замыселъ Каразина суживается въ обыкновенные размѣры нѣмецкой провинціальной Hoch Schule. Каразинъ мечталъ о центральномъ учебномъ заведеніи, не только всей Малороссіи, но и юго-западныхъ славянъ, даже грековъ. Ему хотѣлось привлечь туда величайшія знаменитости ученаго міра. Лапласъ и Фихте согласились ѣхать, вызванные имъ, но правительство нашло ихъ не по карману.

Едва замѣчая *неудачу своихъ удачъ*, Каразинъ выписываетъ изъ чужихъ краевъ, на свой счетъ, въ Харьковъ тридцать два семейства типографовъ, переплетчиковъ и другихъ работниковъ, является во дворцѣ вдовствующей императрицы, пишетъ для нея трактаты о женскомъ воспитаніи, статьи о педагогіи и пр. Это его нисколько не отрываетъ отъ другихъ порученій Александра и отъ другихъ предпринятыхъ работъ. Съ небольшимъ въ два года онъ успѣлъ, сверхъ сказаннаго, написать уставъ для академіи, для университетовъ, для всѣхъ учебныхъ заведеній, собрать матеріалы для исторіи финансовъ и для исторіи медицины въ Россіи, заняться собраніемъ первыхъ статистическихъ свѣдѣній и привести въ порядокъ государственный архивъ.

Въ 1804 г. Каразинъ возвратился съ слѣдствія, которое онъ дѣлалъ, совокупно съ Державинымъ, надъ губернаторомъ Лопухинымъ. Злоупотребленія этого человѣка, находившаго сильную поддержку, были раскрыты. Лопухинъ отданъ подъ судъ. Оставалось наградить слѣдопроизводителей; но уже нитка, по которой Маркиза Позу пускали ходить, была коротка

Ничего не замѣчая, онъ явился къ государю. Государь его принялъ съ насупившимися бровями. Каразинъ стоялъ, какъ пораженный громомъ.

— Ты хвастаешься моими письмами?

— Государь... Но государь не далъ ему отвѣтить.

— Посторонніе знаютъ, что я тебѣ писалъ одному и никому не показывалъ. Ты можешь идти.

Каразинъ вышелъ, и между ними все было кончено. Каразинъ подалъ въ отставку; государь принялъ его просьбу.

Итакъ, въ 1804 г. императоръ не зналъ, что содержаніе писемъ бываетъ извѣстно *почтовому вѣдомству*.

Поневолѣ вспомнишь печальный анекдотъ, разсказанный Н. И. Тургеневымъ, какъ Александръ гдѣ-то на конгрессѣ, получивъ просьбу крестьянина, проданнаго своимъ помѣщикомъ, спросилъ Тургенева, «будто законами дозволяется продажа людей безъ земли, и будто продажа въ розницу допускается?» Тургеневъ, знавшій хаосъ законовъ по этой части, хотѣлъ воспользоваться вопросомъ, чтобъ уничтожить невольническую продажу и, разумѣется, не успѣлъ. Послѣ засѣданія въ совѣтѣ, на которомъ Тургеневъ горячился, В. П. Кочубей подошелъ къ нему и, горько улыбаясь, сказалъ: «И вы думаете, что изъ этого что-нибудь будетъ?.. *Вы лучше вотъ чему подивитесь, что государь и не зналъ, что у насъ людей продаютъ по одиночкѣ!*»

V.

Faremo da se!

Когда двери государева кабинета затворились для Каразина, онъ еще сдѣлалъ опытъ, пользуясь правомъ ему предоставленнымъ, писать къ нему. Но Маркизъ Поза не имѣлъ больше интереса для коронованнаго Донъ Карлоса; къ тому же Александръ теперь былъ поглощенъ и занятъ вопросами другой важности, вопросами европейскими, онъ мѣрился съ Наполеономъ и напрашивался на войну, которая должна была кончиться тѣмъ, что насъ побьютъ подъ Аустерлицомъ.

Начинаетъ заниматься другимъ и Каразинъ; онъ, какъ отверженный любовникъ, par dépit amoureux, бросается въ дѣятельность, изумительно многостороннюю. Въ его огненной, безпокойной головѣ несутся, чередуются, переплавляются вереницы мыслей, государственные планы, агрономическіе проекты, ученыя теоріи, машины, наблюденія, снаряды, новое винокуреніе, усовершенствованіе кожевеннаго производства, земледѣльческіе опыты съ иностранными сѣменами, легкій способъ сушить и сохранять плоды и пр. Начинается война,—Каразинъ пишетъ о средствахъ умноженія селитры, дѣлаетъ мясные консервы и рядомъ съ этимъ хлопочетъ объ учрежденіи повсемѣстныхъ метеорологическихъ наблюденій въ Россіи; ставитъ въ 1808 году совершенно *ясныя наукообразныя* требованія по этой части, которыя наука до сихъ поръ не можетъ удовлетворить; ищетъ средствъ употребить на пользу воздушное электричество, заводитъ филотехническое общество въ Слободско-украинской губерніи, печется о своемъ харьковскомъ университетѣ и пр., и пр.

Но главная мысль, главная боль, основной тонъ жизни не тутъ.

Улучшая винокуренные заводы и стараясь на дѣло употребить воздушное электричество, Каразинъ страстно слѣдитъ за другими событіями и ищетъ другого громоотвода. Между тѣмъ время идетъ да идетъ.

Александръ царствуетъ уже двадцатый годъ. Чего и чего не было съ тѣхъ поръ, какъ, со слезами на глазахъ, онъ читалъ письмо Каразина?.. Тильзитъ и 1812 годъ Москва и Парижъ, Вѣнскій конгресъ и св. Елена. Общественное мнѣніе, разбуженное столькими выстрѣлами и толчками, двинулось впередъ, правительство стало отставать. Александръ не исполнилъ своихъ обѣщаній. Неудовольствіе росло,- народъ, давшій столько крови и получившій за это шишковскую прозу манифеста, роптал на новый рекрутскій наборъ тѣмъ больше, что поговаривали о безсмысленной войнѣ для поддержанія австрійскаго ига въ Италіи, о повтореніи нелѣпѣйшей суворовской кампаніи.

Молодые люди, энергическіе и образованные смотрятъ угрюмо. Каразинъ все это видитъ, но онъ продолжаетъ вѣрить, что Александръ *можетъ и хочетъ* предупредить собирающуюся бурю.

Въ началѣ 1820 года, государь простилъ какой-то казенный долгъ тестю Каразина. Каразинъ просилъ дозволеніе лично принести свою благодарность -отказъ. Онъ написалъ государю письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ:

«Я ничего особливаго писать не буду; но попрошу только, потребуйте, всем. государь, у графа Виктора Павловича бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 марта, по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, писанное къ нему изъ Масальской его деревни купцомъ Роговымъ отъ 1-го апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ. Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей *человѣка, столь удаленнаго отъ меня по всѣмъ отношеніямъ*, съ моими, и со всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно *съ 1817 года*, когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украины вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что *точно такъ* изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ, предъ наступленіемъ гибельнаго переворота, и что *точно такъ* были пренебрегаемы! «Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage que quand il éclate», сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены (p. 93, § CCCLXVII). Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманіе. *Должно* въ себѣ заключать нѣчто справедливое, тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени! Довольно, если половина, если *нѣкоторая доля* есть тутъ основательнаго!»

... «Время— говоритъ онъ въ запискѣ поданной по приказанію государя В. П. Кочубею- время укрѣпить разслабѣвающій составъ нашего государства: время замѣнить *религіозное* къ престолу почтеніе —другимъ, основаннымъ на законахъ».

«Конечно годъ, два, можетъ, и болѣе еще протянется, но для того-то я теперь и пишу, *для того-то и отважеваю всего себя*. Моя участь должна быть или ссылка за Байкалъ, *пока еще ссылать можно*, или смерть съ оружіемъ въ рукахъ при защищеніи послѣдняго входа къ комнатамъ государевымъ. Тогда я писать ужъ не стану».

Каразинъ умоляетъ государя «не вѣрить словамъ, которыми губернаторы его встрѣчаютъ, *все благополучно, все по прежнему!*» — «Великая перемѣна, говоритъ онъ, произошла и ежедневно происходитъ въ умахъ»... Въ семеновской исторіи онъ явно видитъ «ступеньку лѣстницы, которую строитъ *для насъ духъ вѣка*».

Но гдѣ же его громоотводы? Вотъ они. «Постепенное освобожденіе крестьянъ и вызовъ выборныхъ людей отъ всего *дворянства*, какъ представителей общественнаго мнѣнія въ семейномъ совѣтѣ правительства»: этой Думой, полагаетъ Каразинъ, «будетъ спасено все и безъ ущерба монархической власти, лишь бы не ушло время». Земля, единственная въ своемъ составѣ, въ преддверіи величайшаго твоего несчастія, ты можешь еще быть спасена *искреннимъ семейнымъ союзомъ твоего государя съ его дворянствомъ!* Впрочемъ, да будетъ какъ и во всемъ воля божія!

... «Да и что можетъ потерпѣть самодержавіе отъ довѣренности къ тому сословію, котораго участь *тѣснѣйшимъ образомъ съ нимъ соединена?*

... «Всѣ мѣры полицейской и духовной цензуры недостаточны противъ распространяющихся мнѣній. Излишняя строгость возмущаетъ лишь сердца. Натянутая вервь внезапно перервется. Въ многихъ *разночинцахъ и отпущенникахъ* я предвижу злодѣевъ, которые превзойдутъ Робеспіеровъ. Есть и дворяне, прожившіе свое имѣніе, воспитанные въ развратѣ и дурныхъ началахъ, недовольные службою, слѣдовательно, готовые присоединиться къ черни. Время Пугачева, московскаго бунта при Еропкинѣ и явленія безначалія при нашествіи въ 1812 году, въ разныхъ мѣстахъ Московской и Калужской губерніи (?) оказавшіяся, возвѣщаютъ заблаговременно, какова чернь наша при невозбранномъ употребленіи вина!»

На этотъ крикъ ужаса и предостереженія, императоръ Александръ велѣлъ В. П. Кочубею потребовать у Каразина «подробностей, доказательства, имена».

Каразинъ отказался. Государь велѣлъ его посадить въ крѣпость и потомъ удалить на житье въ его малороссійское имѣніе.

ЕЩЕ РАЗЪ БАЗАРОВЪ[1]).

Письмо первое.

Вмѣсто письма, любезный другъ, посылаю тебѣ диссертацію, да еще не оконченную. Послѣ нашего разговора, я перечиталъ статью Писарева о Базаровѣ, которую совсѣмъ забылъ, и очень радъ этому, т. е. не тому, что забылъ, а тому, что перечиталъ. Статья эта подтверждаетъ мою точку зрѣнія. Въ своей односторонности, она вѣрнѣе и замѣчательнѣе, чѣмъ объ ней думали ея противники.

Вѣрно ли понялъ Писаревъ Тургеневскаго Базарова, до этого мнѣ дѣла нѣтъ. Важно то, что онъ въ Базаровѣ узналъ *себя* и *своихъ* и добавилъ, чего не доставало въ книгѣ. Чѣмъ Писаревъ меньше держался колодокъ, въ которыя разгнѣванный родитель старался вколотить упрямаго сына, тѣмъ свободнѣе перенесъ на него свой идеалъ.

— «Но въ чемъ же можетъ быть интересенъ для насъ идеалъ г. Писарева? Писаревъ бойкій критикъ, онъ писалъ много, писалъ обо всемъ, иногда о такихъ предметахъ, которые зналъ, но все это не даетъ его идеалу права на общее вниманіе».

Въ томъ-то и дѣло, что это не его личный идеалъ, а тотъ идеалъ, который *до* Тургеневскаго Базарова и послѣ *него* носился въ молодомъ поколѣніи и воплощался не только въ разныхъ героевъ повѣстей и романовъ, но въ живыя лица, старавшіяся принять въ основу дѣйствій и словъ своихъ Базаровщину. То, что Писаревъ говоритъ, я слышалъ и видѣлъ десять разъ; онъ простодушно разболталъ задушевную мысль цѣлаго круга и, собравъ въ одномъ фокусѣ разсѣянные лучи, освѣтилъ ими нормальнаго Базарова.

Базаровъ для Тургенева больше, чѣмъ посторонній, для Писарева больше, чѣмъ свой: для изученія, конечно, надобно взять тотъ взглядъ, который въ Базаровѣ видитъ свой desideratum.

Противники Писарева испугались его неосторожности; отрекаясь

[1]) Поляр. Звѣзда. т. VIII. стр. 141.

отъ Тургеневскаго Базарова, какъ отъ шаржи, они отмахивались еще больше отъ его преображеннаго двойника; имъ было непріятно, что Писаревъ опростоволосился, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ его невѣрно понялъ.

Писаревъ знаетъ сердце своего Базарова до тла, онъ исповѣдуется за него. «Можетъ быть», говоритъ онъ, «Базаровъ въ глубинѣ души признаетъ многое изъ того, что отрицаетъ на словахъ, и, можетъ быть, именно это признаваемое, это затаившееся спасаетъ его отъ нравственнаго паденія и отъ нравственнаго ничтожества». Мы считаемъ эту нескромность, заглянувшую такъ далеко въ чужую душу, очень важной.

Дальше Писаревъ такъ характеризуетъ своего героя: «Базаровъ чрезвычайно самолюбивъ, но самолюбіе его незамѣтно (ясно, что это не Тургеневскій Базаровъ), именно вслѣдствіе этой громадности. Удовлетворить Базарова могла бы только *цѣлая вѣчность постоянно расширяющейся дѣятельности и постоянно увеличивающагося наслажденія* [1]).

«Б. вездѣ и во всемъ поступаетъ только такъ, какъ ему хочется, или какъ ему кажется выгоднымъ и удобнымъ, имъ управляетъ только личная прихоть или личные расчеты. Ни подъ собой, ни внѣ себя, ни внутри себя онъ не признаетъ никакого регулятора. Впереди никакой высокой цѣли, въ умѣ никакого высокаго помысла и при всемъ этомъ силы огромныя. Если Базаровщина *болѣзнь*, то она болѣзнь нашего времени и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какія ампутаціи и палліативы.

«Б. смотритъ на людей сверху внизъ и даже рѣдко даетъ себѣ трудъ скрывать *свои полу-презрительныя и полу-покровительственныя отношенія* къ тѣмъ, которые его ненавидятъ, и къ тѣмъ, которые слушаются. Онъ никого не любитъ. Онъ считаетъ совершенно излишнимъ стѣснять свою особу въ чемъ бы то ни было. Въ его цинизмѣ двѣ стороны—внутренняя и внѣшняя, цинизмъ мыслей и чувствъ и цинизмъ манеръ и выраженій. Ироническое отношеніе къ чувству всякаго рода, къ мечтательности, къ лиризму составляетъ сущность внутренняго цинизма. Грубое выраженіе этой ироніи, *безпричинная и безцѣльная* рѣзкость въ обращеніи относятся къ внѣшнему цинизму. Б. не только эмпирикъ, онъ, кромѣ того, неотесанный буршъ. Въ числѣ почитателей Б. найдутся, навѣрное, такіе люди, которые будутъ восхищаться его грубыми манерами, слѣдами бурсацкой жизни, будутъ подражать

[1]) Юность любитъ выражаться разными несоизмѣримостями и поражать воображеніе безконечно великими образами. Послѣдняя фраза мнѣ такъ и напоминаетъ Карла Мора, Фердинанда и Донъ-Карлоса.

этимъ манерамъ, составляющимъ во всякомъ случаѣ *недостатокъ*, а не достоинство [1]).

«Такіе люди всего чаще вырабатываются при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни: отъ суроваго труда грубѣютъ руки, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства, человѣкъ крѣпнетъ и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности: за работой мечтать нельзя, на мечту человѣкъ смотритъ, какъ на блажь, свойственную праздности и барской изнѣженности, нравственныя страданія онъ считаетъ мечтательными, нравственныя стремленія и подвиги — придуманными и нелѣпыми. *Онъ чувствуетъ отвращеніе къ фразистости*».

Затѣмъ Писаревъ представляетъ генеалогическое дерево Базарова: Онѣгины и Печорины родили Рудиныхъ и Бельтовыхъ, Рудины и Бельтовы—Базарова. (По волѣ или по неволѣ выпущены декабристы, не знаю).

Усталые, скучающіе люди замѣняются людьми, стремящимися къ дѣлу, жизнь бракуетъ обоихъ, какъ негодныхъ и неполныхъ. «Пострадать имъ иногда придется, но сдѣлать дѣло никогда не удается. Общество къ нимъ глухо и неумолимо. Они не умѣютъ ужиться съ его условіями, ни одинъ изъ нихъ не дослужился до *начальниковъ отдѣленія*. Иные утѣшаются, становясь профессорами и работая для будущаго поколѣнія». Отрицательная польза, приносимая ими, не подлежитъ сомнѣнію. Они размножаютъ людей *неспособныхъ* къ практической дѣятельности, вслѣдствіе чего самая практическая дѣятельность, или, вѣрнѣе, тѣ формы, въ которыхъ она обыкновенно выражается теперь, медленно, но постоянно понижается въ мнѣніи общества.

«Казалось (послѣ крымской кампаніи), что Рудинству приходитъ конецъ, что за эпохой безплодныхъ мечтаній и стремленій наступаетъ эпоха кипучей и полезной дѣятельности. Но миражъ разсѣялся. Рудины не сдѣлались практическими дѣятелями, изъ-за нихъ выдвинулось новое поколѣніе, которое *съ укоромъ и насмѣшкой* отнеслось къ своимъ предшественникамъ. «Объ чемъ вы ноете, чего вы ищете, чего просите отъ жизни? Вамъ небось счастья

[1]) Предсказаніе сбылось. Странная вещь это взаимодѣйствіе людей на книгу и книги на людей. Книга беретъ весь складъ изъ того общества, въ которомъ возникаетъ, обобщаетъ его, дѣлаетъ болѣе нагляднымъ и рѣзкимъ и вслѣдъ за тѣмъ бываетъ обойдена реальностью. Оригиналы дѣлаютъ шаржу своихъ рѣзко оттѣненныхъ портретовъ и дѣйствительныя лица вживаются въ свои литературныя тѣни. Въ концѣ прошлаго вѣка всѣ нѣмцы сбивали немного на Вертера, всѣ нѣмки на Шарлоту; въ началѣ нынѣшняго университетскіе Вертеры стали превращаться въ «разбойниковъ», не настоящихъ, а шиллеровскихъ. Русскіе молодые люди, пріѣзжавшіе послѣ 1862, почти всѣ были изъ «Что дѣлать?» съ прибавленіемъ нѣсколькихъ базаровскихъ чертъ.

хочется? Да, вѣдь, мало что! Счастье надо завоевать. Есть силы, берите его. Нѣтъ силъ—*молчите*, а то и безъ васъ тошно!» Мрачная, сосредоточенная энергія сказывалась въ этомъ *недружелюбномъ* отношеніи молодого поколѣнія къ своимъ наставникамъ. Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ, это поколѣніе сходилось съ лучшими людьми предыдущаго, симпатіи и антипатіи были общія; *желали они одного и того же*, но люди прошлаго *метались и суетились*. Люди настоящаго не мечутся, ничего не ищуть, не подаются ни на какіе компромиссы и *ни на что не надѣются*. Они такъ же безсильны, какъ Рудины, но они сознали свое безсиліе.

«Я не могу дѣйствовать теперь, думаетъ каждый изъ этихъ новыхъ людей, не стану и пробовать. *Я презираю все, что меня окружаетъ* и не стану скрывать моего презрѣнія. Въ борьбу со зломъ я пойду, когда почувствую себя сильнымъ. Не имѣя возможности дѣйствовать, люди начинають думать и изслѣдовать... Суевѣрія и авторитеты разбиваются вдребезги и міросозерцаніе совершенно очищается отъ разныхъ призрачныхъ представленій. Имъ дѣла нѣтъ, идетъ ли за ними общество: они полны собой, своей внутренней жизнью. Словомъ, у Печориныхъ *есть воля безъ знанія*, у Рудиныхъ—*знаніе безъ воли*, у Базаровыхъ—*и знаніе, и воля*. Мысль и дѣло сливаются въ одно твердое цѣлое».

Тутъ все есть, какъ видишь, если нѣтъ ошибки, и характеристика, и классификація—все коротко и ясно, сумма подведена, счетъ поданъ и съ той точки зрѣнія, съ которой авторъ взялъ вопросъ, совершенно вѣрно.

Но мы этого счета не принимаемъ и протестуемъ противъ него изъ нашихъ преждевременныхъ и не наступившихъ могилъ. Мы не Карлъ V и никакъ не хотимъ, чтобы насъ хоронили живыми.

Странныя судьбы *отцовъ и дѣтей!* Что Тургеневъ вывелъ Базарова не для того, чтобъ погладить по головкѣ,—это ясно: что онъ хотѣлъ что-то сдѣлать въ пользу отцовъ,—и это ясно. Но въ соприкосновеніи съ такими жалкими и ничтожными отцами, какъ Кирсановы, крутой Базаровъ увлекъ Тургенева, и вмѣсто того, чтобъ посѣчь сына, онъ выпоролъ отцовъ.

Оттого-то и вышло, что часть молодого поколѣнія узнала себя въ Базаровѣ. Но мы вовсе не узнаемъ себя въ Кирсановыхъ, такъ, какъ не узнавали себя ни въ Маниловыхъ, ни въ Собакевичахъ, несмотря на то, что Маниловы и Собакевичи существовали сплошь да рядомъ во время нашей молодости и теперь существуютъ.

Мало ли какія стада нравственныхъ недоносковъ живутъ въ одно и то же время въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ направленіяхъ его: безъ сомнѣнія, они представляютъ больше или меньше общіе типы, но не представляютъ самой рѣзкой и характеристичной стороны своего поколѣнія, стороны, наиболѣе выража-

ющей его интенсивность. Писаревскій Базаровъ, въ одностороннемъ смыслѣ, до нѣкоторой степени предѣльный типъ того, что Тургеневъ назвалъ *сыновьями;* въ то время, какъ Кирсановы самые стертые и пошлые представители отцовъ.

Тургеневъ былъ больше художникъ въ своемъ романѣ, чѣмъ думаютъ; и оттого сбился съ дороги, и, по моему, очень хорошо сдѣлалъ,—шелъ въ комнату, попалъ въ другую, за то въ лучшую.

Что бы ему было прислать Базарова въ Лондонъ? Плюгавый Писемскій не побоялся путевыхъ расходовъ для взбаламученныхъ уродцевъ своихъ. Мы, можетъ быть, доказали бы ему на берегахъ Темзы, что можно, и не дослуживаясь до *начальника отдѣленія*, приносить не меньше пользы, чѣмъ приноситъ любой *начальникъ департамента*, что общество не всегда глухо и неумолимо, когда протестъ попадаетъ въ тонъ, что дѣло иногда удается, что у Рудиныхъ и Бельтовыхъ иной разъ бываетъ и воля, и настойчивость, и что, видя невозможность дѣятельности, къ которой они стремились по внутреннему влеченію, они бросали *многое*, уѣзжали на чужбину и заводили, «не метавшись и не суетясь», русскую книгопечатню.

Вліяніе лондонскаго станка отъ 1856 до конца 1863 года не только практическій фактъ, но фактъ историческій. Стереть его нельзя, съ нимъ надобно примириться.

Базаровъ въ Лондонѣ увидѣлъ бы, что это только издали казалось, что мы размахиваемъ руками, а что на самомъ дѣлѣ мы ими работали. Можетъ, онъ смѣнилъ бы гнѣвъ на милость и перестал бы относиться къ намъ «съ укоромъ и насмѣшкой».

Я признаюсь откровенно, мнѣ лично это метанье камнями въ своихъ предшественниковъ—противно. Повторяю сказанное («Былое и Думы», IV томъ): «Хотѣлось бы спасти молодое поколѣніе отъ исторической неблагодарности и даже отъ исторической ошибки. Пора отцамъ-Сатурнамъ не закусывать своими дѣтьми, но пора и дѣтямъ не брать примѣра съ тѣхъ камчадаловъ, которые убиваютъ своихъ стариковъ».

Неужели за одной природой остается право, что ея фазы и ступени развитія, отклоненія и уклоненія, даже avortements, изучаются, принимаются, обдумываются sine ira et studio, а какъ дойдеть дѣло до исторіи, — тотчасъ въ сторону методъ физіологическій, и на мѣсто его уголовная палата и управа благочинія?

Онѣгины и Печорины прошли.

Рудины и Бельтовы проходятъ.

Базаровы пройдутъ... и даже очень скоро. Это слишкомъ натянутый, школьный, взвинченный типъ, чтобъ ему долго удержаться.

Всѣ возникнувшіе типы пройдутъ и всѣ, съ той неутрачиваемостью однажды возбужденныхъ силъ, которую мы научились

узнавать въ физическомъ мірѣ, останутся и взойдутъ, видоизмѣняясь въ будущее движеніе Россіи и въ будущее устройство ея.

А потому, не интереснѣе ли, вмѣсто того, чтобы стравлять Базарова съ Рудинымъ, разобрать, въ чемъ *красныя нитки*, ихъ связующія, и въ чемъ причины ихъ возникновеній и ихъ превращеній? Почему именно эти формы развитія вызвались нашей жизнью и почему онѣ такъ переходили одна въ другую? Несходство ихъ очевидно, но чѣмъ-нибудь были же онѣ и близки другъ другу.

Типы легко схватываютъ различія, для рѣзкости въ нихъ увеличиваютъ углы и выпуклости, обводятъ густой краской предѣлы, обрываютъ связи, переливы теряются и единство остается вдали, за туманомъ, какъ поле, соединяющее подошвы горъ, далекихъ другъ отъ друга, ярко освѣщенными вершинами.

Къ тому же мы грузимъ на плечи типовъ больше, чѣмъ они могутъ вынести, и придаемъ имъ въ жизни значеніе, котораго они не имѣли или имѣли въ ограниченномъ смыслѣ. Брать Онѣгина за *положительный* типъ умственной жизни двадцатыхъ годовъ, за интегралъ всѣхъ стремленій и дѣятельностей проснувшагося слоя совершенно ошибочно, хотя онъ и представляетъ одну изъ сторонъ тогдашней жизни.

Типъ того времени,—это *декабристъ*, а не Онѣгинъ. Русская литература не могла до него касаться цѣлыя сорокъ лѣтъ, но онъ отъ этого не сталъ меньшимъ.

Сердиться на то, что эти люди явились въ единственномъ сословіи, въ которомъ было какое-нибудь образованіе, какой-нибудь досугъ и какая-нибудь обезпеченность—безсмысленно. Если-бъ эти «князья, бояре, воеводы», эти статсъ-секретари и полковники не проснулись первые отъ нравственнаго голода и ждали, чтобъ ихъ разбудилъ голодъ физическій, то не было бы не только ноющихъ и безпокойныхъ Рудиныхъ, но и почившихъ въ своемъ «единствѣ воли и знанія» Базаровыхъ. А былъ бы какой-нибудь полковой лекарь, который морилъ бы солдатъ, обкрадывая ихъ на пайкахъ и лекарствахъ, и продавалъ бы приказчику Кирсанова свидѣтельства о естественной смерти засѣченныхъ крестьянъ, или былъ бы повытчикъ-взяточникъ, вѣчно пьяный, лупилъ бы четвертаки съ крестьянъ и подавалъ бы шинель и калоши его превосходительству, начальнику губерніи, Кирсанову. Да, сверхъ того, не было бы смертельнаго удара крѣпостному состоянію.

Счастье, что рядомъ съ людьми, которыхъ барскія затѣи состояли въ псарнѣ и дворнѣ, въ насилованіи и сѣченіи дома, въ раболѣпствѣ въ Петербургѣ, нашлись такіе, которыхъ «затѣи» состояли въ томъ, чтобъ вырвать изъ ихъ рукъ розгу и добиться простора не ухарству на отъѣзжемъ полѣ, а простора уму и человѣческой жизни.

Если въ литературѣ сколько-нибудь отразился слабо, но съ родственными чертами, типъ декабриста—это въ Чацкомъ.

Въ его озлобленной, желчевой мысли, въ его молодомъ негодованіи слышится здоровый порывъ къ дѣлу, онъ чувствуетъ, чѣмъ недоволенъ, онъ головой бьетъ въ каменную стѣну общественныхъ предразсудковъ и пробуетъ, крѣпки ли рѣшетки. Чацкій шелъ прямой дорогой на каторжную работу, и, если онъ уцѣлѣлъ 14 декабря, то навѣрно не сдѣлался ни страдательно тоскующимъ, ни гордо презирающимъ лицомъ. Онъ скорѣе бросился бы въ какую-нибудь негодующую крайность, какъ Чаадаевъ, сдѣлался бы католикомъ, ненавистникомъ славянъ или славянофиломъ, но не оставилъ бы ни въ какомъ случаѣ своей пропаганды, которой не оставлялъ ни въ гостиной Фамусова, ни въ его сѣняхъ, и не успокоился бы на мысли, «что его часъ не насталъ». У него была та безпокойная неугомонность, которая не можетъ выносить диссонанса съ окружающимъ и должна или сломить его, или сломиться. Это то броженіе, въ силу котораго невозможенъ застой въ исторіи и невозможна плѣсень на текущей, но замедленной волнѣ ея.

Чацкій, если-бъ пережилъ первое поколѣніе, шедшее за 14 декабремъ въ страхѣ и трепетѣ,—черезъ нихъ протянулъ бы горячую руку намъ. Съ нами Чацкій возвращался на *свою* почву. Эти rimes croisées—черезъ поколѣнія не рѣдкость, даже въ зоологіи. И я глубоко убѣжденъ, что мы съ дѣтьми Базарова встрѣтимся симпатично и они съ нами «безъ озлобленія и насмѣшки».

Чацкій не могъ бы жить сложа руки, ни въ капризной брюзгливости, ни въ надменномъ самообоготвореніи; онъ не былъ на столько старъ, чтобъ находить удовольствіе въ ворчливомъ будированіи и не былъ такъ молодъ, чтобъ наслаждаться отроческими самоудовлетвореніями. Въ этомъ характерѣ безпокойнаго фермента, бродящихъ дрожжей, вся сущность его.

Но именно эта-то сторона и не нравится Базарову, она-то его и озлобляетъ въ его гордомъ стоицизмѣ. «Молчите въ своемъ углу, коли силъ нѣтъ что-нибудь дѣлать, а то и безъ вашего хныканья тошно, говоритъ онъ,—побиты, ну и сидите побитые... Что вамъ ѣсть, что ли, нечего, что плачете, это все барскія затѣи», и т. д.

Писаревъ долженъ былъ такъ говорить за Базарова, этого требовала его роль.

Не играть роли, пока она нравится, трудно. Снимите съ Базарова его мундиръ, заставьте его забыть жаргонъ, на которомъ онъ говоритъ, дайте ему волю *просто*, безъ *фразы* (ему, который такъ ненавидитъ *фразерство!*), сказать одно слово, дайте ему на минуту забыть свою ежевую обязанность, свой искусственно сухой языкъ, свою стегающую роль,—и мы объяснимся во всемъ остальномъ въ одинъ часъ.

«Въ своихъ понятіяхъ о добрѣ и злѣ новое поколѣніе сходилось съ прошедшимъ. Симпатіи и антипатіи, говоритъ Писаревъ, были общи, желали они одного и того же... въ глубинѣ души они признаютъ многое, что отрицаютъ на словахъ». Мудрено ли послѣ этого столковаться.

Но пока облаченье не снято, Базаровъ послѣдовательно требуетъ отъ людей, сдавленныхъ всѣмъ на свѣтѣ, оскорбленныхъ, измученныхъ, лишенныхъ и сна и возможности на яву дѣлать что-нибудь, чтобъ они не говорили о боли, это сильно сбивается на Аракчеевщину.

На какомъ же основаніи отнять право на горькую жалобу Лермонтова, напр., на его упреки своему поколѣнію, отъ которыхъ многіе вздрогнули? Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ былъ бы лучше острогъ, если-бъ въ немъ тюремные сторожа были такъ же раздражительно нервны и привязчивы, какъ Базаровъ,—и подавили бы эти голоса?

— Да зачѣмъ они? Что проку?

— А зачѣмъ камень издаетъ звукъ, когда его бьютъ молотомъ?

— Онъ не можетъ иначе.

А почему эти господа думаютъ, что люди могутъ страдать цѣлыя поколѣнія безъ словъ, жалобы, негодованія, проклятія, протеста? Если не для другихъ нужна жалоба, то для самихъ жалующихся. Высказанная скорбь утомляетъ боль. Ihm, говоритъ Гёте, gab ein Gott zu sagen was er leidet.

— А намъ что за дѣло?

— Можетъ, вамъ и нѣтъ, такъ другимъ, можетъ, *есть;* но нельзя терять изъ виду, что каждое поколѣніе живетъ тоже и *для себя*. Съ точки зрѣнія исторіи оно переходъ, но въ отношеніи къ себѣ оно цѣль и не можетъ, не должно безропотно выносить на него падающія невзгоды,— особенно не имѣя даже того утѣшенія, которое имѣлъ Израилъ, ожидавшій Мессію, и вовсе не зная, что отъ Онѣгиныхъ и Рудиныхъ родится Базаровъ.

Въ сущности нашихъ юношей приводитъ въ ярость то, что въ нашемъ поколѣніи выражалась *наша* потребность дѣятельности, *нашъ* протестъ противъ существующаго *иначе*, чѣмъ у нихъ, и что мотивъ того и другого не всегда и не вполнѣ зависѣлъ отъ голода и холода.

Нѣтъ ли въ этомъ пристрастіи къ однообразію того же раздражительнаго духа, который сдѣлалъ у насъ изъ канцелярской формы сущность дѣла и изъ военныхъ эволюцій — шагистику? Изъ этой стороны русскаго характера развилась статская и военная Аракчеевщина. Всякое личное, индивидуальное проявленіе, отступленіе считалось непокорствомъ и возбуждало преслѣдованія и безпрерывныя придирки. Базаровъ не оставляетъ никого въ покоѣ, всѣхъ

задираетъ свысока. Каждое слово его—выговоръ высшаго низшему. Это не имѣетъ будущности.

«Если, говоритъ Писаревъ, Базаровщина болѣзнь нашего времени, то ее придется выстрадать».

Ну, и довольно. Болѣзнь эта къ лицу только до окончанія университетскаго курса; она, какъ прорѣзываніе зубовъ, совершеннолѣтію не пристала.

Худшая услуга, которую Тургеневъ оказалъ Базарову, состоитъ въ томъ, что не зная, какъ съ нимъ сладить, онъ его казнилъ тифомъ. Это такая ultima ratio, противъ которой никто не устоитъ. Уцѣлѣй Базаровъ отъ тифа, онъ, навѣрное, развился бы вонъ изъ Базаровщины, по крайней мѣрѣ въ науку, которую онъ любилъ и цѣнилъ въ физіологіи и которая не мѣняетъ своихъ пріемовъ, лягушка ли, или человѣкъ, эмбріологія ли, или исторія у нея въ передѣлѣ.

«Базаровъ выбилъ изъ своей головы всякіе предразсудки, затѣмъ онъ остался человѣкомъ крайне необразованнымъ. Онъ слыхалъ кое-что о поэзіи, кое-что объ искусствѣ, *не потрудился* подумать *и съ плеча* произнесъ приговоръ надъ незнакомымъ предметомъ. Эта заносчивость *свойственна намъ* вообще, она имѣетъ свои хорошія стороны, какъ умственная смѣлость, но за то порой приводитъ къ грубымъ ошибкамъ».

Наука спасла бы Базарова, онъ пересталъ бы глядѣть на людей свысока, съ глубокимъ и не скрываемымъ презрѣніемъ. Наука учитъ насъ смиренію. Она не можетъ ни на что глядѣть свысока, она не знаетъ, что такое *свысока*, она ничего не презираетъ, никогда не лжетъ для роли и ничего не скрываетъ изъ кокетства. Она останавливается передъ фактами, какъ изслѣдователь, иногда какъ врачъ, никогда какъ палачъ, еще меньше съ враждебностью и ироніей.

Наука, я, вѣдь, не обязанъ скрывать нѣсколько словъ въ тиши душевной, наука—*любовь*, какъ сказалъ Спиноза о мысли и вѣдѣніи.

Письмо второе.

Прошедшее оставляетъ въ исторіи *ступню*, по которой наука рано или поздно, возстановляетъ былое въ основныхъ чертахъ. Утрачивается одно случайное, освѣщеніе—подъ тѣмъ или другимъ угломъ, подъ которымъ оно проходило. Апотеозы и клеветы, пристрастія и зависти, все это вывѣтривается и сдувается. Легкая ступня, занесенная пескомъ, исчезаетъ; ступня, имѣвшая силу и настойчивость выдавить себя на камнѣ, и воскреснетъ подъ рукой честнаго труженика.

Связи, степени родства, завѣщатели и наслѣдники и ихъ взаимныя права, все раскроется геральдикой науки.

Безъ предшественниковъ родятся только богини, какъ Венера изъ пѣны морской. Минерва умнѣе ея, родилась изъ готовой головы Юпитера.

Декабристы—наши отцы, Базаровы—наши дѣти.

Мы отъ декабристовъ получили въ наслѣдство возбужденное чувство человѣческаго достоинства, стремленіе къ независимости, ненависть къ рабству, уваженіе къ Западу, юность и непочатость силъ.

Все это переработалось, стало инымъ, но основы цѣлы.

Что же наше поколѣніе завѣщало новому?

Нигилизмъ.

Вспомнимъ немного, какъ было дѣло.

Около сороковыхъ годовъ жизнь изъ-подъ туго придавленныхъ клапановъ стала сильнѣе прорываться. Во всей Россіи прошла едва уловимая перемѣна, та перемѣна, по которой врачъ замѣчаетъ прежде отчета и пониманья, что въ болѣзни *есть поворотъ* къ лучшему, что силы очень слабы, но будто поднялись, другой *тонъ*. Гдѣ-то внутри, въ нравственно-микроскопическомъ мірѣ, повѣялъ иной воздухъ, больше раздражительный, но и больше здоровый. Наружно все было мертво, но что-то пробудилось въ сознаніи, въ совѣсти—какое-то чувство неловкости, неудовольствія. Ужасъ притупился, людямъ надоѣло въ полумракѣ темнаго царства.

Я эту перемѣну видѣлъ своими глазами, пріѣхавши изъ ссылки, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ. Но я увидѣлъ это въ кругахъ литераторовъ и ученыхъ. Другой человѣкъ, котораго остзейская антипатія къ русскому движенію ставитъ выше подозрѣнія въ пристрастіи, разсказалъ не такъ давно, какъ онъ, возвратившись въ сороковыхъ годахъ въ петербургскую аристократію казармъ, послѣ отсутствія нѣсколькихъ лѣтъ, былъ озадаченъ послабленіемъ дисциплины. Флигель-адъютанты, гвардейскіе полковники роптали, критиковали мѣры правительства. Машина стала подаваться; всѣ это почувствовали, одни говорили, другіе молчали, запрещали говорить; но тѣ и другіе поняли, что въ сущности все идетъ плохо, что всему тяжело, и что отъ этой тяжести никому нѣтъ прока.

Замѣшался въ дѣло смѣхъ. Мерзость и запустѣніе низшей администраціи дошли до того, что правительство отдало ее на поруганье. Николай Павловичъ, помиравшій со смѣху въ своей ложѣ надъ Сквозникомъ-Дмухановскимъ и Держимордой, помогалъ пропагандѣ, не догадываясь, что смѣхъ, послѣ высочайшаго одобренія, пойдетъ быстро вверхъ по табели о рангахъ.

Приложить къ этому времени во всей ихъ рѣзкости рубрики Писарева трудно. Въ жизни все состоитъ изъ переливовъ, колебаній, перекрещиваній, захватываній и перехватываній, а не изъ отломленныхъ кусковъ.

Гдѣ окончились люди безъ знанія съ волей и начались люди съ знаніемъ безъ воли?

Природа рѣшительно ускользаетъ отъ взводнаго ранжира, даже отъ ранжира по возрастамъ. Лермонтовъ лѣтами былъ товарищъ Бѣлинскаго, онъ былъ вмѣстѣ съ нами въ университетѣ, а умеръ въ безвыходной безнадежности печоринскаго направленія, противъ котораго возставали уже и славянофилы и мы.

Кстати, я назвалъ славянофиловъ. Куда дѣть Хомякова и его «братчиковъ?» Что у нихъ было, воля безъ знанія, или знаніе безъ воли? А мѣсто они заняли не шуточное въ новомъ развитіи Россіи, они свою мысль далеко вдавили въ современный потокъ.

Или въ какой рекрутскій пріемъ и по какой мѣрѣ мы сдадимъ Гоголя? Знанія у него не было, была ли воля,—не знаю, сомнѣваюсь, а геній былъ и его вліяніе колоссально.

Итакъ, оставляя lapides crescunt, planta crescunt et vivunt... Писарева, пойдемъ далѣе.

Тайныхъ обществъ не было, но *тайное соглашеніе* понимающихъ было велико. Круги, составленные изъ людей, больше или меньше испытавшихъ на себѣ медвѣжью лапу, смотрѣли чутко за своимъ составомъ. Всякое другое дѣйствіе кромѣ слова, и то маскированнаго, было невозможно, зато слово пріобрѣло мощь, и не только печатное, но еще больше живое слово.

Двѣ батареи выдвинулись скоро. Періодическая литература дѣлается пропагандой, въ главѣ ея становится, въ полномъ разгарѣ молодыхъ силъ — Бѣлинскій. Университетскія каѳедры превращаются въ налои, лекціи въ проповѣди очеловѣченья, личность Грановскаго, окруженнаго молодыми доцентами, выдается больше и больше.

Вдругъ еще взрывъ смѣха. Страннаго смѣха, страшнаго смѣха, смѣха судорожнаго, въ которомъ былъ и стыдъ и угрызеніе совѣсти, и, пожалуй, не смѣхъ до слезъ, а слезы до смѣха. Нелѣпый, уродливый, узкій міръ «Мертвыхъ душъ» не вынесъ, осѣлъ и сталъ отодвигаться. А проповѣдь шла сильнѣй... все одна проповѣдь — и смѣхъ и плачъ, и книга и рѣчь, и Гегель [1]) и исторія,—все звало людей къ сознанію своего положенія, къ ужасу передъ крѣпост-

[1]) Діалектика Гегеля — страшный таранъ, она несмотря на свое двуличіе, на прусско-протестантскую кокарду, улетучивала все существующее и и распускала все мѣшавшее разуму. Къ тому же это было время Фейербаха, der kritischen Kritik...

нымъ правомъ и передъ собственнымъ безправіемъ, все указывало на науку и образованіе, на очищеніе мысли отъ всего традиціоннаго хлама, на свободу совѣсти и разума.

Къ этому времени принадлежатъ первыя зарницы *нигилизма*, зарницы той совершеннѣйшей свободы отъ всѣхъ готовыхъ понятій, отъ всѣхъ унаслѣдованныхъ обструкцій и заваловъ, которые мѣшаютъ западному уму идти впередъ своимъ историческимъ ядромъ на ногахъ...

Тихая работа сороковыхъ годовъ разомъ оборвалась. Времена чернѣе и тяжелѣе начала николаевскаго царствованія наступили послѣ февральской революціи. Передъ началомъ гоненій умеръ Бѣлинскій. Грановскій завидовалъ ему и стремился оставить отечество.

Темная, семилѣтняя ночь пала на Россію и въ ней-то сложился, развился и окрѣпъ въ русскомъ умѣ тотъ складъ мыслей, тотъ пріемъ мышленія, который назвали *нигилизмомъ*.

Нигилизмъ (повторяю сказанное недавно въ Колоколѣ), это логика безъ стриктуры, это—наука безъ догматовъ, это—безусловная покорность опыту и безропотное принятіе всѣхъ послѣдствій, какія бы они ни были, если они вытекаютъ изъ наблюденія, требуются разумомъ. Нигилизмъ не превращаетъ *что-нибудь* въ ничего, а раскрываетъ, что *ничего*, принимаемое за *что-нибудь*, оптическій обманъ, и что всякая истина, какъ бы она ни перечила фантастическимъ представленіямъ, здоровѣе ихъ и во всякомъ случаѣ обязательна.

Идетъ это названіе къ дѣлу или нѣтъ, это все равно. Къ нему привыкли, оно принято друзьями и врагами, оно попало въ полицейскій признакъ, оно стало доносомъ, обидой у однихъ, похвалой у другихъ. Разумѣется, если подъ *нигилизмомъ* мы будемъ разумѣть обратное творчество, т. е. превращеніе фактовъ и мыслей въ *ничего*, въ безплодный скептицизмъ, въ надменное «сложа руки», въ отчаяніе, ведущее къ бездѣйствію, тогда настоящіе *нигилисты* всего меньше подойдутъ подъ это опредѣленіе, и одинъ изъ величайшихъ нигилистовъ будетъ И. Тургеневъ, бросившій въ нихъ первый камень, и, пожалуй, его любимый философъ Шопенгауеръ.

Когда Бѣлинскій, долго слушая объясненія кого-то изъ друзей о томъ, что *духъ* приходитъ къ самосознанію въ человѣкѣ, съ негодованіемъ отвѣчалъ: «такъ это я не для себя сознаю, а для духа... что же я ему за дуракъ достался, лучше не буду вовсе думать, что мнѣ за забота до его сознанія»... Онъ былъ *нигилистъ*.

Когда Бакунинъ уличалъ берлинскихъ профессоровъ въ робости отрицанья и парижскихъ революціонеровъ 1848 года въ консерватизмѣ,—онъ былъ вполнѣ *нигилистъ*. Вообще всѣ эти

межеванія и ревнивыя отталкиванія ни къ чему не ведутъ, кромѣ насильственнаго антагонизма.

Нигилизмъ съ тѣхъ поръ расширился, яснѣе созналъ себя, долею сталъ доктриной, принялъ въ себя многое изъ науки и вызвалъ дѣятелей съ огромными силами, съ огромными талантами... Все это неоспоримо.

Но новыхъ началъ, принциповъ, онъ не внесъ.

Или гдѣ же они?

На это я жду отвѣта отъ тебя или, пожалуй, отъ кого-нибудь другого, и тогда буду продолжать.

КЪ СТАРОМУ ТОВАРИЩУ.

Письмо первое.

Одни доводы, какъ бы они ни были основательны, не могутъ быть выполнены безъ постоянныхъ средствъ.
Іеремія Бентамъ.
(Письмо къ Александру I).

Насъ занимаетъ одинъ и тотъ же вопросъ. Впрочемъ, одинъ *серьезный вопросъ* и существуетъ на историческомъ череду. Все остальное—или его растущія силы, или болѣзни, сопровождающія его развитіе, т. е. страданія, которыми новый и болѣе совершенный организмъ выработывается изъ отживших и тѣсныхъ формъ, примѣшивая ихъ къ высшимъ потребностямъ. Конечное разрѣшеніе у насъ обоихъ *одно*. Дѣло между нами вовсе не въ разныхъ началахъ и теоріяхъ, а въ разныхъ методахъ и практикахъ, въ оцѣнкѣ силъ, средствъ, времени, въ оцѣнкѣ историческаго матеріала. Тяжелыя испытанія съ 1848 г. розно отозвались на насъ. Ты больше остался, какъ былъ, тебя жизнь сильно помучила, меня только помяла, но ты былъ вдали,- я стоялъ возлѣ. Но если я измѣнился, то вспомни, что *измѣнилось* все. Экономически-соціальный вопросъ становится теперь иначе, чѣмъ онъ былъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Онъ пережилъ свой религіозный и идеальный, юношескій возрастъ, такъ же, какъ возрастъ натянутыхъ опытовъ и экспериментацій въ маломъ видѣ, самый періодъ жалобъ, протеста, исключительной критики и обличенія приближается къ концу. Въ этомъ великое знаменіе его совершеннолѣтія. Оно достигается наглядно, *но не достигнуто*, не отъ однихъ внѣшнихъ препятствій, не отъ одного отпора, но и отъ внутреннихъ причинъ. Меньшинство, йдущее впередъ, не доработалось до ясныхъ истинъ, до практическихъ путей, до полныхъ формулъ будущаго экономическаго быта. Большинство, наиболѣе страдающее, стремится одною частью городскихъ работниковъ выйти изъ него, но удержано старымъ, традиціоннымъ міросозерцаніемъ другой и самой многочисленной части. Знанія и пониманья не возьмешь никакими coup d'état и никакими coup de tête. Медленность, сбивчивость историческаго хода пониманья насъ бѣситъ и душитъ,

она намъ невыносима, и многіе изъ насъ, измѣняя собственному разуму, торопятся и торопятъ другихъ. Хорошо ли это, или нѣтъ? Въ этомъ весь вопросъ.

Слѣдуетъ ли толчками возмущать съ цѣлью ускоренія внутренней работы, которая очевидна? Сомнѣнія нѣтъ, что акушеръ можетъ ускорять, облегчать, устранять препятствія, но въ извѣстныхъ предѣлахъ; а ихъ трудно установить и страшно переступать. На это, сверхъ логическаго самоотверженія, надобенъ тактъ и вдохновенная импровизація. Сверхъ того, не вездѣ одинакая работа и одни предѣлы. Петръ I, конвентъ научили насъ шагать семимильными сапогами, шагать изъ перваго мѣсяца беременности въ девятый, и ломать безъ разбора все, что попадется на дорогѣ. Die Zerstœrende Lust ist eine schaffende Lust—и впередъ за неизвѣстнымъ богомъ-истребителемъ, спотыкаясь на разбитыя сокровища вмѣстѣ со всякимъ мусоромъ и хламомъ.

... Мы видѣли грозный примѣръ кроваваго возстанія, въ минуту отчаянія и гнѣва сошедшаго на площадь и спохватившагося на баррикадахъ, что у него нѣтъ знамени. Сплоченный въ одну дружину, міръ консервативный побилъ его, вслѣдствіе этого было то ретроградное движеніе, котораго слѣдовало ожидать. Но что было бы, если-бъ побѣда стала на сторону баррикадъ? Въ двадцать лѣтъ грозные бойцы высказали ли все, что у нихъ было за душой? Ни одной построяющей, органической мысли мы не находимъ въ ихъ завѣтѣ, а экономическіе промахи, не косвенно, какъ политическіе, а прямо и глубже ведутъ къ разоренію, къ застою, къ голодной смерти.

Наше время—именно время окончательнаго изученія, того изученія, которое должно предшествовать работѣ осуществленія, такъ какъ теорія паровъ предшествовала желѣзнымъ дорогамъ. Прежде дѣло хотѣли взять грудью, усердіемъ, отвагой и шли зря на авось; мы на авось не пойдемъ.

Ясно видимъ мы, что дальше дѣла не могутъ итти такъ, какъ шли, что, наконецъ, исключительному царству капитала и безусловному праву собственности такъ же пришелъ конецъ, какъ нѣкогда пришелъ конецъ царству феодальному и аристократическому. Какъ передъ 1789 обмиранье міра средневѣковаго началось съ сознанія несправедливаго подчиненія средняго сословія, такъ и теперь переворотъ экономическій начался сознаніемъ общественной неправды относительно работниковъ. Какъ тогда упрямство и вырожденіе дворянства помогло собственной гибели, такъ и теперь упрямая и выродившаяся буржуазія тянетъ сама себя въ могилу.

Но общее постановленіе задачи не даетъ ни путей, ни средствъ, ни даже достаточной среды. Насильемъ ихъ не завоюешь. Подорванный порохомъ весь міръ буржуазный, когда уляжется дымъ

и расчистятъ развалины, снова начнетъ съ разными измѣненіями—*какой-нибудь буржуазный* міръ. Потому, что онъ внутри *не конченъ и потому еще, что ни міръ построяющій*, ни новая организація не настолько готовы, чтобъ пополниться, осуществляясь. Ни одна основа изъ тѣхъ, на которыхъ покоится современный порядокъ, изъ тѣхъ, которыя должны рухнуть и пересоздаться, не настолько почата и расшатана, чтобъ ее достаточно было вырвать силой, чтобъ исключить изъ жизни.

Пусть каждый добросовѣстный человѣкъ самъ себя спроситъ, готовъ ли онъ? Такъ ли ясна для него новая организація, къ которой мы идемъ, какъ общіе идеалы коллективной собственности, солидарности, и знаетъ ли онъ процессъ (кромѣ простого ломанья), которымъ должно совершиться превращеніе въ нее старыхъ формъ? И пусть, если онъ лично доволенъ собой, пусть скажетъ, готова ли та среда, которая по положенію должна первая ринуться въ дѣло?

Знаніе неотразимо, но оно не имѣетъ принудительныхъ средствъ. Излеченье отъ предразсудковъ медленно, имѣетъ свои фазы и кризисы. Насильемъ и терроромъ распространяются религіи и политики, учреждаются самодержавныя имперіи и нераздѣльныя республики; насильемъ можно разрушать и расчищать мѣсто—не больше. Петрограндизмомъ соціальный переворотъ дальше каторжнаго равенства Гракха Бабёфа и коммунистической барщины Кабе не пойдетъ. Новыя формы должны все обнять и вмѣстить всѣ элементы современной дѣятельности и всѣхъ человѣческихъ стремленій. Изъ нашего міра не сдѣлаешь ни Спарту, ни бенедиктинскій монастырь. Не душить одни стихіи въ пользу другихъ слѣдуетъ грядущему перевороту, а умѣть всѣ согласовать къ общему благу.

Экономическій переворотъ имѣетъ необъятное преимущество передъ всѣми религіозными и политическими революціями въ трезвости своей основы. Таковы должны быть и пути его, таково обращеніе съ данными. По мѣрѣ того, какъ онъ выростаетъ изъ состоянія неопредѣленнаго страданія и недовольства, онъ невольно становится на *реальную почву*. Тогда какъ всѣ другіе перевороты постоянно оставались одной ногой въ фантазіяхъ, мистицизмахъ, вѣрованіяхъ и неоправданныхъ предразсудкахъ патріотическихъ, юридическихъ и пр., экономическіе вопросы подлежатъ математическимъ законамъ.

Конечно, математическій, какъ и всякій научный законъ носитъ доказательство въ самомъ себѣ и не нуждается ни въ эмпирическомъ оправданіи, ни въ большинствѣ голосовъ. Но для *приложенія*, эмпирическая сторона и всѣ внѣшнія условія осуществленія выступаютъ на первый планъ. «Мотивы могутъ быть истинны, но безъ достаточныхъ средствъ они не осуществятся».

Все это принято во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ и обходится слишкомъ сангвиническими людьми въ дѣлѣ такого значенія, какъ общественное пересозданіе. Какой механикъ не знаетъ, что его выкладка, формула, не перейдетъ въ дѣйствительность, пока въ ряду явленій, захватываемыхъ имъ, будутъ элементы не подчиняющіеся, посторонніе, или подлежащіе другимъ законамъ. Большей частью въ физическомъ мірѣ эти возмущающіе элементы не сложны и легко вводятся въ формулу, какъ вѣсъ линіи маятника, упругость среды, въ которой дѣлаются его размахи и пр. Въ мірѣ историческаго развитія это не такъ просто. Процессы общественнаго роста, ихъ отклоненія и уклоненія, ихъ послѣдніе результаты, до того переплелись, до того неразымчато вошли въ глубочайшую глубь народнаго сознанія, что приступъ къ нимъ вовсе не легокъ, что съ ними надобно очень считаться, и однимъ реестромъ отрицаемаго, отданнымъ какъ въ «приказѣ по соціальной арміи», ничего, кромѣ путаницы, не сдѣлаешь.

Противъ ложныхъ догматовъ, противъ вѣрованій, какъ бы онѣ ни были безумны, однимъ отрицаніемъ, какъ бы оно ни было умно, бороться нельзя. Сказать «не вѣрь» такъ же авторитетно и въ сущности нелѣпо, какъ сказать «вѣрь». Старый порядокъ вещей крѣпче *признаніемъ его*, чѣмъ матеріальной силой, его поддерживающей. Это всего яснѣе тамъ, гдѣ у него нѣтъ ни карательной, ни принудительной силы, гдѣ онъ твердо покоится на невольной совѣсти, на неразвитости ума и на незрѣлости новыхъ воззрѣній [1]), какъ въ Швейцаріи и Англіи.

Народное сознаніе такъ, какъ оно выработалось, представляетъ естественное, само собой сложившееся, безотвѣтственное сырое произведеніе разныхъ усилій, попытокъ, событій, удачъ и неудачъ людского сознанія, разныхъ инстинктовъ и столкновеній; его надобно принимать за естественный фактъ и бороться съ нимъ, какъ мы боремся со всѣмъ безсознательнымъ, изучая его, овладѣвая имъ и направляя его же средства сообразно нашей цѣли.

Вообще въ соціальныхъ нелѣпостяхъ современнаго быта никто не виноватъ и никто не можетъ быть казненъ съ большей справедливостью, чѣмъ море, которое сѣкъ персидскій царь, или вѣчевой колоколъ, наказанный Іоанномъ Грознымъ. Винить, наказывать, отдавать на копье — все это становится ниже нашего по-

[1] Что говорить о папскихъ силлабусахъ и индексахъ, о полицейскихъ наказаніяхъ за такія-то и такія-то мнѣнія, о сенатскихъ рѣшеніяхъ философскихъ вопросовъ, когда неясность, сбивчивость самыхъ элементарныхъ понятій поражаютъ въ мірѣ *свободнаго мышленія*, въ высшихъ сферахъ оппозиціи и революціи... Вспомни старый споръ Маццини противъ Прудона и новое препирательство о вмѣненіи, о волѣ, объ идеализмѣ, о позитивизмѣ Жирардена, Луи-Блана, Жюль-Симона.

ниманья. Надобно проще смотрѣть, физіологичнѣе, и окончательно пожертвовать уголовной точкой зрѣнія, а она, по несчастью, прорывается и мѣшаетъ понятія, вводя личныя страсти въ общее дѣло и превратную перестановку невольныхъ событій въ преднамѣренный заговоръ. Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человѣческаго освобожденія и развитія, мы выходили изъ нихъ по миновеніи надобности.

Обрушивать отвѣтственность за былое и современное на послѣднихъ представителей «прежней правды», дѣлающейся «настоящей неправдой» такъ же нелѣпо, какъ было нелѣпо и несправедливо казнить французскихъ маркизовъ за то, что они не якобинцы; и еще хуже, потому что мы за себя не имѣемъ якобинскаго оправданія: наивной вѣры въ свою правоту, въ свое право. Мы измѣняемъ основнымъ началамъ нашего воззрѣнія, осуждая цѣлыя сословія, и въ то же время отвергая уголовную отвѣтственность отдѣльнаго лица. Это мимоходомъ, для того, чтобъ не возвращаться.

Прежніе перевороты дѣлались въ сумеркахъ, сбивались съ пути, шли назадъ, спотыкались и, въ силу внутренней неясности, требовали бездну всякой всячины, разныхъ вѣръ и геройства, множество выспреннихъ добродѣтелей, патріотизмовъ, піэтизмовъ. Соціальному перевороту ничего ненужно, кромѣ *пониманья и силы*, знанья и средствъ.

Но пониманье страшно обязываетъ. Оно имѣетъ свои неотступныя угрызенія разума и неумолимые упреки логики.

Пока соціальная мысль была неопредѣленная, ея проповѣдники, сами вѣрующіе и фанатики, обращались къ страстямъ и фантазіи столько же, сколько къ уму; они грозили собственникамъ карой и разореніемъ, позорили, стыдили ихъ богатствомъ, склоняли ихъ на добровольную бѣдность страшной картиной страданій. (Странная captatio benevolentiæ,—согласенъ). Изъ этихъ средствъ соціализмъ выросъ. Не то надобно доказать собственникамъ и капиталистамъ, что ихъ обладаніе грѣшно, безнравственно (понятія, взятыя изъ совсѣмъ иного міросозерцанія, чѣмъ наше), а то, что нелѣпость его контрафорсовъ пришла къ сознанію неимущихъ, въ силу чего оно становится *невозможнымъ*. Имъ надобно показать, что борьба противъ неотвратимаго—безсмысленное истощеніе силъ и что, чѣмъ она упорнѣе и длиннѣе, тѣмъ къ большимъ потерямъ и гибелямъ она приведетъ. Твердыню собственности и капитала надобно потрясти расчетомъ, двойной бухгалтеріей, яснымъ балансомъ дебита и кредита. Самый отчаянный скряга не предпочтетъ утонуть со всѣми богатствами, если можетъ спасти часть ихъ и самого себя, бросая другую за бортъ. Для этого не-

обходимо только, чтобъ опасность была *такъ же* очевидна для него, какъ *возможность спасенія.*

Новый водворяющійся порядокъ долженъ являться не только мечемъ рубящимъ, но и силой хранительной. Нанося ударъ старому міру, онъ не только долженъ спасти все, что въ немъ достойно спасенія, но оставить на свою судьбу все не мѣшающее, разнообразное, своеобычное. Горе бѣдному духомъ и тощему художественнымъ смысломъ перевороту, который изъ всего былого и нажитаго сдѣлаетъ скучную мастерскую, которой вся выгода будетъ состоять въ одномъ пропитаніи, и только въ пропитаніи. Но этого и не будетъ. Человѣчество во всѣ времена, самыя худшія, показывало, что у него potentialiter больше потребностей и больше силъ, чѣмъ надобно на одно завоеваніе жизни: развитіе не можетъ ихъ заглушить. Есть для людей драгоцѣнности, которыми они не поступятся и которыя у него изъ рукъ можетъ вырвать одно деспотическое насиліе, и то на минуты горячки и катаклизма. И кто не скажетъ, безъ вопіющей несправедливости, чтобъ и въ быломъ и въ отходящемъ не было много прекраснаго и что оно должно погибнуть вмѣстѣ съ старымъ кораблемъ.

Ницца, 15 января, 1869.

Письмо второе.

Международные работничьи съѣзды становятся ассизами, передъ которыми вызывается одинъ соціальный вопросъ за другимъ: они получаютъ больше и больше организующій складъ, ихъ члены эксперты и слѣдопроизводители. Они самую стачку и остановку работъ допускаютъ какъ тяжелую необходимость, какъ pis aller, какъ средство сосчитать свою силу, какъ боевую организацію. Серьезный характеръ ихъ поразилъ враговъ. Сильное *ихъ покоя* испугало фабрикантовъ и заводчиковъ. Было бы огромное несчастье, если-бъ они преждевременно вышли изъ этого строя.

Работники, соединяясь между собой, выдѣляясь въ особое «государство въ государствѣ», достигающее своего устройства и своихъ правъ помимо капиталистовъ и собственниковъ, составятъ первую сѣть и первый всходъ будущаго экономическаго устройства. Международный союзъ можетъ вырасти въ Авентинскую гору à l'intérieur. Отступая на нее, міръ рабочій, сплоченный между собой, покинетъ міръ, пользующійся безъ работы, и онъ, отлученный nolens volens, пойдетъ на сдѣлки. А не пойдетъ, тѣмъ хуже для него, тогда гибель его отстранится только настолько, насколько у новаго міра нѣтъ силъ. Угроза при безсиліи вредна. Подавленный взрывъ двинетъ назадъ. Досугъ нуженъ для двойной работы

серьезнаго изученія и вербованья пониманьемъ: а настороженный врагъ, имѣющій силу въ рукахъ, схватится за оружіе для своей обороны прежде, чѣмъ противный станъ успѣетъ построиться. Уничтожать и топтать всходы легче, чѣмъ торопить ихъ ростъ. Тотъ, кто не хочетъ ждать и работать, тотъ идетъ по старой колеѣ пророковъ и прорицателей, іересіарховъ, фанатиковъ и цеховыхъ революціонеровъ. А всякое дѣло, совершающееся при пособіи элементовъ безумныхъ, мистическихъ, фантастическихъ, въ послѣднихъ выводахъ своихъ непремѣнно будетъ имѣть и безумные результаты рядомъ съ дѣльными. Сверхъ того, пути эти все больше и больше заростаютъ для насъ травой, пониманье и обсуживанье— наше единственное оружіе. Теократическіе и политическіе догматы не требуютъ пониманья; они даже тверже и крѣпче покоятся на вѣрѣ безъ духа критики и анализа. Папу надобно считать непогрѣшимымъ, отечество защищать, писанія и предписанія исполнять...

Все прошлое, изъ котораго мы хотимъ выйти, такъ и шло. Мѣнялись формы, образы, обряды. Сущность оставалась та же. Человѣкъ, склонявшій голову передъ капуциномъ, идущимъ съ крестомъ, дѣлалъ то же, что человѣкъ склоняющій голову передъ рѣшеніемъ суда, какъ бы оно нелѣпо ни было.

Изъ этого-то міра нравственной неволи и подъ-авторитетности, повторяю, мы и бьемся выйти въ ширь пониманья, въ міръ *свободы въ разумѣ*. Всякія попытки обойти, перескочить сразу отъ нетерпѣнія, увлечь авторитетомъ или страстью, приведутъ къ страшнѣйшимъ столкновеніямъ и, что хуже, къ почти неминуемымъ пораженіямъ. Обойти процессъ пониманья такъ же невозможно, какъ обойти вопросъ о силѣ. Навязываемое предрѣшеніе всего, что *составляетъ вопросъ*, поступаетъ очень безцеремонно съ *освобожденнымъ веществомъ*. Взять вдругъ человѣка умственно дремавшаго и огорошить его въ первую минуту, съ просонья, рядомъ мыслей, сбивающихъ всѣ его нравственныя понятія и къ которымъ ему не поставлено лѣстницы, врядъ ли много послужитъ развитію: а скорѣе смутитъ, собьетъ съ толку оглушеннаго, или обратнымъ дѣйствіемъ оттолкнетъ его въ свирѣпый консерватизмъ.

Я нисколько не боюсь слова «постепенность», опошленнаго шаткостью и невѣрнымъ шагомъ разныхъ реформирующихъ властей. Постепенность такъ, какъ непрерывность, неотъемлемы всякому процессу разумѣнья. Математика передается постепенно, отчего же конечные выводы, мысли о соціологіи могутъ прививаться какъ оспа, или вливаться въ мозги такъ, какъ вливаютъ лошадямъ съ разу лекарство въ ротъ. Между конечными выводами и современнымъ состояніемъ есть практическія облегченія, пути, компромиссы, діагонали. Понять, которыя изъ нихъ короче, удоб-

нѣе и возможнѣе, дѣло практическаго такта, дѣло стратегіи. Идя безъ оглядки впередъ, можно затесаться какъ Наполеонъ въ Москву и погибнуть, отступая отъ нея, не доходя даже до Березины. Международное соединеніе работниковъ, всевозможныя соединенія ихъ, ихъ органы и представители, должны всѣми силами достигать того невмѣшательства власти въ *работу*, котораго оно не дѣлаетъ въ *управленіи собственностію*. Формы, сдерживающія людей въ полунасильственныхъ ковахъ, à la longue не вынесутъ напора логики и развитія общественнаго пониманья. Однѣ изъ нихъ до того внутри сгнили, что имъ дать толчекъ ногой; другія, какъ ракъ, держатся корнями въ дурной крови. Ломая одинакимъ образомъ тѣ и другія, можно убить организмъ, и, навѣрное заставить огромное большинство отпрянуть. Всего яростнѣе возстанутъ за «ракъ» наиболѣе страдающіе отъ него.

Это очень глупо, но пора съ глупостью считаться какъ съ громадной силой.

Во всей Европѣ подымется за старые порядки сплошь все крестьянское населеніе. А развѣ мы не знаемъ, что такое сельское населеніе, какова его упорная сила и упорная колкость? Отобравъ изъ рукъ революціи земли эмигрантовъ, оно-то и подсидѣло республику и революцію. Конечно, оно отпрянетъ и накинется по неразумью и невѣжеству, но въ этомъ-то вся важность.

На неразуміи и невѣжествѣ зиждется вся прочность существующаго порядка; на нихъ покоятся устарѣлыя воспитательныя формы, въ которыхъ люди выростали изъ несовершеннолѣтія, и которыя жмутъ теперь меньшинство, но которыхъ вредной ненужности не понимаетъ большинство. Мы знаемъ, что значитъ ошибаться въ возрастѣ и въ степени пониманья. Всеобщая подача голосовъ, навязанная неприготовленному народу, послужила для него бритвой, которой онъ чуть не зарѣзался.

Но если понятія государства, суда сильны и крѣпки, то еще крѣпче укоренены понятія о семьѣ, о собственности, о наслѣдствѣ. Отрицаніе собственности само по себѣ безсмыслица: «собственность не погибнетъ», скажу парафразируя извѣстную фразу Людовика-Филиппа. Видоизмѣненіе ея, въ родѣ перехода изъ *личной* въ *коллективную*, неясно и неопредѣленно. Крестьянину на Западѣ такъ же необходимо привилась его любовь къ *своей* землѣ, какъ въ Россіи легко понимается крестьянствомъ общинное владѣніе. Нелѣпаго тутъ ничего нѣтъ. Собственность, и особенно поземельная, для западнаго человѣка представлялась освобожденіемъ, его самобытностью, его достоинствомъ и величайшимъ гражданскимъ значеніемъ. Можетъ быть, онъ убѣдится въ невыгодѣ безпрерывно кромящихся и дробимыхъ участковъ и въ выгодѣ свободнаго хозяйства, общинныхъ запашекъ полей; но какъ же его «безъ

пристрастія» уломать, чтобъ онъ сперваначала отказался отъ вѣками взлелѣянной мечты, которою онъ жилъ и тѣшился и которая дѣйствительно поставила его на ноги, прикрѣпила *къ нему* землю, къ которой *онъ* былъ прежде крѣпокъ?

Вопросъ, прямо идущій за тѣмъ, вопросъ о наслѣдствѣ, еще труднѣе. Кромѣ холостыхъ фанатиковъ въ родѣ монаховъ, раскольниковъ, икаріанъ и пр., никакая масса не согласится на безусловное отреченіе отъ права завѣщать какую-нибудь часть своего достоянія своимъ наслѣдникамъ. Я не знаю довода, по которому было бы можно противодѣйствовать этой формѣ любви избирательной или кровной, передачѣ вмѣстѣ съ жизнію, съ чертами, даже съ болѣзнями, вещей, служившихъ мнѣ орудіемъ. Развѣ во имя обязательнаго *братства* и любви ко всѣмъ? Въ худшемъ человѣческомъ положеніи, у дворовыхъ крѣпостныхъ людей, были кой-какія тряпки, которыя они оставляли своимъ и которыя почти никогда не отбирались помѣщиками. Отнимите у самаго бѣднаго мужика право завѣщать, и онъ возметъ колъ въ руки и пойдетъ защищать своихъ, свою семью и свою волю.

— Что же тогда?... Или свернуть свое знамя и отступить, потому что сила, очевидно, будетъ съ ихъ стороны, или ринутся въ бой и, въ случаѣ мѣстной, временной побѣды, начать водвореніе новаго порядка, новаго освобожденія, избіеніемъ.

Аракчееву было сполгоря вводить свои военно-экономическія утопіи, имѣя за себя войско, да и то ничего не сдѣлалъ. А за упраздненіемъ государства, откуда брать «экзекуцію», палачей, и пуще всего фискаловъ? А въ нихъ будетъ огромная потребность. Не начать ли новую жизнь съ сохраненіемъ соціальнаго корпуса жандармовъ? Неужели цивилизація кнутомъ, освобожденіе гильотиной, составляютъ вѣчную необходимость всякаго шага впередъ?

Дальше я не пойду теперь, а скажу въ заключеніе вотъ что. Стоя возлѣ труповъ, возлѣ ядрами разрушенныхъ домовъ, слушая въ лихорадкѣ, какъ разстрѣливали плѣнныхъ, я всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями звалъ дикія силы на месть, на разрушеніе старой преступной веси; звалъ, даже не очень думая, чѣмъ она замѣнится.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Месть пришла съ другой стороны, месть пришла сверху. Народы все вынесли *потому, что ничего не понимали* ни тогда, ни послѣ. Середина вся растоптана и втоптана въ грязь... Длинное, тяжелое время дало досугъ страстямъ успокоиться и мыслямъ отстояться, дало досугъ на обдуманіе и наблюденіе.

Ни ты, ни я—мы не измѣнили нашихъ убѣжденій, но розно стали къ вопросу. Ты рвешься впередъ по прежнему, со страстью разрушенья, которую принимаешь за творческую страсть.... ломая

препятствія и уважая исторію только въ будущемъ. Я не вѣрю въ прежніе революціонные пути и стараюсь понять *шагъ людской* въ быломъ и настоящемъ, для того, чтобъ знать какъ итти съ нимъ въ ногу, не отставая и не забѣгая въ такую даль, въ которую люди не пойдутъ за мной, не могутъ итти.

И еще слово. Высказать это въ томъ кругу, къ которомъ мы живемъ, требуетъ если не больше, то, конечно, не меньше мужества и самостоятельности, чѣмъ брать во всѣхъ вопросахъ самую крайнюю крайность.

Я думаю, ты самъ согласишься въ этомъ...

Ницца, 25 января, 1869.

Письмо третье.

Нѣтъ, любезные друзья, мозгъ мой отказывается понимать многое изъ того, что вамъ кажется яснымъ, изъ того, что вы допускаете и противъ чего я имѣю тысячи возраженій.

Мозгъ старѣетъ, можетъ быть, и я беру въ свою защиту то, что одинъ изъ нашихъ друзей писалъ обо мнѣ или противъ меня.

«Человѣку очень мудрено втолковать что-нибудь, о чемъ этотъ человѣкъ думаетъ иначе. Тутъ дѣйствительно физіологическій процессъ, о которомъ столько говорятъ общими мѣстами и котораго никто не хочетъ принять въ расчетъ, какъ скоро дѣло доходитъ до дѣла. Мозгъ ничего не вырабатываетъ произвольно, а всегда вырабатываетъ результатъ соотношенія принятыхъ имъ впечатлѣній. Слѣдственно, если впечатлѣнія одного рознятся отъ впечатлѣній другого на какой-нибудь диференціалъ, то дальнѣйшее развитіе соотношенія впечатлѣній и результата, изъ нихъ выводимаго, т. е. постановка и дальнѣйшее развитіе уравненія (которое есть единственная форма мозговыхъ дѣйствій) можетъ разойтись у одного отъ другого на разстояніе, невозможное къ совпаденію.

«Въ этомъ вся мудрость доказательствъ, доходящихъ почти до тщетныхъ усилій».

Эти строки, писанныя противъ меня, совершенно справедливы, печально справедливы.

Отрывокъ этотъ, приведенный изъ отвѣта Огарева на мое письмо къ Бакунину, оканчивается такъ:

«Каждый отдѣльный мозгъ, вслѣдствіе нарощенія въ себѣ своихъ впечатлѣній, встрѣчаетъ отъ нихъ уклоняющіяся новыя впечатлѣнія, или вовсе мимоходно, или не съ достодолжной емкостью, или совсѣмъ отрицательно (т. е. враждебно). Отсюда каждый человѣкъ убѣжденъ или предубѣжденъ, что онъ правъ, что положительно не можетъ быть доказано даже въ такихъ абстрактныхъ

специальностяхъ, какъ математическія построенія (теорія Тихо-де-Браге такъ же была построена на математическихъ построеніяхъ, какъ и теорія Галилея); и потому, дѣйствительное признаніе истины требуетъ новыхъ мозговъ, не увлеченныхъ предыдущими впечатлѣніями. На этомъ даже зиждется знаменитое историческое развитіе или прогрессъ».

Мои возраженія, такъ, какъ и вообще возраженія, нетерпѣливымъ людямъ начинаютъ надоѣдать. «Время слова, говорятъ они, прошло; время дѣла наступило». Какъ будто *слово* не есть *дѣло?* Какъ будто время слова́ можетъ пройти? Враги наши никогда не отдѣляли *слово* и дѣло и казнили за *слово*, не только одинакимъ образомъ, но часто свирѣпѣе, чѣмъ за дѣло. Да и дѣйствительно, какое-нибудь «Allez dire à votre maître» Мирабо не уступитъ по вліянію никакому coup de main.

Расчлененіе *слова съ дѣломъ* и ихъ натянутое противуположеніе не выноситъ критики, но имѣетъ печальный смыслъ какъ признаніе, что все уяснено и понято, что толковать не о чемъ, а нужно исполнять. Боевой порядокъ не терпитъ разсужденій и колебаній. Но кто же, кромѣ нашихъ враговъ, готовъ на бой и силенъ *на дѣло?* Наша сила въ силѣ мысли, въ силѣ правды, въ силѣ слова, въ исторической *попутности*. Международные сходы только сильны проповѣдью; матеріально, дальше отрицательной силы гревы, они не могутъ итти.

Стало быть, остается попрежнему сидѣть сложа руки весь вѣкъ, довольствуясь прекрасными рѣчами?

Не знаю, весь ли вѣкъ или часть его, но навѣрное до тѣхъ поръ не сходить въ рукопашную, пока нѣтъ ни единства убѣжденій, ни сосредоточенныхъ силъ. Быть правымъ въ бою немного значитъ: правота давала побѣду только въ судѣ божіемъ; у насъ на небесное вмѣшательство надежды мало.

Чѣмъ кончилось польское возстаніе, невозможное по несоразмѣрности силъ?

Каково теперь на совѣсти тѣмъ, которые подталкивали поляковъ?

На это говорятъ наши противники съ какимъ-то философскимъ фатализмомъ:

«Избраніе путей исторіи не въ личной власти; не событія зависятъ отъ лицъ, а лица отъ событій. Мы только мнимо заправляемъ движеніемъ, но въ сущности плывемъ, куда волна несетъ, не зная, до чего доплывемъ».

Пути вовсе не неизмѣнимы. Напротивъ, они-то и измѣняются съ обстоятельствами, съ пониманьемъ, съ личной энергіей. Личность создается средой и событіями, но и событія осуществляются личностями и носятъ на себѣ ихъ печать: тутъ взаимодѣйствіе. Быть страдательнымъ орудіемъ какихъ-то независимыхъ отъ насъ

силъ, намъ не по росту. Чтобъ стать слѣпымъ орудіемъ судебъ, бичемъ, палачемъ божіимъ, надобно наивную вѣру, простоту невѣдѣнія, дикій фанатизмъ и своего рода непочатое младенчество мысли. Честно мы не можемъ брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая ихъ, мы должны будемъ обманывать другихъ или самихъ себя. За эту ложь намъ придется отвѣчать передъ своей совѣстью и передъ судомъ близкихъ намъ по духу.

То, что мыслящіе люди прощали Аттилѣ, комитету общественнаго спасенія и даже Петру, не простятъ намъ. Мы не слыхали голоса, призывавшаго насъ свыше къ исполненію судебъ, и не слышали подземнаго голоса снизу, который указалъ бы путь. Для насъ существуетъ одинъ голосъ и одна власть—*власть разума и пониманья*. Отвергая ихъ, мы становимся разстригами науки и ренегатами цивилизаціи. Самыя массы, на которыхъ лежитъ вся тяжесть быта, съ своей македонской фалангой работниковъ, ищутъ слова и пониманья и съ недовѣріемъ смотрятъ на людей, проповѣдующихъ аристократію науки и призывающихъ къ оружію. И замѣтьте, проповѣдники не изъ народа, а изъ школы, изъ книгъ, изъ литературы, жившіе въ отвлеченностяхъ. Старые студенты—они ушли отъ народа дальше, чѣмъ его враги. Попъ и аристократъ, полицейскій и купецъ, хозяинъ и солдатъ имѣютъ больше прямыхъ связей съ массами, чѣмъ они. Оттого-то они и полагаютъ возможнымъ начать экономическій переворотъ съ tabula rasa, съ выжиганья до тла всего историческаго поля, не догадываясь, что поле это, съ своими полосами и плевелами, составляетъ всю непосредственную почву народа, всю его нравственную жизнь, всю его привычку и все его утѣшеніе.

Народъ консерваторъ по инстинкту и по тому, что онъ не знаетъ ничего другого, у него нѣтъ идеаловъ внѣ существующихъ условій: его идеалъ буржуазное довольство, такъ, какъ идеалъ Атта-Троля у Гейне абсолютно бѣлый медвѣдь. Онъ держится за удручающій бытъ, за тѣсныя рамы, въ которыя онъ вколоченъ: онъ вѣритъ въ ихъ прочность и обезпеченіе, не понимая, что эту прочность онъ-то имъ и даетъ. Чѣмъ народъ дальше отъ движенія исторіи, тѣмъ онъ упорнѣе держится за усвоенное, за знакомое. Онъ даже новое понимаетъ только въ старыхъ одеждахъ. Пророки, провозглашавшіе соціальный переворотъ анабаптизма, облачались въ архіерейскія ризы. Пугачевъ, для низложенія нѣмецкаго дѣла, самъ назвался Петромъ, да еще самымъ нѣмецкимъ, и окружилъ себя андреевскими кавалерами изъ казаковъ и разными псевдо Воронцовыми и Чернышевыми.

Государственныя формы, церковь и судъ, выполняютъ оврагъ между непониманіемъ массъ и односторонней цивилизаціей вер-

шинъ. Ихъ сила и размѣръ въ прямомъ отношенiи съ неразвитiемъ ихъ. Взять неразвитiе силы невозможно. Ни республика Робеспьера, ни республика Анахарсиса Клоотса, оставленныя на себя, не удержались; а Вандейство надобно было годы вырубать изъ жизни. Терроръ такъ же мало уничтожаетъ предразсудки, какъ завоеванiе народности. Страхъ вообще вгоняетъ внутрь бытъ, формы; прiостанавливаетъ ихъ отправленiе и не касается содержанiя. Iудеевъ гнали вѣка; одни гибли, другiе прятались, и послѣ грозы являлись и богаче, и сильнѣе, и тверже въ своей вѣрѣ.

Нельзя людей освобождать въ наружной жизни больше, чѣмъ они освобождены *внутри*. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы. Въ сущности всѣ формы историческiя, nolens volens, ведутъ отъ одного освобожденiя къ другому. Гегель въ самомъ рабствѣ находитъ (и очень вѣрно) шагъ къ свободѣ; то же явнымъ образомъ должно сказать о государствѣ,— и оно, какъ рабство, идетъ къ самоуничтоженiю, и его нельзя сбросить съ себя, какъ грязное рубище, до извѣстнаго возраста. Государство—форма, черезъ которую проходитъ всякое человѣческое сожитiе, принимающее значительные размѣры. Оно постоянно измѣняется съ обстоятельствами и прилаживается къ потребностямъ. Государство вездѣ начинается съ полнаго порабощенiя лица и вездѣ стремится, перейдя извѣстное развитiе, къ полному освобожденiю его. Сословность — огромный шагъ впередъ, какъ разъясненiе и выходъ изъ животнаго однообразiя, какъ раздѣлъ труда. Уничтоженiе сословности—шагъ еще большiй. Каждый восходящiй или воплощающiйся принципъ въ исторической жизни представляетъ *высшую правду* своего времени, и тогда онъ поглощаетъ лучшихъ людей; за него льется кровь и ведутся войны; потомъ онъ дѣлается *ложью* и, наконецъ, воспоминанiемъ. Государство не имѣетъ собственнаго опредѣленнаго содержанiя; оно служитъ одинаково реакцiи и революцiи, тому, съ чьей стороны сила; это сочетанiе колесъ около общей оси; ихъ удобно направлять туда или сюда, потому что единство движенiя дано, потому что оно примкнуто къ одному центру. Комитетъ общественнаго спасенiя представлялъ сильнѣйшую государственную власть, направленную на разрушенiе монархiи. Министръ юстицiи Дантонъ былъ министръ революцiи. Инацiатива освобожденiя крестьянъ принадлежитъ самодержавному царю. Этой государственной силой хотѣлъ воспользоваться Лассаль для введенiя соцiальнаго устройства. Что же, думалось ему, ломать мельницу, когда ея жернова могутъ молоть и нашу муку? На томъ же самомъ основанiи и я не вижу разумной примѣнимости въ отреченiи.

Между мнѣнiемъ Лассаля и проповѣдью о неминуемомъ рас-

пущеніи государства въ федерально-коммунную жизнь лежитъ вся разница обыкновеннаго рожденія и выкидыванія. Изъ того, что женщина беременна, никакъ не слѣдуетъ, что ей завтра слѣдуетъ родить. Изъ того, что государство форма *проходящая*, не слѣдуетъ, что эта форма уже *прошедшая*. Съ какого народа, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть снята государственная опека какъ лишняя перевязка, безъ раскрытія такихъ артерій и внутренностей, которыя *теперь* надѣлаютъ страшныхъ бѣдствій, а *потомъ* спадутъ сами.

Да и будто какой-нибудь народъ можетъ безнаказанно начать такой опытъ, окруженный другими народами, страстно держащимися за государство, какъ Франція, Пруссія и проч. Можно ли говорить о скорой неминуемости безъ-государственнаго устройства, когда уничтоженіе постоянныхъ войскъ и обезоруженіе составляютъ дальніе идеалы? И что значитъ *отрицать* государство, когда главное условіе выхода изъ него *совершеннолѣтіе* большинства. Посмотрѣли бы вы, что дѣлается теперь въ просыпающемся Парижѣ. Какъ тѣсны грани, о которыя бьется движеніе, и какъ онѣ никѣмъ не построены, и сами выросли какъ изъ земли. Маленькіе города, тѣсные круги, страшно портятъ глазомѣръ. Ежедневно повторяя *со своими одно и то же*, естественно дойдешь до убѣжденія, что вездѣ говорятъ одно и то же. Долгое время убѣждая въ своей силѣ другихъ, можно убѣдиться въ ней самому и остаться при этомъ убѣжденіи до перваго пораженія.

Bruxelles, Paris.
Августъ, 1869 года.

Письмо четвертое.

Иконоборцы наши не останавливаются на обыденномъ отрицаніи государства и разрушеніи церкви; ихъ усердіе идетъ до гоненія науки. Тутъ умъ оставляетъ ихъ окончательно.

Робеспьеровской нелѣпости, что атеизмъ аристократиченъ, только и не доставало объявленія науки аристократіею.

Никто не спрашиваетъ, насколько вообще подобныя опредѣленія идутъ или нѣтъ къ предмету. Вообще, весь споръ о «наукѣ для науки» и о наукѣ только какъ пользѣ, основанъ на чрезвычайно дурной постановкѣ вопросовъ.

Безъ науки *научной* не было бы науки прикладной.

Наука—сила; она раскрываетъ отношенія вещей, ихъ законы и взаимодѣйствія, и ей до употребленія нѣтъ дѣла. Если наука въ рукахъ правительства и капитала, такъ, какъ въ ихъ рукахъ войско, судъ, управленіе, то это не ея вина. Механика равно слу-

жить для постройки желѣзныхъ дорогъ и всякихъ пушекъ и Zündnadelgewähr'овъ.

Нельзя остановить умъ и сказать ему: дальше не изслѣдуй, погоди, пока мы освободимся.

Нельзя же остановить умъ, основываясь на томъ, что большинство не понимаетъ, а меньшинство злоупотребляетъ пониманіемъ.

Дикіе призывы къ тому, чтобъ закрыть книги, оставить науку и итти на какой-то безсмысленный бой разрушенія, принадлежатъ къ самой неистовой демагогіи и къ самой вредной. За ними такъ и слѣдуетъ разнузданіе дикихъ страстей, le déchaînement des mauvaises passions. Этими страшными словами мы шутимъ, нисколько не считая, насколько они вредны для дѣла и для слушающихъ.

Нѣтъ, великіе перевороты не дѣлаются разнуздываніемъ дурныхъ страстей. Христіанство проповѣдывалось чистыми и строгими въ жизни апостолами и ихъ послѣдователями, аскетами и постниками, людьми, заморивавшими всѣ страсти, кромѣ одной. Таковы были гугеноты и реформаторы. Таковы были якобинцы 93 года. Бойцы за свободу въ серьезныхъ поднятіяхъ оружія всегда были святы, какъ воины Кромвеля, и оттого сильны.

Я не вѣрю въ серьезность людей, предпочитающихъ ломку и грубую силу развитію и сдѣлкамъ. Проповѣдь нужна людямъ, проповѣдь неустанная, ежели путная: проповѣдь, равно обращенная къ работнику и хозяину, къ земледѣльцу и мѣщанину. Апостолы намъ нужны прежде авангардныхъ офицеровъ, прежде саперовъ разрушенія. Апостолы, проповѣдующіе не только своимъ, но и противникамъ.

Проповѣдь къ врагу — великое дѣло любви: они не виноваты, что живутъ внѣ современнаго потока какими-то просроченными векселями прежней нравственности. Я ихъ жалѣю, какъ больныхъ, какъ поврежденныхъ, стоящихъ на краю пропасти съ грузомъ богатствъ, который ихъ стянетъ въ нее. Имъ надобно раскрыть глаза, а не вырвать ихъ, чтобъ и они спаслись, если хотятъ.

Греки радикальнѣе насъ говорили: «Мудрому законъ ненуженъ, его разумъ законъ». Ну, такъ и начнемъ съ того, что «сдѣлаемъ» сами себя и другъ друга мудрыми. Я не только жалѣю людей, но жалѣю и вещи, и *иныя вещи больше иныхъ людей.*

Дико-необузданный взрывъ, вынужденный упорствомъ, ничего не пощадитъ; онъ за личныя лишенія отомститъ самому безличному достоянію. Съ капиталомъ, собраннымъ ростовщиками, погибнетъ другой капиталъ, идущій отъ поколѣнія въ поколѣніе и отъ народа къ народу. Капиталъ, въ которомъ осѣдала личность и творчество разныхъ временъ, въ которомъ сама собой наслои-

лась лѣтопись людской жизни и скристаллизовалась исторія. Разгулявшаяся сила истребленія уничтожитъ вмѣстѣ съ межевыми знаками и тѣ *предѣлы* силъ человѣческихъ, до которыхъ люди достигали во всѣхъ направленіяхъ съ начала цивилизаціи.

Довольно христіанство и исламизмъ наломали древняго міра. Довольно французская революція наказнила статуй, картинъ, памятниковъ; намъ не приходится играть въ иконоборцевъ.

Я это такъ живо чувствовалъ, стоя съ тупою грустью и чуть не со стыдомъ передъ какимъ-нибудь кустодомъ, указывающимъ на пустую стѣну, на разбитое изваяніе, на выброшенный гробъ, повторяя: «все это истреблено во время революціи»...

Примѣчанія.

Стр. 1. Твикнемъ. Дачная мѣстность близъ Лондона, гдѣ жилъ Герценъ въ 1854 г.

— Avenue Marigny — улица въ Парижѣ.

Стр. 4. Гроцій (Гроціусъ), Гуго, голландскій писатель (1583—1645), основатель науки международнаго права и философіи права. Главный его трудъ: «О правѣ войны и мира».

Стр. 5. Сиккарди былъ въ то время итальянскимъ епископомъ на островѣ Сардиніи.

— Кальяри — главный городъ на островѣ Сардиніи.

— Берсальерами называются въ итальянской арміи стрѣлки.

Стр. 6. Путней, пригородная мѣстность близъ Лондона, гдѣ въ 1858 г. жилъ Герценъ.

Стр. 7. Блазіусъ, Іоганнъ-Гейнрихъ, нѣмецкій натуралистъ (1809—1870). Въ 1840—41 г.г. путешествовалъ по европейской Россіи и изложилъ результаты своего путешествія въ книгѣ «Путешествіе въ европейскую Россію» («Reise in europäischen Russland», 2 т., Брауншвейгъ, 1844).

— Василій Ивановичъ и Иванъ Васильичъ — герои романа гр. В. А. Сологуба «Тарантасъ» (Спб., 1845), гдѣ описаны ихъ путевыя приключенія отъ Москвы до села Мордасы.

Стр. 8. Генгстенбергъ, Эрнстъ-Вильгельмъ, нѣмецкій богословскій писатель и профессоръ берлинскаго университета (1802—1868), отличавшійся въ своихъ сочиненіяхъ крайней нетерпимостью и враждою къ гегельянству и раціонализму.

— Гёрресъ Іоганнъ-Іосифъ, нѣмецкій писатель (1776 — 1848), отличавшійся прогрессивнымъ направленіемъ, но въ послѣдніе годы жизни ставшій ярымъ приверженцемъ католицизма.

— Грантъ — англійскій натуралистъ и анатомъ первой половины XIX вѣка.

Стр. 9. Арминій (Германъ), вождь германскаго племени херусковъ (род. 17 г. до Р. Х., ум. 21 по Р. Х.), освободилъ Германію отъ римскаго владычества, разбивъ римское войско Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу въ 9 г. по Р. Х.

Стр. 9. Бирхъ-Перейферъ, Шарлотта, нѣмецкая драматическая писательница и актриса (1800—1868), написавшая безчисленное множество драмъ (23 тома).

Стр. 14. Кирша Даниловъ, малороссійскій казакъ, жившій во время Петра Великаго. Первый собиратель старинныхъ русскихъ былинъ и другихъ памятниковъ древней народной поэзіи.

Стр. 16. Графъ Шамборъ (1820—1883 г.), герцогъ бордосскій, послѣдній въ родѣ представитель старшей линіи Бурбоновъ, не оставившій потомства. Французскіе легитимисты называли его «Королемъ Генрихомъ V».

Стр. 17. Левассеры: 1) французскій политическій дѣятель XVIII вѣка, членъ Конвента (1792—95); 2) французскій актеръ первой половины XIX вѣка.

Стр. 19. «Другъ народа», «Отецъ Дюшенъ» и «Старый Корделье» — газеты, издававшіяся во время первой французской революціи: первая — Маратомъ, вторая — Геберомъ и третья — Камиллемъ Демуленомъ.

— Mabile и Ranelagh — увеселительные сады, существовавшіе въ Парижѣ въ 1840—50 г.г. и соотвѣтствовавшіе нынѣшнимъ кафе-шантанамъ.

Стр. 20. Константина — городъ въ Алжирѣ, взятый французами штурмомъ въ 1837 г.

Стр. 21. Скрибъ Эжень (1791—1861), плодовитый французскій драматургъ, написавшій до 300 пьесъ, создатель буржуазной комедіи, не преслѣдующей высокихъ цѣлей.

Стр. 24. Дежазе, Полина-Виржини, извѣстная французская актриса (1797—1875).

Стр. 25. Курье, Поль-Луи (1772—1825), французскій публицистъ, прославившійся во время реставраціи своими политическими памфлетами.

— Лордъ Норменби былъ въ то время англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

Стр. 25. Сультъ Николай (1769—1851); французскій маршалъ, участвовавшій въ наполеоновскихъ войнахъ, а при Людовикѣ-Филиппѣ дважды бывшій министромъ-президентомъ.

— Подъ Жанъ-Жакомъ здѣсь подразумѣвается Жанъ-Жакъ Руссо.

Стр. 26. Пинети — извѣстный въ свое время фокусникъ.

Стр. 29. Maison d'or — одинъ изъ знаменитыхъ парижскихъ ресторановъ.

Стр. 34. Подъ «Телеграфомъ» здѣсь подразумѣвается издававшійся въ Москвѣ, въ 1825—34 г.г., журналъ «Московскій Телеграфъ», имѣвшій въ свое время большое вліяніе.

Стр. 35. Гувальдъ, Кристофъ-Эрнстъ (1778—1845), нѣмецкій драматургъ и поэтъ.

— Мюльнеръ Амедей-Готфридъ (1774—1829), нѣмецкій драматургъ и театральный критикъ.

— «Британикъ» — одна изъ драмъ Расина.

Стр. 37. Веронъ, Пьеръ, французскій журналистъ 1840—50 г.г., извѣстный продажностью, поклонникъ Наполеона III, служившій ему за деньги своимъ перомъ.

Стр. 38. Гаварни былъ псевдонимъ извѣстнаго французскаго карикатуриста Сюльписа-Гильома Шевалье (1801—66).

— Мари Буффе (1800—80), французскій актеръ, имѣвшій въ свое время успѣхъ.

— Верне, французскій актеръ половины XIX вѣка.

— Этьенъ Арналь (1794—1872), извѣстный въ свое время французскій актеръ-комикъ.

Стр. 39. Подъ «рыцаремъ *прессы*» подразумѣвается Эмиль Жирарденъ, издававшій газету «Presse».

Стр. 45. Морусъ (Моръ) Томасъ, англійскій гуманистъ и государственный дѣятель (1478—1535). Онъ написалъ «Утопію», а не «Атлантиду», какъ ошибочно говоритъ Герценъ.

— Въ улицѣ Менильмонтанъ жили вожди сенъ-симонистовъ (въ началѣ 1830 г.г.).

— «Горой» называлась крайняя политическая партія (террористы) во французскомъ конвентѣ 1792—94 г.г., а Жирондой (жирондистами) — умѣренная республиканская партія въ томъ-же конвентѣ.

Стр. 47. Росси — французскій буржуазный экономистъ первой половины XIX вѣка.

Стр. 49. Quai d'Orsay — набережная Орсэ на р. Сенѣ, въ Парижѣ. Тамъ помѣщается министерство иностранныхъ дѣлъ

Стр. 51. Croix Rousse — рабочее предмѣстье Ліона, гдѣ разыгралось возстаніе 1832 года.

Стр. 52. Жоржъ Кутонъ (1756—1794), одинъ изъ крайнихъ революціонеровъ, товарищъ Робеспьера и Сенъ-Жюста. Былъ гильотинированъ вмѣстѣ съ ними.

Стр. 53. Карье, Жанъ-Баптистъ, (1756—1794), крайній французскій революціонеръ, членъ конвента, гильотинированный послѣ паденія Робеспьера.

Стр. 54 — 55. Сержанъ, французскій революціонеръ-террористъ 1790-хъ годовъ (ум. 1847).

Стр. 56. Карбонары члены тайныхъ революціонныхъ, обществъ въ Италіи въ первой половинѣ XIX в., стремившіеся освободить свою родину отъ австрійцевъ. Кромѣ Карла-Альберта, къ карбонарамъ принадлежалъ въ своей молодости и Наполеонъ III.

Стр. 60. Лоренцо Бернини (1598—1680), знаменитый итальянскій архитекторъ и скульпторъ, создавшій много замѣчательныхъ произведеній въ Римѣ.

— Карлъ Мадерни (1556 — 1629), итальянскій архитекторъ, доканчивавшій постройку храма св. Петра въ Римѣ, начатую Браманте.

Стр. 64. Карло Дольчи, знаменитый итальянскій живописецъ (1616—1686).

— Жанъ-Батистъ Грезъ (1726—1805), знаменитый французскій живописецъ-жанристъ. Особенно славятся его женскія головки.

Стр. 68. Ламбрускини, Луиджи, (1776—1854), кардиналъ и статсъ-секретарь папы Григорія XVI. Его крайній абсолютизмъ и ненависть ко всякимъ нововведеніямъ возбудили къ нему крайнюю вражду въ римскомъ народѣ и потому, со смертью Григорія XVI и съ выборомъ папою Пія IX въ 1846 г., его политическая роль была окончена.

Стр. 72. Буквы S. P. Q. R. начальныя буквы девиза древней римской республики: Senatus Populus Que Romanus (сенатъ и народъ римскій).

Стр. 73. Гогенштауфены — династія германскихъ императоровъ (1138—1268), дѣлавшихъ походы въ Италію.

Стр. 77. La terreur blanche» («бѣлымъ терроромъ») было прозвано господство сильной реакціи, наступившей во Франціи послѣ возвращенія Бурбоновъ въ 1815 г. Время реставраціи (1815—30) описано французскимъ исто-

рикомъ Волабелемъ въ его замѣчательномъ сочиненіи «Исторія реставраціи».

Стр. 77. Шпильбергъ, Сантъ-Эльмо и Сантъ-Анджело—крѣпости, куда сажали политическихъ преступниковъ: первая въ Австріи, вторая въ Неаполѣ и третья въ Римѣ.

Стр. 78. Сентъ-Олеръ, графъ Луи-Клеръ (1778—1854), французскій дипломатъ, бывшій посланникомъ Франціи въ Римѣ въ 1830 годахъ.

Стр. 80. Факино—артельщикъ, посыльщикъ, посыльный и уличный проводникъ.

Стр. 81. Роберъ (Robert), Леопольдъ (1794—1835), французскій живописецъ-жанристъ, прославившійся своими картинами изъ народной итальянской жизни и положившій начало натурализму въ живописи.

Стр. 82. Пулчинелли — тоже, что у французовъ полишинели — комическія лица кукольныхъ комедій.

Стр. 85. Скудо — прежняя итальянская монета, равнявшаяся по цѣнности 5 франкамъ.

Стр. 90. Подъ Робертомъ разумѣется опера Мейербера «Робертъ Дьяволъ», гдѣ фигурируетъ подземный хоръ.

Стр. 93. Гонфалоньеромъ назывался въ Италіи въ средніе вѣка начальникъ военныхъ силъ.

Стр. 95. Патеръ Александръ Гавацци (1809—1889) славился какъ талантливый проповѣдникъ, былъ врагомъ папской власти и сподвижникомъ Гарибальди. Объ его дѣятельности см. статью Добролюбова («Сочиненіе», т. IV): «Патеръ Александръ Гавацци и его проповѣди».

Стр. 97. Баіоко — мелкая мѣдная монета въ Италіи.

Стр. 100. Графъ Шарль Дюшатель (1803—1867) былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ при Луи-Филиппѣ съ 1840 до 1848 г. Его запрещеніе банкетовъ было непосредственнымъ поводомъ къ февральской революціи 1848 г.

Стр. 106. Жанлисъ, Стефанія (1746—1831), французская писательница, издавшая много нравственныхъ и сентиментальныхъ романовъ, въ свое время имѣвшихъ успѣхъ.

Стр. 112. Дюпенъ, Андрэ-Мари-Жанъ-Жакъ (1783—1865), французскій политическій дѣятель и юристъ. 24 февраля 1848 г. онъ, въ качествѣ президента палаты депутатовъ, настаивалъ на томъ, чтобы палата провозгласила регентство герцогини Орлеанской, но ворвавшійся народъ разогналъ депутатовъ.

Стр. 211. Мари Пьеръ-Тома (1797-1870), политическій дѣятель, съ 1842 г. депутатъ, въ 1848 г. былъ членомъ временнаго правительства французской республики и затѣмъ министромъ юстиціи.

— Депутатъ Созе 24 февраля 1848 г., за отсутствіемъ Дюпена, занималъ должность президента палаты депутатовъ.

Стр. 119. Дѣло «Ожерелья королевы» надѣлало большой шумъ въ XVIII ст. Ожерелье было будто-бы куплено по порученію королевы Маріи-Антуанетты кардиналомъ Луи Роганомъ, но когда ювелиры потребовали уплаты, королева заявила, что она не поручала покупки. Скандальный процессъ объ ожерельѣ подорвалъ въ народѣ уваженіе къ королевѣ, а Роганъ былъ лишенъ придворныхъ должностей и званія епископа.

— 18-го брюмера (9 ноября 1799 г.) Наполеонъ Бонапартъ произвелъ государственный переворотъ, свергнувъ директорію и захвативъ, въ качествѣ перваго консула, верховную власть во Франціи.

Стр. 124. Жозефъ Камбонъ (1754—1820), политическій дѣятель, мастерски управлявшій финансами во время первой французской революціи.

Стр. 131. Герцогъ Энгіенскій (род. 1772), принцъ изъ королевскаго дома Бурбоновъ, эмигрировалъ изъ Франціи, но, находясь въ Баденскомъ герцогствѣ, былъ по приказанію Наполеона I захваченъ, судимъ военнымъ судомъ и разстрѣлянъ въ Венсеннѣ въ 1804 г.

Стр. 138. Антуанъ-Жозефъ Сантеръ (1752—1809), французскій революціонеръ. Былъ пивоваромъ, затѣмъ генераломъ и главнокомандующимъ парижской національной гвардіей.

Стр. 139. Паскаль Дюпра (1815—1885) писатель и политическій дѣятель. Въ національномъ собраніи 1848 г. принадлежалъ къ партіи умѣренныхъ республиканцевъ.

Стр. 143. Нука-Ива или островъ Мадисона—наибольшій изъ принадлежащихъ Франціи Маркизскихъ острововъ. Въ 1848—49 г. туда ссылались изъ Франціи политическіе преступники.

Стр. 146. Варскій (на рѣкѣ Варъ) мостъ отдѣлялъ тогда Францію отъ Піемонта или Сардинскаго королевства, которому до 1860 года принадлежала и Ницца, перешедшая въ этомъ году во владѣніе Франціи.

Стр. 150. Ромье—французскій публицистъ, издавшій въ 1851 г. надѣлавшую большого шума брошюру «Красный призракъ», гдѣ онъ предсказывалъ

грядущую гибель цивилизаціи и Европы, если восторжествуетъ революція во Франціи. Спасеніе Франціи онъ видѣлъ въ неограниченномъ цезаризмѣ, что вскорѣ и осуществилъ Наполеонъ III.

Стр. 151. Князь Жюль Полиньякъ (1780—1847) былъ министромъ и главой кабинета при Карлѣ X. Подписавъ извѣстные ордонансы, уничтожавшіе свободу печати и распускавшіе палату депутатовъ, онъ вызвалъ іюльскую революцію 1830 г. Приговоренный къ пожизненному заключенію въ фортѣ Гамъ, онъ просидѣлъ тамъ однако только 6 лѣтъ и въ 1836 г. былъ освобожденъ.

Стр. 154. Гафисъ—знаменитый персидскій лирическій поэтъ XIV в. (ум. 1389). Главное его произведеніе называется «Диванъ».

Стр. 157. Гюберъ — крайній французскій революціонеръ, 15 мая 1848 г. вторгнувшійся съ толпой народа въ національное собраніе съ цѣлью низвергнуть временное правительство республики и передать власть рабочимъ. Попытка его окончилась неудачей.

Стр. 159. Кайенна (Каена), главный городъ французской колоніи Гвіаны, въ Южной Америкѣ, до 1854 г. служилъ мѣстомъ ссылки, равно какъ и Нука-Ива.

Стр. 162. Бу-Маза (род. 1820), одинъ изъ непримиримыхъ и фанатическихъ вождей алжирскихъ арабовъ, воевавшій съ французами въ 40-хъ годахъ. Взятый въ плѣнъ французами былъ заключенъ въ крѣпость. Въ Алжирѣ арабы считали его чудотворцемъ и создали о немъ цѣлыя легенды.

Стр. 167. Юліусъ Фребель (1805—93) нѣмецкій писатель, принимавшій дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи 1848—49 г.г. въ Германіи и затѣмъ эмигрировавшій въ Америку.

— Якоби—нѣмецкій демократъ 40—70-хъ годовъ.

— Яковъ Фальмерайеръ — нѣмецкій историкъ по Востоку (1790—1861).

Стр. 184. Джовани-Батисто Вико (1668—1744), замѣчательный итальянскій ученый, неаполитанскій профессоръ, главное сочиненіе котораго «Новая наука» («Principi di una scienza nuova», 1725), въ которомъ онъ явился творцомъ философіи исторіи и далъ ея первый опытъ. Въ немъ Вико доказываетъ, что народы и страны, въ ихъ исторіи, совершаютъ вѣчный круговоротъ періодовъ реакціи и прогресса, смѣняющихъ другъ друга («corsi» и «ricorsi»).

Стр. 188. Іоганъ-Францъ Энке (1791—1865), директоръ берлинской обсерваторіи, между прочимъ, изслѣдовавшій открытую въ 1819 г. Понсомъ комету, получившую поэтому названіе «кометы Энке». Одно время (въ 30-хъ годахъ) нѣкоторые полагали, что земля можетъ столкнуться съ этой кометой.

Стр. 205. Помѣтка подъ статьей: 1 октяб. 1848. — Слѣдуетъ, вѣроятно, 1 ноябр., такъ какъ эпиграфомъ этой главы взята фраза изъ рѣчи Ледрю-Роллена, произнесенной 22 окт.

Стр. 213. Герцогиня Марія Тереза Ламбаль (род. 1749 г.), подруга королевы Маріи-Антуанетты по тюремному заключенію, была растерзана толпой въ 1792 г.

Стр. 246. Подъ «единственнымъ поэтомъ XIX столѣтія» здѣсь подразумѣвается лордъ Байронъ.

Стр. 260. Бенжаменъ Констанъ написалъ романъ, называвшійся не «Альфредъ», какъ ошибочно указано у Герцена, а «Адольфъ».

Стр. 276. Parc-aux-cerfs—нѣчто въ родѣ гарема, существовавшаго у Людовика XV. Здѣсь жили его фаворитки.

Стр. 290. Никол. Ив. Тургеневъ (1789—1871), замѣчательный общественный дѣятель и финансистъ. Будучи противникомъ крѣпостного права и состоя статсъ-секретаремъ государствен. совѣта при Александрѣ I, онъ приготовилъ нѣсколько проектовъ освобожденія крестьянъ. За принадлежность къ заговору декабристовъ былъ приговоренъ къ смертной казни заочно, такъ какъ находился въ Англіи, которая его не выдала. Его капитальный трудъ, на который здѣсь ссылается Герценъ,—«La Russie et les russes» (3 тома, 1847).

— Князь Викторъ Павловичъ Кочубей (1768—1834), другъ Александра I, который назначилъ его въ 1802 г. первымъ изъ русскихъ министровъ внутреннихъ дѣлъ. При Николаѣ I Кочубей съ 1827 г. былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта (но не при Александрѣ I, какъ ошибочно сказано у Герцена) и комитета министровъ и получилъ княжескій титулъ (1831). Либералъ въ молодости, Кочубей во вторую половину царствованія Александра I и при Николаѣ I сталъ консерваторомъ.

Стр. 299—300. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (1739—1812), былъ фаворитомъ Екатерины II, а при Александрѣ I первымъ министромъ народнаго просвѣщенія.

— Сем. Гавр. Зоричъ (1743—1799),

родомъ сербскій крестьянинъ, былъ однимъ изъ фаворитовъ Екатерины II.

Стр. 304. Революціонной формой слова «Богъ и Народъ» Герценъ здѣсь называетъ девизъ Маццини «Dio e popolo».

Стр. 306. Панноніей римляне называли свою провинцію, занимавшую Венгрію и южныя части нынѣшней Австріи.

Стр. 312. «La fusion» — сліяніе, союзъ, который проповѣдывала въ тѣ времена упоминаемая Герценомъ реакціонная газета «L' Assemblée Nationale» между легитимистами въ лицѣ ихъ «короля Генриха V» (графа Шамбора) и орлеанистами, представителями которыхъ являлся Немуръ (герцогъ Немурскій), одинъ изъ сыновей Луи-Филиппа.

— Фрошдорфъ — замокъ близъ Вѣны, гдѣ постоянно проживалъ графъ Шамборъ.

— Антиной былъ красивымъ юношей, любимцемъ римскаго императора Адріана, воздвигнувшаго въ память его городъ, храмъ и множество статуй, когда Антиной утопился въ Нилѣ (въ 131 г.).

Стр. 330. Это письмо обращено къ И. С. Тургеневу (см. книгу В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». Спб. 1904, т. I, стр. 59—61 и 63). Письмо было напечатано въ «Колоколѣ» 1857 г. и въ немъ Герценъ суммировалъ результаты своихъ прежнихъ споровъ съ Тургеневымъ о будущности Россіи,—спорахъ, въ которыхъ Тургеневъ являлся прямолинейнымъ западникомъ въ либеральномъ смыслѣ, а Герценъ — представителемъ соціализма.

Стр. 341. Въ статьѣ «Лишніе люди и желчевики», въ концѣ ея (стр. 346—348) изложенъ споръ Герцена съ Н. Г. Чернышевскимъ, съ которымъ онъ видѣлся передъ тѣмъ и котораго здѣсь называетъ «Даніиломъ» (см. книгу В. П. Батуринскаго: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые». Спб. 1904, т. I, стр. 103—108).

Стр. 343. Декабристъ Ив. Ив. Пущинъ (1798—1859) былъ близкимъ другомъ Пушкина со времени Царскосельскаго лицея, гдѣ они оба воспитывались. За заговоръ 14 декабря 1825 г. Пущинъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и провелъ 30 лѣтъ. Возвратясь изъ ссылки въ Москву въ 1856 г., онъ писалъ въ журналахъ («Записки о Пушкинѣ» въ «Атенеѣ» и др. статьи).

— Декабристъ Мих. Серг. Лунинъ служилъ въ военной службѣ, при великомъ кн. Константинѣ Павловичѣ, который послѣ 14 декабря 1825 г. долго не выдавалъ его и не отпускалъ, но Лунинъ самъ явился на судъ, гдѣ велъ себя вызывающе и рѣзко. Осужденный на каторгу, онъ впослѣдствіи переведенъ былъ на поселеніе въ Читу и Петровскій заводъ, но за свои рѣзкія статьи, напечатанныя въ Англіи, былъ заключенъ въ акатуйскую тюрьму, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Стр. 347. Церкаріи — стадія развитія глистовъ,—двуротыхъ сосальщиковъ; они развиваются въ тѣлѣ не тѣхъ животныхъ, въ какихъ живутъ взрослые глисты, а другихъ.

Стр. 349. Печатая въ половинѣ 1863 г. «Словцо», Герценъ замѣчалъ: «Ведринъ тряхнулъ стариной, и послѣ двадцатилѣтняго молчанія хватилъ и свой адресъ, я, дескать, тоже Валуевъ»—намекъ на «Путевые записки Ведрина» (напечат. въ IV т.). Здѣсь «Словцо» перепечатывается изъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» за 1901 г., № 9, стр. 181 и сл. Фамилія *Ведрина* — пародія на *Погодина*.

— Подъ «Михаиломъ Николаевичемъ» разумѣется графъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій (1796—1866), назначенный въ 1863 г. генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края и проявившій при усмиреніи его крайнюю жестокость (по его конфирмаціи было повѣшено 250 человѣкъ и нѣсколько тысячъ сослано на поселеніе).

Стр. 351. «Концы и начала» представляютъ собою письма, обращенныя къ И. С. Тургеневу. Послѣдній даже собирался отвѣчать на нихъ Герцену въ «Колоколѣ» и уже написалъ начало отвѣта, но обстоятельства не позволили ему исполнить свое намѣреніе, какъ видно изъ писемъ Тургенева къ Герцену, приведенныхъ у В. П. Батуринскаго (А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, т. I, Спб. 1904, стр. 182 и 188).

Стр. 355. — Прюдомъ — карикатурный типъ буржуа, созданный французскимъ писателемъ Анри Монье (1802—1877).

Стр. 356. «Пончъ» (у Герцена «Пуншъ») — лучшій англійскій карикатурный и сатирическій журналъ. «Шариварп» — французскій карикатурный журналъ.

Стр. 358. Дерби — въ Англіи скачки безъ препятствій на извѣстныхъ условіяхъ. Они устроены лордомъ Дерби въ Лондонѣ въ 1780 г. и съ того времени существуютъ донынѣ, ставши первыми скачками въ Англіи.

Стр. 358. Графъ Джузеппе Маріо (1808—1883) знаменитый въ свое время итальянскій пѣвецъ-теноръ.

Стр. 360. Эдвинъ Ландсиръ (1802—1873). англійскій живописецъ, пріобрѣвшій особенную извѣстность изображеніями собакъ и юмористическими сценами изъ собачьей жизни. Былъ также и скульпторомъ.

— Роза Бонеръ (1822—1899), французская художница, прославившаяся исключительно картинами изъ жизни животныхъ.

Стр. 361. Св. Маркъ считается патрономъ Венеціи и изображается вмѣстѣ со львомъ. «Черно-желтая тряпка»—австрійское знамя черно-желтаго (національнаго) цвѣта. Въ то время, когда Герценъ писалъ «Концы и начала» (1862 г.) Венеція принадлежала еще Австріи, отъ которой перешла къ Италіи въ 1866 г.

Стр. 363. Кардиналъ Джакомо Антонелли (1806—1876), сынъ простого пастуха, возвысившійся до высокаго церковнаго поста, много лѣтъ былъ у папы Пія IX министромъ иностранныхъ дѣлъ.

— «Тедесками» итальянцы называли вообще всѣхъ нѣмцевъ, въ частности же австрійцевъ.

Стр. 369. Вильямъ Питтъ младшій (1759 — 1806), англійскій первый министръ, бывшій съ начала французской революціи и до своей смерти постояннымъ врагомъ Франціи и душою всѣхъ направленныхъ противъ нея коалицій.

— Саксонскій принцъ Фридрихъ-Іосія Кобургъ (1737—1815) былъ австрійскимъ фельдмаршаломъ, командовавшимъ въ 1793 г. войсками, дѣйствовавшими противъ французовъ на Рейнѣ.

Стр. 370—371. Жанъ Вальжанъ, Жаверъ, Козетта и Маріусъ — дѣйствующія лица романа Виктора Гюго «Les miserables», который только-что вышелъ въ то время, когда Герценъ писалъ эту статью.

Стр. 373. Фергюсъ О'Конноръ (1796—1855). ирландскій агитаторъ, одинъ изъ вожаковъ партіи чартистовъ, призывавшихъ англійскихъ рабочихъ къ возстанію, которое, однако, не удалось. Впослѣдствіи основалъ коммунистическое общество, которое также постигла неудача.

Стр. 375. Генрихъ-Августъ Рейхардъ (1751 — 1828) извѣстенъ своими путеводителями, изъ которыхъ «Путеводитель по Германіи» въ 1861 г. достигъ 20-го изданія. Издавалъ также «Театральные календари» и «Театральный журналъ». Его автобіографія опубликована въ 1877 г.

Стр. 380. Въ выноскѣ Герценъ говоритъ о своихъ юношескихъ драматическихъ опытахъ «Лициній» и «Вильямъ Пеннъ», помѣщенныхъ въ I томѣ настоящаго изданія (стр. 98 — 104 и 476—484).

Стр. 394. «Пью-пью» (piou-piou — молодые солдаты, новобранцы.

— Рейфльмены—англійскіе стрѣлки.

— Герцогъ Джорджъ-Вильямъ Кембриджскій (род. въ 1819 г.), внукъ англійскаго короля Георга III, фельдмаршалъ. Въ крымскую войну командовалъ дивизіей и участвовалъ въ сраженіяхъ при Альмѣ и Инкерманѣ, въ 1856 г. назначенъ командующимъ англійскими войсками. Съ 1887 по 1899 г. носилъ титулъ главнокомандующаго.

Стр. 394—399. Здѣсь Герценъ снова выводитъ двухъ дѣйствующихъ лицъ своего разсказа «Поврежденный», написаннаго имъ за 11 лѣтъ до настоящей статьи (въ 1851 г.) и напечатаннаго въ I томѣ настоящаго изданія (стр. 388—406).

Стр. 405. Въ посвященіи статьи буквы Н. А. обозначаютъ извѣстнаго дѣятеля по крестьянскому вопросу Ник. Ал. Милютина (см. книгу В. П. Батуринскаго: «А И. Герценъ», Спб. 1904).

Стр. 407. Подъ буквами: З., П., Б., оба С. и М., повидимому, слѣдуетъ подразумѣвать Зубова, Палена, Безбородко, обоихъ Строгоновыхъ и Мамонова.

Стр. 425. Генералъ Петръ Дм. Еропкинъ извѣстенъ своими энергичными мѣрами во время московской чумы 1771 г., за что получилъ отъ Екатерины II Андреевскую ленту и 4.000 душъ крестьянъ, но отъ послѣднихъ отказался.

Стр. 439. «Письма» къ старому товарищу, напечатанныя впервые въ «Сборникѣ посмертныхъ статей Герцена» (1870 г.), были имъ написаны къ М. А. Бакунину.

Стр. 450. Антонъ Петровъ стоялъ во главѣ взбунтовавшихся въ 1861 г. крестьянъ села Бездны и былъ разстрѣлянъ генераломъ Дренякинымъ.